Памяти А. А. Мальцевой
посвящается

Алла Александровна Мальцева
(1968–2018 гг.)

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ФИЛОЛОГИИ

СЛОЖНОСТЬ ЯЗЫКОВ СИБИРСКОГО АРЕАЛА В ДИАХРОННО-ТИПОЛОГИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

Ответственный редактор
канд. филол. наук *А. А. Мальцева*

Новосибирск
Академическое издательство «Гео»
2018

УДК 811.51 + 811.551 + 81-112 + 81-115
ББК 81.04 + 81.62 + 81.753
С48

А в т о р ы:
*А. В. Байыр-оол, Н. Б. Кошкарева, А. А. Мальцева, И. А. Невская,
А. А. Озонова, Е. С. Панина, И. Я. Селютина, Н. С. Уртегешев, Н. Н. Федина,
О. Ю. Шагдурова, Л. А. Шамина, Н. Н. Широбокова*

Сложность языков сибирского ареала в диахронно-типологической перспективе / Отв. ред. А. А. Мальцева ; Рос. акад. наук, Сиб. отд-ние, Ин-т филологии. – Новосибирск : Академическое изд-во «Гео», 2018. – 422 с.
ISBN 978-5-6041445-5-8 (в пер.)

Рассматриваются параметры объективной сложности на примере отдельных алтайских, уральских и чукотско-корякских языков. Оценивается сложность фонетического, морфологического, лексического и синтаксического ярусов. Установлено, что между сложностью некоторых подсистем языка может наблюдаться отрицательная корреляция, а в разных частях языковой системы – компенсаторность. Процессы упрощения на одном ярусе языка могут сопровождаться соответствующим усложнением другого.

Для специалистов в области типологических, сравнительно-сопоставительных и исторических исследований языков коренных народов Сибири.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, грант 15-04-00296 «Сложность языков сибирского ареала в диахронно-типологической перспективе» (2015–2017 гг.).

Р е ц е н з е н т ы:
д-р филол. наук *Б. В. Болдырев,*
д-р филол. наук *М. К. Тимофеева*

Издание осуществлено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований по проекту № 18-112-00271, не подлежит продаже

© Коллектив авторов, 2018
© Институт филологии СО РАН, 2018
© Оформление. Академическое изд-во «Гео», 2018

ISBN 978-5-6041445-5-8

ВВЕДЕНИЕ

Определение языковой сложности трактуется разными исследователями неоднозначно. В определении Дж. Мак-Уортера уровень сложности одной грамматики сопоставляется с уровнем сложности другой по количественному параметру – набору поверхностно выражаемых различий и(или) правил [McWhorter 2001]. Э. Даль предлагает различать системную, структурную и поверхностную сложность [Dahl 2004: 38–39; Даль 2009]. По М. Миестамо, абсолютная сложность во многом сводится к количеству элементов, из которых состоит система [Miestamo 2008].

Проблема языковой сложности обсуждается в трудах лингвистов начиная с 70-х гг. прошлого столетия [Bernstein 1971; Nichols 1992; Perkins 1992]. После выхода основополагающей работы Дж. Мак-Уортера [McWhorter 2001] начался новый виток в обсуждении проблем объективной и субъективной сложности языков [Kusters 2003; Dahl 2004; Shosted 2006; Wray, Grace 2007; Lupyan, Dale 2009; Trudgill 2011; Language Complexity… 2008, 2009]. Подробный экспертный анализ зарубежной литературы по затронутой проблематике приведен в статье А. Бердичевского «Языковая сложность (Language Complexity)» [2012].

Исследования, выполненные в рамках данной проблематики, первоначально ставили своей целью развенчание гипотезы о равной сложности всех языков мира. Дж. Мак-Уортер, сравнивая креольские языки, обладающие минимальной степенью сложности, с остальными языками, связывал нарастание языковой сложности с возрастом языка: чем моложе язык, тем он проще, чем старше, тем, соответственно, сложнее. Было доказано, что языки различны по степени сложности, как в целом, так и в отдельных подсистемах, их можно не только ранжировать по степени сложности, но и пытаться измерить ее количественно – для языка в целом или для его фрагмента [Бердичевский 2012: 101]. Для этого используются разные подходы, в частности, одно из понятий теории информации – понятие колмогоровской сложности. В общем его смысл заключается в следующем: «чем сложнее объект, тем длиннее его описание. Иначе говоря, в качестве меры сложности можно рассматривать длину кратчайшего возможного описания данного объекта. Для языкового объекта – длину кратчайшего алгоритма, который порождал бы данный объект» [Там же: 103]. Таким образом, чем короче описание, тем проще объект. Однако исследователь не всегда может быть уверен в том, что нашел действительно минимально возможное значение колмогоровской сложности.

Иной подход, выдвинутый М. Гелл-Манном, заключается в измерении так называемой эффективной сложности, исчисляемой минимальной длиной описания закономерностей, функционирующих в системе языка [Gell-Mann 1994].

М. Миестамо предлагает использовать импликативные иерархии для объективного измерения относительной сложности: явления, частотные в языках мира, не представляют сложности.

Дж. Мак-Уортер выдвигает следующие критерии для оценки языковой сложности: 1) сверхдифференциация: обязательное поверхностное маркирование семантических различий; 2) структурная детализация: количество правил (например, в синтаксисе) и элементов (например, фонем), необходимых для порождения поверхностных форм; 3) нерегулярность [McWhorter 2007].

Дж. Николз исходит из того, что грамматическая сложность сводится к количеству элементов в системе, количеству их степеней свободы и объему информации, который нужен для их описания. В соответствии с таким подходом она предлагает для измерения сложности список формально-количественных параметров, характеризующих как системную (парадигматическую), так и структурную (синтагматическую) сложность [Nichols 2009].

В основополагающем монографическом исследовании Э. Даля «Возникновение и сохранение языковой сложности» (2004, рус. пер. 2009) предложено несколько классификаций типов языковой сложности.

Во-первых, Э. Даль противопоставил абсолютную (объективную) и относительную (субъективную) сложность языковых систем. Первый тип сложности языка существует независимо от того, изучается данный язык кем-либо или нет, такая сложность может быть объективно измерена. Второй тип сложности связан с субъективной оценкой степени сложности языковой системы при ее освоении (например, при изучении какого-либо языка как иностранного). С нашей точки зрения, более удачной является пара терминов «объективная» / «субъективная» сложность, поскольку языковая сложность всегда относительна, как в статике, так и в динамике, как объективно, так и для постигающего ее субъекта. Относительность языковой сложности, с одной стороны, проявляется в том, что нет языков, сложных в одинаковой степени. С другой стороны, даже в рамках одного языка уровень сложности постоянно меняется под влиянием внутренних и внешних факторов. Под влиянием внутренних факторов в случае изолированного развития языка происходит, как правило, диалектический процесс «созревания» (термин Э. Даля) грамматических паттернов, приводящий к увеличению, с одной стороны, эффективности (поверхностной лаконичности) за счет фонетического сокращения единиц вследствие редукции, но, с другой стороны, и к одновременному нарастанию нелинейной сложности вроде фузионных явлений и непрозрачности структуры словоформы. По наблюдениям Э. Даля, языковая сложность нарастает, когда утрачивается «естественная», линейная маркировка значений, предполагающая иконичность, единообразие и прозрачность. В результате языковых контактов, как показано в работах П. Традгилла [Trudgill 2011], чаще всего происходит адаптационное сокращение грамматических систем, что оценивается как упрощение и распространение легкозаимствуемых перифрастических (аналитических) конструкций, которые обладают линейной сложностью вследствие своей многословности, но понятийно более просты, хотя более эффектны, более маркированы в коммуникативном плане.

Во-вторых, Э. Даль различает системную, структурную и поверхностную сложность. Системная (парадигматическая) сложность проявляется, напри-

мер, в формально-количественных параметрах: количество элементов в каждой подсистеме (фонем, тонов, родов, падежей, способов построить придаточное предложение и т. п.), количество парадигматических вариантов (степеней свободы) для каждого элемента: аллофоны, алломорфы, словоизменительные классы [Nickols 2009] и т. п. Структурная (синтагматическая) сложность связана с такими параметрами, как количество комбинаций элементов на разных уровнях, ограничения на употребление элементов и их сочетаний. Поверхностная сложность – это произносительная длина языковых единиц при их употреблении в речи.

В данной монографии делается попытка оценить объективную сложность языков Сибири как на современном синхронном срезе, так и в диахронии разной глубины. Для большинства языков исследование проводится в неглубокой диахронии, насколько позволяют наиболее ранние источники, как правило, это конец XIX – начало XX вв. Для тюркских языков наиболее ранние источники относятся к V–VIII вв. н. э., поэтому они позволяют проводить исторические исследования большей глубины.

Результаты проведенного анализа показали, что, во-первых, между сложностью некоторых подсистем языка может наблюдаться отрицательная корреляция, во-вторых, подсистемы языка взаимосвязаны, эволюционируют параллельно и оказывают влияние друг на друга, что приводит к компенсаторности степени сложности разных уровней: упрощение на одном ярусе языка вызывает усложнение на другом.

Выявление причин относительной сложности языковых систем сибирского ареала базируется на постулате о корреляции сложности языка с социальными факторами его функционирования – с величиной языкового сообщества, компактностью его проживания, активностью связей между индивидами, интенсивностью контактов с носителями других языков, степенью родства контактирующих языков и пр.

Языковая сложность анализируется на материале языков, генетически и типологически различных, имеющих несовпадающие социолингвистические характеристики. К изучению привлекается материал всех языковых ярусов, что позволяет определить наличие компенсаторности уровней сложности в разных частях языковой системы.

Проблема языковой сложности актуальна для современной лингвистики как в общетеоретическом, так и в прикладном аспектах. В наиболее общем плане решение проблемы языковой сложности и выявление причин ее увеличения или уменьшения, как в процессе независимого, изолированного существования языка, так и в условиях языковых контактов, связано с более глобальной цивилизационной проблемой – выявлением связей между генетической и культурной эволюцией, поскольку язык дает нам уникальную возможность исследовать взаимодействие между генетическим и негенетическим наследованием. Ответы на вопросы о степени языковой сложности различных языков и ее сохранении или изменении продвигают лингвистику в сто-

рону разработки теории диахронической типологии и более ясного видения тенденций развития языков в современном мире.

Представляя собой новую интерпретацию результатов конкретных исследований по истории и типологии языков, проблематика языковой сложности перерастает в настоящее время в перспективное направление лингвистических исследований с многомерными подходами и критериями оценки сложности языковых систем и подсистем.

Глава I

ФОНЕТИЧЕСКАЯ СЛОЖНОСТЬ ЯЗЫКОВ НАРОДОВ СИБИРИ

Сложность фонетического строя языков народов Сибири описывается в нескольких аспектах: сопоставляется объективная сложность фонологических систем в тюркских языках Южной Сибири; для сургутского диалекта хантыйского языка, входящего в финно-угорскую языковую семью, сложность определяется на фоническом уровне; оцениваются результаты фонетических процессов, протекающих в синтетических и аналитических конструкциях и приводящих к перестройке морфологического членения словоформ; устанавливаются причины усложнения фонетических систем в результате межэтнических контактов.

Изучение объективной сложности звуковых систем проводится на современном синхронном срезе и базируется на результатах инструментальных исследований языков народов Сибири и сопредельных регионов, выполняющихся в Лаборатории экспериментально-фонетических исследований Института филологии СО РАН с конца 60-х гг. XX в. в русле единой теоретической концепции и общих методологических подходов, разработанных В. М. Наделяевым.

1. Характеристика фонологических систем южносибирских тюркских языков по параметрам объективной сложности

Важным для оценки фонологической сложности того или иного языка является один из критериев, предложенный Дж. Мак-Уортером: фонемный инвентарь тем сложнее, чем больше в нем маркированных в типологическом отношении фонем, т. е. редко встречающихся в языках мира [McWhorter 2001]. Их наличие предполагает существование немаркированных членов оппозиций, а значит, более сложную систему фонологических различий.

При проведении исследования использовались прежде всего критерии оценки языковой сложности, предложенные Дж. Мак-Уортером [McWhorter 2001; 2007], а также представленный Дж. Николз список формально-количественных параметров, характеризующих как системную (парадигматическую), так и структурную (синтагматическую) сложность [Nichols 2009].

Мы опираемся также на положение М. Миестамо о том, что явления, часто встречающиеся в языках мира, можно считать легкими для всех: говорящих, слушающих, носителей разных языков [Miestamo 2008]. Логично предположить, что языковые единицы и закономерности, являющиеся уникальными, усложняют систему. Другим базовым для нас постулатом является заключение Дж. Мак-Уортера о существовании положительной корреляции между степенью сложности фонемного инвентаря и количеством в нем маркированных фонем [McWhorter 2001].

При сопоставлении звуковых систем с целью выявления импликативных иерархий для измерения объективной сложности целесообразно воспользоваться понятием языка-эталона [Успенский 1965], которым оперирует фонологическая типология: «…сравнение наиболее эффективно тогда, когда не индивидуальные объекты сопоставляются друг с другом, а … все они соотносятся с каким-то одним объектом, естественным или искусственным, принятым в качестве универсального – для данной сферы – эталона, т. е. единицы измерения». При этом система-эталон может основываться на максимально возможном наборе оппозиций (эталон-максимум) или, напротив, на их минимальном наборе (эталон-минимум) [Касевич 1999: 6–7]. Проблема перцептивных эталонов разрабатывалась С. В. Кодзасовым и О. Ф. Кривновой [2001].

Но, несмотря на наличие в информационном поле лингвистов значительного объема данных о принципах построения фонологических систем в языках мира [Ladefoged, Maddieson 1996], к настоящему времени такой единой эталонной фонологической системы не представлено, – возможно, в силу нереалистичности построения единого эталона-максимума и произвольности выбора принципов организации эталона-минимума. Поэтому в данном исследовании мы прибегаем к сопоставлению между собой конкретных фонологических систем в южносибирских тюркских языках, а также делаем попытку оценить степень их сложности на фоне индоевропейских языков.

Цель данного параграфа – выявление абсолютной (объективной) сложности фонологических систем в тюркских языках Южной Сибири в их современном синхронном состоянии в качестве индикаторов типологической классификации.

Для выявления потенциальных маркеров сложности артикуляторных настроек, определения объективной сложности фонологических систем и ранжирования южносибирских тюркских языков по этим критериям разработана комплексная методика, включающая как собственно лингвистические методы фонологического анализа (метод аудитивно-визуального наблюдения, дополнительной и контрастирующей дистрибуции, полной и частичной квазиомонимии, критерий морфологической или функциональной сегментации, приемы сравнительно-сопоставительного анализа), так и методы современной инструментальной фонетики.

1.1. Вокализм

В работе используются материалы по алтайскому, теленгитскому, бачатско-телеутскому, кумандинскому, чалканскому, тубинскому (тубаларскому), хакасскому, шорскому, барабинско-татарскому, чулымско-тюркскому, тувинскому и тофскому (тофаларскому) языкам [1].

[1] Термин «язык» используется в значении «язык как средство общения» без указания на его иерархический статус (язык – диалект – говор).

1.1.1. Инвентари гласных фонем в южносибирских тюркских языках

Для определения парадигматической сложности систем гласных фонем в тюркских языках южносибирского ареала проведен сопоставительный количественный анализ инвентарей фонем, выявлены конститутивно-дифференциальные признаки, структурирующие системы.

Ниже представлены списки гласных фонем, выявленных в тюркских языках Южной Сибири путем дистрибутивного, морфологического и функционального анализа текстов.

Алтайский язык характеризуется большой диалектной раздробленностью, фонологические системы разных диалектов существенно различаются.

Для фонологической системы алтайского литературного языка М. Ч. Чумакаева, вслед за Т. М. Тощаковой [Тощакова 1938: 6–7] и Н. А. Баскаковым [Баскаков 1947: 226–227], выделила 16 гласных фонем: краткие (*а*, *ы*, *о*, *у*, *э*, *и*, *ö*, *ÿ*) и долгие (*аа*, *ыы*, *оо*, *уу*, *ээ*, *ии*, *öö*, *ÿÿ*). Долгие узкие нелабиализованные гласные функционируют не во всех позициях: в инициали словоформы не употребляется фонема *ыы*, в финали – фонемы *ыы* и *ии* [Чумакаева 1976: 64–66], т. е. фонема *ыы* встречается только в позиции инлаута.

В онгудайском говоре диалекта алтай-кижи долгая фонема *ыы* не зафиксирована; соответственно, фонологическая система включает 15 гласных фонем, т. е. на одну фонему меньше, чем в литературном языке: 8 кратких (*а* [ɑ˕], *ы* [ɨ̞˕], *о* [ɔ̞˕], *у* [o̞˕], *э* [ɤ̞˕], *и* [ɪ], *ö* [ɔ̞˕], *ÿ* [ʊ̞˕]) и 7 долгих (*аа* [ɑ˕:], *оо* [ɔ̞˕:], *уу* [o̞˕:], ээ [ɤ̞˕:], *ии* [ɪ:], *öö* [ɔ̞˕:], *ÿÿ* [ʊ̞˕:]). Долгая фонема *ии* [ɪ:] квалифицируется как периферийная вследствие ее крайне низкой частотности. Это свидетельствует о более высокой интенсивности процесса формирования подсистемы долгих узких неогубленных гласных в нормированном языке по сравнению с базовым говором литературного языка – онгудайским [Шалданова 2007: 57].

В языке теленгитов разные ученые выделяют от 14 до 17 фонем. В работе Н. А. Кучигашевой, написанной в 60-е гг. XX в., насчитывается 16 гласных фонем – 8 кратких и 8 долгих [Кучигашева 1961: 57–58]. К этому списку Г. Ф. Бабушкин добавляет еще одну фонему *і* (*іш* ‘работа’, *бір* ‘один’, *ірбис* ‘барс’), которая встречается также в диалектах хакасского и шорского языков, в западных диалектах тувинского и северных диалектах алтайского языка [Бабушкин 1966: 168]. В. В. Радлов рассматривает этот звук как переходный между *і* и *ы*. Однако звук *і* встречается фактически во всех тюркских языках и диалектах алтае-саянского ареала, но, реализуясь, как правило, в постпозиции к переднеязычным консонантам, он выступает в функции комбинаторного варианта фонемы *и*: после среднеязычного консонанта фонема реализуется в переднерядном оттенке «ɪ», после переднеязычного согласного – в смешанно-рядном «ɨ̞» или центральнозаднерядном «ɨ̞». Исключение составляет хакас-

ский язык, где звуки *и* и *і* находятся в отношениях контрастирующей дистрибуции и их функционирование не обусловлено наличием в препозиции передне- или среднеязычного согласного – эти звуки являются манифестациями двух разных фонем [Кыштымова 2001: 19]. Фонологический статус гласного *і* в теленгитском диалекте исследователями не рассматривался.

В 1980-е годы С. И. Машталир выделил в языке теленгитов Улаганского района лишь 14 гласных фонем: краткие – *а* [ɑ], *е* [ɛ], *о* [o], *ö* [ø], *у* [ʊ], *ÿ* [ʏ], *ы* [ъ], *и* [i] и долгие – *аа* [ɑ:], *ее* [ɛ:], *оо* [o:], *öö* [ø:], *уу* [ʊ:], *ÿÿ* [ʏ:]. Долгие гласные фонемы *ии* [i:], *ыы* [ъ:] не отмечены [Машталир 1984: 78].

По мнению Н. Д. Алмадаковой, в современном улаганском диалекте представлено 18 гласных фонем – 9 кратких (*а*, *о*, *ы*, *у*, *э*, *ö*, *и*, *ÿ*, *ä*) и 9 соответствующих долгих (*аа*, *оо*, *ыы*, *уу*, *ээ*, *öö*, *ии*, *ÿÿ*, *ää*). Краткий *ä* и долгий *ää* характерны только для языка теленгитов-улаганцев, они произносятся «…с призвуком э, тяготеющим к звуку *а*… При произношении долгого гласного *ää* доминирует призвук *а*, проявляющийся более отчетливо … в языке носителей чолушманского говора, …звук *ä* занимает промежуточное положение между монофтонгом и дифтонгом» [Алмадакова 2016: 31]. Звук *ä* употребляется в 1-м и 2-м слогах именных и глагольных словоформ. В диалекте алтай-кижи этому гласному соответствуют звуки э (*е*), *ö* в 1-м слоге, а также во 2-м после гласных *и*, э, *ö*, *ÿ* 1-го слога. Кроме того, специфику улаганского диалекта – и особенно чолушманского говора – составляет функционирование в системе пяти фонем-дифтонгов: *оа*, *уа*, *эä*, *öä*, *ÿä*, например, *тоа* ‘гора’, *соа:к* ‘холод’, *сууаар* ‘вода=ваша’, *эäр* ‘мужчина’, *кöä* ‘сажа’, *кÿä* ‘зять’. Приведенные Н. Д. Алмадаковой данные свидетельствуют о единичных случаях формирования дифтонгов *уа*, *ау* в диалекте алтай-кижи: *суак* из *субак* ‘вода’, *Наурчаков* (антропоним) от *нагур* ‘дождь’ [Алмадакова 2016]. Дифтонги *ао*, *ау*, *оу* зафиксированы и в языке туба-кижи, но в качественном отношении они отличаются от улаганских [Сарбашева 2004: 207].

В теленгитском диалекте по сравнению с алтайским литературным языком долгие гласные обладают более высокой продуктивностью; ср., например: теленг. *бар=ар=уус* – алт. *бар=ар=ыс* ‘пойдем’, теленг. *кöр=гöн=ÿÿс* – алт. *кöр=гöн=ис* ‘видели=мы’ [Чумакаев 2015: 325].

В чуйском говоре языка теленгитов (Кош-Агачский район Республики Алтай) А. К. Бидинова выделила 15 гласных фонем: *а*, *аа*, *о*, *оо*, э, ээ, *ö*, *öö*, *у*, *уу*, *ÿ*, *ÿÿ*, *и*, *ии*, *ы*; долгая фонема *ыы* не зафиксирована. При этом в анлауте и инлауте употребляются все 15 гласных фонем, в ауслауте – 14: долгая фонема *ии* в ауслаутной позиции не встречается [Бидинова 2017: 24–31; Тазранова 2012].

В языке бачатских телеутов вокализм представлен 15 гласными фонемами – восемью краткими и семью долгими: *а* [ɑ̇], *е* [ɛ], *о* [ɔ̇], *ö* [œ], *ы* [ɤ̆], *и* [ɪ], *у* [ʊ̇], *ÿ* [ʏ], *аа* [ɑ̇:], *ее* [ɛ:], *оо* [ɔ̇:], *öö* [œ:], *ии* [ɪ:], *уу* [ʊ̇:], *ÿÿ* [ʏ:]; долгая фонема *ыы* [ɤ̆:] отсутствует [Гаврилин 1984: 67–73; 1987: 17; 1988: 53–62; Фисакова 1984; 1986].

В языке кумандинцев центр вокальной системы составляют лишь 14 гласных фонем: 8 кратких (*а* [ȧ], *ы* [ɨ̣], *е* [ɛ], *и* [ɪ], *о* [ɔ̣], *ö* [ø], *у* [ʊ̇], *ÿ* [ʏ]) и 6 долгих (*аа* [ȧː], *ее* [ɛː], *оо* [ɔ̣ː], *öö* [øː], *уу* [ʊ̇ː], *ÿÿ* [ʏː]). Долгие фонемы *ыы* [ɨ̣ː] и *ии* [ɪː] реализуются нерегулярно: в спонтанной разговорной речи слова типа *кийис* «kɪːs′» ‘кошма’, *сыгын* «sɨ̣ːn» ‘марал’ могут быть произнесены отдельными дикторами с долгими [ɪː] и [ɨ̣ː], но при медленном отчетливом повторении этих же слов восстанавливаются сочетания двух гласных с интервокальным согласным: «kɪjɪs′», «sɨ̣ɵɨ̣n». Долгие фонемы [ɨ̣ː] и [ɪː] находятся, видимо, в стадии становления [Селютина 1998: 4].

В языке чалканцев представлено 15 гласных фонем: 8 кратких (*а* [ȧ], *о* [ɔ̣], *е* [e], *ö* [œ], *ы* [ɨ̣], *у* [ʊ̇], *и* [i], *ÿ* [ʏ]) и 7 долгих (*аа* [ȧː], *оо* [ɔ̣ː], *ее* [eː], *öö* [œː], *ыы* [ɨ̣ː], *уу* [ʊ̇ː], *ÿÿ* [ʏː]); краткая фонема *и* [i] долгого коррелята не имеет [Кокорин 1982: 14; Федина 2008: 318–328].

Говоры тубинского диалекта довольно существенно различаются по составу гласных фонем. В чойском говоре выделяется 16 вокальных единиц: *а* [a], *ы* [ы], *е* [e], *и* [i], *о* [o], *ö* [ø], *у* [u], *ÿ* [y], *аа* [aː], *ыы* [ыː], *ее* [eː], *ии* [iː], *оо* [oː], *öö* [øː], *уу* [uː], *ÿÿ* [yː]. Однако ни одного примера с долгим гласным *ыы* [ыː] не приводится [Петькин, Чумакаева 1989: 26–45].

В турочакском говоре тубинского диалекта выявлено 19 гласных фонем: 16 монофтонгов (*а* [ʌ̇ˌ], *аа* [ʌ̇ˌˑ], э [ɤ̈ˌ], ээ [ɤ̈ˌˑ], *ы* [ɯ̇ˌ], *ыы* [ɯ̇ˌˑ], *и* [ɪ/ɨ̣ˌ], *ии* [ɪˑ/ɨ̣ˌˑ], *о* [ɔ̣ˌ/oˌ], *оо* [ɔ̣ˌˑ/oˌˑ], *ö* [ɔ̣ˌˌ], *öö* [ɔ̣ˌˌˑ], *у* [ʊ̇ˌˌ], *уу* [ʊ̇ˌˌˑ], *ÿ* [ʊ̇ˌˌˌ], *ÿÿ* [ʊ̇ˌˌˌˑ]) и 3 дифтонга (*ао* [ʌ̇o̯], *ау* [ʌ̇ʊ̯], *оу* [ɔ̣ʊ̯]). Наличие дифтонгов сближает язык тубинцев с якутским и барабинско-татарским языками и определяет специфику тубинского вокализма на фоне контактных южносибирских тюркских языков [Сарбашева 2004: 206–212].

Хакасский язык. Инвентари гласных фонем сагайского и качинского диалектов хакасского языка различаются как количеством функциональных единиц, так и их характеристиками. Сагайский вокализм включает 16 единиц, для качинского же диалекта релевантно выделение 17 фонем. В группу кратких гласных фонем входит в обоих идиомах по 9 единиц: сагайский – *а* [ʌ̇ˌ], *е* [eˌ /ɤ̇ˌ], *о* [ȯ], *ы* [ɯ̇ˌ], *и* [iˌ], *і* [ɨ̣ˌ → ɨˌ], *у* [ʊ̇], *ÿ* [œˌ/ɔ̣ˌ], *ö* [ʏˌ]; качинский – *а* [ȧˌ/ɑˌ], *е* [ʌ̇ˌ], *о* [ɒˌ], *ö* [ɔ̣ˌ], *ы* [ɤ̇ˌ/ɤˌ], *и* [iˌ/ɨ̣ˌ], *і* [ɨ̣ˌ], *у* [ɷˌ], *ÿ* [ʊ̇ˌ]. Субсистема долгих гласных в сагайском диалекте состоит из 7 фонем: *аа* [ʌ̇ˌː], *ее* [eˌː/ɤ̇ˌː], *оо* [ȯː], *ыы* [ɯ̇ˌː], *ии* [iˌˑː], *уу* [ʊ̇ː], *öö* [ʏˌˑː], в качинском – из 8 фонем: *аа* [ȧˌː/ɑˌː], *ее* [ʌ̇ˌː], *оо* [ɒˌː], *öö* [ɔ̣ˌː], *ыы* [ɤ̇ˌː/ɤˌː], *ии* [iˌː/ɨ̣ˌː], *уу* [ɷˌː], *ÿÿ* [ʊ̇ˌː]. В сагайском диалекте, в отличие от качинского, нет долгой переднерядно-центральнозаднерядной широкой огубленной фонемы *ÿÿ* [Кыштымова 2001: 104].

Шорский язык. Состав гласных мрасского диалекта включает 16 гласных фонем: 8 кратких (*а* [a], *е* [e], *о* [o], *ö* [ø], *ы* [ъ], *и* [ɪ], *у* [ʊ], *ÿ* [ʏ]) и 8 долгих (*аа* [aː], *ее* [eː], *оо* [oː], *öö* [øː], *ыы* [ъː], *ии* [ɪː], *уу* [ʊː], *ÿÿ* [ʏː]) [Дыренкова 1941: 7–10; Бабушкин, Донидзе 1966: 468; Бородкина 1977: 18]. Звуки *о* «о» и *ö* «ø» употребляются только в первом слоге и не встречаются в мор-

фологических показателях, поэтому их фонематический статус устанавливается только путем сопоставления квазиомонимов: *от* «ot» ‘трава’ – *öт* «øt» ‘желчь’, *ол* «ol» ‘он’ – *öл* «øl» ‘влага’, *одур* «odur» ‘сиди’ – *öдүр* «ødʏr» ‘убей’ [Бородкина 1977: 15].

По мнению Н. С. Уртегешева, в шорском языке наряду с краткими и долгими гласными, не имеющими дополнительной окраски, выделяются фарингализованные гласные, различающиеся по длительности (краткие и долгие), типу тона (ровный, ровнонисходящий, резконисходящий, нисходяще-восходящий), регистру (верхний, средний, нижний). Доминирующим для шорского является нисходящий краткий тон. Имеются также прерывистые гласные, артикулируемые с ларингальной вставкой между компонентами сложного звука [Уртегешев 2012]. По-видимому, на данном этапе развития языка фарингализованная окраска в качестве сопутствующего релевантного признака свойственна в основном долгим гласным, а также кратким – в словах с «первичной фарингализацией», что позволяет нам принять инвентарь фонем, выявленный И. П. Бородкиной.

Барабинско-татарский язык. Вокальная система барабинско-татарского языка в описании В. В. Радлова содержит 4 широких гласных (*а*, *ä*, *о*, *ö*) и 4 узких (*у*, *і*, *и*, *ü*). Кроме того, он выделяет два широких (*иа*, *üä*) и четыре лабиализованных дифтонга (*аи*, *äü*, *ои*, *öü*), из которых наиболее распространен дифтонг *аи*, а также ряд узких дифтонгов, одним из компонентов которых является *і* (*аі*, *еі*, *оі* и др.) [Radloff 1882: 5, 18–20].

В других работах барабинская система гласных представлена 12 звуками, 8 из которых являются гласными общетюркского распространения: *а*, *е*, *о*, *ө*, *у*, *ɣ*, *ы*, *и*; 3 гласных поволжско-татарского типа (краткие редуцированные *ŏ*, *ĕ*) свойственны татарскому, башкирскому, казахскому и ногайскому языкам, гласный *і* отмечается также в хакасском и чувашском; гласный *ə* сохраняется в первом слоге на месте древнетюркского *ä*. Встречаются нисходящие дифтонги, в качестве неслогообразующего элемента которых выступают полугласные *й*, *у*, *ɣ*, (*w*): *ау*, *əɣ*, *ыу*, *ай*, *əй*, *ый*, *ій*, *ой*, *ĕй*, *уй* [Тумашева 1968: 22; 1969; Дмитриева 1981]. Х. Х. Салимов на основании экспериментально-фонетических данных выделяет в языке барабинцев 11 гласных фонем: [а], [ə (е)], [о], [е], [ŏ], [ĕ], [і], [ы], [и], [у], [ɣ] [Салимов 1984: 17].

В речи барабинских татар, проживающих в дер. Новокурупкаевка Барабинского района и ауле Тармакуль Чановского района Новосибирской области, по результатам слухового анализа зафиксировано 33 гласных звука: 10 кратких монофтонгов – *а*, э, *е*, *ы*, *і*, *и*, *о*, *ö*, *у*, *ü*, 6 долгих монофтонгов – *а:*, *э:*, *е:*, *и:*, *о:*, *у:* (для узких гласных *ы*, *і*, *ü* и широкого *ö* долгих коррелятов не выявлено), 5 фарингализованных монофтонгов – *аъ:*, эъ, *еъ*, *иъ*, *уъ* (фарингализованных соответствий гласных *ы*, *і*, *о*, *ö*, *ü* не выявлено), 5 дифтонгов – *ау*, *а:у*, *иу*, *ои*, *üу*, а также 7 прерывистых гласных, артикулируемых с ларингальной вставкой между компонентами сложного звука (обозначен надстрочным знаком «’» между графемами) [Уртегешев 2006: 265–273; 2012: 41–43;

2016: 105–110]: 3 прерывистых монофтонга полного образования, относительно однородных по звучанию, – *а’а*, *а:’а*, *и’и*, и 4 прерывистых дифтонга неполного образования – *ы’ыу*, *и’ы*, *о:’ы*, *у’а*. При этом фарингализованные и прерывистые гласные реализуются на уровне аллофонов – комбинаторных или факультативных.

Однако фонологическая система языка барабинских татар включает всего 8 гласных фонем-монофтонгов: *а* [ʌ], *ä* / *е* [ɘ], *о* [ɔ], *ö* [ø], *у* [ʊ], *ÿ* [ʏ], *и* [ɪ], *ы* [ъ]; статус дифтонгов и дифтонгоидов нуждается в дальнейшей верификации. Интерпретация звуков *ŏ*, *ŏ̈*, *ĕ*, *і* как самостоятельных фонем не получает подтверждения [Рыжикова 2007: 171].

Чулымско-тюркский язык. В чулымско-тюркском языке (среднечулымский диалект) насчитывается 14 гласных фонем: 8 кратких ([а], [о], [ы], [у], [ä (е)], [ö], [и], [ÿ]) и 6 долгих ([а:], [о:], [е:], [ö:], [и:], [ÿ:]) [Бирюкович 1979: 6–55]. В результате слухового анализа аудиозаписей, полученных в 1970-е гг. по среднечулымскому диалекту, Н. С. Уртегешев выявил фарингализованные гласные различного типа, а также прерывистые звуки. По его мнению, «…прерывистость гласного – первый этап в развитии вторичного долгого гласного. Второй этап – это переход в ровную фарингализацию, например: *о’ол* – ʔo̯ʕo̯l – ʔoˤol ⇒ *ооол* – ȯ:⁻lᵠ – oːˤl / ʔȯ:⁻l – ʔoːˤl – ‘парень’, ‘мальчик’; *сеек* – s′e̯ʕek – sʲeˤek ⇒ *сееък* – ’s̪′e̯:⁻k̪ˤ – sʲˤeːˤkʰ – ‘комар’. Следующий, третий этап – переход в чистую долготу, и завершающий этап (четвертый) – краткость. Последние два этапа в чулымском языке на рассматриваемом материале зафиксированы не были, но их можно наблюдать в говорах по другим сибирским тюркским языкам» [Уртегешев 2016: 105–110].

Тувинский язык. Специфика тувинского вокализма на фоне других южносибирских тюркских языков определяется как количественным составом инвентаря гласных фонем, так и особенностями системно-структурной организации. По мнению А. А. Пальмбаха и Ф. Г. Исхакова, фонологическая система тувинского языка включает 24 фонемы: 8 «чистых» гласных нормальной долготы (*а*, *э* (*е*), *о*, *ө*, *у*, *ү*, *ы*, *и*), 8 «обыкновенных» долгих гласных (*аа*, *ээ* (*ее*), *оо*, *өө*, *уу*, *үү*, *ыы*, *ии*) и 8 фарингализованных полудолгих гласных с гортанным отступом (*аъ*, *эъ*, *оъ*, *өъ*, *уъ*, *үъ*, *ыъ*, *иъ*) [Пальмбах 1955; Исхаков 1957; Исхаков, Пальмбах 1961].

К. А. Бичелдей, обобщив результаты инструментального исследования систем гласных фонем, констатировал в литературном тувинском языке, а также в тувинских диалектах и говорах 8 кратких [а, ы, ɔ, ʊ, ɛ, і, ø, ʏ], 8 долгих [а:, ы:, ɔ:, ʊ:, ɛ:, і:, ø:, ʏ:], 8 фарингализованных [aˇ, ыˇ, ɔˇ, ʊˇ, ɛˇ, іˇ, øˇ, ʏˇ] и 8 долгих назализованных вокальных единиц [ã:, ы̃:, ɔ̃:, ʊ̃:, ɛ̃:, ĩ:, ø̃:, ʏ̃:], увеличив, таким образом, инвентарь гласных до 32 фонем. Исключение составляют говоры II и III типов юго-восточной группы диалектов, не имеющие фарингализации и назализации в фонематическом статусе [Бичелдей 1979; 1984; 2001 а; 2001 б; 2001 в: 21].

Не все тувиноведы разделяют точку зрения К. А. Бичелдея: отмечая наличие в языке кратких и долгих назализованных гласных, исследователи не

рассматривают их в качестве самостоятельных фонем, трактуя назализованные вокальные компоненты слова либо как диалектную речевую особенность, либо как обусловленное фонетическим контекстом варьирование – позиционно-комбинаторного или факультативного характера [Дамбыра 2005: 189].

По наличию / отсутствию назализованных и фарингализованных единиц выделяются следующие группы тувинских говоров и диалектов. В первой группе (говоры центрального, юго-восточного и северо-восточного диалектов) представлен максимально полный набор вокальных фонологических единиц, включающий 32 фонемы: 16 «чистых» (нефарингализованных и неназализованных) фонем – 8 кратких и 8 долгих; 8 фарингализованных и 8 назализованных долгих. Вокализм говоров второй группы включает 24 единицы – в них нет назализованных гласных фонем. Сюда относятся пий-хемский – северный говор центрального диалекта, тандинский говор юго-восточного диалекта и переходный (смешанный) каа-хемский говор. В третью группу входят говоры юго-восточного диалекта, носителями которых являются монголоязычные тувинцы, речи которых фарингализация и назализация гласных звуков не свойственны. Вокальные инвентари в этих идиомах включают минимальное для тувинского языка количество единиц – 8 кратких и 8 долгих «чистых» фонем [Бичелдей 2001 б: 142; Дамбыра 2005: 73–74].

В каа-хемском говоре тувинского языка выделяется 24 гласные фонемы: 8 кратких – *а* [ʌ̇ˌ], *ы* [ɤ̇ˌ], *о* [ȯˌ], *у* [ȯ ˌ/oˌ], *э* [ɤ̇ˌ], *и* [ъ̇ˌ], *ө* [ɔ̇ˌ], *ү* [ȯˌ], 8 долгих – *аа* [ʌ̇ˌ:], *ыы* [ɤ̇ˌ:], *оо* [ȯˌ:], *уу* [ȯ ˌ:/oˌ:], *ээ* [ɤ̇ˌ:], *ии* [ъ̇ˌ:], *өө* [ɔ̇ˌ:], *үү* [ȯˌ:], 8 фарингализованных – *аъ* [ʌ̇˘:], *ыъ* [ъ̇˘:], *оъ* [ʌ̇˘:], *уъ* [ȯ˘:], *эъ* [ɤ̇˘:], *иъ* [ɪ˘:/ъ̇˘:], *өъ* [ɒ˘:], *үъ* [ø˘:]. Назализация в качестве фонематического признака гласных в каа-хемском говоре не зафиксирована, отмечено лишь факультативное или позиционно-комбинаторно обусловленное назализованное произношение гласных *аа* «ʌ̃:/ʌ̃:», «ʌ̃:», *ии* «ъ̃:», *үү* «ȯ̃ :», *ыъ* «ъ̃˘:», *оъ* «ȯ̃˘: /ȯ̃˘:» [Дамбыра 2005: 189, 196].

Таким образом, особенностью фонологической системы тувинского языка является фарингализация как фонологически значимый признак. Многие идиомы исследуемого ареала характеризуются наличием данного признака на фонетическом уровне, в тувинском языке он имеет фонологически значимый статус.

Тофаларский язык. Реестр гласных фонем включает 30 единиц: 10 чистых кратких – [а], [о], [у], [ы], [э], [ө], [ү], [и], [і], [ə], 10 соответствующих им по качеству долгих – [аа], [оо], [уу], [ыы], [ээ], [өө], [үү], [ии], [іі], [əə], 10 фарингализованных кратких – [аъ], [оъ], [уъ], [ыъ], [эъ], [өъ], [үъ], [иъ], [іъ], [əъ]. Релевантными признаками в системе являются артикуляторный ряд, степень подъема, огубление, фарингализация и длительность; факультативная назализация долгих гласных имеет оттенковый характер [Рассадин 2014: 11–16].

Представленная система симметрична и последовательна. Некоторая ее незавершенность проявляется, по-видимому, в не до конца сформировавшемся статусе звуков типа *ə*, *əə* и *əъ* в качестве реализаций самостоятельных фонем: при перечислении коррелятов гласных фонем указан лишь долгий *əə* как вариант долгого ээ, звуки *əə* и *əъ* не отмечены. Кроме того, при описании гласных мягкого ряда фонемы [ə], [əə] и [əъ] не упоминаются вовсе [Рассадин 2014: 15, 18–19]. В ряде случаев реализации «ə» и «əə» квалифицируются как обязательные варианты фонем [э] и [ээ] соответственно. На наш взгляд, трактовка звуков *ə* и *əə* в качестве манифестаций самостоятельных фонологических единиц является основанием для констатации чередования фонем [э] ~ [ə] и [ээ] ~ [əə] в определенном фонетическом контексте.

Таким образом, в рассматриваемых идиомах выделяется от 8 до 32 гласных фонем-монофтонгов. Большинство вокальных фонологических систем включают от 14 до 16 так называемых чистых монофонических фонем, не осложненных дополнительной окраской; из них 8 кратких, остальные – долгие.

Симметричные системы из 16 фонем, включающие 8 кратких и соответствующих им 8 долгих единиц, зафиксированы в алтайском литературном языке [Чумакаева 1976: 64–66], в улаганском говоре теленгитского диалекта [Кучигашева 1961: 57–58], в говорах тубинского языка – чойском [Петькин, Чумакаева 1989: 26–45], турочакском [Сарбашева 2004: 206–212], в мрасском диалекте шорского языка [Бородкина 1977: 11–20].

Инвентарь фонем сагайского диалекта хакасского языка также включает 16 гласных единиц-монофтонгов, но его специфику составляет несимметричность субсистем: краткий вокализм содержит 9 фонем, долгий – 7. В качинском же диалекте хакасского языка реестр гласных фонем состоит из 17 единиц: 9 кратких и 8 долгих. В обоих диалектах увеличение числа единиц инвентаря произошло за счет фонологизации краткого гласного *i*, не имеющего долгого коррелята в обоих говорах; в качинском, кроме того, нет мягкорядной широкой (этимологически узкой) огубленной фонемы *ÿÿ* [Кыштымова 2001: 104].

Асимметричная вокальная система, состоящая из 16 фонем-монофтонгов, представлена в языке барабинских татар. Инвентарь фонем включает 10 кратких единиц: дополнительно к традиционной восьмерке гласных отмечаются две мягкорядные фонемы э и *i*, а также 6 долгих; узкие *ы*, *i*, *ÿ* и широкий *ö* долгих соответствий не имеют [Уртегешев и др. 2003: 78–106].

Близок к хакасскому и барабинско-татарскому теленгитский вокализм, по Г. Ф. Бабушкину, выделившему 17 гласных фонем, в том числе и краткую фонему *i* [Бабушкин 1966: 168]. Однако Н. Д. Алмадакова зафиксировала в языке теленгитов 18 фонем-монофтонгов (9 кратких и 9 соответствующих им по качеству долгих гласных), не выявила фонемы *i*, но констатировала дополнительно две широкие мягкорядные единицы – краткую *ä* и долгий коррелят *ää* [Алмадакова 2016].

В ряде идиомов зафиксировано 15 гласных фонем: в онгудайском говоре диалекта алтай-кижи [Шалданова 2007: 57], в чуйском говоре теленгитского диалекта [Бидинова 2017: 24–31], в бачатско-телеутском [Фисакова 1984, 1986;

Гаврилин 1984: 67–73, 1987: 17, 1988: 53–62] отмечается отсутствие долгого коррелята узкой неогубленной твердорядной фонемы *ы*; в чалканском же отсутствует долгая узкая неогубленная мягкорядная фонема *ии* [Кокорин 1982: 14].

К числу систем с асимметричным соотношением краткого и долгого вокализма, представленного 14 единицами, относятся кумандинский язык [Селютина 1998: 4], улаганский говор теленгитского диалекта [Машталир 1984: 78], а также чулымско-тюркский [Бирюкович 1979: 6–55], в которых инвентари включают по 8 кратких и 6 долгих фонем, так как узкие неогубленные *ыы* и *ии* в качестве самостоятельных долгих фонем окончательно не сформировались.

Максимальное количество гласных фонем-монофтонгов констатируется в тюркских языках байкало-саянского этноареала – тувинском и тофском. Реестр вокальных фонологических единиц тувинского языка включает 24 единицы: 8 кратких, 8 долгих и 8 фарингализованных [Исхаков, Пальмбах 1961]. Аналогичная система зафиксирована в каа-хемском говоре тувинского языка [Дамбыра 2005: 189, 196]. По мнению К. А. Бичелдея, инвентарь тувинских гласных фонем необходимо дополнить классом из 8 назализованных смыслоразличительных единиц, увеличив тем самым число фонем до 32 [Бичелдей 1984].

В тофаларском (тофском) языке вокальный инвентарь, состоящий из 30 фонем, разбит на три кластера (кратких, долгих и фарингализованных единиц) по 10 коррелирующих фонем в каждом [Рассадин 2014: 11–16]. Увеличение числа кратких фонем до 10 по сравнению с традиционной для тюркских языков восьмеркой гласных произошло за счет включения в систему двух дополнительных мягкорядных фонем [i] и [ə], аналогично барабинско-татарскому, где выделяются соответствия двух указанных фонем [Уртегешев и др. 2003: 78–106], а также хакасскому [Кыштымова 2001] и теленгитскому [Бабушкин 1966: 168], для которых отмечена фонема *i*.

Вокальные системы байкало-саянских языков отличаются симметричностью: каждый кластер включает равное количество качественно коррелирующих единиц.

Особое место в описаниях занимает вокализм языка барабинских татар, так как мнение исследователей относительно наличия / отсутствия долгих фонем расходится: большинство авторов, возможно вслед за В. В. Радловым, выделяют лишь краткие единицы, количество которых варьирует от 8 до 12 [Тумашева 1968: 22; Дмитриева 1981; Салимов 1984: 17; Рыжикова 2007: 171]. Другие полагают, что в языке барабинцев, как и в других тюркских языках южносибирского региона, система гласных фонем включает, наряду с кратким, и долгий вокализм [Уртегешев и др. 2003: 78–106].

Итак, инвентарь вокальных фонем в тюркских языках Южной Сибири в целом тяготеет к классической тюркской восьмерке кратких гласных, выявленной В. В. Радловым на материале большого числа тюркских языков [Radloff 1882]. В обобщенном виде инвентари гласных фонем в тюркских языках Южной Сибири представлены в табл. 1.

Таблица 1

Инвентари гласных фонем в тюркских языках Южной Сибири

Язык, исследователь	Кол-во фонем	Монофтонги				Дифтонги
		Чистые		Фарингализованные	Назализованные	
		Краткие	Долгие			
Алтайский литературный, М. Ч. Чумакаева	16	*а*, *ы*, *о*, *у*, *э*, *и*, *ö*, *ü*	*аа*, *ыы*, *оо*, *уу*, *ээ*, *ии*, *öö*, *üü*			
Алтайский онгудайский, А. А. Шалданова	15	*а* [ɑ˕], *ы* [ъ̇ᵊ], *о* [ɔ̇˕], *у* [ȯ˕], э [ɤ̇ᵊ], *и* [ɪ], *ö* [ɔ̇ᵊ], *ü* [ȯᵊ]	*аа* [ɑ˕:], *оо* [ɔ̇˕:], *уу* [ȯ˕:], ээ [ɤ̇ᵊ:], *ии* [ɪ:], *öö* [ɔ̇ᵊ:], *üü* [ȯᵊ:]			
Теленгитский улаганский, С. И. Машталир	14	*а* [ɑ], *е* [ɛ], *о* [o], *ö* [ø], *у* [ʊ], *ü* [ʏ], *ы* [ъ]	*а* [ɑ:], *ее* [ɛ:], *оо* [o:], *öö* [ø:], *уу* [ʊ:], *üü* [ʏ:]			
Теленгитский улаганский, Н. Д. Алмадакова	23 (18+5)	*а*, *о*, *ы*, *у*, *э*, *ö*, *и*, *ü*, *ä*	*аа*, *оо*, *ыы*, *уу*, *ээ*, *öö*, *ии*, *üü*, *ää*			*оа*, *уа*, *эä*, *öä*, *üä*
Теленгитский чуйский, А. К. Бидинова	15	*а*, *о*, *э*, *ö*, *у*, *ü*, *и*, *ы*	*аа*, *оо*, *ээ*, *öö*, *уу*, *üü*, *ии*			
Бачатско-телеутский, Н. В. Гаврилин	15	*а* [ʌ], *е* [ɛ], *о* [ɔ̇], *ö* [œ], *ы* [ъ̇], *и* [ɪ], *у* [ȯ], *ü* [ʏ]	*аа* [ʌ̇:], *ее* [ɛ:], *оо* [ɔ̇:], *öö* [œ:], *ии* [ɪ:], *уу* [ȯ:], *üü* [ʏ:]			
Кумандинский, И. Я. Селютина	14	*а* [ȧ], *ы* [ъ̇], *е* [ɛ], *и* [ɪ], *о* [ɔ̇], *ö* [ø], *у* [ȯ], *ü* [ʏ]	*аа* [ȧ:], *ее* [ɛ:], *оо* [ɔ̇:], *öö* [ø:], *уу* [ȯ:], *üü* [ʏ:], (*ыы* [ъ̇:], *ии* [ɪ:])			
Чалканский, В. Н. Кокорин	15	*а* [ȧ], *о* [ɔ̇], *е* [e], *ö* [œ], *ы* [ъ̇], *у* [ȯ], *и* [i], *ü* [ʏ]	*аа* [ȧ:], *оо* [ɔ̇:], *ее* [e:], *öö* [œ:], *ыы* [ъ̇:], *уу* [ȯ:], *üü* [ʏ:]			
Тубинский чойский, Г. А. Петькин, М. Ч. Чумакаева	16	*а* [а], *ы* [ы], *е* [е], *и* [i], *о* [о], *ö* [ø], *у* [u], *ü* [у]	*аа* [а:], *ыы* [ы:], *ее* [е:], *ии* [i:], *оо* [о:], *öö* [ø:], *уу* [u:], *üü* [у:]			
Тубинский турочакский, С. Б. Сарбашева	19 (16+3)	*а* [ʌ̆ᵊ], э [ъ̆ᵊ], *ы* [ṳᵊ], *и* [ɪ/ъᵊ], *о* [ȯ/о], *ö* [ȯᵊ˔], *у* [ȯᵊ], *ü* [ȯᵊ˅]	*аа* [ʌ̆ᵊ:], ээ [ъ̆ᵊ:], *ыы* [ṳᵊ:], *ии* [ɪ̆/ъᵊ:], *оо* [ȯ̆:/о̆:], *öö* [ȯᵊ˔:], *уу* [ȯᵊ˅:], *üü* [ȯᵊ˅:]	долгие гласные – доп. релевантный признак		*ао* [ʌ̆ȯ̆], *ау* [ʌ̆ȯ̆], *оу* [ȯ̆ȯ̆]
Хакасский сагайский, Г. В. Кыштымова	16	*а* [ʌ̇ᵊ], *е* [eᵣ/ɤ̇ᵊ], *о* [ȯ], *ы* [ṳᵊ], *и* [iᵣ˔], *і* [ъ̇ᵊ → ɡъ˅], *у* [ȯ], *ü* [œᵣ/ɔ̇ᵊ], *ö* [ʏ˔ᵣ]	*аа* [ʌ̇ᵊ:], *ее* [eᵣ:/ɤ̇ᵊ:], *оо* [ȯ:], *ыы* [ṳᵊ:], *ии* [iᵣ˔:], *уу* [ȯ:], *öö* [ʏᵣ˔:]			

Хакасский качинский, Г. В. Кыштымова	17	*а* [ȧ˕/α˕], *е* [ȧ˕], *о* [ɒ˕], *ö* [ɔ̈˕], *ы* [ɤ̇˕/ɤ˕], *и* [iˌ/ɨ˕], *і* [ɨ˕], *у* [ʊ˕], *ÿ* [ʊ̈˕]	*аа* [ȧ˕:/α˕:], *ее* [ȧ˕:], *оо* [ɒ˕:], *öö* [ɔ̈˕:], *ыы* [ɤ̇˕:/ɤ˕:], *ии* [iˌ:/ɨ˕:], *уу* [ʊ˕:], *ÿÿ* [ʊ̈˕:]			
Шорский мрасский, И. П. Бородкина	16	*а* [а], *е* [е], *о* [о], *ö* [ø], *ы* [ъ], *и* [ɪ], *у* [ʊ], *ÿ* [ʏ]	*аа* [а:], *ее* [е:], *оо* [о:], *öö* [ø:], *ыы* [ъ:], *ии* [ɪ:], *уу* [ʊ:], *ÿÿ* [ʏ:]	Н. С. Уртегешев: на аллофонном уровне		
Барабинско-татарский, Д. Г. Тумашева, Л. В. Дмитриева	22 (12+10)	*а*, *е*, *о*, *ө*, *у*, *ɣ*, *ы*, *и*; *ŏ*, *ĕ*, *і*, *ə*				*ау*, *əɣ*, *ыу*, *ай*, *əй*, *ый*, *ій*, *ой*, *өй*, *уй*
Барабинско-татарский, Х. Х. Салимов	11	[а], [ə (е)], [о], [е], [ŏ], [ĕ], [і], [ы], [и], [у], [ɣ]				
Барабинско-татарский, Н. С. Уртегешев и др.	21 (16+5)	*а*, э, *е*, *ы*, *і*, *и*, *о*, *ö*, *у*, *ÿ*	*а:*, э:, *е:*, *и:*, *о:*, *у:*	аллофоны фонем: *аъ:*, эъ, *еъ*, *иъ*, *уъ*		*ау*, *а:у*, *иу*, *оu*, *ÿу*
Барабинско-татарский, Т. Р. Рыжикова	8	*а* [ʌ], *ä*/*е* [ɘ], *о* [ɔ], *ö* [ø], *у* [ʊ], *ÿ* [ʏ], *и* [ɪ], *ы* [ъ]				
Чулымско-тюркский, Р. М. Бирюкович	14	[а], [о], [ы], [у], [ä (е)], [ö], [и], [ÿ]	[а:], [о:], [е:], [ö:], [и:], [ÿ:]	Н. С. Уртегешев: на аллофонном уровне		
Тувинский, А. А. Пальмбах, Ф. Г. Исхаков	24	*а*, э (*е*), *о*, *ө*, *у*, *ɣ*, *ы*, *и*	*аа*, ээ (*ее*), *оо*, *өө*, *уу*, *ɣɣ*, *ыы*, *ии*	*аъ*, эъ, *оъ*, *өъ*, *уъ*, *ɣъ*, *ыъ*, *иъ*		
Тувинский, К. А. Бичелдей	32	[а, ы, ɔ, ʊ, ɛ, і, ø, ʏ]	[а:, ы:, ɔ:, ʊ:, ɛ:, і:, ø:, ʏ:]	[а˘, ы˘, ɔ˘, ʊ˘, ɛ˘, і˘, ø˘, ʏ˘]	[ã:, ы̃:, ɔ̃:, ʊ̃:, ɛ̃:, ĩ:, ø̃:, ʏ̃:]	
Тувинский каа-хемский, И. Д. Дамбыра	24	*а* [ʌ̇˕], *ы* [ɤ̇˕], *о* [ȯ˕], *у* [ȯ˕/о˕], э [ɤ̇˕], *и* [ɨ̇˕], *ө* [ɔ̇˕], *ɣ* [ȯ˕]	*аа* [ʌ̇˕:], *ыы* [ɤ̇˕:], *оо* [ȯ˕:], *уу* [ȯ˕:/о˕:], ээ [ɤ̇˕:], *ии* [ɨ̇˕:], *өө* [ɔ̇˕:], *ɣɣ* [ȯ˕:]	*аъ* [ʌ˘:], *ыъ* [ɨ̇˕˘:], *оъ* [ȯ˕˘:], *уъ* [ȯ˕˘:], эъ [ɤ̇˕˘:], *иъ* [ɨ˘˕:/ɨ̇˕˘:], *өъ* [ɒ˕˘:], *ɣъ* [ɒ˘˕:]		
Тофский, В. И. Рассадин	30	[а], [о], [у], [ы], [э], [ө], [ɣ], [и], [і], [ə]	[аа], [оо], [уу], [ыы], [ээ], [өө], [ɣɣ], [ии], [іі], [əə]	[аъ], [оъ], [уъ], [ыъ], [эъ], [оъ], [ɣъ], [иъ], [іъ], [эъ]		

1.1.2. Парадигматическая сложность вокальных систем в южносибирских тюркских языках

В соответствии с положением Дж. Мак-Уортера о том, что структурная детализация является одним из показателей системной (парадигматической) сложности [McWhorter 2007], а также исходя из постулата Дж. Николз, что сложность сводится к количеству элементов в системе [Nichols 2009] (в нашем случае это число гласных фонем-монофтонгов, необходимых для порождения поверхностных форм), можно построить следующую иерархию сопоставляемых тюркских языков в порядке нарастания степени сложности вокальных систем (с учетом их интерпретации различными авторами):

1) байкало-алтайская группа идиомов, вокальные системы которых насчитывают от 14 до 18 фонем; к ней относятся идиомы южного и северного Алтая (алтайский, теленгитский, телеутский, кумандинский, чалканский, тубинский), Алтае-Саянского нагорья (шорский, хакасский), а также язык чулымских тюрок Томской области и язык барабинских татар, проживающих на территории Барабинской низменности Западно-Сибирской равнины:

– 11–12 фонем – барабинско-татарский (по В. В. Радлову, Т. Р. Рыжиковой – 8 фонем; Х. Х. Салимову – 11 фонем; Д. Г. Тумашевой, Л. В. Дмитриевой – 12 фонем);

– 14 фонем – теленгитский улаганский (по С. И. Машталиру), кумандинский, чулымско-тюркский;

– 15 фонем – алтайский онгудайский, теленгитский чуйский (по А. К. Бидиновой), бачатско-телеутский, чалканский;

– 16 фонем – алтайский литературный, тубинский чойский, тубинский турочакский, хакасский сагайский, шорский мрасский, барабинско-татарский (по Н. С. Уртегешеву и др.);

– 17 фонем – хакасский качинский;

– 18 фонем – теленгитский улаганский (по Н. Д. Алмадаковой);

2) байкало-саянская группа идиомов, к которой относятся языки байкало-саянского этноареала – тувинский и тофский, реестры вокальных фонем которых насчитывают от 24 до 32 единиц:

– 24 фонемы – тувинский (по Ф. Г. Исхакову, А. А. Пальмбаху), тувинский каа-хемский;

– 30 фонем – тофский;

– 32 фонемы – тувинский (по К. А. Бичелдею).

Неоднозначность научных интерпретаций барабинско-татарского вокализма может быть объяснена переходным характером языка, сформировавшегося, с одной стороны, на территории Сибири и включенного в свойственные южносибирским тюркским языкам процессы трансформаций, но, с другой стороны, испытывающего через казанских татар-переселенцев сильное влияние татарского литературного языка.

Таким образом, на основании простого поверхностного подсчета количества элементов, из которых состоит система [Miestamo 2008] (в нашем случае

это гласные фонемы-монофтонги), наиболее высокой степенью абсолютной объективной сложности характеризуются тувинский и тофский языки, наименьшей – барабинско-татарский (в интерпретации В. В. Радлова, Т. Р. Рыжиковой, Х. Х. Салимова, Д. Г. Тумашевой и Л. В. Дмитриевой). Если же язык барабинцев исключить из рассмотрения, то наименее сложными следует считать кумандинский, чулымско-тюркский и теленгитский улаганский (по С. И. Машталиру), вокальные системы которых представлены 14 единицами (узкие мягкорядные неогубленные краткие фонемы *ы* и *и* не имеют долгих коррелятов).

В инвентарях фонем некоторых языков исследователи наряду с монофтонгами констатировали дифтонги: 10 однофонемных сочетаний двух гласных звуков в барабинско-татарском [Тумашева 1968: 22; 1969; Дмитриева 1981], 5 дифтонгов в языке барабинцев Чановского и Барабинского районов Новосибирской области [Уртегешев 2003], 3 дифтонга в турочакском говоре языка тубинцев [Сарбашева 2004], 5 дифтонгов в улаганском говоре языка теленгитов [Алмадакова 2014]. Наличие в системе вокализма дифтонгов дополнительно к фонемам-монофтонгам свидетельствует, безусловно, о более высокой степени языковой сложности и является основанием для пересмотра выявленной выше иерархии южносибирских тюркских идиомов, основанной на оценке количественных показателей монофтонгических единиц. Иерархия языковой сложности, выстроенная с учетом наличия в системе гласных фонем-дифтонгов, дает основание для выделения трех групп идиомов:

1) идиомы Алтая (кроме тубинского турочакского и теленгитского улаганского, по Н. Д. Алмадаковой), хакасский и шорский языки, вокальные инвентари которых представлены только фонемами-монофтонгами (от 14 до 17 фонем):

– 14 фонем: теленгитский улаганский (по С. И. Машталиру), кумандинский, чулымско-тюркский;

– 15 фонем: алтайский онгудайский, теленгитский чуйский (по А. К. Бидиновой), бачатско-телеутский, чалканский;

– 16 фонем: алтайский литературный, тубинский чойский, хакасский сагайский, шорский мрасский;

– 17 фонем: хакасский качинский;

2) тубинский турочакский, барабинско-татарский и теленгитский улаганский (по Н. Д. Алмадаковой), вокальные инвентари которых включают как монофтонги, так и дифтонги (общее число фонем от 19 до 23);

– 19 фонем: тубинский турочакский – 16 монофтонгов и 3 дифтонга (по С. Б. Сарбашевой);

– 21 фонема: барабинско-татарский – 16 фонем-монофтонгов и 5 дифтонгов (по Н. С. Уртегешеву и др.);

– 22 фонемы: барабинско-татарский – 12 монофтонгов и 10 дифтонгов (по Д. Г. Тумашевой, Л. В. Дмитриевой);

– 23 фонемы: теленгитский улаганский – 18 фонем-монофтонгов и 5 дифтонгов (по Н. Д. Алмадаковой);

3) языки байкало-саянского этноареала, в которых представлены только фонемы-монофтонги – «чистые» и фарингализованные, а также назализованные (от 24 до 32 единиц):

– 24 фонемы: тувинский и тофский тувинский (по Ф. Г. Исхакову, А. А. Пальмбаху), тувинский каа-хемский;

– 30 фонем: тофский;

– 32 фонемы: тувинский (по К. А. Бичелдею).

Таким образом, языки второй группы (тубинский турочакский, барабинско-татарский и теленгитский улаганский) занимают промежуточное положение между языками с наименьшей степенью сложности – большинство идиомов Алтая, хакасский и шорский, с одной стороны, и языками с максимальной степенью сложности – тувинским и тофским, с другой.

Истоки более высокой степени сложности языка туба по сравнению с большинством других идиомов Алтая следует искать в этногенезе тубинцев: общее с тувинцами и карагасами (тофаларами) самоназвание *туба* / *тува* / *тофа* имеют роды и племена, входящие в состав алтайского и хакасского народов. Все эти этнические группы смешанного характера входили в большой племенной союз Туба и усвоили язык, близкий к древнеогузскому и древнеуйгурскому [Баскаков 1969: 317].

Особое место языка теленгитов в этой классификации связано с территорией его распространения и древними этноязыковыми контактами: «…территориальная близость теленгитов и тубаларов отразилась на том, что язык теленгитов-чолушманцев находит общие черты с языком тубаларов на фонетическом уровне, например, наличием дифтонгов. …На взаимосвязи предков улаганских теленгитов и тувинцев указывают топонимы, происхождение которых сами теленгиты связывают с … обитанием на этой территории тувинцев» [Алмадакова 2016: 20]. О генетической близости теленгитов и тувинцев свидетельствуют также краниологические данные [Тур, Тишкин 2001].

Тувинская и тофская вокальные системы, структурируемые не только оппозицией по квантитативным параметрам, но и включающие единицы, маркированные признаками фарингализованности и назализованности, а также имеющие наибольшее количество фонем, характеризуются максимальной для тюркских языков Южной Сибири степенью парадигматической сложности.

1.2. Консонантизм

В данном параграфе выявляются параметры сложности консонантных систем в тюркских языках южносибирского региона. Их объективная сложность, как и сложность вокалических систем, определяется количеством фонем и степенью универсальности и специфичности конститутивно-дифференциальных признаков, структурирующих системы, их удельным весом, числом системоорганизующих фонологических оппозиций, степенью иерархической сложности системы.

1.2.1. Инвентари согласных фонем в южносибирских тюркских языках

В фонологических системах тюркских языков Южной Сибири (кроме шорского) выделяется от 16 до 19 согласных фонем. Ниже представлены реестры согласных фонем, выявленных в тюркских языках Южной Сибири на основании дистрибутивного и функционального анализа текстов с привлечением квазиомонимических и морфологических данных.

Алтайский язык. 17 согласных фонем: 10 шумных – [p], [pː], [t], [tː], [s], [ʃ˙], [ħç͡ː], [k], [kː], [ħ], 7 малошумных – [m], [l], [r], [n], [j], [ɲ], [ŋ] [Чумакаева 1978].

Кумандинский язык. 17 согласных фонем: 9 шумных – [p], [pː], [t], [tː], [s], [ʃ˙], [ħç͡ː], [k], [kː], 8 малошумных – [m], [l], [r], [n], [j], [ɲ], [ɣ], [ŋ] [Селютина 1983].

Чалканский язык. 18 согласных фонем: 12 шумных – [p], [t], [s], [ʃ], [ħ], [q], [β], [d], [z], [ʒ], [j], [ɣ], 6 малошумных – [m], [n], [l], [r], [ɲ], [ŋ] [Мандрова 1982; Кирсанова 2003].

Тубинский язык. 18 согласных фонем: 11 шумных – [p], [pː], [t], [tː], [s], [ʃ˙], [ʃˈ], [ʃˈˈ], [ħç͡ː], [k], [kː], 7 малошумных – [m], [l], [r], [n], [j], [ɣ], [ŋ] [Сарбашева 2004].

Хакасский язык (нижне-тёйский говор сагайского диалекта). 17 единиц консонантной системы: 10 шумных – [p], [pː], [t], [tː], [s], [sː], [ʒ´], [t͡ʃ´ː], [χ], [χː], 7 малошумных – [m], [r], [l], [n], [j], [o̞ɨ̞], [ɳ] [Субракова 2006].

Шорский язык (мрасский диалект). 35 согласных фонем: 19 шумных – [pᶜ], [p·], [’pː], [tᶜ], [t·], [’tː], [s·ᶜ], [s·], [’sː], [ʃ·ᶜ], [ʃ·], [’ʃ′ː], [t͡ʃ′ᶜ], [ħ͡ʃ·′], [’ħç͡ː], [kᶜ], [k·], [’kː], [ɕ·], 16 малошумных – [mᶜ], [m·], [’mː], [lᶜ], [l·], [’lː], [’rᶜ], [n·], [’nː], [j], [’j], [’ɲː], [’ɣ], [ŋ·], [’ŋː], [ɕ] [Уртегешев 2002; 2004].

Барабинско-татарский язык. 19 согласных фонем: 12 шумных – [p], [’p], [t], [’t], [s], [’s], [ʃ], [’ʃ], [’t͡ʃ], [q], [’q], [x̌], 7 малошумных – [m], [w], [l], [r], [n], [j], [ɳ] [Рыжикова 2005].

Тувинский литературный язык. 18 согласных фонем: 11 шумных – [pᶜ], [tᶜ], [s], [ʃ′], [x], [p], [t], [z], [ʒ˙], [ħ͡ʃ′], [k], 7 малошумных – [m̤], [n̤], [l̤], [r̤], [j̤], [ŋ̤], [ɣ̤] [Сеглемей 2010].

Тувинский язык (сут-хольский говор центрального диалекта). 16 согласных фонем: 9 шумных – [pᶜ], [p], [tᶜ], [t], [s], [ʃ], [t͡ɕ], [k], [x], 7 малошумных – [m], [l], [r], [n], [j], [ɣ̤], [ŋ] [Кечил-оол 2006].

Калмакский язык. 19 согласных фонем: 13 шумных – [p], [b], [t], [d], [s], [z], [ʃ˙], [ʒ˙], [t͡s], [ħ͡ʃ′], [k], [k], [g], 6 малошумных – [m], [l], [r], [n], [j], [ŋ] [Уртегешев, Бабыкова 2005].

В тувинском языке представлено минимальное количество консонантных единиц – 16 (сут-хольский говор центрального диалекта); в алтайском, кумандинском, хакасском – по 17 фонем; в чалканском, тубинском и тувинском литературном – по 18; в барабинско-татарском и калмакском языках – по 19 фонем; в шорском языке функционирует 35 единиц.

Консонантные системы тюркских языков в порядке нарастания степени сложности выстраиваются следующим образом:

– 16 согласных фонем – тувинский (сут-хольский говор);

– 17 согласных фонем – алтайский, кумандинский, хакасский;

– 18 согласных фонем – чалканский, тубинский, тувинский (литературный);

– 19 согласных фонем – калмакский, барабинско-татарский;

– 35 согласных фонем – шорский.

Данная последовательность в целом совпадает с системой ожиданий, базирующихся на большом опыте проведения аудитивных и инструментальных исследований звуковых систем языков коренных народов Сибири. Из общетюркской системы выпадают, с одной стороны, сут-хольский диалект тувинского языка, занимающий в указанной цепочке нишу с наименее сложной консонантной системой, а с другой стороны, шорский язык, количество согласных единиц в котором в два раза превышает стандартный, что может быть связано с особенностями индивидуального подхода исследователя.

1.2.2. Парадигматическая сложность консонантных систем в южносибирских тюркских языках

Консонантные системы в южносибирских тюркских языках сформировались в результате наложения на языки субстратного нетюркского населения тюркского языка-суперстрата с консонантной системой, организованной тройной градуальной оппозицией по степени напряженности [Наделяев 1969: 236]. Поскольку для артикуляционно-акустических баз автохтонного населения алтае-саянского этноареала сильная степень мускульной напряженности речевого аппарата нехарактерна, при вынужденном переходе на язык завоевателей этносы должны были приспосабливать тюркскую фонетику к привычным для них произносительным установкам. Трансформация фонико-фонологических систем происходила по пути ослабления артикуляторной напряженности, т. е. по пути снижения языковой сложности, но реализация этих процессов в каждом из современных тюркских языков имела свою специфику – как в силу неоднородности этнического состава населения, так и по причине разнохарактерности исторических контактов.

В современном шорском языке оппозиция по напряженности сохранилась и коррелирует с характеристикой по типу работы гортани и языка: инъективные / статичные / эйективные единицы; при произнесении эйективных согласных возникает также эффект фарингализации. В языке барабинских татар выявленное для шорского языка противопоставление по инъективности / эйективности реализуется в виде фонологической оппозиции по фарингализованности / нефарингализованности; при этом фарингализованность в языке барабинцев – определяющий фонологический признак, а степень напряженности – сопутствующий. Включение в сопоставление тувинского и тофского языков, входящих в байкало-саянский регион, показывает иной фо-

нологический статус этих признаков: в тувинском степень напряженности согласных является базовым фонологическим признаком, фарингализация – оттенковым, детерминируемым алгоритмами тувинского сингармонизма.

Квантитативно ориентированные системы согласных, выявленные в алтайском, кумандинском, чалканском, тубинском и хакасском языках, сформировались в результате адаптации артикуляционно-акустических баз угро-самодийских этносов алтае-саянского региона с несвойственной им сильной напряженностью к фонологической системе тюркского языка-суперстрата, построенной на трихотомическом противопоставлении сильных / слабых / сверхслабых артикуляций.

Системы, для которых базовым признаком является характеристика единиц по звонкости / глухости, функционируют в тюркских языках севера Сибири (якутском и долганском). В южносибирском регионе аналогичные модели формируются в языке калмаков и в сагайском диалекте хакасского языка как результат трансформации системы, организованной по параметрам напряженности (в сагайском – через промежуточную стадию квантитативно структурированной системы).

Таким образом, в алтайском, кумандинском, чалканском, тубинском и хакасском языках оппозиция по напряженности преобразовалась в трихотомическую оппозицию по длительности: согласные противопоставлены как краткие / долгие / долготнонеопределенные. В тувинском и тофском консонантизме в различной степени представлены особенности пратюркской системы: степень напряженности сохранилась в качестве основного системообразующего признака, но при этом существенно сократилась сфера реализации класса сильнонапряженных единиц. В барабинско-татарском языке степень напряженности коррелирует с релевантным для консонантизма наличием / отсутствием фарингализации как дополнительной окраски звука. В шорском языке напряженность является характеристикой, охватывающей всю систему согласных и сопутствующей основному конститутивно-дифференциальному признаку глоттализованности / неглоттализованности.

В результате преобразования пратюркской системы согласных в языке современных калмаков оппозиция по напряженности сохранилась лишь на периферии системы. Основным релевантным признаком, структурирующим субсистему шумных согласных, является признак работы голосовых связок. Выделены три пары фонем – губных и переднеязычных, противопоставленных по глухости / звонкости: [p] – [b], [t] – [d], [ʃ] – [ʒ']. Класс шумных всегда глухих фонем представлен семью единицами: [p], [t], [ʃ], [t͡s], [ʜʃ], [k], [x̌], класс шумных всегда звонких – четырьмя: [b], [ß], [d], [ʒ'] [Уртегешев, Бабыкова 2005]. О незавершенности процесса формирования системы, основанной на оппозиции по признаку голоса, свидетельствует тот факт, что переднеязычная щелевая фонема [s] и гуттуральная фонема [k], по преимуществу глухие, в определенном фонетическом контексте реализуются в звонких аллофонах; звонкая по большинству своих реализаций фонема [g] имеет среди

своих позиционно-комбинаторных оттенков и глухой аллофон. Подобное варьирование – свободное или позиционно-комбинаторно обусловленное – свойственно всем южносибирским тюркским языкам, поскольку для них звонкость / глухость не является релевантным признаком.

В качестве остаточного явления в калмакской системе сохранились реликты оппозиции единиц по степени напряженности: две гуттуральные глухие фонемы противопоставлены как умереннонапряженная [k̲] и сильнонапряженная [k], облигаторно сильнонапряженными являются аффрикаты [t͡s̲] и [ħ͡ʃ]. Функционирующая на данном этапе система, представляющаяся несколько эклектичной, является результатом взаимодействия двух систем – древней тюркской, основанной на противопоставлении согласных по степени напряженности и сохранившейся в некоторых южносибирских тюркских языках, и казанско-татарской, структурируемой по звонкости / глухости. Для калмакского языка оппозиция согласных по работе голосовых связок относится к числу инноваций, поддерживаемых сильным влиянием русского языка – особенно если учесть крайнюю ограниченность контингента говорящих на нем.

Таким образом, с точки зрения артикуляторной сложности субстантного признака, принятого языком в качестве базовой структурно-таксономической характеристики, консонантные системы шорского, барабинско-татарского и тувинского языков, организованные противопоставлением по напряженности, следует квалифицировать как более сложные по сравнению с системами согласных в алтайском, кумандинском, чалканском, тубинском и хакасском языках, где в основу положена оппозиция по квантитативным характеристикам единиц, а также по сравнению с калмакской системой согласных, структурируемой по признаку звонкости / глухости.

Исходя из положения Дж. Мак-Уортера о том, что фонемный инвентарь тем сложнее, чем больше в нем маркированных фонем, поскольку их наличие подразумевает наличие и немаркированных членов оппозиций, а значит, более сложную систему фонологических различий [McWhorter 2001], также следует заключить, что консонантные системы шорского, барабинско-татарского и тувинского языков относятся к числу наиболее сложноорганизованных, поскольку включают классы фонем, маркированных признаками, не востребованными в сопоставляемых языках.

Языковая сложность консонантных систем шорского, барабинско-татарского и тувинского языков определяется функционированием в них рядов фонем, противопоставленных по признаку глоттализованности / неглоттализованности. При этом в шорском языке тройная оппозиция согласных по основному конститутивно-дифференциальному признаку – типу работы гортани и языка – констатируется как для шумного, так и для малошумного консонантизма:

– эйективные согласные (продуцируются при поднимающейся гортани и оттягивающемся назад корне языка): [’pː], [’tː], [’sː], [’ʃ′ː], [’ħ͡çː], [’kː], [’mː], [’lː], [’r^{c}], [’nː], [’ɲː], [’j], [’ɣ], [’ŋː];

– статичные (произносятся при нейтральном положении гортани и языка): [p·], [t·], [s·], [ʃ·], [t͡ʃ·′], [k·], [ɕ·], [m·], [l·], [n·], [j], [ŋ·], [ɕ];

– инъективные (реализуются при опускающейся гортани и продвигающемся вперед теле языка): [p^{c}], [t^{c}], [s·^{c}], [ʃ·^{c}], [t͡ʃ′^{c}], [k^{c}], [m^{c}], [l^{c}] [Уртегешев 2002; 2004].

Таким образом, каждый звукотип представлен как нейтральным – немаркированным членом оппозиции, так и двумя маркированными: эйективным и инъективным.

Результаты изучения языка барабинских татар также послужили основанием для констатации в каждой из подгрупп класса шумных переднеязычных согласных тройной оппозиции фонем: [t]$_1$ – [t]$_2$ – [d], [s]$_1$ – [s]$_2$ – [z], [ʃ]$_1$ – [ʃ]$_2$ – [ʒ] [Рыжикова 2001: 120; Ryzhikova 2002: 66–67]. Однако система базируется на трихотомическом, а не тетрархическом принципе построения: шумные фарингализованные напряженные: [’p], [’t], [’s], [’ʃ], [’t͡ʃ], [’q] / шумные нефарингализованные ненапряженные: [p], [t], [s], [ʃ], [q], [x̆] / малошумные нефарингализованные слабонапряженные: [m], [w], [l], [r], [n], [j], [ɳ] [Рыжикова 2005].

В сут-хольском говоре центрального диалекта тувинского языка также выявлены – на периферии системы – рефлексы тетрархической оппозиции согласных по степени мускульной напряженности: сверхсильные [p], [t] / сильные [p], [t], [k] / слабые [b̂], [d̂] / сверхслабые [m], [n] [Монгуш 2001: 145–149]. Максимально маркированными являются шумные смычные согласные. Зафиксированное состояние тувинской сут-хольской системы согласных является остаточным элементом предшествующих ступеней развития, показателем языковой ретроспективы, трансформации системы по пути упрощения.

В отличие от шорского, барабинско-татарского и тувинского языков, консонантные системы алтайского, кумандинского, чалканского, тубинского, хакасского и калмакского языков не содержат классов согласных, противопоставленных по параметрам глоттализованности / неглоттализованности, что указывает на относительно меньшую степень фонико-фонологической парадигматической сложности в этих языках.

Более высокий уровень фонетического разнообразия в шорском, барабинско-татарском и тувинском языках определяется также тем, что консонантные системы в этих языках базируются не только на основном фонологическом признаке, но и на дополнительных, сопутствующих релевантных параметрах.

В шорском языке системообразующими характеристиками, дополнительными к эйективности / статичности / инъективности, являются степень напряженности, наличие / отсутствие фарингализации, квантитативные показатели: эйективность облигаторно сопровождается сильной напряженностью, фарингализацией настроек и их долготой; статичные реализуются как умереннонапряженные, нефарингализованные, полудолгие; инъективные являются слабонапряженными, нефарингализованными, краткими. Характер ор-

ганизации системы согласных в языке барабинских татар близок к тому, что и в шорском языке: консонантизм определяется оппозицией по фарингализованности / нефарингализованности настроек, степень артикуляторной напряженности является конститутивно-дифференциальным признаком, обусловленным наличием / отсутствием фарингализации. В тувинском языке степень консонантной напряженности выступает в корреляции с аспирированностью / неаспирированностью как сопутствующим релевантным признаком шумных согласных.

В отличие от указанных языков, в которых одним из основных системообразующих признаков консонантизма является артикуляторная напряженность, коррелирующая с глоттализованностью, алтайский, кумандинский, чалканский, тубинский, хакасский и калмакский языки имеют не столь сложноорганизованные системы, базирующиеся лишь на одном конститутивно-дифференциальном признаке – степени длительности или звонкости / глухости манифестаций.

Проведенное исследование фонико-фонологических систем свидетельствует о том, что в ряду южносибирских тюркских языков более высокой степенью объективной сложности характеризуются консонантные системы шорского и барабинско-татарского языков, фонологические системы которых организованы оппозицией единиц по глоттализованности / неглоттализованности, а также тувинский консонантизм, в системе которого противопоставление по указанному признаку реализуется на фоническом уровне. Важно отметить, что глоттализация и степень напряженности коррелируют между собой. В консонантных системах, организованных по иному принципу, – по длительности (алтайский, кумандинский, чалканский, тубинский, хакасский языки) и по звонкости / глухости (калмакский, а также северные тюркские языки – якутский, долганский) глоттализация согласных не констатируется.

На наш взгляд, сведение проблемы абсолютной (объективной) сложности лишь к количеству элементов, из которых состоит система [Miestamo 2008], упрощает проблему. Использование формальной количественной оценки сложности языкового явления путем поверхностного подсчета элементов может быть продуктивно и полезно, но лишь на первом этапе построения концепции. Дальнейшая серьезная разработка проблемы требует более глубокого и последовательного анализа всех компонентов систем с учетом их взаимосвязей и взаимообусловленностей.

2. Сложность вокальной системы сургутского диалекта хантыйского языка на фоническом уровне [2]

В данном параграфе рассматривается фоническая сложность сургутского диалекта хантыйского языка – одного из финно-угорских языков на террито-

[2] Авторы выражают признательность Аграфене Семеновне Песиковой за помощь в организации исследований и составлении программы записи.

рии Сибири. Фонологическая система этого диалекта устроена достаточно сложно: в тром-аганском говоре выделяется 13 гласных фонем первого слога, противопоставленных по двум степеням фонологической длительности, огубленности / неогубленности, трем рядам и четырем подъемам: /i:/, /ɨ:/, /u:/, /e:/, /o:/, /ɔ:/, /a:/, /ʉ/, /e/, /o/, /ɛ/, /ɔ/, /a/ [Тимкин 2018]. Артикуляция гласных характеризуется также набором дополнительных признаков, таких как фарингализация, назализация, гортанное округление, фонологически не значимых для данного диалекта, однако представляющих большой интерес с точки зрения характеристики артикуляционно-акустических баз языков сибирского региона.

Предварительные данные получены на слуховом уровне. Ранее исследователями хантыйского языка были рассмотрены и проанализированы диалекты, входящие в состав западного диалектного массива [Куркина 2000; Верте 2003]. В первом слоге этих диалектов реализуется примерно одинаковое количество гласных фонем, которые фонологически делятся на долгие и краткие. В среднеобском и родственных ему диалектах выделяется 8 гласных фонем: 4 кратких и 4 долгих – ȧ, ï, u̇, ȯ, ā, ō, ū, ē [Терёшкин 1966: 321]; аналогично в шурышкарском: 4 краткие – ă, ĭ, ŭ, ŏ, 4 долгие – a, o, u, e [Основы финно-угорского языкознания 1976: 258]; в казымском диалекте 9 фонем: 5 долгих – ọ, ɔ, α, ɛ, e, 4 кратких – ŏ, ŭ, ă, ĭ [Steinitz 1950: 112]; в системе верхнеказымского вокализма – 9 гласных фонем, среди них 8 гласных полного образования и один гласный неполного образования – редуцированный /ə/. К гласным полного образования относятся 4 долгих (/e:/, /ɔ̈:/, /ȯ:/, /ȧ:/) и 4 кратких (/i/, /ü/, /ȯ/, /ȧ/), функционирующие преимущественно в первом слоге. Гласный неполного образования реализуется только в непервом слоге (кроме абсолютного исхода). Из гласных полного образования в непервом слоге часто встречаются [α:], [i], [e:]; остальные гласные употребляются в единичных случаях [Куркина 2000: 113].

Самые краткие сведения о сургутской фонетике содержатся в работах Л. Хонти [1993] и М. Чепреги [1998] (табл. 2).

В работе Л. Хонти представлена система гласных звуков, в которой отражается разный набор гласных для первого и непервого слогов (см. табл. 2). Основными параметрами, по которым гласные противопоставляются друг другу, являются напряженность / ненапряженность и подъем (верхний, средний, нижний). По месту образования различаются палатальные (образуемые при участии переднего неба) и велярные (произносимые при поднятии задней части спинки языка к мягкому, или заднему, небу) звуки. Они характеризуются также по признаку наличия или отсутствия огубленности.

Специфика гласных звуков охарактеризована следующим образом: «Как напряженные, так и ненапряженные гласные могут употребляться в начальной, серединной и конечной позициях в слове, но лабиальные гласные в непервых слогах не используются (за исключением одного из суффиксов пассива...). Ненапряженные гласные первого слога реализуются всегда сверхкраткими. ... Фонологическая оппозиция гласных фонем по напряженности /

Таблица 2

Система гласных сургутского диалекта хантыйского языка (по: [Чепреги 1998: 303])

Напряженность	Подъем	Гласные первого слога				Гласные непервых слогов	
		велярные		палатальные		велярные	палатальные
		иллаб.	лаб.	иллаб.	лаб.		
Напряженные	верхний	ị	u	i	ü	ị	i
	средний		o	e		ẹ	e
	нижний		å	ä		a	ä
Ненапряженные	ненижний		ŏ	ĕ	ö̆		
	средний					ə̂	ə
	нижний	ă		ä̆	ə̆		

Примечание. Звук ü имеется только в юганском диалекте, ö̆ отсутствует в пимском диалекте.

ненапряженности сопровождается оппозицией несверхкраткость / сверхкраткость. Напряженные гласные, в зависимости от открытости / закрытости слога, реализуются как долгие, полудолгие или краткие. Ненапряженные реализуются всегда сверхкраткими» [Хонти 1993: 304].

Более подробная характеристика сургутского вокализма содержится в хрестоматии по сургутскому диалекту хантыйского языка М. Чепреги [1998], где также противопоставляется вокализм первого и непервого слогов (см. табл. 3):

Гласные делятся на две группы – полного образования и редуцированный *ə*. В непервом слоге встречаются гласные полного образования *i*, *e*, *a* и редуцированный *ə*.

В работе М. Чепреги [1998] гласные охарактеризованы по следующим параметрам (табл. 4).

Гласные полного образования подразделяются по степени открытости на закрытые, среднезакрытые и открытые (ср. признак напряженности / ненапряженности в классификации Л. Хонти). По месту образования, кроме велярных и палатальных, выделяются также гласные центрального ряда, которые в классификации Л. Хонти отсутствуют, перераспределяясь, очевидно, между велярными и палатальными гласными.

Таблица 3

Система гласных первого слога сургутского диалекта хантыйского языка (по: [Чепреги 1998: 12])

	Заднерядные		Центральнорядные	Переднерядные
Верхнего подъема	u	ị	ŭ	i
Среднего подъема	o	ŏ	ŏ	e
Нижнего подъема	å	ă	a	ă
Редуцированный			ə	

Таблица 4

Характеристики гласных сургутского диалекта хантыйского языка (по: [Чепреги 1998: 12])

	å	o	u	ị	a	e	i	ă	ŏ	ǎ	ǒ	ŭ	ə
Напряженность	+	+	+	+	+	+	+	–	–	–	–	–	–
Высокие	–	–	+	+	–	–	+	–	–	–	–	+	–
Низкие	+	–	–	–	+	–	–	+	–	+	–	–	–
Задние	+	+	+	+	–	–	–	+	+	–	–	–	–
Передние	–	–	–	–	–	+	+	–	–	+	–	–	–
Огрубленные	+	+	+	–	–	–	–	–	+	–	+	+	–

Поскольку способы обозначения звуков в работах Л. Хонти и М. Чепреги различаются, а примеры, представленные в описаниях, не позволяют выстроить последовательную систему взаимных соответствий, трудно определить, какие именно звуки подразумеваются за теми или иными обозначениями. Так, в классификации Л. Хонти представлено 4 знака для обозначения *о*-образных звуков: *о*, *ŏ*, *ǒ*, *ǒ̈*, тогда как в классификации М. Чепреги их только три: *о*, *ŏ*, *ǒ*. Различаются характеристики *и*-образных звуков: в обоих классификациях к велярным относится звук *и*, но в классификации Л. Хонти *ӥ* определяется как палатальный верхнего подъема, а в классификации М. Чепреги *ŭ* – как центральный. Серия открытых звуков в классификации М. Чепреги представлена четырьмя *а*-образными гласными: велярными *å* и *ă*, центральным *а*, палатальным *ǎ*. У Л. Хонти в первом слоге различаются: велярный лабиализованный напряженный *å*, велярный иллабиализованный ненапряженный *ă*, палатальный напряженный *ä*, палатальный ненапряженный *ǎ*; в непервых слогах: велярный напряженный *а* и палатальный напряженный *ä*.

Расхождения в системе обозначения и интерпретации гласных сургутского диалекта, возможно, вызваны не только различием в теоретических подходах к их описанию, но также и тем, что между разными говорами наблюдаются довольно существенные расхождения, даже в речи дикторов – представителей одной и той же семьи отмечается широкое варьирование в произношении звуков в одной и той же позиции, что не позволяет на данном этапе исследования выстроить строгую систему гласных. Возможно, одним из ее признаков является принципиальная возможность варьирования, так как носители этого диалекта проживают разобщенно на труднодоступных территориях, а кодификация произносительных норм отсутствует.

Наши данные по вокализму сургутского диалекта были получены при непосредственной работе с тремя дикторами. Всего было затранскрибировано примерно по 130 слов от каждого информанта. Слова в программе записи были подобраны таким образом, чтобы выявить фонологические оппозиции, поставить гласные в сильные позиции, в которых их признаки проявляются максимально отчетливо.

В данном разделе монографии рассматриваются гласные первого слога, которые мы относим к гласным полного образования. В работе М. Чепреги в составе первого слога выделяется также и гласный неполного образования – редуцированный, который на письме обозначается знаком *ə*. Анализ имеющегося материала позволил выявить редуцированный гласный в первом слоге только в одном из 127 затранскрибированных слов – *пəɻитəта* (в транскрипции звук в первом слоге обозначается знаком «ĭь» с «луночкой» сверху). Этот звук можно охарактеризовать как редуцированный неогубленный узкий гласный второй ступени отстояния (см. табл. 5). Он образуется в результате векторного движения межуточной части спинки языка к середине передней части мягкого неба. На слух этот звук воспринимается как сверхкраткий «ы». Вероятнее всего, этот звук не имеет фонологической значимости, возникает в первом слоге многосложного слова как вариант гласного полного образования. Буквой *ə*, как будет показано далее, обозначаются на письме закрытые гласные переднего ряда, для которых необходимо предусмотреть собственные графические средства.

Анализ и интерпретация материала по вокализму сургутского диалекта хантыйского языка выполнены в русле теоретических и методологических традиций, сформировавшихся в процессе исследования звуковых систем языков народов Сибири и сопредельных регионов сотрудниками Лаборатории экспериментальных фонетических исследований (ЛЭФИ) Института филологии СО РАН (г. Новосибирск) под руководством В. М. Наделяева.

Таблица 5

Редуцированные гласные 1-го слога [3]

Слово	Перевод	Диктор 1	Диктор 2	Диктор 3	Позиция в слове (диктор)
пəɻтаптəта	пугать время от времени		рĭь̯ʎ̮tʌ́ptətʌ́	рĭь̯ʎ̮tʌ́ptətʌ́	C_1ĭьC_1C_1ʌ́C_1C_1əC_1ʌ́ (2–3)

[3] Примечание. Диктор 1 – носительница юганского говора, уроженка с. Песиково Сургутского района Ханты-Мансийского автономного округа, 1951 г.р., имеет высшее филологическое образование. Диктор 2 – уроженка пос. Рускинская Ханты-Мансийского автономного округа, 1963 г.р. Диктор 3 – уроженец пос. Ермаково Ханты-Мансийского автономного округа, 1962 г.р. Дикторы 2 и 3 являются носителями тром-аганского говора сургутского диалекта хантыйского языка, ведут традиционный образ жизни, проживают в р-не пос. Северный Сургутского района Ханты-Мансийского АО, на притоках реки Тромъёган, в повседневном общении используют хантыйский язык, русским языком владеют плохо, учились только в начальной школе.

Здесь и далее цифры (1), (2), (3) в круглых скобках обозначают, в речи какого из дикторов зарегистрирован данный вариант произношения.

Для адекватной фиксации гласных используется транскрипционная система В. М. Наделяева [Наделяев 1960; Уртегешев и др. 2009], отличающаяся от традиционно используемой системы МФА. В общей и экспериментальной фонетике принят координатный принцип настроек гласных: при настройке гласных весь корпус языка продвигается по оси абсцисс вперед-назад – от этого зависит ряд гласного, а активный участок корпуса языка или весь корпус языка в целом поднимается по оси ординат вертикально, обусловливая ступень подъема. В. М. Наделяев предложил векторный принцип классификации гласных в языках мира, в соответствии с которым учитывается одновременность продвижения языка по вертикали и по горизонтали, т. е. учитывается вектор как результирующая этих движений. При этом выявляется одновременно направление движения языка и степень его продвижения по этому направлению. Классификация, предложенная В. М. Наделяевым, имеет вид неправильной выгнутой трапеции, внутри которой размещаются все основные типы гласных [Селютина 2008: 53–54] (рис. 1).

В результате проведенного анализа гласных сургутского диалекта на фоническом уровне были выявлены следующие признаки, на основании которых вокальные единицы потенциально могут противопоставляться друг другу:

– долгие / краткие;

– простые / сложные / усложненные;

Рис. 1. Основные типы гласных в классификации В. М. Наделяева

– прерывистые [4] / непрерывистые (для долгих гласных);

– гласные полного образования / гласные неполного образования (для прерывистых долгих гласных);

– гласные с дополнительными артикуляциями: назализованные, лабиализованные, фарингализованные;

– гортанно-округленные – гортанно-неокругленные для вокальных настроек типа «о»;

– истинные дифтонги и дифтонгоиды.

Простые и усложненные гласные могут быть как краткими, так и долгими. Простые краткие и долгие имеют «чистое звучание» без дополнительной артикуляции. Усложненные совпадают по ряду и подъему с простыми, но при этом имеют дополнительную артикуляцию (лабиализацию, назализацию, фарингализацию и т. п.).

Взаимная работа корня языка и задней стенки фаринкса создают фарингализацию как особый признак гласных в сургутском диалекте хантыйского языка. Данный признак распространяется на краткие и долгие гласные (кроме прерывистых), охватывая большое количество вокальных настроек. Фарингализация, возникающая благодаря работе глоточной полости, является характерным признаком сургутских гласных.

Назализация гласных в сургутском диалекте хантыйского языка фиксируется, но не является маркером. Данный вид дополнительной артикуляции имеет индивидуальный характер.

Дальнейшее описание гласных сургутского диалекта хантыйского языка проводится в соответствии с данной классификацией. Для обозначения используются транскрипционные знаки, отраженные на рис. 1, по которым можно определить зону формирования гласного звука и особенности его артикуляции.

2.1. Долгие гласные

Длительность долгих гласных в среднем в два раза больше, чем соответствующих им кратких гласных, например: если длительность краткого гласного типа «и» примерно 60 миллисекунд (мс), то долгого – 112 мс.

Среди долгих выявлены непрерывистые и прерывистые полного образования и прерывистые гласные неполного образования (рис. 2).

2.1.1. Долгие непрерывистые гласные

Долгие непрерывистые гласные представлены двумя группами: без дополнительной артикуляции и с дополнительной артикуляцией (рис. 2).

---

[4] Прерывистые гласные неполного образования – сложные звуки, состоящие из двух разнородных вокальных компонентов, разделенных гортанной смычкой (см. подробнее ниже).

Рис. 2. Классификация долгих гласных сургутского диалекта хантыйского языка

1. Долгие непрерывистые гласные **без дополнительной артикуляции** представлены в данном диалекте 11-ю широкими и 6-ю узкими гласными фонами.

1) Широкие гласные:

– **«е:»** – долгий неогубленный полуширокий гласный третьей ступени отстояния. Образуется в результате векторного движения средней части спинки языка к середине передней части твердого неба – переднерядный. На слух этот звук воспринимается как закрытый «э». На письме передается буквой **и**. Звук **«е:»** констатируется в речи дикторов 2 и 3 как вариант **«ɪ:»** в первом слове, во втором выступает как самостоятельная единица – не чередуется (см. табл. 6, № 1, 2);

– **«з:»** – долгий неогубленный широкий гласный четвертой ступени отстояния. Образуется в результате векторного движения средней части спинки языка ко второй половине твердого неба. На слух этот звук воспринимается как открытый «э». Только в одном слове *лэк* он воспроизводится у всех дикторов одинаково, обозначается буквой **э**. Неожиданным является появление «з:» у диктора 1 вместо огубленного гласного типа «о», наблюдается разогубление. В слове *мäс* ‘корова’ у дикторов 1 и 2 фиксируется исследуемый

гласный, а у диктора 3 – вокальная настройка типа «а». Таким образом, для диктора 1 тремя разными письменными знаками обозначается один гласный звук, для диктора 2 – двумя, а для диктора 3 – одним (см. табл. 6, № 3–5);

– **«ə:»** – соответствует предыдущему гласному «з:», но является призакрытым, 3-й ступени отстояния. На письме обозначается буквой **ä**. Разночтений в произнесении звука «ə:» в слове *сäӈки* по трем дикторам не выявлено (см. табл. 6, № 6);

– **«ə:»** – артикулируется так же, как и «з:», только чуть более открыто, определяется как гласный 5-й ступени отстояния. На письме обозначается буквой **ä**. Разночтений в произнесении по трем дикторам не обнаружено (см. табл. 6, № 7);

– **«ȧ:»** – долгий неогубленный широкий гласный пятой ступени отстояния, образуется в результате векторного движения межуточной части спинки языка на середину передней части мягкого неба. На слух этот звук воспринимается как открытый «а». На письме передается буквой **а**. В слове *сари* разночтений в произнесении трех дикторов данного звука нет, в двух других словах есть. Данный звук характерен для диктора 3, он заменяет им и звуки типа «э», и лабиализованный «а». В слове ‘легкий’ у диктора 3 отмечается компенсаторная долгота: результат стяжения геминированного (удвоенного) «n» (см. табл. 6, № 8, 9);

– **«ȯ̈:»** – долгий огубленный широкий гласный пятой ступени отстояния образуется в результате векторного движения межуточной части спинки языка на середину передней части мягкого неба. На слух этот звук воспринимается как открытый «о», зафиксирован в речи дикторов 2 и 3. На письме передается буквой **ö** (см. табл. 6, № 10);

– **«ȯ:»** – соответствует предыдущему гласному «ȯ̈:», только чуть у́же, 4-й ступени отстояния. На письме обозначается буквами **ө**, **ӧ̆**. Для рассматриваемого фона в первых двух словах разночтений в произнесении по трем дикторам не выявлено. В словах 3 и 4 данный гласный характерен только для диктора 3, соответствуя в речи других дикторов или восходящей фарингализации в слове *пӧй*, или прерывистому гласному неполного образования в *өвпи* по диктору 1, дифтонгоиду – по диктору 2 (см. табл. 6, № 11–14);

– **«o:»** – долгий огубленный полуширокий гласный третьей ступени отстояния. Образуется в результате векторного движения задней части спинки языка к середине мягкого неба. На слух этот звук воспринимается как полуузкий призакрытый «о», зафиксирован в речи диктора 2. На письме передается через ***ӧ̆***, более привычным было бы написание **о**. В произнесении дикторов 1 и 3 соответствует кратким фарингализованным гласным. В данном слове долгота компенсаторная: результат стяжения геминированного (удвоенного) «ŋ» (см. табл. 6, № 15);

– **«æ:»** – долгий неогубленный широкий гласный пятой ступени отстояния. Образуется в результате векторного движения средней части спинки языка к середине передней части твердого неба. На слух этот звук восприни-

мается как открытый «а». На письме передается буквой **а**. Разночтений в произнесении по трем дикторам не отмечено (см. табл. 6, № 16);

– **«a̭:»** – соответствует предыдущему гласному «æ:», только чуть шире, 6-й ступени отстояния. Акустически этот звук воспринимается как открытый «а». На письме обозначается буквой **ӑ**, более привычным было бы написание ***а***. Разночтение наблюдается у 1-го диктора: гласный имеет дополнительную артикуляцию – нисходящую фарингализацию (см. табл. 6, № 17);

– **«ȧ:»** – долгий неогубленный полуширокий гласный четвертой ступени отстояния. Образуется в результате векторного движения межуточной части спинки языка к середине передней части мягкого неба. На слух этот звук воспринимается как закрытый «а». На письме обозначается буквой **а**. Фон зафиксирован в речи диктора 1, соответствует прерывистым гласным типа «а» в произнесении дикторов 2 и 3 (см. табл. 6, № 18).

2) Узкие гласные:

– **«ȯ:»** – долгий огубленный полуузкий гласный второй ступени отстояния. Образуется в результате векторного движения межуточной части спинки языка к середине передней части мягкого неба. На слух этот звук воспринимается как открытый «у». В словах 19–21 констатируется идентичное произношение данного звука у трех дикторов. У диктора 1 в словах 22 и 23 долгому гласному «ȯ:» соответствует прерывистый гласный полного образования «ȯ̭ȯ», и наоборот: в слове 24 у диктора 1 долгий гласный соответствует прерывистому у дикторов 2 и 3. В слове *дуд* дикторы 1 и 2 произносят долгий гласный, а диктор 3 – прерывистый гласный. Складывается впечатление, что прерывистые гласные полного образования постепенно заменяются долгими гласными в результате стяжения однородных компонентов, причем у дикторов этот фонетический процесс протекает неравномерно (см. табл. 6, № 19–25);

– **«ö:»** – долгий огубленный полуузкий гласный второй ступени отстояния. Образуется в результате векторного движения средней части спинки языка к границе твердого и мягкого неба. На слух этот звук воспринимается как открытый «мягкий» «у», т. е. гласный, чуть продвинутый вперед к центру. Буквенное обозначение – ***у***. Разночтений в произнесении по трем дикторам не отмечено (см. табл. 6, № 26);

– **«ы̇:»** – долгий неогубленный полуузкий гласный второй ступени отстояния. Образуется в результате векторного движения межуточной части спинки языка к середине передней части мягкого неба. На слух этот звук воспринимается как открытый «ы». На письме обозначается буквой **ы**. Кроме того, у диктора 1 в слове *сив* буквой **и** обозначается этот же звук, в то время как у дикторов 2 и 3 звучат прерывистые гласные неполного образования, дифтонгоиды (см. табл. 6, № 27, 28);

– **«ӹ:»** – долгий неогубленный полуузкий гласный второй ступени отстояния. Образуется в результате векторного движения средней части спинки языка к границе твердого и мягкого неба. На слух этот звук воспринимается как открытый «мягкий» «ы», т. е. продвинут к центру. Буквенное обозначе-

ние – ***и***. Четкое произношение фиксируется у диктора 1, у дикторов 2 и 3 в первом слове дифтонгоидное произношение с компонентом **j** в финале; во втором слове прерывистой гласный неполного образования у диктора 2, гласный переднего ряда типа «и» у диктора 3 (см. табл. 6, № 29, 30);

– **«ɪ:»** – долгий неогубленный полуузкий гласный второй ступени отстояния. Образуется в результате векторного движения средней части спинки языка к середине передней части твердого неба – звук переднерядный. На слух воспринимается как открытый «и», средний между ***и*** и ***э***. На письме передается буквой **и**. Как видно из примеров, приведенных ниже, чаще всего буква ***и*** адекватно передает звучание исследуемого звука, однако в ряде случаев отмечается дифтонгоидное произношение с j-образным компонентом в ауслауте фонации гласного: сильным «ɪj» – «ɬ′ɪjmʌ̀ŋ» ‘Лямин (название реки)’, слабым «ɪ̯ʲ» – «ḷ′ɪ̯ᵣʲp·ək» ‘песец’. Фиксируется также произнесение дикторами полуширокого гласного переднего ряда «e:», прерывистых гласных полного и неполного образования, дифтонгов (см. табл. 6, № 31–40);

– **«i:»** – долгий неогубленный узкий гласный первой ступени отстояния. Образуется в результате векторного движения средней части спинки языка к середине передней части твердого неба – звук переднерядный. На слух воспринимается как закрытый «и». На письме передается буквой **и**. Был зафиксирован только в произнесении диктора 1, у дикторов 2 и 3 был констатирован прерывистый гласный типа «ы’ы» (см. табл. 6, № 41).

Таблица 6

Долгие непрерывистые гласные

№	Слово	Перевод	Диктор 1	Диктор 2	Диктор 3	Позиция в слове (диктор)
1	тьиминт	такой	ħçɪ:m′ɪnt – ħɪ:m′ɪnt	ħçɪ:m′ent – ħçe:m′ent	ħçɪ:m′ent – ħçe:m′ent	$C_{ɪ}$:C_3ɪC_3C_1 (1) $C_{ɪ}$:C_3eC_3C_1 (2–3) C_1e:C_3eC_3C_1 (2–3)
2	вирис	ограждение у берега реки для ловли рыбы	β′ɪ:r′ɪs	β′e:r′n′e	β′e:rɲɪ	C_2ɪ:C_3ɪC_1 (1) C_2e:C_3C_3e (2) C_2e:C_3C_3ɪ (3)
3	вöӈ	зять	β‘ɜ:ŋ	w‘ɑ̈:ŋ	w‘ɑ̈̃:ñ̃	C_2ɜ:C_3 (1) C_3ɑ̈:C_3 (2) C_3ɑ̈̃:C_3 (2)
4	лэк	дорога	ḷ′ɜ:k	ḷ′ɜ:k	ḷ′ɜ:k	C_1ɜ:C_1 (1–3)
5	мäс	корова	’m:‘ɜ:s	’m:‘ɜ:s	’m:‘ɑ:s	C_3ɜ:C_1 (1–2) C_3ɑ:C_1 (3)

6	сäӈки	били (его)	s̱ˈˁɵːŋ˃kʹɪj	s̱ːˁɵːŋ˃kїj	s̱ːˁɵːŋ˃kїj	C_1ɵːC_3C_1ɪj (1) C_1ɵːC_3C_1їj (2–3)
7	сäм	глаз	sˈəːm	sˈəːm	sˈəːm	C_1əːC_3 (1–3)
8	сари	размывай	sȧːrʹɪ	sȧːrʹɪ	sȧːrї	C_1ȧːC_3ɪ (1–2) C_1ȧːC_3ї (3)
9	кӧнəҳ	лёгкий	kˌˁɜnnѣх	kˌˁȧ°nnѣх	kˌˁȧ°nnѣх – kˌˁȧːnѣх	C_1ɜC_3C_3ѣC_1 (1) C_1ȧ°C_3C_3ѣC_1 (2–3) C_1ȧːC_3ѣC_1 (3)
10	вöӈ	зять	βˁ̱ɜːŋ	wˁȣ̈ːŋ	wˁ̱ȣ̈ːŋ̃	C_2ɜ̱ːC_3 (1) C_3ȣ̈ːC_3 (2) C_3ȣ̱̈ːC_3 (2)
11	көри	дикий	qɔ̇ːrʹrʹɪ	qɔ̇ːrʹrʹɪ	qɔ̇ːrъj	C_1ɔ̇ːC_3C_3ɪ (1–2) C_1ɔ̇ːC_3ъj (3)
12	пөн	мордушка	p̱ˁɔ̇ːn	p̱ˁɔ̇ːn	p̱ˁɔ̇ːn	C_1ɔ̇ːC_3 (1–3)
13	пөй	наст	p̱ˁ/ɔ̇j	p̱ˁ/ɔ̇j	p̱ɔ̇ːjeʔ	C_1/ɔ̇C_3 (1–2) C_1ɔ̇ːjeʔ (3)
14	өвпи	дверь	ʔɔ̇ːȯpʹɪ	ʔɔ̇ᵘȯ̃̃pʹɪ	ɔ̇ːlpʹɪ	ʔɔ̇ːȯC_1ɪ (1) ʔɔ̇ᵘC_2C_1ɪ (2) ɔ̇ːC_3C_2ɪ (3)
15	пөньип, пөньтьип	упакованный тюк	p̱/o̱ŋŋep	poːŋep	po\ŋŋep	C_1/o̱C_3C_3eC_1 (1) C_1oːC_3eC_1 (2) C_1o\$C_3C_3eC_1$ (3)
16	ньаləм	язык	ṉæːɬʹim	ṉæːɬʹim	ṉæːɬʹim	C_3æːC_3iC_3 (1–3)
17	ӈäккинтта	вскочить на транспорт	ɬaːˋk˃kʹɪntȧ	ɬa̱ːkʹɪntȧ	ɬa̱ːkъntȧ	C_1aːˋC_1C_1ɪC_3C_1ȧ (1) C_1a̱ːC_1ɪC_3C_1ȧ (2) C_1a̱ːC_1ѣC_3C_1ȧ (3)
18	саӈки	небеса, небо	sȧːŋkʹɪ	sʹæ̇ːæ̇ŋ̇kɪ	sȧ̇ːȧ̇ŋ˃kʹɪ	C_1ȧːC_3C_1ɪ (1) C_1æ̇ːæC_3C_1ɪ (2) C_1ȧ̇ːȧC_3C_1ɪ (3)
19	кури	корыто	qu̱ːrʹrʹɪ	qu̱ːrʹrʹɪ	qu̱ːrʹrʹɪ	C_1u̱ːC_3C_3ɪ (1–3)
20	курап	трубчатый	qu̱ːrȧp	qu̱ːrȧp	qu̱ːrȧp	C_1u̱ːC_3ȧC_1 (1–3)
21	вуйиɟта	изредка встречаться	βȯː/=/ʔɪȧ̱tȧ	βȯː/=/ʔɪȧ̱tȧ – wȯː/=/ʔɪȧ̱tȧ	βȯː/=/ʔɪȧ̱tȧ – wȯː/=/ʔɪȧ̱tȧ	C_2ȯːʔɪC_1C_1ȧ (1–3) C_3ȯːʔɪC_1C_1ȧ (2–3)
22	суӈқ	сладкий напиток	s̱ːȯ̇ȯ̇ŋ˃kˌ	s̱ːu̱ːŋ˃kˌ	s̱ːu̱ːŋ˃kˌ	C_1ȯ̇ȯ̇C_3C_1 (1) C_1u̱ːC_3C_1 (2–3)

23	вурӈи	ворона	βö̞̽ö̞̽r̃n′ɪ	wö:r̃nъ̃	wö:r̃nə̃̃̃j	C_2ö̞̽ö̞̽C_3C_3ɪ (1) C_3ö̞̽:C_3C_3ъ̃ (2) C_3ö:C_3C_3ə̃̃̃j (3)
24	ɺуɺ	рот	ɬö:ɬ	ɬö:ɬ	ɬö̞̽ö̞̽λ̆	C_1ö:C_1 (1–2) C_1ö̞̽ö̞̽C_1 (3)
25	сури	ближайшая местность	’s̞:ö̞:r′ɪ	’s̞:ö̞̽ö̞̽r′ɪ	’s̞:ö̞̽ö̞̽r′ɪ	C_1ö̞:C_3ɪ (1) C_1ö̞̽ö̞̽C_3ɪ (2–3)
26	тувəр	tö:wər̃	tö:ɥʌr̃	tö:wъ̇ʔr̃	tö:wъ̇ʔr̃	C_1ö:C_3əC_3 (1) C_1ö:C_2ʌC_3 (2) C_1ö:C_3ъ̇ʔC_3 (3)
27	қынəӈ	крепкий	qъ̇:nʌ̃ŋ	qъ̇:nʌ̃ŋ	qъ̇:nʌ̃̃ŋ̃	C_1ъ̇:C_3ʌ̃C_3 (1–3)
28	сив	красота	’s̞:ъ̞:β	’s̞′:e̞̽iw – ’s̞′:r̞̽iw	’s̞′:e̞̽iw – ’s̞′:e̞jw	C_1ъ̞:C_2 (1) C_1e̞̽iC_3 (2–3) C_1r̞̽iC_3 (2) C_1e̞jC_3 (3)
29	нипэк	бумага	’n̞:ъ̞:p′ek	’n̞:ъ̞ʲp′ek	’n̞:ъ̞ʲp′ek	C_3ъ̞:C_1eC_1 (1) C_3ъ̞ʲC_1eC_1 (2–3)
30	сиӈк	турпан	’s̞ˑ:ъ̞:ŋ˃k	’s̞′:e̞̽iŋ˃k	s̞′ɪ:ŋ˃k (?)	C_1ъ̞:C_3C_1 (1) C_1e̞̽iC_3C_1 (2) C_1ɪ:C_3C_1 (3)
31	липэк	ḷ′ɪ̞ʷʲpˑəkʶ	l′ɪ:pˑəkʶ	l′eʲpˑəkʔ	l′eʲpˑəkʔ	C_3ɪ̞ʷʲC_1əC_1 (1) C_3ɪ:C_1əC_1 (2) C_3eʲC_1əC_1ʔ (2)
32	Виӈка	Вынга (назв. реки)	β′ɪ:ŋkȧ	β′ɪ:ŋkȧ	β′ɪ:ŋkȧ	C_1ɪ:C_3C_1ȧ (1–3)
33	ьика	стреляй	ɬ′ɪ:kȧ	ɬ′ɪ:kȧ	ɬ′ɪ:kȧ	C_3ɪ:C_1ȧ (1–3)
34	киври	колодец	ʝɪ:βr′ɪ	ʝɪ:βr′ɪ	ʝɪ:βr′ɪ – ʝɪ:wr′ɪ	C_1ɪ:C_2C_3ɪ (1–3) C_1ɪ:C_3C_3ɪ (3)
35	кирип	корабль, пароход	ʝɪ̞:r′ɪp	ʝɪ̞ᵉ:r′ɪp	ʝeʲr′ep	C_1ɪ̞:C_3ɪC_1 (1) C_1ɪ̞ᵉ:C_3ɪC_1 (2) C_1eʲC_3eC_1 (3)
36	килата	показываться	ʝɪ̞:lʌtʌ	ʝɪ̞:lʌtʌ	ʝɪ̞ʲlʌtʌ	C_1ɪ:C_3ʌC_1ʌ (1–2) C_1ɪ̞ʲC_3ʌC_1ʌ (3)
37	иӈкəр	чёрная магия	ɪ:ˋnkʌr	ɪ:/=/nkʌr	ɪ:/=/nkʌr	ɪ:ˋC_3C_1ʌC_3 (1) ɪ:C_3C_1ʌC_3 (2–3)

Окончание табл. 6

38	Ӆимəӈ	Лямин (название реки)	ɬ′ɪ:mʌŋ	ɬ′ɪjmʌŋ	ɬ′ɪjmʌŋ	C_1ɪ:C_3ʌC_3 (1) C_1ɪjC_3ʌC_3 (2–3)
39	лита	есть, кушать	ɬ′ɪ:tȧ	ɬ′rɪtȧ	ɬ′rɪtȧ	C_1ɪ:C_1ȧ (1) C_1rɪC_1ȧ (2–3)
40	мив	кочка	ʼm′ɪ:β	ʼm′rɪw	m′ɪ:w – m′rɪw	C_3ɪ:C_2 (1) C_3rɪC_3 (2–3) C_3ɪ:C_2 (3)
41	тивта	возрождаться	tʿi:βtʿʌ̈	tʿƀʼƀwtˇʌ̈	tʿƀʼƀwtˇʌ̈	C_1i:C_2C_1ʌ̈ (1) C_1ƀʼƀC_3C_1ʌ̈ (2–3)
42	пäӈқ	ячея сети	pə̣ˋŋq	pȧˋŋq	pα̃:ŋq	C_1ə̣ˋC_3C_1 (1) C_1ȧˋC_3C_1 (2) C_1α̃:C_3C_1 (3)

Слов, в которых долгие гласные констатируются в речи всех дикторов, мало. От диктора к диктору их количество варьирует. В большинстве случаев использование долгих гласных в произнесении одних дикторов – носителей сургутского диалекта соответствует долгим прерывистым полного и неполного образования или дифтонгоидам, иначе говоря – сложным гласным звукам. Это наталкивает на мысль, что их долгота – вторичного происхождения по отношению к прерывистым и дифтонгоидам, она возникла в результате утраты одного из компонентов вокальной настройки. Утрата компонента компенсируется долготой. Чтобы подтвердить или опровергнуть эту гипотезу, необходимо провести сравнительно-сопоставительный анализ как в синхронии, так и в диахронии с другими говорами и диалектами хантыйского языка, а также с близкородственными языками.

2. Долгие непрерывистые гласные **с дополнительной артикуляцией** представлены двумя разновидностями – назализованные и фарингализованные.

1) Назализованные гласные. Назализация звуков – это дополнительная артикуляция, которая возникает в результате опускании небной занавески. Открывающийся при этом проход в нос для выдыхаемой струи воздуха возбуждает носовой резонатор, что придает звуку соответствующую окраску. Назализация может быть обусловленной и необусловленной. Обусловленная назализация может быть исторической (результат выпадения назализованного или назального (носового) согласного перед или после исследуемого звука), позиционной (в конце слова в результате ослабления мускульного напряжения мягкое небо опускается, возникает назализация), позиционно-комбинаторной (перед или после носового согласного). Кроме того, назализация может быть прогрессивной (распространяется на последующие звуки) и регрессивной (распространяется на предыдущие звуки).

В нашей работе здесь и далее будут рассмотрены только те вокальные настройки, в которых ярко выражена назализация, независимо от того, обусловленная она или нет. Таких примеров было зафиксировано два, оба в речи диктора 3: ярко выраженная назализация (сильная гнусавость) в препозиции к заднеязычным смычным носовым согласным типа «ŋ», т. е. обусловленная позиционно-комбинаторная регрессивная назализация. В произнесении дикторов 1–2 также есть данный тип назализации, но он выражается не так ярко (см. табл. 6, № 42).

2) Фарингализованные гласные. Эта группа будет рассмотрена ниже вместе с краткими гласными, чтобы не разрушать целостности восприятия данного фонетического явления. В отличие от назализации, которая встречается во всех языках мира, где есть носовые согласные, фарингализация – явление редкое, заслуживающее отдельного рассмотрения.

2.1.2. Долгие прерывистые гласные

Самую частотную группу среди долгих составляют прерывистые гласные. Все прерывистые гласные – сильнонапряженные, при их произнесении глоточные мышцы имеют сильное сжатие, видимое невооруженным глазом. Поэтому здесь и далее степень напряженности показана дополнительным обозначением (двойным подчеркиванием снизу) эпизодически, чтобы избежать перегруженности основных транскрипционных знаков диакритическими (дополнительными).

В этой группе выделено две подгруппы: 1) долгие прерывистые гласные полного образования, или просто прерывистые гласные; 2) долгие прерывистые гласные неполного образования.

1) Долгие прерывистые гласные полного образования – сложные звуки, состоящие из двух однородных вокальных компонентов, разделенных гортанной смычкой [Уртегешев 2012: 41–43]. Различаются по отсутствию / наличию дополнительной артикуляции.

Подробная характеристика прерывистых звуков приводиться не будет, так как их качественные характеристики соответствуют параметрам непрерывистых звуков, рассмотренных выше, кроме тех случаев, когда эти определения не были даны ранее.

а) К долгим прерывистым гласным полного образования без дополнительной артикуляции относится 10 широких и 5 узких гласных.

Широкие гласные:

– **«e’e»** – был зафиксирован только у диктора 2. Предварительный фонологический анализ показал, что в данном диалекте долгой прерывистой фонемы типа «э» нет. Звуки типа «e’e» являются позиционно-комбинаторными оттенками фонемы [rɪ] (см. табл. 7, № 1);

– **«æ’æ»** – встретился в речи только диктора 2 после умереннопалатализованного согласного. У дикторов 1–2 в этой же позиции, но после непалатализованных консонантов произносятся гласные типа «а» центральнозаднего

ряда, что дает основание говорить об оттенковости гласных и считать их вариантами одной фонемы. На письме обозначается буквой **а** (см. табл. 7, № 2);

– **«ȧ’ȧ»** – констатируется в речи всех дикторов. В первых трех словах наблюдается совпадение в произношении. В слове *қот* только у диктора 1 произносится гласный типа «о»; у диктора 2 фиксируется лабиализованный гласный типа «а», а в речи диктора 3 – звук типа «а». На этом примере мы видим постепенный процесс разогубления (делабиализации) гласного типа «о». В пятом примере зафиксирован процесс перехода от прерывистого в долгий гласный. Данный гласный был отмечен только после непалатализованных согласных. На письме обозначается буквой **а** (см. табл. 7, № 3–6);

– **«ȧ’ȧ»** – зафиксирован в речи всех дикторов. Совпадение наблюдается по всем словам, кроме пятого. В слове *қон* ‘правитель, царь’, заимствованном из тюркских языков, констатируются три варианта произношения: у диктора 1 – с гласным типа «о», у диктора 2 – лабиализованный гласный типа «а», в речи диктора 3 – типа «а». В тюркских языках отмечается такое же варьирование с первичным вариантом – нелабиализованным гласным типа «а» (см. табл. 7, № 7–11);

– **«ø’ø»** – выше не имел описания. Долгий прерывистый полного образования огубленный полуширокий гласный третьей ступени отстояния. Образуется в результате векторного движения средней части спинки языка к середине передней части твердого неба. На слух этот звук воспринимается как закрытый гласный переднего ряда «ö». На письме передается буквой **о**. Был единожды зафиксирован в речи диктора 3 после умереннопалатализованного согласного типа «л» (см. табл. 7, № 12);

– **«œ’œ»** – выше описан не был. Долгий прерывистый полного образования огубленный широкий гласный четвертой ступени отстояния. Образуется в результате векторного движения средней части спинки языка к середине передней части твердого неба – звук переднерядный. Зафиксирован у всех дикторов. На слух воспринимается как гласный переднего ряда «ö». На письме передается буквой **о**. Логичнее было использовать другой письменный знак (см. табл. 7, № 13);

– **«ȯ’ȯ»** – зафиксирован в слове *ɟөв* в произнесении трех дикторов. Акустически этот звук воспринимается как звук типа «о». В слове *руть* ‘русский’ в произношении дикторов наблюдается варьирование данного звука с узким лабиализованным типа «у»: дикторы 1 и 2 произносят «у», диктор 3 – «о». Отмечен после непалатализованных согласных (см. табл. 7, № 14, 15);

– **«ɔ̇’ɔ̇»** – акустически соответствует гласному звуку типа «о». На письме передается буквой **о**. Констатируется в речи всех дикторов, но не во всех словах имеет соответствие. В слове *рыт* ‘лодка’ диктор 1 произносит гласный типа «ы», что соответствует написанию, но дикторами 2–3 произносится «ɔ̇’ɔ̇». С чем это связано, объяснить трудно. На примере, слова *рыт* ‘лодка’ у дикторов 2–3 можно видеть варьирование в речи прерывистого полного образования «ɔ̇’ɔ̇» с прерывистым гласными неполного образования «ȯ:’ȯ» (типа «о:’у»), «ɔ̇’ȯ» (типа «о’у») (см. табл. 7, № 16–22);

– **«ӧ’ӧ»** – выше описан не был. Долгий прерывистый полного образования огубленный широкий гласный четвертой ступени отстояния. Образуется в результате векторного движения средней части спинки языка к границе твердого и мягкого неба – звук центральнорядный. На слух воспринимается как «мягкий» гласный «о», т. е. чуть продвинутый вперед по сравнению с заднерядным «о». На письме передается буквой **о**. Логичнее было использовать другой письменный знак для обозначения этого гласного. Был зафиксирован в произношении диктора 2 после слабопалатализованного согласного типа «л» (см. табл. 7, № 23);

– **«ȯ’ȯ»** – ранее описан не был. Долгий прерывистый полного образования огубленный широкий гласный пятой ступени отстояния. Образуется в результате векторного движения межуточной части спинки языка к середине передней части мягкого неба – звук центральнозаднерядный. На слух воспринимается как гласный «о». На письме передается буквой **о**. Был зафиксирован в слове *пой* ‘осина’ в произнесении всех дикторов (см. табл. 7, № 24).

Узкие гласные:

– **«ɪ’ɪ»** – акустически воспринимается как гласный типа «и». На письме обозначается буквой **и**. Характерен для речи всех дикторов. Констатируется больше соответствий, чем различий. В словах 30 и 31 наблюдается соответствие долгого непрерывистого «ɪ:» долгому прерывистому «ɪ’ɪ» как в речи разных дикторов, так и в произнесении одного информанта в качестве факультативного варианта, например, диктор 3: mʹɪ:w – mʹɪ’ɪw ‘кочка’ (см. табл. 7, № 25–32);

– **«ъ’ъ»** – акустически воспринимается как гласный типа «ы». На письме обозначается буквой **и**. Был зафиксирован в произнесении дикторов 2 и 3. Для диктора 1 характерно произнесение в том же слове долгого непрерывистого гласного типа «и» (см. табл. 7, № 33);

– **«ь’ь»** – на слух гласный типа «ы». На письме обозначается буквой **ы**. Полное соответствие по всем дикторам имеет только в слове *пын*. В слове *ɟыт* ‘рукав’ диктор 3 произносит звук типа «у» вместо ожидаемого «ы» (см. произношение дикторов 1 и 2), в слове *рыт* ‘лодка’ дикторы 2 и 3 произносят широкий гласный типа «о» (см. табл. 7, № 34–36);

– **«ʏ’ʏ»** – ранее описан не был. Долгий прерывистый полного образования огубленный полуузкий гласный второй ступени отстояния. Образуется в результате векторного движения средней части спинки языка к середине передней части твердого неба – звук переднерядный. На слух воспринимается как гласный переднерядный «ӱ». На письме передается буквой **ы**. Зафиксирован в слове *ньыр* ‘обувь’ в произнесении всех дикторов. На письме требует специального обозначения (см. табл. 7, № 37);

– **«ʊ’ʊ»** – на слух соответствует гласному «у». На письме обозначается буквой **у**. Встречается в речи всех дикторов. В примерах 43–45 наблюдается соответствие долгих прерывистых гласных «ʊ’ʊ» долгим непрерывистым «ʊ:» в речи разных дикторов. Констатируется процесс упрощения произношения

сложных, с точки зрения артикуляции, долгих прерывистых гласных долгими непрерывистыми (см. табл. 7, № 38–45).

Группа долгих прерывистых гласных полного образования без дополнительной артикуляции является самой частотной среди долгих гласных: в ней отмечается наибольшее количество общих зафиксированных слов по трем дикторам, в произношении которых встречаются рассматриваемые гласные. Можно предположить, что от этой группы с разной скоростью и степенью отпочковываются непрерывистые долгие гласные, дифтонги и, вероятно, дифтонгоиды.

Долгие прерывистые гласные полного образования могут сопровождаться дополнительной артикуляцией – лабиализацией или назализацией.

Лабиализация, или огубление, – артикуляция звуков речи (как гласных, так и согласных), сопровождаемая округлением вытянутых вперед губ. Лабиализация изменяет форму ротового резонатора и уменьшает его выходное отверстие. Для разных языков характерна разная степень лабиализации.

У диктора 2 в трех словах и у диктора 3 в одном (носит факультативный характер) было зафиксировано огубленное произношение гласных типа «а», которое в двух случаях соответствует лабиализованному типа «о» у 1-го диктора, кроме последнего слова (см. табл. 7, № 46, 47).

В сургутском диалекте хантыйского языка лабиализация была выявлена для гласных настроек типа «а». Она не носит массового характера и была зафиксирована всего в четырех словах, одно из которых – *қон* явно заимствовано из тюркских языков, возможно из языка сибирских татар, в речи которых гласный типа «а» первого слога лабиализованный. Возникает вопрос: являются ли слова *қот* и *қönəх* исконно хантыйскими? Ответив на этот вопрос, можно будет понять природу лабиализации в этих словах.

Назализация была выявлена у диктора 3 как результат выпадения заднеязычного носового смычного согласного типа «ŋ» (см. табл. 7, № 48), который сохраняется в произнесении диктора 1. Такая назализация является компенсаторной.

2) Долгие прерывистые гласные неполного образования – это сложные звуки, состоящие из двух разнородных вокальных компонентов, разделенных гортанной смычкой. Прерывистые гласные полного и неполного образования формируют один слог, чем обеспечивается их фонетическая целостность. Фонологическим свойством является их потенциальная нечленимость на три фонемы.

У таких гласных компоненты не соответствуют друг другу либо по ряду, либо по подъему, либо по длительности, но сохраняется твердый отступ-приступ, или, иначе, гортанная вставка. Дифтонгом или дифтонгоидом их трудно назвать, так как нет плавного перехода от одного гласного к другому. Сказать, что здесь три звука, было бы неправильно, акустически они воспринимаются как один сложный звук, образуют слог. Всего по трем дикторам выявлено 8 слов с таким произношением гласных: у 1-го диктора в одном слове, у 2-го – в четырех, у 3-го – в трех (см. табл. 7, № 49–52).

Таблица 7

Долгие прерывистые гласные

№	Слово	Перевод	Диктор 1	Диктор 2	Диктор 3	Позиция в слове (диктор)
1	ньир	каприз	ɲɪ̯r̯r̯ɪ̯	ɲe̯ʼe̯ʼɪ̯ – ɲɪ̯r̯r̯ɪ̯	ɲɪ̯r̯r̯ɪ̯	C_3ɪ̯C_3 (1) C_3e̯ʼe̯C_3 – C_3ɪ̯C_3 (2) C_3ʏ̯ʏ̯C_3 (3)
2	саӈки	небеса, небо	sʌ:ŋkʼɪ	sʼæ̯ʼæŋ˙kɪ	sʌ̯ʼʌ̯ŋ˒kʼɪ	C_1ʌ:C_3C_1ɪ (1) C_1æ̯ʼæC_3C_1ɪ (2) C_1ʌ̯ʼʌ̯C_3C_1ɪ (3)
3	ван	короткий	wʌ̯ʼʌ̯n	wʌ̯ʼʌ̯n	wʌ̯ʼʌ̯n	C_3ʌ̯ʼʌ̯C_3 (1-3)
4	рак	мука	ʼr̯ʌ̯ʼʌ̯k	ʼr̯ʌ̯ʼʌ̯k	ʼr̯ʌ̯ʼʌ̯k	C_3ʌ̯ʼʌ̯C_1 (1-3)
5	панə	союз *и*	pʌ̯ʼʌ̯nъ	pʌ̯ʼʌ̯nə̇	pʌ̯ʼʌ̯nə̇	C_1ʌ̯ʼʌ̯C_3ъ (1) C_1ʌ̯ʼʌ̯C_3ə̇ (2–3)
6	кот	дом	qɔ̯ʼɔ̯tʿ	qʌ̯ʼʌ̯ʼtʿ	qʌ̯ʼʌ̯tʿ	C_1ɔ̯ʼɔ̯C_1 (1) C_1ʌ̯ʼʌ̯ʼC_1 (2) C_1ʌ̯ʼʌ̯ʼC_1 (3)
7	пай	куча	pɑ̯ʼɑ̯jˁ	pɑ̯ʼɑ̯jˁ	pɑ̯ʼɑ̯jˁ	C_1ɑ̯ʼɑ̯C_3 (1–3)
8	сари	спереди	sɑ̯ʼɑ̯rʼɪ	sɑ̯ʼɑ̯rʼɪ	sɑ̯ʼɑ̯r̯ъ	C_1ɑ̯ʼɑ̯C_3ɪ (1–2) C_1ɑ̯ʼɑ̯C_3ъ (3)
9	таӏəχ	пустой	ṭɑ̯ʼɑ̯ɬiх	ṭɑ̯ʼɑ̯ɬiх	ṭɑ̯ʼɑ̯ɬiх	C_1ɑ̯ʼɑ̯C_1iC_1 (1–3)
10	васəχ	утка	βɑ̯ʼɑ̯sъo̯ – βɑ̯ʼɑ̯sъk	wʿɑ̯ʼɑ̯sъo̯	wʿɑ̯ʼɑ̯sъo̯	C_2ɑ̯ʼɑ̯C_1ъC_2 (1) C_2ɑ̯ʼɑ̯C_1ъC_1 (1) C_3ɑ̯ʼɑ̯C_1ъC_2 (2–3)
11	қон	правитель, царь	qɔ̯ʼɔ̯n	qɑ̯ʼɑ̯ʼn	qɑ̯ʼɑ̯n	C_1ɔ̯ʼɔ̯C_3 (1) C_1ɑ̯ʼɑ̯ʼC_3 (2) C_1ɑ̯ʼɑ̯C_3 (3)
12	лот	место	lɔ̯ʼɔ̯tʿ	lʼɔ̯ʼɔ̯tʿ	lʼøøtʿ	C_3ɔ̯ʼɔ̯C_1 (1) C_3ɔ̯ʼɔ̯C_1 (2) C_3øʼøC_1 (3)
13	ӏор	озеро	ɬʼœʼœr	ɬʼœʼœr	ɬʼœʼœr	C_1œʼœC_3 (1–3)
14	руть	русский	rʊ̯ʼʊ̯ħ	rʊ̯ʼʊ̯ħ	rʊ̯ʼʊ̯ħ	C_3ʊ̯ʼʊ̯C_1 (1–2) C_3ʊ̯ʼʊ̯C_1 (3)
15	ӏөв	круг, окружность	ɬʊ̯ʼʊ̯β	ɬʊ̯ʼʊ̯β	ɬʊ̯ʼʊ̯β	C_1ʊ̯ʼʊ̯C_2 (1–3)
16	вон	плечо	wɔ̯ʼɔ̯n	wɔ̯ʼɔ̯n	wɔ̯ʼɔ̯n	C_3ɔ̯ʼɔ̯C_3 (1–3)
17	поӈк	мухомор	pɔ̯ʼɔ̯ŋk	pɔ̯ʼɔ̯k	pɔ̃ʼɔ̃k	C_1ɔ̯ʼɔ̯C_3C_1 (1) C_1ɔ̯ʼɔ̯C_1 (2) C_1ɔ̃ʼɔ̃C_1 (3)
18	соӏ	возрождение	sɔ̯ʼɔ̯ʳɬ	sɔ̯ʼɔ̯ʳɬ	sɔ̯ʼɔ̯ʳɬ	C_1ɔ̯ʼɔ̯C_1 (1–3)
19	қор	бык	qɔ̯:ʼɔ̯r̯ɪ̯	qɔ̯ʼɔ̯ʼr̯	qɔ̯ʼɔ̯r̯	C_1ɔ̯:ʼɔ̯C_3 (1) C_1ɔ̯ʼɔ̯C_3 (2–3)

20	рыт	лодка	ˀrɨ̞ˈɨ̞tˁ	ˀrȯːˈȯtˁ	rɔ̞ˈɔ̞tˁ	C_3ɨ̞ˈɨ̞C_1 (1); C_3ȯːˈȯC_1 (2) C_3ɔ̞ˈɔ̞C_1 (3)
21	рыт	лодка	ˀrɨ̞ˈɨ̞tˁ	ˀrɔ̞ˈɔ̞tˁ	rɔ̞ˈȯtˁ	C_3ɨ̞ˈɨ̞C_1 (1) C_3ɔ̞ˈɔ̞C_1 (2) C_3ɔ̞ˈȯC_1 (3)
22	қонəҥ	край предмета	qɔ̞ˈɔ̞nəŋ	qɔ̞ˈɔ̞nʌ̆ŋ	qɔ̃ːnʌ̃w̃ʌ̃	C_1ɔ̞ˈɔ̞C_3əC_3 (1) C_1ɔ̞ˈɔ̞C_3ʌ̆C_3 (2) C_1ɔ̃ːC_3ʌ̃C_3ʌ̃ (3)
23	лот	место	lɔ̞ˈɔ̞tˁ	lˈɔ̞ˈɔ̞tˁ	lˈøˈøtˁ	C_3ɔ̞ˈɔ̞C_1 (1) C_3ɔ̞ˈɔ̞C_1 (2) C_3øˈøC_1 (3)
24	пой	осина	pə̞ˈə̞jˀ	pə̞ˈə̞jˀ	pə̞ˈə̞jˀ	C_1ə̞ˈə̞C_3 (1-3)
25	ɺит	приземлился	ɺˈrɪtˁ	ɺˈrɪtˁ	ɺˈrɪtˁ	C_1rɪC_1 (1–3)
26	тьит	это	ˈħrɪtˁ	ħçrɪtˁ	ħçrɪtˁ	C_1rɪC_1 (1–3)
27	Пиҥ	Пим (назв. реки)	ˈpˈˁrɪŋ	pˈrɪŋ	pˈrɪŋ	C_1rɪC_3 (1–3)
28	мин	мы двое	ˈmˈrɪŋ	mˈrɪˌŋ	mˈrɪˌŋ	C_3rɪC_3 (1) C_3rɪˌC_3 (2–3)
29	ит	сейчас	rɪtˁ	rɪtˁ	rɪtˁ	rɪC_1 (2–3)
30	ɺита	есть, кушать	ɺˈɪːtȧ	ɺˈrɪtȧ	ɺˈrɪtȧ	C_1ɪːC$_1$ȧ (1) C_1rɪC_1ȧ (2–3)
31	мив	кочка	ˈmˈɪːβ	ˈmˈrɪw	mˈɪːw – mˈrɪw	C_3ɪːC$_2$ (1) C_3rɪC_3 (2–3) C_3ɪːC$_2$ (3)
32	питта	оказаться, падать	pˈɪˎttȧ	pˈɪˌʲtȧ – pˈetȧ	pˈrɪtȧ	C_1ɪˎC_1C_1ȧ (1) C_1ɪˌʲC_1ȧ (2) C_1eC_1ȧ (2) C_1rɪC_1ȧ (3)
33	тивта	возрождаться	tˁˈiːβtˁˈä	tˈɨ̞ˈɨ̞wtˇˈä	tˈɨ̞ˈɨ̞wtˇˈä	C_1iːC$_2C_1$ä (1) C_1ɨ̞ˈɨ̞C_3C_1ä (2–3)
34	пын	бородавка	pɨ̞ˈɨ̞n	pɨ̞ˈɨ̞n	pɨ̞ˈɨ̞n	C_1ɨ̞ˈɨ̞C_3 (1–3)
35	ɺыт	рукав	ɺɨ̞ˈɨ̞tˁ	ɺɨ̞ˈɨ̞tˁ	ɺȯˈȯtˁ	C_1ɨ̞ˈɨ̞C_1 (1–2) C_1ȯˈȯC_1 (3)
36	рыт	лодка	ˀrɨ̞ˈɨ̞tˁ	ˀrȯːˈȯtˁ	rɔ̞ˈɔ̞tˁ	C_3ɨ̞ˈɨ̞C_1 (1) C_3ȯːˈȯC_1 (2) C_3ɔ̞ˈɔ̞C_1 (3)
37	ньыр	обувь	ɲʏʏˈr̃	ɲʏʏˈr̃	ɲʏʏˈr̃	C_3ʏʏC_3 (1–3)
38	ɺуй	напёрсток	ɺȯˈȯj	ɺȯˈȯj	ɺȯˈȯj	C_1ȯˈȯC_3 (1–3)
39	куйəп	мужской	qȯˈȯjəp	qȯˈȯjəp	qȯˈȯjəp	C_1ȯˈȯC_3eC_1 (1–3)
40	сут	брусок	sȯˈȯtˁ	sȯˈȯtˁ	sȯˈȯtˁ	C_1ȯˈȯC_1 (1–3)
41	суɺ	искра	sȯˈȯˠɺ	sȯˈȯˠɺ	sȯˈȯˠɺ	C_1ȯˈȯC_1 (1–3)

Окончание табл. 7

42	суӈқ	напиток сладкий	s̱:ȯ̰ȯ̰ŋ˃kˌ	s̱:ȯ̰:ŋ˃kˌ	s̱:ȯ̰:ŋ˃kˌ	C_1ȯ̰ȯ̰C_3C_1 (1) C_1ȯ̰:C_3C_1 (2–3)
43	вурӈи	ворона	βȯ̰ȯ̰r̃n′ɪ	wȯ:r̃nъ̈	wȯ:r̃nɔ̃j	C_2ȯ̰ȯ̰C_3C_3ɪ (1) C_3ȯ̰:C_3C_3ъ̈ (2) C_3ȯ:C_3C_3ɔ̃j (3)
44	ɺуɺ	рот	ɬȯ:ɬ	ɬȯ:ɬ	ɬȯ̰ȯ̰λ̆	C_1ȯ:C_1 (1–2) C_1ȯ̰ȯ̰C_1 (3)
45	сури	ближайшая местность	ʼs̱:ȯ̰:r′ɪ	ʼs̱:ȯ̰ȯ̰r′ɪ	ʼs̱:ȯ̰ȯ̰r′ɪ	C_1ȯ̰:C_3ɪ (1) C_1ȯ̰ȯ̰C_3ɪ (2–3)
46	қон	правитель, царь	qɔ̰ɔ̰n	qȧ̰ʼȧ̰ʼn	qȧ̰ʼȧ̰n	C_1ɔ̰ɔ̰C_3 (1) C_1ȧ̰ʼȧ̰ʼC_3 (2) C_1ȧ̰ʼȧ̰C_3 (2)
47	кönəχ	лёгкий	kˌʿɜnnъ̇x	kˌʿȧ̰ʼnnъ̇x	kˌʿȧ̰ʼnnъ̇x – kˌʿȧ:nъ̇x	C_1ɜC_3C_3ъ̇C_1 (1) C_1ȧ̰ʼC_3C_3ъ̇C_1 (2–3) C_1ȧ:C_3ъ̇C_1 (3)
48	поӈк	pɔ̰ɔ̰ŋk	pɔ̰ɔ̰k	pɔ̰̃ɔ̰̃k	pɔ̰̃ɔ̰̃k	C_1ɔ̰ɔ̰C_3C_1 (1) C_1ɔ̰̃ɔ̰C_1 (2) C_1ɔ̰̃ɔ̰̃C_1 (3)
49	сиӈк	турпан	ʼs̱ˑ:ъ̈:ŋ˃k	ʼs̱′:eʼiŋ˃k	s̱′ɪ:ŋ˃k (?)	C_1ъ̈:C_3C_1 (1) C_1eʼiC_3C_1 (2) C_1ɪ:C_3C_1 (3)
50	сив	красота	ʼs̱:ъ̈:β	ʼs̱′:eʼiw – ʼs̱′:r̥iw	ʼs̱′:eʼiw – ʼs̱′:ejw	C_1ъ̈:C_2 (1) C_1eʼiC_3 (2–3) C_1r̥iC_3 (2) C_1ejC_3 (3)
51	сив	красота	s̱ˑ:ъ̈jβ	sˑъ̈ʼɪw	sˑъ̈ʼɪw	C_1ъ̈jC_2 (1) C_1ъ̈ʼɪC_3 (2–3)
52	өвпи	дверь	ʔɔ̰:ȯ̰p′ɪ	ʔɔ̰ᵒȯ̰̃p′ɪ	ɔ:lp′ɪ	ʔɔ̰:ȯ̰C_1ɪ (1) ʔɔ̰ᵒC_2C_1ɪ (2) ɔ:C_3C_2ɪ (3)

На наш взгляд, долгие прерывистые гласные неполного образования являются промежуточными от прерывистых гласных к долгим через ступень дифтонгов или дифтонгоидов. Переход от прерывистого гласного неполного образования к простому долгому можно наблюдать на примере следующих слов:

өвпи ‘дверь’ – ʔɔ̰:ȯ̰p′ɪ (диктор 1) – ʔɔ̰ᵒȯ̰̃p′ɪ (диктор 2) – ɔ:lp′ɪ (диктор 3);

сив ‘красота’ – ʼs̱:ъ̈:β ~ s̱ˑ:ъ̈jβ (диктор 1) – sˑъ̈ʼɪw ~ ʼs̱′:eʼiw ~ ʼs̱′:r̥iw (диктор 2) – sˑъ̈ʼɪw ~ ʼs̱′:eʼiw ~ ʼs̱′:ejw (диктор 3).

С другой стороны, эти гласные чередуются в пределах речи одного носителя, например, у дикторов 2 и 3: *рыт* ‘лодка’ – ʼr̥ȯ:ȯ̰tˁ – ʼr̥ɔ̰ʼɔ̰tˁ (диктор 2) / r̥ɔ̰ʼɔ̰tˁ – r̥ɔ̰ȯ̰tˁ (диктор 3) – факультативное чередование прерывистых гласных полного образования с прерывистыми гласными неполного образования.

2.2. Краткие гласные

Краткие гласные могут быть без дополнительной артикуляционной окраски и с дополнительной работой органов речи – лабиализацией, назализацией, фарингализацией (рис. 3).

Рис. 3. Краткие гласные сургутского диалекта хантыйского языка

Подробная характеристика кратких гласных не приводится, так как их качественные характеристики соответствуют характеристикам долгих, рассмотренных выше, кроме тех случаев, когда описание не было дано ранее.

Краткие гласные **без дополнительной артикуляции** представлены 12-ю фонами в первом слоге: 8-ю широкими гласными и 4-мя узкими.

1) Широкие гласные:

– **«е»** – выявлен в составе ложного дифтонга: каждая единица такого образования рассматривается как самостоятельная. На слух этот звук воспринимается как закрытый «э». На письме передается буквой **и**. Разночтений в произнесении по трем дикторам не зафиксировано, кроме диктора 1 – отмечено факультативное чередование с «ɪ» (см. табл. 8, № 1);

– **«ɛ»** – выше не описывался. Краткий неогубленный широкий гласный четвертой ступени отстояния. Образуется в результате векторного движения средней части спинки языка к середине передней части твердого неба – переднерядный. На слух этот звук воспринимается как «э». На письме передается буквой **ä**. Был зафиксирован в речи диктора 2 после умереннопалатализованного согласного типа «с» как самостоятельная единица (см. табл. 8, № 2);

– **«з»** – на слух воспринимается как открытый «э». На письме обозначается буквами ***ə***, ***ӓ***. Только в трех первых словах он воспроизводится у всех дикторов одинаково. Неожиданным является факультативное чередование «э» («з») с узким гласным типа «ы» («ъ») у диктора 1: рассматриваемый гласный достаточно широкий, чтобы чередоваться с узким. В словах 2 и 6 диктор 3 заменяет данный гласный звуком типа «а» («ȧ», «ȧ»). У диктора 1 отмечается факультативное чередование «з» с «ȧ» (см. табл. 8, № 3–6);

– **«ə»** – был зафиксирован в единственном слове ‘зуб’ у диктора 2. На слух этот звук воспринимается как полуширокий призакрытый «э». На письме передается через ***ӓ***, более привычным было бы написание ***е*** (см. табл. 8, № 7);

– **«ȧ»** – акустически призакрытый гласный типа «а». Буквенное обозначение – ***ӓ***. Был зафиксирован в речи диктора 3, у дикторов 1–2 соответствует настройке типа «э» (см. табл. 8, № 6);

– **«ȧ»** – на слух этот звук воспринимается как открытый «а». На письме передается буквами ***ӓ***, ***ă***. Характерен для диктора 3: в 1-м слове соответствует у других дикторов гласному типа «э», а во 2-м – гортанно-округленному типа «о» («ǫ»). У диктора 1 наблюдается факультативное использование «ȧ» ~ «з» (см. табл. 8, № 2, 8);

– **«ȯ»** – соответствует краткому гласному типа «о». На письме передается буквой **ÿ**. Зафиксирован в произнесении дикторов 2–3 перед удвоенным согласным типа «г». Диктор 1 в этой же позиции, но перед удвоенным «в» произносит фарингализованный «у» (см. табл. 8, № 9);

– **«ȯ»** – на слух этот звук воспринимается как открытый «о». На письме передается буквой **ÿ** для диктора 3, в речи которого зафиксирован. У этого же диктора наблюдается чередование описываемого звука со звуком «ȯ», акустически типа «у». У диктора 1 он соответствует фарингализованному гласному типа «ы», а у диктора 2 – фарингализованному очень открытому «э» (см. табл. 8, № 10).

2) Узкие гласные:

– **«ɪ»** – акустически полуузкий гласный типа «и» переднего ряда. На письме обозначается буквой **и**. Зафиксирован в речи диктора 1 в составе ложного дифтонга после среднеязычно-межуточноязычного «к» (см. табл. 8, № 11);

– **«ъ̈»** – акустически открытый «мягкий» гласный типа «ы» центрального ряда. На письме для дикторов 2–3 обозначается через ***и***, что не соответствует произношению. Встречается в составе ложного дифтонга «ъ̈j» «ый» (см. табл. 8, № 11);

– **«ъ̇»** – на слух этот звук воспринимается как «ы» центральнозаднего ряда. На письме обозначается буквой **ə**, что не характерно для данного звучания. Разночтений в произнесении по трем дикторам не отмечено (см. табл. 8, № 12);

– **«ȯ»** – акустически открытый гласный типа «у» центральнозаднего ряда. Зафиксирован в речи диктора 3 как факультативный вариант гласного типа «о» (см. табл. 8, № 10).

Таблица 8

Краткие гласные

№	Слово	Перевод	Диктор 1	Диктор 2	Диктор 3	Позиция в слове (диктор)
1	липэк	песец	l′ɪjp˙ɔk ~ l′ejp˙ɔk	l′e˵jp˙ɔk	l′e˵jp˙ɔk	$C_1ɪjC_1ɔC_1$ ~ $C_1ejC_1ɔC_1$ (1) $C_1e˵jC_1ɔC_1$ (2–3)
2	сӑрə	крепкий, устойчивый	sзr̊ʷr̊ъ̇ ~ sȧr̊r̊ъ̇	s′εr′r′i	sȧr̊r̊ъ̇	$C_1зC_3C_3ъ̇$ (1) $C_1ȧC_3C_3ъ̇$ (1) $C_1εC_3C_3i$ (2) $C_1ȧC_3C_3ъ̇$ (3)
3	вəрис	упрямство	β̠ʿзrr′ɪs – β̠ʿъ̇rr′ɪs	βзr′ɪs	βзr′ɪs	$C_2зC_3C_3ɪC_1$ (1) $C_2ъ̇C_3C_3ɪC_1$ (1) $C_2зC_3ɪC_1$ (2–3)
4	пəри	предмет, вышедший из употребления	p̠ʿзr̊r̊′ɪ	p̠ʿзr̊r̊′ɪ	p̠ʿзr̊r̊′ɪ	$C_2зC_3C_3ɪ$ (1–3)
5	мəтаӏи	кто-то	m˙зtʌ̆ʰl′ɪ	m˙зtȧʰl′ɪ	m˙зtʌ̆ʰl′ɪ	$C_3зC_1ȧC_3ɪ$ (1–3)
6	тäӏə	полный (о жидкости)	ṭʿзɬi	ṭʿзɬi	ṭʿʌɬe	$C_1зC_1C_1i$ (1–2) $C_1ʌC_1C_1e$ (3)
7	пäӈк	зуб	pə\ŋ˃k	pəŋ˃k	pɔ̃ŋ˃k	$C_1ə\C_3C_1$ (1) $C_1əC_3C_1$ (2) $C_1ɔ̃C_3C_1$ (3)
8	вäсə	высокий тонкий шест	wʿo̤ssъ̇	wʿo̤ssъ̇	wʿȧssъ̇	$C_3o̤C_1C_1ъ̇$ (1–2) $C_3ȧC_1C_1ъ̇$ (3)
9	кӱвəли	бубенчик	kö\wwȯl′ɪ	kȯggȯl′ɪ	kȯggȯl′ɪ	$C_1ö\C_3C_3ȯC_3ɪ$ (1) $C_1ȯC_2C_2ȯC_3ɪ$ (2–3)
10	рӱт	очесок	ʾrъ̇\ṭʿ	ʾrȯ̇\ṭʿ	ʾrȯṭʿ – ʾrȯṭʿ	$C_3ъ̇\C_1$ (1) $C_3ȯ̇\C_1$ (2) $C_3ȯC_1$ (3) $C_3ȯC_1$ (3)
11	кимəн	возможно	k̠ɪjmʌn	k̠′ъ̈jmʌn	k̠ъ̈jmʌn	$C_1ɪjC_3ʌC_3$ (1) $C_1ъ̈jC_3ʌC_3$ (2–3)
12	вəӈри	тяжесть ничтожества	βъ̇ŋr′ɪ	βъ̇ŋ̠ᵍr′ɪ	βъ̇ŋ̠ᵍr′ɪ	$C_2ъ̇C_3C_3ɪ$ (1–3)
13	қönəχ	лёгкий	k˵ʿзnnъ̇x	k˵ʿȧ°nnъ̇x	k˵ʿȧ°nnъ̇x – k˵ʿȧ:nъ̇x	$C_1зC_3C_3ъ̇C_1$ (1) $C_1ȧ°C_3C_3ъ̇C_1$ (2–3) $C_1ȧ:C_3ъ̇C_1$ (3)

Артикуляция кратких гласных может сопровождаться лабиализацией и фарингализацией. Лабиализация с кратким гласным зафиксирована только в одном слове *қönəχ* в произношении дикторов 2 и 3 (см. табл. 8, № 13). Краткие фарингализованные гласные рассматриваются в отдельном пункте ниже вместе с долгими.

2.3. Гласные с гортанным округлением

В ряде языков фиксируется гласный типа «о», при артикулировании которого губы не округляются, а ведут себя «пассивно». Округление осуществляется задней стенкой фаринкса и корнем языка либо ложными связками.

В таблице вокальных настроек (см. рис. 2) для них нет специального места и обозначения. В данной работе мы будем обозначать их знаком **«ɔ̣»** – «*о* открытое с нижней запятой».

В сургутском диалекте хантыйского языка гласные с гортанным округлением зафиксированы в словах, приведенных в табл. 9: краткие без дополнительной артикуляции (№ 1, 2), краткие фарингализованные (№ 3), долгие назализованные (№ 4), долгие прерывистые (№ 5, 6).

Классификация гласных с гортанным округлением представлена на рис. 4.

Таблица 9

Гласные с гортанным округлением

№	Слово	Перевод	Диктор 1	Диктор 2	Диктор 3	Позиция в слове (диктор)
1	вăсə	высокий тонкий шест	wˁɔ̣ssɨ̞	wˁɔ̣ssɨ̞	wˁɑ̇ssɨ̞	C_3ɔ̣$C_1$$C_1$ɨ̞ (1–2) C_3ɑ̇$C_1$$C_1$ɨ̞ (3)
2	пăнэ	клади	pɔ̣nnɜ	pɔ̣nnɜ	pɔ̣nnʌ̇	C_3ɔ̣$C_3$$C_3$ɜ(1–2) C_3ɔ̣$C_3$$C_3$ʌ̇ (3)
3	пăӈқ	ячея сети	pɔ̣ˋŋq	pɑ̇ˋŋq	pɑ̃:n̤q	C_1ɔ̣ˋ$C_3$$C_1$ (1) C_1ɑ̇ˋ$C_3$$C_1$ (2) C_1ɑ̃:$C_3$$C_1$ (3)
4	қонəӈ	край предмета	qɔ̣̆ɔ̣̆nəŋ	qɔ̣̆ɔ̣̆nʌ̆ŋ	qɔ̣̃:nʌ̃w̃ʌ̃	C_1ɔ̣̆ɔ̣̆C_3əC_3 (1) C_1ɔ̣̆ɔ̣̆C_3ʌ̆C_3 (2) C_1ɔ̣̃:C_3ʌ̃C_3ʌ̃ (3)
5	вäӈ	зять	wˁɜˋŋ	wˁɔ̣ɔ̣ŋ	wˁɔ̣ɔ̣ŋᵍ	C_3ɜˋC_3 (1) C_3ɔ̣ɔ̣C_3 (2–3)
6	köт	рука	kɜˋṭˁ	kɔ̇ˋṭˁ	kɔ̣ɔ̣tˁ	C_1ɜˋC_1 (1) C_1ɔ̇ˋC_1 (2) C_1ɔ̣ɔ̣C_1 (3)

Рис. 4. Гласные с гортанным округлением в сургутском диалекте хантыйского языка

2.4. Фарингализованные гласные

Фарингализация – это фонетическое явление, которое охватывает большое количество сибирских языков, прежде всего тюркских, более изученных в этом отношении [Селютина, Уртегешев, Летягин и др. 2011; Селютина, Уртегешев, Летягин и др. 2012; Селютина, Уртегешев, Эсенбаева и др. 2013; Селютина, Уртегешев, Рыжикова и др. 2014]). Экспериментальные исследования показали, что фарингализация гласных осуществляется при сильном напряжении мускулатуры глотки и корня языка [Дамбыра 2005; Селютина, Дамбыра 2008]. Фарингализованные гласные производят на слух впечатление произнесенных «сдавленным» голосом.

Фарингализация как фонетическое явление пока не получила в научной литературе адекватной интерпретации: остается открытым вопрос о ее генезисе (палеосибирское явление, сохранившееся в языках как остаточное, или ареальное, свидетельствующее о разновременных и разнохарактерных контактах этносов и их языков на территории Сибири), артикуляторно-акустической природе, функциях [Селютина, Уртегешев, Рыжикова и др. 2014: 3]. Некоторые специалисты дифференцируют фарингализацию по ее локализации, выделяя нижнюю, среднюю и верхнюю [Мазепус 1994: 65].

В сургутском диалекте хантыйского языка выявлены разные типы фарингализации: по типу тона (повышение или понижение голоса, которое может быть либо неизменным (равновысотным) на протяжении слога, либо изменяться от одного высотного уровня к другому), по длительности.

В первом слоге зафиксирована фарингализация следующих типов:

1) нисходящая краткая – резкое падение тона без малейшей задержки на верхнем уровне до предельно низкого уровня речевого голоса при сильном напряжении мускулатуры глотки и корня языка (см. табл. 10, № 1–27);

2) нисходящая полудолгая – падение тона с небольшой задержкой на верхнем уровне до предельно низкого уровня речевого голоса при сильном напряжении мускулатуры глотки и корня языка (см. табл. 10, № 28);

3) нисходящая долгая – падение тона с большой задержкой на верхнем уровне до предельно низкого уровня речевого голоса при сильном напряжении мускулатуры глотки и корня языка (см. табл. 10, № 29–31);

4) восходящая краткая – начало звучания тона слабое при резком движении голоса вверх и усиление интенсивности к концу звучания, при сильном напряжении мускулатуры глотки и корня языка (см. табл. 10, № 32–36);

5) восходящая долгая – начало звучания тона слабое при затянутом движении голоса вверх и усиление интенсивности к концу звучания, при сильном напряжении мускулатуры глотки и корня языка (см. табл. 10, № 37);

6) восходяще-нисходящая долгая – начало звучания тона слабое при затянутом движении голоса вверх с большой задержкой на верхнем уровне, падение до предельно низкого уровня речевого голоса при сильном напряжении мускулатуры глотки и корня языка (см. табл. 10, № 38).

Таким образом, в сургутском диалекте хантыйского языка выявлено три типа фарингализации: нисходящая, восходящая, восходяще-нисходящая. Самая распространенная – нисходящая.

Фарингализация характерна для всех видов длительности гласных: кратких, полудолгих, долгих (кроме прерывистых). Самой многочисленной из фарингализованных гласных является группа кратких единиц.

В ряде примеров гласные, фарингализованные в речи одних дикторов, у других соответствуют кратким или полудолгим (с последующим удвоенным согласным) (см. табл. 10, № 9, 11, 12, 26, 39).

Фарингализованные вокальные настройки могут чередоваться в речи одного диктора в одном слове с долгими непрерывистыми (см. табл. 10, № 22).

Все эти вариации связаны только с нисходящей фарингализацией.

Наблюдается разная степень сохранности фарингализации в языке: вероятно, происходит процесс утраты данного уникального явления, связанный с естественными языковыми преобразованиями, в первую очередь – с упрощением. Однако число фарингализованных совпадений по дикторам достаточно велико, что дает основание говорить о фарингализации как о живом фонетическом явлении в языке сургутских ханты.

Таблица 10

Фарингализованные гласные

№	Слово	Перевод	Диктор 1	Диктор 2	Диктор 3	Позиция в слове (диктор)
1	ӈәр	прут	ɲe̱\ṟ̃	ɲe̱\ṟ̃	ɲe̱\ṟ̃	C_3e̱\C_3 (1–3)
2	ɲый	черпак	ɬe\j	ɬe\j	ɬe\j	C_1e\C_3 (1–3)
3	вäӈ	зять	wˁз\ŋ	wˁɔ̱ɔ̱ŋ	wˁɔ̱ɔ̱ŋᵍ	C_3з\C_3 (1); C_3ɔ̱ɔ̱C_3 (2–3)
4	рäқ	жир из рыбьих кишок	ʼṟä̱\q	ʼṟä̱\q	ʼṟä̱\q	C_3ä̱\C_1 (1–3)
5	пäӈқ	ячея сети	pə̣\ŋq	pȧ\ŋq	pã̃:n̤q	C_1ə̣\$C_3C_1$ (1) C_1ȧ\$C_3C_1$ (2) C_1ã̃:C_3C_1 (3)
6	päӈк	зуб	pə\ŋ˃k	pəŋ˃k	pə̃ŋ˃k	C_1ə\$C_3C_1$ (1) C_1əC_3C_1$ (2) C_1ə̃C_3C_1$ (3)
7	ɲӱй	гной, слизь	ɬʼɪ\j	ɬʼʏ\j	ɬʼʏ\j	C_1ʏ\C_3 (1–3)
8	сӱй	звук	sъ\j	sʿʏ\j	sʿö\j	C_1ъ\$C_3$ (1) C_1ʏ\$C_3$ (2) C_1ö\$C_3$ (3)
9	рӱт	очесок	ʼṟъ̱\ṭˁ	ʼṟə̱\ṭˁ	ʼṟȯṭˁ – ʼṟɔ̇ṭˁ	C_3ъ̱\$C_1$ (1) C_3ə̱\$C_1$ (2) C_3ȯC_1 (3) C_3ɔ̇C_1 (3)
10	қөр	просека, коридор	qɔ̇\ṟ̃	qɔ̇\ṟ̃	qɔ̇\ṟ̃	C_1ɔ̇\C_3 (1–3)
11	қӧр	болото	qȯ\ṟ̃	qɔ̇·rrз	qɔ̇·rrз	C_1ȯ\C_3 (1) C_1ɔ̇·C_3C_3з (2–3)
12	кӧт	рука	kз\ṭˁ	kɔ̇\ṭˁ	kɔ̇ṭˁ	C_1з\$C_1$ (1) C_1ɔ̇\$C_1$ (2) C_1ɔ̇C_1 (3)
13	қӗнəӈ	с животом	qɔ̇\ŋ˃nʌ̆ŋ	qɔ̇\ŋ˃nʌ̆ŋ	qɔ̇\n˃nʌwʌ	C_1ɔ̇\$C_3C_3$ʌ̆$C_3$ (1–2) C_1ɔ̇\$C_3C_3$ʌ$C_3$ʌ (3)
14	ɲӗв	кость	ɬʼœ\βᵠ	ɬʼœ\βᵠ	ɬʼœ\βᵠ	C_1œ\C_2 (1–3)
15	вӗӈқ	нора, берлога	βʷȯ\ŋ˃k	βʷȯ\ŋ˃k	wȯ\ñ˃k	C_2ȯ\$C_3C_1$ (1–2) C_3ȯ\$C_3C_1$ (3)
16	кӱм	склад	kȯ\m̄˃	kɔ̇\m̄˃	kɔ̇\m̄˃ – kȯ\m̄˃	C_1ȯ\$C_3$ (1) C_1ɔ̇\$C_3$ (2–3) C_1ȯ\$C_3$ (3)
17	кӱвəли	бубенчик	kȯ\wwȯlʼɪ	kȯggȯlʼɪ	kȯggȯlʼɪ	C_1ȯ\$C_3C_3$ȯ$C_3$ɪ (1) C_1ȯC_2C_2ȯC_3ɪ (2–3)
18	сӗɲ	кишка	sɔ̇\ɬ	sɔ̇\ɬ	sɔ̇\ɬ	C_1ɔ̇\C_1 (1–3)

19	сəм	сердце	s̱ъ\m	s′e\m	sə\m	C_1ъ\$C_3$ (1) C_1e\$C_3$ (2) C_1ə\$C_3$ (3)
20	тӳвəр	гнилушка	tö\wwə̆r̆ – tö\wwĕr̆	tö\wwĕr̆	tö\wərə	C_1ö\$C_3C_3$ə$C_3$ (1) C_1ö\$C_3C_3eC_3$ (1–2) C_1ö\$C_3$ə$C_3$ə (3)
21	кəχən	пуговица	qḇ\ɵʌn	qḇ\ɵʌn	qḇ\ɵъn	C_1ḇ\$C_2$ʌ$C_3$ (1–2) C_1ḇ\$C_2$ъ$C_3$ (3)
22	сĕχ	ткань, шкура, кожа	s̱ɔ\ɵ	s̱ɔ\ɵ	s̱ɔ\w – s̱ɔ:wö	C_1ɔ\$C_2$ (1–2) C_1ɔ\$C_3$ (3) C_1ɔ:C_3ö (3)
23	köт	рука	ḵɜ·ṭʿ	ḵɔ\ṭʿ	ḵɔ\ṭʿ	C_1ɜ·C_1 (1) C_1ɔ\C_1 (2–3)
24	тĕй	вершина, верхушка	ṭʿɔ\j	ṭʿɔ\j	ṭʿɔ:j	C_1ɔ\C_3 (1-2) C_1ɔ:C_3 (3)
25	питта	оказаться, падать	p̱′ɪ\ttȧ	p′ɪ$_{\leftarrow}^{j}$tȧ – p′etȧ	p′ṟɪtȧ	C_1ɪ\$C_1C_1$ȧ (1) C_1ɪ$_{\leftarrow}^{j}$$C_1$ȧ (2) C_1eC_1ȧ (2) C_1rɪC_1ȧ (3)
26	йəχита	предложить действия	je̱\ɵ′ɪtʌ	je̱\w′ɪtʌ	je:ɵ′ɪtʌ	C_3e̱\$C_2$ɪ$C_1$ʌ (1) C_3e̱\$C_3$ɪ$C_1$ʌ (2) C_3e:C_2ɪC_1ʌ (3)
27	пĕньип, пĕньтьип	упакованный тюк	p̱′o̱ŋŋер	po:ŋер	po\ŋŋер	C_1′o̱C_3C_3eC_1 (1) C_1o:C_3eC_1 (2) C_1o\$C_3C_3eC_1$ (3)
28	кӳйəп	бубен	kö\jjep	kȯ·\jep	kȯ·\jjøᵉp	C_1ö\$C_3$$C_3eC_1$ (1) C_1ȯ·\$C_3eC_1$ (2) C_1ȯ·\$C_3C_3$øᵉ$C_1$ (3)
29	ҕăккинтта	вскочить на транспорт	ɬa:\k$_{\leftrightarrow}$k′ɪntʌ	ɬa̱:k′ɪntʌ	ɬa̱:kъntʌ	C_1a:\$C_1C_1$ɪ$C_3C_1$ʌ (1) C_1a̱:C_1ɪC_3C_1ʌ (2) C_1a̱:C_1ъC_3C_1ʌ (3)
30	иттəн	вечер	ɪ:\t$_{\rightarrow}$t′en	ɪ:\t$_{\rightarrow}$tʌn	ɪ:\t$_{\rightarrow}$tʌn	ɪ:\$C_1C_1eC_3$ (1) ɪ:\$C_1C_1$ʌ$C_3$ (2–3)
31	иӈкəр	чёрная магия	ɪ:\nkʌr	ɪ:/=/nkʌr	ɪ:/=/nkʌr	ɪ:\$C_3C_1$ʌ$C_3$ (1) ɪ:C_3C_1ʌC_3 (2–3)
32	пĕй	наст	p̱ʿɔ̇j	p̱ʿɔ̇j	p̱ɔ̇:je̱ʔ	C_1′ɔ̇C_3 (1-2) C_1ɔ̇:je̱ʔ (3)
33	пĕльть	топлёный жир	p̱ʿɔ̇λ̱ħ	p̱ʿɔ̇λ̱ħ	p̱ʿɔ̇λ̱ħeʔ	C_1′ɔ̇C_1C_1 (1–2) C_1′ɔ̇C_1C_1eʔ (3)
34	ҕӳҕ	сажень	ɬ′ɪɬ	ɬ′œɬ′	ɬ′œɬ′	C_1′ɪC_1 (1) C_1′œC_1 (2–3)

Окончание табл. 10

35	сăӈки	песок	s̠ᶜ/ȧŋ˲qъj	s̠ᶜ/ȧŋ˲qъj	s̠ᶜ/ȧŋ˲qъj	C_1/ȧC_3C_1ъj (1–3)
36	пӊьип, пӊьтьип	упакованный тюк	p̠/o̠ŋŋер	po:ŋер	po\ŋŋер	C_1/o̠$C_3C_3eC_1$ (1) C_1o:C_3eC_1 (2) C_1o\$C_3C_3eC_1$ (3)
37	лӱк	глухарь	λ̆/ʏ˳:k	λ̆/ʏ˳:k	λ̆/ʏ˳:k	C_1/ʏ˳:C_1 (1-3)
38	лукта	трубить (о лебеде)	ɬʳ/ö:\k˲tᶜȧ	λ̆ʳ/ʏ˳:\k˲tᶜȧ	λ̆ʳ/ʏ˳:\k˲tᶜȧ	C_1/ö:\$C_1C_1$ȧ (1) C_1/ʏ˳:\$C_1C_1$ȧ (2–3)
39	пӊьип, пӊьтьип	упакованный тюк	p̠/o̠ŋŋер	po:ŋер	po\ŋŋер	C_1/o̠$C_3C_3eC_1$ (1) C_1o:C_3eC_1 (2) C_1o\$C_3C_3eC_1$ (3)

2.5. Дифтонги, дифтонгоиды

Дифтонг – односложное (т. е. произносимое одним толчком экспиративного тока) сочетание двух простых гласных, из которых первый несет на себе слоговое ударение. В сургутском диалекте выявлены два дифтонга: **«ȯ̈ö̇»** (см. табл. 11, № 1) и **«ɪ̠ᵉ»** (№ 2):

Наряду с дифтонгами, в сургутском диалекте хантыйского языка зафиксированы также дифтонгоиды, которые представляют собой один гласный, начинающийся или заканчивающийся инородным элементом: в начале или в конце тот или иной гласный имеет незначительный элемент другого, близкого ему по артикуляции [Матусевич 1948: 61].

В сургутском диалекте хантыйского языка дифтонгоиды отмечены в первом и непервом слогах:

1) дифтонгоиды в первом слоге: **«ej»** (см. табл. 11, № 2–4), **«зj»** (№ 3, 5), **«эj»** (№ 5), **«ɪj»** (№ 4, 6–10), **«ёj»** (№ 9, 11, 12);

2) дифтонгоиды в непервом слоге: **«ɪj»** (№ 13), **«ъj»** (№ 14), **«ёj»** (№ 15), **«ъj»** (№ 16).

Немногочисленные дифтонги в сургутском диалекте свидетельствуют, что процесс дифтонгизации гласных находится только в самом начале своего пути, хотя он может и не получить дальнейшего развития.

Предположительно дифтонги возникли в результате перехода долгих прерывистых гласных полного образования в долгие прерывистые гласные неполного образования с дальнейшим ослаблением узкого или полуширокого компонента с переходом в «чистый» долгий. Это прежде всего касается дифтонга «ȯ̈ö̇».

Дифтонг «ɪ̠ᵉ» возник, вероятно, в результате траснформации прерывистого гласного «ɪ̠ʼɪ»: диктор 1 произносит непрерывистый долгий, диктор 2 – дифтонг, диктор 3 – дифтонгоид.

Таблица 11

Дифтонги, дифтонгоиды

№	Слово	Перевод	Диктор 1	Диктор 2	Диктор 3	Позиция в слове (диктор)
1	өвпи	дверь	ʔɔ̇:u̯pʹɪ	ʔɔ̇ᵒũ̯pʹɪ	ɔ̇:lpʹɪ	ʔɔ̇:u̯C₁ɪ (1); ʔɔ̇ᵒC₂C₁ɪ (2) ɔ̇:C₃C₂ɪ (3)
2	кирип	корабль, пароход	ʞɪ:rʹɪp	ʞɪᵉ:rʹɪp	ʞeʲrʹep	C₁ɪ:C₃ɪC₁ (1) C₁ɪᵉ:C₃ɪC₁ (2) C₁eʲC₃eC₁ (3)
3	кэмән	во дворе	ʞejmʌn	kɜjmʌn	kɜjmʌn	C₁ejC₃ʌC₃ (1) C₁ɜjC₃ʌC₃ (2–3)
4	липәк	песец	lʹɪjpˑɔk – lʹejpˑɔk	lʹeˌjpˑɔk	lʹeˌjpˑɔk	C₁ɪ\ᵉjC₁ɔC₁ (1) C₁eˌjC₁ɔC₁ (2–3)
5	сӓв	коса (девичья)	s:ɜjβ	s:ɔjw	s:ɜ:w	C₁ɜjC₂ (1) C₁ɔjC₃ (2) C₁ɜ:C₃ (3)
6	кимән	возможно	ʞɪjmʌn	kʹʞjmʌn	kʞjmʌn	C₁ɪjC₃ʌC₃ (1) C₁ʞjC₃ʌC₃ (2–3)
7	липәк	песец	lʹɪ˕ʲpˑɔk	lʹɪ:pˑɔk	lʹeʲpˑɔkʔ	C₃ɪ˕ʲC₁ɔC₁ (1) C₃ɪ:C₁ɔC₁ (2) C₃eʲC₁ɔC₁ʔ (3)
8	Ӆимәӈ	Лямин (назв. реки)	ɬʹɪ:mʌŋ	ɬʹɪjmʌŋ	ɬʹɪjmʌŋ	C₁ɪ:C₃ʌC₃ (1) C₁ɪjC₃ʌC₃ (2–3)
9	килата	показываться	ʞɪ:lʌtʌ	ʞɪ:lʌtʌ	ʞɪʲlʌtʌ	C₁ɪ:C₃ʌC₁ʌ (1–2) C₁ɪʲC₃ʌC₁ʌ (3)
10	питта	оказаться, падать	pʹɪ\ttȧ	pʹɪ˕ʲtȧ – pʹetȧ	pʹrɪtȧ	C₁ɪ\C₁C₁ȧ (1) C₁ɪ˕ʲC₁ȧ (2), C₁eC₁ȧ (2) C₁rɪC₁ȧ (3)
11	сив	красота	s:ʞjβ	sˑʞ'ɪw	sˑʞ'ɪw	C₁ʞjC₂ (1) C₁ʞ'ɪC₃ (2–3)
12	нипэк	бумага	ʼn:ʞ:pʹek	ʼn:ʞʲpʹek	ʼn:ʞʲpʹek	C₃ʞ:C₁eC₁ (1) C₃ʞʲC₁eC₁ (2–3)
13	сӓӈки	били (его)	s:ˑʕ:ŋ˃kʹɪj	s:ˑʕ:ŋ˃kʞj	s:ˑʕ:ŋ˃kʞj	C₁ɔ:C₃C₁ɪj (1) C₁ɔ:C₃C₁ʞj (2–3)
14	сӓӈки	песок	sˁȧŋ˃qʞj	sˁȧŋ˃qʞj	sˁȧŋ˃qʞj	C₁ˊȧC₃C₁ʞj (1–3)
15	сӓӈки	били (его)	s:ˑʕ:ŋ˃kʹɪj	s:ˑʕ:ŋ˃kʞj	s:ˑʕ:ŋ˃kʞj	C₁ɔ:C₃C₁ɪj (1) C₁ɔ:C₃C₁ʞj (2-3)
16	кӧри	дикий	qɔ̇:rʹrʹɪ	qɔ̇:rʹrʹɪ	qɔ̇:rʞj	C₁ɔ̇:C₃C₃ɪ (1–2) C₁ɔ̇:C₃ʞj (3)

Дифтонгоиды представляют собой, на наш взгляд, продукт трансформации прерывистых гласных, который протекал довольно давно. В настоящее время можно наблюдать следующий этап фонетических изменений: замена дифтонгоидов «чистой» долготой, а в дальнейшем – переход в разряд кратких. Данные процессы можно наблюдать в первом слоге, хотя дифтонгоиды зафиксированы и во втором. Если предположить, что слова были когда-то односложными, то дифтонгоидность во втором слоге не что иное, как историческая рефлексия некогда самостоятельного слова.

Таким образом, на основе слухового анализа выявлена объективная сложность фонетической подсистемы гласных сургутского диалекта хантыйского языка, которая включает 57 единиц без дополнительной артикуляции, а с учетом разнообразных дополнительных артикуляций – 98 единиц.

Гласные (кроме гортанно-округленных) распределяются по следующим четырем артикуляционным рядам: передний, центральный, центральнозадний, задний (рис. 5) и в основном характеризуются как переднерядные и центральнозаднерядные. Часть системы, относящаяся к переднему ряду, заполнена очень плотно, заняты практически все возможные позиции в классификационной сетке. Центральнорядные и заднерядные вокальные единицы занимают край периферии по употреблению в речи. В этом состоит отличие сургутского вокализма от типичных южносибирских тюркских систем, в которых основная нагрузка ложится на центральнозаднерядные отделы системы.

Рис. 5. Основные типы гласных для первого слога сургутского диалекта хантыйского языка в классификационной системе В. М. Наделяева [5]

[5] На рис. 5, к сожалению, отсутствуют знаки для обозначения центральнозаднерядных гласных типа «ə». Для их передачи были использованы буквы для смешаннорядных гласных в соответствии с их характеристиками по ступеням отстояния. Смешаннорядных вокальных настроек в сургутском диалекте хантыйского языка не выявлено.

При артикулировании сургутских гласных самыми активными являются средняя часть спинки языка, векторно направленная к середине передней части твердого неба при образовании переднерядных гласных, и межуточная часть спинки языка, векторно направленная на середину передней части мягкого неба при образовании центральнозаднерядных гласных.

В первом слоге вокализм сургутского диалекта хантыйского языка имеет богатейшую развернутую систему, в которую входят как «чистые» долгие и краткие гласные, так и долгие прерывистые полного и неполного образования. Они могут иметь дополнительную артикуляцию – лабиализацию, назализацию, фарингализацию. Фиксируется редкий гортанно-округленный гласный, который может иметь дополнительную артикуляцию. В первом слоге зарегистрированы также настоящие дифтонги и дифтонгоиды (рис. 6). Специфической особенностью сургутского диалекта является фарингализация.

Большой разброс в произношении звуков демонстрирует высокую степень вариативности вокализма сургутского диалекта. Дифтонги и единичные примеры редукции гласного в первом слоге многосложного слова свидетельствуют о том, что в отдельных словах размывается четкость артикуляции и сильная напряженность, в отличие, например, от верхнеказымского, в котором «…гласные первого слога, независимо от ударности, характеризуются четкостью артикуляции и напряженностью, что препятствует их редукции и дифтонгизации» [Куркина 2000: 115].

Рис. 6. Вокализм сургутского диалекта хантыйского языка

3. Фонетические процессы в синтетических формах и аналитических конструкциях, влияющие на усложнение языка

Правила сочетаемости согласных звуков, по замечанию Н. С. Трубецкого, накладывают на каждый язык особый отпечаток. Они характеризуют язык не меньше, чем фонемный состав. Изменение закономерностей сочетаемости звуков в потоке речи оказывает непосредственное влияние на парадигматику фонем, расширяя или сужая возможность их противопоставления, а также на алломорфное варьирование, а через него – и на структуру морфологических парадигм. В результате разнообразных фонетических процессов, прежде всего ассимилятивных, на морфологическом уровне происходит усложнение парадигм за счет большого количества вариантов морфем.

Процессы, проходящие на границе морфем, приводят к упрощению поверхностной структуры словоформы за счет возникновения фонетически однородных комплексов, стяжения или сокращения количества элементов. В результате морфологическое членение словоформы затемняется: нарушается однозначное соотношение морфем и передаваемых ими значений. Усложнение системы языка происходит за счет асимметрии отношений между планом выражения и планом содержания словоформы. Несмотря на то что план выражения становится проще, а план содержания остается прежним, неоднозначный характер взаимоотношений между ними создает сложночленимый комплекс, что также является одним из типологически значимых параметров определения сложности того или иного языка.

3.1. Некоторые типы ассимиляции на морфемных швах в тюркских языках Сибири

Тюркские языки делятся на две группы по количеству вариантов аффиксов, образующихся в результате ассимиляции анлаутного согласного аффикса:

1) языки с большим количеством вариантов аффиксов;

2) языки с унифицированными парадигмами.

К языкам с большим количеством вариантов аффиксов, а следовательно с сильно развитой ассимиляцией, относятся кыпчакские и тюркские языки Сибири. Процессы ассимиляции, особенно после сонорных, различаются. Среди сибирских тюркских языков сильно развитой ассимиляцией выделяется якутский: фонетически это означает его бóльшую сложность по сравнению с другими тюркскими языками Сибири, так как агглютинативные языки отличаются прозрачностью структуры словоформы. Поскольку ассимиляция развивается в разных направлениях: от основы к аффиксу, от аффикса к основе, а также может быть направлена в обе стороны одновременно, то принцип простоты выделения аффикса нарушается, иногда трудно выделить аффикс по аналогии с формой того же аффикса в другой словоформе.

Спецификой ассимиляции в якутском, по сравнению с другими тюркскими языками, является, например, то, что в пределах одной парадигмы может использоваться и прогрессивная, и регрессивная ассимиляция: *ат-быт* > *аппыт* ‘наша лошадь’, *ыт-ка* > *ыкка* ‘собаке’. Характерная для якутского языка ассимиляция внутри основы имеет особые закономерности и твердо не установилась даже в пределах говоров [Убрятова 1960а: 100]. Механизмы присоединения аффиксов к основе различны. Только две трети аффиксов с начальными согласными, рассмотренных в работе Л. Н. Харитонова «Современный якутский язык» [1947], меняют начальный согласный аффикса в зависимости от конечного согласного основы. Более последовательно ассимилируются словоизменительные аффиксы. При присоединении неизменяемых аффиксов к основе (речь идет только об изменении согласных, гармонии гласных подчиняются все аффиксы) происходят следующие процессы:

– между корнем и аффиксом появляется соединительный гласный, например, между основой и формой многократного вида глаголов *-талаа*: *быс- > быhыталаа*, *тут- > тутуталаа*;

– конечный согласный основы выпадает, как, например, при присоединении словообразовательного аффикса имен существительных *-был*: *эрэн- > эрэбил* ‘надеяться’;

– осуществляется выбор между консонантно-начальным и вокально-начальным вариантами аффикса, например, для аффикса принадлежности *-а* // *-та*.

В качестве начальных согласных ассимилируемых аффиксов в якутском языке выступают *б*, *л*, *т*, *г*, *h* (*с*). Например:

1) *-быт* / *-пыт* / *-мыт* – аффикс принадлежности 1-го л. мн. ч., в древних тюркских языках этот аффикс имел следующие формы: в орхоно-енисейских *-miz*, *-mïz*, *-muz*, *-müz*, в уйгурских – *-umuz*, *-ïmïz*. В некоторых современных тюркских языках (турецком, туркменском, азербайджанском, узбекском) сохраняется древняя форма с начальным *т*, в сибирских тюркских языках, а также в башкирском, киргизском, кумыкском, татарском начальный *т-* аффикса деназализуется в *b-*;

2) *-лар* / *-тар* / *-дар* / *-нар* – аффикс множественного числа, встречается во всех тюркских языках и имеет от 1 (в литературном узбекском) до 16 (в якутском, тувинском) вариантов. По типу ассимиляции начального согласного этого аффикса языки можно разделить на две группы. В первую, которая характеризуется полной ассимиляцией после *-л* (*-лар*) и *-н* (*-нар*), входят хакасский и шорский языки, язык желтых уйгуров, тоджинский диалект тувинского языка. Во второй группе (алтайский, киргизский, казахский языки) аффикс на *-л* после основ на *-л* и *-н* диссимилируется. Тувинский занимает промежуточное положение: аффикс на *-л* диссимилируется в *-д* после основы на *-л*, но назализуется после *-н*. Якутский приближается к первой группе, отличаясь от нее переходом *-л > -д* после *-й* и *-р*;

3) изменение аффиксов с анлаутным *т-*. Данный процесс можно проследить на примере аффикса местного падежа (в якутском языке – частного падежа; древнее значение местного падежа сохранилось только в наречиях и местоимениях). В орхонских памятниках после сонорных и звонких регулярно употребляется *-ta*, после глухих и в интервокальном положении – *-da*, хотя отступления от общего правила все же встречаются: *sabymda* ‘в моей речи’, *kemdä* ‘у реки Кем’, *käčindä* ‘у Кечина’. Сочетания типа *rd*, *ld* на слоге-разделе характерны для некоторых енисейских памятников (№ 5–9, 11, 13, 14, 25, 29) [Батманов и др. 1962: 48]. В рукописных текстах единого правила не установлено. Некоторые имена принимают то одну, то другую форму: *aγryγ + ta*, *ätüz + tä*, *bas + ta*, *yol + ta*, *öd + tä*, *ïrag + ta*, *jir + dä*, *aja + da* [Gabain 1950: 182]. В более поздних гератских и караханидских памятниках закономерность употребления *-та* и *-да* сходна с большинством современных языков, хотя встречаются некоторые отклонения (*ištä ~ išdä*) [Brockelmann 1954: 127].

Употребление глухого варианта аффикса в интервокальном положении отличает якутский язык от древних и большинства современных тюркских языков, сближая с языками желтых уйгур и барабинских татар. Но все остальные формы ассимиляции этого аффикса характерны только для якутского языка, это свидетельствует, что ассимиляция развивалась в отдельных группах тюркских языков уже в послеорхонский период. Активное развитие ассимиляции, в результате которой увеличивается количество алломорфов и нарушается ясность структуры словоформы, в наибольшей степени развилась в якутском, а также в некоторых кыпчакских языках, в том числе в Сибири (в данном случае не рассматриваются процессы упрощения, которые более характерны для чалканского, шорского, хакасского).

Если ассимиляция словоизменительных аффиксов довольно последовательна, то ассимиляция внутри основ имеет свои закономерности, которые значительно различаются по диалектам. По этому, второму, типу могут изменяться и словообразовательные аффиксы в производных основах. Например, изменения аффикса *-сыт* при присоединении к основам на *-л*: ‘гость’ – *ыалдьыт*, *ыальдьыт*, *ыадьдьыт*, *ыальльыт*; ‘следопыт’ – *суолдьут*, *суольльут*, *суольдут*; ‘охотник’ – *булчут*, *бульчут*, *буччут*, *бурчут*, *булчук киhи* [Убрятова 1960а: 110–111].

Якутский аффикс *-сыт* соответствует аффиксу *-чы* других тюркских языков; *с*, возникший из *ч*, в зависимости от конечного согласного основы, может переходить в *-ч-*, *-дь-*, *-нь-*. По-другому протекает ассимиляция в аффиксах, сохранивших древнетюркский *č*.

Ср. як. *бачча* ‘столько’ < др. т. *bunča*; в других родственных языках: хак. *мынча* (*мынжа*), алт. *мынча*, тув. *мынча*, кирг. *мынча*; хак. *анча* (*анжа*), алт. *анча*, тув. *ынча*, кирг. *анча* – в тех же значениях. В употреблении этого аффикса обращают на себя внимание два момента: сохранение древнетюркского *č* и разный характер ассимиляции после *н* основы. Древнетюркский *č* сохраняется и не переходит в *s* и в некоторых других аффиксах: уменьшительно-ласкательный аффикс *-чык* (*аанчык*, *догорчук*, *догоччук*, *кулунчук*). Этот аффикс встречается в древнетюркском (*oγlančïq*) и сохраняется в некоторых современных тюркских языках: тув. *-чык*, *-жык*; хак. *-чак*, алт. *-чак*. *Ч* экватива сохраняется почти без исключений. Единственный пример перехода *č* > *s* (*h*) в вопросительном местоимении *möhö*. Е. И. Убрятова отметила, что сочетание *-nč-*, образованное на стыке основы и аффикса, в большинстве языков изменяется по тем же правилам, что *-nč-* в неразложимых основах: сохраняется без изменений в алтайском, татарском, киргизском, узбекском, тувинском языках. В азербайджанском, гагаузском, турецком, хакасском *č* озвончается. В казахском и каракалпакском языках, как известно, *č* переходит в *s*. В якутском языке в неразложимых основах *-нч-* переходит в *-ньнь-*. Но при присоединении аффикса *-ча* правила сочетаемости оказываются различными:

1) полная регрессивная ассимиляция в местоимениях *бачча*, *оччо* ‘столько’, упрощение самой фонетической последовательности, но усложнение соотношения морфологических компонентов;

2) сохранение сочетания *-нч-* в приблизительных числительных: *уонча* ‘около десяти’. Возможно, это объясняется тем, что в тот период, когда *nč* > *ŋŋ*, *ča* сохранял еще некоторые особенности послелога.

Полная регрессивная ассимиляция в местоимениях и наречиях вызвана тем, что они в современном якутском языке воспринимаются как непроизводные (соответственно, произошло упрощение на поверхностном уровне). Присоединяясь к основам на гласный, *č* аффикса удваивается: *итиччэ* ‘столько’, *сүүрбэччэ* ‘около двадцати’. Такая его особенность могла препятствовать переходу *ч* в *с*. Геминация может использоваться для сохранения исходной, более древней формы.

Сильно развитая ассимиляция привела к появлению большого количества удвоенных согласных (чисто фоническое усложнение). Но не все долгие (удвоенные) в якутском языке могут быть объяснены ассимиляцией. Эти долгие согласные могут соответствовать кратким согласным других языков: монг. *soqur* > як. *соххор* ‘одноглазый’, *-чч-* в аффиксе имени деятеля *-аччы* < монг. *ači*; вторая форма с удвоенным *-чч-* встречается в хакасском и тувинском языках. Для современного якутского языка противопоставление по долготе / краткости не является фонологическим. Геминированные согласные встречаются во всех тюркских языках, не представляя системы, такой как в уральских. Их происхождение объясняют различными причинами: влиянием других языков, выражением количественной и качественной семантики, редукцией узкого гласного второго слога, исчезнувшей долготой гласного.

Одной из причин образования неассимилятивных долгих согласных может быть следующая: долгота согласного является сопутствующим качеством, присущим сильному согласному в интервокальном положении. Так, например, в тофском языке в интервокальной позиции существует четкое противопоставление сильных и слабых согласных. При этом сильные согласные всегда глухие и долгие. Сильные ауслаутные *s* и *t*, попав в интервокальное положение, усиливаются, вплоть до геминации [Рассадин 1971: 63]. В тувинском языке в интервокальном положении *k* и *p* в одиночном виде не встречаются. Например, пишется *эки* ‘хорошо’, а произносится *экки*, пишется *акый* ‘старший брат’, а произносится *аккый*. В слове *апар-* ‘становиться чем-то’ для различия его на письме от слова *аппар* (*ап* + *баар*) ‘унести’ пишется одно *п*, хотя в произношении эти слова не различаются [Исхаков, Пальмбах 1961: 73, 74]. Можно предположить, что якутский язык прошел через такую же стадию развития фонологической системы, когда сильные согласные в интервокальном положении усиливались вплоть до геминации.

При дальнейшем развитии фонологических систем разных тюркских языков эта позиционная долгота отразилась по-разному. В некоторых языках оттенковый признак, не игравший смыслоразличительной роли, стал ведущим – фонематическим. Так, в алтайском языке (алтай-кижи) согласные подразделяются на шумные и малошумные. Шумные могут быть долгими и краткими, долгие употребляются только в середине слова, преимуществен-

но в морфологически неразложимых основах. В якутском языке, фонологическая система которого претерпела очень сильные изменения, этот признак отразился непоследовательно: 1) как удвоенный согласный (*икки*, *сэттэ*); 2) исчезновение долготы и озвончение согласного в интервокальном положении (*оҕус*, *тоҕус*); 3) исчезновение долготы, но сохранение глухости. Тем самым в якутском языке по сравнению с другими тюркскими языками произошло усложнение системы, так как нарушилось представление о последовательности передачи исходных общетюркских звуков.

На примере изменения сочетаний согласных со структурой «сонорный + шумный», «шумный + сонорный» проявились закономерности дальнейшего развития фонетических систем в тюркских языках. Они привели к увеличению количества фонетических единиц, потому что шумные согласные изменили свой статус, у них развилась оппозиция по дополнительному признаку «глухости / звонкости». Установилась закономерность употребления аффиксов с шумным анлаутом, ограничена сочетаемость с порядком «шумный + сонорный», аффиксы, исторически начинающиеся с сонорного в позиции после шумного, перешли в шумные. Увеличилось количество геминат, хотя их можно посчитать новым способом маркирования морфемного шва, но более древняя маркировка морфемного шва нарушилась, так как для древнетюркского и, очевидно, для более ранних этапов различался анлаут корневой морфемы и анлаут аффикса. Только в анлауте аффикса достаточно широко употреблялись сонорные.

Сочетание «сонорный + шумный глухой» на морфемном шве рассматривалось С. Е. Маловым как классификационный признак, характеризующий сохранение в языке древних черт. Большой интерес для истории тюркских языков представляет позиция сонорного в сочетании с шумными внутри морфемы и на морфемных швах.

На морфемных швах в языке рунических памятников были возможны сочетания «шумный глухой + шумный звонкий», «шумный звонкий + шумный глухой», «шумный + сонорный», «сонорный + шумный глухой», «сонорный + шумный звонкий». В древнетюркском языке процессы варьирования консонатно-начальных аффиксов в зависимости от исхода основы затрагивают только шумные согласные: *tap-dïm*, *asï-dï-mïz*, *olur-t-dï*, *az-tï*, *sub-qa* и т. д. Проблема сочетаемости шумных согласных по диссимиляционному типу получила различное объяснение у таких исследователей, как Л. Йохансен [Johanson 1979], Э. Р. Тенишев [1973], И. В. Кормушин [2004] и др. Обобщение этих точек зрения представлено в монографии А. С. Аврутиной [2011]. Мы рассмотрим только один тип сочетаний «шумный + сонорный» как пример усложнения исходной системы.

Сочетания по принципу диссимиляции (контрастной сочетаемости) служили пограничным сигналом на морфемных швах и поддерживали прозрачность морфемной структуры слова. Высокая частотность сонорных в анлауте аффиксов, при ограниченном их употреблении в анлауте слова, тоже служила своеобразным маркером аффиксальной морфемы.

Изменение закономерностей сочетаемости звуков в потоке речи оказывает непосредственное влияние на парадигматику фонем, расширяя или сужая возможность их противопоставления, а также на алломорфное варьирование, а через него и на структуру морфологических парадигм, которые теперь в сибирских языках чаще ориентируются на анлаутный шумный. Соотношение элементов в парадигме изменилось.

Согласные сочетаются между собой по определенным схемам, характеризующим как отдельные языки, так и типы языков. Для языка тюркских рунических памятников внутри односложной корневой морфемы было возможно только сочетание «сонорный + шумный»: *elt* ‘тянуть’, *alp* ‘герой’, *türk* ‘тюрок’, *qïrq* ‘сорок’ и, реже, «шумный спирант + шумный смычный», например: *alt* ‘низ’ [Кононов 1980: 75]. Эта закономерность сохранилась и в современных тюркских языках: так, в односложных словах в казахском языке зафиксировано 17 двухэлементных сочетаний согласных, самыми предпочтительными в первой от гласного ядра позиции являются сонанты: они встречаются в 16 из 17 сочетаний, во второй позиции употребляются только шумные согласные, подобная же картина наблюдается в каракалпакском: в 92,3 % случаев первую позицию занимают сонанты, во второй позиции – только шумные согласные [Авазбаев 1992: 23–24]. В тюркских языках Сибири (а также в некоторых кыпчакских языках – киргизском, казахском и др.) идет процесс, который можно охарактеризовать как перенос фонотактических закономерностей, свойственных односложной корневой морфеме, на межморфемные консонантные сочетания. В результате на фоническом уровне словоформы упрощаются, но вместе с тем усложняются морфологически, так как выделение морфем становится более сложным.

Возникший в ряде тюркских языков запрет на сочетания типа «шумный + сонорный» на морфемных швах привел к существенным сдвигам как на фонологическом, так и на морфологическом уровнях. В результате действия этого запрета вместо одновариантных (по начальному согласному) возникают многовариантные аффиксы.

Одним из результатов этого процесса стало изменение парадигматической иерархии грамматических показателей, имевших в древнетюркском в анлауте сонорный согласный. В первую очередь это затрагивает аффиксы, имевшие в древнетюркском в анлауте *m*-; например, аффикс отрицания *-ma* у глаголов, который в результате этих процессов предстает в вариантах на *m*, *b*, *p*, *w* и др.

В составе отрицательного глагольного аффикса восстанавливается формант *-m* [Щербак 1981: 98], который встречается также в сложных аффиксах с отрицательной семантикой: в др. т. *-ma*, *-mä*: *qïlma-* ‘не делать’, *ölür-mä* ‘не убивать’, а также как часть сложных аффиксов отрицательных инфинитных форм: *-maz*, *-malï*, *mazγan* и др. [Древнетюркский словарь 1969: 657]. В современных языках Южной Сибири этот аффикс имеет основной вариант *-ба* / *-ва* (в качестве основного принимается вариант, употребляемый после гласного основы): тоф. *сана-ва* ‘не читать’, *бер-бе* ‘не давать’, *ал-ба* ‘не

брать’, *алыс-па* ‘не поддаваться’. Вариант *-ма* появляется только после основ, заканчивающихся на *-н*: *hаактан-ба-* (~ *hаактан-ма-* ‘не кататься на лыжах’) [Рассадин 1978: 170].

В тувинском языке представлены варианты *-па* / *-пе* после шумных согласных; *-ба* / *-бе* после *л*, *р*, *й*, *г*; *-ва* / *-ве* после гласных и *-ма* / *-ме* после *м*, *н*, *ң*: *тут-па* ‘не держать’, *ал-ба* ‘не брать’, *бода-ва* ‘не думать’, *мун-ма* ‘не ехать верхом’. В западном и переходном диалектах в позиции после *м* и *н* появляется *п*: *хөм-пе* ‘не закапывать’, *сагын-па* ‘не вспоминать’.

В хакасском языке после основ на гласный и сонорные *р*, *п*, *л*, *й* употребляется вариант *-ба* / *-бе*: *сине-бе* ‘не измерять’, *пар-ба* ‘не идти’, *хал-ба*; после основ на *-н*, *-нъ*, *-м* употребляется вариант *-ма* / *-ме*: *айлан-ма* ‘не возвращаться’, *сом-ма* ‘не купаться’; после основ на шумный согласный идет вариант на *-па* / *-пе*: *сат-па* ‘не продавать’ [Дыренкова 1948: 72].

В алтайском языке после основ на гласный и сонорный употребляется вариант *-ба* / *-бе* / *-бо* / *-бö*: *ише-бе* ‘не работать’; *кел-бе* ‘не приходить’, *бар-ба* ‘не идти’; после основ на шумный употребляются варианты с начальным *п-* [Дыренкова 1940: 155].

В якутском языке отрицательный аспект глагола образуется при помощи аффикса *-ма* / *-ыма*: *ытаа-* ‘плакать – *ытаа-ма* ‘не плакать’, *санаа* ‘думать’ – *санаа-ма* ‘не думать’, *киир* ‘входить’ – *киир-име* ‘не входить’ [Грамматика современного якутского литературного языка 1982: 226]. Но такой способ присоединения к основе, заканчивающейся на согласный, аффикс отрицания имеет далеко не во всех глагольных формах.

В форме отрицательных причастий на *-бат* (отрицательное причастие настоящего времени), *-батах* (отрицательное причастие прошедшего времени) показатель отрицания как бы утрачивает связь со своим исходным вариантом и в позиции после гласного употребляется уже как шумный согласный: *кэпсээ-бэт* ‘не говори’, *аhаа-бат* ‘не ешь’; *ыл-бат* ‘не бери’, *бар-бат* ‘не уходи’, – оглушаясь после глухого шумного согласного основы: *тик-пэт* ‘не шей’, *аах-пат* ‘не читай’ и т. д.

Ср. форму отрицательного деепричастия в якутском с другими тюркскими языками Сибири: в большинстве тюркских языков одна отрицательная форма и для деепричастия на *-ып* (як. *-ан*), и для деепричастия на *-а*: др. т. *-майын*; тув. *-байн*; тоф. *-бейн*; хак. *-бин*; шор. *-баан*, алт. сев. диал. *-бийн*, алт. южн. диал. *-бай*; як. *-ымына*.

Если отрицательный аффикс находится в структуре вторичного аффикса, который присоединяется к глагольным основам, заканчивающимся на согласный при помощи соединительного гласного, то *-м-* в структуре этого аффикса сохраняется, если отрицательный компонент входит в структуру вторичного аффикса, который присоединяется к глагольной основе непосредственно, то *м* > *б*, даже в позиции после гласного основы. Южносибирские языки полностью сменили основной вариант с шумным согласным в анлауте, якутский – частично. Таким образом, в якутском не столь последовательно, как в южносибирских языках, прошла смена основного варианта аффикса

глагольного отрицания; соответственно, якутская система оказалась сложнее, так как не выравнялась по одному принципу.

Тот же процесс – десоноризация анлаута для аффиксов с переднеязычными согласными *н-* и *л-* – фиксируется в южносибирских языках на более ранних ступенях изменения. В южносибирских языках падежная система представлена преимущественно кыпчакским и уйгуро-кыпчакским подтипами. Соответственно, аффиксы в безличной парадигме имеют консонантно-начальные варианты [Благова 1982: 49–52]. Поэтому можно проследить за изменениями начального *н-* аффиксов на примере винительного и родительного падежей.

В древнетюркском языке винительный падеж после согласных был представлен аффиксом *-γ* / *-g*, очень редко *-nï*, *-ni*, *-n* – в лично-притяжательной парадигме, после гласных – *-nï* // *-ni*, родительный *-ïŋ* / *-iŋ*; *-ig* / *-ïγ*, после согласных; *-nïŋ* / *-niŋ* после гласных. В древнетюркском уже формировался тип, близкий современным огузским языкам, где выбор консонантно-начального или вокально-начального варианта аффикса зависит от исхода основы. Унаследовал этот тип и якутский язык: *-ны*, *-ни*, *-ну*, *-нγ* – после гласных, *-ы*, *-и*, *-у*, *-γ* – после согласных.

В южносибирских тюркских языках варианты падежных аффиксов (по начальному согласному) образовывались в результате действия двух закономерностей: 1) после шумного согласного основы не употреблялся сонорный; 2) в разных тюркских языках сложились отличающиеся друг от друга закономерности сочетания между собой сонорных, поэтому после шумных возникает вариант аффикса с шумным анлаутом: *-ты* (аффикс винительного падежа), *-тыӈ* (аффикс родительного падежа), во всех остальных позициях сохраняется *-н-*:

тоф. род. п.: *-тыӈ*, *-тіӈ*, *-туӈ*, *-тӱӈ* после шумных: *аът-тыӈ* ‘коня’, *эът-тиӈ* ‘мяса’, *эш-тіӈ* ‘друга’ и т. д.; *-ныӈ*, *-ніӈ*, *-нуӈ*, *-нүӈ* после гласных и всех сонантов: *даг-ныӈ* ‘горы’, *ай-ныӈ* ‘месяца’, *кар-ныӈ* ‘снега’, *чаа-ныӈ* ‘войны’;

вин. п.: *-ны*, *-ни*, *-ну*, *-нγ*, если основа оканчивается на любой гласный и сонант: *суг-ну* ‘воду’, *hам-ны* ‘шамана’, *ай-ны* ‘месяц’, *чаа-ны* ‘войну’; *-ты*, *-ти*, *-ту*, *-тγ* – если основа оканчивается на шумный согласный: *балык-ты* ‘рыбу’, *эът-ти* ‘мясо’ [Рассадин 1978: 30–31].

По этому же типу меняется форма аффиксов в чулымско-тюркском языке, встречается этот тип и в хакасском, но в сагайском после *-р*, *-л* появляется вариант со звонким шумным *-дыӈ*, *-ды*; т. е. зона шумных аллофонов раздвигается, этот процесс идет уже под влиянием запретов на сочетаемость сонорных. Морфологически система становится сложнее за счет большого количества вариантов морфем. В алтайском языке аффиксы с шумным в анлауте появляются после долгого узкого *-уу-*, *-ӱӱ-*: *черӱ-динъ*, *черӱ-ди*; после *р*, *л*, *й*: *мал-дынъ*, *мал-ды*. Винительный падеж с шумным в анлауте появляется пос-ле *-н*, *-нъ*, *-м*: *таан-ды*, но *таан-нынъ*, *анъ-ды*, но *анъ-нынъ* [Дыренкова 1940: 67].

Н. А. Баскаков в туба-диалекте отмечает факультативные варианты *-нынъ* / *-дынъ*, *-ны* / *-ды* после гласного основы [Баскаков 1966: 60].

Такие же варианты встречаются в шорском диалекте хакасского языка: *түлгү-ді* ‘лисицы’ [Межекова 1973: 58]; *акча-ды ~ акча-ны* ‘деньги’; *пуза-ды ~ пуза-ны* ‘теленка’.

Из-за расширения зоны алломорфов с шумным согласным в анлауте они постепенно выдвигаются в позицию основного варианта морфемы.

В большой группе современных тюркских языков, в том числе во всех тюркских языках Сибири, сформировался запрет на употребление сонорных после шумных на морфемном шве, что отличает их от юго-западных тюркских языков (турецкий, азербайджанский, узбекский, карачаево-балкарский), где этот тип сочетания сохраняется: тур. *ev* ‘дом’ – *evler* ‘дома’, *sokak* ‘улица’ – *sokaklar* ‘улицы’, *çocuk* ‘ребенок’ – *çocuklar* ‘дети’ и т. д.

Запрет на сочетания типа «шумный + сонорный» послужил одним из стимулов развития ассимиляции на морфемных швах, вместо одновариантных аффиксов (по начальному согласному) *-lar* (множественное число), *-liγ* (аффикс обладания), *-ma*, *-maz* (глагольные отрицательные аффиксы) и т. д. возникают многовариантные аффиксы: *-lar*, *-tar*, *-dar*, *-nar* и др.

Одним из результатов этого запрета стало изменение парадигматической иерархии грамматических показателей, имевших в древнетюркском языке в анлауте сонорный: как основной вариант аффикса стал восприниматься десоноризованный (деназализованный): хак. *сине-бе* ‘не измеряй’; тоф. *сен бар-ба* ‘ты не уходи’ и т. д. Ср. як. *ahaa-ма* ‘не ешь’, но *ahaa=бат* (отрицательная форма причастия прошедшего времени). Этот процесс охватывает не только дву- и трехкомпонентные аффиксы, но и аффиксы, состоящие из одного согласного, например залоговые показатели, которые могут оказаться в постконсонантной позиции после выпадения узкого гласного при аффиксальном наращении, когда следующий аффикс начинается с широкого гласного, см. як. *ытын-* + *-ар* > *ыттар* ‘взбирайся’. Такие изменения ведут к сильному «затемнению» морфологической структуры слова.

Построение сочетаний согласных по нисходящей звучности, когда сонорный всегда предшествует шумному, характерно не только для восточной группы тюркских языков. Оно типично для бурятского языка, нганасанского, чукотского и др. Это дает возможность поставить вопрос об ареальном характере рассматриваемого явления.

Для тюркских языков Южной Сибири характерно увеличение алломорфов и затемнение морфологической структуры словоформы, что усложняет их морфологическую систему.

3.2. Ассимилятивные процессы на морфемных швах в шорском языке

В шорском языке представлены различные виды полной и частичной ассимиляции согласных (как прогрессивной, так и регрессивной), которые наиболее ярко проявляются при прибавлении к основам, оканчивающимся на согласные или гласные, различных словообразовательных или словоизмени-

тельных аффиксов, начинающихся на согласный или гласный. Не исключается возможность комбинированной ассимиляции одновременно как по способу, так и по месту образования, по способу образования и по звонкости и т. д. В этом случае ассимиляция чаще всего бывает полной, хотя и не исключается возможность частичной ассимиляции по одному из параметров. При полной ассимиляции акустическое звучание согласных бывает идентичным по одному из признаков.

Исследование основано на базе объективных экспериментально-фонетических данных, полученных в результате подробного систематического фонико-фонологического описания согласных шорского языка [Уртегешев 2002, 2004; Селютина, Уртегешев и др. 2011; Селютина, Уртегешев и др. 2012; Селютина, Уртегешев 2013; Селютина, Уртегешев 2014].

В шорском языке выделяются три класса согласных, от характера которых зависят ассимилятивные процессы и, соответственно, процессы упрощения или усложнения фонетических систем:

– согласные I класса – статичные, с акустическим эффектом среднего ровного резонирования, умереннонапряженные долгие орально-неаспирированные нефарингализованные [C·];

– согласные II класса – инъективно-эйективные, с акустическим эффектом высокого восходящего резонирования, слабонапряженные краткие орально-аспирированные нефарингализованные [C̲ᶜ];

– согласные III класса – эйективно-инъективные, с акустическим эффектом низкого нисходящего резонирования, сильнонапряженные долгие фарингализованные орально-неаспирированные ['C̲̲:].

3.2.1. Ассимиляция по звонкости

3.2.1.1. Простая ассимиляция по звонкости

Уподобление по звонкости констатируется на морфемном шве в следующих случаях:

1) если основа оканчивается на согласный I или II класса, а агглютинирующий аффикс начинается с гласного, например: согласный I класса «p·˃» в словоформе *чип* – ɧʃ'·ì:p·˃ – 'нитки', оказавшись при агглютинации в интервокальном положении, полностью озвончается: – *чиби* – ɧʃ'·ì:b·ˑɜʔˑ – 'нитки=его'; звук «s̄·» в слове *пас* – 'p̲:ɅS̄· – 'пиши' при аффиксации переходит в звук «z·» того же класса: *пазып* – 'p̲:Ʌ̄:z·ɜ̆p – 'писав'.

Подобные изменения можно записать следующей формулой:

Основа слова		Аффикс		Морфемный шов
[***]VC_1·	+	V[***]	⇒	[***]VC_2·V[***]

2) если аффиксируемая основа имеет в финале согласный II класса, а аффикс так же, как и в предыдущем случае, начинается с гласного, происходит частичная ассимиляция по звонкости глухого согласного, например: звук «t̲ᶜ»

в словоформе *плат* – ’p̲:ʰɬ:ʎ̀t̲ᶜ – ‘платок’ при интервокализации заменяется звуком «t̲ˇᶜ» того же места и способа образования – *платы* – ’p̲:ʰɬ:ʎ̀:t̲ ˇᶜъ̀ʔ – ‘платок=его’; звук «ʃ̲·ᶜ» в слове *аш* – ʔʎ̥ʃ̲ᶜ – ‘ячмень’ при агглютинации чередуется со звуком «ʃ̲·ˇᶜ» того же класса – *ажын* – ʔʎ̥ʃ̲·ˇᶜъ̆n – ‘ячмень (вин. п.)’:

Формула чередования:

Основа слова		Аффикс		Морфемный шов
[***]VC̲ᶜ₁·	+	V[***]	⇒	[***]VC̲ˇᶜV[***]

В данном классе исключение составляют финальные мягкорядные оттенки фонемы $[k]_2$, которые чередуются с полностью звонким вариантом того же места и способа образования, что и репрезентанты фонем I класса, например: *эк* – ʔ·ʒ̀k̲ᶜ – ‘подбородок’ ⇒ *эги* – ʔ·ʒ:ˇg̲ᶜ ъ̀ʔ· – ‘подбородок=его’;

3) уподобление по звонкости констатируется в позиции внутреннего сандхи после основы, оканчивающейся на гласный или малошумный согласный, при условии, что аффикс начинается с глухого шумного согласного I или II класса с постпозитивным гласным. Звуки I и II класса (кроме согласных II класса типа «t̲ᶜ» и «t̲ʃ̲ᶜ») подвергаются полной прогрессивной ассимиляции по звонкости, т. е. озвончаются, чередуясь со звонким звуком, близким по месту и способу образования, например: основа в слове *пала* – ’p̲:ʎ̀ɬʎ̀ʔ – ‘ребенок’ оканчивается на гласный; присоединяющийся аффикс *-қа* – -q̲ᶜʎ направительно-дательного падежа, начинающийся с глухого согласного II класса «q̲ᶜ», после интервокализации переходит в звук «ǫ̲ᶜ»: *палаґа* – p̲:ʎ̀ɬʎ̀ǫ̲ᶜʎʔ – ‘ребенку’; звук I класса «t·» после агглютинации переходит в «d·»: *кел* – ’k̲:ʰɛλ – ‘иди=сюда’ + *-ти* – t̲·ъ̀ʔ· – ‘аффикс недавно прошедшего времени’ ⇒ *келди* – ’k̲:ʰɛλd̲·ъ̀ʔ· – ‘пришел=только что’.

Формула чередования:

Основа слова		Аффикс		Морфемный шов
[***]V(/C₃)	+	C·(/C̲ᶜ)V[***]	⇒	[***]V(/C₃)C₁·(/C̲₂ᶜ)V[***]

4) после аффикса отрицательной формы настоящего времени на *-паан* звуки III класса типа «’ħç:» (в показателе настоящего времени на *-ча*), подвергаются ассимиляции по глухости / звонкости, теряя при этом фарингальный приступ и переходя в звук ħç: (это единственный зафиксированный пример, когда звук ’ħç: имеет звонкий вариант произношения; в остальных случаях, независимо от позиционно-комбинаторных условий, звук ’ħç: ассимиляции по глухости / звонкости не подвергается), например: ’k̲:ɛ́λ- ‘приходить, идти=по направлению к кому-то, к чему-то’ + *-пеен* – p̲′ᶜɛ̀:ʕ·n· – ‘показатель отрицательной формы’ + *-чам* – -’ħç:æm – ‘показатель формы глагола наст. времени 1-го л., ед. ч.’ → ’k̲:ɛ́λβ̲′ᶜɛ̀:ʕ·nħç:æm ‘не иду = сюда’.

Формула звукоизменения:

Основа слова		Аффикс		Морфемный шов
[***]-паанV(/C₃)	+	’ħç:V[***]	⇒	[***]-паанħç:V[***]

3.2.1.2. Сложная ассимиляция по звонкости

Несколько более сложный процесс ассимиляции по глухости / звонкости наблюдается в тех случаях, когда основа оканчивается на носовой малошумный согласный типа «m», «n», «ɲ», «ɴ», «ŋ» и «ɳ», а следующий за основой согласный аффикса начинается со звука типа «s·» – глухого переднеязычного щелевого свистящего согласного I класса или со звука типа «q̱ᶜ» – глухого увулярного смычного согласного II класса. Кроме того, что звуки «s·» и «q̱ᶜ» заменяются звонкими вариантами «z·» и «ɢ̱ᶜ» (соответственно) того же ряда и класса, они при этом назализуются, например: *азын* – ʔɻ̩̀ːzɜ̆̀̀n – ‘повеситься (основа глагола)’ + z·ɻ̩̀ŋ ‘аффикс условного наклонения 2-го л., ед. ч.’ ⇒ ʔɻ̩̀ːzɜ̆̀̀nz̃ɻ̩̀ŋ; *азын* – ʔɻ̩̀ːzɜ̆̀̀n – ‘вешаться (основа глагола)’ + q̱ᶜɻ̩̀n ‘аффикс давно прошедшего времени 3-го л., ед. ч.’ ⇒ *азынган* – ʔɻ̩̀ːzɜ̆̀̀nɢ̱̃ᶜɻ̩̀n – ‘вешался давно’.

Ассимиляция звуков типа «s·» и «q̱ᶜ» после носовых согласных происходит по следующей формуле:

Основа слова		Аффикс		Морфемный шов
[***]N	+	«s·»(/«q̱ᶜ»)V[***]	⇒	[***]N«z̃·»(/«ɢ̱̃ᶜ»)V[***]

3.2.1.3. Экзотическая ассимиляция по звонкости (осложненная)

Данный тип ассимиляции констатируется в следующих случаях:

1) когда к однослоговой именной основе на финальный согласный типа «rᶜ» присоединяется уменьшительно-ласкательный аффикс на *-чақ* ~ *-чек* – -t͡ʃ′ᶜaq̱ᶜ ~ -t͡ʃ′ᶜɛk̲ᶜ, например: *эр* – ʔ̇ɜrᶜ′ – ‘мужчина’ + -t͡ʃ′ᶜɛk̲ᶜ ⇒ *эрчек* – ʔ̇ɜr′ᶜ̆it͡ʃ′ˇᶜɛk̲ᶜ – ‘мужичок’ – частичная прогрессивная ассимиляция по звонкости, появление интерфикса.

Формула образования:

Основа слова		Аффикс		Морфемный шов
[***]rᶜ	+	-t͡ʃ′ᶜaq̱ᶜ	⇒	[***]rᶜɜ̆t͡ʃ′ˇᶜaq̱ᶜ

2) когда к однослоговой основе на поствокальный согласный I класса типа «p·» присоединяется уменьшительно-ласкательный аффикс на *-чақ* ~ *-чек* – -t͡ʃ′ᶜaq̱ᶜ ~ -t͡ʃ′ᶜɛk̲ᶜ или словообразовательный аффикс *-чақ* ~ *-чек* – -ɧ̲͡ʃ·′aɥ· ~ -ɧ̲͡ʃ′·ɛk·, например: *қап-* – ɥ·ʌp·> – ‘мешок’ + *-чақ* – -t͡ʃ′ᶜaq̱ᶜ ⇒ *қапчақ* – ɥ·ʌb·ɜ̆t͡ʃ′ˇᶜaq̱ᶜ – ‘мешочек’ – частичная прогрессивная ассимиляция по звонкости, интерфиксация, озвончение финального согласного основы при агглютинации.

Формула чередования звуков:

Основа слова		Аффикс		Морфемный шов
[***]p·	+	-t͡ʃ′ᶜaq̱ᶜ (/-ɧ̲͡ʃ·′aɥ·)	⇒	[***]b·ɜ̆t͡ʃ′ˇᶜaq̱ᶜ (/-ɧ̲͡ʒ·′aɥ·)

3) когда к однослоговой именной основе на ауслаутный малошумный согласный типа «ɣ», «ɣ», «ɥ», «ɣ» присоединяется уменьшительно-ласкательный аффикс на *-чақ* ~ *-чек* – -t͡ʃ′ᶜaq̱ᶜ ~ -t͡ʃ′ᶜɛk̲ᶜ, например: *таг* – tʌɣ – ‘гора’ +

-*чак* – -t͡ʃ′ᶜaq̱ᶜ ⇒ *тагчак* – tʌ̇:ğъt͡ʃ′ ˇᶜaq̱ᶜ – ‘горка’ – частичная ассимиляция согласного аффикса по звонкости, полная ассимиляция по способу образования финального согласного основы, интерфиксация.

Формула ассимилятивного процесса:

Основа слова		Аффикс		Морфемный шов
[***]ɣ̆ (/ɣ, ɥ, ɣ)	+	-t͡ʃ′ᶜaq̱ᶜ	⇒	[***]ğ̆ (/ğ, ğ̆, ğ)ъt͡ʃ′ ˇᶜaq̱ᶜ

4) при присоединении аффикса, начинающегося с аффрикаты типа «t͡ʃ′ᶜ» II класса, к однослоговой основе, оканчивающейся на малошумный фарингализованный звук типа «’j̱», появляется, как и в предыдущих случаях, беглая гласная, в данном случае «i» – переднерядная первой ступени подъема нелабиализованная [Наделяев 1960; Селютина 2002: 54]. Звук «’j̱» как бы вокализуется, в действительности он заменяется фарингальным(-ларингальным) звонким щелевым двухфокусным оттенком «ʕ′» служебной фонемы [ʔ] [Чирикба 1991], который по второму фокусу образования – среднеязычный твердонебный. Аффриката, в свою очередь, оказавшись в интервокальной позиции, полуозвончается, например: *ай* – ʔʌ̀’j – ‘луна’ + -*чак* ~ -*чек* – -t͡ʃ′ᶜaq̱ᶜ ~ -t͡ʃ′ᶜɛḵᶜ – ‘уменьшительно-ласкательный аффикс’ ⇒ *айчак* – ʔʌ̀:ʕ′it͡ʃ′ ˇᶜaq̱ᶜ – ‘луночка’. При таких фонетических изменениях гласный основы приобретает позиционную долготу.

Формула фонетического изменения:

Основа слова		Аффикс		Морфемный шов
[***]V«’j̱»	+	«t͡ʃ′ᶜ »[***]	⇒	[***]V:«ʕ′»V«t͡ʃ′ ˇᶜ»[***]

3.2.2. Ассимиляция по глухости

Оглушение на морфемном шве наблюдается в единственном случае: основа оканчивается на малошумный согласный любого класса, а аффикс начинается с согласного III класса, например: *ал-* – ʔʌ̇l – ‘брать’ + -*тыр* – ’t̲:ъrᶜ – ‘прошедшее неожиданное время’ ⇒ *алтыр* – ʔʌ̇:l̲’t̲:ъrᶜ – ‘брал = он, оказывается’ – полное, а иногда и частичное оглушение малошумного согласного.

Формула ассимилятивного процесса:

Основа слова		Аффикс		Морфемный шов
[***]C_3	+	’C̲:$_1$[***]	⇒	[***]C̲$_3$’C̲:$_1$[***]

3.2.3. Ассимиляция по месту образования

Данный тип уподобления звуков был зафиксирован в следующих двух случаях:

1) если основа слова оканчивается на малошумный постпозитивный к огубленному гласному согласный типа «ɣᶜ», «ɡᶜ», а аффикс начинается с губно-губного согласного II класса типа «p̲ᶜ», например: *суг* – ’s̲:ʊ̇·ɣᶜ – ‘вода’ + *па* – -p̲ᶜʌ́ʔ ⇒ *сугба* – ’s̲:ʊ̇·βᶜβ̲ᶜʌ́ʔ – ‘с водой’, *кӧг* – kɔ̈ɣᶜ ~ kɔ̈ɡᶜ – ‘мелодия’

+ *-пе* – -p̲′ᶜɛ́ʔ· ⇒ *кögбе* – kɜ̈β·ᶜβ̲′ᶜɛ́ʔ· ~ kɜ̈β·ᶜβ̲′ᶜɛ́ʔ· – ‘мелодия’ – полная регрессивная ассимиляция по месту образования финального согласного основы, полная прогрессивная ассимиляция по звонкости и по способу образования анлаутного согласного звука аффикса.

Формула звукоизменения:

Основа слова		Аффикс		Морфемный шов
[***]V̊ɣᶜ(/ɢᶜ)	+	-p̲ᶜV[***]	⇒	[***]V̊βᶜβᶜV[***]

2) если основа оканчивается на постпозитивный к огубленному гласному малошумный типа «ŋ», а к ней присоединяется аффикс, начинающийся с малошумного согласного II класса типа «mᶜ», например: *одуӈ* – ʔɔ̀:dö̀ŋ – ‘дрова’ + *-ма* – -mᶜʌ́ʔ – ‘совместно-орудный падеж’ ⇒ *одуӈма* – ʔɔ̀:dö̀ɱmᶜʌ́ʔ – ‘с дровами’ – полная регрессивная ассимиляция по месту образования.

Формула ассимилятивного процесса:

Основа слова		Аффикс		Морфемный шов
[***]V̊ŋ	+	-mᶜV[***]	⇒	[***]V̊ɱᶜmᶜV[***]

3.2.4. Ассимиляция по способу образования

Этот тип ассимиляции встречается как в «чистом» виде (см. ниже), так и в осложненном (см. «Ассимиляция по месту образования»). В «чистом» виде он представлен следующими двумя случаями:

1) основа слова оканчивается на глухой смычный согласный I класса типа «q·», «ɢ·», а аффикс начинается с превокального смычного глухого согласного I или II класса (кроме согласного типа «q̲ᶜ»), например: *аӄ-* – ʔʌ̀q· – ‘течь’ + *-ты* – -t·ъʔ – ‘недавно-прошедшее время’ ⇒ *аӄты* – ʔʌ̀˘χ·t·ъʔ – ‘текла только что’, *аӄ* – ʔʌ̀ɢ· – ‘белый’ + *-та* – -t̲ᶜʌ́ʔ – ‘недавно-прошедшее время’ ⇒ *аӄ* – ʔʌ̀x·t̲ᶜʌ́ʔ – ‘на белом’ – полная регрессивная ассимиляция по способу образования.

Формула фонетического чередования:

Основа слова		Аффикс		Морфемный шов
[***]Vq(/ɢ·)	+	C·₁(/C̲₁ᶜ) (кроме q̲ᶜ)[***]	⇒	[***]Vχ·(/x·)C·₁(/C̲₁ᶜ)[***]

2) Если основа оканчивается на глухой согласный любого класса (кроме «q·» I класса), а аффикс начинается с превокального смычного глухого твердорядного увулярного оттенка согласной фонемы $[k]_2$ II класса, например: *ат* – ʔʌ̀tᶜ – ‘конь’ + *-ӄа* – q̲ᶜʌ́ʔ – ‘направительно-дательный падеж’ ⇒ *атӄа* – ʔʌ̀t>χ̲ᶜʌ́ʔ – ‘на коня’ – полная прогрессивная ассимиляция по способу образования.

Формула чередования звуков:

Основа слова		Аффикс		Морфемный шов
[***]C_1 (кроме q·)	+	q̲ᶜ[***]	⇒	[***]C_1χ̲ᶜ[***]

3.2.5. Ассимиляция по назальности

Рассматриваемый тип ассимиляции возникает в результате сложного фонетического процесса. К основе слова на носовой согласный присоединяется аффикс деепричастия на *-п* с узким гласным в препозиции (*-ып*), после чего к словоформе присоединяются вспомогательный глагол (аффиксоид) *ыс-* ‘посылать’ или любой другой глагол, начинающийся с гласного. В результате узкий гласный деепричастного аффикса полностью редуцируется, а *-п* – p^c ~ b^c под воздействием предыдущего носового малошумного переходит в согласный II класса типа «m^c», например: *азын-* – ʔäʒ̀:zъ’n̠ˀ̣ – ‘вешаться’ + *-ып* – ъp^c ~ ъb^c – деепричастие на *-п* ⇒ *азынып* – ʔäʒ̀:zъ’n̠ˀ̣ъ̆p^c – ‘вешаясь’ + *ыс-* – ʔъ̀$s^{\cdot c}$ – ‘посылать’ ⇒ *азынмыс-* – ʔäʒ̀:zъ’n̠ˀ̣m̠ъ̀$s^{\cdot c}$ – ‘повеситься’. Формула данного фонетического типа изменений:

Основа слова		Аффикс		Аффиксоид		Морфемный шов
[***]N	+	ъp^c ~ ъb^c	+	V[***]	⇒	[***]Nm^cV[***]

Для исследуемого языка более всего свойственна ассимиляция по звонкости [Дыренкова 1941; Чиспиякова 1991; Чиспиякова, Шавлова 1992: 25–26], результатом которой является озвончение согласных, хотя оглушение согласных также свойственно речи шорцев.

Рассмотренные ассимилятивные процессы, происходящие в шорском языке на морфемном шве при агглютинации, сведены в табл. 12.

Таблица 12

Фонетические изменения на морфемном шве

№	Финальный звук или комбинация звуков основы	Анлаутный звук или комбинация звуков аффикса	Результат агглютинации
1	поствокальный глухой согласный I класса; -V$C^{\cdot}_1$	гласный; V-	полная регрессивная ассимиляция по звонкости; -V$C^{\cdot}_2$V-
2	поствокальный глухой согласный II класса; -V$\underline{C}^c_1$ (кроме мягкорядных оттенков фонемы $[k]_2$)	гласный; V-	частичная регрессивная ассимиляция по звонкости; -V$\underline{C}^{\check{c}}$V-
3	пост(-вокальный) сонантный согласный III класса; -(V/)C_3’$\underline{C}^{:}_1$	гласный или малошумный согласный; V-, C_3-	ассимиляция по звонкости не констатируется; -(C_3/)V’$\underline{C}^{:}_1$V(/C_3)-
4	гласный или малошумный согласный; -V, -C_3	превокальный глухой согласный I или II класса; $C^{\cdot}_1$V-, $\underline{C}^c_1$V- (кроме согласных II класса типа «$\underline{t}^c$» и в некоторых случаях типа «$\underline{tʃ}^c$»)	полная прогрессивная ассимиляция по звонкости; -(C_3/)VC_2V-

5	гласный или малошумный согласный; -V, -C_3	превокальный глухой согласный II класса типа «t̲ᶜ»; t̲ᶜV-	частичная прогрессивная ассимиляция по звонкости; -Vt̲ˇᶜV-
6	гласный или малошумный согласный; -V, -C_3	превокальный глухой согласный III класса; ’C̲:$_1$V- (кроме согласных «’t̲:» и «’ħç̲:» в некоторых случаях)	ассимиляция по звонкости не отмечается; -(C_3/)V’C̲:$_1$V-
7	аффикс на *-паан*	превокальный глухой согласный III класса типа «’ħç̲:»; ’ħç̲:V-	полная прогрессивная ассимиляция по звонкости; *-паан* ɦj̲: V-
8	малошумный согласный типа «r»; -r	превокальный глухой согласный II класса типа «tʃ̲ʹᶜ» в уменьшительно-ласкательном аффиксе; tʃ̲ʹᶜV-	частичная прогрессивная ассимиляция по звонкости с интерфиксом; -Vrъtʃ̲ʹˇᶜV-
9	превокальный смычный шумный глухой согласный I класса типа «p·»; -Vp·	превокальный глухой согласный II класса типа «tʃ̲ʹᶜ» в уменьшительно-ласкательном аффиксе; tʃ̲ʹᶜV-	частичная прогрессивная ассимиляция по звонкости с интерфиксом и озвончением финального согласного основы; -Vb·ъtʃ̲ʹˇᶜV-
10	превокальный малошумный щелевой согласный типа «ɣ̆», «ɣ», «ɥ»; -Vɣ̆ (/ɣ /ɥ)	превокальный глухой согласный II класса типа «tʃ̲ʹᶜ» в уменьшительно-ласкательном аффиксе; tʃ̲ʹᶜV-	частичная ассимиляция согласного аффикса по звонкости и полная ассимиляция по способу образования финального согласного основы с интерфиксацией; -Vğ(/ğ /ɕ)ъtʃ̲ʹˇᶜV-
11	превокальный малошумный щелевой согласный типа «j»; -Vj	превокальный глухой согласный II класса типа «tʃ̲ʹᶜ» в уменьшительно-ласкательном аффиксе; tʃ̲ʹᶜV-	частичная ассимиляция согласного аффикса по звонкости, чередование «j» и «ʕ», удлинение гласного, препозитивного к «j», и интерфиксация; -Vʕ̆-i̲tʃ̲ʹˇᶜV-
12	назальный малошумный типа «m», «n», «ɲ», «ɴ», «ŋ», «ɳ»; -N	превокальный глухой щелевой согласный I класса «s·»; s·V-	полная прогрессивная ассимиляция по звонкости с назализацией; -Nz̃·V-

Окончание табл. 12

13	назальный малошумный типа «m», «n», «ɲ», «ɳ», «ŋ», «ɴ»; -N	превокальный глухой смычный согласный II класса «q̲ᶜ»; q̲ᶜV-	полная прогрессивная ассимиляция по звонкости и по способу образования с дистантной назализацией; -Nq̲ᶜV̊-
14	малошумный согласный; $-C_3$	шумный согласный III класса; ’C̲:$_1$-	частичная или полная регрессивная ассимиляция по глухости малошумного; -C̬$_3$’C̲:$_1$-
15	постпозитивный к лабиализованному гласному смычный заднеязычный малошумный согласный типа «’ŋ$_>$»; -V̊’ŋ$_>$	превокальный смычный билабиальный носовой малошумный согласный I класса типа «m»; mV̊-	полная регрессивная ассимиляция по месту образования; -V̊ɱmṼ-
16	постпозитивный к лабиализованному гласному щелевой малошумный согласный типа «ɣ», «ɣ»;-V̊ɣ (/ɣ)	препозитивный билабиальный щелевой согласный II класса типа «βᶜ»; βᶜV-	полная регрессивная ассимиляция по месту образования, озвончение и ассимиляция по способу образования согласного аффикса; -V̊βᶜβᶜV-
17	поствокальный корнеязычный/фарингальный звук типа «ɥ·»; -Vɥ·	превокальный смычный глухой согласный I или II класса (кроме qᶜ); C·$_1$V-, C̲ᶜ$_1$V-	полная ассимиляция по способу образования; -Vx·C·$_1$ (/C̲ᶜ$_1$)V-
18	поствокальный язычковый согласный I класса типа «q»; -Vq	превокальный смычный глухой согласный I или II класса (кроме qᶜ); C·$_1$V-, C̲ᶜ$_1$V-	полная ассимиляция по способу образования; -Vχ·C·$_1$ (/C̲ᶜ$_1$)V-
19	глухой согласный любого класса; $-C_1$	превокальный смычный глухой твердорядный увулярный оттенок фонемы $[k]_2$ II класса; q̲ᶜV-	полная ассимиляция по способу образования; $-C_1$χ̲ᶜV-
20	назальный согласный любого класса; N	билабиальный глухой согласный II класса типа «p̲ᶜ»; p̲ᶜV-	полная ассимиляция по назальности; -NmᶜV-

3.3. Синтагматические процессы в южносибирских тюркских языках

На современном синхронном срезе фонические системы развиваются по пути упрощения субстантных характеристик единиц, экономии артикуляционных усилий (дезаффрикатизация, спирантизация, выпадение интервокальных согласных, упрощение консонантных комплексов, стяжение геминат в долгий согласный, ассимиляция), что, в свою очередь, ведет к оптимизации фонологических систем, перестройке их с ориентацией на доминантные структурирующие признаки, отказу от эклектичности, обусловленной сложным смешанным происхождением этносов и их языков.

Одни изменения, например спирантизация (хак.: *ах* «aχ» ‘белый’, *харах* «χarəχ» ‘глаз’, *хулах* «χuləχ» ‘ухо’; алт.: *кату* «χɑt:ʊ» ‘твердый’, *ака* «ɑχ:ɑ» ‘брат’, *алакан* «ɑlɑχ:ɑn» ‘ладонь’), дезаффрикатизация (хак.: *чистек* «ʃ˝is˙t˙зk˙» ‘ягода’, *ачыг* «aʃ˝ɪɣ» ‘горький’, *тохчах* «tuχʃ˝εx˙» ‘толстый’, *чірче* «ʃ˝ɪr˙ʃ˝ε» ‘чашка’, *арчы* «arʃ˝ɪ» ‘роса’; *хуҷах* «χuʒ˝æx˙» ‘охапка’, *поҷа* «puʒ˝ε» ‘барда’, *имҷі* «im´ʒ˝ɪ» ‘врач’, *имҷек* «im´ʒ˝εk˙» ‘женская грудь’ [Субракова 2006: 44–45; 220; Шалданова 2007]), ведут лишь к изменению кода, не оказывая при этом значительного негативного влияния на степень традиционной устойчивости языка и нивелируя возникшие затруднения в восприятии речи при смене социального (возрастного) состава носителей языка, необходимый уровень транслируемой собеседнику информации сохраняется и адекватно воспринимается слушателями, процесс коммуникации не затруднен.

Так, в хакасском языке произошла полная спирантизация твердорядного гуттурального смычного согласного *q*, представленного в материалах В. В. Радлова в целом ряде позиций – в анлаутной, ауслаутной, медиальной пре- и постконсонантной в составе сочетаний двух шумных глухих согласных [Radloff 1882: 131, 174, 228]. В настоящее время его можно констатировать лишь в речи самых пожилых носителей языка; консонант фактически полностью утратил затвор, реализуясь как щелевой согласный: $q \rightarrow \chi$. Аналогичные преобразования $ɢ \rightarrow q$ пережил в хакасском языке и звонкий коррелят *g*, зафиксированный В. В. Радловым в инлауте и в медиально-постсонантных комбинациях [Ibid: 199, 254–260] – в речи современных носителей языка в составе твердорядных словоформ употребляется лишь щелевой согласный: *сығырай* «sъɥъrəj» ‘снегирь’, *хабырға* «χabъrɥə» ‘ребро’ [Субракова 2006: 46]. В алтайском же языке аналогичный процесс спирантизации велярно-увулярного согласного *q* динамично развивается в течение двух последних десятилетий, особенно активно – в речи носителей языка младшей и средней возрастных групп. При этом переход на щелевую реализацию субъективно не осознается алтайцами, они констатируют факт перестройки системы вслед за сменой произносительных установок только лишь при специальной фиксации на этом их внимания.

Близок к завершению и процесс дезаффрикатизации переднеязычного сложного согласного *ч* «t͡ʃ´», вытесненного в речи современных хакасов-сагайцев щелевым сильнопалатализованным *ш* «ʃ˝». Медиальные биконсо-

нантные комбинации, оканчивающиеся на аффрикату *ч*, встречаются только в говорах, продолжая функционировать факультативно при значительно более высокой частотности сочетаний с постпозитивным щелевым «ʃ˝». Аналогичные преобразования как уже завершившийся процесс констатируются для инлаутной интервокальной или постсонантной звонкой аффрикаты *ҷ* «d͡ʒ˝», утратившей смычный компонент и реализующейся в сильнопалатализованном щелевом монофоне «ʒ˝» [Субракова 2006: 44–45; 2007]. Аффриката *ҷ* как маркированный член оппозиции *ч* «t͡ʃ˝» / *ҷ* «d͡ʒ˝» имеет в языке меньший статистический вес, частотность его значительно ниже, чем у немаркированного коррелята *ч*, что и предопределило более высокую динамику процесса дезаффрикатизации для *ҷ* «d͡ʒ˝» по сравнению с *ч* «t͡ʃ˝».

Констатируемая в хакасском и алтайском языках активная трансформация систем согласных по пути спирантизации и – в хакасском – дезаффрикатизации свидетельствует об ослаблении мускульной напряженности как артикуляционно-базовом признаке, о развитии классов смычных и смычно-щелевых единиц по принципу экономии артикуляционных усилий, по пути оптимизации субстантных характеристик, снижения уровня языковой сложности. В свою очередь перестройка на ярусе фоники детерминирует соответствующие преобразования фонологических систем. В процессе коммуникации факультативное периферийное использование носителями языка смычных или смычно-щелевых реализаций рассматриваемых фонем вместо значительно более частотных щелевых коррелятов затруднений в восприятии не вызывает.

Другие фонетические трансформации – выпадение интервокальных согласных (например, алт.: *апаш* «ɑpːɑːʃ» ← «ɑpːɑɵɑʃ» ‘белый-пребелый’, *баатыр* «b͡bᵇɑːtːъr» ‘богатырь’ ← «mɑqːɑːtːъr»), упрощение консонантных комплексов, стяжение геминат в долгий согласный, ассимилятивные процессы – становятся катализаторами сложных системных преобразований на разных уровнях языка. Упрощение фонетического облика словоформы детерминирует появление сложности при ее морфологическом членении вследствие амальгамирования компонентов, перестройку слоговой структуры, возникновение новых фонотактических закономерностей.

Так, в хакасском языке в словоформах, в которых узкие гласные *ы*, *і* конечных слогов типа -CVC (со звонким превокалом и глухим поствокалом) полностью редуцировались, произошел ряд фонетических преобразований, существенно изменивших в устной речи фонетический облик словоформ: *азых* «ȧ̆ˌːsχ» ‘пища’, *арых* «ȧ̆ˌːr̥χ» ‘тощий’, *хозып* «χȯːsȯ» ‘прибавив’, *чадып* «ʃ˝ȧ̆ˌːtȯ» ‘лежа’ [Кыштымова 2001: 95; Исхаков, Пальмбах 1955: 211–212]. Выпадение гласных повлекло за собой полное оглушение звонких согласных, оказавшихся в позиции перед глухим финальным консонантом, – произошла регрессивная ассимиляция по признаку работы голосовых связок. Кроме того, в деепричастных формах на *-ып* констатируется выпадение финального губного согласного *п* с последующим компенсаторным огублением гласного аффикса: *ы* → *у*. При этом в деепричастных формах сохранилась позицион-

ная долгота широких гласных открытого первого слога перед узким *у* «ʊ̇» следующего слога, несмотря на то что, во-первых, в хакасском языке это удлинение традиционно происходит только перед гласными *ы* и *i*; во-вторых, как и в большинстве других тюркских языков южносибирского региона, в хакасском языке запретом на реализацию рассматриваемой закономерности является употребление глухого (~ долгого, ~ сильного) согласного в анлауте слога с узким гласным, то есть интервокальный согласный не должен быть глухим, например: *ады* «ʌ̟:dɨ̇» ‘имя=его’, но *хаты* «χʌ̟t:ɨ̇» ‘жена=его’.

Аналогичные процессы в шорском языке описаны Н. С. Уртегешевым: при присоединении аффикса деепричастия *-ып* к основе, оканчивающейся на носовой согласный, с последующим присоединением вспомогательного глагола *ыс-* ‘посылать’ либо любого другого глагола, начинающегося с гласного, происходит ряд сложных фонетических трансформаций. Аффиксальный узкий гласный *ы* полностью редуцируется, согласный *-п* «pᶜ ~ bᶜ» под ассимилирующим воздействием препозитивного носового малошумного *н* «’n̠˕» преобразуется в «mᶜ», например: *азын-* «ʔʌ̰̀:zъ’n̠˕» ‘вешаться’ + *-ып* «ъpᶜ ~ ɨbᶜ» → *азынып* «ʔʌ̰̀:zъ’n̠ɨ̆pᶜ» ‘вешаясь’ + *ыс-* «ʔɨ̀s·ᶜ» ‘посылать’ → *азынмыс-* «ʔʌ̰̀:zъ’n̠˕mɨ̀s·ᶜ» ‘повеситься’ [Уртегешев 2015: 84]. Подобные фонетические преобразования нарушают прозрачность морфемной структуры словоформ и усложняют аудитивное восприятие информации.

В последние десятилетия в тюркских языках Южной Сибири наблюдается тенденция к сокращению длительности удвоенных согласных на стыке морфем, зачастую геминаты по своим характеристикам приближаются к долгим. Если удвоенные согласные встречаются, как правило, на стыке морфем, между ними можно провести морфологическую границу (алт.: *аттар* «ɑt=tɑr» ‘кони’), с артикуляторной точки зрения удвоенные согласные являются двухвершинными «t:ˣ», длительность удвоенных согласных равна длительности сочетания двух аналогичных кратких согласных в этой же позиции (алт.: *аттар* «ɑttɑr» ‘кони’ – *батпак* «b̥ɑtpɑχ» ‘толстый, коренастый’), то долгие согласные реализуются, как правило, внутри морфемы, являются одновершинными и по длительности они меньше сочетания двух аналогичных кратких согласных в этой позиции, но больше длительности одного краткого согласного в этой же позиции. На современном синхронном срезе наблюдается тенденция к переходу геминат в долгие, например алт.: *кату* «χɑt:ʊ» ‘твердый’ ← *кат=тыг.* В этом случае происходит амальгамирование компонентов словоформы, осложняющее процесс морфологического членения: если это один долгий согласный, то где проводить границу между корнем и аффиксом? Существуют различные подходы к трактовке данного явления, но удовлетворительного решения проблемы пока не предложено.

В рассмотренных примерах на фонетическом уровне происходит упрощение кода с одновременным усложнением морфологической структуры слова. Сокращение плана выражения находится в отношениях отрицательной корреляции с планом содержания, затрудняя при этом восприятие речи и осложняя процесс общения.

3.4. Фонетические процессы в позициях сандхи в аналитических конструкциях тюркского глагола как индикаторы языковой сложности

Цель параграфа – обобщение результатов исследования фонетических процессов в позициях сандхи в аналитических формах глагола трех тюркских языков алтае-саянского региона: чалканского, шорского и тувинского – и интерпретация полученных данных в качестве индикаторов лингвистической сложности.

Под сандхи мы понимаем позиционно обусловленные изменения звуков, возникающие на стыке словоформ – внешнее сандхи, на стыке морфем внутри словоформ – внутреннее сандхи [Ахманова 1966: 394]. Особенности фонации согласных в сандхиальных позициях необходимо учитывать как при изучении современного состояния звуковой системы, так и при решении проблем языковой ретроспективы и фонетической типологии.

На материале сибирских языков такое исследование впервые было выполнено В. В. Субраковой [Субракова 2005: 11–14], показавшей, что в хакасском языке позиции внешнего анлаутного и ауслаутного сандхи являются своеобразным маркером степени аналитизма данного словосочетания [Курпешко, Широбокова 1991: 8]: если оно осознается как свободное словосочетание, то в анлауте второго слова или в ауслауте первого функционируют долгие глухие фонемы, если же словосочетание стянулось в сложное слово, лексикализовалось, представляет собой аналитическую форму глагола, то в анлауте второго его компонента или в ауслауте первого реализуются краткие фонемы в своих звонких или озвонченных аллофонах. Позиции начала и конца слова маркируются долгими фонемами, если же позиция начинает осознаваться как позиция внутреннего сандхи, например в случае лексикализации сочетания, происходит чередование долгих фонем с краткими [Субракова 2006: 212–213].

Здесь и далее для точной передачи звучания исследуемых АК используется традиционная транскрипционная система Новосибирской фонетической школы, разработанная В. М. Наделяевым [1960], с уточнениями и дополнениями, внесенными его последователями [Сарбашева 2004; Уртегешев и др. 2009; Уртегешев 2015; 2016].

Результаты аудитивного анализа бивербальных конструкций чалканского и шорского языков и соответствующих им тувинских трехкомпонентных деепричастных аналитических конструкций позволили выявить, с одной стороны, общность процессов фонетических преобразований, сопровождающих процессы стяжения аналитических конструкций, с другой – существенные различия в степени, скорости развития этих трансформаций.

3.4.1. Чалканские аналитические конструкции

В основу исследования положены примеры чалканских аналитических конструкций из экспедиционных материалов 2001–2004 гг., опубликованных

в сборниках серии «Языки коренных народов Сибири» [2003: 141–189; 2004а: 23–47; 2004б: 144–175; Озонова, Тазранова 2004].

Ниже приведены результаты анализа 12 чалканских деепричастных аналитических конструкций типа Tv=п + $V^{всп}$:

Tv=(п) + тьит= ‘лежать’;

Tv=(п) + тур= ‘стоять’;

Tv=(п) + тьор= ‘ходить’;

Tv=(п) + ощур= ‘сидеть’;

Tv=п + сал= ‘класть’;

Tv=п + ий= ‘посылать’;

Tv=п + қал= ‘оставаться’;

Tv=п + ал= ‘брать’;

Tv=п + пер= ‘дать’;

Tv=п + кел= ‘идти (к говорящему)’ ;

Tv=п + пар= ‘идти (от говорящего)’ ;

Tv=п + чық=/щық= ‘выходить’.

Выборка для анализа включает 52 предложения с деепричастными АК [Селютина и др. 2006: 218, 220–228, 230–232].

Бивербальные конструкции (БВК) этого типа квалифицирутся тюркологами как аспектуальные, при этом АК Tv=(п) + тьит=, Tv=(п) + тур=, Tv=(п) + тьор=, Tv=(п) + ощур= выражают семантику «длительности», в то время как АК Tv=п + сал=, Tv=п + ий=, Tv=п + қал= – семантику «недлительности», краткости, мгновенности, законченности, результативности действия или состояния [Озонова, Тазранова 2004: 56, 61].

Задачей данного исследования является анализ фонетических изменений, позволяющих судить о процессах синтезации указанных выше деепричастных АК чалканского языка.

По степени слияния основного (ОГ) и вспомогательного глаголов (ВГ) аналитические конструкции делятся на три группы:

1) АК с полным слиянием ОГ и ВГ: на современном синхронном срезе лексические компоненты рассматриваемых АК утратили самостоятельность, стянувшись в одно слово с соблюдением правил фонотактики и подчиняясь законам чалканского сингармонизма; ВГ используется чаще в усеченной форме, чем в полной;

2) АК с частичным слиянием ОГ и ВГ: процесс стяжения нельзя считать завершенным, поскольку выравнивания по палатальной гармонии гласных в АК не происходит; ВГ выступает как в полной, так и в усеченной форме;

3) АК без признаков слияния: не наблюдается процессов стяжения ОГ и ВГ, сохраняющих свою самостоятельность; ВГ используется только в полной форме.

1. АК с полным стяжением ОГ и ВГ. Полное слияние основного и вспомогательного глаголов зафиксировано в трех аналитических конструкциях: Tv=(п) + тур= ‘стоять’ и Tv=п + ий= ‘посылать’, Tv=(п) + тьит= ‘лежать’.

В АК Tv=(п) + тур= ВГ *тур-* реализуется в усеченной форме:

а) *-ты-*: *тьоқ топтым* [ħøχ̆tɨp˃tɨm] ‘пересказываю=я’ – *тьоқ то=п-ты=м* (< *тьоқ то=п тур=ды=м*);

ощыптым [ʔɔ̈:ʃ"ɪp˙˃t˙ɨm˙] ‘сижу=я’ – *ощу=п-ты=м* (< *ощу=п тур=ды=м*);

оҥноптылар [ʔɔ̈ŋ˃nʌp˃tɨlʌr] ‘умели=они’ – *оҥно=п-ты=лар* (< *оҥно=п тур=ды=лар*);

б) *-т-*: *оҥноптыным* [ʔɔ̈ŋ˃n̲ʌp˃tɨnʌm] ‘знаю=я’ – *оҥно=п-т-ын-ым* (< *оҥно=п тур= атан=ым*) – вследствие выпадения финального малошумного «г» основы ВГ, иногда с полной редукцией узкого гласного «ъ». Поскольку в рассматриваемых АК ВГ *тур-* употребляется только после деепричастной формы на *-п*, анлаутный звук «t» вспомогательного глагола в сандхиальной постпозиции к ауслаутному глухому «р» ОГ не озвончается, сохраняя свои артикуляторно-акустические характеристики. Для звука «р» при этом облигаторно имплозивное произношение.

В АК Tv=п + ий= между основным и вспомогательным глаголами отсутствует внешняя звуковая пауза, оба слова воспринимаются как единая словоформа. ВГ *ий=* отмечается как в полной форме -С + ъj-: *айдыйди* [ʔȧ·jdɨ̈jdɨ̈ʔ] ‘сказала=она’ – *айд=ый=ди* (< *айд=↓ ий=ди=* < *айд=ып ий=ди=*), так и в усеченной -С + ъ-: *тӧлӧв ийдивис* [t̲˙ø˕:β'ɪdɨ̈β'ɪs˙ᶜ] ‘заплатили=мы’ – *тӧлӧ=в ий=ди=вис* (< *тӧлӧ=п ий=ди=вис*); *ньан ийим* [ɲa:ɲɪm˙] ‘вернулась=я’ – *ньан=↓ ий-им* (< *ньан=ып ий=им*); *тоозыйенис* [t̲ȯ:z'ɪʔə:n˙ɨ̆s̄˙] ‘закончили=мы’ – *тооз=ый-ен=ис* (< *тооз=ып ий=ген=ивис*). В усеченной форме у ВГ *ий=* в интервокальной позиции выпадает малошумный щелевой согласный «j».

Практически во всех примерах произошло полное выравнивание сингармонической рядности по первому гласному ОГ: твердорядному в *айдыйди* [ʔȧ·jdɨ̈jdɨ̈ʔ] или мягкорядному в *тӧлӧв ийдивис* [t̲˙ø˕:β'ɪdɨ̈β'ɪs˙ᶜ], *ньан ийим* [ɲa:ɲɪm˙]; в аналитической по происхождению словоформе *тоозыйенис* [t̲ȯ:z'ɪʔə:n˙ɨ̆s̄˙] – < *тооз=ып ий=ген=ивис* процесс дистантной гармонизации еще не завершен.

АК Tv=(п) + тьит= может подвергаться значительной редукции и стяжению:

қорықпийтим [qɔ̇·rʊ̇q˃p̲'ɪjt˙ɨ̆m˙] ‘не боюсь=я’ – *қорық=пий=ти=м* (< *қорық=пий тьад=ым*);

айттым [ʔʌ’jtɨ̆m] ‘говорю=я’ – *айт=тьи-м* (< *айд=ып тьад=ым*).

В словоформе *қорықпийтим* [qɔ̇·rʊ̇q˃p̲'ɪjt˙ɨ̆m˙] центральнорядная огласовка аффикса 1-го л. ед. ч. *=ым* после переднерядного гласного предыдущего слога объясняется действием аккомодационных закономерностей, характерных для большинства тюркских языков Южной Сибири (кроме хакасского): среднеязычные (~ передне-среднеязычные) согласные могут сочетаться с постпозитивными гласными только переднего ряда (это гласные «ɪ» (*östьит* [ʔö̇·s'ħɪt̲˙ᶜ]) или «а» (*тьаттьит* [ħᶜa:ħɪt̲˙ᶜ] ‘живут=они’), переднеязычные согласные – только с мягкорядными гласными непереднего артикуляторного ряда (в *қорықпийтим* [qɔ̇·rʊ̇q˃p̲'ɪjt˙ɨ̆m˙] это центральнорядный «ɨ̆»).

Примеры реализации АК с соблюдением законов палатального и лабиального сингармонизма, свидетельствующие о том, что в современном языке эти аналитические по происхождению бивербальные конструкции подверглись высокой степени синтезации и осознаются носителями языка как единое стяженное слово:

киртьит [ʝkɪr·ħçɪt˙ᶜ] ‘помню=я’ (< *кир=ип тьат*);

östьит [ʔö·s'ħɪt˙ᶜ] ‘растёт (много)’ – *öс=тьит=* (< *öз=ип тьат=*);

тьаттьит [ħᶜa:ħɪt˙ᶜ] ‘живут=они’ – *тьат=тьит=* (< *тьад=ып тьат*);

қорықпийтим [qɔ̇·rü̇q>p̲'ɪjt˙ɨ̆m˙] ‘не боюсь=я’ – *қорық=пий=ти=м* (< *қорық=пий тьад=ым*) – ступенчатый сингармонизм;

айттым [ʔʌ̇’jtɨ̆m] ‘говорю=я’ – *айт=ты-м* (< *айд=ып тур=ым*).

В позиции сандхи биконсонантных сочетаний происходит упрощение: «переднеязычный + среднеязычный (~ передне-среднеязычный) ⇒ среднеязычный (~ передне-среднеязычный)», например: *тьаттьит* [ħᶜa:ħɪt˙ᶜ] – *тьат= тьит=* (< *тьад=ып тьат=*). Это свидетельствует о продолжающемся развитии процессов стяжения аналитических форм, ведущих к окончательной утрате ими прозрачности структуры, к невозможности вычленения вспомогательных глаголов.

2. АК с частичным стяжением ОГ и ВГ. Данная группа АК является наиболее многочисленной, она включает пять моделей:

Tv=п + сал= ‘класть’;

Tv=п + қал= ‘оставаться’;

Tv=п + ал= ‘брать’;

Tv=п + пер= ‘дать’;

Tv=п + кел= ‘приходить, прийти’.

В АК Tv=п + сал= ВГ *сал-* отмечается как в полной, так и в усеченной форме:

а) полная форма:

пер салтыр [p·ᶜə·r˙s̲ɑ̇ltʌr] ‘отдал=он’ – *пер сал=тыр=* (< *пер=ип сал=тыр=*);

қаап салдым [’q̲:ʌp>sʌ·ldɨ̆m] ‘схватилась=я’ – *қа=ап сал=ды=м* (< *қав=ып сал=ды=м*);

б) усеченная форма:

ӱгрен саан [ʔy:r'en˙>sɑ̇:n] ‘отучились=они’ – *ӱгрен са-ан=* (< *ӱгрен=ип сал=ган*);

төлөп саам [t˙ø̆l'øp˙>sɑ̇:m] ‘решила=я’ – *төлө=п са-ам* (< *төлө=п сал=ган=ым*).

Малошумный смычный латеральнощелевой согласный *l*, оказавшись в результате наращения аффиксов в интервокале или в препозиции к малошумному «ǫ», выпадает, в последнем случае полной редукции подвергается весь биконсонантный комплекс. В результате последующего стяжения двух вокальных компонентов образуется долгий гласный. Зафиксированы случаи сокращения или утраты вторичной долготы: в АК *эт саанар* [ʔət˙>sɑ̇·nʌrᶜ]

‘сделали=они’ – *эт=↓ са-ан-ар* (< *эд=ип сал=ган=нар*) гласный «ȧ·» полудолгий, в АК *суқ саам* [sȯq>sȧm] ‘спрятала=я’ – *суқ=↓ са-ам* (< *суг=ып сал=ган=ым*) гласный «ȧ» краткий.

В конструкциях Tv=п + қал=, аналитических по происхождению, отсутствует словесная пауза между основным и вспомогательным глаголами, бивербальная конструкция воспринимается как единая словоформа. Исключение составляют АК *ӱгрен қаам* [ʔy·ɑʒr'en̯·’q̱ᶜȧm] ‘привык=я’, *кир қаан* [k'ɪr·’q̱ᶜȧn] ‘спрятался=он’, в которых в анлауте вспомогательного глагола сохраняется сильная напряженность и фарингализованность аспирированного звука «’q̱ᶜ».

ВГ *қал=* отмечается в полной и усеченной форме:

а) полная форма -C + qal-

арт қалтыр [(-m) ʌrtq̱ᶜȧltɨr (q̱ᶜ ⇒ χᶜ)] ‘осталось’ – *арт=↓ қал=тыр=* (< *арт=ып қал=тыр=*);

тьӧжӧн қал [ħøʒ'ønq̱ᶜȧ:l] ‘спрятался=он’ – *тьӧжӧн=↓ қал=↓* (< *тьӧжӧн=ып қал=ып=*);

пол қалам [pᶜȯ̰l’q̱ᶜȧ:lɨm] ‘стала=я’ – *пол=↓ қал-ам* (< *пол=ып қал=ган=ым*);

тӱш қалза [tˈᶜüʃ'qᶜȧlzʌʔ] ‘выпадет=если’ – *тӱш=↓ қал=за=* (< *тӱж=ип қал=за=*);

б) усеченная форма -C + qa-:

ӧл қаан [ʔø·l̥qʌ·n] ‘погиб=он’ – *ӧл=↓ қа-ан=* (< *ӧл=ип қал=ган=*);

ӱгрен қаам [ʔy·ɑʒr'en̯·’q̱ᶜȧm] ‘привык=я’ – *ӱгрен=↓ қа-ам* (< *ӱгрен=ип қал=ган=ым*);

кир қаан [k'ɪr·’q̱ᶜȧn] ‘спрятался=он’ – *кир=↓ қа-ан=* (< *кир=ип қал-ган=*).

В усеченной форме у ВГ *қал=* при агглютинации в интервокальной позиции выпадает малошумный щелевой согласный «l», при стечении звуков «l» и «ɢ» на стыке морфем выпадает звуковой комплекс «lɢ».

Во всех примерах, в которых звуковая ось основного глагола реализуется как мягкорядная, выравнивания сингармонического ряда всего аналитического комплекса не происходит, звуковое оформление ВГ остается твердорядным, причем даже в тех случаях, где произошло слияние компонентов БВК в одно фонетическое слово (*ӧл қаан* [ʔø·l̥qʌ·n], *тьӧжӧн қал* [ħøʒ'ønq̱ᶜȧ:l], *тӱш қалза* [tˈᶜüʃ'qᶜȧlzʌʔ]) и констатируется глухость ауслаутного малошумного согласного основного глагола в результате регрессивной ассимиляции под воздействием анлаутного шумного глухого «q» вспомогательного глагола (*ӧл қаан* [ʔø·l̥qʌ·n], *ӱгрен қаам* [ʔy·ɑʒr'en̯·’q̱ᶜȧm]).

Бивербальные конструкции Tv=п + ал= также реализуются в полной и усеченной форме:

а) полная форма:

тьип алдывыс [ħʃɪp̱·ᶜ ȧ:ldɨβɨs̄·] ‘съели=мы’ – *тьи=п ал=ды=выс*;

ощыв алдывыс [ʔȯ:ʃ'ɪβʌldɨβɨs̄·] ‘сели=мы’ – *ощы=в* (< *=р*) *ал=ды=выс*;

б) усеченная форма:

ўгредаан [ʔür'edʌn] ‘выучила=она’ – *ўгред=↓ а-ан=* (< *ўгред=ип ал=ган=*);

таванар [’t̪:ʌ:βʌnʌrʃ] ‘нашли=они’ – *тав-ан-ар* (< *тав=ып ал=ган=нар*).

В стяженных АК согласный основного глагола, оказавшийся в ауслауте при выпадении аффикса деепричастия, сохраняет свою звонкость в препозиции к анлаутному гласному ВГ: *ўгредаан* [ʔür'edʌn], *таванар* [’t̪:ʌ:βʌnʌrʃ]. Произношение полных АК вариативно, что обусловлено незавершенностью процессов синтезации. В одних примерах полных АК не только сохраняются межсловная пауза и качество ауслаутного сильнонапряженного глухого придыхательного согласного «p̪ᶜ» деепричастной формы основного глагола, но и акцентируется долготой начальный гласный вспомогательного глагола: *тьип алдывыс* [ħʃ'ɪp̪ᶜ ɑ:ldʲβʲs̄·], что свидетельствует о полной самостоятельности компонентов АК. В других фразах с полными АК пауза между словами устраняется, внешнее сандхи трансформируется во внутреннее, вследствие фонетических преобразований создается фонетический контекст, способствующий озвончению финального «р» основного глагола: *ощыв алдывыс* [ʔö:ʃ"ɪβʌldʲβʲs̄·], что указывает на процесс стяжения. В стяженных АК с мягкорядной звуковой осью основного глагола – первого компонента словосочетания – гармонической дистантной ассимиляции не происходит (*ўгредаан* [ʔür'edʌn], *ощыв алдывыс* [ʔö:ʃ"ɪβʌldʲβʲs̄·]).

Зафиксированные случаи использования АК Tv=п + пер= дают очень неоднозначную картину фонетических изменений в позициях внешнего и внутреннего сандхи, отражающих начальные этапы трансформации БВК. Многовариантность произношения одних и тех же АК также свидетельствует о том, что процессы синтезации далеки от завершения:

тап верем [tʌp>p·ər·əm·] ‘найду=я’ – *та=п вер=е=м* (< *тав=ып пер=ер=им*);

айтпеенер [ʔʌj’t>p·ən·ər‿ʃ·] ‘сказали=они’ – *айт=пе-ен-ер* (< *айд=ып пер=ген=нер*);

экел верди [(ʔö:tür) ʃ‿əkəl·əβ· ər·də ~ ʔəkəl· β·ər·d·ʲʔ] ‘принесла=она’ – *экел=↓ верди=* (< *ал=ып кел=е вер=ди=*); *экел верди* [ʔəkəl·p̪·ər·dʲ].

Как исключение был зафиксирован случай диссимиляции, не характерный для сибирских тюркских языков, когда в позиции внешнего сандхи в постпозиции к глухому шумному согласному констатируется факультативный шумный звонкий «β»: *тап верем* [t·əp·ᶜβ·ər·əm·].

В бивербальных аналитических конструкциях Tv=п + кел= внешняя звуковая пауза между основным и вспомогательным / вспомогательными глаголами отсутствует, АК воспринимается как единая словоформа:

ньанкем [ɲan>’k̪ᶜəm·] ‘вернулась=я’ – *ньан=↓ ке-м* (< *ньан=ып кел=ген=ым*);

кир кеен [’k̪'ɪr·’k̪ᶜen·] ‘вошел=он’ – *кир=↓ ке-ен=* (< *кир=ип кел=ген=*);

тур келтир [tʊ̈rk̪el't·r̪ʃ] ‘встала=она’ – *тур=↓ кел=тир=* (< *тур=ып кел=тир=*);

алкеп [ʔʌl’k̪ᶜep·] ‘брали’ – *ал-ке-п* (< *ал=ып кел=ип*).

Аналогично и в трехкомпонентной АК Tv=п + ал= + кел=:

кез алкеп [ʝke:zʌlqʌp$_{>}$] ‘отрезав’ – *кез=↓ ал=ке-п* (< *кез=ип ал=ып кел=ип*);

кӧр алкеп [körʔ ʌlqʌp^{c}] ‘увидев’ – *кӧр=↓ ал-ке=п* (< *кӧр=ип ал=ып кел=ип*).

Вспомогательный глагол *кел=* отмечается в усеченной форме -C + kel- ⇒ -C + ke-, реже – в полной. Усеченная форма образуется в результате выпадения малошумного звука «l» или сочетания малошумных «lg» в интервокале на стыке морфем. Вторичная долгота гласного при этом не фиксируется.

В полной форме инициальный согласный *k̲* вспомогательного глагола сильнонапряженный (*тур келтир* [tʉrk̲el'tʲr̲ʃ]), в то время как в той же позиции в краткой форме звук «’k̲^{c}» − сильнонапряженный фарингализованный аспирированный (*ньан кем* [ɲan$_{>}$’k̲^{c}əmʲ], *кир кеен* [’k̲'rʲ’k̲^{c}enʲ]). Препозитивный по отношению к анлаутному *k* нещелевой согласный реализуется как имплозивный.

В трехглагольных аналитических конструкциях происходит смена палатальной сингармонической рядности вспомогательного глагола *кел=* с мягкой на твердую по аналогии с препозитивным ВГ *ал=*:

кез алкеп [ʝke:zʌlqʌp$_{>}$] – *кез=↓ ал=ке-п* (< *кез=ип ал=ып кел=ип*);

кӧр алкеп [körʔ ʌlqʌp^{c}] – *кӧр=↓ ал-ке=п* (< *кӧр=ип ал=ып кел=ип*).

При этом в анлауте ВГ звук [q] реализуется как умереннонапряженный.

3. АК с отсутствием стяжения ОГ и ВГ. Вторая по численности группа АК представлена четырьмя моделями:

Tv=(п) + тьор=;

Tv=(п) + ощур=;

Tv=п + пар=;

Tv=п + чык=/щык=.

В АК Tv=(п) + тьор= усеченные формы не констатируются. С точки зрения реализации законов чалканского сингармонизма, глагольные компоненты АК Tv=(п) + тьор= следует рассматривать как самостоятельные словоформы, вокальные оси которых различаются по палатальному и лабиальному признакам:

савакта̧п тьорганар [sʌβʌq$_{>}$t̪ʌp$_{>}$ ħørɥʌn$_{>}$nʌr] ‘дразнили=они’ – *савакта̧=п тьор=ган=нар*;

анна̧п тьортон [ʔʌn$_{>}$n̪ʌp$_{>}$ ħçø·rt^{c}ɔ̃n] ‘охотился=он’ – *анна̧=п тьор=тон=*;

келип тьорганнар [k̲e:l'ipʲ$_{>}$ ħørɥʌn$_{>}$nʌr̲ʃ] ‘приезжали=они’ – *кел=ип тьор=ган=нар.*

Конструкция Tv=(*п*) + *ощур=* – малоизменяемая АК, что обусловлено стечением звуков: финальный согласный деепричастия – имплозивный; вспомогательный глагол начинается с твердого гортанного приступа: -pʲ$_{>}$ + ʔoʒ"rʲ-. Между словами отмечается внешняя продолжительная пауза, каждое слово воспринимается отдельно. Кроме того, второй компонент АК –

вспомогательный глагол – реализуется с нарушением палатальной гармонии гласных:

уґлап ощиптьит [ʔʊ̈ɵlʌp˃ ʔɔ̈:ʃ"ɪp˙ħɪtᶜ] ‘плачет=она’ – *уґла=п ощи-птьит=* (< *ощу=п тьат=*);

ищип ощуртьит [ʔɪʃ"ɪp˙˃ ʔɔ̈:ʃ"ɪp˙ħɪt˙ᶜ] ‘пил=он’ – *ищ=ип ощур=тьит=*.

В составе АК Tv=п + пар= вспомогательный глагол *пар=* констатируется только в полной форме, случаев выпадения финального малошумного не выявлено. Анлаутный губно-губной «р» вспомогательного глагола – глухой смычный умереннонапряженный краткий нефарингализованный неаспирированный. Препозитивные к инициальному согласному *р* вспомогательного глагола нещелевые согласные – имплозивные.

Если ОГ однослоговой, то между основным и вспомогательным глаголами отсутствует внешняя звуковая пауза, АК воспринимается как единая словоформа:

щык пар [ʃ:"ɪk˃pʌr] ‘вышла=она’ – *щык=↓ пар=↓* (< *щыґ=ып пар=ып*);

чык партым [ʃ:"ɪk˃pʌrtʉm] ‘выхожу=я’ – *чык=↓ пар=ты=м* (< *щыґ=ып пар=ып тур=ум*).

Если ОГ дву- или многослоговой с финальным долгим гласным, то между основным и вспомогательным глаголами возникает внешняя звуковая пауза, слияния компонентов АК в одно слово не наблюдается: *кӧчӱп парам* [kɔ̈:ʃ:"y: pʌrʌm] ‘переехала=я’ (< *кӧч=ӱп пар=ґан=ым*). Палатальной сингармонизации также не происходит.

В АК Tv=п + чык=/щык= между основным и вспомогательным глаголами отмечается внешняя продолжительная звуковая пауза, конструкция произносится в два слова. ВГ отмечен только в полной форме:

тьоқтош щыққаннар [ħøq˃t̪ʊ̈ʃ̄ ' ʃ'ɪ qqʌnnʌrᶜ] ‘заговорили=они’ – *тьоқтош=↓ щык=қан= нар* (< *тьоқтож=ып щык=қан=нар*);

қырыш чыққаннар [’q̲:ᶜʉ̈’r̲ᶜʉ̈ʃ ʃ"ɪ:qʌnʌrᶜ] ‘начали спорить=они’ – *қырыш=↓ чык=қан=нар* (< *қырыж=ып щык=қан=нар*);

тьап щыққан [ħā:p˃ ʃ:'ɪ:qᶜʌn] ‘хлынул (дождь)’ – *тьа=п щык=қан=* (< *тьаґ=ып щык=қан*).

Таким образом, результаты аудитивного анализа бивербальных конструкций чалканского языка свидетельствуют о том, что фонетические трансформации, сопровождающие процессы стяжения АК, происходят с различной скоростью: фактически во всех примерах завершилось выпадение деепричастного показателя основного глагола вследствие утраты им информативности, в большинстве случаев устранена внешняя пауза, выполнявшая делимитативную функцию между компонентами БВК.

В составе вспомогательного глагола в ряде случаев констатируется ослабление сильнонапряженных (фарингализованных) артикуляций в анлауте ВГ, выпадение звуков или звуковых комплексов (чаще всего – «l» или «lɵ») в интервокале на стыке морфем с последующим стяжением соседних гласных в один долгий и утратой этой долготы; в речи современных чалканцев случаи реализации вторичной долготы в стяженных АК фиксируются крайне редко.

При возникновении в результате стяжения определенного фонетического контекста на стыке основного и вспомогательного глаголов происходит контактная регрессивная ассимиляция ауслаута ОГ по звонкости-глухости, реже – двусторонняя ассимиляция, причем, если ОГ дву- или многослоговой, указанные процессы, как правило, завершаются раньше, чем в однослоговых ОГ. При создании благоприятных фонетических условий для образования позиционной долготы гласных как в основном, так и во вспомогательном глаголах широкий этимологически краткий гласный открытого слога удлиняется перед слогом с узким гласным до длительности вторичного долгого, происходит фонологизация позиционной долготы.

Значительно медленнее осуществляется сингармонизация (дистантная ассимиляция по палатальной и лабиальной рядности) вспомогательных компонентов бивербальных конструкций, тем самым процессы их синтезации осложняются; особенно медленно происходят эти процессы в тех аналитических конструкциях, в которых звуковая ось вспомогательного глагола твердорядная.

3.4.2. Шорские аналитические конструкции

В современном шорском языке существуют значительные ограничения на использование аналитических конструкций. Многие АК, зафиксированные в фольклорных текстах или художественных произведениях 30-х гг. прошлого столетия, малопродуктивны или вовсе не используются шорцами в обыденной речи, а также в литературных произведениях.

Фонетические изменения, происходящие на стыке слов и морфем, на материале шорских аналитических форм глаголов систематически не изучались. Некоторые фрагментарные, хотя и теоретически значимые наблюдения и выводы по данной проблематике содержатся в трудах Н. П. Дыренковой [1941: 216–262], Н. Н. Курпешко и Н. Н. Широбоковой [1991], Э. Ф. Чиспиякова [1992а], И. В. Шенцовой [1997], Н. С. Уртегешева [2002; 2004].

Для исследования в данной работе использовались примеры с аналитическими конструкциями из произведений художественной литературы, опубликованных в сборнике «Чедыген» (приложении к журналу «Огни Кузбасса») [Чедыген 2007], а также из живой разговорной речи носителей шорского языка, записанной Н. С. Уртегешевым во время экспедиций в места компактного проживания шорцев. Полный перечень анализируемых АК приведен в статье «Шорские аналитические формы глагола: фонетические изменения в позициях сандхи» [Уртегешев и др. 2007: 88–94]. Всего выявлено 14 типов АК, которые рассматриваются на 93 примерах.

Все шорские конструкции делятся на три группы: АК с абсолютной степенью стяженности ОГ и ВГ, АК с сильной степенью стяженности ОГ и ВГ, АК со слабой степенью стяженности ОГ и ВГ.

1. АК с абсолютной степенью стяженности ОГ и ВГ. К данной группе относятся следующие АК:

Tv=п + одур=;

Tv=п + ыс=;

Tv=п + ал=;

Tv=а + пер=;

а(лып) + кел=;

а(лып) + пар=;

а(лып) + шыҟ=.

В этих конструкциях словесная пауза между основным и вспомогательным глаголами полностью устранена, бивербальный комплекс воспринимается фонетически как единая словоформа:

ызыбодурча [ʔɨ̞ː=zɨ̞/=/bȯː=dʊ̇r=’ɦç̆ːaʔ] ‘рассказывает’;

перибодур [pˈeːrˈ/=/bȯː=dʊ̇r] ‘передай’;

пожадыбыстым [pȯ=ʒˈaː/=/dɨ̞=bɨ̞sˑᶜ=tɨ̞m˃ ~ pȯ=ʒˈaː/=/dɨ̞=bsˑᶜtɨ̞m˃] ‘выпустил=я’;

айланмысты [ʔʌ̇ːjˈlˈan˃/=/mɨ̞sˑᶜ=tɨ̞ʔ] ‘вывернул=он’;

уԉнабалдым [ʔʊ̇ŋ˃=nʌ̇/=/bᶜȧl=dɨ̞m˃] ‘узнал=я’;

шомыбалып [’ʃˈːøm˃=mᶜȧː/=/lɨ̞p˃ ~ ’ʃˈːøm˃=bᶜȧː/=/lɨ̞p˃] ‘купавшись’;

парабердим [pʌ̇ː=rʌ̇ː=bˈᶜɛrˈ=dˑɨ̞mˑ˃] ‘поехал=я’;

узуберди [ʔʊ̇ː=zʊ̇ː=bˈᶜɛrˈ=dˑɨ̞ʔ] ‘уснул=он’.

Обычно в шорском языке вычленение вспомогательных глаголов в аналитических по происхождению БВК не представляет особой сложности, например:

албалды < *ал=ып ал=ды* ‘взял’;

келеберди < *кел=е пер=ди* ‘пришел’;

одурбодурды < *одур=ып одур=ды* ‘сидеть (долго)’;

акел < *ал=ып кел=* ‘принеси’;

парбсты < *пар=ып ыс=ты* ‘ушёл’.

Тем не менее в некоторых случаях такие затруднения возникают. Связано это с тем, что в спонтанном произношении и при слогоделении ауслаутный согласный деепричастной формы ОГ примыкает к постпозитивному ВГ или выпадает, компенсируясь в звуковой оболочке ОГ долготой препозитивного гласного:

одурбодурґам [ʔȯː=dʊ̇r/=/bȯː=dʊ̇r=ɥɑm < *одур=ып одур=ґам* ‘сидел (долго)=я’;

шыґвал [’ʃˈːɪːɥ/=/βᶜȧl] < *шыҟ=ып ал=* ‘выйди=ты’;

киреберди [ʞi=rˈeː=bˈᶜɛrˈ=dˑɨ̞ʔ] < *кир=е пер=ди* ‘вошел=он’.

Вместе с тем одним из основных рефлексов аналитизма в указанных БВК (кроме АК Tv=*п+ыс=*) является реализация в их звуковых оболочках сингармонических алгоритмов (сингармем [Джунисбеков 1988]), реализующихся в глагольных компонентах БВК: выравнивания по сингармоническому ряду не

происходит, если сингармема основы не совпадает с сингармемой вспомогательного глагола:

эртибодурча [ʔʒr̯''t:/=/bȯ:=dȯr=’h̯ç:aʔ] ‘проходит=он’;

ӱргӱдибодуруп [ʔӱ:r'=g̊ӱd˙/=/bȯ:=dȯ:=rȯp>] ‘радуя’;

ӱргенбалдым [ʔӱr'=g̊en·>/=/mᶜȧ:=ldъʔ] ‘выучился=он’;

кӧрибалып [kö:r'/=/bᶜȧ:=lъp>] ‘увидев’;

тартаберди [tʌ̇r=’t:ʌ̇=b'ᶜɛr'=d˙ъʔ] ‘закурил=он’;

узуберди [ʔȯ:=zȯ:=b'ᶜɛr'=d˙ъʔ] ‘уснул=он’;

аккелер [ʔʌ̇k>=’ɟ:e=l'er' ~ ʔȧ:/=/’ɟ:e=l'er'] ‘принести’.

Исключение в этом плане представляют АК со вспомогательным глаголом *ыс=*. Н. П. Дыренкова в «Грамматике шорского языка» отмечает следующее: «Глагол *ыс* присоединяется к деепричастию на *п* главного глагола – его полной форме. Он сливается с главным глаголом в отношении сингармонизма, теряя, таким образом, свое самостоятельное существование. Глагол *ыс* теряет свою значимость и выполняет чисто служебную функцию. Гласный глагола *ыс* лабиализуется в зависимости от губности гласных главного глагола (в говорах шорцев низовья р. Мрассу и верховья р. Томи). В говорах шорцев верховьев рек Мрассу и Кондома лабиализация проявляется значительно слабее. В быстрой речи (после основ на *р* и *л*) гласный деепричастного аффикса имеет характер беглого; напр.: *парбысты* (~ *парыбысты* ~ *пар-ып ыс-ты*), *келбисти* (~ *келибисти – кел-ип ыс-ты*)» [Дыренкова 1941: 216].

Как свидетельствуют результаты нашего исследования, на современном этапе развития языка в бивербальных конструкциях с вспомогательным глаголом *ыс=* облигаторно осуществляется полное выравнивание сингармонической рядности по первому гласному ОГ:

а) твердорядному:

салыбысты [’s:ʌ̇:/=/lъ̇=bъ̇s·ᶜ=tъ̇] ‘разжёг=он’;

пожадыбыстым [pȯ=ʒ'a:/=/dъ̇=bъ̇s·ᶜ=tъ̇m> ~ pȯ=ʒ'a:/=/dъ̇=bs·ᶜtъ̇m>] ‘выпустил=я (о книгах)’;

айланмысты [ʔʌ̇:j=l'an>/=/mъ̇s·ᶜ=tъ̇ʔ] ‘вывернулся=он’;

шыгыбыстыӊ [’ʃ':ɪ:=ɵ̨ъ̇/=/bъ̇s·ᶜ=tъ̇ŋ>] ‘вышел=ты’;

парысты [pʌ̇:/=/rъ̇s·ᶜ=tъ̇ʔ] ‘ушёл=он’;

б) мягкорядному:

кӧрӱнмисти [kö:=r'yn·>/=/m·ъ̈s·ᶜ=t˙ъ̈ʔ˙] ‘завиднелось’;

шелибисти [’ʃ':e:/=/l'ɪ=-b˙ъ̈s·ᶜ=t˙ъ̈ʔ˙] ‘бросил=он’;

ӧлибистим [ʔø:=λ'ɪ/=/b·ъ̈s·ᶜ=t˙ъ̈m·>] ‘умер=я’;

кӧӧленмисти [kö:=l'en·>/=/m·ъ̈s·ᶜ=t˙ъ̈ʔ˙] ‘полюбил=он’.

Приведенные примеры свидетельствуют о действии в пределах полностью синтезированной шорской словоформы четких алгоритмов сингармонизма. Функциональная твердорядность или мягкорядность гласного основы ОГ детерминирует качество вокальной оси стяженной бивербальной конструкции, аналитической по происхождению: после твердорядного гласного основы ОГ реализуются лишь гласные центральнозаднего артикуляторного ряда; если же гласные основы ОГ мягкорядные, – как правило, переднеряд-

ные или центральнорядные, то вокальные составляющие вспомогательного глагола могут реализоваться лишь как центральнорядные.

Таким образом, результаты аудитивного анализа свидетельствуют о существенных фонетических изменениях, результатом которых стало преобразование АК Tv=п + ыс= в единый стяженный комплекс.

2. АК с сильной степенью стяженности ОГ и ВГ. Сильной степенью стяженности характеризуются следующие АК:

Tv=(п) + пер=;
Tv=(п) + кел=;
Tv=(п) + пар=;
Tv=(п) + сал=;
Tv=(п) + тур=;
Tv=(п) + қал=.

Они характеризуются полным отсутствием разделительной словесной паузы между основным и вспомогательным глаголами, весь бивербальный комплекс воспринимается как единое фонетическое слово, хотя в нем четко можно выделить составляющие его основной и вспомогательный глаголы, например:

айтпер [ʔȧ:jt>=pʲᶜɛr'] ‘скажи’;
айдап перди [ʔȧ:j=dʌp>=pʲᶜɛr'=dʲ̇ъʔ] ‘сказала=она’;
ашкел [ʔʌ:ʃ'=’ʞ:ɛl'] ‘открыл=он’;
турыпкел [tȯ:=rъp>=’ʞ:ɛl'] ‘встав’;
перкелип [pʲᶜɛr̄'=’ʞ:ɛ:=l'ip·] ‘передав’;
кирпарды [ḳъr'=pȧr=dъʔ] ‘вошёл=он’;
чайылпартыр [’ḫç:a:=ʔɪ:l'=pȧr=’t:ъr] ‘расстелился’;
тудунсалтыр [tȯ:=dȯn>=’s:ʌl=’t:ъr] ‘держался, оказывается=он’;
атсалып [ʔʌt>=’s:ʌ:=lъp>] ‘выстрелив’;
чайыл турча [’ḫç:a:=ʔɪ:l'=tȯ:=r’ḫç:aʔ] ‘расстилается=он’;
кӧйтурча [ḳöj=tȯ:=r’ḫç:aʔ] ‘горит=он’;
келбенқалды [’ʞ:ɛ:=l'bʲᶜɛn·>=’q:ȧ:=ldъʔ ~ ’ʞ:ɛ:=l'bʲᶜɛn·>=ɐȧ:=ldъʔ] ‘не вернулся=он’.

Во всех примерах, в которых произошло слияние компонентов БВК в одно фонетическое слово, но сингармема основного глагола не совпадает с сингармоническим тембром вспомогательного вербального компонента, выравнивания сингармонического ряда всего комплекса, аналитического по происхождению, не происходит – звуковое оформление ВГ остается либо твердорядным, либо мягкорядным:

а) твердорядные:

чӱгӱр парып [’ḫç:y:=ḡür'=pʌ:=rъp>] ‘убегая’;
öспартыр [ʔø:s̄'=pȧr=’t:ъr] ‘выросла, оказывается=она’;
иштепсалдың [ʔї:=ʃᶜ’tʲ:зp·>=’s:ʌl=dъŋ>] ‘сделал=ты’;
келтурғаны [’ʞ:el'=tȯr=ɵqᶜȧ:=nъʔ] ‘шли=сюда’;
келтурча [’ʞ:el'=tȯ:=r̄’ḫç:aʔ] ‘подходит=он’;
пертурча [pʲᶜɛr'=tȯ:=r’ḫç:aʔ] ‘передают=они’;

келбенқалды [’ʞ:ɛ:=l'b'ᶜɛn·>=’q:ȧ:=ldъʔ ~ ’ʞ:ɛ:=l'b'ᶜɛn·>=ɵȧ:=ldъʔ] ‘не вернулся=он’;

тегбенқалтырым [tˇз:=ɣb'ᶜɛn·>=’q:ȧ:= l’t:ъ̇=rъ̇m> ~ tˇз:=ɣb'ᶜɛn·>=ɵȧ:=l’t:ъ̇=rъ̇m>] ‘не тронул=я’;

б) мягкорядные:

айтпер [ʔȧ:jt>=p'ᶜɛr'] ‘скажи’;

тугперейин [tȯ:ȳ=p'ᶜɛ:=r'e:=ʔın·>] ‘родится’;

ашкел [ʔʌ:ʃ'=’ʞ:ɛl'] ‘открыв’;

уркелдим [ʔȯ:r=’ʞ:ɛl'=dˇї̈m·>] ‘налил=я’;

азынкелип [ʔȧ:=zъ̇’n:>=’ʞ:ɛ:=l'ip·] ‘повиснув’.

Таким образом, в приведенном материале констатируются различные этапы активно протекающих процессов стяжения АК в единое слово. Наиболее продуктивны явления синтезации в аналитических конструкциях с твердорядной вокальной осью основного глагола: слияние БВГ в единое беспаузальное слово, стыковочные консонантные компоненты которого подчиняются ассимилятивным законам внутреннего сандхи, происходит даже в тех случаях, когда анлаутный согласный ВГ еще сохраняет сильную напряженность и фарингализованность, маркирующие, как правило, начало слова:

тартсалдыӊ [tʌ̰r’t:=’s:ʌl=dъ̇ŋ>] ‘затянул=ты’;

тудунсалтыр [tȯ:=dȯn>=’s:ʌl=’t:ъr] ‘держал, оказывается=он’;

чатқалды [’ħ͡ç:at>=’q:ȧ:=ldъ̇ʔ] ‘прожил=он’.

В конструкциях с мягкорядным основным глаголом слияние частей аналитических форм, ВГ в которых имеет сильнонапряженную фарингализованную инициаль, замедляется необходимостью осуществления дистантной ассимиляции по палатальной рядности, сингармонизации фрагментов комплекса:

иштепсалдыӊ [ʔї̈:=ʃˇᶜ’tˇ:зp·>=’s:ʌl=dъ̇ŋ>] ‘сделал=ты’;

келбенқалды [’ʞ:ɛ:=l'b'ᶜɛn·>=’q:ȧ:=ldъ̇ʔ ~ ’ʞ:ɛ:=l'b'ᶜɛn·>=ɵȧ:=ldъ̇ʔ] ‘не вернулся=он’,

пербен қалды [p'ᶜɛ:=r'b'ᶜɛn·>=’q:ȧ:=ldъ̇ʔ ~ p'ᶜɛ:=r'b'ᶜɛn·>=ɵȧ:=ldъ̇ʔ] ‘не дал=он’;

кӧрбенқалтырым [kö:=r'b'ᶜɛn·>=’q:ȧ:=l’t:ъ̇=rъ̇m> ~ kö:=r'b'ᶜɛn·>=ɵȧ:=l’t:ъ̇=rъ̇m>] ‘не заметил, оказывается=я’.

3. АК со слабой степенью стяженности ОГ и ВГ. Для бивербальных комплексов Tv=п + щыҵ=, Tv=(п) + кӧр=, Tv=(п) + чӧр= свойственно сохранение слабой внешней словесной паузы между основным и вспомогательным глаголами. Конструкция не воспринимается как единая словоформа, компоненты БВК, как правило, осознаются носителями языка как два самостоятельных слова:

ундудыл шыҵты [ʔȯ:=n>dȯ=dъ̇l ’ʃ:ɪ:=q>tъ̇ʔ] ‘стали забываться=они’;

айдып шыҵты [ʔȧ:j=dъ̇p> ’ʃ:ɪ:=q>tъ̇ʔ] ‘заговорил=он’;

кел шыҵты [’ʞe:l' ’ʃ:ɪ:=q>tъ̇ʔ] ‘стало выглядывать=оно’;

пар кӧрей [pʌr kö:=r'ɛj] ‘схожу-ка=я’;

чат кӧреӊ [’ħ͡ç:at> kö:=r'ɛɲ] ‘давай попробуем прожить’;

қамнап чӧр [’q:am˃=’n:ʌp˃ ’ħç:ør'] ‘камлая’;
учуқ чӧрчалар [ʔù:=’ħʃ'yq ’ħç:ø:=r'’ħç:a=lʌr] ‘летают’;
чӳгӳр чӧрча [’ħç:y:=ǥür' ’ħç:ø:=r'’ħç:aʔ] ‘бегает=он’.

Таким образом, результаты аудитивного анализа деепричастных бивербальных конструкций шорского языка свидетельствуют об активно развивающихся процессах преобразования аналитических комплексов в синтезированные единства. Фонетические трансформации, сопровождающие процессы стяжения АК, распространяются на все рассматриваемые конструкции, хотя и реализуются с различной степенью интенсивности.

Фактически во всех АК, в которых в позиции внешнего сандхи комбинируются согласные – основной глагол в форме деепричастия оканчивается на *-п*, а вспомогательный имеет консонантный анлаут, – произошла полная редукция деепричастного показателя ОГ *-(ы)п*: Tv=(п) + пер=, Tv=(п) + кел=, Tv=(п) + пар=, Tv=(п) + сал=, Tv=(п) + тур=, Tv=п + щық=, Tv=(п) + қал=, Tv=(п) + кӧр=, Tv=(п) + чӧр=, а(лып) + кел=, а(лып) + пар=, а(лып) + шық=.

В конструкциях Tv=п + одур=, Tv=п + ыс=, Tv=п + ал=, в которых ВГ имеет вокальный анлаут, деепричастный показатель ОГ *-ып* сохранился, но утратил свою информативность, выполняя фактически функцию интерфикса, соединяющего две основы в пределах одной словоформы.

Почти во всех конструкциях устранена внешняя (межсловная) пауза, выполнявшая делимитативную функцию между компонентами БВК.

В ряде АК констатируется ослабление сильнонапряженных (фарингализованных) артикуляций в анлауте ВГ.

При создании благоприятных фонетических условий для образования позиционной долготы гласных как в основном, так и во вспомогательном глаголах широкий или полуузкий этимологически краткий гласный открытого слога удлиняется перед слогом с узким гласным до длительности вторичного долгого, происходит фонологизация позиционной долготы.

Если фонетические трансформации, происходящие на сегментном уровне, определяют степень стяжения большинства рассмотренных аналитических конструкций как абсолютную и сильную, то на суперсегментном уровне преобразования осуществляются не столь интенсивно: фактически не происходит сингармонизации – дистантной ассимиляции по палатальности и лабиальности вспомогательных компонентов бивербальных конструкций. Несоблюдение в пределах звуковых цепочек АК законов шорского сингармонизма сигнализирует о незавершенности процессов синтезации.

Хотя в литературе отмечается функционирование в шорском языке целого ряда аффиксов и частиц, имеющих либо только твердорядные настройки (*-ча* – аффикс настоящего времени, *-чатқан* – показатель настоящего несовершенного времени, *-қылақ* – показатель признака предмета, *-чадып* – показатель действия, предшествующего или сопутствующего действию главного глагола, *-чаттыр* – аффикс настоящего времени неожиданного действия, *-аар* / *-лаар* – аффикс повелительного наклонения 2-го л. мн. ч., *-тағы* – аффикс прилагательного, *-арақ* – аффикс слабой степени интенсивности, *да* –

частица уступительности, -*ча* – аффикс продольного падежа) или только мягкорядную огласовку (-*че* – аффикс сравнительно-предельного падежа, *педи* – вопросительная частица) [Чиспияков 1992а: 49, 302–304; 1992б: 35–37, 49–50], это не может свидетельствовать о возможной «асингармоничности» шорского языка. Причину отсутствия сингармонических вариантов указанных аффиксов и частиц следует искать, по-видимому, в их происхождении.

Подтверждением строгого соблюдения законов сингармонизма в шорском языке могут быть примеры полностью синтезировавшихся АК со вспомогательным глаголом *ыс*=: качество вокальной и консонантной осей стяженной бивербальной конструкции, аналитической по происхождению, четко детерминировано функциональной твердорядностью или мягкорядностью гласного основы ОГ.

3.4.3. Тувинские аналитические конструкции

В данном разделе рассматриваются примеры с аналитическими конструкциями, состоящими из трех компонентов, т. е. трехкомпонентные деепричастные аналитические конструкции (ТДАК), соответствующие рассмотренным выше бивербальным деепричастным АК чалканского и шорского языков. В основу исследования положена классификация АК, предложенная Л. А. Шаминой в работе «Аналитические конструкции сказуемого в тувинском языке». Тувинские ТДАК систематизированы автором по структурному и семантическому параметрам [Шамина 1995: 23–39]. Для проведения слухового фонетического анализа были подобраны и записаны на цифровой диктофон соответствующие выявленным конструкциям примеры из произведений художественной литературы. При проведении анализа учитывались особенности фонико-фонологической системы тувинского языка, выявленные в экспериментально-фонетических исследованиях И. Д. Дамбыра [2005] и С. В. Кечил-оол [2006].

По результатам аудитивных наблюдений все выявленные примеры ТДАК тувинского языка были распределены по трем классам в зависимости от расположения внешней (межсловной) паузы, которая, как показывает анализ АК по другим южносибирским тюркским языкам, играет важную роль в процессе фонетических преобразований.

1. ТДАК, в которых межсловная звуковая пауза отсутствует ($V_1 + V_2 + V_3$). К первому классу ТДАК тувинского языка отнесены конструкции, характеризующиеся полным отсутствием межсловной звуковой паузы между компонентами тривербального сочетания. Такая АК воспринимается фактически как единое фонетическое слово, внешнее сандхи меняет статус и становится внутренним.

Тем не менее процесс стяжения нельзя считать завершенным, поскольку выравнивания по палатальной гармонии гласных в АК первого класса не происходит: чаще всего один из трех компонентов реализуется с иной палатальной осью, чем два остальных. Наиболее продуктивны явления синтезации в АК с вокальной осью, однородной как по ряду, так и по огубленности.

ТДАК данного класса составляют 36 % от общего числа анализируемых примеров и занимают второе место по употребляемости (после АК второго класса).

В обобщенном виде конструкции первого класса можно представить формулой $V_1 + V_2 + V_3$. Аналитические сочетания рассматриваемого типа представлены в приведенных примерах: *чыдып каап чоруур* [tʃᶜadɑ̈pˏkᶜɑ̈:pˏ tʃᶜγ/Ørʹyṛʹ] ‘отстающий (от жизни)’, *үнүп кээп турар* [γnˑγkɜ:pˏtᶜɜ̈rɑ̈rᶜ] ‘выходили=они’, *шуужуп бар чыткан* [{bˑlʹɛʃ}ö̇ʒˑᶜəpɑ̈rtʃatkɑ̈n] ‘летели=они’, *дыңнап чыдып калган* [tɜ̈ŋˏnɑ̈pˏtʃᶜɪtˏɥɑlɥɑn] ‘осталась слушать=она’, *дилеп туруп бергеннер* [tˑlʹɛpˑˏtᶜurpʹᶜɛrˑɢɛ̈nˑˏnˑɜrˑ] ‘ищут=они’, *сөөртүп чедип келген* [sᶜœ:pˑᶜtʃᶜɛtˑɜ̈pɤ̈ɥɤn] ‘таща пришел’, *кире хонуп кээр* [{bɔ̈lɑ̈}gᶜrɑ̈xɔ̈n kɜ̈rʹ] ‘приходит (на ум)’, *чеде хонуп келген* [tʃᶜɛdˑɜxɔ̈nö̇pˏkəlˑənˑ] ‘достигла=она’, *хоора соп алдым* [χɔ̈·rɑ̈s:ɔ̈ldɜ̆mˏ] ‘оторвал=я’.

Фонетический аудитивный анализ предложений первого класса ТДАК позволил выявить кроме общих фонетических признаков, характерных для всех ТДАК этого класса, некоторые частные фонетические изменения, свойственные либо какой-то отдельной АК, либо нескольким АК.

Из пяти примеров АК первого класса, сложные основы которых образованы двумя деепричастиями на *=п*, в двух предложениях деепричастный показатель сохраняется в спонтанной речи как у первого, так и у второго компонентов АК: *чыдып каап чоруур* [tʃᶜadɑ̈pˏkᶜɑ̈:pˏ tʃᶜγ/Ørʹyṛʹ] ‘отстающий (от жизни)’, *сөөртүп чедип келген* [sᶜœ:pˑᶜtʃᶜɛtˑɜ̈pɤ̈ɥɤn] таща пришел’.

В других двух примерах аффикс *=п* деепричастия сохранился только у первого компонента АК: *дыңнап чыдып калган* [tɜ̈ŋˏnɑ̈pˏtʃᶜɪtɥɑlɥɑn] ‘осталась слушать=она’, *дилеп туруп бергеннер* [tˑlʹɛpˑˏtᶜurpʹᶜɛrˑɢɛ̈nˑˏnˑɜrˑ] ‘ищут=они’.

И наоборот, в одном примере у первого компонента ТДАК деепричастный показатель выпал, но сохранился у второго: *үнүп кээп турар* [γnˑγkɜ:pˏ tʃᶜɜ̈rɑ̈rᶜ] ‘выходили=они’.

В конструкциях с деепричастием *хонуп* в качестве второго компонента АК констатируются различные этапы процесса упрощения фонетической структуры ТДАК.

В АК *кире хонуп кээр* [{bɔ̈lɑ̈}gᶜrɑ̈xɔ̈n kɜ̈rʹ] ‘приходит (на ум)’ произошло не только выпадение деепричастного показателя, но и смена палатальной сингармонической рядности всей звуковой цепочки фонетического слова. В АК *чеде хонуп келген* [tʃᶜɛdˑɜxɔ̈nö̇pˏkəlˑənˑ] ‘достигла=она’ преобразования затронули лишь третий компонент глагольного сочетания – выпал интервокальный согласный *г* без компенсирующей долготы гласного.

Выпадение или стяжение деепричастных аффиксов *=п* в звуковых оболочках компонентов сложной основы ТДАК происходит вследствие того, что они утрачивают или уже утратили свою семантику в составе АК. В тех же случаях, где этот показатель еще сохраняется, он выполняет, по большей части, функцию интерфикса, что подтверждается нестабильностью его употребления.

2. ТДАК с паузой между основным и вспомогательным компонентами (V_1 /=/ V_2 + V_3). Трехкомпонентные АК данного класса характеризуются тем, что основной глагол (первый компонент АК) отделен внешней продолжительной звуковой паузой от вспомогательных глаголов (второго и третьего компонентов сочетания). Комплекс вспомогательных глаголов воспринимается аудитивно фактически как единое фонетическое слово, внешнее сандхи трансформировалось во внутреннее, что выражается в отсутствии внешней паузы между вторым и третьим компонентами АК.

Второй класс тувинских ТДАК составляет почти половину всей выборки: 46 % примеров от общего числа анализируемых АК. По частоте употребляемости этот класс занимает первое место.

Структуру АК второго класса можно представить в виде формулы V_1 /=/ V_2 + V_3. Например: *эдержип чоруп турганы-даа* [ʔɜdˑɞ̆rˈ̆ipˈ˲ /=/ t͡ʃᶜærˑt̪ᶜu̇rɵʌ̇nʌ̇] ‘возможно, дружили=они’, *эглип чоруп орар-ла* [ɜ̆ˑlˈ̆ipˑ˲ /=/ t͡ʃᶜærˑɞ̈βɞ̇rɞ̇lˈœ] ‘обратно поворачивая, идёт=он’, *сөктүп кээп турар* [s̪ˈœkˑ˲t̪ˑɞ̈p̪ˑ˲ /=/ kˈeːpˑtˑɞ̈rɑ̇ /=/ [ʔɑ̇p̪ᶜɑ̇rɵɑ̇n˲]] ‘стали приезжать=они’, *ышкындырып бар чыткан* [{…ʃˑ} ɪʃˈk̇ɑ̇ndɞ̈r /=/ pɑ̇rt͡ʃˈatkɑ̇n] ‘терялась (надежда)’, *алгып чоруй баар* [ʔɑ̇lɵɞ̈p˲ /=/ t͡ʃᶜœːrˈ̆ijbɑ̇rˈ{ɪʃˈkɑ̇ʒˈɪlɑ̇j}] ‘опустошаясь’, *базып кире бээр* [bɑ̇ːzɞ̈p˲ /=/ kˈᶜœrˈeβˈ̿ˈ̿rˈᶜ] ‘войдёшь (в дом)’, *эдертип чеде бээр* [ɜdˑɜp˲ /=/ t͡ʃᶜɛdˑɜbˑᶜɛ·rˈ] ‘повести’, *кыза хона берген* [qʲɞ̈zɑ̇ /=/ χɔ̇nɑ̇bˑerˑgˑenˑ] ‘покраснело’, *чеде хона берген* [t͡ʃᶜɛdˑɜ /=/ χɔ̇nɑβɜrˑq̇ɜnˑ] ‘дошла (весть)’, *эдерип кирип келгеш* [ʔɜdˑɜrˑ /=/ kˑᶜɪrˑˈ̿kɑ̇lgɑ̇ʃˑ] ‘следуя, войдя’, *тыртыыштай шап алган* [t̪ᶜɞ̈rt̪ɞ̈ʃt̪ᶜɞ̈ːʃ" /=/ ɑ̇βɑ̇lɵɑn] ‘закрыла на замок=она’, *өгленип ап болур* [ølˈenˑɞ̈n̪˲ /=/ ʔɑ̇p˲pᶜɔ̇lɔ̇r] ‘можно жениться / выходить замуж’.

Наличие деепричастного показателя *=п* констатируется в следующих АК рассматриваемых примеров:

а) у первого и второго компонентов сложной основы АК: *эглип чоруп орар-ла* [ɜ̆ˑlˈ̆ipˑ˲ /=/ t͡ʃᶜærˑɞ̈βɞ̇rɞ̇lˈœ] ‘обратно поворачивая, идёт=он’, *сөктүп кээп турар* [s̪ˈœkˑ˲t̪ˑʊp̪ˑ˲ /=/ kˈeːpˑtˑɞ̈rɑ̇ /=/ [ʔɑ̇p̪ᶜɑ̇rɵɑ̇n˲]] ‘стали приезжать=они’;

б) деепричастный показатель фиксируется только у первого компонента тривербальной АК, в составе которой два деепричастия на *=п*: *эдержип чоруп турганы-даа* [ʔɜdˑɞ̆rˈ̆ipˈ˲ /=/ t͡ʃᶜærˑt̪ᶜu̇rɵʌ̇nʌ̇] ‘возможно, дружили=они’;

в) аффикс *=п* сохраняется в звуковых оболочках первых компонентов конструкций, в которых вторым компонентом является деепричастие на *=й* или на *=а*: *алгып чоруй баар* [ʔɑ̇lɵɞ̈p˲ /=/ t͡ʃᶜœːrˈ̆ijbɑ̇rˈ{ɪʃˈkɑ̇ʒˈɪlɑ̇j}] ‘опустошаясь’, *базып кире бээр* [bɑ̇ːzɞ̈p˲ /=/ kˈᶜœrˈ̿ˈ̿βˈerˈᶜ] ‘войдёшь (в дом)’, *эдертип чеде бээр* [ɜdˑɜp˲ /=/ t͡ʃᶜɛdˑɜbˑᶜɛ·rˈ] ‘повести’.

В ряде ТДАК деепричастный показатель *-п* выпал:

а) у первого и второго компонентов АК: *эдерип кирип келгеш* [ʔɜdˑɜrˑ /=/ kˑᶜɪrˑkɑ̇lgɑ̇ʃˑ] ‘следуя, войдя’;

б) у первого – в АК, в состав которых входит лишь одно деепричастие на *-п*: *ышкындырып бар чыткан* [{…ʃˑ} ɪʃˈk̇ɑ̇ndɞ̈r /=/ pɑ̇rt͡ʃatkɑ̇n] ‘терялась (надежда)’.

Таким образом, из четырех предложений с АК второго класса, сложные основы которых образованы двумя деепричастиями на *-п*, в примерах *эглип чоруп орар-ла* [ɜ̆·l'ĭp˗ /=/ t͡ʃᶜærˑɔ̆βórɔ̀l'œ] ‘обратно поворачивая, идёт=он’, *сөктүп кээп турар* [s̠'œkʲ˗t̠ˑʊ̠p̠ˑ˗ /=/ k'e:pˑtˑɨ̞rɑ̀ /=/ [ʔɑ̀p̠ᶜɑ̀rɵɑ̀n˗]] ‘стали приезжать=они’ служебный показатель сохраняется в обоих компонентах. В примере *эдержип чоруп турганы-даа* [ʔɜdˑɞ̆r'ĭp'˗ /=/ t͡ʃᶜærˑt̠ᶜùrɵʌ̀nʌ̀] ‘возможно, дружили=они’ аффикс *=п* констатируется только в составе первого деепричастия. В примере *эдерип кирип келгеш* [ʔɜdˑɜrˑ /=/ kᶜɪrˑkɑ̀lɡɑ̀ʃˑ] ‘следуя, войдя’ наблюдается полная редукция рассматриваемого показателя в обоих деепричастиях на *=п*, входящих в состав ТДАК. Следует отметить, что в АК первого класса, в отличие от АК второго класса, не было зафиксировано случаев выпадения аффикса *=п* в обоих деепричастиях на *=п* в составе рассматриваемого комплекса.

В тех же случаях, когда в состав АК входит лишь одно деепричастие на *=п* (в качестве первого компонента, репрезентирующего основной глагол), его фонетический облик более стабилен: выпадение морфологического показателя не происходит в трех примерах: *алгып чоруй баар* [ʔɑ̀lɵɨ̞̆p˗ /=/ t͡ʃᶜœ:r'ĭjbɑ̀r'{ɪʃ'kɑ̀ ʒ'ɪlɑ̀j}] ‘опустошаясь’, *базып кире бээр* [bɑ̀:zɨ̞̆p˗ /=/ k̠ᶜœr'eβ'erᶜ] ‘войдёшь (в дом)’, *эдертип чеде бээр* [ɜdˑɜrˑ˗ /=/ t͡ʃᶜɛdˑɜbˑᶜɛ·r'] ‘повести’, в то время как его утрата констатируется лишь в одном случае: *ышкындырып бар чыткан* [{…ʃˑ} ɪʃ'k̠ɑ̀ndɨ̞̆r /=/ pɑ̀rt͡ʃatkɑ̀n] ‘терялась (надежда)’ – в комбинации двух губных согласных на стыке двух компонентов АК при сохранении позиции внешнего сандхи.

Нестабильность употребления аффикса *=п* в структуре тувинских ТДАК свидетельствует о развивающемся процессе десемантизации деепричастных компонентов, об утрате ими информативности и – как следствие – об упрощении фонетического облика комплекса, направленного на минимизацию произносительных усилий.

3. ТДАК с паузой между вспомогательными компонентами (V_1 +V_2 /=/ V_3 {+ L}). Спецификой третьего класса тувинских ТДАК является отсутствие межсловной паузы между ОГ и первым ВГ, это двухкомпонентное сочетание воспринимается фактически как единое фонетическое слово, внешнее сандхи меняет статус и трансформируется во внутреннее. В то же время между вспомогательными глаголами отмечается внешняя продолжительная звуковая пауза, которая делит конструкцию на два комплекса: первый – V_1 + V_2, второй – V_3.

При этом в одних примерах отмечается слияние (*озалдап каап турар улус* [ɔ̀zɑ̀ldɑ̀p˗k̠ᶜɑ̀:p˗ /=/ tᶜùr{lùsˑ}] ‘отстающие люди’), в других – примыкание постпозитивного слова ко второму вспомогательному глаголу (*чугаалап каап тургай сен* [t͡ʃᶜɣɵɑ̀lɑ̀p˗k̠ᶜɑ̀:p˗ /=/ t̠ᶜùrɵɑ̀j{s'ːɨ̞̆nˑ}] ‘будешь рассказывать=ты’, *кылаштап чоруй баар араңда* [k̠ᶜlɑ̀ʃt̠ᶜɑ̀p˗t͡ʃœr'e /=/ b̠ᶜɑ̀·r{ɑ̀rɨ̞̆ŋdᶜɑ̀}] ‘в тот момент, когда ты пойдёшь пешком’, *парлап берип көрүңер дээш* [pɑ̀rl'æp˗ pᶜɛ:r'ip˗ /=/ k̠ör·ŋɜrˑ{dˑɜʃ''}] ‘сказав, напечатайте (мне)’), внешнее сандхи обретает статус

внутреннего, вследствие чего третий компонент ТДАК и постпозитивное к нему слово также реализуются как единый фонетический комплекс.

Структуру аналитических тривербальных сочетаний рассматриваемого класса можно отразить формулой: $V_1 + V_2 /=/ V_3$ {+ L}. ТДАК третьего класса наименее частотны, они составляют в нашей выборке 16 % от общего числа анализируемых АК.

Аудитивный анализ тувинских трехкомпонентных деепричастных АК третьего класса свидетельствует о следующем. Во всех примерах АК с деепричастиями на =*п* в позиции как внешнего сандхи, так и сменившего статус и трансформировавшегося в процессе фонетических преобразований во внутреннее сандхи сохраняется деепричастный показатель =(*ы*)*п*. Согласный реализуется как смычный облигаторно имплозивный. Указанные особенности формирования звукового облика АК косвенно свидетельствуют о прочных позициях аналитизма в ТДАК рассматриваемого класса, о слабости процессов синтезации компонентов тривербальных конструкций.

Таким образом, в результате анализа тувинских трехкомпонентных деепричастных аналитических конструкций было выявлено три класса единиц в зависимости от расположения межсловной звуковой паузы: 1) $V_1 + V_2 + V_3$, 2) $V_1 /=/ V_2 + V_3$, 3) $V_1 + V_2 /=/ V_3$ {+ L}.

Наиболее частотным фонетическим изменением в тувинских АК в позициях внешнего и внутреннего сандхи является выпадение аффикса деепричастия =(*ы*)*п*, редукция которого происходит вследствие утраты показателем своей информативности в составе АК. В тех же случаях, где этот аффикс сохраняется, он выполняет по большей части функцию интерфикса.

Устранение в АК первого класса внешней (межсловной) паузы, выполняющей в других классах делимитативную функцию между компонентами ТДАК, свидетельствует о большей активности процесса синтезации компонентов тривербальных комплексов первого класса по сравнению с ТДАК второго и третьего классов, где фонетические преобразования находятся на начальной стадии. Иными словами, наблюдается процесс морфологического опрощения в результате усечения какой-то части сложной (аналитической) формы, который некоторые тюркские языки уже пережили [Шамина 1995: 24]. В представленных в статье материалах зафиксированы различные этапы этого явления.

Итак, анализ фонетических трансформаций, происходящих в позициях внешнего и внутреннего сандхи в глагольных аналитических конструкциях трех южносибирских тюркских языков – чалканского, шорского и тувинского, свидетельствует о типологической общности структурных преобразований фонико-фонологических и морфонологических систем в алтае-саянских языках, детерминированной единым региональным архетипом, заложенным в генетической памяти этносов.

В основе инновационных модификаций звукового облика АК лежат процессы десемантизации входящих в их состав глагольных форм, ослабления их статуса, что, в свою очередь, детерминирует устранение межсловных пауз

с последующим слиянием компонентов АК в единое фонетическое слово, преобразование позиций внешнего сандхи во внутреннее, реализацию ассимилятивных закономерностей, обусловленных вновь сформировавшимся фонетическим контекстом.

В чалканском языке фактически во всех типах АК завершилось выпадение деепричастного показателя основного глагола вследствие утраты им информативности; в большинстве случаев устранена внешняя пауза, выполнявшая делимитативную функцию между компонентами АК; фонетическая позиция, являющаяся по происхождению позицией внешнего сандхи, реализуется в языке современных чалканцев как внутрисандхиальная вследствие стяжения исторически самостоятельных лексем в единое слово.

При возникновении в результате стяжения определенного фонетического контекста на стыке основного и вспомогательного глаголов происходит контактная регрессивная ассимиляция ауслаута ОГ по звонкости / глухости, ослабление сильнонапряженных (фарингализованных) артикуляций в анлауте ВГ, выпадение звуков или звуковых комплексов в интервокале на стыке морфем с последующим стяжением соседних гласных в один долгий и утратой этой долготы – в речи современных чалканцев случаи реализации вторичной долготы в стяженных АК фиксируются крайне редко.

Значительно медленнее осуществляется в языке чалканцев сингармонизация – дистантная ассимиляция по палатальной и лабиальной рядности вспомогательных компонентов бивербальных конструкций, осложняя тем самым процессы их синтезации.

В современном шорском языке существуют значительные ограничения на использование аналитических конструкций. По способности подвергаться звуковым преобразованиям на стыке слов и морфем шорские деепричастные АК разделены на три группы: АК, в которых такие изменения облигаторны; АК с факультативными фонетическими изменениями; АК, характеризуемые стабильностью фонетического облика.

Для звуковых оболочек АК с регулярно повторяющимися звуковыми изменениями (Tv=п + одур=, Tv=п + ыс=, Tv=п + ал=, а(лып) + $V^{всп.}$, Tv=V + пер=) наиболее характерны процессы озвончения глухих ауслаутных и анлаутных согласных, ассимиляции по назальности, выпадения компонентов слова, геминации согласных, фиксируемые в позициях сандхи. Для БВК а(лып) + $V^{всп}$ облигаторна сильная редукция деепричастной формы ОГ, представленного в современном шорском языке лишь инициальным гласным *а-*. Столь значительное усечение основного глагола в составе конструкции, аналитической по происхождению, свидетельствует о том, что процесс синтезации, уходящий корнями в далекое прошлое, в настоящее время полностью завершен, и единственным маркером аналитизма в генезисе формы может быть наличие сильной межслоговой паузы.

В АК с факультативно происходящими звуковыми изменениями (Tv=(п) + пер=, Tv=(п) + кел=, Tv=(п) + сал=, Tv=(п) + қал=) преобразования затрагивают АК указанных подтипов в тех случаях, когда к основному глаго-

лу в отрицательной форме на *-паан* / *-пан* присоединяется вспомогательный глагол с инициальным глухим согласным: межсловная пауза устраняется, внешнее сандхи трансформируется во внутреннее, вследствие чего формируются фонетические условия для озвончения глухого анлаутного консонанта ВГ, оказавшегося в постсонантно-превокальной позиции.

Отсутствие звуковых преобразований в БВК (Tv=(п) + пар=, Tv=(п) + тур=, Tv=п + шыҡ=, Tv=(п) + көр=, Tv=(п) + чөр=) свидетельствует об устойчивости конструкций, сохранении ими статуса аналитических.

В результате фонетического анализа тувинских трехкомпонентных деепричастных аналитических конструкций было выявлено три класса единиц в зависимости от расположения внешней звуковой паузы. При этом АК одного и того же типа могут входить в различные с точки зрения фонетических преобразований классы, что может быть обусловлено различной продуктивностью использования конструкций в речи.

Первый класс АК тувинского языка характеризуется отсутствием межсловной звуковой паузы между компонентами тривербального сочетания. Такая АК воспринимается как единое фонетическое слово, внешнее сандхи становится внутренним. Тем не менее процесс стяжения нельзя считать завершенным, поскольку выравнивания по палатальной гармонии гласных в АК первого класса не происходит: чаще всего один из трех компонентов реализуется с иной палатальной осью, чем два остальных. Наиболее продуктивны явления синтезации в аналитических конструкциях с вокальной осью, однородной как по ряду, так и по огубленности.

АК второго класса наиболее частотны. Они характеризуются тем, что основной глагол (первый компонент АК) отделен внешней продолжительной звуковой паузой от вспомогательных глаголов (второго и третьего компонентов сочетания), комплекс же вспомогательных глаголов воспринимается как единое фонетическое слово.

Спецификой третьего класса тувинских деепричастных трехкомпонентных аналитических конструкций является отсутствие межсловной паузы между основным глаголом и первым вспомогательным, в то время как между вспомогательными глаголами отмечается внешняя продолжительная звуковая пауза, которая делит конструкцию на два комплекса: первый − V_1+V_2, второй − V_3.

Обобщенные результаты исследования свидетельствуют о том, что в чалканском, шорском и тувинском языках на современном этапе их развития фиксируются различные стадии процесса синтезации АК. Если в языке чалканцев во многих случаях стяжение аналитических форм привело к окончательной утрате ими прозрачности структуры, к невозможности вычленения вспомогательных глаголов, то в шорском вычленение вспомогательных глаголов в БВК, аналитических по происхождению, не вызывает особых затруднений, несмотря на активное протекание процессов утраты лексическими компонентами АК самостоятельности, стяжения их в одно слово с соблюде-

нием правил фонотактики и подчинением законам шорского сингармонизма. В тувинском же языке процесс упрощения АК находится на более ранних этапах, уже пережитых близкородственными южносибирскими тюркскими языками.

3.5. Принципы организации сингармонических систем в южносибирских тюркских языках

Сингармонизм как явление морфонологического характера относится к числу базовых типологических характеристик урало-алтайских языков. Основной составляющей сингармонизма является закон гармонии гласных (ГГ), регламентирующий последовательность вокальных компонентов в слове в соответствии с алгоритмами реализации сингармонических моделей (СМ) данного языка. Сингармонизм – «один из видов ассимиляции (уподобления) звуков» [Дмитриев 1948: 38]. Гармония гласных – это дистантная прогрессивная ассимиляция по ряду и огублению в тюркских и монгольских языках, по фарингализации – в тувинском, эвенском и некоторых других, по подъему – в тунгусо-маньчжурских языках. «Совокупность всех СМ того или иного языка, а также существующие между ними взаимоотношения составляют сингармоническую систему (СС) данного языка» [Черкасский 1965: 28].

Сингармонизм включает в себя также и консонантный аспект. В. А. Виноградов определяет сингармонизм как явление, состоящее в единообразном вокалическом и иногда консонантном оформлении слова: «понятие сингармонизма шире, чем обычно отождествляемое с ним понятие гармонии гласных, так как сингармонизм может выражаться и в консонантной гармонии» [Виноградов 1990: 445].

Сингармонизм определяет фонический и фонологический облик всей словоформы, распространяется на ее вокальную и консонантную оси и определяет правила сочетаемости гласных и согласных звуков в пределах монотематической лексемы.

Различаются следующие типы сингармонизма: по признаку ряда – палатальный (небный, лингвальный, тембровый); по огубленности / неогубленности – лабиальный (губной); по подъему, или раствору рта, – компактностный. Палатальный и лабиальный сингармонизм иногда объединяют термином «горизонтальный», в отличие от «вертикального» – по подъему гласных [Jakobson 1952]. В тюркских языках Сибири выявлен еще один тип сингармонизма – глоточный (или фарингальный) – по наличию / отсутствию дополнительной работы фаринкса при артикулировании словоформы. В составе словоформы возможно сочетание двух и более типов сингармонизма.

Вписываясь в обобщенную идеальную гармоническую модель, сингармонизм имеет в каждом из языков и говоров свою специфику реализации, подчиняющуюся строгим системным связям сегментного и суперсегментного уровней.

Принципы организации сингармонических систем в южносибирских тюркских языках являются одним из доминантных индикаторов типологической классификации рассматриваемых идиомов с позиций теории языковой сложности.

В соответствии с определением языковой сложности Дж. Мак-Уортера, данная область некоторой грамматики сложнее этой же области другой грамматики в той степени, в которой она содержит больше выражаемых поверхностно различий и(или) правил [McWhorter 2001; 2007]. При оценке уровня объективной (абсолютной) языковой сложности учитываются параметры, предложенные Дж. Николз [Nichols 2009]: 1) количество элементов в каждой подсистеме; 2) количество парадигматических вариантов (степеней свободы) для каждого элемента.

Исследование выполнено на материале алтайского, теленгитского, кумандинского, шорского, хакасского, тувинского языков; приводятся также данные по киргизскому языку, сыгравшему в историческом прошлом значительную роль в формировании южно-сибирских тюркских языков.

3.5.1. Гармония гласных в южносибирских тюркских языках

Гармония гласных как базовая составляющая сингармонизма в тюркских языках определяет последовательность гласных в слове при помощи ограниченного набора сингармонических моделей, имеющихся в данном языке. Выбор той или иной модели зависит от качества гласного начального слога в слове. В большинстве сингармонических тюркских языков реализуется палатальная и лабиальная гармония гласных.

3.5.1.1. Палатальная гармония гласных

В соответствии с законами небной гармонии гласных в пределах тюркской словоформы могут дистантно сочетаться гласные только одного сингармонического ряда – твердого или мягкого, например, алт.: *бала* ‘ребенок’ – *балалар* (мн. ч.) – *балалардыҥ* (род. п.); *кижи* ‘человек’ – *кижилер* (мн. ч.) – *кижилердиҥ* (род. п.).

Функциональные сингармонические и соматические артикуляторные ряды не тождественны. При палатальном сингармонизме различаются два ряда: твердый и мягкий; в некоторых языках принято выделять также нейтральный сингармонический ряд. С артикуляторной точки зрения в языках мира выделяется пять рядов: передний, центральный, центральнозадний, задний и смешанный [Наделяев 1960; 1980]. В каждом языке в соответствии с особенностями его артикуляционно-акустической базы (ААБ) формируется своя система артикуляторных рядов гласных и своя модель распределения их по палатальным сингармоническим рядам [Наделяев 1986].

В южносибирских тюркских языках в целом вокализм представлен всеми пятью артикуляторными рядами, по-разному соотносящимися с сингармоническими рядами. Например, в онгудайском говоре диалекта алтай-кижи мягкий сингармонический ряд представлен переднерядными и центральнозаднерядными сверхсильновыдвинутыми гласными, твердый сингармонический ряд – центральнозаднерядными (сильно)выдвинутыми и задними [Шалданова 2007: 235].

В свете сказанного представляется некорректным использование терминов *передний* и *задний* ряд при интерпретации гласных с позиции палатального сингармонизма. Сибирские фонетисты используют предложенные В. М. Наделяевым термины *гласные мягкого* или *твердого сингармонического ряда* (*мягкорядные* или *твердорядные* гласные) [Наделяев 1957: 127–128; 1982: 19–21] [6].

3.5.1.2. Лабиальная гармония гласных

В соответствии с идеальной моделью губной гармонии гласных (ГГГ) в словоформе должны дистантно сочетаться либо только неогубленные гласные (см. приведенные выше примеры палатальной гармонии гласных), либо только огубленные, например: кум. *согон* ‘стрела’ – *согондор* (мн. ч.) – *согондорго* (дат.-напр. п.); *кӧл* ‘озеро’ – *кӧлдӧр* (мн. ч.) – *кӧлдӧргӧ* (дат.-напр. п.). Однако сфера реализации губной гармонии гласных в большинстве тюркских языков значительно у́же, чем палатальной, ее законы не столь универсальны, и отклонения от заданной модели ГГГ многочисленны: *колды* ‘руку’, *кӧрди* ‘видел’, *путым* ‘нога=моя’, *тӱлке* ‘лиса’. Именно характером губной гармонии гласных различаются, как правило, сингармонические системы в тюркских языках.

3.5.1.3. Фарингальная гармония гласных

В тувинском языке кроме небной и губной гармонии действует закон фарингальной ГГ, по которому все гласные в словоформе должны быть либо нефарингализованными, либо фарингализованными – в зависимости от качества гласного первого слога, например, в словах *аптара* «ap:ˌt̪ᶜara» ‘сундук’, *чөптүг* «t̪ɕöp:ˌt̪ᶜʏɣ» ‘справедливый’, *чепсегленишкин* «t̪ɕep:ˌs̪'eɣleni:ʃ':k̪in» ‘вооружение’ все гласные нефарингализованные; а в словах *каптагай* «q̪ăˇp:ˌt̪ᶜaɵaj» [7] ‘вселенная’, *адааргаачалзымаар* «ăˇda:rɵa:t̪ɕ:alzɜma:r» ‘завистливый’, *бүлгүрер* «p̪ʏˇlɣʏrer» ‘опрыскивать’ все гласные фарингализуются, так как гласный 1-го слога – фарингализованный [Кечил-оол 2006: 45, 47, 205].

---

[6] Эти термины предложены В. М. Наделяевым при разработке «Программы по современному монгольскому языку» (Л., 1954). Рукопись хранится в архиве Тувинского института гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований.

[7] Знакˇ справа вверху от символа гласного звука 1-го слога словоформы обозначает фарингализацию всего слова.

Под влиянием артикуляции фарингализованных гласных первого слога словоформы шесть кратких и шесть долгих гласных, которые могут употребляться в непервых слогах, также подвергаются фарингализации. Таким образом, фарингализация в тувинском языке имеет суперсегментный характер.

В этом тувинский язык существенно отличается от близкородственного ему тофского (тофаларского) языка, где фарингализованные гласные констатируются только в первом слоге слова [Рассадин 1971: 20], и от башкирского, где глубокозаднеязычный фарингализованный гласный *а* также реализуется либо в однослоговых словоформах, либо в первом слоге многослогов [Хисамитдинова 1986: 47]; все это свидетельствует об отсутствии в указанных языках фарингального сингармонизма.

Наличие развитого фарингального сингармонизма, определяющего принципы организации и функционирования фонической и фонологической систем и особенности артикуляционно-акустической базы этноса, составляет специфику тувинского языка. Исключением являются говоры II и III типов юго-восточного диалекта, для звуковых систем которых фарингализация не характерна.

Функционирование в тувинском языке, в отличие от других тюркских языков, гармонии по фарингализованности, или глоточной гармонии, отмечалось исследователями. На существование в тувинском языке третьего вида гармонии – по фарингализованности, помимо небной и губной ГГ, впервые обратил внимание К. А. Бичелдей [Бичелдей 1980: 39–66; 1989: 22; 2001: 46–52]; в устной форме это же мнение в конце 70-х – начале 80-х гг. прошлого столетия высказывала С. Ф. Сегленмей.

3.5.2. Сингармонические системы в южносибирских тюркских языках

Анализ текстов на алтайском, хакасском, шорском и тувинском языках по методике М. И. Черкасского [1965: 22–34] позволил выявить определенное число регулярно повторяющихся последовательностей гласных в словоформах – сингармонических цепочек (СЦ). К сопоставлению привлечены также данные А. К. Бидиновой по языку теленгитов (чуйский говор) [2015: 241–247; 2017: 46–51]. Материал ограничен двуслоговыми именными словоформами, состоящими из однослогового корня с кратким гласным и одного словоизменительного форманта – аффикса множественного числа (с широким гласным) или аффикса личной принадлежности 3-го л. ед. ч. (с узким гласным).

3.5.2.1.Сингармонические цепочки в южносибирских тюркских языках

Выявленные инвентари сингармонических цепочек по каждому из рассматриваемых языков приведены в табл. 13.

Таблица 13

Сингармонические цепочки в тюркских языках Сибири

Алтайский		Теленгитский		Хакасский		Шорский		Тувинский	
СЦ	Слово-форма	СЦ	Слово-форма	СЦ	Слово-форма	СЦ	Слово-форма	СЦ	Слово-форма
А-а	*баштар* ‘головы (мн. ч.)’	А-а	*баштар*	А-а	*пастар*	А-а	*паштар*	А-а	*баштар*
А-ы	*бажы* ‘голова=его’	А-ы	*башы*	А-ы	*пазы*	А-ы	*пажы*	А-ы	*бажы*
Ы-а	*кыстар* ‘девушки (мн. ч.)’	Ы-а	*кыстар*	Ы-а	*хыстар*	Ы-а	*қыстар*	Ы-а	*кыстар*
Ы-ы	*кызы* ‘девушка= его’	Ы-ы	*кысы*	Ы-ы	*хызы*	Ы-ы	*қызы*	Ы-ы	*кызы*
О-о	*колдор* ‘руки (мн. ч.)’	О-о ~ О-ä	*колдор* ~ *колдäр*	О-а	*холлар*	О-а	*қоллар*	О-а	*холдар*
О-ы	*колы* ‘рука=его’	О-у	*колу*	О-ы	*холы*	О-у	*қолу*	О-у	*холу*
У-а	*куштар* ‘птицы (мн. ч.)’	У-а	*куштар*	У-а	*хустар*	У-а	*қуштар*	У-а	*куштар*
У-ы У-у	*кужы* ‘птица=его’ ~ *кужу* (диал.)	У-у	*кушу*	У-ы У-у	*хузы* ~ *хузу* (диал.)	У-у	*қужу*	У-у	*кужу*
Э-э	*эттер* ‘мясо (мн. ч.)’	Э-э ~ Э-ä	*эттер* ~ *эттäр*	Э-э	*кемнер* ‘кто (мн. ч.)’	Э-э	*эттер*	Э-э	*эъттер*
Э-и	*эди* ‘мясо=его’	Э-и	*эди*	Э-и	*кемні*	Э-и	*эди*	Э-и	*эъди*
И-э	*истер* ‘следы’	И-э ~ И-ä	*истер* ~ *истäр*	И-э	*істер*	И-э	*истер*	И-э	*истер*
И-и	*изи* ‘след=его’	И-и	*иси*	И-и	*ізі*	И-и	*изи*	И-и	*изи*
Ö-ö	*кölдöр* ‘озёра’	Ö-ö ~ Ö-ä	*кölдöр* ~ *кölдäр*	Ö-е	*кöллер*	Ö-э	*кöллер*	Ö-э	*хөлдер*
Ö-и	*кöли* ‘озеро=его’	Ö-ÿ	*кölÿ*	Ö-и	*кöлі*	Ö-ÿ	*кölÿ*	Ö-ÿ	*хөлү*
Ÿ-э	*кÿндер* ‘солнца (мн. ч.)’	Ÿ-э ~ Ÿ-ä	*кÿндер* ~ *кÿндäр*	Ÿ-э	*кÿннер*	Ÿ-э	*кÿннер*	Ÿ-э	*хүннер*
Ÿ-и Ÿ-ÿ	*кÿни* ‘солн-це=его’ ~ *кÿнÿ* (диал.)	Ÿ-ÿ	*кÿнÿ*	Ÿ-и Ÿ-ÿ	*кÿні* ~ *кÿнÿ* (диал.)	Ÿ-ÿ	*кÿнÿ*	Ÿ-ÿ	*хүнү*

3.5.2.2. Сингармонические модели в южносибирских тюркских языках

Употребление после различных гласных 1-го слога одного и того же набора гласных во втором – аффиксальном слоге дает основание для обобщения правых частей сингармонических цепочек и выявления сингармонических моделей для каждого из языков.

Наличие в языке нескольких сингармонических моделей с одинаковым набором гласных звуков в правой части модели, т. е. во 2-м слоге словоформы, позволяет обобщить и левые части таких моделей. В результате получим одно-, дву-, трех- и четырехзначные СМ – в зависимости от того, какое количество гласных начального корневого слога детерминирует тот или иной набор гласных в аффиксальном слоге.

Совокупности сингармонических моделей составляют СС данного языка. В каждой модели прописной буквой обозначен гласный 1-го слога, строчными буквами – гласные 2-х слогов.

Сингармоническая система **алтайского литературного языка** представлена четырьмя СМ – двумя трехзначными и двумя однозначными:

А Ы У	а ы	О	о ы	Э И Ӱ	э и	Ӧ	ӧ и

Лишь в двух из восьми сингармонических цепочек с огубленными гласными начального слога – *О-о* и *Ӧ-ӧ* – соблюдается губная гармония гласных, что свидетельствует о ее значительном отклонении в нормированном алтайском языке от идеальной модели.

В речи носителей территориальных **говоров диалекта алтай-кижи** реализуется иной алгоритм ГГГ (*кужу* ‘птица=его’, *кӱнӱ* ‘солнце=его’), отражающий более древнюю и более полную сингармоническую систему, состоящую из шести СМ – двух двузначных и четырех однозначных; при этом в четырех (из восьми) СЦ лабиальный признак сохраняет сингармоническую релевантность:

А Ы	а ы	О	о ы	У	а у	Э И	э и	Ӧ	ӧ и	Ӱ	э ӱ

Сингармоническая система **теленгитского языка** близка к СС, функционирующей в алтайских диалектах: она включает шесть сингармонических моделей – две двузначные и четыре однозначные; но ассимиляция гласных по огублению реализуется в шести СЦ из восьми потенциально возможных. При этом ГГГ в СС теленгитов более лояльна по отношению к узким огубленным гласным в аффиксальных морфемах: если в алтайском литературном языке после широкого корневого гласного *о* или *ӧ* огубленный гласный аффикса

может быть только широким, в языке теленгитов нет запрета на использование в аффиксах узких лабиализованных вокальных единиц.

Специфику теленгитской СС составляет факультативное использование в аффиксе множественного числа широкого гласного *ä*: после неогубленного широкого э основы *ä* употребляется наряду с гласным э; после огубленных широких *о* и *ö* основы *ä* употребляется наряду с гласными *о* и *ö*; после огубленного узкого *ÿ* звук *ä* употребляется наряду с э. Появление гласного *ä* в твердорядных (*колдор ~ колдäр*) и в мягкорядных (*эттер ~ эттäр*) словоформах после неогубленных (*истер ~ истäр*) и огубленных (*кÿндер ~ кÿндäр*) гласных основы свидетельствует о формировании в языке третьего – нейтрального сингармонического ряда, а также о тенденции к нивелировке губной гармонии гласных.

А	а	О	о~ä	У	а	Э	э~ä	Ö	ö~ä	Ÿ	э~ä
Ы	ы		у		у	И	и		ÿ		ÿ

Все три рассмотренные СС определяются как полные, реализующие не только небную, но и (частично) губную ГГ.

Сингармоническая система **хакасского литературного языка** включает две четырехзначные модели, отражающие полное разрушение губной гармонии гласных (относительно гипотетической идеальной модели):

А			Э		
Ы	а		И	э	
О	ы		Ö	и	
У			Ÿ		

СС хакасского литературного языка определяется как стяженная, сохраняющая в качестве сингармонически релевантного лишь палатальный признак. Аналогичные СС отмечаются в казахском, каракалпакском, ногайском и некоторых других тюркских языках.

В сингармонической системе **хакасских диалектов**, как и в алтайском языке, сохраняются элементы ГГГ (*хузу* ‘птица=его’, *кÿнÿ* ‘солнце=его’), что характеризует СС как переходную от полной к стяженной:

А				Э		Ÿ	
Ы	а	У	у	И	э		ÿ
О	ы			Ö	и		

Сингармонические системы **шорского** и **тувинского языков** включают по четыре двузначные модели, при этом в четырех из восьми СЦ с начальным огубленным гласным осуществляется дистантная ассимиляция по огублению, соответственно, в шорском и тувинском языках в большей степени, чем в алтайском и хакасском, соблюдается ГГГ:

А	а
Ы	ы

О	а
У	у

Э	э
И	и

Ö	э
Ӱ	ӱ

Сингармоническую подсистему тувинского языка, отражающую лишь палатальный и лабиальный сингармонизм в нефарингализованных словоформах, следует дополнить аналогичной подсистемой фарингализованного сингармонизма:

А˘	а˘
Ы˘	ы˘

О˘	а˘
У˘	у˘

Э˘	э˘
И˘	и˘

Ö˘	э˘
Ӱ˘	ӱ˘

Сингармоническая система **киргизского языка** организована *пятью* сингармоническими моделями – тремя двузначными и двумя однозначными, например: *баштар* ‘головы (мн. ч.)’ – *башы* ‘голова=его’, *кыздар* ‘девушки (мн. ч.) – *кызы* ‘девушка=его’, *колдор* ‘руки (мн. ч.)’ – *колу* ‘рука=его’, *куштар* ‘птицы (мн. ч.)’ – *кушу* ‘птица=его’, *эттер* ‘мясо (мн. ч.)’ – *эти* ‘мясо=его’, *издер* ‘следы’ – *изи* ‘след=его’, *кöлдöр* ‘озёра’ – *кöлӱ* ‘озеро=его’, *кӱндöр* ‘солнца (мн. ч.)’ – *кӱнӱ* ‘солнце=его’:

А	а
Ы	ы

О	о
	у

У	а
	у

Э	э
И	и

Ö	ö
Ӱ	ӱ

Следовательно, киргизскому вокализму свойственно наиболее последовательное проведение губной гармонии гласных: не лабиализуются лишь аффиксы с широкой огласовкой, следующие за слогом с узким огубленным *У*, из восьми СЦ семь подчиняются законам ГГГ.

Итак, анализ лингвистического материала на современном синхронном срезе развития тюркских языков Южной Сибири свидетельствует о разрушении губной гармонии гласных, определяющей специфику сингармонических систем. Говоря о разрушении ГГГ, мы имеем в виду гипотетическую идеализированную модель, в соответствии с которой после огубленных гласных должны следовать только огубленные гласные. В действительности же ни в одном из известных тюркских языков, как современных, так и древних, такая модель не зафиксирована, поэтому точнее было бы говорить о специфике проявления ГГГ в каждом из языков.

Выявленные алгоритмы реализации гармонии гласных позволяют определить сингармонические системы в рассматриваемых языках как переходные от полных, включающих подсистемы и небной, и губной гармонии, к стяженным, в которых признак огубленности гласных сингармонически нерелевантен, вследствие чего система определяется лишь двумя четырехзначными моделями – твердорядного и мягкорядного вокализма.

В целом по сибирскому региону ГГГ более устойчива в микросистеме узкого вокализма. Исключение составляют алтайский литературный язык (во

2-м – аффиксальном слоге возможен лишь широкий гласный), алтайские диалекты (широкие и узкие гласные имеют в указанной позиции равные возможности употребления) и хакасский литературный язык (ГГГ не реализуется). В остальных языках количество сингармонических цепочек с узким огубленным гласным во 2-м слоге выше, чем число СЦ с широким огубленным вокальным компонентом.

Типологическая близость алтайской, теленгитской и киргизской сингармонических систем заключается в использовании широких огубленных гласных *о* и *ö* во 2-м слоге, следующем за корнем; в хакасском, шорском и тувинском языках в этой позиции огубленный гласный может быть только узким. Наиболее полная СС реализуется в киргизском и теленгитском языках.

3.5.2.3. Консонантный аспект сингармонизма

Консонантный аспект сингармонизма (гармония согласных [Мельников 2003: 347]) и, в частности, глоточного сингармонизма оставался за пределами внимания тюркологов [Сегленмей 2010]. Инструментальные исследования показали, что сингармонизм, в том числе и фарингальный, включает в себя и консонантную составляющую [Селютина 2002: 91; Селютина, Дамбыра, Кечил-оол 2004].

В сингармонической словоформе качество согласных определяется качеством вокальных компонентов, прежде всего качеством гласного 1-го слога: рядом – мягкий / твердый (/ нейтральный), открытостью / закрытостью, огубленностью / неогубленностью, фарингализованностью / нефарингализованностью.

Таким образом, в языках алтайской типологической общности происходит процесс аккомодации – приспособления артикуляции согласных к произносительным настройкам вокальных элементов звуковой цепи слова. В зависимости от артикуляторного ряда гласных согласные употребляются:

– в палатальных или палатализованных оттенках перед гласными мягкого ряда: шор. *кенгерек* «kˑ·ʒn·ɢ·ʒrˑᶜʒkˑ» ‘медленно’, *көрүктеерге* «kˑ·ʒ̈:ɨr′ᶜɣɨkˑ’t̠:ˑʒ:rˑᶜɢ′ᶜɛ́ʔˑ» ‘охотиться на бурундука’;

– в непалатализованных аллофонах перед гласными твердого ряда: шор. *парқалақым* «’p̠:ȧrᶜɥȧlʌ:ɥɨm» ‘ещё не ушёл=я’, *қулақта* «ɥʊ̈lʌɥt̠ᶜʌʔ» ‘в ухе’ [Уртегешев 2002: 215, 220];

– в огубленных оттенках перед огубленными гласными: алт. *согонолорго* «sᵊɔɵʔɔnᵊɔlᵊɔrᵊɑʔɔ» ‘луку (дат. п.)’;

– в неогубленных манифестациях – перед неогубленными: алт. *кызычак* «qъzъh̠çaq» ‘девочка’;

– в нефарингализованных вариантах перед нефарингализованными гласными: тув. *чепсегленишкин* «t̠çep̠:ˌs̠'eɣleni:ʃ:k̠in» ‘вооружение’,

– в фарингализованных вариантах перед фарингализованными: тув. *адааргаачалзымаар* «ă̆da:rɵa:t̠ç:alzъma:r» ‘завистливый’.

Особое место в формировании сингармонических моделей языка занимают гуттуральные согласные, которые делятся на два функциональных ряда: в мягкорядных словоформах реализуются, как правило, заднеязычные согласные, в твердорядных – велярно-увулярные. Но субстантная наполняемость этих двух рядов определяется артикуляционно-акустической базой языка. Класс мягкорядных гуттуральных манифестаций включает в целом в южносибирских тюркских языках среднеязычно-межуточноязычные, межуточноязычные, межуточно-заднеязычные, заднеязычные артикуляции. Класс сингармонически твердорядных реализаций представлен велярными, велярно-увулярными, увулярными, корнеязычными согласными.

В тувинском языке функционирует наиболее сложная среди всех южносибирских тюркских языков сингармоническая система, включающая не только палатальный и лабиальный, но и фарингальный аспекты: вся словоформа – и вокальная, и консонантная ось – реализуется либо как нефарингализованная, либо как фарингализованная.

С. В. Кодзасов и О. Ф. Кривнова, описывая на материале ряда языков Африки дополнительные вокалические признаки, связанные с объемом и конфигурацией глотки, отмечают: «Эти признаки обычно приписываются гласным, однако они функционируют как просодические, распространяясь на слово целиком» [Кодзасов, Кривнова 2001: 427]. В языках Дагестана «фарингализация … имеет черты просодичности, распространяясь по слову» [Там же].

3.5.3. Фонетические процессы в области сингармонизма, вызывающие усложнение языка

Законы сингармонизма, детерминирующие звуковой облик словоформы, в каждом из южносибирских тюркских идиомов преломляются в речи в соответствии с сингармоническими моделями, составляющими сингармоническую систему языка или диалекта.

3.5.3.1. Нейтральный сингармонический ряд

Несмотря на то что палатальная гармония довольно последовательно соблюдается в тюркских языках Сибири, «многие сингармонические языки обнаруживают отклонения от идеальной схемы сингармонизма, что проявляется в наличии нейтральных гласных (часто е, і), способных встречаться как в переднерядных, так и в заднерядных словах» [Виноградов 1990: 445]. «Гласные третьего класса квалифицируются как нейтральные, они сочетаются в пределах экспонента словоформы с гласными как первого, так и второго класса, <…> выступая в этом случае как область пересечения множеств, соответствующих первому и второму классам» [Касевич 1986: 120].

Еще в середине прошлого века тюркологи констатировали наличие нейтрального сингармонического ряда в хакасском языке: «Мягкий гласный

и <…> остается как бы нейтральным <…> и может входить в состав как “твердого”, так и “мягкого” слова» [Исхаков 1955: 128].

В южносибирских тюркских языках на современном этапе их развития отмечается повсеместная тенденция к унификации палатальной гармонии гласных [Selyutina 2000: 30]. В составе твердорядных и мягкорядных словоформ используются фактически одни и те же фонетические варианты аффиксальных морфем с гласными центрального, центральнозаднего и смешанного артикуляторных рядов. Чаще всего это гласные *ӈ̈* и *ɜ*, которые функционируют здесь как нейтральнорядные с точки зрения сингармонизма.

В языке кумандинцев в словоформах с мягкорядной и твердорядной вокальной осью падежные аффиксы реализуются в нейтральнорядных репрезентантах (табл. 14).

Таблица 14

Гармония гласных в парадигме именного склонения

Падеж	Мягкий ряд		Твердый ряд	
Именительный	ɦ͡çɛr' ‘земля’	tɨ̈jɪn ‘белка’	qɔl ‘рука’	ʊjʊm ‘дом=мой’
Родительный	ɦ͡çɛr'nɨ̈ŋ	tɨ̈jɪnɨ̈ŋ	qɔlnɨ̈ŋ	ʊjʊmnɜŋ
Винительный	ɦ͡çɛr'nɨ̈	tɨ̈jɪnɨ̈	qɔlnɨ̈	ʊjʊmɜ
Дательный	ɦ͡çɛr'ɡɜ	tɨ̈jɪnɣɜ ~ tɨ̈jɪnŋɜ	qɔlɣɜ	ʊjʊmɣɜ
Местный	ɦ͡çɛr'dɜ	tɨ̈jɪndɜ	qɔldɜ	ʊjʊmdɜ
Исходный	ɦ͡çɛr'dɨ̈ŋ	tɨ̈jɪndɨ̈ŋ	qɔldɨ̈ŋ	ʊjʊmdɜŋ
Направительный	ɦ͡çɛr'zɜ ~ ɦ͡çɛr'z'æ	tɨ̈jɪnzɜ ~ tɨ̈jɪnz'æ	qɔlzɜ ~ qɔlzɤ̈	ʊɥz'æ
Творительный ~ Совместный	ɦ͡çɛ:r'l'ɛ	tɨ̈jɪnl'ɛ	qɔllɨ̈	–

Аналогичные случаи выравнивания сингармонических моделей представлены в языке теленгитов:

– в мягкорядных словах: *эттер ~ эттäр* ‘мясо (мн. ч.)’, *истер ~ истäр* ‘следы’, *кӱндер ~ кӱндäр* ‘солнца (мн. ч.)’;

– в твердорядных словах: *колдор ~ колдäр* ‘руки (мн. ч.)’.

Аффикс множественного числа факультативно реализуется с сингармонически нейтральнорядным гласным *ä*. Унифицируется не только палатальная, но и лабиальная гармония гласных: *колдор ~ колдäр* [Бидинова 2017: 47–50].

Одной из причин функционирования аффиксальных морфем в нейтральнорядных фонетических вариантах может быть фиксируемая в звуковых системах современных южносибирских тюркских языков активно и последовательно развивающаяся тенденция к передвижению вокальных артикуляций к центру ртовой резонаторной полости как бы под влиянием центростреми-

тельных сил, а вследствие этого – к относительной нивелировке, деполяризации характеристик гласных по параметрам артикуляторной рядности. Сдвиги вокальных настроек выявлены в языке кумандинцев [Селютина 1998: 91–92; 2000: 19–21], в сагайском и качинском диалектах хакасского языка [Кыштымова 2001: 106–107], в языке тубинцев [Сарбашева 2004: 207–208], в диалекте алтай-кижи [Шалданова 2007: 227], в каа-хемском говоре тувинского языка [Дамбыра 2005: 187–188], а также, в меньшей степени, в киргизском языке, исторически близком южносибирским [Эсенбаева 2010: 275].

Вокальные настройки занимают серединное положение на шкале артикуляторной рядности – в зоне реализации центральнозадних гласных (см., например, таблицу основных типов гласных в языке туба-кижи [Сарбашева 2004: 211]). Частотность гласных переднего и заднего артикуляторных рядов относительно невысока в тюркских языках Южной Сибири; максимально загруженными оказываются вокальные артикуляции центрального, смешанного и особенно центральнозаднего рядов. В аффиксальных морфемах гласные этих трех рядов могут факультативно замещать друг друга. Центральнозаднерядные настройки являются наиболее частотными и функционально востребованными в речи.

Трансформации субстантной базы южносибирского тюркского вокализма являются катализаторами существенных преобразований в функциональной сфере: перестраиваются алгоритмы реализации сингармонизма, что влечет за собой многочисленные отклонения от идеальной модели палатальной и лабиальной гармонии гласных, модифицируются сингармонические системы.

Спецификой корреляции артикуляторной и сингармонической рядности гласных в тюркских языках Южной Сибири является функционирование в рамках мягкого сингармонического ряда гласных не только переднего артикуляционного ряда, но и центральнорядных, центральнозаднерядных сильновыдвинутых и смешаннорядных; в твердорядных словоформах реализуются, как правило, гласные центральнозаднего отодвинутого артикуляторного ряда и заднерядные гласные.

3.5.3.2. Неоднородность мягкого сингармонического ряда

С функциональной точки зрения мягкорядный вокализм делится на две подсистемы: переднерядные и непереднерядные гласные. Единицы этих субсистем имеют различные аккомодационные и комбинаторные характеристики: субстанционально переднерядный гласный детерминирует умеренную или сильную (сходную с русской) палатализацию препозитивного консонанта словоформы, мягкорядные гласные непередних артикуляционных рядов не имеют столь сильного аккомодирующего воздействия на согласные, например: кум. *köc* ‘глаз’ «ʝkæs′ – ʝkæz′ɪ – ʝkæz′ɪmnɐ̈ŋ», но *кӱс* ‘осень’ «k̈ös̈ – k̈öz′ɪ – k̈öz′ɪm̈n̈ɐ̈ŋ̈», *тил* ‘язык’ «ẗɐ̈l′ – ẗɐ̈l′ɪ», *ээрин* ‘губа’ «ɛ:r′ɪn̈ – ɛ:r′ɪn̈ɐ̈m̈».

Наличие в языке фонетических параллелизмов отражает различные этапы перелома аккомодационных процессов в рамках мягкорядного сингармо-

низма, обусловленных сменой артикуляторного ряда – переднего на центральный либо (факультативно) на смешанный или центральнозадний, например:

кум. s˝ɛ:gɪs˝ / s˝ɪ:g̈s̈ < *sekiz ‘восемь’;

s˝ɛ:β′ɪs˝ / s˝ɪ:β′ɪs˝ / s˝ɪ:β̈s̈ < *semiz ‘жирный, тучный’;

t′ɛ:m′ɪr′ / ẗɜ:β′ɪr′ / t′ɪ:β̈r̈ / ẗ:β̈r̈ < *temɪr I, temür I ‘железо’.

В многослоговых мягкорядных словоформах ассимиляции гласных двух выявленных функциональных рядов не происходит, в пределах словоформы дистантно сочетаются гласные переднего и непереднего рядов, поэтому аккомодационные процессы реализуются в пределах слога, а не слова, т. е. сингармонизм фактически имеет ступенчатый характер.

Можно предположить, что в основе рассматриваемых процессов лежит явление «перебоя», «перелома» гласных. Отмеченное впервые для татарского и башкирского языков, оно трактуется как смена подъема гласного, как переход др.-т. широких в узкие и расширение др.-т. узких до полуширокиx. Подобные изменения происходят на большей части территории распространения южносибирских тюркских языков – в хакасском, кумандинском, шорском, барабинско-татарском языках; эпизодически – в алтайском и тувинском языках. Сибирская специфика заключается в том, что при «переломе» меняется не только подъем гласных, но и, что значительно существеннее с точки зрения сингармонизма, их артикуляторная рядность, что, в свою очередь, обусловливает тенденцию к перестройке палатальной гармонии гласных и сингармонической системы языка в целом.

По-видимому, аналогичные процессы происходят и в тюркских языках несибирского региона. В частности, отмечаемые в крымчакском языке случаи так называемого нарушения палатальной гармонии гласных могут рассматриваться как реализация особенностей проявления мягкорядной гармонии гласных в тюркских языках, например, функционирование гласного *ы* в словоформах с мягкорядной вокальной осью: *сыздэ* ‘у вас’; появление в первых слогах на месте *ö* и *ÿ* более задних вариантов, что, по-мнению Э. Р. Тенишева, отражается в непоследовательном орфографировании (*ö* / *о*, *ÿ* / *у*) некоторых грамматических форм [Реби и др. 1997: 310].

Несмотря на тенденцию к нивелировке в потоке речи оппозиции гласных по артикуляторной рядности, к выравниванию сингармонической рядности – появлению нейтрального функционального ряда, у носителей языка с перцептивной базой, ориентированной на сингармонизм, в отличие от собеседников с иной языковой традицией, процесс коммуникации затруднений не вызывает; носитель тюркского языка при наращении аффиксов безошибочно выбирает мягкорядный или твердорядный вариант. Сингармонический облик словоформы, фонетический контекст, специфика коартикуляционных сегментов, тембровые характеристики являются факторами, способствующими адекватному восприятию речи и снимающими необходимость более контрастного противопоставления гласных по артикуляторным параметрам, свойственного языкам несингармонического типа.

3.5.3.3. Сингармонизм в сложных словах, заимствованиях и в аналитических конструкциях

Отклонения от четко регламентированной последовательности звуков наблюдаются также в сложных словах, «…в которых каждый компонент имеет свой сингармонический рисунок» [Виноградов 1990: 445], в аналитических по происхождению грамматических формах, процесс синтезации которых еще не завершен, и в фонетически не освоенных заимствованиях.

В алтайском языке фонетические варианты аффиксов и их правописание в русизмах и в собственно алтайских сложных би- и тритематических словах зависят от характера гласного последнего слога основы: *революция-лар-дагы* ‘в революциях’, *самолет-гор-дын* ‘самолетов’, *радио-берил-те-лер-деги* ‘в радиопередачах’, *бешјыл-дык-тар-дын* ‘пятилеток’ [Тадыкин 1973: 70].

Непоследовательное соблюдение законов сингармонизма в аналитических конструкциях является одним из маркеров степени их аналитизма [Селютина, Уртегешев 2017]. Если конструкция осознается как свободное словосочетание, то каждый из ее компонентов оформляется в соответствии с собственным сингармоническим алгоритмом, если же словосочетание стянулось в сложное слово, лексикализовалось, то происходит десемантизация входящих в их состав грамматических форм, ослабление их статуса, что, в свою очередь, детерминирует устранение межсловных пауз с последующим слиянием компонентов АК в единое фонетическое слово, преобразование позиций внешнего сандхи во внутреннее, реализацию ассимилятивных закономерностей, обусловленных вновь сформировавшимся фонетическим контекстом. Например, палатальная гармония нарушается в следующих словах: чалк. *тоозыйенис* [t̰ȯ:z'ɪʔə:n·ɐ̆ɐ̄·] ‘закончили=мы’ (< *тооз=ып ий=ген=ивис*); шор. *акел* (< *ал=ып кел=* ‘принеси’), *тартаберди* [tʌr=’t:ʌ=bˈᶜɛrˈ=d˙ɐ̈ʔ] ‘закурил=он’, *кӧрибалып* [kö:rˈ/=/bᶜȧ:=lɐ̈p˃] ‘увидев’. Это свидетельствует о неполной синтезации аналитических конструкций. Напротив, реализация чалканских глагольных конструкций *кирт̆ыт* [ʝɪr·ɦ͡çɪt̰˙ᶜ] ‘помню=я’ (< *кир=ип т̆ыат*), *ӧстыт* [ʔɔ̈·sˈɦɪt̰˙ᶜ] ‘растет (много)’ – *ӧс=т̆ыит=* (< *ӧз=ип т̆ыат=*), *айттым* [ʔʌ’jt̆ɐ̆m] ‘говорю=я’ – *айт=ты-м* (< *айд=ып тур=ым*) с соблюдением законов палатального и лабиального сингармонизма указывает на то, что в современном языке эти аналитические по происхождению бивербальные конструкции подверглись высокой степени синтезации и осознаются носителями языка как единое стяженное слово.

3.5.3.4. Сингармонизм в словах со среднеязычными согласными

Одним из фонетических факторов, приводящих к нарушению палатальной гармонии гласных в южносибирских тюркских языках, является наличие в звуковой оси твердорядной словоформы среднеязычных согласных *й* [j], *ч* [ɦ͡ç], *ть* [ɦ], *нь* [ɲ], *ль* [ʎ] или палатализованного *щ* [ʃˈ], которые обусловли-

вают мягкое – переднерядное – артикулирование следующего гласного, например:

шор. *чайылпартыр* [’ħç̫:a:=ˀɪ:lˈ=pȧr̥=’t:ɨr] ‘расстелился’;

чалк. *тьап щыққан* [ħā:p˃ ʃ:ˈɪ:qᶜʌ̇n] ‘хлынул (дождь)’ – *тьа=п щық=қан=* (< *тьаг=ып щық=қан*);

чалк. *тьоқ топтым* [ħøχ̄tɨp˃tɨm] ‘пересказываю=я’ – *тьоқ то=п-ты=м* (< *тьоқ то=п тур=ды=м*);

чалк. *ощыптым* [ʔɔ̀:ʃˈˈɪpˑ˃tˑɨmˑ] ‘сижу=я’ – *ощу=п-ты=м* (< *ощу=п тур=ды=м*);

чалк. *аңнап тьортон* [ʔʌ̇n̥˃n̥ʌ̇p˃ ħç̫ø·rtᶜɔ̀n] ‘охотился=он’ – *аңна=п тьор=тон=*;

чалк. *чық партым* [ʃ:ˈˈɪk˃pʌ̇rtɨm] ‘выхожу=я’ – *чық=↓ пар=ты=м* (< *щыг=ып пар=ып тур=ум*).

Аналогичные процессы отмечаются в хакасском языке: «…все аффиксы, за исключением аффиксов с вторичным [и], имеют фонетические варианты с гласными заднего и переднего рядов» [Карпов 2001: 23], аффиксы же со вторичным гласным [ӣ] присоединяются к любым основам, независимо от состава гласных в их звуковых оболочках [Там же].

Вторичные долгие [ӣ], обозначаемые на письме одной буквой *и*, появляются в хакасском языке при аффиксации в результате выпадения полугласного [й] в интервокальной позиции в тех случаях, когда основа оканчивается на гласный, а наращиваемый аффикс начинается с гласного, например, при образовании формы будущего времени:

сана + ар > *сана + й + ар* > *сана-й-ыр* > *санир* ‘будет считать’;

төле + ер > *төле + й + ір* > *төлир* ‘будет платить’.

Вторичные долгие [ӣ], обозначаемые на письме удвоенной буквой *ии*, формируются также в результате выпадения гуттуральных согласных [ғ], [г] и [ң] в позиции между двумя узкими гласными (*ы*, *і*, *у*, *ӱ*), например:

хузурух ‘хвост’ – *хузуриим* < *хузуруғым* ‘хвост=мой’;

тулун ‘коса’ – *тулиің* < *тулуңың* ‘коса=твоя’;

кічіг ‘маленький’ – *кічиим* < *кічігім* ‘маленький=мой’ [Карпов 2001: 21–24].

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что в хакасском языке, где закон палатальной гармонии гласных «…действует последовательно, без всяких исключений» [Карпов 2001: 23], появление в слове вторичного долгого [ӣ] в результате выпадения среднеязычного, а также гуттурального согласного ведет к слому сингармонических алгоритмов формирования звукового облика словоформ.

3.5.3.5. Особенности реализации консонантной гармонии

Специфика реализации палатальной гармонии в ее консонантном аспекте отмечается в ряде тюркских языков Сибири. В тувинском действует сложный механизм проявления сингармонизма, включающий не только палатальный и

лабиальный, но и глоточный аспект. По локализации преграды артикуляторные настройки твердорядных и мягкорядных манифестаций фонемы [k̲] в составе нефарингализованных словоформ фактически совпадают (k̲ь = k̲ъ); в составе фарингализованных – резко различаются (’k̲:ь ≠ ’q̲:ъ); в составе мягкорядных словоформ различие нефарингализованных и фарингализованных настроек по локализации преграды незначительно (k̲ь ≈ ’k̲:ь), в составе твердорядных – существенное (k̲ъ ≠ ’q̲:ъ). Звуковой облик тувинской (сутхольской) словоформы, в состав которой входят гуттуральные согласные, регламентируется не столько палатальным, сколько фарингальным сингармонизмом [Кечил-оол 2006: 325–326].

Нетипичным для тюркских языков является проявление законов палатального сингармонизма при реализации в речи гуттуральных согласных и в хакасском языке, где мягкорядные реализации фонем [χ], [χ:] и [ǫ̲] отличаются от твердорядных аллофонов этих же фонем не только активным артикулирующим органом и локусом образования, но и способом артикуляции: мягкорядные оттенки являются смычными, твердорядные – щелевыми [Субракова 2006: 210]. В якутском языке выбор аллофонов гуттуральных согласных детерминируется не только палатальным фактором, но и позицией звука в словоформе и степенью открытости / закрытости контактирующих гласных [Дьячковский 1977: 42–49].

Использование метода МРТ при изучении настроек согласных в составе звуковых оболочек мягкорядных и твердорядных словоформ языка алтай-кижи позволило выявить существенные расхождения в артикуляторных базах онгудайского и усть-канского говоров, проявляющихся, в частности, в специфике реализации палатального (тембрового) сингармонизма в его консонантном аспекте.

В усть-канском говоре отчетливо прослеживается тенденция к нивелировке различий в артикулировании мягкорядных и твердорядных реализаций фонемы [k]: если более напряженный глухой аллофон «’k̲/’k̲' – ’q̲:’q̲» в слове *меке* ‘обман’ продуцируется как двухфокусный (причем локализация 1-го фокуса типична для южно-сибирских тюркских мягкорядных гуттуральных настроек), то менее напряженная звонкая манифестация «’g̲°/’g̲°/’ɢ̲°» в слове *меге* ‘мне’ фактически не отличается от твердорядных аллофонов «’k̲°/’q̲°» в слове *моко* ‘тупой’ и «’g̲°/’ɢ̲°» в слове *бого* ‘туда’. Вследствие этого противопоставление настроек гуттуральных фонем по параметрам мягкорядности / твердорядности стирается. Алгоритмы проявления тюркского палатального сингармонизма, последовательно реализующиеся в онгудайском говоре диалекта алтай-кижи, не поддерживаются артикуляторно-акустической базой носителей усть-канского говора.

Итак, сопоставительный анализ сингармонических систем в южносибирских тюркских языках показал, что при всем многообразии форм их реализации они подчиняются общим тенденциям развития, свойственным агглютинативным урало-алтайским языкам. Исходя из положения Мак-Уортера о том, что функционирование типологически маркированных фонем (или, до-

бавим, единиц других языковых уровней) предполагает более сложную систему фонологических противопоставлений [McWhorter 2001; Бердичевский 2012: 107], следует интерпретировать представленные выше СС как системы различной степени синтагматической сложности. При оценке уровня объективной (абсолютной) языковой сложности с опорой на список параметров, предложенный Дж. Николз [Nichols 2009], установлено, что наиболее сложная сингармоническая система функционирует в тувинском языке, в хакасском языке реализуется наименее сложная СС; СС остальных языков занимают на шкале объективной сложности промежуточное положение между тувинским и хакасским.

Тувинская сингармоническая система структурирована максимальным для южносибирских тюркских языков количеством коррелятивных признаков: палатальный, лабиальный, фарингальный. В хакасском литературном языке – единственном среди рассматриваемых в данном исследовании – используется СС стяженного типа: сингармоническую релевантность в системе сохраняет лишь палатальный признак. СС остальных языков и диалектов – переходные от полных к стяженным с различной степенью выраженности утраты лабиального коррелятивного признака.

Опираясь на формальные количественные параметры определения объективной сложности, можно построить следующую иерархию по убыванию числа сингармонических моделей, образующих систему, и с учетом степени их обобщения: чем выше обобщение, тем проще алгоритмы проявления гармонии и короче описание системы, тем ниже языковая сложность:

8 СМ – тувинский;

6 СМ – теленгитский, алтайские диалекты;

4 СМ – алтайский литературный, хакасские диалекты, шорский;

2 СМ – хакасский литературный.

СС киргизского языка, включающая 5 СМ, демонстрирует высокую степень сложности: ее следовало бы поместить между тувинской и теленгитской СС.

Полученная иерархия может быть скорректирована с учетом степени утраты (или, возможно, недоразвития) лабиальной гармонии по количеству сингармонических цепочек, в которых соблюдаются алгоритмы идеальной модели ГГГ (по убыванию; при этом для сопоставимости результатов тувинская СС рассматривается без учета фарингальной ГГ; максимальное количество потенциально возможных цепочек – 8):

6 СЦ – теленгитский;

4 СЦ – тувинский, алтайские диалекты, шорский;

2 СЦ – алтайский литературный, хакасские диалекты;

0 СЦ – хакасский литературный.

Самый высокий показатель – в киргизском языке: 7 из 8 потенциально возможных СЦ с лабиализованными гласными в обоих слогах – корневом и аффиксальном.

Таким образом, поверхностный количественный анализ сингармонических систем свидетельствует о том, что в ареале распространения южносибирских тюркских языков активно развиваются процессы, направленные на упрощение СС, – как за счет унификации алгоритмов реализации палатального сингармонизма, так и за счет сокращения сферы функционирования губной гармонии, вплоть до ее полного разрушения в хакасском литературном языке. На фоне генетически и исторически близких языков Южной Сибири киргизская СС является наиболее полной, с минимально выраженными тенденциями к распаду ГГГ.

С другой стороны, в тюркских языках Южной Сибири констатируются различные стадии развития фонетических процессов, блокирующих автоматизм действия законов сингармонизма и детерминирующих усложнение сингармонических систем.

К их числу относится формирование наряду с мягким и твердым функциональными рядами сингармонически нейтрального ряда, возможно, обусловленного процессами деполяризации, нивелировки артикуляторных характеристик единиц, происходящими в системе южносибирского тюркского вокализма.

Усложняет дихотомическую систему палатального сингармонизма (твердый ряд / мягкий ряд) и формирование в рамках мягкорядной гармонии двух подсистем, дифференциация которых обусловлена субстантной базой (гласные переднего / непереднего артикуляционных рядов) и фонотактическими закономерностями. При сохранении мягкорядности словоформы в целом аккомодационные правила распространяются в пределах слога, а не слова, что может свидетельствовать о развитии ступенчатого сингармонизма.

Трансформация алгоритмов реализации законов сингармонизма, усложняющая СС, наблюдается также в би- и политематических словах, в аналитических грамматических конструкциях с незавершенным процессом синтезации, в неполностью ассимилированных заимствованиях.

Слом сингармонических алгоритмов формирования звукового облика словоформ, повышающий языковую сложность, может быть обусловлен рядом фонетических факторов: наличием в звуковой оси твердорядной словоформы среднеязычных согласных, требующих появления в постпозиции мягкорядного гласного; функционированием в системе вокализма дифтонгов наряду с монофтонгами; различными трансформациями в правилах реализации консонантной гармонии.

4. Фонетическая сложность в языке как результат межэтнических контактов

В ряде случаев процессы усложнения или, наоборот, упрощения языковых систем происходят под воздействием языковых контактов. В данном параграфе на примере якутского и шорского языков описываются процессы, связанные со сложной этнической историей этих народов.

4.1. Усложнение подсистем якутского языка как результат языковых взаимодействий

Сложное происхождение якутского языка было отмечено еще В. В. Радловым. Его концепция, что якутский язык – это язык неизвестного происхождения, который был сначала омонголен, а затем отюречен [Radloff 1908: 45], в настоящее время не принята, но количество иноязычных элементов в якутском языке требует исследования. Перечень явлений, связывающих якутский с языками других этнических групп, очень велик. Вот некоторые из них:

1) якутский входит в ареал -s- > -h-, s- > h- (эвенкийский, эвенский, бурятский и др.);

2) якутский входит в ареал -s- > -t- (бурятский, некоторые из енисейских и самодийских языков);

3) якутский входит в ареал языков, где присутствуют восходящие дифтонги (долганский, нганасанский, юкагирский);

4) якутский имеет общие закономерности построения консонантной системы, сближающие его с тунгусо-маньчжурскими языками, чукотско-камчатскими, юкагирским и эскимосским, – это бедность состава проточных фонем;

5) с тунгусо-маньчжурскими языками сближает якутский язык отсутствие родительного падежа, наличие спрягаемых деепричастий [Убрятова 1960 б: 16].

Это только некоторые из особенностей якутского языка, объясняемые его контактами с языками других систем. Эти контакты имели место в разное время и на разных территориях во время продвижения предков якутов с южной прародины через Прибайкалье на территорию современного обитания якутов. Но и «исходный» тюркский компонент якутского языка не был однородным.

Хотя большинство якутоведов, опираясь на древнекитайские источники, где предки якутов курыканы назывались членами союза телесских племен, считают древнеякутский язык близким древнеуйгурскому, Е. И. Убрятова доказывала его близость языку орхонских памятников на основании следующих признаков:

1) в области фонетики: а) наличие среднеязычного ɲ; б) соответствия j ~ j̃ ~ɲ в определенном круге слов; в) глухие согласные в аффиксах после конечной гласной основы;

2) в области морфологии: а) большая дифференцированность частей речи по сравнению с современными тюркскими языками; б) структура парных слов с полным параллелизмом формы компонентов, в том числе и глаголов; в) система приемов усиления лексического значения основ посредством ее повторения в производной форме: в якутском языке имеются все типы усилительных оборотов, имеющихся в орхонских памятниках; г) наличие падежного аффикса винительного падежа *-ын* в лично-притяжательном склонении;

д) смещение тюркской падежной системы: исчезновение родительного падежа, переосмысление местного падежа в частный [Убрятова 1985].

Это можно оценить как развитие тенденций, имевших место в языках орхонских памятников (случаи употребления дательного падежа вместо местного, местного вместо исходного, непоследовательное употребление родительного падежа). Но для якутского характерны как формы, встречающиеся в языке древнеуйгурских памятников, так и отсутствующие в орхонских. Е. И. Убрятова считала, что уйгурские формы могли попасть в якутский и непосредственно из древнеуйгурского, и через сибирские тюркские языки, в которых функционируют формы, восходящие к древнеуйгурским *-йук*, *-майук*, *-ийук* и др. [Там же: 41].

В тюркских языках Сибири сформировался ряд специфических форм, свойственных преимущественно сибирским языкам и киргизскому. Некоторые из них попали и в якутский язык, например, форма *-а илик*, которую Е. И. Коркина назвала «наклонением несовершившегося (неосуществленного) действия» [Коркина 1970: 238–250].

Наличие таких собственно «сибирских» форм показывает, что контакты предков якутов с сибирскими языками сохранились и тогда, когда якуты сдвинулись на север. Некоторые особенности якутского языка сближают его с кыпчакскими в области и морфологии, и фонетики. В морфологии это, например, форма настоящего времени на *-а*. По форме выражения якутский показатель настоящего времени совпадает с татарским для 1-го и 2-го л. и с др.-т. для 3-го л.

Структура поля настоящего времени (единственный показатель *-а* / *-ар*) совпадает как с кыпчакским татарским языком, так и с формами, встречающимися в языке рунических памятников.

В якутском языке не используется механизм синтезации аналитических конструкций аспектуального типа для пополнения форм настоящего времени, но есть аспектуальная форма на *=ан турар*, омонимичная форме третьего перфекта, которая обозначает действие, происходящее в момент речи, но в систему временных форм она еще не включена. Подобная ситуация наблюдается и в татарском языке. Однако в диалектах татарского языка, например в диалектах сибирских татар, формы, восходящие к аспектуальным «туровым» формам, применяются широко.

Параллели между якутским и кыпчакским языками находят аналогию в языке древнетюркских памятников (ср. наличие формы на *=а* в енисейских текстах).

Якутский язык, противопоставляясь всем южносибирским, ближе тофаларскому и тувинскому, в которых синтетические производные от аналитических конструкций со вспомогательным глаголом *чыт=* и *олур=* не используются.

Важнейшим классификационным признаком для сибирских тюркских языков являются инновационные процессы, связанные со структурированием временных полей: складывающееся противопоставление между настоящим

общим и настоящим данного момента объединяет южносибирские языки с рядом языков центральной группы. В якутском языке, во-первых, настоящее время представлено субстантно другой формой; во-вторых, указанная выше оппозиция не развивается, несмотря на наличие соответствующих конструкций, они не грамматикализуются во временном значении, а остаются аспектуальными.

Одна из немногих аналитических форм с глаголами, образующими аспектуальные формы, – это *=ан тура=*(*бын*), прошедшее результативное время. Глагол *тур-* одним из первых начал втягиваться в процесс образования грамматических конструкций еще в древнетюркское время, и наличие такой формы в якутском только поддерживает тезис о древнетюркских корнях «кыпчакских» элементов в якутском языке.

Якутскому, как и кыпчакским языкам, свойственна система согласных, фонически базирующаяся на звонкости / глухости, не связанная в настоящее время с качеством гласного и согласного и с ограничением оппозиции согласных в рамках словоформы.

Таким образом, на современном этапе якутский язык, по системе соответствий исторически связанный с языками огузского типа, перешел в другое качество, совпав с языками кыпчакскими. Уже внутри кыпчакского типа классификационным параметром, определяющим отношение якутского к другим входящим в него языкам, служит характер формирования оппозиции шумных в инлауте (противопоставление озвончения «собственно кыпчакского» типа и сибирского типа). В якутском стало развиваться озвончение шумных согласных в интервокальной позиции и в позиции после сонорных на морфемных швах. Это изменение быстрее развивается в группах периферийных согласных – губных и гуттуральных. По этому признаку якутский сближается с такими сибирскими языками, как алтайский, хакасский, шорский, чулымско-тюркский.

Фонологическое противопоставление согласных в орхонских текстах, определяемое многими исследователями как оппозиция шумных согласных по степени участия голоса в ауслауте и инлауте (*ab* ‘охота’, *äb* ‘дом’ ~ *ap* ‘и’; *täp* ‘пинать’ ~ *äm* ‘лекарство’; *ud* ‘спать’, *öd* ‘время’ ~ *ut* ‘побеждать’; *at* ‘лошадь’ ~ *on* ‘десять’, *ton* ‘одежда’; *ög* ‘мать’, *jog* (*joɣ*) ‘поминки’ ~ *joq* ‘жалкий, убогий’, *toq* ‘сытый’ ~ *tog* ‘мерзнуть’; *äs* ‘друг’ ~ *aš* ‘переходить’ ~ *az* ‘мало’; *ač* ‘соблазнить’) [Кобешавидзе 1972: 14], довольно последовательно представлено в группе смычных, в группе проточных характерно только для свистящих *s–z*. Взрывные дополняются гоморганными носовыми фонемами, и выстраивается симметричная система смычных *p–b–m*, *t–d–n*, *k–g–ŋ*, очень похожая на систему согласных, представленную во многих современных тюркских языках. Но такую схему для древнетюркского языка можно принять, если только не учитывать данные современных тюркских языков, так как в противном случае нужно учесть, что *b*, *d*, *g* дают в современных языках два совершенно различных типа рефлексов, которые показывают, что одним знаком в древнетюркской графике передавались звонкий аллофон шумного

и согласный, модальные характеристики которого (и по характеру преграды, и по степени участия голоса) требуют уточнения. В якутском языке этот ряд согласных распался: переднеязычный согласный этого ряда перешел в разряд шумных, губные и гуттуральные вокализовались, дав вторичные долгие и дифтонги.

В праякутском языке начинается процесс развертывания ряда шумных в два оппозиционных ряда по степени шумности; определенную роль в этом процессе играет изменение фонотактических закономерностей: для праякутского языка постулируется та же система фонотактических закономерностей, которая характерна для языка орхонских памятников; на более позднем этапе развития якутского языка происходит перенос правил, характерных для древнетюркской корневой морфемы, на словоформу в целом. Это приводит к ускорению развития оппозиции двух рядов шумных и влияет на распределение сонорных в словоформе. В этом отношении якутский также сближается с кыпчакскими языками.

Якутский язык сохраняет особенности тюркских языков, входящих в разные классификационные группы: огузской, уйгурской, кыпчакской. Тезис о раннем отделении тюркоязычных предков якутов является общепринятым, но в якутском представлены формы, свойственные тюркским языкам Сибири и киргизскому (например, форма на *-а илик*) и ряд других, что говорит о том, что якутский поддерживал контакты с этими языками и в более позднее время.

В результате описанных процессов формируется оппозиция шумных в анлауте, отличная от огузской и тувинской, формируется ряд среднеязычных согласных и др. В области морфологии складывается сложная система времен и наклонений, базирующаяся на отпричастных формах разного происхождения (орхонских, уйгурских, кыргызских). Активные языковые контакты привели к усложнению всей системы якутского языка.

Большое количество элементов, вошедших в якутский язык из разных источников, привело не только к увеличению количества форм, но и к усложнению фонетической и морфологической систем.

4.2. Фонетическая сложность как отражение языкового и этнического контактирования

Одной из причин усложнения языка являются контакты их носителей с представителями других этносов. В. М. Наделяев писал: «Проведенные сибирскими фонетистами инструментальные исследования дают основание для вывода о том, что консонантные системы в южносибирских тюркских языках сформировались в результате наложения на языки субстратного нетюркского населения тюркского языка-суперстрата» [Наделяев 1969: 236].

Попробуем проследить историю **шорского языка** в связи с историей шорского народа. Шория, как и вся Южная Сибирь, неоднократно заселялась разными народами: 1) центральноевропейскими европеоидами (типа южных

русских); 2) полуевропеоидами, полумонголоидами (типа современных коми, удмуртов, марийцев); 3) средиземноморскими европеоидами памиро-ферганского типа; 4) байкальскими монголоидами (типа эвенков, нанайцев); 5) монголоидами центральноазиатского типа (типа современных монголов, тувинцев, якутов).

Заселение Сибири от Урала до Енисея шло с разных сторон – с запада (из Причерноморья), с северо-запада, из-за Урала (из Подмосковья, с Камы), с юго-запада (из Средней Азии, из Ирана, с Памира), с северо-востока (с Байкала), с востока (из современной Монголии), начиная с III-IV тыс. до н. э. В конце I тыс. до н. э. в Сибири появляются тюрки – основные предки современных тюркских народов Сибири, в том числе шорцев [Чиспияков 2004: 47] и калмаков. Можно предположить, что это были протобулгары (предки современных чувашей) [Там же: 49].

Примерно в IV в. н. э. в горах Алтая и в Минусинской котловине обосновались тюркские племена, которые говорили не на «р»-, «л»-языке, как протобулгары, на языке обычного тюркского типа, хорошо понятном современным шорцам, хакасам, алтайцам, татарам, узбекам, туркам. В Минусинской котловине они смешались с обитавшими там многочисленными светловолосыми европеоидами-тагарцами (динлинами), образовав сильное тюркское государство кыргызов [Там же: 50]. На Алтае же и на Иртыше в итоге смешения пришедших туда гянь-гуней с остатками разбитых ими юэчжей и протобулгар сложился народ, призванный позднее сыграть большую роль в истории Центральной, Средней и Западной Азии – алтайские тюрки (тюркюты). Тюркюты в степном Алтае и в Кемеровской области благодаря смешению с аборигенами (с самодийцами и с кетами) приобрели иные этнические черты. Поэтому мы по отношению к ним используем квазиэтноним «тюрки Кузбасса», или «кузбасские тюрки» (по предложению археолога М. Г. Елькина), так как они представляют уже иной этнический феномен.

В IX в. на территории от верховьев Иртыша до Павлодарского Прииртышья на юге, до Кузнецкого Алатау на северо-востоке, до современного Омска на северо-западе и до линии Новосибирк – Томск на севере, т. е. на территории кузбасских тюрков, была создана новая конфедерация (племенное объединение), известная в среднеазиатской средневековой литературе как кимакская [Там же: 50–51].

В X в. на юге Алтая опять произошли важные события, приведшие к локальному «великому переселению народов»: на исторической арене появился новый сильный народ – *кара-кытаи* (кидане). Под их давлением обитавшие в северо-западной Монголии восточные *теле*, так называемые *телеуты*, переселились на реки Чарыш и Алей, левые притоки Оби. Их экспансия постепенно распространилась до впадения в Обь р. Чумыш, на которой они основали свою ставку, не заходя ни севернее, ни восточнее.

Телеуты как одна из ветвей теле в языковом отношении были близки кимакам, но в некоторых чертах и отличались от них. В частности, обладанием

очень сильной так называемой губной гармонии (эта черта характерна современным алтайцам и киргизам) [Там же: 51].

Основательнее всех сдвинуться с места пришлось барнаульско-каменским кимакам, так как их территорию телеуты сделали своим политическим центром. Крайним пунктом их передвижения была р. Кондома, по которой они расселились, ассимилировав местных самодийцев, которые сами незадолго до этого вытеснили оттуда кетов, живших ранее по всему Чумышу.

В низовьях р. Кондома барнаульско-каменцы (ставшие здесь *кондомцами*) встретились с кузбасскими тюрками (здесь уже *мрасцами*), задолго до этого освоившими эту часть Притомья. После дальнейшего проживания в тесном соседстве с кузбассцами кондомцы стали составной частью единого шорского народа.

Некоторые исследователи отмечают китайский компонент у сибирских тюрков. Наиболее отчетливо китайская примесь проявляется у шорцев и тубаларов. Последние данные пока можно объяснить несколькими предположениями, одно из которых заключается в том, что начиная с эпохи раннего железа на территорию Саяно-Алтая постоянно проникали носители северокитайского типа либо в результате брачных отношений, либо это были беглые люди, по разным причинам покинувшие родную территорию. Более историчен факт устройства в XIV в. военно-пахотных поселений на северной стороне Алтая [Потапов 1953; Могильников 1981: 43–45], в которых реально могли принимать участие и китайцы [Тур, Тишкин 2001: 185–188]

Таким образом, сибирский регион заселялся в разное время и разными по происхождению племенами. Кроме того, здесь происходили неоднократные перемещения. Поэтому сложившиеся народы являются смешанными по происхождению.

Неслучайно внешний (антропологический) облик шорцев очень разнообразен, что указывает на следы их исконного происхождения:

1) центральноазиатский тип (нижняя Мрас-Су): монголы, якуты, тувинцы; 2) уральский (нижняя Кондома): ханты, манси, удмурты, марийцы; 3) памиро-ферганский (верхняя Кондома, верхняя и средняя Мрас-Су): памирцы, часть узбеков, кавказцы; 4) байкальский (нижняя Мрас-Су): эвенки, нанайцы; 5) южносибирский (нижняя Мрас-Су, нижняя Кондома): казахи, ногайцы; 6) прогнатический, характеризуемый выдвинутой вперед челюстью (нижняя Кондома) [Чиспияков 2004: 52–53].

Под **калмаками** отечественная этнография подразумевает небольшую группу тюркоязычного населения, проживающую на северо-западе Кемеровской области, близ г. Юрга. Это уточнение необходимо, так как в XVII–XIX вв. этноним «калмаки» относился и к другим группам коренного населения юга Сибири и Центральной Азии – предкам калмыков, телеутов, части алтайцев и т. д. Но постепенно у других народов этнонимы поменялись, а у названной группы он остался прежним [Кимеев, Кривоногов 2012: 114].

Предки современных калмаков – небольшая группа выезжих телеутов в количестве 150 человек, возглавляемая князем Иркой Уделековым и брать-

ями Кожановыми, откочевавшая в 1662 г. из-за междоусобиц из Приобских степей на р. Искитим под Томский острог. Там они за верную «караульную службу в порубежных волостях» в качестве конных казаков получили в 1673 г. в вечное пользование покосы и обширные пастбища. Теснимые русскими переселенцами, несколько калмакских семей в начале XVIII в. отселились по р. Томи на ее правый берег против широкой Томской Курьи вблизи Сосновского острога, где уже многие столетия проживали их тюркоязычные кыштымы «горных порубежных волостей». Небольшая часть калмаков из населенных пунктов Шалай и Усть-Искитим, оказавшись в тесном соседстве с русскими крестьянами-переселенцами, приняла православие и полностью обрусела (… попытки найти потомков православных калмаков в поселках Шарай и других, где они проживали еще в XIX в., не увенчались успехом, видимо, ассимиляция произошла достаточно давно [Кимеев, Кривоногов 2012: 114]), основная же масса под влиянием казанских татар и «бухарцев» стала мусульманами-суннитами [Историческая энциклопедия 1996: 308]. Принятие ислама в конце XVIII в. под влиянием переселенцев из Поволжья и Средней Азии (так называемых «бухарцев») создало эндогамный барьер между калмаками и окружающим русским населением, что способствовало сохранению этой группы коренного населения и предохранило от ассимиляции русским большинством. В XVII–XIX вв. наладились связи, в том числе семейные и родственные, калмаков с соседней группой сибирских (томских) татар, так называемыми чатами, также мусульманами по вероисповеданию. В XIX–XX вв. калмаки-мусульмане сосредоточились в трех населенных пунктах: Зимнике и Большом Улусе, близ г. Юрга, и Юрты-Константиновы, расположенных к северо-востоку от Юрги, ближе к Томской области. Максимальными связями с чатами отличается именно эта часть калмаков, в силу территориальной близости к поселениям чатов. Важнейшим событием, повлиявшим на судьбу калмаков и их дальнейшую этническую историю, явилось массовое вселение в район их обитания переселенцев-татар из Поволжья в начале XX в. Появление массы поволжских татар-мусульман, которые поселились и в самих калмакских селах, и по соседству с ними, привело к переориентации внешних связей калмаков с томских татар на поволжских, тем более что религиозного эндогамного барьера между ними не существовало. Численность татар-переселенцев в несколько раз превысила число калмаков, что предопределило направление этнических процессов. Тем не менее сближение с пришельцами шло постепенно, долгое время калмаки сохраняли этническую самобытность, чему способствовали явно заметные в начальный период контактов различия в языке, культуре, антропологии (калмаки были заметно более монголоидны, чем выходцы с Поволжья). В течение первой половины XX в. происходил постепенный процесс все большего сближения калмаков с потомками поволжских татар и угасание их связей с сибирскими татарами. В целом же калмаки составляли в своих исконных поселках 48 %, тогда как в 1897 г. их было 53,9 % [Томилов 1983]. Ни в одном из этих поселков калмаки не составляли большинства населения, в Юртах-Константи-

новых они составляли заметную долю – треть, в остальных – очень незначительный процент [Кимеев, Кривоногов 2012: 114].

В 2010 г. исследователями из г. Кемерово был проведен массовый опрос со 100-процентным охватом проживающих в пяти поселках калмаков. Данные 2010 г. сравнили с результатами 1993 г. Получилось, что численность тех, кто относит себя к калмакам, резко сократилась – со 157 до 78 человек. На это повлияли три фактора – соотношения рождаемости и смертности, внешних, по отношению к основной территории расселения, миграций и колебаний этнического самосознания смешанного населения [Кимеев, Кривоногов 2012: 116]. Средний возраст калмаков в 1993 г. был 42 года, в 2010 г. – 52 года. Доля лиц 40 лет и старше составляла 49,0 %, а в последнем обследовании – уже 79,5 %. Ученым удалось подсчитать, что если все три фактора, влияющие на численность калмаков, будут играть ту же роль, что и в предшествующий период, то через такой же промежуток времени (т. е. в 2027 г.) численность калмаков составит всего 25–30 человек, и почти все они будут пенсионного возраста, средний возраст составит 65 лет [Кимеев, Кривоногов 2012: 116]. Перспектива этих демографических изменений просчитывается самым определенным образом: скоро калмаки в качестве особого этнического подразделения попросту перестанут существовать, потомки калмаков будут относить себя к татарам, не выделяя себя из этой общности.

В лингвистической литературе язык калмаков принято относить к языку томских татар, а их самих называть томскими татарами. В ряде научных работ калмакский язык считают калмакским говором томского диалекта сибирских татар [Тумашева 1968: 38–40], в других – калмакским диалектом телеутского языка, а также одним из говоров восточных, или сибирских, диалектов татарского языка. По лингвистическим данным его можно квалифицировать как язык. Относя калмакский язык к татарскому, отмечают его значительное тяготение к алтайскому [Тумашева 1968: 165] и телеутскому [Чиспияков 2004: 352] языкам. Сами калмаки указывают на значительное отличие их языка от языка казанских татар, бухарцев, а также от соседних тюркоязычных групп – эуштинцев и чатов. При этом многие калмаки отрицают существование самостоятельного калмакского языка, считая его одной из разновидностей татарского [Уртегешев 2009б: 17].

В классификациях тюркских языков калмакский язык не представлен. Используя принципы генеалогической классификации Н. А. Баскакова [1952], язык калмаков можно отнести к киргизо-кыпчакской группе, так как он тяготеет к языку бачатских телеутов [Уртегешев 2009б: 17], что свидетельствует об относительной близости языка калмаков к диалекту алтай-кижи и теленгитскому диалекту алтайского языка, а также к казахскому и киргизскому языкам.

Подводя итог анализа научной литературы по этнической истории шорцев и калмаков, можно сказать словами Э. Ф. Чиспиякова следующее: «были этносы совершенно разного происхождения, которые со временем перемешались, создав очень близкую группу народов Южной Сибири. Некоторые же

различия у разных народов определяются в основном количеством компонентов» [Чиспияков 2004: 47]. К аналогичным выводам приходит Н. Н. Широбокова: «Языки Южной Сибири, формировавшиеся на различной субстратной базе, вступавшие в многочисленные контакты с языками родственными и неродственными, пережившие последовательно несколько волн тюркизации различных типов – уйгуро-орхонского, кыргызского, уйгуро-кыргызского, кыпчакского, представляют собой “многослойную конструкцию”» [Широбокова 2015: 248].

Безусловно, количественный компонент сыграл важную роль в формировании артикуляционно-акустических баз и осложнении фонетических систем шорского и калмакского языков. Для обоих языков можно выделить несколько этапов усложнения консонантной системы.

Первый этап усложнения консонантной системы шорского языка. По нашему мнению, для шорского языка первый этап осложнения звуковой системы произошел в период сложения «кузбасских тюрков», когда на самодийско-кетский субстрат наложился суперстрат в виде алтайских тюрок (тюркютов). В подтверждение этому высказыванию можем привести результаты наших экспериментальных фонетических исследований [Уртегешев 2002; Уртегешев 2004].

Дистрибутивный, функциональный и артикуляционно-акустический анализ позволили выявить в звуковой системе шорского языка классы шумных и малошумных согласных, включающие 35 фонем, которые определяются в общей фонетике по артикуляторным характеристикам как преградные. Основными *конститутивно-дифференциальными признаками* (КДП) согласных фонем шорского языка являются характеристика по работе гортани и языка (инъективно-эйективность / статичность / эйективно-инъективность) с соответствующим акустическим эффектом, способ образования шумообразующей преграды, артикуляторный ряд, отсутствие или наличие фарингализованности, отсутствие или наличие оральной аспирации, параметры квантитативности (краткость / полудолгота / долгота), степень артикуляторной напряженности (слабая напряженность / умеренная напряженность / сильная напряженность).

Система согласных шорского языка структурируется тройной оппозицией по типу работы гортани и языка: инъективно-эйективные / статичные / эйективно-инъективные. *Инъективно-эйективные согласные* продуцируются при опускающейся гортани и продвигающемся вперед теле языка; *статичные* – при нейтральном положении гортани и языка; *эйективно-инъективные* – при поднимающейся гортани и оттягивающемся назад корне языка. Три типа артикуляторных настроек сопровождаются соответствующими *акустическими* эффектами: статичные согласные реализуются с акустическим эффектом среднего ровного резонирования; инъективно-эйективные – с акустическим эффектом высокого восходящего резонирования; эйективно-инъективные – с акустическим эффектом низкого нисходящего резонирования. Акустический эффект определяется соотношением резонаторов – перед-

нертового и заднертово-глоточного. *Тип работы гортани и языка – основной КДП* в системе консонантизма. При этом следует отметить существенное отличие шорских эйективных и инъективных согласных от аналогичных артикуляций, констатируемых С. В. Кодзасовым и О. Ф. Кривновой в кавказских языках, а также в некоторых языках Африки и Америки и трактуемых как абруптивы, т. е. согласные, артикулируемые с двойной смычкой разной локализации [Кодзасов, Кривнова 2001].

Троичная консонантная система, в которой в каждом локальном ряду шумных и малошумных согласных неглоттализованные контрастируют глоттализованным согласным двух типов – эйективным и инъективным, при этом эйективность / инъективность не коррелирует с различением согласных по работе голосовых связок, не характерна для консонантных систем в языках народов Сибири и сопредельных регионов, в которых представлены системы, организованные следующими оппозициями: а) по степени артикуляторной напряженности; б) по длительности; в) по работе голосовых связок. Нами был выявлен новый классификационный признак – по типу работы гортани и языка. Учитывая, что аналогичное явление зафиксировано ранее при изучении кетского вокализма [Феер 1998], мы предположили, что выявленная особенность артикуляционно-акустической базы шорцев в области консонантизма является наследием *кетского субстрата.*

Второй этап усложнения консонантной системы шорского языка. Примерно с XVIII в. начинается активное освоение Шории русскими. Шорцам приходится вступать в контакт с носителями иной культуры, иного языка – индоевропейского. В жизни местного населения вместе с переселенцами из-за Урала появляются новые предметы, а с ними и обозначающие их лексемы, которые произносятся по иным артикуляционным правилам. Новые звуки у шорцев не приживаются, они «преломляются» в языке согласно шорским артикуляционно-акустическим правилам [Уртегешев 2009а: 97–100].

Чаще всего эти изменения связаны с гласными, например, это такие явления, как эпентеза, протеза, эпитеза, апокопа, а также разная степень редукции; кроме того, происходит смена ряда, подъема, раствора рта и т. п. Рассмотрим далее эти трансформации более подробно.

Эпентеза. Фонетическое явление, связанное со вставкой узкого гласного между согласными, отмечается в начале и конце заимствованных слов. Происходит она, как правило, между шумными и сонорными согласными. Для шорского языка не является распространенным явлением, например: *симетен* ‘сметана’, *қумашне* ‘квашня’.

Протеза. Это фонетическое явление связано со вставкой гласного в абсолютном начале слова, например: *остол ~ устол ~ устал ~ истеле* ‘стол’, *ашӧпке* ‘щепка’, ‘лучина’, *испишке* ‘вешалка’ (ср. рус. диал. ‘спичка’ [Чиспияков 1992а: 48]), *ышкап ~ шкап* ‘шкаф’. Как и эпентеза, не нашла широкого распространения в шорской речи.

Эпитеза – вставка в конце заимствованных слов гласного, например: *истеле* ‘стол’, *креде* ‘огород’ (от ‘гряда’), *сталба* ‘столб’, *плине* ‘блин’, *каньке* ‘конёк’, *патинке* ‘ботинок’.

Апокопа. У заимствованных слов в абсолютном конце слова выпадает гласный: *карыт* ‘корыто’, *школ* ‘школа’, *машин* ‘машина’, *симетен* ‘сметана’, *пасек* ‘пасека’, *Расей* ‘Россия’, *Микит* ‘Никита’.

Редукция гласных. В шорском языке редукция связана с полным выпадением узкого гласного, даже если в русском слове гласный широкий лабиализованный – он делабиализуется и заменяется узким, например: *скабре* ‘сковорода’, *патинке* ‘ботинок’, *патлӧк* ‘потолок’, *Паслей* ‘Василий’, *Пӧдир* ‘Фёдор’, *Марья* ‘Мария’.

Перестановка гласного. Фонетическое явление, связанное с перестановкой узкого лабиализованного гласного типа «у» в заимствованных словах: *пӱлде* ‘блюде’, *турба* ‘труба’, *анчӱке* ‘портянки’ (ср. рус. *онучки*).

Нарушение губной гармонии гласных. Нехарактерное использование лабиализованного гласного в непервом слоге, даже в тех случаях, где огубленный гласный отсутствует в первоисточнике, например: *картопке* ‘картошка’, *маркопке* ‘морковка’, *маркӧп* ‘морковь’, *остол* ‘стол’, *устол* ‘стол’, *анчӱке* ‘портянки’ (ср. рус. онучки), *патлӧк* ‘потолок’, *Яқуп* ‘Яков’, *Анӱк* ‘Анна’, *Панӱк* ‘Павел’, *Пасӱк* ‘Василий’.

Замена гласного звука «а» на гласный «е» в заимствованных словах, чаще всего в финальном слоге. Данное явление имеет широкое распространение в шорском языке: *крынке* ‘крынка’, *картопке* ‘картошка’, *маркопке* ‘морковь (от ‘морковка’)’, *серянке* ‘спички’ (от ‘сера’), *креде* ‘огород’ (от ‘гряда’), *мечек* ‘мячик’, *пилке* ‘вилка’, *серге* ‘серьга’, *тӱӱрме* ‘тюрьма’, *стакен* ‘стакан’, *таракен* ‘таракан’, *кӱреске* ‘курочка’, *сыпке* ‘цыплёнок’ (от цыпка), *ашӧпке* ‘щепка’, ‘лучина’, *стене* ‘стена’, *испишке* ‘вешалка’ (ср. рус. диал. ‘спичка’), *матсте* ‘матица (матка) дома’, *кӧшке* ‘кошка’, *катке* ‘катка’, *сакер* ‘сахар’, *симетен* ‘сметана’, *қумашне* ‘квашня’, *Пӧкле* ‘Фёкла’, *тарелке* ‘тарелка’; но: *полка* ‘полка’, *аптека* ‘аптека’.

Замена гласного звука «и» на гласный «е». Это фонетическое явление связано с заменой в заимствованных словах гласного типа «и», чаще всего финального слога, на гласный типа «е», например: *мечек* ‘мячик’, *Расей* ‘Россия’, *кӱрмек* ‘курник’, *перек* ‘пирог’, *анчӱке* ‘портянки’ (ср. рус. *онучки*), *Паслей* ‘Василий’.

Замена гласного звука «о» на гласный «е» в заимствованных словах, чаще всего в финальном слоге, например: *истеле* ‘стол’, *кӱреске* ‘курочка’, *педре* ‘ведро’, *твӧрек* ‘творог’; но *письмо* ‘письмо’.

В шорском языке в заимствованных словах, кроме вокальных фонетических изменений, отмечаются также консонантные преобразования. Чаще всего эти трансформации связаны с согласными иноязычного происхождения – *ф*, *х*, *ц*, *щ*, *в* (губно-зубной), а также с фонотактическими закономерностями использования согласных шорского языка.

Согласные звуки иноязычного происхождения – *ф*, *х*, *ц*, *щ*, *в* (губно-зубной) – произносятся в основном как и в языке, из которого или через который они заимствованы, например: *шифер* ‘шифер’, *колхоз* ‘колхоз’, *щётка* ‘щётка’, *цирк* ‘цирк’, *цех* ‘цех’, *вагон* ‘вагон’.

Произношение слов с указанными звуками имеет индивидуальные особенности у разных носителей языка. Представители молодого поколения, свободно владеющие русским языком, употребляют слова с указанными звуками в русском произношении, а шорцы старшего возраста приспосабливают их к родному языку: звук «ф» подменяется звуком «п» (*шипер* ‘шифер’), звук «щ» (шш) произносится менее удлиненно, напоминая «ш» (*шотка* ‘щётка’), звук «ц» подменяется звуком «с» (*сырк* ‘цырк’, *сех* ‘цех’), а звук «в» подменяется звуком «п» (*Пера* ‘Вера (имя)’).

Слова, давно заимствованные из русского и фонетически адаптированные, произносятся в соответствии с нормами шорского языка как лицами старшего, так и младшего поколений, например: *патлёк* ‘потолок’, *педре* ‘ведро’, *кабыста* ‘капуста’, *симеттен* ‘сметана’, *ышкап* ‘шкаф’, *маркоп* ‘морковь’.

Приспособлены к шорской фонетике также и собственные имена, например: *Муқалай* ‘Николай’, *Пасӱк*, *Паслей* ‘Василий’, *Микит* ‘Никита’, *Пӧкле* ‘Фёкла’, *Ирас* ‘Герасим’, *Пӧдир* ‘Фёдор’, *Марья* ‘Мария’ и др.

В речи представителей старшего поколения можно услышать и адаптированную форму фамилий: *Куспекап* ‘Куспеков’, *Сербегешеп* ‘Сербегешев’, *Тоқмашоп* ‘Токмашев’ [Чиспияков 1992а: 58–59]

Ниже рассматриваются фонетические изменения согласных в словах, давно заимствованных из русского и адаптированных в соответствии с особенностями шорской артикуляционно-акустической базы.

Оглушение звука «б». В заимствованных словах происходит оглушение инициального звонкого губно-губного звука типа «б», нехарактерного для данной позиции в шорском языке: *пӱлде* ‘блюдо’, *плине* ‘блин’, *патинке* ‘ботинок’.

Замена губно-зубного звука «в» на губно-губной «п». Как указывалось выше, губно-зубной звук «в» не характерен для шорского языка, поэтому в заимствованных словах он заменяется на губно-губной «п». Чаще всего эта замена касается начала и конца слова, например: *педре* ‘ведро’, *парата* ‘ворота’, *Паслей* ‘Василий’, *Пасӱк* ‘Василий’, *маркопке* ‘морковь (от морковка)’, *маркӧп* ‘морковь’, *поракий* ‘воробей’, *Яқуп* ‘Яков’.

Замена губно-зубного звука «ф» на губно-губной «п». Губно-зубной звук «ф» не свойственен шорскому языку, поэтому в заимствованных словах он заменяется на губно-губной «п». Эта замена касается имен собственных, пришедших вместе с православием: *Пӧдир* ‘Фёдор’, *Пӧкле* ‘Фёкла’.

Замена переднеязычного звука «н» на губно-губной «м». На данном этапе исследования не представляется возможным объяснить замену переднеязычного «н» на губно-губной «м»: *кӱрмек* ‘курник’, *Муқалай* ‘Николай’, *Микит* ‘Никита’.

Замена переднеязычной аффрикаты «ц» на щелевой «с». Нехарактерная для шорского языка аффриката «ц» заменяется щелевым согласным типа «с» той же локализации: *агӱрсӱм* ‘огурец’, *сыпке* ‘цыплёнок’ (от русского *цыпка*), *кӱреске* ‘курица’, ‘курочка’, *матсте* ‘матица (матка) дома’.

Замена переднеязычной аффрикаты «ч» на щелевой «ш». Для шорского языка характерна дезаффрикатизация переднеязычного «ч» в переднеязычный щелевой «ш». Данное фонетическое явление характерно не только для заимствований из русского языка, например: *испишке* ‘вешалка’ (ср. рус. диал. ‘спичка’), *шай* ‘чай’, но и для тюркских слов: телеутское *чач* – шорское *шаш* ‘волосы’.

Таким образом, в шорском языке в словах, давно заимствованных из русского языка или через его посредство из других языков, эпентеза, протеза, эпитеза, апокопа не нашли широкого распространения, так как в рассматриваемом языке допускаются стечения согласных звуков в абсолютном конце и в абсолютном начале слова (кроме сочетания *ст-*, перед которым всегда вставляется гласный; исключение – *столба* ‘столб’).

Активно реализуется в шорском языке фонетическое явление, связанное с заменой в заимствованных словах гласных типа «а», «о» и «и», чаще всего финального слога, на гласный звук типа «е».

В шорском языке консонантные изменения в давно заимствованных словах чаще связаны с согласными «ф», «х», «ц», «щ», «в» (губно-зубной) и «б» (в абсолютном начале и конце слова).

В заимствованиях из русского языка чаще всего одновременно отмечается несколько фонетических процессов, например: *педре* ‘ведро’ – замена губно-зубного звонкого звука «в» на губно-губной глухой «п», замена финального широкого лабиализованного гласного типа «о» на широкий нелабиализованный гласный типа «е».

Но все сказанное выше справедливо относительно давно заимствованных слов, адаптированных к произносительным особенностям шорского языка людьми старшего поколения – от 70 лет и старше, плохо владеющими русским языком, как правило, живущими в отдаленных поселках в чисто шорской среде. В настоящее время мы наблюдаем произношение заимствованных слов, как и в языке, из которого или через который они заимствованы, без каких-либо изменений. Акустически они выбиваются из общего потока шорской речи, заимствования звучат как «инородное тело», но, как уже отмечалось выше, произносятся без адаптации. Исходя из этого, можно сделать вывод, что русская фонетическая система влилась в шорскую, но при этом, на наш взгляд, в современном шорском языке сосуществуют две консонантные системы, одна из которых реализуется в шорских лексемах, другая – в заимствованиях. Это наблюдение справедливо лишь для речи тех шорцев, для кого шорский язык является родным хотя бы как язык общения в семье, язык сохранения традиционной культуры.

Первый этап усложнения звуковой системы калмакского языка. В конце XVIII в. происходит принятие ислама под влиянием переселенцев из

Поволжья и Средней Азии (так называемых «бухарцев»). <…> основная … масса населения … стала мусульманами-суннитами [Историческая энциклопедия… 1996: 308].

В этот период, на наш взгляд, сильное влияние на базовый язык – телеутский – оказал «бухарский». Под его воздействием корневой гласный типа «у» в одних случаях качественно изменился в «ы», например: шорское, телеутское *тура* – калмакское *тыра* ~ *тра* ‘город’, в других перешел в гортанно-округленный «ɔ» (неогубленный «о»): шорское, телеутское *тус* – калмакское *тɔс* ‘соль’.

От употребления в основе слова гласного типа «о» в той или иной разновидности – огубленный или гортанно-округленный – зависит лабиальная гармония или, точнее, ее наличие или отсутствие. После лабиализованных гласных типа «о» аффикс множественного числа, а также некоторые падежные аффиксы имеют варианты с широким лабиализованным же гласным (лабиальная гармония гласных алтайского типа), например: *оннор* ‘десятки’, *онґо* ‘к десяти’, *онноӈ* ‘из десяти’, и наоборот – после гортанно-округленного «*ɔ*» лабиальная гармония по широкому гласному нарушается: *ɔннар* ‘мука́ (разных сортов)’, *ɔнґа* ‘к муке́’, *ɔннаӈ* ‘из муки́’.

В языке можно подобрать полные квазиомонимы, дифференциация семантики которых базируется на различении гласных типа «о», например: *он* ‘десять’ – *ɔн* ‘мука́’.

Таким образом, произошло усложнение фонетической системы: сформировались две гласные фонемы типа «о».

Второй этап усложнения звуковой системы калмакского языка. На судьбу калмаков существенное влияние оказало массовое переселение в район их обитания поволжских татар-мусульман в начале XX в. – произошла переориентация связей калмаков с томских татар на поволжских. В первой половине XX в. происходило постепенное сближение калмаков с потомками поволжских татар и угасание их связей с сибирскими татарами. И хотя попрежнему в этнографической литературе калмаки считались составной частью сибирских татар, направление этнических процессов вело к отрыву их от этой общности и сближению с местными поволжскими татарами. Этому способствовало, в частности, и преподавание в местных школах татарского литературного языка в 1930–1950 гг. [Кимеев, Кривоногов 2012: 113–123].

Исторические преобразования оказали влияние и на языковые процессы. В южно-сибирских тюркских языках отсутствует противопоставление согласных по глухости-звонкости. В языке калмаков основным конститутивно-дифференциальным признаком, структурирующим систему шумных согласных, является признак работы голосовых связок – выделены три пары фонем, противопоставленных по глухости / звонкости: [p] – [b], [t] – [d], [ʃ] – [ʒ'] [Уртегешев, Бабыкова 2005: 88–90]. Под влиянием языка поволжских татар в калмакском сохраняются звонкие согласные в абсолютном начале слова.

Кроме того, в южносибирских тюркских языках не употребляется фарингальная фонема типа «h». Специфику калмакской консонантной системы

составляет неадаптивное произношение арабо-персидских слов с начальным щелевым «h», например: шорское, телеутское *қалық* – калмакское *hалыҕ* ‘народ’.

Произошло усложнение консонантной системы калмакского языка за счет нехарактерного глоточного звука «h» и звонких шумных согласных единиц.

Третий этап усложнения консонантной системы калмакского языка. Последний по времени этап фонетических преобразований связан с русским языком. Подобно шорскому, в калмакском в настоящее время наблюдается произношение заимствованных слов в соответствии с артикуляционными нормами языка, из которого или через который они заимствованы, без адаптации. Так же как и у шорцев, в речи акустически они выбиваются из общего звукового потока. Русская фонетическая система вошла как составная часть в калмакскую, сосуществуя при этом параллельно с уже сложившейся на ранних этапах системой. Таким образом, происходит очередное усложнение звуковой системы языка калмаков.

Таким образом, на примере шорского и калмакского языков наблюдаются процессы усложнения фонетических систем, происходящие в результате разновременных и разноплановых контактов языков, в том числе различного генезиса и различной типологии, на ограниченной территории в определенные периоды времени. При наложении одних языков на другие лингвистический потенциал имеет тенденцию к расширению: артикуляторное и слуховое поведение носителя языка становится все более изощренным и детализированным.

Выводы

Сопоставительный анализ вокальных систем в современных тюркских языках Южной Сибири, выполненный методом количественного подсчета единиц инвентарей фонем с учетом релевантных признаков, организующих системы, позволил построить иерархию их парадигматической сложности. Выявлены три группы южносибирских тюркских идиомов: в первую входят идиомы Алтая (кроме тубинского турочакского и теленгитского улаганского), хакасский и шорский языки, вокальные реестры которых представлены лишь фонемами-монофтонгами (от 14 до 17 фонем); во вторую – тубинский турочакский, барабинско-татарский и теленгитский улаганский языки и диалекты, вокальные инвентари которых включают как монофтонги, так и дифтонги (от 19 до 23 фонем); в третью – идиомы байкало-саянского этноареала (тувинский и тофский), вокализм которых представлен только фонемами-монофтонгами – «чистыми», фарингализованными и назализованными (от 24 до 32 единиц).

Языки второй группы (тубинский турочакский, барабинско-татарский и теленгитский улаганский) занимают промежуточное положение между языками с наименьшей степенью сложности (большинство идиомов Алтая, ха-

касский и шорский), с одной стороны, и языками с максимальной степенью сложности – тувинским и тофским, с другой.

Тувинская и тофская вокальные системы, структурируемые не только оппозицией по квантитативным параметрам, но и включающие единицы, маркированные признаками фарингализованности и назализованности и имеющие наибольшее количество фонем, характеризуются максимальной для тюркских языков Южной Сибири степенью парадигматической сложности.

Истоки более высокого уровня сложности языка туба по сравнению с большинством других идиомов Алтая следует искать в этногенезе тубинцев, предки которых составили вместе с тувинцами и карагасами (тофами) большой племенной союз Туба и усвоили язык, близкий к древнеогузскому и древнеуйгурскому. На взаимосвязи предков улаганских теленгитов и тувинцев указывают топонимы, происхождение которых сами теленгиты связывают с обитанием на этой территории тувинцев.

Распределение южносибирских тюркских языков на группы, различающиеся степенью парадигматической сложности в соответствии с количественной оценкой элементов системы, детерминировано спецификой структурно-таксономической организации вокальных систем, алгоритмами реализации взаимосвязей и взаимообусловленностей их единиц.

Исследование консонантизма в южносибирских тюркских языках подтверждает результаты, полученные при изучении вокальных систем: высокой степенью парадигматической сложности характеризуется консонантизм шорского и барабинско-татарского языков, фонологические системы которых организованы оппозицией единиц по глоттализованности / неглоттализованности, а также тувинский консонантизм, в системе которого противопоставление по указанному признаку реализуется как аллофоническое.

Более высокий уровень фонетического разнообразия в шорском, барабинско-татарском и тувинском языках определяется также тем, что консонантные системы в этих языках базируются не только на основном фонологическом признаке, но и на дополнительных релевантных параметрах. В шорском языке сопутствующими дифференциальными признаками являются степень напряженности, фарингализация и длительность, в барабинско-татарском уровень напряженности коррелирует с основным КДП согласных – наличием / отсутствием дополнительной фарингализованной артикуляции. В тувинском консонантизме дополнительным по отношению к параметру напряженности является признак аспирации. Сложность этих языков определяется тем, что артикуляторная напряженность коррелирует с глоттализованностью.

Системы алтайского, кумандинского, чалканского, тубинского, хакасского и калмакского языков базируются лишь на одном конститутивно-дифференциальном признаке – степени длительности или звонкости / глухости единиц.

Фоническая сложность в языках Сибири показана на примере сургутского диалекта хантыйского языка, в котором выделяется 57 фонетических единиц без дополнительной артикуляции, а с учетом единиц, характеризующихся дополнительной артикуляцией, их состав достигает почти ста. Артикуляция гласных первого слога может сопровождаться прерывистостью, лабиализацией, назализацией, фарингализацией, фиксируется редко встречающийся гортанно-округленный гласный – как «чистый», так и с дополнительной артикуляцией. Специфической особенностью сургутского диалекта является также фарингализация настроек, наличие дифтонгов и дифтонгоидов. Все эти особенности артикуляции не имеют фонологической значимости, однако в аспекте ареальной специфики артикуляционно-акустических баз существенны.

Анализ фонетических процессов, происходящих в звуковых оболочках словоформ и высказываний в синхронии и диахронии, позволил выявить ряд явлений, влияющих на усложнение или упрощение языка.

Фонотактические закономерности, правила комбинаторики являются одним из важнейших показателей типологической специфики языка. Изменение алгоритмов сочетаемости звуков в потоке речи оказывает непосредственное влияние на парадигматику фонем, расширяя или сужая возможность их противопоставления, а также на алломорфное варьирование, а через него и на структуру морфологических парадигм.

В тюркских языках Сибири происходит перенос фонотактических закономерностей, свойственных односложной корневой морфеме, на межморфемные консонантные сочетания. Сокращение частотности употребления модели присоединения аффиксов через соединительный гласный привело к увеличению количества сочетаний согласных на морфемных швах и стимулировало развитие процессов ассимиляции. Наиболее частотны случаи прогрессивной ассимиляции. Если основа оканчивается на гласный или сонорный согласный, то и начальный шумный согласный аффикса будет либо звонким, либо сонорным. Если слово (основа) оканчивается на глухой согласный, то и начальный аффикса будет глухим.

Возникший в ряде тюркских языков запрет на сочетания типа «шумный + сонорный» на морфемных швах привел к существенным сдвигам как на фонологическом, так и на морфологическом уровнях: вместо одновариантных аффиксов (по начальному согласному) возникают многовариантные аффиксы. Одним из результатов этого процесса стало изменение парадигматической иерархии грамматических показателей, имевших в древнетюркском в анлауте сонорный согласный.

Из-за расширения зоны алломорфов с шумным согласным в анлауте они постепенно выдвигаются в позицию основного варианта морфемы. Увеличение алломорфов и затемнение морфологической структуры словоформы усложняют морфологическую систему.

В современных тюркских языках Южной Сибири констатируются различные внутренние фонетические процессы, которые усложняют аудитивное

восприятие. Одним из таких процессов является ассимиляция, различные типы которой подробно проанализированы на материале шорского языка. Наиболее активно процессы ассимиляции реализуются при наращении к основам с ауслаутом различного качества словообразовательных или словоизменительных аффиксов.

В хакасском и алтайском языках активно развиваются процессы спирантизации и – в хакасском – дезаффрикатизации согласных, классы смычных и смычно-щелевых единиц трансформируются, следуя принципу экономии артикуляционных усилий, происходит оптимизация произносительных настроек, снижение уровня языковой сложности. В процессе коммуникации факультативное периферийное остаточное использование носителями языка смычных или смычно-щелевых реализаций рассматриваемых фонем вместо значительно более частотных щелевых коррелятов затруднений в восприятии не вызывает.

Не менее актуальны для современных южносибирских тюркских языков процессы выпадения интервокальных согласных, упрощения консонантных комплексов, стяжения геминат в долгий согласный, ассимилятивные преобразования. Указанные трансформации становятся катализаторами сложных системных преобразований на разных уровнях языка. Упрощение фонетического облика словоформы детерминирует появление сложности при ее морфологическом членении вследствие амальгамирования компонентов, перестройку слоговой структуры, возникновение новых закономерностей комбинаторики.

Таким образом, в рассмотренных случаях на фонетическом уровне происходит упрощение кода, но одновременно с этим усложняется морфологическая структура словоформы, линейное сокращение плана выражения находится в отношениях отрицательной корреляции с планом содержания, затрудняя адекватное восприятие речи и осложняя процесс коммуникации.

Упрощение синтагматической фонетической сложности на уровне говорящего, детерминирующее повышение языковой сложности на перцептивном уровне в других ярусах языка – грамматическом, лексическом, констатируется прежде всего в южносибирских тюркских языках с невысокой системной сложностью консонантных систем: хакасском, кумандинском, чалканском, алтайском. Данная закономерность может свидетельствовать о положительной корреляции уровня парадигматической сложности фонологических систем и степени устойчивости языков.

Анализ фонетических трансформаций, происходящих в позициях внешнего и внутреннего сандхи в глагольных аналитических конструкциях трех южносибирских тюркских языков – чалканского, шорского и тувинского свидетельствует о типологической общности структурных преобразований фонико-фонологических и грамматических систем в алтае-саянских языках, детерминированной единым региональным архетипом, заложенным в генетической памяти этносов.

В то же время в языках на современном этапе их развития фиксируются различные стадии процесса синтезации аналитических конструкций – от полного стяжения в чалканском до более ранних этапов утраты самостоятельности лексическими компонентами аналитических конструкций в тувинском. Если в языке чалканцев во многих случаях стяжение аналитических форм привело к окончательной утрате ими прозрачности структуры, к невозможности вычленения вспомогательных глаголов, то в шорском выделение вспомогательных глаголов в бивербальных конструкциях, аналитических по происхождению, не вызывает особых затруднений, несмотря на активное протекание процессов утраты лексическими компонентами аналитических конструкций самостоятельности, стяжения их в одно слово с соблюдением правил фонотактики и подчинением законам шорского сингармонизма. В тувинском же языке процесс упрощения аналитических конструкций находится на более ранних этапах, уже пережитых близкородственными южносибирскими тюркскими языками – чалканским и шорским.

В основе инновационных модификаций звукового облика аналитических конструкций в русле их синтезации лежат явления десемантизации входящих в их состав глагольных форм, ослабления их статуса, что в свою очередь способствует устранению межсловных пауз с последующим слиянием элементов аналитической конструкции в единое фонетическое слово, преобразованию позиций внешнего сандхи во внутреннее, реализации ассимилятивных закономерностей, обусловленных вновь сформировавшимся фонетическим контекстом.

Анализ с позиций языковой сложности инновационных фонетических трансформаций, происходящих в аналитических формах тюркского глагола в позициях сандхи, позволяет заключить, что на линейном синтагматическом уровне реализуются одновременно два разнонаправленных процесса: существенное упрощение структуры аналитических конструкций, сокращение числа глагольных слов путем их стяжения при одновременном усложнении синтезированной словоформы вследствие увеличения количества ее морфологических и фонетических составляющих. Включаются механизмы компенсации, благодаря которым редукция кода на фонетическом уровне, снижение синтагматической сложности аналитических форм глагола возмещается усложнением поверхностного облика синтезированной глагольной словоформы. Линейное сокращение плана выражения находится в отношениях отрицательной корреляции с планом содержания, продуцируя процессы амальгамирования компонентов словоформ, затрудняя процессы морфологического и лексико-грамматического членения потока речи, осложняя ее восприятие.

Общей тенденцией для рассматриваемых языков является развитие системы аналитических конструкций по пути упрощения, последовательного сокращения количества лексических единиц и общей длины звуковой цепи, необходимых для адекватной трансляции смысла. Но в разных языках эти процессы осуществляются с различной скоростью в соответствии с закономерностями собственного имманентного развития, а также под интенсивным

воздействием контактирующих тюркских языков саяно-алтайского региона. Если тувинские АК переживают первую стадию синтезации, то в чалканском этот процесс фактически близок к завершению; шорская же система занимает промежуточное положение.

Выявленная закономерность подтверждает вывод, полученный выше при анализе синтагматических процессов внутри словоформы, о наличии положительной корреляции между уровнем парадигматической сложности фонологических систем (наиболее сложная – в тувинском) и степенью устойчивости языков. Фиксируемые в языках различия в степени лингвистической сложности являются своеобразными маркерами этнических и культурных границ, инструментами сохранения этнической идентичности.

Две разнонаправленные тенденции, фиксируемые в сингармонических системах современных южносибирских тюркских языков: оптимизация плана выражения, упрощение структуры систем, ведущее к сокращению кода, устранению избыточности в языке, экономии усилий при речепроизводстве, с одной стороны, и формирующиеся в силу различных внутриязыковых причин отклонения от четких сингармонических моделей, действующих в автоматическом режиме, с другой стороны, ведут к затруднению аудитивного восприятия смысла высказывания, создают сложности на перцептивном уровне.

В условиях перестройки сингармонических систем достижение целей в процессе коммуникации осуществляется за счет включения компенсаторных механизмов, облегчающих восприятие речи: маркированием начала слова акустической четкостью гласных первого корневого слога на фоне редуцированных аффиксальных гласных, бóльшим многообразием вокализма начального слога слова, ограничением на употребление консонантов и запретом на консонантные сочетания в анлауте, спецификой фонотактических закономерностей, служащих пограничными сигналами и др.

Иерархия сингармонических систем южносибирских тюркских языков, базирующаяся на параметрах синтагматической сложности, в целом совпадает с выводами, полученными при анализе вокальных и консонантных систем в этих языках в аспекте их парадигматической сложности. Выявленные закономерности свидетельствуют о положительной корреляции уровня сложности фонологических и морфонологических систем и степени устойчивости языков.

Исследование показало, что одним из факторов формирования субъективной языковой сложности являются межэтнические контакты. На материале якутского, шорского и калмакского языков рассмотрены процессы усложнения фонетических и грамматических систем, происходящие в результате разновременных и разноплановых контактов языков – в том числе различного генезиса и различной типологии – на ограниченной территории в определенные периоды времени. При наложении одних языков на другие лингвистический потенциал имеет тенденцию к расширению: артикуляторное и слуховое поведение носителя языка становится все более изощренным и детализированным. Использование языком избыточных средств приводит к его услож-

нению, упрощая при этом восприятие речи и обеспечивая успешность акта коммуникации.

Консонантные и вокальные системы в южносибирских тюркских и угорских языках являются системами с более высокой степенью объективной парадигматической сложности по сравнению с индоевропейскими языками: для передачи сопоставимого объема информации носителям сибирских языков приходится пользоваться более сложноорганизованной системой.

В языках Сибири как на фоническом, так и на фонологическом уровне актуализируются такие артикуляторные параметры, а системы базируются на таких оппозициях, которые не востребованы в индоевропейских языках либо находятся на периферии систем. Высокая функциональная нагруженность гортанно-глоточного отдела речевого аппарата, наличие фарингально-ларингальных консонантов и вокальных единиц, высокая частотность велярно-увулярных артикуляций в функционально твердорядных словоформах, а также межуточноязычных и среднеязычно-межуточноязычных согласных (наряду с заднеязычными) в сингармонически мягкорядных словоформах, наличие увулярных вибрантов, оппозиция глоттализованных и неглоттализованных единиц в шорской и барабинско-татарской консонантных системах и корреляция фарингализованных и нефарингализованных вариантов согласных фонем (в зависимости от сингармонического типа словоформы) в тувинском, развитость класса среднеязычных согласных, наличие гортанно-округленных гласных в хантыйском языке (сургутский диалект) – все указанное богатство артикуляций сосуществует в звуковых системах южносибирских тюркских языков наряду с универсальными для языков мира классами губных, переднеязычных, заднеязычных согласных и огубленных гласных, не усложненных дополнительной глоттализованной окраской.

По мнению Д. Мак-Уортера, чем моложе язык, тем он проще, чем старше, тем сложнее. На наш взгляд, язык развивается циклически: периоды относительно спокойного развития по пути упрощения, оптимизации, при котором трансформации обусловлены причинами имманентного характера, сменяются периодами активных преобразований, катализаторами которых являются этнические и языковые взаимодействия, – такие взрывы, как правило, ведут к усложнению системы, может быть, к контаминации систем, различающихся типологически. Затем наступает период «созревания» языка (Э. Даль), избавления систем от эклектики, консолидации их вокруг базовых системообразующих признаков.

Языки Южной Сибири, формировавшиеся на различной субстратной базе, вступавшие в многочисленные контакты с языками родственными и неродственными, пережившие последовательно несколько волн тюркизации различных типов – уйгуро-орхонского, кыргызского, уйгуро-кыргызского, кыпчакского, представляют собой многослойную конструкцию. Сложностью и неоднородностью этнолингвистической истории народов южносибирского региона определяется многообразие его фонетического ландшафта.

Глава II

ЛЕКСИЧЕСКАЯ СЛОЖНОСТЬ ЯЗЫКОВ НАРОДОВ СИБИРИ

Вопросы языковой сложности на лексическом уровне рассматриваются на примере парных слов, которые широко распространены во многих языках Сибири. Они представляют собой двухсловные образования, в которых между планом выражения и планом содержания наблюдаются асимметричные отношения. Являясь сложными по форме единицами, они передают единое понятие.

Целью данного раздела является описание процессов формирования новых значений в результате объединения двух лексем с собственными исходными значениями. В центре исследования находятся парные слова тувинского и хакасского языков. Выбор этих языков обусловлен тем, что тувинский и хакасский являются контактными языками с общесибирскими общностями, но входят в разные подгруппы тюркских языков.

1. Структурная и семантическая сложность парных слов в тюркских языках Южной Сибири

Парные слова, по определению А. Н. Кононова, – это сложные слова, которые образуются путем сложения пары слов и в зависимости от лексического значения и формы компонентов приобретают семантику собирательности, обобщения, экспрессивности или стилистической модификации наличных в компонентах лексических значений [Кононов 1960: 135–138]. В. М. Наделяев пишет, что «модель R + R, по которой образуются парные слова (биномы) из двух лексико-грамматических основ, свойственна монгольским и тюркским языкам» [Наделяев 1988: 35]. Парные слова, по его мнению, характеризуются тем, что «обе исходные основы находятся в общем семантическом поле, сложная основа в одних случаях имеет более отвлеченное значение, в других – большую собирательность, иногда – сумму их значений» [Там же]. Как считает Ф. А. Ганиев, «главной причиной образования парных слов в тюркских языках … являлось смешение языков родственных племен и народов», а «в настоящее время они образуются по уже возникшей модели и являются языковыми единицами» [Ганиев 2009: 100].

Формальным признаком отделения парных слов от словосочетаний является их нераздельнооформленность: все парные слова пишутся через дефис. В устной речи компоненты парного слова характеризуются слитным произношением, без паузы и интонации перечисления.

Изначально парное слово представляет собой сложное образование, которое состоит из двух компонентов. Эти компоненты при самостоятельном употреблении в большинстве случаев выражают какое-либо одно значение. В парном сочетании значения каждого компонента могут суммироваться, приобре-

тать обобщенную семантику (собирательность), интенсивное значение и др., т. е. парное слово представляет собой пример соотношения между структурно сложной формой и сложной семантикой.

Изучением парных слов в тюркских языках Южной Сибири занимались многие исследователи. В алтайском языке парные слова анализировались в работах Н. Р. Байжановой [2002], А. В. Колесниковой [2006], в шорском языке – А. В. Есиповой [2011: 44].

Парные слова в тувинском языке рассматривались в работах Н. Ф. Катанова [1903], в грамматике Ф. Г. Исхакова и А. А. Пальмбаха [1961], К. Х. Оргу [1964], С. Ф. Сегленмей [1975], Б.И. Татаринцева [1976]. Наиболее полное исследование тувинских парных слов разных частей речи выполнено Н. М. Ондар [2004]. Ею составлен словарь парных слов тувинского языка, который включает 2270 единиц, выявленных автором в словарях, художественных, фольклорных и публицистических текстах.

В хакасском языке парные слова рассматривались в семантическом и структурном аспектах в работах Д. Ф. Патачаковой [1970], О. В. Субраковой [1988], И. М. Таракановой [2006, 2008], О. Ю. Шагдуровой [2013, 2014].

Образование парных слов в тувинском и в хакасском языках очень продуктивно. Они встречаются почти во всех произведениях художественной литературы и фольклора, однако некоторые из них имеют определенные сферы использования.

Некоторые парные слова характерны только для фольклорных текстов. Так, парные слова *шаг-дип* ‘вселенная’ (*шаг* ‘время’ + *дип* ‘материк’), *чазык-сайбырак* ‘радостный, восторженный’, *адаан-мөөрей* ‘состязание’ в словарях тувинского языка даются с пометой *фольк.*, например:

тув. *...эки шагның эктинде*, *бак шагның бажында*, *шаг-дип бүдүп турар шагда*, *Шагжыы-Түмей бурган номнап турда…* (А) ‘…в начале доброго времени, в конце плохого времени, когда вселенная создавалась, когда проповедовал бурган Шагжыы-Тумей’; *Кадынның биеэги чазык-сайбырак чугаа-сооду*, *каткы-хөглүү чидип*, *улус көөрде*, *каттырып*, *улус көрбесте*, *ыглап*, *алаңы азып калган* (Т.у.т.) ‘Прежние радостно-восторженные речи, веселье царицы угасли, когда люди видели, смеялась, когда люди не видели, плакала, была в растерянности’; *Ам эртен улуг адаан-мөөрей болур*, *орта киржир сен* (Т.у.т.) ‘Завтра будет большое состязание, ты примешь в нем участие’.

хак. *Алып-күлүктерні хоғдырып*, *чөре чоғылбын* ‘Богатырей-храбрецов за собой не вожу, не беру’ (ХГЭ, 118–121); *Абахай чахсы Хан Хыс айы-күні толған*, *палалирға миндебіскен*, *өстеп*, *сарнап турадыр* ‘У достойной госпожи Хан-Хыс месяц-день наступил, ребенка родить приспело, стонет, [как будто] поет’ (ХГЭ, 208–209).

В последнее время в художественных и публицистических произведениях появился значительный пласт парных слов, которые являются авторскими, окказиональными, созданными тем или иным писателем:

тув. *Фронтучу алды хонук иштинде азып-муңчулуп чоруп*, *Кызылга чедип келген* (Л.Ч.И.) ‘Фронтовик, блуждая-мучаясь в течение шести дней, добрался до Кызыла’; *Тускай кыдыраашка тыва дылдың очулга-демдеглелин тургузуп эгелээн* (С.С.А.у.) ‘В специальной тетради начала составлять переводы, заметки по тувинскому языку’.

В хакасском языке такие парные слова активно входят в словарный запас литературного языка и используются во многих художественных произведениях. Например:

хак. *Аның иргі нанчы-арғыстары пар полғаннар* (ЧА,Д, 147) ‘У него были старые друзья-товарищи’; *Тракторы аның сөзін чахсы истіпче: оодылар даа чоғыл*, *мотор-чүрегі хачан даа чахсы тоғынадыр* (НТ,Ткö, 5) ‘Его трактор его слово хорошо слушает: даже не ломается, мотор-сердце его всегда хорошо работает’.

2. Парные слова в разных частях речи

Парные слова разнообразно представлены во всех частях речи.

Парные существительные:

тув. *аал-чурт* ‘родина, родной край’ > *аал* ‘селение; дом’ + *чурт* ‘страна; край, местность, стойбище, жилье’; *ада-ие* ‘родители’ > *ада* ‘отец’ + *ие* ‘мать’; *аас-дыл разг. перен.* ‘спор, полемика; перебранка, ругань, скандал; клевета’ > *аас* ‘рот’ + *дыл* ‘язык’;

хак. *аал-хончых* ‘*собир.* соседи’ > *аал* ‘село, селение’ + *хончых* ‘сосед’; *паға-палчах* ‘*собир.* лягушки’ > *паға* ‘лягушка’ + *палчах* ‘грязь’; *хазаа-хахпах* ‘*собир.* надворные постройки (общее название хозяйственных построек – двор, усадьба)’ > *хазаа* ‘скотный двор’ + *хахпах* ‘крышка, покрышка; навес’.

Парные прилагательные:

тув. *кажар-кашпагай* ‘очень ловкий и хитрый’ > *кажар* ‘хитрый, лукавый’ + *кашпагай* ‘проворный, быстрый, ловкий, расторопный’; *караңгы-бүдүүлүк* ‘безграмотный; темный и отсталый’ > *караңгы* ‘темный, мрачный, дремучий’ + *бүдүүлүк* ‘примитивный, отсталый’;

хак. *уялыг-чурттыг* ‘имеющий дом, жильё’ > *уялыг* ‘имеющий гнездо’ + *чурттыг* ‘имеющий дом’; *ачых-чарых* ‘веселый, жизнерадостный’ > *ачых* ‘открытый’ + *чарых* ‘светлый’.

Парные наречия:

тув. *ара-аразында* ‘местами; между собой’ > *ара* ‘промежуток, расстояние’ + *аразында* ‘промежуток, расстояние’; *өрү-куду* ‘вверх и вниз; туда и сюда’ > *өрү* ‘вверх, кверху; наверху’ + *куду* ‘низкий, низший; вниз, внизу’;

хак. *хада-пірге* ‘вместе’ > *хада* ‘вместе’ + *пірге* ‘сообща, заодно’; *иптеп-таптап* ‘аккуратно’ > *иптеп* ‘аккуратно’ + *таптап* самостоятельного значения не имеет; *оңар-тискер* ‘и вкривь и вкось’ > *оңар* ‘правильно’ + *тискер* ‘наоборот’.

Парные местоимения:

тув. *аңаа-маңаа* ‘там и тут, везде, повсюду’ > *аңаа* ‘там’, ‘туда’ + *маңаа* ‘здесь, тут; сюда’; *ол-бо* ‘тот или иной, те или другие; то одни, то другие’ > *ол* ‘тот’ + *бо* ‘этот’; *кажан-чежен* ‘когда же? через какое время?’ > *кажан* ‘когда?’ + *чежен* возможно от *чеже* ‘сколько?’;

хак. *анҷа-мынҷа* ‘сколько-то, столько’ > *анҷа* ‘столько’ + *мынҷа* ‘вот столько’; *ол-пу* ‘*собир.* эти’ > *ол* ‘тот’ + *пу* ‘этот’.

Парные образные и звукоподражательные слова:

тув. *куйт-куйт* ‘звукоподражание крику птицы’ [Ондар 2014: 126]; *сылдыр-салдыр* ‘звукоподражание шелесту’, *шыңгыр-шыңгыр* ‘звукоподражание звону’;

хак. *хоғдыр-хағдыр* ‘звукоподражание грохоту, громыханию, бренчанию’, *холтаң-халтаң* ‘образоподражание чему-либо свободно болтающемуся’.

Парные междометия:

тув. *авыра-азыра* ‘боже! боже мой! помилуй!’ > *авыра уст.* ‘спасать, миловать’ + *азыра* ‘спасать, беречь’; *падакайым-халакайым* ‘выражает удивление: ба! ах! ой!’;

хак. *обал-худай* ‘ей богу; о, боже’ > *обал* ‘горе’ + *худай* ‘бог’, *худай-аға* ‘о, боже’ > *худай* ‘бог’ + *аға* ‘отец’.

Только **парные числительные**, выявленные в фольклорных текстах, выполняют не основную функцию выражения конкретного числа, количества предметов, а используются в качестве художественного приема гиперболизации или обозначают приблизительное количество:

тув. *Алдан-чеден чылда аглап-истеп кээрге*, *арбас аттары арып*, *турбас аттары туруп-даа келген* (ХБ) ‘Шестьдесят-семьдесят лет вел облаву, выслеживал – нетощавшие кони их отощали, неустававшие кони устали’; *Оргазында чүктээн*, *соонда-даа чүктээн*, *коданны беш-алдыны чүктээн*, *беш-алдыны сөөрткен чедип кээп-тир эвеспе* (Т.у.т) ‘На спине тащил, и сзади еще тащил, пять-шесть отар тащил, пять-шесть (их) притащил, оказывается’.

хак. *Алтон-читон сүрместері чайыл парған* (ХГЭ, 124 125) ‘Шестьдесят-семьдесят косичек рассыпались’; *Алты-читі айлан парып*, *Хыйға Чичен ир чахсыны Анда тастап парға* (ХГЭ, 124–125) ‘Шесть-семь раз раскрутив, Достойнейшего из мужей Хыйга-Чичена [С силой на землю] тут бросила’; *Алты-читі айланызып*, *Ас пилге сарылызыбысханнар* (ХГЭ, 124–125) ‘Шесть-семь раз повернувшись, Сплелись, (ухватившись) за поясницы’.

Парные глаголы. Согласно исследованию Е. И. Убрятовой, парные глаголы по своей структуре относятся к сложным словам, построенным на основе согласования [Убрятова 2011: 186]. В парных глаголах показатели времени и лица принимает второй компонент парного глагола, а деепричастные и причастные показатели (в аналитических глагольных формах) – оба компонента парного глагола. Например:

тув. *Ара-албатыдан куду алзы шыыңайндыр-шооңайндыр* *кускуннан-курайлан-даа*, *байырлан-маңнайлан-даа* *турган иргин ийин* ‘Начиная с подданного люда, [все] стали кричать-восклицать, шуметь-галдеть, ликовать-восторгаться’ (ТГС, 114–115).

хак. *Ырғалып түскен чил чіли*, *ыылан-соолан түс киледір* ‘Как ветер, свирепо дующий, с гулом-шумом [с горы] спускается’ (ХГЭ, 112–113).

3. Типы парных слов

Семантическая классификация парных слов проводится на основе следующих параметров:

– по наличию / отсутствию у сочетающихся компонентов самостоятельных лексических значений;

– по исконному / заимствованному характеру компонентов;

– по особенностям лексического значения каждого из компонентов;

– по семантике парных слов как цельных лексических единиц.

3.1. Типы парных слов по наличию / отсутствию у сочетающихся компонентов самостоятельного лексического значения

Семантическая сложность парного слова обусловлена лексическими значениями обоих его компонентов. В зависимости от степени спаянности и единства значений входящих в парное слово компонентов образуются разные семантически сложные типы:

1) оба компонента имеют прозрачную лексическую семантику:

тув. *арын-баш* ‘область лица и головы’ > *арын* ‘лицо’ + *баш* ‘голова’; *балык-байлаң* ‘рыба; малек; всякая рыба’ > *балык* ‘рыба’ + *байлаң* ‘малек’; *чилби-чазый* ‘жадный, прожорливый, ненасытный’ > *чилби* ‘жадный, прожорливый’ + *чазый* ‘жадный, прожорливый ненасытный’;

хак. *кизек-пысхах* ‘*собир*. куски, лоскутья’ > *кизек* ‘лоскут, отрезок; комок, кусок’ + *пысхах* ‘шкура с лапок животных и зверей’; *істі-харын* ‘*собир*. внутренности, потроха, требуха’ > *істі* ‘внутренность, нутро’ + *харын* ‘живот; брюхо; желудок’; *адай-хус* ‘домашние животные и птицы > *адай* ‘собака’ + *хус* ‘птица’; *ырах-узах* ‘далеко-долго’ > *ырах* ‘далеко’ + *узах* ‘долго’; *аңнирға-хустирға* ‘охотиться, идти на охоту’ > *аңнирға* ‘охотиться за дикими зверями’ + *хустирға* ‘охотиться за дичью’; *пис-алты* ‘пять-шесть’ > *пис* ‘пять’ + *алты* ‘шесть’;

2) собственное значение имеет только один из компонентов:

а) первый компонент имеет собственное лексическое значение, второй компонент выражается словами, не обладающими в современном языке прозрачной семантикой:

тув. *арага-дары* ‘*собир.* алкогольные напитки’ > *арага* ‘арака (алкогольный напиток); вино, водка; алкоголь’ + *дары* (самостоятельно не употребляется); *думаа-ханаа* ‘болезнь’ > *думаа* ‘сопли; насморк; грипп; эпидемическое заболевание, поветрие’ + *ханаа* (самостоятельно не употребляется); *каргаар-иргээр* ‘очень сильно ругать, бранить, проклинать кого-либо’ > *каргаар* ‘проклинать; ругать, бранить’ + *иргээр* в современном языке самостоятельно не употребляется; *арар-дорар* ‘*собир.* худеть, тощать; слабеть, обессиливать’ >

арар ‘худеть’ + *дорар* в современном языке самостоятельно не употребляется [ТРС 1968: 65];

…*Кечилди каргап-ургеп*, *бажының суун ижип шаг болган* (К-Э.К.Д.) ‘…сильно проклиная Кечила, долго еще мучилась, страдала’; …*Чаа-Хөл чурттуг элээн бай кижиниң чаңгыс уруу аарааш*, *үш чыл иштинде арып-доруп чыдып берген*, *хам*, *лама-даа чадашкан* (С.С.А.т.) ‘…единственная дочь довольно-таки богатого человека из Чаа-Холя, заболев, в течение трех лет лежала, сильно ослабев, ни шаман, ни лама не смогли (помочь)’.

В тувинском языке в структуре таких парных слов часто встречаются общетюркские лексемы, характерные для других тюркских и монгольского языков, но не сохранившиеся в современном тувинском языке. У парного глагол *ыглаар-сыктаар*, выражающего состояние громкого, судорожного плача ‘сильно плакать, горько плакать, рыдать’, самостоятельным значением обладает только компонент *ыглаар* ‘плакать’, а *сыктаар* в настоящее время самостоятельно не употребляется (ср. хак. *сыхтирға* ‘плакать’): *Бирде ыглаан-сыктаан*, *бирде хүлүмзүрээн-хүннээректээн*, *сени-даа чүү дээрил аан*, *кадай* (К-Э.К.Ч.ч.I.) ‘То (сильно) рыдаешь, то улыбаешься-светишься, не понять тебя, жена’.

хак. *от-нам* ‘*собир*. лекарственные травы’ > *от* ‘трава’ + *нам* (самостоятельно не употребляется); *кір-нам* ‘грязь, нечистоты’ > *кір* ‘грязь’ + *нам* (самостоятельно не употребляется); *марха-торха* ‘*собир*. пуговицы и прочая мелочь’ > *марха* ‘пуговица’; *игір-мағыр* ‘искривлённый, кривой’ > *игір* ‘кривой, изогнутый’; *палаам-хурим* и *иркеҷеем-хурим* ‘родной ребенок, дитя’ > *пала* ‘ребенок’ + *ирке* ‘нежный, ласковый’ + *хурим* (самостоятельного значения не имеет), *албас-чабал* ‘зловредный, злобный’ > *албас* (самостоятельного значения не имеет) + *чабал* ‘злой’.

В хакасском языке компоненты аналогичных парных глаголов в большинстве случаев сохраняют свои исходные значения, например: тув. *ажынар-дарынар* ‘сильно сердиться, злиться’: *ажынар* ‘сердиться, дуться, злиться’ [ТРС 1968: 43]; *дарынар* самостоятельно не употребляется; ср. кирг., алт., хак. *тарын-* ‘сердиться, гневаться’ [ЭСТЯ 1980: 161];

б) второй компонент является своеобразным фонетическим «словом-эхом» первого компонента. В таких парных словах второе слово претерпевает некоторые фонетические изменения: происходит редупликация или удвоение начального слога, изменение типа согласного, выпадение или появление согласного, гармония гласных и др. [Байжанова 2002; Колесникова 2006]:

тув. *биче-бача* ‘мало-мальски, малость’ > *биче* ‘маленький’, ‘младший’, ‘малая часть *чего-л.*’; *сава-саңга* ‘*собир.* посуда’ > *сава* ‘посуда; сосуд; вместилище’, *бок-сак* ‘сор, мусор’ > *бок* ‘сор, мусор’; *дазылаар-дизилээр* ‘интенсивное звукоподражание выстрелу или щелканью языком’ > *дазылаар* ‘раздаваться, слышаться (о щелчке); ‘цокать, стучать’ + *дизилээр* – слово-эхо [ТСТЯ 2003: 376]; *садыраар-сидирээр* ‘сильно, часто трещать, топотать’ > *садыраар* ‘слышаться (о топоте); топотать; трещать, потрескивать (об огне, о выстрелах)’ + *сидирээр* – слово-эхо.

А дүненең-не аалдар аразында ... садыраан-сидирээн аъттар даванының даажы-даа үзүктелбес! (С.С.А.д.) ‘Каждую ночь между аалами … не прекращается (сильный громкий) звук топота коней!’ (букв.: звук сильно топочущих коней).

хак. *туған-туусхан* ‘*собир.* родственники’ > *туған* ‘родственник’; *оймах-осхыл* ‘рытвины’ > *оймах* ‘яма’; *ипти-тапти* ‘аккуратно’ > *ипти* ‘аккуратно’; *талбах-тулбах* ‘*перен.* никчёмный’ > *талбах* ‘*перен.* никудышный’; *хыйын-чайын* ‘с боку на бок’ > *хыйын* ‘кривой’; *пулуң-салың* ‘*собир.* углы, укромные места, закоулки’ > *пулуң* ‘угол’; *хайбах-хуйбах* ‘оглядывание’ > *хайбах* ‘оглядывание’; *сала-сула* ‘кое-как’ > *сала* ‘немного’; *наптыр-нуптыр* ‘*собир.* рваньё’ > *наптыр* ‘изношенная одежда’; *сабан-субан* ‘*собир.* кадки’ > *сабан* ‘большая кадка’; *сағба-суғба* ‘извещение, оповещение, предупреждение’ > *сағба* ‘извещение’; *наптыр-нуптыр* ‘*собир.* рваньё’ > *наптыр* ‘изношенная одежда’; *уулирға-аалирға* ‘выть, завывать’ > *уулирға* ‘реветь, громко кричать’ + *аалирға* – слово-эхо.

Ах талай суг ээн чирде ыылап-соолап ахча (АА, 27) ‘Вода Белого моря на пустынном месте грохоча-шумя течёт’.

В тувинском языке «словом-эхом» может быть первый компонент парного слова:

тув. *кыйбың-сыйбың* ‘*собир.* легкомысленный; пустой, ветреный’ > *сыйбың* ‘легкомысленный, рассеянный’; *өртем-бардам* ‘дерзкий, грубый’ > *бардам* ‘дерзкий, грубый; чванливый, кичливый, зазнавшийся, самонадеянный’; *ыгый-дыгый* ‘плотно, туго, сильно’ > *дыгый* ‘плотный, туго набитый’ [Ондар 2004: 77, 99, 159];

в) самостоятельным значением обладает только второй компонент парного слова:

тув. *асык-шалың* ‘*уст.* зарплата, оклад’ > *асык* (самостоятельно не употребляется) + *шалың* ‘оклад ставка, зарплата’; *дөргүл-төрел* ‘*собир.* родня’ > *дөргүл* (самостоятельно не употребляется) + *төрел* ‘родственник; родственница’;

хак. *киңір-хаңыр* ‘*разг.* разговор; тары-бары’ > *киңір* (самостоятельно не употребляется) + *хаңыр* ‘звон’;

г) ни один из компонентов не имеет собственного лексического значения:

тув. *арам-саар* ‘вряд ли, сомнительно’, *арам-саарлаар* ‘воздерживаться сомневаться’, *окпан-чикпен* ‘шустрый, бедовый’, *оңгул-чиңгил* ‘ухабы’ [Ондар 2004: 23, 86, 88].

Среди слов, относящихся к данной группе, представлены такие, которые встречаются только в фольклорных текстах, например:

тув. *аргай-хоргай* ‘*фольк.* большой (вместительный, вязаный) колчан’; *шара-хере*: *даң бажы шара-хере турда* ‘очень рано, на рассвете, чуть свет’ [ТРС 1968: 66, 568];

хак. *аран-чула* (*ат*) ‘*фольк.* богатырский конь’; *илек-турах* (*поларға*) ‘быть в нерешительности’; *илек-чалах* (*поларға*) ‘быть помехой’; *илбер-*

салбар ‘растрепанный’, *ус-пас* (*чох*) ‘быть непослушным’; *ойған-сайған түзерге* ‘клониться то в одну, то в другую сторону; колебаться’.

К этой группе относятся также парные слова, образованные от образных и звукоподражательных слов:

тув. *сылдыр-салдыр дээр* ‘шелестеть’; *хок-хок* ‘топ-топ’; *өгбеш-өгбеш* ‘наподобие чего-то взлохмаченного, взъерошенного’; *аалажыр-чиилежир* ‘беспорядочно шуметь, кричать’; ‘громко кричать реветь, мычать (например, о детях, о животных) > *аалажыр* ‘громко и в один голос кричать, плакать (о детях); реветь, мычать (о животных)’ + *чиилежир* ‘шуметь, производить шум (гомон)’; *мөрээр-бустаар* ‘сильно реветь, мычать’ [ТСТЯ 2011: 373] > *мөөрээр* ‘реветь (о быке)’; *перен.* ‘громко рыдать’ + *бустаар* ‘реветь (например, о быке)’; *шаалаар-шиилээр* ‘громко шуметь, рокотать’ > *шаалаар* ‘шуметь, рокотать (например, о море, водопаде)’ + *шиилээр* ‘шуметь, хлестать (например, о дожде)’.

Боо тог дээн соонда, *күжүрүң халаан*, *мөөреп-бустаан*... (С.Т.У.у.) ‘После того, как выстрелило ружье, бедный побежал, сильно ревел…’.

хак. *улух-чалых* ‘гомон, шум’; *ап-чуп* ‘звукоподражание лаю собак’; *олғын-солғын* ‘звукоподражание шуму, гвалту толпы, людей, детей’; *олас-улас* ‘наподобие чего-то шаткого, качающегося’; *оғырирға-кістирге* ‘громко блеять-ржать (об овцах, лошадях); мычать-орать (о животных)’; *кістирге* ‘ржать’ (о лошадях); *мустирға-орлирға* ‘мычать, реветь, (о быке)’ > *мустирға перен.* ‘ревмя реветь (о людях)’ + *орлирға* ‘реветь (о животных); *разг.* орать (о людях)’; *сығдырадарға-тығдырадарға* ‘создавать много шума; трезвонить’ > *сығдырадарға* ‘звенеть’ + *тығдырадарға* ‘греметь’.

Ах сарығ хулунға оғырап-кістеп, *чоохтап тур* (АА, 143) ‘Соловому жеребенку блея-ржа говорит’.

3.2. Типы парных слов по исконному / заимствованному характеру компонентов

В составе парных слов один из компонентов может быть заимствованным, а второй – общеупотребительным в том или ином языке:

1) один из компонентов является монгольским словом:

тув. *арын-нүүр* ‘лицо’, ‘совесть’ > *арын* ‘лицо’ + монг. *нүүр* ‘лицо, лик’ [ЭСТув I, 147]; *ажыл-агый* ‘работа’, ‘хозяйство’ > *ажыл* ‘работа’, ‘труд’ + *агый* самостоятельно не употребляется (> монг. *ахуй* ‘бытие, существование’); *одар-белчиир* ‘пастбище’ > *одар* ‘пастбище’, *белчиир* самостоятельно не употребяется (монг. *белчээр* ‘пастбище’) [Ондар 2004: 85]; *чорук-шоор* ‘аллюр’ > *чорук* ‘поездка; поступок, дело; аллюр’ + *шоор* (монг. *жороо* ‘иноходь; бегающий иноходью’) [Ондар 2004: 149];

хак. *инелерге-чобаларға* ‘страдать-мучиться’ > *инелерге* ‘печалиться, тосковать’ + *чобаларға* ‘страдать, мучиться, горевать, печалиться, переживать’ > (монг. *зовол* ‘страдание, мучение, беспокойство’) [БАМРС 2001: 360]; *харарға-көрерге* ‘всматриваться-разглядывать’ > монг. *харах* ‘пристально смот-

реть, всматриваться + *көрерге* ‘смотреть, глядеть’ [БАМРС 2002: 1263]; *сырай-ома* ‘лицо’ > монг. *царай* ‘лицо, физиономия, облик’ + *ома* ‘черты лица, облик’, *хубаған-өрбекей* ‘бабочки, все виды бабочек’ > *хубаған* ‘бабочка’ + монг. *эрвээхэй* ‘бабочка’ [БАМРС 2002: 1501, 1704];

2) один из компонентов является русским заимствованием:

тув. *машина-балгат* ‘*собир*. различного типа машины и технические устройства’ > *балгат* самостоятельно не употребляется (монг. *балгас* ‘город’) [Ондар 2004: 80]; *настр-хөөн* ‘настроение’ > *настр* от рус. ‘настроение’ + *хөөн* ‘настроение’, ‘намерение’, ‘желание’; *камбээт-чигир* ‘сладости’ > *камбээт* от рус. ‘конфета’ + *чигир* ‘сахар, сладость’; *саазын-карандаш* ‘письменные принадлежности’, ‘бумага, карандаш’ > *саазын* ‘бумага’.

тув. *Машина-балгат четпес*, *шак дуу меңгилерлиг дагларже чайлаглай берээли* (В.С.С.ч.т.) ‘Переселимся на летнее стойбище вон в те горы с вечными снегами, (куда) не доберется машина и всякая техника’.

Такие парные слова наиболее характерны для устной тувинской речи, но нередко их можно встретить и в художественных текстах; для хакасского языка характерно частотное употребление как в фольклорных текстах, так и в художественных произведениях, но больше всего в публицистических. Например:

хак. *Ол*, *минзер ачых-чарых көріп*, *тракторының тінін-рульын тударға чаратча* (НТ,Ткö, 30) ‘Он, посмотрев на меня весело, разрешил подержать руль трактора’ (букв.: душу-руль);

Ноо даа магазинзер кір – ит-колбаса паза пасха чиис толдыра (Х) ‘Хоть в какой магазин зайди, мяса и колбасы и других продуктов полно’;

3) один из компонентов – литературное слово, другой – диалектное:

тув. *Доорадан ындыг чугаа-соот тарап-даа кээрин кичээп туруңар* (С.С.А.т.) ‘Следите за тем, как бы со стороны не распространились такие разговоры’; *чугаа-соот* ‘разговоры’ > *чугаа* ‘речь, язык; разговор; рассказ’ + *соот* от *диал. соодаар* ‘говорить, рассказывать’;

хак. *Тозып-тохарап одырғанда*, *Алып Хан хыс ахсын-чилін сурып одыр* (АА, 43) ‘После того как наелся-насытился [богатырь], богатырка ханская дочь начала расспрашивать’ (*тозарға* ‘насыщаться, есть досыта’ + *тохарарға* кыз. ‘насыщаться’); *Оттарда иртенгі күн сузына*, *поғоның сурлары чіли*, *ооғас салым-арчы чылтыр-чалтыр көйгеннер* (НТ,Ткö, 83) ‘На траве от лучей утреннего солнца блестела сверкала мелкая роса’ (*салым-арчы* > *салым* ‘роса’ + *арчы* саг. ‘роса’).

3.3. Типы парных слов по лексическому значению входящих в их состав компонентов

По семантике компонентов парные слова делятся на следующие группы:

1) парное слово состоит из двух синонимов:

тув. *алгаар-йөрээр* ‘благословлять’, ‘восхвалять, восславлять’ > *алгаар* ‘благословлять’ + *йөрээр* ‘благословлять’; *назы-хар* ‘возраст’ > *назы* ‘возраст’

+ *хар* ‘лета, годы, возраст’; *акша-шалың* ‘зарплата’ > *акша* ‘деньги’ + *шалың* ‘оклад, ставка, зарплата’;

хак. *ас-тамах* ‘*собир.* пища, продукты’ > *ас* ‘хлеб’ + *тамах* ‘пшеница’; *халых-чон* ‘народ’ > *халых* ‘народ’ + *чон* ‘народ’; *им-том* ‘лекарство’ > *им* ‘лекарство’ + *том* ‘*фольк.* лекарство’;

2) парное слово состоит из двух антонимов:

тув. *ырак-чоок* ‘дальний и близкий’ > *ырак* ‘даль; дальность, отдаленность’ + *чоок* ‘близкий’; *чер-дээр* ‘земля и небо’ > *чер* ‘земля, суша; место, местность’ + *дээр* ‘небо’; *эки-багай* ‘всякого рода, всякий, разный, разнородный, неодинаковый (по качеству)’ > *эки* ‘хороший; лучший; добрый’ + *багай* ‘плохой, неудовлетворительный, скверный; бедный, несчастный; слабый, слабосильный’; *дүне-хүндүс* ‘ночью и днем’ > *дүне* ‘ночью’ + *хүндүс* ‘днем’;

хак. *аар-тӧдір* ‘туда-обратно’ > *аар* ‘туда’ + *тӧдір* ‘обратно’; *аар-пеер* ‘туда-сюда’ > *аар* ‘туда’ + *пеер* ‘сюда’; *чиит-кирі* ‘и стар и млад’ > *чиит* ‘молодой’ + *кирі* ‘старый’; *ас-ӱр* ‘долго-коротко’ > *ас* ‘мало’ + *ӱр* ‘долго’; *ойда-тӱңдере* ‘и навзничь и вниз лицом’ > *ойда* ‘навзничь’ + *тӱңдере* ‘вниз лицом’; *пӧзік-чабыс* ‘различного роста’ > *пӧзік* ‘высокий’ + *чабыс* ‘низкий’; *индіре-чоғар* ‘вниз-вверх’ > *индіре* ‘вниз по течению реки’ + *чоғар* ‘вверх по течению реки’; *ӧрініс-чобаг* ‘*собир.* переживания; и радость, и горе’ > *ӧрініс* ‘радость’ + *чобаг* ‘горе’;

3) слова относятся к одной тематической группе:

тув. *чалгын-чакпа* ‘крыло’, ‘вдохновенье, окрыление’, *чалгын* ‘крыло’, ‘отвод саней’, ‘парус лодки’ + *чакпа* ‘плавник’, *ай-бес* ‘*собир.* съедобные коренья’ > *ай* ‘саранка, сарана’ + *бес* ‘кандык (луковичное растение)’, *эрге-хоойлу* ‘законодательство’ > *эрге* ‘право’, ‘распоряжение, ведение’ + *хоойлу* ‘закон’; *аң-араатан* ‘*собир.* звери и хищники’ > *аң* ‘зверь’ + *араатан* ‘хищник’, *идик-хеп* ‘одежда’ > *идик* ‘обувь’ + *хеп* ‘одежда’, *сагыш-чүрек* ‘дума, душа, желание’ > *сагыш* ‘ум, мысль, намерение, умысел, мечта, желание’ + *чүрек* ‘сердце’;

хак. *хазаа-иб* ‘двор, усадьба’ > *хазаа* ‘скотный двор’ + *иб* ‘дом’, *хазаа-хахпах* ‘*собир.* надворные постройки’ > *хазаа* ‘скотный двор’ + *хахпах* ‘навес’, *иб-чурт* ‘*собир.* хозяйство, усадьба’ > *иб* ‘дом’ + *чурт* ‘стойбище’, *алтын-кӱмӱс* ‘*собир*. драгоценности’ > *алтын* ‘золото’ + *кӱмӱс* ‘серебро’, *ідіс-хамыс* ‘домашняя утварь, посуда’ > *ідіс* ‘посуда, ёмкость’ + *хамыс* ‘ковш’, *адай-хус* ‘*собир*. домашние животные и птицы’ > *адай* ‘собака’ + *хус* ‘птица’, *чуртирга-мӧтирге фольк.* ‘жить-поживать’ > *чуртирга* ‘жить’ + *мӧтирге фольк.* ‘жить в достатке’; *инелерге-чобаларга* ‘сильно страдать’ > *инелерге* ‘печалиться, тосковать’ + *чобаларга* ‘страдать, мучиться’, *ат-сола* ‘имя’ > *ат* ‘имя’ + *сола* ‘прозвище’, *кӱс-саг* ‘сила, мощь, величие’ > *кӱс* ‘сила’ + *саг* ‘сила’, *аал-тӱнӱк* ‘село, населенный пункт’ > *аал* ‘деревня’ + *тӱнӱк* ‘дымоход’;

4) одно и то же слово повторяется, фонетически не изменяясь:

тув. *Анна* <u>*бодап-бодап келирге*</u>, *мындыг хевир эң чӧптүг болган* (К-Э. К. Алдын) ‘Анна <u>подумав-подумав</u>, (решила, что) такой цвет подходя-

щий’; *Наксыл Кызылдап чайлаан, а бистерни аңгы-аңгы орук звеноларынче тараткан мындыг чүве* (В.С.С.ч.т) ‘Наксыл провел лето, ездя в Кызыл, а нас же отпустили по разным дорожным звеньям’;

хак. *Пот ол санаан-санаан, анаң тоосханда, че, тидір, чарир, алымың чоғыл, санас салдыбыс* (ВТ, Ат, 34) ‘Вот он считал-считал, потом, когда закончил, ну, говорит, достаточно, у тебя нет долга, рассчитались’; *Апсах, ол чазыларны мыныңалнында көрбеен чіли, чапсырхап, хол салааларын түгдүр көміскезінзер чаба тудып, хатап-хатап көрчеткен* (ИК,Чх, 22) ‘Старик, словно эти степи никогда раньше не видел, поражаясь, прижав пальцы рук к своим косматым бровям, снова и снова смотрел’.

3.4. Типы парных слов по семантике

Семантика парного слова как новой лексической единицы может в разной степени соотноситься со значением формирующих ее компонентов:

1) парное слово обозначает то же самое понятие, которое обозначают входящие в его состав слова, но передает его в более обобщенном виде:

тув. *чечек-чимис* ‘цветы, растительность’ > *чечек* ‘цветок’ + *чимис* ‘плод, фрукт’; *хан-дамыр* ‘*собир.* кровь’ > *хан* ‘кровь’ + *дамыр* ‘жила’, ‘кровеносный сосуд’; *шажын-чүдүлге* ‘религия, вероисповедание’ > *шажын* ‘религия’ + *чүдүлге* ‘вера, верование; вероисповедание’; *ымыраа-сээк* ‘насекомые (летающие)’ > *ымыраа* ‘комар’ + *сээк* ‘муха’; *амы-тын* ‘жизнь; душа’ > *амы* ‘жизнь’ + *тын* ‘жизнь; дух, душа’; *балды-кержек* ‘*собир.* железные, острые инструменты для плотничьих работ’ > *балды* ‘топор’ + *кержек* ‘тесло’; *тайга-таскыл* ‘тайга; горный хребет’ > *тайга* ‘тайга; горы, поросшие лесом; горный лес’ + *таскыл* ‘горный хребет; голец (гора, не покрытая лесом)’; *сай-кум* ‘*собир.* галька’ > *сай* ‘галька, мель’ + *кум* ‘песок’;

хак. *палты-пычах* ‘*собир.* режущие предметы, ножи и топоры’ > *палты* ‘топор’ + *пычах* ‘нож’, *хайа-таг* ‘*собир.* скалы и горы’ > *хайа* ‘скала’ + *таг* ‘гора’; *харындас-туңма* ‘родственник’ > *харындас* ‘родственник’ + *туңма* ‘младший брат или сестра’; *арғыс-ööре* ‘друзья’ > *арғыс* ‘друг’ + *ööре* ‘подруга’; *чайлаг-хыстаг* ‘летник-зимник’ > *чайлаг* ‘летняя стоянка’ + *хыстаг* ‘зимняя стоянка’; *пурун-тумзух* ‘нос-клюв’ > *пурун* ‘нос’ + *тумзух* ‘клюв’; *ит-чаг* ‘мясо’ > *ит* ‘мясо’ + *чаг* ‘сало’; *харах-хулах* ‘глаза-уши’ > *харах* ‘глаз’ + *хулах* ‘ухо’; *сүне-тын* ‘дух, душа’ > *сүне* ‘дух умершего человека’ + *тын* ‘душа’; *төзек-частых* ‘постель, постельные принадлежности’ > *төзек* ‘постель’ + *частых* ‘подушка’;

2) парное слово обозначает то же самое понятие, которое обозначают входящие в его состав слова, но признак приобретает большую интенсивность. В данную группу входят в основном парные глаголы, выражающие не только значение собирательности и обобщенности, но и значение интенсивности протекания действия. В двуязычных словарях тувинского языка значения парных глаголов с интенсивной семантикой часто передаются при помощи наречий ‘сильно’, ‘очень сильно’:

тув. *ажынар-хорадаар* ‘сильно сердиться, злиться’ [ТСТЯ 2003: 79] > *ажынар* ‘сердиться, дуться, злиться’ + *хорадаар* ‘сердиться, злиться’ [ТРС 1968: 43, 484]; *алгыжар-кыржыр* ‘сильно ругаться, ссориться’ > *алгыжар* ‘ссориться, браниться, ругаться’ + *кыржыр* ‘ссориться, ругаться друг с другом’ [ТРС 1968: 53, 279].

Соскар согуур деп бааргa, *уруг шын туразы-биле алгырып-кышкырып*, *баш сугар чер тыппайн баар* (К-Э.К.Кара) ‘Когда Соскар собирался щелкнуть ее, девушка взаправду (громко, сильно) визжа, не находит куда голову сунуть’. Употребленный в предложении парный глагол *алгырар-кышкырар* ‘сильно кричать’ состоит из синонимичных глаголов *алгырар* ‘кричать, орать, реветь’ и *кышкырар* ‘пронзительно кричать; вопить’ [ТСТЯ 2003: 111; ТРС 1968: 53, 280], синонимия которых может быть связана с различием в способе и характере протекания действия.

хак. *таңнирґа-чапсирґа* ‘сильно удивляться, поражаться’ > *таңнирґа* ‘удивляться, изумляться, поражаться’ + *чапсирґа* ‘удивляться, изумляться, поражаться’; *инелерге-чобаларґа* ‘сильно страдать-мучиться’ > *инелерге* ‘печалиться, тосковать + *чобаларґа* ‘страдать, мучиться, горевать, печалиться, переживать; чувствовать, переживать страдания, беспокойство, затруднения, хлопоты, заботы’; *ылґирґа-сыхтирґа* ‘горько плакать, рыдать’ > *ылґирґа* ‘плакать’ + *сыхтирґа* ‘горько плакать, рыдать, причитать; мочить, увлажнять что-либо’.

Алыптар, *кӧр таппин*, *таңнап-чапсып турлар* (АА, 123) ‘Богатыри, [их] не увидев, очень удивляются-поражаются’;

3) парное слово приобретает экспрессивное значение:

тув. *чүдек-бужар* ‘отвратительный, скверный’, ‘пошлый’ > *чүдек* ‘противный, отвратительный, некрасивый, гадкий, пошлый’ + *бужар* ‘скверный, позорный, гнусный’ [Ондар 2004: 152], *мөөрээр-бустаар* ‘реветь’ > *мөөрээр* ‘реветь (о быке)’, ‘громко рыдать’ + *бустаар* ‘реветь’; *ушпа-чөнүк* ‘дряхлый, престарелый’ > *ушпа* ‘дряхлый, престарелый’ + *чөнүк* ‘дряхлый, престарелый’, *уян-чассыг* ‘ласковый, нежный’ > *уян* мягкий (о металле); слабый, нетвердый, неустойчивый (о характере человека); печальный, заунывный; сентиментальный’ + *чассыг* ‘ласковый, нежный’ [Ондар 2004: 122];

хак. *адай-сыям груб.* ‘плут, жулик’ > *адай* ‘собака’ + *сыям* ‘плут, жулик’, *адай-фашист* ‘собака-фашист’ > *адай* ‘собака’ + фашист’;

4) значение парного слова может быть совсем не связанным со значениями его компонентов:

тув. *ыт-куш* ‘*собир.* волки; хищники, опасные для скота’ > *ыт* ‘собака’ + *куш* ‘птица’; *аас-дыл разг.* ‘спор, ругань, перебранка, скандал’ > *аас* ‘рот’ + *дыл* ‘язык’; *чес-хола* ‘и хорошее и плохое’ > *чес* ‘красная медь’ + *хола* ‘желтая медь; латунь’;

хак. *іткі-сасхы* ‘унижение, неволя’ > *іткі* ‘толкотня, толкучка’ + *сасхы* ‘толкотня’, *уйґу-чадын* ‘покой, спокойствие’ > *уйґу* ‘сон’ + *чадын* ‘постель, лежанка’, *аар-чӱк* ‘бремя, обуза’ > *аар* ‘тяжелый’ + *чӱк* ‘ноша, поклажа’, *тіл-аас* ‘новости, вести’ > *тіл* ‘язык’ + *аас* ‘рот’, *аас-тіл* ‘разговор, речь’ > *аас*

‘рот’ + *тіл* ‘язык’, *чӯрек-паар* ‘душа’ > *чӯрек* ‘сердце’ + *паар* ‘печень’, *ада-іҷезіне* ‘ни с того, ни с чего’ > *ада* ‘отец’ + *іҷе* ‘мать’; *айланарға-ибірілерге* ‘заниматься чем-л., хлопотать по дому’ > *айланарға* ‘вращаться’ + *ибірілерге* ‘вертеться’, *кістирге-сарнирға фольк.* ‘говорить человеческим голосом, петь (о конях)’ > *кістирге* ‘ржать (о конях)’ + *сарнирға* ‘петь’.

5) парное слово приобретает переносное значение:

тув. *буугар-сарыгар* ‘сильно скучать, тосковать, томиться’ > *буугар* ‘скучать, тосковать, томиться’ + *сарыгар* ‘подсыхать (о чем-либо насквозь промокшем, например, об одежде)’; *девидээр-кавыдаар* ‘сильно волноваться, тревожиться’ > *девидээр* ‘волноваться, тревожиться; паникёрствовать’ + одно из значений многозначного глагола движения *кавыдаар* ‘приближаться, подступать близко’ – ‘учащенно биться (о сердце)’ [ТРС 1968: 151; ТСТЯ 2003: 407; ТСТЯ 2011: 13]; *арар-соглур* ‘сильно худеть, слабеть’ > *арар* ‘худеть’ + *соглур* ‘высыхать, пересыхать; испаряться, выкипать’ [ТРС 1968: 65, 379]; *изиир-кывар* ‘становиться очень горячим (жарким)’, сильно разогреваться’ > *изиир* ‘становиться горячим (жарким), разогреваться’ + *кывар прям. и перен.* ‘гореть, загораться, разгораться’ [ТРС 1968: 203, 271]; *өлүр-далыр* ‘умирать со смеху’ > *өлүр* ‘умирать, погибать; дохнуть’ + *далар* ‘падать в обморок, терять сознание; цепенеть [ТРС 1968: 335, 145].

Мени нам хораазының даргазын бурган башкыдан барып чөпшээрел эккел деп чүзүл! – дээш, Долмажап <u>өлүп-дала-ла</u> берди (С.С.А.т.) ‘Что это он говорит мне, начальнику комитета партии, пойти и принести разрешение от бога! – сказав, Долмажап начал <u>умирать со смеху</u>’.

Парный глагол *өлүр-далыр* ‘умирать со смеху’, состоящий из *өлүр* ‘умирать, погибать’, ‘дохнуть’ и *далар* ‘падать в обморок, терять сознание’, ‘цепенеть’ обозначает сильный, неудержимый смех [ТРС 1968: 335, 145].

Чүгле кежээ одагга буттарым <u>изип-хып келди</u>, ында кадалган теннериң саргыдарын база чүгле ынчан эскерип каан мен (С.С.А.д.) ‘Только вечером возле костра ноги мои (<u>сильно) согрелись</u>, и только тогда почувствовал боль от впившихся заноз’.

хак. *илерге-чудирға* ‘сильно страдать, мучиться’ > *илерге* ‘мучиться, страдать (испытывать физические и нравственные страдания); бедствовать, измучиться, исхудать’ + *чудирға* ‘худеть, подвергаясь болезням’.

<u>Илеп-чудап</u>, чаа тоозыларын сағып алғабыс… (МК,П, 94) ‘<u>Сильно страдая-мучаясь</u>, мы дождались конца войны…’.

6) парное слово становится многозначным. Как и обычные слова, парные слова могут быть и однозначными, и многозначными. К многозначным относятся в основном парные слова, состоящие из названий частей тела [Убрятова 2011: 193–194; Ондар 2001: 111]:

тув. *өзү-баары собир.* 1) где-то внутри (с оттенком неопределенности); 2) душа > *өс* ‘аорта’ + *баар* ‘печень’ с аффиксом принадлежности: *<u>Өзүм-баарым</u> кыймыңайнып, өөрүшкүлүг ырлапкан мен* ‘<u>Душа</u> моя зашевелилась, я весело запел’ [Ондар 2004: 31];

хак. *ӧкпе-чӳрек* 1) осердье, ливер; 2) душа, сердце > *ӧкпе* ‘легкие’ + *чӳрек* ‘сердце’; *чӳрек-паар* 1) сердце-печень, 2) душа, внутреннее состояние > *чӳрек* ‘сердце’ + *паар* ‘печень’; *сырай-азах* 1) лицо-ноги, 2) внешность, внешний облик > *сырай* ‘лицо’ + *азах* ‘нога’ и др.: *Чоохтап пастапча Андрейге Афанас: «Чалахай ползын пістинъ ӧкпе-чӳрек»* (Ха, 73) ‘Начинает говорить Афанас Андрею: «Пусть веселой будет наша душа»’; *Тайга істин анъ-хустанъ толдырганнар*, *оолахтынъ чӳрее-паары тох ползын тіп* (Хф, 120) ‘Тайгу заполняли зверьми и птицами, чтобы душа парня была сытой’.

Выводы

Компонентами парного слова в большинстве случаев выступают слова, относящиеся к одному кругу понятий, действий и признаков. Во всех случаях парные слова образуют новую словарную единицу и выражают новое лексическое понятие, а также обладают общим свойством – выражать обобщенное значение.

Парные слова, как и простые, могут относиться к той или иной части речи, принимая свойственные им словоизменительные и словообразовательные аффиксы.

Семантическая структура парных слов усложняется не только за счет приобретения семантики собирательности и обобщенности, но и семантики экспрессивности и интенсивности. Лексемы, входящие в состав парных слов, в самостоятельном употреблении могут иметь совершенно иное значение, но в составе парного слова происходит трансформация, что приводит к усложнению семантики парного слова. Сложность семантики парных слов проявляется в том, что они выражают признак, действие или предмет более полно и разносторонне с тончайшими смысловыми оттенками. Парные слова усиливают и уточняют определенные признаки предмета, действия или состояния того или иного предмета, что дает возможность обогатить словарный состав языка. Семантически такие парные слова дают возможность более подробно и отчетливо выразить то или иное значение, усилить смысл либо смысловой оттенок.

Наличие парных слов в языке характеризуется как признак сложности его лексической системы, так как формально сложная лексема является средством выражения комплекса значений, осложненных такими дополнительными смыслами, как интенсивность, экспрессивность, оценочность, образность и др.

Глава III

МОРФОЛОГИЧЕСКАЯ СЛОЖНОСТЬ ЯЗЫКОВ НАРОДОВ СИБИРИ

Настоящая глава посвящена именным и глагольным морфологическим подсистемам в аспекте их языковой сложности. Они рассматриваются на примере двух языковых семей – тюркской и чукотско-корякской, имеющих существенные различия в общих принципах организации соответствующих разделов грамматики и способах выражения грамматических категорий. Тюркские языки характеризуются последовательной правосторонней агглютинацией, тогда как чукотско-корякские языки относятся к языкам с двусторонней агглютинацией, при которой одно и то же значение может быть выражено в словоформе дважды – префиксом и суффиксом.

Двусторонняя агглютинация в чукотско-корякских языках приводит к тому, что единицей морфологического членения оказывается не отдельная морфема, а порядок, включающий как префиксальную, так и постфиксальную позиции. Потенциально в составе словоформы может реализоваться до 8 грамматических значений, однако в речи носителей языка среднее количество выраженных категорий составляет около 2,5. Такая сложность порядковой модели сопровождается дополнительно и сложными морфонологическими процессами, затрагивающими и корень, и аффиксы.

Объективная сложность морфологических систем тюркских языков определяется тем, что во всех грамматических парадигмах представлено большое количество специализированных форм, каждая из которых выражается вариантными аффиксами, обусловленными сингармонизмом. Сингармоническая сложность фонетических систем предопределяет сложность морфологических парадигм, включающих большое количество единиц.

Диахроническая глубина описания процессов для разных языков разная: трансформация падежных систем тюркских языков прослеживается на глубину до полутора тысяч лет, тогда как для чукотско-корякских языков описание ведется в неглубокой диахронии 100 лет на основе существующих письменных источников. Такой подход позволяет проследить даже небольшие колебания в соотношении элементов системы и найти для них достоверные объяснения, опирающиеся на личный полевой опыт исследователя и зафиксированные исторические факты.

1. Именная морфология тюркских и чукотско-корякских языков в аспекте языковой сложности

В данном разделе монографии описываются процессы, вызвавшие усложнение грамматических систем в тюркских языках Южной Сибири: на примере истории развития падежных парадигм от древнетюркского языка к современным тюркским языкам анализируется усложнение падежных систем, связанное не столько с количественным аспектом (большая вариатив-

ность алломорфов падежных аффиксов), сколько с парадигматической сложностью – характером оппозиций, структурирующих систему, семантической специализацией падежных форм; характеризуются исторические процессы, приведшие к формированию именных парадигм в их современном состоянии.

В качестве примера объективно сложной именной морфологии приводится система именных классов в чукотско-корякских языках, которая исходно опиралась на редкие в типологическом отношении референциальные параметры. Но на протяжении XX в. проходило упрощение системы за счет ее сдвига в сторону более распространенных категорий одушевленности / неодушевленности.

1.1. Сложность падежных систем исторических и современных тюркских языков

Сложность падежных систем тюркских языков описывается в аспекте динамики изменения их парадигматической, синтагматической и поверхностной сложности в нескольких хронологических срезах: на материалах древнетюркских, среднетюркских (раннеосманского) и современных языков Сибири.

Тюркские падежные системы характеризуются большим набором различных падежей, в том числе таких, которые передают синонимичные или близкие значения (конкурирующие пространственные или инструментальные падежи), а также наличием значительного количества вариантов падежных аффиксов, обусловленных сингармонизмом. Парадигматическая сложность определяется, с одной стороны, тем, что для выражения одних и тех же широких классов значений (например, местных или направительных) используются разные падежи для дифференциации пространственных отношений, а с другой – обусловлена разнонаправленными процессами, протекающими в тюркских языках на протяжении длительного времени: отдельные падежи утрачиваются, зато происходит синтезация новых сложных падежных форм на основе прежних послеложных сочетаний.

1.1.1. Методика оценки сложности падежных систем тюркских языков

Мы рассматриваем сложность падежных систем тюркских языков, руководствуясь критериями определения системной, структурной и поверхностной сложности [Dahl 2004; Miestamo 2008; Nickols 2009], предложенными типологами, и уточняем и дополняем этот список собственными критериями, которые были выработаны нами в ходе работ по проекту.

Системная (парадигматическая) сложность проявляется в таких параметрах, как, например, предложенные Дж. Николз [Nickols 2009] формально-количественные параметры измерения языковой сложности:

1) количество элементов (фонем, тонов, родов, падежей, способов построить придаточное предложение и т. п.) в каждой подсистеме;

2) количество парадигматических вариантов (степеней свободы) для каждого элемента: аллофоны, алломорфы, словоизменительные классы.

Структурная (синтагматическая) сложность связана с такими параметрами, как:

1) количество комбинаций элементов на разных уровнях;

2) ограничения на употребление элементов и их сочетаний.

Поверхностная сложность – это произносительная длина языковых единиц при их употреблении в речи.

1. Системная (парадигматическая) сложность – количество падежей и алломорфов.

Критерий количества алломорфов у форманта того или иного тюркского падежа не будет нами применяться по следующим соображениям:

1) количество алломорфов той или иной морфемы обусловлено степенью сложности иного уровня языка – его морфонологии;

2) соответственно, их количество, на наш взгляд, не влияет на степень сложности категории морфологии – падежа.

Мы учитываем количество алломорфов того или иного падежа в нашей оценке сложности падежных категорий рассматриваемых языков в том случае, если аллоформное варьирование влияет на состав парадигмы в процессе ее исторического развития.

2. Структурная (синтагматическая) сложность. Критерии синтагматической сложности, учитывая особенности тюркской морфологии, мы уточняем следующим образом:

1) процентное соотношение употреблений падежно-оформленных существительных и падежно-неоформленных;

2) процентное соотношение употребления каждого из падежей;

3) семантические функции каждого из падежей;

4) синтаксические функции каждого из падежей.

У существительных в тюркских языках именительный падеж совпадает по форме с их основой. Круг его функций шире, чем у именительного падежа индоевропейских языков, так как он может оформлять прямое дополнение (также выражаемое аккузативом), существительное в функции определения (также оформляемое аффиксом родительного падежа), может обозначать направление движения или место локации (конкурируя с дательным или направительным и местным падежами соответственно). В ходе исторического развития падежных систем тюркских языков эти функции постепенно перенимаются специализированными падежами.

Оценка падежного соотношения употребления каждого из падежей, их семантических функций и синтаксических функций оформленных ими словоформ дают нам возможность судить о том, идет ли усложнение структуры падежной парадигмы при упрощении семантических функций отдельных падежей, перенимают ли «оформленные» аффиксами падежные формы часть функциональной нагрузки именительного падежа.

3. Поверхностная сложность. Критерий поверхностной сложности (длина сегментов) также не является решающим в применении к агглютинативной морфологии, так как длина служебных сегментов обусловлена возможностями присоединения, предоставляемыми порядковой моделью именной или глагольной (в нашем случае именной) словоформы, соответственно, это иной уровень сложности, не характеризующий сложность именно морфологической категории падежа. Соответственно, мы будем учитывать только длину самих падежных показателей.

1.1.2. Общая характеристика падежных систем тюркских языков

Исследования падежных систем тюркских языков древнетюркского периода [Рамстедт 1957; Tekin 1968; СИГТЯ 1988; Erdal 2004; Кормушин 1997, 2008; ДЛТ 2010] показали, что инвентарь падежных форм древнетюркских языков значительно шире, чем падежный инвентарь современных тюркских языков (табл. 1).

Уже в древнетюркский период идет утрата отдельных периферийных форм, но в то же время синтезируются новые падежные формы из сочетаний «послелог + имя». Эти две тенденции частично уравновешивают друг друга, но падежный инвентарь в целом уменьшается и в современных крупных литературных языках приближается к системе, состоящей из 6-7 падежей, что ведет к снижению парадигматической сложности системы.

По своему семантическому объему функции падежных форм, принадлежащих к ядру системы, становятся все более широкими по мере утраты периферийных падежей, в то время как семантические функции «новых» падежей определены значительно более четко. Первая тенденция ведет к усложнению системы, а вторая – к ее упрощению.

Тем самым в этих языках действуют взаимно направленные тенденции. Сравнение падежных систем в крайних точках развития тюркских языков, «древнейших» и «новейших», должно дать вектор развития тюркских падежных систем в плане изменения их сложности.

1.1.3. Сложность падежных систем древнетюркских языков [8]

Древнетюркский период представлен рядом корпусов письменных источников, написанных в разное время на разных графических системах и носителях и охватывающих во временном плане около 600 лет, а в географическом плане – многие сотни и даже тысячи километров: от гор Алтая до Центральной Азии и Северного Китая.

[8] Сложность падежных систем древнетюркских языков описывалась нами в [Невская 2017]. Мы в значительной степени опираемся на представленные там результаты, хотя сам текст частично переработан.

Таблица 1

Падежные системы тюркских языков [9]
(по: [Nevskaya, 2014])

Падеж	ПТ	Др.-т.	Якут.	Шор.	Хак.	Алт.	Тув.	Тоф.
NOM	*-Ø	-Ø	-Ø	-Ø	-Ø	-Ø	-Ø	-Ø
ACC	*-(I)g	-(X)g -nI	-(n)I	-NI	-NI	-NI	-NI	-NI
GEN	*-(U)ŋ	-(n)Xŋ	–	-NIŋ	-NIŋ	-NIŋ	-NIŋ	-NIŋ
DAT	*-kA	-kA	-GA	-GA	-GA	-GA	-GA	-GA
LOC	*-tA	-dA	(-TA)	-DA	-DA	-DA	-DA	-DA
ABL	*-tIn	-dIn -dAn	-(t)tAn	-DAŋ	-DAŋ	-DAŋ	-DAn	-DAn
EQU/LAT	*-čA	-čA	–	-čA	-čA	-čA	(-CA)	-šA
DIR	*-gArU	-gArU	–	–	–	–	–	–
	–	–	–	-SA(r)	-SAr	PP	-DIvA/ -GXdX -CA (-če/-že)	PP
COM	*-lIg	-lXgU -lUgUn	-LI:n	–	–	–	–	–
INSTR	*-(I)n	-(X/I)n	–	–	–	–	–	–
	–	–	-(I)nAn	-BA	-nAŋ	-lA	PP/ -BIlA	PP/ -BIlA
PART	( )	( )	-TA	(-DAŋ)	(-DAŋ)	(DAŋ)	(-DAn)	(-DA)
COMP	–	–	-TA:gAr	–	–	–	–	–
COORD	–	–	-LArI	–	–	–	–	–
VOC	( )	( )	( )	-y, -(X)m	-(X)ŋ	-(X)m	-(X)m	-y

Первый корпус. Наиболее древний корпус представлен несколькими сотнями руноподобных надписей на стелах, скалах, предметах быта, написанных древнетюркским руническим письмом (табл. 2). Они разбросаны по огромной территории Евразии. Наиболее известные и значительные по объему и содержанию надписи найдены в бассейне р. Орхон (Монголия). Они представляют собой официальные надписи, посвященные правителям (каганам), членам их семей, крупным военным и политическим деятелям тюркских каганатов (примерно VII–IX вв.). Менее крупные рунические надписи

[9] Мы используем традиционное для тюркологии архиморфемное представление аффиксов.

находятся в бассейне Енисея (Тува и Хакассия), в Республике Алтай, в Киргизии (в особенности в Таласе, столице Западно-Тюркского второго каганата), Казахстане и в северо-восточной части китайского Туркестана.

Второй корпус. Так называемый древнеуйгурский корпус письменных памятников охватывает манускрипты, созданные начиная с IX и до XIII в. (памятники религиозного содержания переписывались и далее, вплоть до XV в., так как копирование священного текста считалось обязанностью каждого верующего; в данном случае мы имеем в виду именно время их создания), уйгурским, манихейским, руническим письмом, но также и согдийским (наиболее древние памятники этой группы), сирийским, брахми и тибетским письмом (табл. 3). Этот корпус наиболее обширен по количеству манускриптов, их религиозному и жанровому разнообразию, по охвату времени и географии. Примерно ¾ этого корпуса представляют собой сочинения буддийского содержания, 10 % – манихейского: они относятся к раннему времени уйгурского периода, когда манихейство было официальной религией в тюркских каганатах. За манихейскими, а также доклассическими уйгурскими памятниками следуют тексты классического и позднего уйгурского периода.

Третий корпус. Уже в конце древнетюркского периода, начиная с XI в. и вплоть до монгольского нашествия в середине XIII в., попутно с исламизацией тюркского населения Средней Азии, происходит распространение арабского письма. Наиболее значительные произведения данного периода, называемого караханидским (по имени правящей династии каганов) – поэма «Кутадгу билиг», а также словарь тюркских диалектов Махмуда Кашгарского.

Все эти корпуса лингвистически негомогенны. В них можно найти целый ряд диалектных черт, соответственно, нужно уточнять и результаты нашего исследования: возможно, обнаруженные различия носят не исторический, а именно диалектный характер.

Необходимо учитывать и еще одну особенность исследования, проводимого на материале исторических языков. Мы можем описывать только те формы, которые встретились в ограниченном по объему корпусе, но не можем утверждать, что та или иная форма отсутствует. Возможно, она менее частотна и поэтому не отражена в данном корпусе, или она не употребляется в идиолектах его создателей.

Разумеется, невозможно проанализировать статистически весь имеющийся древнетюркский материал. Соответственно, мы выбираем для исследования следующие тексты, принадлежащие двум корпусам (второй из них представлен двумя подкорпусами) этого времени, перечисленным ниже диахронно:

1) отрывок из рунической надписи в честь Тоньюкука (примерно 2500 передаваемых звуков) [10] – первый корпус;

---

[10] Поскольку принципы орфографии памятников, написанных разными видами письма, очень различаются и для написания одного и того же слова разными алфавитами иногда необходимо использовать от 1 до 4 знаков, мы оценивали количество передаваемых звуков (т. е. знаков в транскрипции того или иного текста).

2) отрывок из покаянной молитвы манихейцев (примерно 2500 звуков) – доклассический период второго корпуса;

3) отрывок из описания жизни Будды (примерно 2500 звуков) – классический период второго корпуса.

Кроме того, мы оцениваем статистически манихейский и уйгурский материал в том объеме, в котором он присутствует в корпусе VATEC [11]. Именно наличие этого электронного ресурса и предопределило в значительной степени выбор корпусов и текстов. Самый древний корпус рунических надписей, хотя и не представленный в базе данных VATEC, нам нужен в качестве исторически самого раннего референционного пункта в описании тюркских падежных систем.

Последний, третий, из древнетюркских корпусов, нами на данном этапе не рассматривается, так как он носит ярко выраженный региональный характер и географически далек от остальных корпусов (с их подкорпусами).

При статистических подсчетах мы учитываем как собственно существительные, так и субстантивированные прилагательные, которые в грамматическом плане ведут себя как существительные, тем более что провести границу между существительным и прилагательным не всегда просто. Мы не учитываем те разряды местоимений и числительных, которые ведут себя во многом как существительные в грамматическом плане, но могут значительно сместить статистику употребления падежных форм за счет того, что, например, количественные числительные в сложных числительных высоких порядков употребляются в форме своей основы, омонимичной форме номинатива, а некоторые падежные формы местоимений лексикализовались в качестве наречий и также очень частотны.

1. Статистическая оценка первого корпуса. В исследованном тексте (см. Прил. 1) представлено семь падежных форм: номинатив, аккузатив, датив, локатив, аблатив, директив на *-gArU* и на *-rA*. Номинатив не имеет специального показателя, все остальные показатели состоят из двух (датив, локатив, директив-локатив на *-rA*), трех (аблатив) или четырех звуков (директив на *-gArU*). Только аккузатив имеет показатель, состоящий из одного звука *-g*, если основа оканчивается на гласный. В основном все падежи имеют от двух до четырех морфонологических вариантов. Используется более древний показатель аблатива с узким гласным *-dIn*. То, что остальные древнетюркские падежи в данном тексте не встретились, возможно, случайность, но все же этот факт свидетельствует о том, что некоторые формы, по крайней мере, являются редкими.

Наиболее частотный и функциональный падеж – это номинатив, который выступает практически во всех функциях. Второй по частотности – аккузатив, за ним следует локатив. Локатив совмещает функции обстоятельства места и источника движения, а также объекта, от которого отделяется его часть. У дательного падежа преобладают объектные функции. Аккузатив представ-

[11] http://www.vatec2.fkidg1.uni-frankfurt.de

лен двумя основными показателями: *-(X)g* (употребляется после основ, не оформленных посессивными показателями) и *-nI* (употребляется после основ, оформленных посессивными показателями 1-го и 2-го лица).

Таблица 2

Статистическая оценка рунического текста

Падежные формы		Кол-во	%	Синт. функции	Семант. функции	Имя + посл.
Nom	-Ø	78	67	подл. им. сказ. пр. доп. опред. обст. ГДЕ	место	+ birle + teg + üzä
Gen	-(n)Xŋ	0	0			
Acc	-(X)g -nI -(s)In	15	13	пр. доп.	специф. объект	
Dat	-kA	4	3	обст. ГДЕ косв. доп.	место адресат речи напр. взгляда	
Loc	-dA	9	8	обст. ГДЕ ОТКУДА	место источник отделения	
Abl	-dIn	1	1	обст. ОТКУДА	источник движения	
Equ/Lat	-čA	0	0			
Dir	-gArU	2	2	обст. КУДА	цель движения	
Com	-lXgU -lUgUn	0	0			
Instr	-(X/I)n	0	0			
Dir	-rA	7	6	обст. ГДЕ	место	
Всего		116	100			

Показатель *-(s)In* является фузионным, совмещающим значение посессивного показателя 3-го л. и винительного падежа. Его становление закончилось уже к данному периоду. В формах слов, оканчивающихся на согласный, он совпадает с показателем инструментального падежа, примеры употребления которого в этом тексте не встретились. Возможно, это совпадение в дальнейшем приводит к исчезновению древнего аффикса инструментального падежа и его замене на новое образование, восходящее к сочетанию имени и послелога *birle* со значением ‘вместе, с’. Наблюдается явное преобладание

использования послелогов с номинативным падежом зависимого имени. Именно эти сочетания и развиваются на более поздних этапах в современные падежные формы недавнего формирования.

2. Статистическая оценка второго корпуса: доклассический период. В исследованном тексте (см. Прил. 2) представлено девять падежных форм: номинатив, генитив, аккузатив, датив, локатив, директив на *-gArU*, экватив, комитатив и инструменталис. Номинатив не имеет специального показателя, все остальные показатели состоят из двух (датив, локатив, инструменталис, экватив), трех (генитив), четырех (директив на *-gArU*) или пяти (комитатив) звуков. Только аккузатив имеет показатель, состоящий из одного звука, если основа оканчивается на гласный. В основном все падежи имеют от двух до четырех морфонологических вариантов. Как и в первом корпусе, аккузатив представлен тремя показателями с теми же синтагматическими особенностями их сочетания с основами разных типов. Показатель аблатива не встретился.

Данные показывают, что значительно снизилась функциональная нагрузка номинатива при возрастании нагрузки косвенных падежей – аккузатива, датива, локатива и инструменталиса. Эти различия могут объясняться спецификой религиозного текста с его аллитерациями и параллелизмом форм и, возможно, влиянием текста-оригинала на другом языке. Тем не менее полностью сохраняется морфологическая и синтаксическая структура древнетюркского текста, функции падежей, их синтаксические и семантические роли. Увеличение числа активных падежей, количество оформленных специальными показателями падежных форм, их функциональная и семантическая нагрузка свидетельствует о возрастании сложности падежной парадигмы этого периода по сравнению с самыми древними из дошедших до нас текстов.

Для данного подкорпуса мы исследовали статистически также манихейские тексты, содержащиеся в корпусе VATEC. Этот подкорпус составляет 3403 слов (в наиболее сохранившихся текстах). В данном корпусе присутствуют следующие падежные формы с ненулевыми показателями: генитив, аккузатив, датив, локатив, аблатив, директив, инструменталис, экватив и комитатив.

В нем имеется 2170 употреблений имен существительных. Мы старались учитывать хорошо сохранившиеся фрагменты. Из них 30 оформлено родительным падежом (1,4 %), 110 –винительным (5,0 %), 202 – дательным (9,3 %), 137 – местным (6,3 %), 20 – исходным (0,9 %), 24 – направительным (1,1 %), 98 – орудным (4,5 %), 30 – эквативным (1,4 %) и 5 комитативным (0,2), т. е. всего 626 формы (28,8 %). Тем самым на долю номинатива остается 1544 имени существительных (71,2 %). Можно отметить, что подавляющее большинство случаев употребления экватива – это уже застывшие в качестве наречий формы указательных местоимений.

Корпусное исследование расходится с результатами анализа отдельного фрагмента. Это объясняется в первую очередь тем, что отдельный фрагмент,

выбранный для анализа, сохранился полностью. А вот корпус содержит много сильно поврежденных манускриптов, поэтому, хотя мы и старались выбрать среди них наиболее сохранившиеся, все равно в них много лакун, в таких случаях часто можно только угадать слово по его части, но не аффиксы. Поэтому корпусное исследование для нашей цели оказалось менее пригодным, чем анализ сохранившего все служебные морфемы фрагмента.

Однако данный результат показывает и другое: не долю оформленных ненулевыми показателями падежных форм, а динамику их функциональной нагрузки в сравнении друг с другом и наличие редких падежных форм.

Таблица 3

Статистическая оценка манихейского текста

Падежные формы		Кол-во	%	Синт. функции	Семант. функции	Имя + посл.
Nom	-Ø	64	54	подл. им. сказ. пр. доп. опред. обст. (с посл.)	для, ради	+ üčün
Gen	-(n)Xŋ	1	1	опред.	посессор	
Acc	-(X)g -nI -(s)In	12	10	пр. доп.	специф. объект	
Dat	-kA	19	16	косв. доп.	адресат действия, речи	+tägi
Loc	-dA	6	5	объект обст. времени	источник отделения отдел. объект граница врем. интервала «с»	+berü (3)
Abl	-dIn -dAn	0	0			
Equ/Lat	-čA	7	6	обст. степени	до какой степени	
Dir	-gArU	1	1	обст. КУДА	цель движения	
Com	-lUgUn	1	1	подл.	коагенс	
Instr	-(X/I)n	7	6	доп. обст.	объект-инстр., обст. времени, образа действия	
Dir	-rA	0	0			
Всего		118	100			

Так, в корпусе директив-локатив на *-rA* также отсутствует, как и в выбранном фрагменте. Корпус подтверждает редкое использование исходного падежа: в исследованном тексте он вообще не встретился, а в корпусе есть всего 20 случаев его употребления. Вслед за номинативом наиболее активны тут формы локатива, датива и аккузатива.

3. Статистическая оценка второго корпуса: классический период. В данном тексте (см. Прил. 3) представлено семь падежных форм: номинатив, генитив, аккузатив, датив, локатив, аблатив и инструменталис (табл. 4).

Таблица 4

Статистическая оценка буддийского текста

Падежные формы		Кол-во	%	Синт. функции	Семант. функции	Имя + посл.
Nom	-Ø	54	56	подл. им. сказ. пр. доп. опред.		
Gen	-(n)Xŋ	3	3	опред.	посессор	
Acc	-(X)g -nI -(s)In	15	15	пр. доп.	специф. объект	
Dat	-kA	8	8	косв. доп.	адресат действия, речи	
Loc	-dA	10	10	обст. места	место	+üzä
Abl	dIn -dAn	1	1	обст. места	источник движения	
Equ/Lat	čA	0	0			
Dir	-gArU	0	0			
Com	-lUgUn	0	0			
Instr	-(X/I)n	7	7	доп. обст.	объект-инстр. обст. времени образа действия	
Dir	-rA	0	0			
Всего		97	100			

Тем самым состав падежной парадигмы максимально приближается к составу ядра падежных форм в современных языках. Уже не употребляются (или употребляются очень редко) директив на *-gArU*, экватив и комитатив, которые и в современных языках также вышли за пределы падежных систем и остались в виде застывших формирований. Однако инструменталис еще весьма употребителен. Номинатив не имеет специального показателя, все остальные состоят из двух (аккузатив, датив, локатив, инструменталис) или

трех (генитив) звуков, как и в современных тюркских языках. Показатель аккузатива, в отличие от предшествующих периодов, содержит широкий, а не узкий гласный; если же основа оканчивается на гласный, он состоит из одного звука. Получает дальнейшее распространение синтезированный показатель аккузатива и посессива 3-го л. ед. ч. В основном все падежи имеют от двух до четырех морфонологических вариантов.

Анализ этого материала показывает, что система падежных форм в классический период становится намного «стройнее»: многие падежные формы выходят из употребления, оставшиеся становятся семантически более прозрачными и обретают функциональную сферу, которую они имеют в современных тюркских языках. Система развивается по пути упрощения и специализации падежных форм, что характерно для развитых литературных языков. Разумеется, это признаки отточенного языка религиозных текстов на высокой ступени развития классической древнеуйгурской письменности. Исчезли самые длинные показатели, состоящие из четырех или пяти звуков. Таким образом, наблюдается упрощение системы как в парадигматическом, так и в синтагматическом и поверхностном планах.

Тексты другого содержания, отражающие разговорный язык этого периода, скорее всего, покажут более пеструю картину, но это тема для отдельного исследования.

В дополнение к анализу отдельного буддийского фрагмента мы исследовали также буддийские тексты, содержащиеся в корпусе VATEC, стараясь выбирать наиболее сохранившиеся. Наш подкорпус составил 4600 словоформ.

В данном подкорпусе присутствует девять падежных форм с ненулевыми показателями: генитив, аккузатив, датив, локатив, аблатив, директив, инструменталис, экватив, комитатив.

В нем имеется 1211 употреблений имен существительных с падежными окончаниями на 4700 существительных в данном подкорпусе. Из них 142 оформлено родительным падежом (3,0 % от общего числа существительных), 172 – винительным (3,7 %), 280 – дательным (6,0 %), 343 – местным (7,3 %), 74 – исходным (1,6 %), 7 – направительным на *-gArU* (0,1 %), и только 1 директивом-локативом на *-rA*, 190 – орудным (4,0 %), 43 – эквативным (0,9 %) и 0 комитативным, т. е. всего 1212 форм (25,8 %). Тем самым на долю номинатива остается 3500 имен существительных (74,2 %).

Корпусное исследование дополнило результаты анализа выбранного фрагмента: наличие на данном этапе исторического развития экватива, преобладание директива на *-gArU* по сравнению с формой на *-rA* при их общей очень маленькой функциональной нагрузке, не такую уж незначительную роль генитива (3,0 %) и инструменталиса (4,0 %), которые не встретились во фрагменте.

Корпус подтверждает редкое использование исходного падежа: в исследованном тексте он вообще не встретился, а в корпусе есть всего 20 случаев его употребления. Вслед за номинативом наиболее активны здесь формы локатива, датива и аккузатива.

4. Сравнительный анализ синтагматики и семантики падежных показателей в трех текстах. Наши данные подтверждают гипотезу о том, что инвентарь падежных форм древнетюркских языков развивается в сторону уменьшения членов системы, т. е. в сторону ее парадигматического упрощения. Параметр морфонологической вариативности членов парадигм большой роли не играет, за исключением вариативности форм аккузатива после аффиксов притяжания. К классическому периоду исчезают и наиболее «длинные» падежные формы, состоящие из 4–5 звуков, тем самым уменьшается и поверхностная сложность системы.

Наиболее важным фактором в динамике сложности падежных систем является синтагматика (табл. 5).

Корпус первого периода и первый подкорпус второго периода демонстрируют еще значительное количество падежных форм, их инвентарь шире, чем в современных тюркских языках. Наблюдается сокращение этого инвентаря в пользу более четкой семантической специализации отдельных форм в ходе становления литературного древнеуйгурского языка.

Аккузатив представлен двумя основными показателями: *-(X)g* (употребляется после основ, не оформленных посессивными показателями), и *-nI* (употребляется после основ, оформленных посессивными показателями 1-го и 2-го л.). Показатель *-(s)In* является фузионным, совмещающим значение посессивного показателя 3-го л. и винительного падежа. В формах слов, оканчивающихся на согласный, он совпадает с показателем инструментального падежа, который во всем древнетюркском периоде еще активно используется. Возможно, это совпадение и ведет в дальнейшем к исчезновению древнего аффикса инструментального падежа и его замене на новое образование, восходящее к сочетанию имени и послелога с семантикой ‘вместе, с’.

Если в самых древних текстах функциональная нагрузка на отдельные падежные формы распределена неравномерно и преобладающая доля приходится на номинатив, то в более поздние периоды набирают силу косвенные падежи.

Основная семантическая и синтаксическая нагрузка на отдельные формы в течение древнетюркского периода распределяется между конкретными формами, которые становятся все более специализированными семантически и постепенно перенимают часть функциональной нагрузки менее специализированных форм, в частности формы номинатива, что является показателем снижения сложности системы.

Параллельно с утратой отдельных периферийных форм наблюдаются отдельные признаки синтезации новых падежных форм из сочетаний «послелог + имя»; однако этот процесс еще не завершен, он идет на протяжении всего среднетюркского и современного периодов развития тюркских языков. Наши исследования последующих этапов развития тюркских языков нацелены на выяснение вопроса о том, как формируются современные падежи и их функции, какие факторы приводят к усложнению тюркских падежных систем.

Таблица 5

Сравнение статистических данных оценки древнетюркских текстов

Падеж	Руника		Манихеика		Уйгурика	
	%	Синт. и семант.	%	Синт. и семант.	%	Синт. и семант.
Nom -Ø	67	подл. им. сказ. пр. доп. опред. обст. (с посл.)	54	подл. им. сказ. пр. доп. опред. обст. (с посл. для, ради + üčün)	56	подл. им. сказ. пр. доп. опред.
Gen -(n)Xŋ	0	0	1	опред.: посессор	3	опред.: посессор
Acc -(X)g -nI -(s)In	13	пр. доп.	10	пр. доп.: специф. объект	15	пр. доп.: специф. объект
Dat -kA	3	обст. ГДЕ косв. доп.	16	косв. доп.: адресат действия, речи (+tägi)	8	косв. доп.: адресат действия, речи
Loc -dA	8	обст. ГДЕ ОТКУДА	5	объект: источник отделения, отдел. объект; обст. времени: граница врем. интер-вала «с» (+berü)	10	обст. места
-Abl -dIn -dAn	1	обст. ОТКУДА	0		1	обст.: источник движения
Equ/Lat -čA	0	0	6	обст. степени	0	
Dir -gArU	2	обст. КУДА	1	обст. КУДА: цель движения	0	
Com -lUgUn	0	0	1	подл.: коагенс	0	
Instr -(X/I)n	0	0	6	доп. (объект-инструм.), обст. времени, образа действия	7	объект-инстр., обст. времени, образа действия
Dir -rA	6	обст. ГДЕ	0		0	
Всего	100		100		100	

На этапе высокоразвитой древнеуйгурской письменности мы констатируем упрощение падежной парадигмы и семантическую специализацию отдельных элементов падежных систем. Учитывая то, что данный вариант письменности играет роль койнэ на огромной территории Центральной Азии, это развитие не случайно, а непосредственно связано с его коммуникативной ролью и статусом наддиалектной нормы.

1.1.4. Сложность падежных систем среднетюркских языков

Среднетюркские языки являются непосредственными предшественниками современных крупных литературных языков. Они уже приобретают языковые особенности, которые свойственны и их современным языкам-потомкам. Соответственно, широко и их языковое разнообразие, которое мы уже не можем рассматривать в рамках диалектов или идиом одного языка, как это еще было возможно в древнетюркский период. В данном издании мы ограничимся исследованием древнеосманского текста «Сказки дедушки Коркуда» (1500 знаков; см. Прил. 4, табл. 6).

Таблица 6

Статистическая оценка староосманского текста (по: [Tezcan, Boeschoten 2000: 35–36])

Падежные формы		Кол-во	%	Синт. функции	Семант. функции	Имя + посл.
Nom	-Ø	57	55	подл. им. сказ. пр. доп. опред. обст.		altïna
Gen	-(n)Uŋ	3	3	опред.	посессор	
Acc	-(y)I	13	12	пр. доп.	специф. объект	
Dat	-(y)A	17	16	косв. доп. обст. места	локация, адлокация, причина	
Loc	-DA	4	4	обст. места, времени	место	
Abl	-DAn	11	10	обст. места, партит.	источник движения	
Всего		105	100			

В данном тексте представлено шесть падежных форм: номинатив, генитив, аккузатив, датив, локатив и аблатив. Тем самым состав падежной парадигмы совпадает с составом падежных форм в современном литературном турецком языке. Номинатив не имеет специального показателя, все остальные падежные показатели состоят из двух (аккузатив, датив, локатив) или трех (генитив, аблатив) звуков. Показатель аккузатива уже утратил конечное

-γ, т. е. его форма совпала с формой аккузатива турецкого языка. В отдельных текстах, отражающих диалектное разнообразие османского языка той эпохи, мы находим и большее разнообразие показателей аккузатива. В основном все падежи имеют четыре морфонологических варианта, за исключением аккузатива, который имеет 8 алломорфов. В данном тексте нам встретился датив как в функции цели движения, так и в функции статической локации, что является, видимо, развитием многозначности дательного падежа в древнетюркском периоде. Использование форм номинатива в функции обстоятельства времени, видимо, можно уже отнести к лексикализации данных форм в качестве наречий.

Рассмотрев староосманскую падежную систему на материале данного текста и на материале других текстов и грамматик, мы установили, что османский падежный инвентарь уже практически вплотную приблизился к инвентарю современного турецкого языка, хотя отдельные списки могут носить диалектный характер и содержать большую вариативность форм аффиксов, чем современный им литературный язык. Аналогичные процессы характерны и для других среднетюркских языков.

Анализ показал, что инвентарь падежных форм среднетюркских языков значительно меньше, чем падежный инвентарь древних тюркских языков, т. е. продолжаются те процессы, которые мы наблюдали уже в позднем древнетюркском времени:

1) идет дальнейшая утрата периферийных падежных форм;

2) основная семантическая и синтаксическая нагрузка на отдельные формы уже в течение древнетюркского периода распределяется между конкретными формами, которые становятся все более специализированными семантически и постепенно перенимают часть функциональной нагрузки менее специализированных форм, что является показателем снижения сложности системы;

3) параллельно с утратой отдельных периферийных форм наблюдаются отдельные признаки синтезации новых падежных форм из сочетаний «послелог + имя»; в то же время этот процесс еще не завершен, он идет на протяжении всего среднетюркского и современного периодов развития тюркских языков;

4) подобно тому как на этапе высокоразвитой древнеуйгурской письменности констатируется упрощение падежной парадигмы и семантическая специализация отдельных элементов падежных систем, мы наблюдаем это и в среднетюркских текстах, язык которых также играет роль койнэ на огромной территории Центральной Азии. Это развитие непосредственно связано с коммуникативной ролью данных языков и их статусом наддиалектной нормы;

5) падежные системы среднетюркского периода становятся все более близкими системам падежных форм современных языков. Формируется система из 6 падежей, уходит инструментальный падеж, который активен на протяжении всего древнетюркского периода, в том числе и в его поздних фа-

зах. Причины этого, возможно, кроются в морфонологии: все более распространяется фузионированная форма аккузатива слов, оформленных притяжательным аффиксом 3-го л. на *-(s)In*, где трудно провести морфемную границу между показателем аккузатива и посессивным аффиксом. Эта форма в своих морфонологических вариантах после основы на согласный совпадает с формой древнего инструментального падежа. Возможно, это ведет к желанию избавиться от омонимии путем более активного использования инструментального послелога, который проявляет все большую тенденцию к синтезации.

К сожалению, для тюркских языков Сибири у нас нет письменных памятников сопоставимой исторической глубины, как не было и собственной государственности у народов – их носителей, что, несомненно, взаимосвязано. Мы можем предположить, что предшественники современных тюркских языков Южной Сибири образовывали несколько диалектных континуумов, которые пересекались между собой. Эта ситуация вела к бытованию большого количества падежных форм, которые стали выкристаллизовываться в обособленные системы в современных младописьменных тюркских языках, начиная только с конца девятнадцатого века, а особенно активно со времен формирования национальных административных единиц в составе СССР и в последние десятилетия в составе России.

1.1.5. Сложность падежных систем современных сибирских тюркских языков

Поскольку для языков данного ареала мы не можем использовать письменные тексты достаточной глубины, будем сравнивать их системы с тем состоянием, которое было зафиксировано в текстах древнетюркского периода, с исходной прототюркской падежной системой и между собой. Для подсчетов частотности употребления того или иного падежа в современных тюркских языках Южной Сибири мы будем пользоваться рядом корпусов этих языков:

1) для шорского языка это корпус в Интернете, который содержит литературные тексты, стихи и песни, а также русско-шорский и шорско-русский словарь[12];

2) для хакасского – корпус, который содержит как тексты на литературном хакасском языке, так и диалектные тексты разных жанров, газетные статьи и словарь хакасских основ[13];

3) для чалканского – корпус, созданный в процессе выполнения проекта международной кооперации по документации чалканского языка в Институте филологии СО РАН и Франкфуртском университете;

4) для алтайского – материалы создаваемого корпуса алтайского языка, работы по которому начались в 2016 г. в Горно-Алтайском государственном

[12] http://shorica.nbikemsu.ru/
[13] http://khakas.altaica.ru/

университете; мы используем также материал, собранный нами во время экспедиций в Республику Алтай в 2013 г.

По сравнению с предыдущими стадиями развития тюркских падежных систем падежные системы сибирских тюркских языков претерпели значительные изменения. Хотя эти языки сохранили исконные падежи, их падежные системы различаются между собой, отличаются они от систем тюркских языков других ветвей как в плане инвентаря их падежей, так и в плане их синтагматической и семантической нагрузки. Во многих из них сохранились древние падежные формы, уже утраченные языками других ветвей тюркской семьи языков, или развились новые падежные формы, которые восстановили прежнюю функциональность системы после того, как вышли из употребления древние формы.

Системы падежей в сибирских тюркских языках дают немало примеров общих инноваций, индивидуального развития отдельных форм или их семантики в конкретных тюркских языках в результате контактов тюркских языков между собой и с языками других семей на территории Сибири. Не всегда, однако, можно отличить инновации от сохранения в той или иной форме древних черт тюркской падежной системы.

В данном исследовании мы рассматриваем развитие тюркских падежных форм на територии преимущественно Южной Сибири. Южносибирские тюркские языки представляют собой негомогенную группу тюркских идиомов, которые образовывали диалектные континуумы. Эти языки сложились при формировании тюркоязычных административных территорий, когда они получили письменные языковые нормы. Тем не менее диалектные особенности падежных систем играют значительную роль в композиции инвентаря и функциональности сибирских тюркских падежных систем. Многие из южносибирских тюркских идиомов до сих пор недостаточно описаны, практически все они, за редкими исключениями, в той или иной степени находятся под угрозой исчезновения.

Оценивать падежный инвентарь даже стандартизованных языков достаточно сложно: целый ряд форм находится в процессе становления в результате синтезации сочетаний имен с послелогами. Для таких образований, признаваемых падежами в одних тюркских языках и не признаваемых таковыми в других, нет единых критериев: например, синтезация инструментального послелога, восходящего к наречию-послелогу *birle(n)* ‘вместе, с’, который отмечен уже в древнетюркском языке, идет активно в большинстве тюркских языков. Но в турецком такие образования падежами не считаются, а в большинстве тюркских языков бывшего СССР они признаются инструментальным (творительным) падежом, хотя и в первом, и во втором случае они не полностью соответствуют представлениям об «истинных» тюркских падежах: так называемое прономинальное *-n-* после аффикса притяжания 3-го л. с ними не используется, как это происходит обычно с падежными формами; кроме того, они не перетягивают на себя ударение, как истинные падежи. Надо либо согласиться с тем, что эти факторы не обязательны для признания некой

формы падежной (возможно также, что они перестали действовать на современном этапе развития тюркских языков), либо искать объяснения разногласий в экстралингвистических факторах. Позволим себе предположить, что признание именно данных образований падежными обусловлено влиянием русского языка, где аналогичный падеж есть, а русская лингвистическая традиция во многом повлияла на квалификацию тех или иных форм тюркских языков и даже на то, «замечена» ли эта форма вообще или нет. В то же время ряд форм, которые начали свое формирование уже в древних тюркских языках и сформировались в современных, не включаются в падежную систему отдельных тюркских языков. Кроме того, имеются существенные различия в инвентаре, морфонологии, семантике и синтагматике литературной формы языка, с одной стороны, и разговорной и диалектной – с другой. Соответственно, данное описание дает только очень приблизительную картину сложности описываемых падежных систем.

Статистическое исследование для всех этих языков невозможно – частично из-за отсутствия корпусов, частично из-за объема данного исследования. Мы ориентируемся в основном на литературные языки, но учитываем также и отдельные бесписьменные идиомы, которые признаются отдельными языками. Все эти идиомы, как литературные, так и бесписьменные, имеют падежные системы, ядро которых составляют формы, присутствующие как в древнетюркском, так и в большинстве современных тюркских языков:

1) номинатив с нулевым показателем;

2) аккузатив с показателем *-(n)I* / *-NI* (этот показатель в древнетюркском языке использовался только после посессивных показателей [Erdal 2004], однако он стал единственным показателем аккузатива в сибирских тюркских языках);

3) генитив с показателем *-NIŋ* / *-NXŋ*;

4) датив с показателем *-GA*;

5) локатив *-DA*;

6) аблатив *-Daŋ* / *-DAn* (сонант *ŋ* заменил исконный *n*, видимо, благодаря унификации парадигмы под влиянием аналогии с генитивом);

7) экватив-латив *-čA*, который сохранился в Сибири, хотя утрачен как активный падеж в большинстве других тюркских языков;

8) исконный директив *-gArU* был утрачен, но во многих сибирских тюркских языках он был заменен на новообразования в результате синтезации послелогов;

9) комитатив, который сохранился только в якутском, но утрачен во всех остальных тюркских языках;

10) исконный инструментальный падеж *-Xn* утрачен, но заменен на новообразование в результате синтезации инструментального послелога;

11) вокативные формы уже в древнетюркском были очень редки [Erdal 2004], падеж вышел из употребления в современных языках, но в его функции выступают некоторые другие формы.

Особое положение занимает падежная система якутского языка, отличающаяся от всех остальных падежных систем тюркских языков. В якутском сохранился комитатив, но потеряны генитив и экватив, развивается собственный директив и компаратив, древний локатив стал партитивом и т. д.

Большинство тюркологов соглашаются с тем, что в якутском языке утратился генитив в результате интенсивных контактов с соседними языками, не имеющими генитива [Ястремский 1898; Щербак 1977: 34; Schönig 1988, 1990 и др.]. А. М. Щербак, вслед за В. В. Радловым [Radloff 1908], пишет даже о тунгусском субстрате [Щербак 1977]. Однако в эвенкийском языке, с которым якутский имеет наиболее интенсивные контакты, может маркироваться первый компонент посессивных конструкций – посессор, в дополнение к маркировке ее второго члена – обладаемого объекта. Это, возможно, недавнее явление [Pakendorf 2007: 119]. Б. Пакендорф предлагает иное объяснение утраты генитива в якутском – копирование (заимствование) частотности использования некоторого элемента, выделенное как отдельный тип заимствования Л. Йохансоном [Johanson 1999: 52]. Посессивная конструкция без генитивного маркирования первого члена существовала на всех этапах функционирования тюркских языков. Наше исследование частотности генитива в древнетюркских языках показывает, что на всех этапах древнетюркского периода он используется очень редко, а в среднеосманском тексте зарегистрировано только 3 % случаев его использования от общего количества всех падежных форм имени. Именно эта конструкция генерализовалась в якутском языке [Pakendorf 2007: 119], что привело к потере генитива. Он сохраняется только в трехчленных посессивных конструкций для оформления среднего члена.

Якутский язык отличается от всех других тюркских языков Сибири также и тем, что имеет два различных падежа для инструментальных и комитативных функций, хотя все остальные тюркские языки Сибири объединяют эти функции в едином так называемом инструментальном падеже. В то время как якутский инструментальный падеж имеет то же происхождение, что и в остальных тюркских языках Сибири, якутский комитатив нередко считается инновацией или заимствованием из эвенкийского [Убрятова 1982: 123]. Однако комитативы с показателями *-lXgU* и *-lUgUn* существовали и в древнетюркском языке; вполне вероятно, что эта форма и сохранилась в якутстком [Erdal 2004: 180]. Очень важно, что в соседних с якутским языках также различаются инструменталис и комитатив, как и в среднемонгольском языке, т. е. влияние эвенкийского и монгольских языков было, скорее всего, структурного характера, без материального заимствования [Pakendorf 2007: 199].

Якутский аффикс компаратива, по-видимому, имеет тюркское происхождение [Щербак 1977: 57–58; Pakendorf 2007: 202–206]. В якутской падежной системе это очевидная инновация. Сравнительные, точнее симилятивные, аффиксы существуют и в других тюркских языках, например, шор. *čažïn-dïγ* ‘как молния’ (букв.: молния-SIM). Это синтезированный послелог *täg*, который существовал уже в древнетюркском языке и уже там показывал тенден-

ции к синтезации. М. Эрдал отмечал и более древнюю падежную форму симилятива -*lAyU* в древнетюркском [Erdal 2004], которая была обновлена в якутском и, возможно, в других тюркских языках Сибири (ср. шорский, алтайский симилятив).

Таким образом, наиболее сложная из падежных систем сибирских тюркских языков в парадигматическом плане, якутская, имеет глубокие корни в истории тюркских падежных систем.

1.1.5.1. Номинатив

Номинатив – самый частотный падеж не только в древнетюркском, но и в современных южносибирских тюркских языках. В рунических древнетюркских текстах доля номинатива составляла 67 % использования всех падежных форм, в манихейских и древнеуйгурских текстах его доля сократилась до 54 и 56 % соответственно. Такой же процент наблюдается и в проанализированном нами среднетюркском тексте.

В современных южносибирских языках эта тенденция продолжает развиваться. В текстах на алтайском, чалканском, шорском и хакасском языках доля номинатива колеблется от 46 до 50 %. В шорском номинатив составляет 46 % всех падежных форм, в хакасском 47 %, в алтайском и чалканском языках доля номинатива одинакова и составляет 50 % (табл. 7).

Таблица 7

Использование номинатива

Язык	Др.-т. (рун./ман./уйг.)	Алт.	Чалк.	Шор.	Хак.
Показатель	-Ø	-Ø	-Ø	-Ø	-Ø
Частота использования, %	67 / 54 / 56	50	50	46	47

К синтаксическим фунциям номинатива в древнетюркских текстах относятся фунции подлежащего, прямого дополнения, определения, реже – послеложного дополнения. В южносибирских тюркских языках функция подлежащего остается основной: ее доля составляет от 48 % до 63 % всех употреблений. Далее следуют фунции определения и сказуемого. Еще одной специфической синтаксической функцией номинатива является функция обращения. Номинатив используется также для обозначения прямых дополнений с различной частотой в разных языках: в алтайском на эту фунуцию приходится лишь 3 % употреблений, в хакасском – 17 %. Самую широкую палитру синтаксических функций номинатива показали исследованные тексты на алтайском языке, наименьшее разнообразие его функций отмечено в текстах на шорском языке (табл. 8).

Таблица 8

Синтаксические функции номинатива

Функция	Алт., %	Чалк., %	Шор., %	Хак., %
Подлежащее	63	48	50	49
Определение	13	21	22	21
Предикатив	6	11	0	6
Прямой объект	3	9	17	17
Постпозиц. объект	4	8	0	4
Косвенный объект	3	0	0	1
Обращение	6	3	10	2
Обстоятельство	1	0	0	0

Таким образом, и в современных тюркских языках сохраняется широкая палитра функций номинатива, которая была свойственна ему уже в древнетюркском периоде. Хотя некоторые функции номинатива специфичны (например, функция подлежащего или обращения), он делит остальные функции с другими падежными формами (прямое дополнение, определение, обстоятельство).

1.1.5.2. Генитив

В древнетюркских текстах генитив является одним из самых редких падежей: его доля составляет от 0 до 3 %, а главной синтаксической функцией является функция определения. В древнетюркских текстах зафиксированы различные морфонологические варианты этого падежного суффикса: *-(n)Xŋ*, *-nXg*, *-nUŋ*, *-nIŋ* [Erdal 2004: 168–170].

В современных южносибирских тюркских языках утвердился падежный суффикс *-NIŋ* / *-NXŋ*. Местоименное *n* окончательно вошло в состав падежного суффикса генитива и стало подвергаться прогрессивной ассимиляции. В литературном алтайском языке насчитывается шесть морфонологических вариантов суффикса генитива: *-niŋ*, *-tiŋ*, *-diŋ*, *-nïŋ*, *-tïŋ*, *-dïŋ*; в чалканском и хакасском – четыре варианта: *-niŋ*, *-tiŋ*, *-nïŋ*, *-tïŋ*; в шорском – двенадцать: *-niŋ*, *-tiŋ*, *-diŋ*, *-nïŋ*, *-tïŋ*, *-dïŋ*, *-nuŋ*, *-tuŋ*, *-duŋ*, *-nüŋ*, *-tüŋ*, *-düŋ*. В чалканском и литературном хакасском наблюдаются сходные процессы ассимиляции, которым подвергается данный падежный суффикс. Однако в диалектах хакасского языка, по свидетельству М. И. Боргоякова, встречаются и формы суффикса с огубленным гласным и со звонким альвеолярным взрывным согласным [Боргояков 1976: 35].

В современных южносибирских тюркских языках генитив стал одним из наиболее употребительных падежей. Его доля в алтайском максимальна по сравнению с другими исследованными языками и составляет 11 %. В нашем хакасском корпусе употребительность генитива отличается от древнетюркского состояния лишь незначительно и составляет 5 % (табл. 9).

Таблица 9

Использование генитива

Язык	Др.-т. (рун./ман./уйг.)	Алт.	Чалк.	Шор.	Хак.
Показатель	*-(n)Xŋ*, *-nXg*, *-nUŋ*, *-nIŋ*	*-NIŋ*	*-NIŋ*	*-NXŋ*	*-NIŋ*
Частота использования (%)	0 / 1 /3	11	10	8	5

Синтаксическая функция определения является наиболее частой функцией генитива в современных южносибирских тюркских языках: хак. *кізі-нің чурта-зы* ‘жизнь человека’, алт *өгөөни-ниң эрд-и* ‘губы ее мужа’.

Также этот падеж употребляется с различными послелогами. Использование генитива в функции обстоятельства зафиксировано только для алтайского языка. Таким образом, можно говорить об узкой синтаксической специализации данного падежа в исследованных языках (табл. 10).

Таблица 10

Синтаксические функции генитива

Функция	Алт., %	Чалк., %	Шор., %	Хак., %
Определение	91	86	100	100
Послеложное дополнение	5	14	0	0
Обстоятельство	4	0	0	0

1.1.5.3. Датив

Частота употребления датива широко варьирует как в древнетюркских текстах (от 3 до 16 %), так и в исследованных текстах на современных южносибирских тюркских языках (табл. 11).

В древнетюркских текстах, как правило, встречается падежная форма датива *-kA* без ассимиляции начального согласного [14].

Таблица 11

Использование датива

Язык	Др.-т. (рун./ман./уйг.)	Алт.	Чалк.	Шор.	Хак.
Показатель	*-kA*	*-(G)A*	*-(G)A*	*-(G)A*	*-(G)A*
Частота использования (%)	3 / 16 / 8	9	11	16	14

[14] О возможных формах *-ga* и *-ya* более подробную дискуссию см.: [Erdal 2004: 171–173].

В современных южносибирских тюркских языках начальный согласный падежного суффикса подвергается ассимиляции. В алтайском зафиксировано двенадцать морфонологических вариантов данного суффикса: *-ka*, *-ga*, *-ke*, *-ge*, *-ko*, *-go*, *-kö*, *-gö*, *-a*, *-e*; *-o*, *-ö*; в чалканском, хакасском и шорском – шесть вариантов: *-ka*, *-ga* (*-xa* в хакасском), *-ke*, *-ge*, *-a*, *-e*. Огубленные варианты суффикса встречаются лишь в алтайском языке. Выпадение увулярного согласного между гласными на стыке морфем представляет собой общую тенденцию для рассматриваемых языков (см. также раздел «Некоторые типы ассимиляции на морфемных швах в тюркских языках Сибири» наст. монографии).

Наиболее частыми синтаксическими функциями датива в древнетюркских текстах были функции непрямого дополнения и послеложного дополнения. Функция непрямого дополнения является важнейшей синтаксической функцией датива и в современных южносибирских тюркских языках. Ее доля составляет 80 % всех употреблений в чалканском и хакасском языках, 91 % в шорском и 96 % в алтайском:

(1) шор. *Абам иштеген кебе-ге кирип алып* ‘Мы забрались на лодку (лодка-DAT), которую сделал мой отец’.

Причастные конструкции с падежным суффиксом датива чаще всего встречаются в хакасском (20 % употреблений). Функция послеложного дополнения наиболее частотна в чалканском (20 % употреблений), она зафиксирована в рассмотренных текстах на чалканском и шорском языках и не отмечена в рассмотренных текстах на алтайском и хакасском языках (табл. 12).

Таблица 12

Синтаксические функции датива

Функция	Алт., %	Чалк., %	Шор., %	Хак., %
Непрямое дополнение	96	80	91	80
Причастная конструкция	4	0	5	20
Послеложное дополнение	0	20	4	0

Этот факт следует оценивать лишь как общую тенденцию, так как рассмотренные языковые корпуса имеют относительно небольшой размер и не содержат всех возможных синтаксических конструкций.

Использование дательного падежа в статических значениях локации [Невская 1997, 2006; Nevskaya, Menz 2003] приводит к значительному усложнению падежной синтагматики и семантики в тюркских языках Сибири.

В шорском языке дательный падеж передает специфические статические пространственные значения дистрибутивной (2а) или неопределенной (2б) локации.

(2а) шор. *Терек ағашқа пӱр өзерде*, *ақ-мал чайала тӱштӱр.* (ШФ, 82)

терек	ағаш-қа	пӱр	өз-ер-де,	ақ-мал
тополь	дерево-DAT	лист	расти-AOR-LOC	белый-скот
чайал-а	тӱш-тӱр			
создаться-CV	спуститься-IND			

‘Когда по всему тополю-дереву листья выросли, белый скот сотворился.’

(2б) шор. *Мен ӱйге четпезем*, *чолға қонарым.*

мен	ӱй-ге	чет-пез-ем,	чол-ға	қон-ар-ым
я	дом-DAT	достичь-FUT-1SG	дорога-DAT	ночевать-FUT-1SG

‘Я, если до дома не дойду, в дороге (где-нибудь) заночую.’

Под дистрибутивной локализацией мы понимаем полный охват пространства неориентированным движением объекта локализации при глаголах неориентированного движения или при соответствующем ЛСВ иных глаголов движения, при этом подчеркивается динамичность объекта локализации, но в рамках обозначеннного локализатором пространства. Второй вариант дистрибутивности – это полный охват пространства объектами локализации при их множественности (2а).

Сравните недистрибутивную (3а и 3в) и дистрибутивную (3б и 3г) локализацию объекта при одних и тех же локативных предикатах. В примере (3б) мы видим множественность объектов локализации и их дисперсное, дистрибутивное распределение по пространству, обозначеннному локализатором. В примере (3г) – второй вариант дистрибутивной локализации, а именно полный охват пространства неориентированным движением:

(3а) *По чер-де чатчалар* (ОПВ) ‘На этой земле (земля-LOC) живут’.

(3б) *По чер-ге чатчалар* (ОПВ) ‘По этой земле (повсюду, земля-DAT) живут’.

(3в) *Эт ачыйына шыдап полбаан*, *ақ чазы-да қара чадық шени аңнанча* (ШГ, 129) ‘(Богатырь) не в силах выдержать боли тела, в чистой степи (степь-LOC), как черная колода, перекатывается’.

(3г) *Адай эжикке келип*, *қузуруғынаң себирип чуртына чет полбаан*, *ақ чазы-ға аңнанча* (ШГ, 215) ‘Собаки, придя к двери, с хвоста пожирели и, не в силах будучи дойти до селения, по (всей) чистой степи (степь-DAT) катаются’.

По нашим наблюдениям, дательный падеж локализатора в статических локативных конструкциях имеет значение ‘неопределенного местонахождения’, во-первых, если объект локализации единичен, а локативный предикат не обозначает неориентированного движения (3в, 4а, 4б, 4в), во-вторых, если опорный локум неоднороден и состоит из ряда частей, а объект локализации – один и может быть соотнесен с любой из этих частей (4г).

(4а) *Ақ чазы-ға қайде өлчең полғам – теп*, *оолақ туруп эмектеп шықты* (ШГ, 210), «В белой степи (где-то) как это я умирать должен», – мальчик, сказав, поднялся и пополз’.

(4б) *Алғутик алып полтур. Қондум-ға чатқан* (ЧЭФ, 273) ‘Жил-был (такой) богатырь Алгутик. На Кондоме (где-то) жил’.

(4в) *«Мен апшыйымныӊ палазын пашқа черде тугпассым*, *черине*, *табып*, *парып*, *туғарым»*, *– анаӊ атты тудуп алған*, *анаӊ тескен. Анаӊ келип*, *Қондумға туған. Анаӊ шығара пистиӊ шор чону теп адап салған* (ЧЭФ, 174) ‘«Я ребенка моего мужа на чужой земле рожать не буду, на его земле, найдя (ее), поехав, рожу», – потом коня поймала, потом поскакала. Потом, приехав, на Кондоме (где-то) родила. Благодаря этому наш шорский народ был (так) назван’.

(4г) *По тоғус таш ӱстӱне*, *по тоғус таш қырыйына одуруп*, *нооға ылғапчаӊ?* (ЧЭФ, 274) ‘Наверху этих девяти камней (т. е. на одном из этих девяти камней), рядом с этими девятью черепами (к этим девяти черепам [оборотившись]), сидя, почему ты плачешь?’

Неопределенность и дисперсность-дистрибутивность статического значения у дательного падежа не противоречат, а дополняют друг друга. Это две стороны одного и того же отношения: дистрибутивный вариант дистрибутивно-неопределенного значения возникает при множественности объектов при обозначении их рассеивания по объемному пространству и тем самым предполагает неопределенность положения в пространстве каждого из них; неопределенный вариант этого значения реализуется при единичности объекта локализации и обозначает его неопределенное местонахождение в объемном локуме (или локумах) при его собственной статичности или охват движением всего локума в целом, а значит, и неопределенность его местонахождения в каждый конкретный момент при его динамичности (не выходящей за пределы обозначеннного локализатором пространства).

Таким образом, в шорском языке различается специфическая и неспецифическая локация, которая выражается локативом и дативом соответственно.

Статическое значение у дательного падежа тем более неожиданно, что он противостоит местному падежу как падеж динамический падежу статическому. Локализатор в дательном падеже обозначает обычно то пространство, к которому / в которое направлено действие динамического предиката: конечную точку движения или перемещения, место, куда помещается объект или которое занимает субъект действия локативного предиката. Благодаря этому использование дательного или местного падежей, наряду с аспектуальными показателями, позволяет различать статические (обозначение локации) и динамические (обозначение адлокации) лексико-семантические варианты таких глаголов, как, например, *чат-* ‘лежать’ и *чат-* ‘ложиться’, *одур-* ‘сидеть’ и *одур-* ‘садиться’, *тур-* ‘стоять’ и *тур-* ‘вставать’ и т. д. (сравните 5а и 5б, 5в и 5г).

(5а) *Ааӊ аразында мен қонарға пелнен салып*, *оруӊ=а чадыбыстым* (КД, 23) ‘Между тем я, ночевать готовясь, на лавку лег’ (динамическое значение локативного предиката).

(5б) *Анаӊ пилинзем*, *қазын тӧзен=де*, *тӧӊзел=де чатчам* (ШГ, 178) ‘Когда потом очнулся (вижу), лежу около пня у березы’ (статическое значение локативного предиката).

(5в) *Ақ устолдыӊ аразы=н=а одурты* (ШГ, 126) ‘За белый стол уселся’ (динамическое значение глагола *одур-*).

(5г) *Алтын өргеең (өргениң) ишти=н=де одурчытқан қыс аны көрүп сурады* (ШГ, 138) ‘Сидящая в золотом дворце девица, увидя его, спросила’ (статическое значение глагола *одур-*).

Локализатор в статическом дательном привносит в локативную конструкцию значение объемности и неограниченности опорного пространства, а также динамичности самого объекта локализации, который может совершать определенные перемещения в рамках обозначенного локализатором пространства, при этом координаты его в пространстве не меняются. При нахождении внутри объемного локума дательный падеж обозначает полный охват действием объемного пространства, ср. в примере (6а) – *по чарыққа* ‘по всему этому свету’. В примере (6б) это значение поддерживается наречием *толдыра* ‘полностью, дополна’. Здесь реализуется первый вариант дистрибутивно-неопределенного значения (при глаголах ненаправленного движения или глаголах направленного движения в данном ЛСВ).

(6а) *Ықчам комнат-тың иштин-ге аара-пере паас чөрчат*, *мен ааң алдынға тоқтап парып*, *ааға тебе қаныҚ кел кqреп айттым...* (КД, 55) ‘По (всей) тесной комнате туда-сюда шагая, я перед ним остановился, на него, сердясь, посмотрев, сказал...’ (динамичность объекта локализации, полный охват действием пространства).

(6б) *Чылаш олақтың ене по кене чарық-қа толдыра уғулча* (ШФ, 84) ‘Голос голого мальчика по всему этому солнечному свету (целиком, полностью; букв.: заполняя) слышится’.

Усложнение семантической структуры дательного падежа в южносибирских тюркских языках проявляется и в том, что он при статическом локативном предикате может указывать конечную точку перемещения в пространстве объекта локализации (7а, 7б), а сам динамический предикат не употребляется, и в этом уже нет необходимости.

(7а) *Аймақчы пис-ке қонар* (ОПВ) ‘Гость у нас (букв.: к нам) заночует’ (комментарий информанта: гость будет ходить по деревне, в разные дома заходить, но ночевать он будет у нас).

(7б) *Аймақчы пис-ке қонды* (ОПВ) ‘Гость у нас (букв.: к нам) заночевал’ (комментарий информанта: гость посещал разные дома, но ночевал, придя к нам, у нас).’

Употребление дательного падежа в значении статической локализации известно для ряда тюркских языков, преимущественно сибирских: в тувинском оно обусловлено аспектуально-временными характеристиками предиката-сказуемого [Исхаков, Пальмбах 1961: 128–134]; в якутском именно дательный падеж занимает ту нишу, которая в других тюркских языках принадлежит местному падежу, наряду с функциями «собственно» дательного падежа, форма дательного падежа обозначает и статическую локацию, в то время как форма местного падежа выполняет совершенно иную функцию – партитива при глаголах в императиве [Убрятова 1950: 113–135].

Дательный падеж в статическом значении отмечен также в самаркандско-бухарской группе говоров узбекского языка, что связывают с влиянием таджикского языка [Мирзаев 1957: 69–72] или с существованием в старо-

узбекском языке особой падежной формы, совмещавшей значения дательного и местного падежей, точнее, не дифференцировавшей статическое и динамическое пространственное значение [Решетов 1959: 25].

Статическое значение у дательного в тувинском также может быть объяснено влиянием монгольского, где имеется единый дательно-местный падеж, а в якутском – контактами с эвенкийским, в котором основным выразителем локальных значений тоже является дательный падеж, хотя местный падеж тоже имеется. Но вместе с тем недифференцированное статико-динамическое пространственное значение у дательного падежа отмечено уже в памятниках древнетюркской письменности. Возможно, некоторые современные тюркские языки или их диалекты сохранили эту древнюю особенность, в ряде случаев поддержанную языковыми контактами, а также внутренними тенденциями развития языка. Шорский язык вписывается в этот ряд, развивая свою специфику употребления «статического дательного».

Динамические значения дательного падежа являются его основными значениями, которые присутствуют во всех тюркских языках. Локализатор в дательном падеже обозначает то пространство, к которому / в которое направлено действие динамического предиката [Невская 2006]:

1) точку, которую стремится достичь объект локализации при футуральной ориентированности действия транслокативного предиката – цель;

2) конечную точку движения или перемещения при транслокативном предикате с перфективным значением и компонента достигательности у локализатора – финиш;

3) место, к которому направлено действие транслокативного предиката с процессуальным значением, при недостигательности значения локализатора – направление;

4) место, которое занимает субъект действия локативного предиката или куда помещается объект при адлокации – пункт адлокации;

5) правую границу интервала, обозначенного двумя локумами (чаще совместно с послелогами *четтире*, *наара*, *töönче* ‘вплоть до’), при этом левую границу маркирует исходный падеж: *Томтурадаң* (*ала*) *Таргайға* (*наара*) ‘от Новокузнецка (вплоть) до Таргая’. Значение интервала оформляется одинаково при статических и динамических отношениях: *Томтурадаң* (*ала*) *Таргайға* (*наара*) *парды* / *чайылды* ‘от Новокузнецка (вплоть) до Таргая шел / расстилался’.

Локализатор в направительно-дательном падеже, таким образом, участвует в выражении транслокационных и адлокационных динамических отношений, маркируя цель и финиш транслокации, а также пункт адлокации. Совмещение в нем директивного значения и значения направленности действия на адресата – это типичная черта для тюркских языков, даже если они развили особую директивную падежную форму.

Статический датив распространен по всей Сибири. В алтайском он был отмечен А. А. Озоновой: дательный падеж может обозначать временное местоположение объекта локализации – субъекта синтаксической конструкции.

Он передает это значение со сложными предикатами *V-п кел-* (деепричастие *-(Ы)п* + вспомогательный глагол *кел-* ‘приходить’): *јўрўп кел-* ‘быть где-то и прийти назад’, *иштеп кел-* ‘поработать и прийти назад’, *ўренип кел-* ‘поучиться и вернуться’ [Ozonova 2006] (см. пример (8)).

(8) алт. *Је черўге јакшы јўрўп кел, јееним!*

Је	черў-ге	јакшы	јўр-ўп	кел	јеен-им
PRTCL	армия-DAT	хорошо	быть-CV	прийти	племянник-POSS.1SG

‘Ну, хорошо служи в армии и возвращайся, мой племянник!’

Сибирский статический дательный, возможно, может объяснить использование дательного падежа с депиктивными предикатами [Nevskaya 2008] – особенность, которую мы не обнаружили пока в других языках (пример (9)). Дательный в этом случае имеет временные коннотации и обозначает временное состояние его контроллера.

(9а) шор. *Чагысқа чатқан.*

чагыс-қа	чат-қан
один-DAT	жить-PF

‘Он жил один.’ [Nevskaya 2008]

(9б) хак. *Ол чиитке ўреен.*

ол	чиит-ке	ўре-ен
он	молодой-DAT	умереть-PF

‘Он умер молодым.’ [Nevskaya 2008]

(9в) тув. *Ол этти чигге сиир.*

ол	эт-ти	чиг-ге	чи-ир
он	мясо-ACC	сырой-DAT	есть-AOR

‘Он ест мясо сырым.’ [Nevskaya 2008]

(9г) алт. *Ол чайды изўге ле ичер.*

ол	чай-ды	изў-ге	ле	ич-ер
он	чай-ACC	горячий-DAT	PRTCL	пить-AOR

‘Он пьет чай только горячим.’ [Nevskaya 2008]

Статический дательный в Сибири не является гомогенным. Одна изоглосса объединяет шорский и тофаларский языки, в которых есть оппозиция специфической и неспецифической локаций, выраженных локативом и дативом соответственно.

Вторая изоглосса проходит по тувинскому языку и его диалектам, где оппозиция локатива и датива определяется аспектуально-темпоральными характеристиками глагола в главном предложении: локатив используется только при локализации действия в настоящем времени, датив – в прошедшем

и будущем времени. За пределами Сибири есть отдельные «острова» статического дательного [Невская 1997, 2000, 2001; Nevskaya & Menz 2003], например, в узбекском [Решетов 1950]:

(10а) узб. *Akam kolchozga išlaydi.*

aka-m	kolkhoz-ga	išla-ydi
ст.брат-POSS.1SG	колхоз-DAT	работать-PRS.3SG

‘Мой старший брат работает в колхозе.’ [Решетов 1950]

(10б) узб. *Biz yåtåkka turamiz.*

biz	yåtåk-ka	tur-a-miz
мы	общежитие-DAT	жить-PRS-1PL

‘Мы живем в общежитии.’ [Решетов 1950]

Использование дательного падежа в статическом значении в сибирских тюркских языках (шорском, алтайском) может быть объяснено монгольским влиянием, где одна падежная форма выражает и статическое, и динамическое пространственное значение, но в то же время мы находим статический дательный уже в древнетюркских текстах. Талат Текин различает в орхонских текстах датив-локатив (*-GA – -ŋA*) и локатив-аблатив (*-DA*) [Tekin 1968: 130–134], поскольку эти формы могли обозначать и локацию, и движение к или от локума (цель, направление, финиш / исходная точка движения, старт).

В примере (11а) датив-локатив обозначает место; в (11б) – направление. М. Эрдал отмечает использование статического датива в манихейском тексте [Erdal 2004: 366–369], см. (12):

(11а) др-.тюрк. *tabgač eliŋä kïlïntïm.* (T W 1)

tabgač	el-iŋä	kïlïn-t-ïm
Китай	государство-POSS3.DAT	родиться-PST-1SG

‘Я родился в Китае.’

(11б) др-.тюрк. *oguz täzip tabgačka kirti.* (BK E 38)

oguz	täz-ip	tabgač-ka	kir-t-i
огузы	сбежать-CV	Китай-DAT	войти-PST-3

‘Огузы сбежали и прибыли в Китай.’

(12) др.-уйгур. *“iki agu-lug yol baš-ïŋ-a, tamu kapïg-ïŋ-a azgur-uglï yol-ka kim?” te-sär…* (Xw 116–7)

‘iki	agu-lug	yol	baš-ïŋ-a	tamu
two	poison-with	way	beginning-POSS.3-DAT	Hell

kapïg-ïŋ-a	azgur-uglï	yol-ka	kim	te-sär…
door-POSS.3-DAT	mislead-AG.PART	way-DAT	who	say-COND

‘If one asks “Who is at the beginning of the two poisonous ways, who is on the way which misleads to the gate of hell?” (Если спросят: «Кто находится в начале двух ядовитых путей, кто находится на пути, который ведет к двери ада…?»)’.

Статический дательный имеется и в среднетюркских языках, например, в текстах Огузнаме и в Деде Коркут [Nevskaya, Menz 2003]. Прономинальные адвербы сохранили датив в динамическом значении во многих тюркских языках.

Таким образом, возможно, что тюркские языки Сибири сохранили эту древнюю черту в том числе благодаря контактам с монгольскими языками.

В якутском и долганском языках датив имеет функции и общетюркского датива, и локатива, т. е. обозначает направление / цель / финиш движения (как и адресата действия) и локацию в пространстве [Убрятова 1982: 135], см. пример (13):

(13а) якут. *Süge munnuqqa sït*ar.

süge	munnuq-qa	sït-ar
молоток	угол-DAT	лежать-AOR

‘Молоток лежит в углу.’

(13б) якут. *En ol oroŋno utuyuoŋ!*

en	ol	oroŋ-no	utuyu-oŋ
вы	тот	кровать-DAT	спать-IMP.2PL

‘Вы спите на той кровати!’

(13в) якут. *Oskuolaγa bar!*

oskuola-γa	bar
школа-DAT	идти:IMP.2SG

‘Иди в школу!’

(13г) якут. *Oskuolaγa buol!*

oskuola-γa	buol
школа-DAT	быть:IMP.2SG

‘Будь в школе!’

В этих языках у имен нет оппозиции динамического датива и статического локатива, так как датив является единственным падежом и для локации, и для цели движения. Однако эта оппозиция сохранилась в местоименных наречиях, где еще представлен древний общетюркский локатив в статическом значении «*manna* ‘здесь’, *onno* ‘там’» и форма дательного падежа в значении направления движения. Нужно учитывать, что форма локатива вопросительного местоимения *xanna* обозначает и «куда?», и «где?» [Stachowski, Menz 1999: 422–423].

С. В. Ястремский [1898: 22] предполагал, что это следствие монгольского и тунгусского субстрата; эту точку зрения поддерживал и А. М. Щербак [1977: 34–35].

Тот факт, что монгольские языки тоже имеют одну форму для обозначения цели движения и локации, делает данную гипотезу весьма вероятной.

Проанализировав формы, обозначающие адресата действия в монгольских и тунгусских языках, Б. Пакендорф показала, что только монгольские языки дают аналогичную картину распределения падежных функций якутского датива [Pakendorf 2007: 131]. Однако контаминация статических и динамических функций была вектором развития исторических тюркских языков. Возможно, что оба фактора сыграли тут свою роль.

1.1.5.4. Аккузатив

В древнетюркском языке аккузатив был одним из наиболее употребительных падежей (10–15 % употреблений). В проанализированных современных южносибирских тюркских языках доля аккузатива колеблется от 8 % в хакасском до 13 % в чалканском (табл. 13).

Таблица 13

Использование аккузатива

Язык	Др.-т. (рун./ман./уйг.)	Алт.	Чалк.	Шор.	Хак.
Показатель	*-(X)g*, *-nI*	*-NI*	*-NI*	*-NI*	*-NI*
Частота использования (%)	13 / 10 / 15	9	13	9	8

В древнетюркских текстах зафиксировано два варианта падежного суффикса аккузатива: *-(X)g*, *-nI*. Однако во всех исследуемых современных южносибирских тюркских языках закрепилась форма суффикса с носовым согласным *-NI*, изначально присоединяемая только к местоименным основам. В алтайском языке существует шесть морфонологических вариантов данного падежного суффикса: *-ni*, *-ti*, *-di*, *-nï*, *-tï*, *-dï*; в чалканском и хакасском – четыре: *-ni*, *-ti*,*-nï*, *-tï*; в шорском – двеннадцать: *-ni*, *-ti*, *-di*, *-nï*, *-tï*, *-dï*, *-nu*, *-tu*, *-du*, *-nü*, *-tü*, *-dü*. В диалектах алтайского и хакасского языков возможны также формы с огубленными гласными в суффиксе [Боргояков 1976: 44–45]. После посесивного суффикса 3-го л. во всех исследуемых языках употребляется суффикс с носовым согласным.

Аккузатив, наряду с генитивом, является падежом с достаточно узкой специализацией синтаксических функций.

В древнетюркских текстах зафиксирована только одна синтаксическая функция данного падежа – функция прямого дополнения. Эта функция является основной для аккузатива и в исследованных южносибирских тюркских языках.

(14) алт. *Энегер-ди кем база азыраар – слердең öскö?* ‘Кто еще будет кормить вашу мать (мать-ACC) – кроме вас?’

Использование данного падежа с послелогами встречается только в исследуемых текстах на чалканском языке. В алтайском и хакасском языках

встретились причастные конструкции на *-GAn-* с падежным суффиксом аккузатива (табл. 14).

Таблица 14

Синтаксические функции аккузатива

Функция	Алт., %	Чалк., %	Шор., %	Хак., %
Прямое дополнение	96	93	100	93
Причастные конструкции	4	0	0	7
Послеложное дополнение	0	7	0	0

Аккузатив и номинатив конкурируют между собой как способы обозначения преодолеваемого пространства. Уже в древнетюркском пространство, сквозь которое движется субъект или которое он преодолевает иным образом, обозначалось номинативом или аккузативом: *yol yorï-dačï yalŋuk-lar* (дорога идти-AG.PART человек-PL) (MaitH XX 13r16) ‘люди, идущие дорогами’. Эти падежи используются и в сибирских тюркских языках в значении преодолеваемого пространства при переходных глаголах [Невская 1997]. При непереходных глаголах эти падежи обозначают меру преодоленного пространства (сколько километров пройдено и т. п.).

Выбор между неопределенным и винительным определяется желанием говорящего подчеркнуть определенность или специфичность преодолеваемого пространства (винительный падеж) или, напротив, его неопределенность, втянутость в семантическую структуру глагола и характеризующий оттенок у имени пространства, чему также нередко способствуют отношения «часть / целое» между именем преодолеваемого пространства и именем, ставшим производящей основой глагола: *талай* ‘море’ – *қаш* ‘берег моря’; *талай қашты* ‘(прошел) берегом моря’. Кроме того, винительному падежу в большей степени свойственно значение полного преодоления пространства, он употребляется преимущественно при фактитивном значении локативного предиката, в то время как неопределенный падеж имеет оттенок трассы движения (что свидетельствует о близости значений этих двух координат) и соотносится с процессуальным глагольным действием.

Локализатор в винительном и неопределенном падежах в значении преодоленного пространства, или пространства, полностью охваченного действием локативного предиката, при непереходных глаголах типа *пар-* ‘идти, ехать’, *чӧр-* ‘ходить’, *чӱгӱр-* ‘бегать’ и других глаголах направленного и неопределенно-направленного движения, преимущественно при фактитивности их значения (*пазарды парды* ‘весь рынок прошел’), см. пример (15), может далее развиться в обстоятельственный винительный.

(15) шор. *По чер эбире ақ чарықты тооза учуғыбысты.* (ШГ, 97)

по	чер	эбире	ақ	чарық-ты	тооза	учуғ-ыбыс-ты
эта	земля	вокруг	белый	свет-ACC	весь	летать-PRF-PST3

‘Вокруг этой земли белый свет весь облетел.’

Обращает на себя внимание наличие в высказывании и координаты трассы, и координаты преодоленного пространства, полностью охваченного действием локативного предиката, значение полноты действия поддерживается наречием *тооза* ‘весь, целиком, полностью’.

Следующим шагом в развитии значения преодоленного пространства явилось приобретение неопределенным падежом значения меры расстояния: шор. *пеш километр парды* ‘пять километров прошел’. Очевидно, что этот ‘обстоятельственный винительный’ развился на основе значения полного преодоления пространства у локализаторов в винительном или именительном падеже при глаголах соответствующей семантики.

Перенос значения меры пространства на временные отношения как очередной этап развития значения этого локализатора дает значение меры времени – показателя длительности действия: шор. *ийги час иштепчытқан* ‘два часа работал’.

Эта функция винительного / именительного падежа свойственна всем тюркским языкам и отмечена уже в «Алтайской грамматике»: «В винительном падеже без приставки ставится выражение обстоятельственное, означающее количество пройденного пространства или количество времени: *пеш күндүк јер барды* ‘он прошел пять дней пути’» [Алтайская грамматика 1869: 138]. В приведенном примере характерно использование показателя времени для обозначения меры пройденного пути – прошел путь, который проходят за пять дней пути, досл. ‘пятидневный путь’. Обстоятельственный винительный отмечается и П. М. Мелиоранским [1897: 17–18].

1.1.5.5. Локатив

Локатив является третьим по частотности употребления падежом в древнетюркских текстах (5–10 %). Частота употребления локатива в современных южносибирских тюркских языках немного выше по сравнению с древнетюркским и колеблется от 7 % в чалканском языке до 13 % в алтайском (табл. 15).

Таблица 15

Использование локатива

Язык	Др.-т. (рун./ман./уйг.)	Алт.	Чалк.	Шор.	Хак.
Показатель	*-dA*	*-DA*	*-DA*	*-DA*	*-DA*
Частота использования, %	8 / 5 / 10	13	7	9	12

Зафиксированный в древнетюркских текстах падежный показатель локатива *-dA* подвергается большей ассимиляции в исследуемых современных языках. Падежный показатель локатива в алтайском языке имеет восемь морфонологических вариантов: *-ta*, *-da*, *-te*, *-de*, *-to*, *-do*, *-tö*, *-dö*; в чалканском, шорском и хакасском вариантов всего четыре: *-ta*, *-da*, *-te*, *-de.*

Для локатива могут быть выделены две основные синтаксические функции, которые характерны как для древнетюркского языка, так и для современных южносибирских тюркских языков, – это функции обстоятельства и послеложного дополнения (табл. 16). Причастные конструкции с падежным показателем локатива в исследуемых текстах крайне редки.

Таблица 16

Синтаксические функции локатива

Функция	Алт., %	Чалк., %	Шор., %	Хак., %
Обстоятельство	71	84	87	86
Причастная конструкция	29	11	13	14
Послеложное дополнение	0	5	0	0

Местный падеж является ядром локальной падежной подсистемы как падеж собственно пространственный, обстоятельственный. У него практически нет иных актантных функций, кроме функции локативного актанта, в отличие от дательного и исходного, совмещающих обстоятельственные и объектные функции. Кроме того, именно местный падеж широко сочетается с различного рода нелокативными предикатами, «детерминируя» высказывания несобственно локативного типа, тем самым выполняя функцию непосредственной, прямой пространственной локализации событий (общелокативную). У дательного и исходного падежей преобладает функция предметной локализации (частнолокативная) [Невская 1997].

Местный падеж противостоит всем остальным локальным падежам также тем, что он выражает статическую локализацию, обозначая место объекта или ситуации в пространстве, в противоположность остальным динамическим падежам, передающим различные координаты транслокации, адлокации и делокации (исключение составляет использование дательного падежа для выражения специфического статического значения). Соответственно, местный падеж в первую очередь употребляется при локативных предикатах, выражающих статическую локализацию в пространстве, см. пример (14):

(14) шор. *Қарақпа көрүп*, *ужы пажын албас чалаң-да қар қарақты тыындыра көрүп албаскиле палтыннап чатча* (КД, 24) ‘Когда глядишь глазами, в бескрайней (букв.: конец начало не возьмешь) степи снег, глаза ослепляя, так блестя, лежит.’

При опорном локуме, обозначающем лицо, локализатор в местном падеже передает значение временного нахождения у данного лица некоторого предмета: шор. *менде сеең пычақ пар* ‘у меня твой нож есть’, т. е. он маркирует временного посессора.

Локализатор в местном падеже также сочетается с широким кругом нелокативных предикатов, при которых он является сирконстантом, воплощая собой редуцированную локативную конструкцию и выполняя функцию детерминирования высказывания – пространственный детерминант:

(15) шор. *Тайға-да честек саг чөрүп*, *қыйғырыштыбыс* (ШГ, 208) ‘В тайге, ягоду собирая, мы перекликались’.

Естественно, что эти нелокативные предикаты описывают ситуации, допускающие локализацию в пространстве. В двух следующих примерах локализаторы *Япония-да* и *аал-да* приобретают субъектное значение, поскольку они обозначают тех людей, которые живут в Японии, в этом селе, ср. ‘в коллективе много об этом говорили’; см. пример (16):

(16а) шор. *Япония-да ӱш чоллыг сарыннар ‘хокку’*, *теп адалча* (ЧАИ, 1994) ‘В Японии трехстишия называются ‘хокку’.

(16б) шор. *Аал-да көрзелер*, *ат чағысқа келе перди* (ШГ, 299) ‘В селении когда посмотрели (увидели): конь один пришел’.

Локализатор приобретает субъектный компонент значения при следующих условиях: 1) при неопределенности или обобщенности субъекта (говорения, восприятия, эмоций и т. п.); 2) при отсутствии в высказывании прямого обозначения субъекта. При наличии обозначения субъекта локализатор выступает в своем прямом – локальном – значении. Ср.: *Кижилер аал-да көрзелер*... – В селении люди когда посмотрели... Транспозиционное употребление и функциональный сдвиг более характерны для сирконстанта.

Для русского языка типично использование личностного локализатора – субъектного детерминанта при другом имени, получающего оформление по локальному образцу [Арутюнова 1976], для обозначения темы высказывания: *А у нас в квартире газ. А у вас?* По-шорски «у нас в доме» передается сочетанием *пистиң эмибисте* ‘в нашем доме’.

При предикатах, совмещающих возможности выражения и локации и адлокации в рамках своих ЛСВ, местный падеж обозначает пункт адлокации и последующей локации при динамическом ЛСВ данных глаголов: *көзнек алында турыбысты* ‘перед окном встал’.

1.1.5.6. Аблатив

Аблатив является одним из наименее частотных падежей в древнетюркском языке. В современных южносибирских тюркских языках его доля значительно возросла и составляет от 3 % в хакасском до 7 % в шорском (табл. 17). В древнетюркских текстах встречаются два варианта падежного показателя аблатива: *-dIn* и *-dAn*. Вопрос о том, какой из этих вариантов является первичным, спорный [Erdal 2004: 174–175].

Таблица 17

Использование аблатива

Язык	Др.-т. (рун./ман./уйг.)	Алт.	Чалк.	Шор.	Хак.
Показатель	*-dIn*, *-dAn*	*-DAŋ*	*-DIn*	*-DAŋ*	*-DAŋ*
Частота использования, %	1 / 0 / 1	5	4	7	3

В исследуемых южносибирских тюркских языках начальный согласный суффикса аблатива подвергается прогрессивной ассимиляции. Конечный согласный в чалканском языке остался исконным, однако в алтайском, шорском и хакасском языках конечный носовой суффикса стал увулярным. В алтайском языке зафиксировано двенадцать его морфонологических вариантов: *-daŋ*, *-taŋ*, *-naŋ*, *-deŋ*, *-teŋ*, *-neŋ*, *-doŋ*, *-toŋ*, *-noŋ*, *-döŋ*, *-töŋ*, *-nöŋ*; в чалканском – четыре: *-din*, *-tin*, *-dïn*, *-tïn*; в шорском и хакасском языках – шесть вариантов: *-daŋ*, *-taŋ*, *-naŋ*, *-deŋ*, *-teŋ*, *-neŋ*. Можно предположить, что суффикс аблатива в чалканском языке восходит к древнему суффиксу с закрытым гласным, в то время как в остальных названных языках суффикс аблатива восходит к форме с открытым гласным. Если же предположить, что данный падежный показатель в чалканском имеет то же происхождение, что и во всех остальных исследуемых языках, то его фонологические особенности можно объяснить аналогией с формами генитива. Для проверки обеих гипотез необходимо исследовать наиболее ранние из имеющихся текстов на данных языках.

Важнейшей синтаксической функцией аблатива является функция обстоятельства-актанта пространственного предиката. Эта функция характерна как для древнетюркских памятников, так и для текстов на исследуемых современных языках Южной Сибири. В алтайском языке аблатив встречается и в функции послеложного дополнения (табл. 18).

Таблица 18

Синтаксические функции аблатива

Функция	Алт., %	Чалк., %	Шор., %	Хак., %
Обстоятельство	88	100	100	100
Послеложное дополнение	12	0	0	0

Локализатор в исходном падеже передает ряд пространственных значений:

1) транслокативные значения исходного падежа (пространство из / от которого начинается движение или перемещение при транслокации – координата старта);

2) обозначение того пространства, которое нужно преодолеть, чтобы попасть в место назначения – преодолеваемое пространство, движение через пространство, пересечение его в каком-либо направлении. В данном значении он близок локализатору в винительном падеже, но тот употребляется тогда, когда говорящий акцентирует внимание на преодолеваемом пространстве ‘самом по себе’, на его полном преодолении, а не как промежуточном звене. Подобное значение отмечено у исходного падежа и в других тюркских языках, например, турецком [Вещилова 1962: 106]. Опорный локум обозначает часть трассы, которая остается позади, как этап пути в целом. Передается начальная сопространственность с данным пространством и последующая несопространственность с ним;

3) препятствие, которое преодолевается без соприкосновения с ним – движение над препятствием, например, шор. *позағадаң алта-* ‘через порог перешагнуть’;

4) обозначение ‘источника’ движения, того функционального отверстия, которым можно воспользоваться для входа или выхода в объемное пространство. Это также преодоленное пространство, но обладающее минимальной протяженностью, то препятствие, которое нужно преодолеть: *эжиктең шықты* ‘через дверь вышел’, шор. *қулағынаң кирди* ‘через ухо вошел (из сказки)’;

5) пространство, которое покидает субъект действия локативного предиката или из которого изымается объект;

6) левая граница интервала, переданного двумя локумами (*Томазақтаң (ала)* ‘от Мысков’) при статике и динамике пространственных отношений.

В предложении локализатор в исходном падеже может выполнять функции, во-первых, локативного обстоятельственного дополнения (при локативных глаголах), во-вторых, в эллиптических высказываниях – функцию сказуемого: *Ол Москвадаң* ‘Он из Москвы’ (Он приехал из Москвы или родом из Москвы), в-третьих, определения: *Пистиң аймақтаң кижиге тоғуштым* ‘Я встретил человека из нашего села’.

Дальнейшим развитием локативных отношений являются функции аблатива как дополнения при глаголах различных действий.

1.1.5.7. Инструменталис

Инструменталис 1. В древнетюркском языке инструменталис образовывался при помощи суффикса *-Xn* или *-In*. Хотя в рунических текстах падежный показатель аблатива практически не встречается, в манихейских и древнеуйгурских текстах наблюдается его высокая продуктивность: его доля составляет соответственно 6 и 7 %. В базе древнетюркских текстов VATEC зафиксировано 394 случая употребления данного суффикса. В *Diwanu Lugati't Turk* этот суффикс также был продуктивен [Erdal 2004: 279].

В исследуемых корпусах современных южносибирских тюркских языков данный падежный показатель не продуктивен. Остатки данного суффикса видны в составе некоторых послелогов и наречий [Дыренкова 1941: 228, Боргояков 1972: 114, Баскаков 1975: 410]. Такие застывшие формы древнего инструменталиса постепенно выходят их употребления и заменяются другими. Например, алтайская форма *јайын* ‘летом’ не встречается в текстах, вошедших в корпус алтайского языка. В корпусе текстов алтайского языка, извлеченном из сети Интернет, данное слово встречается дважды. Однако вновь образованная форма *јайғыда* с тем же значением употребляется чаще: 259 употреблений в интернет-корпусе, три употребления в электронном корпусе алтайского языка (табл. 19).

Таблица 19

Количество употреблений застывших и современных синонимичных словоформ

Корпус	‘летом’		‘весной’	
	јайғыда	*јайын*	*јаскыда*	*јазын*
Интернет-корпус	258	2	341	2
Электронный корпус алтайского языка	3	0	3	0

Та же тенденция наблюдается и для хакасского, шорского и чалканского языков. Здесь также древние формы с показателем инструменталиса заменяются современными формами с показателем локатива, ср.: хак. *чайғыда*; чалк. *тьайғыда*; шор. *чайғыда.*

Инструменталис 2. В древнетюркских текстах встречается послелог *birle* со значением ‘вместе с’. В электронной базе доисламских древнетюркских текстов VATEC насчитывается 200 употреблений данного послелога. Частотность его употребления в древнетюркских текстах была значительно ниже частотности инструменталиса с показателем *-(X)n* (777 употреблений в базе VATEC). В более поздних текстах встречаются две различные формы данного послелога: *bile* (с потерей сонорного) и *birlen* (с добавлением суффикса инструменталиса) [Erdal 2004: 332–333]. В базе VATEC эти формы еще встречаются.

Послелог *birle* управлял в древнетюркских текстах номинативом, в некоторых южносибирских языках отмечалось такое же употребление данного послелога:

тоф. *at* *bile*
лошадь POSTP
‘с лошадью’ [Дыренкова 1941: 12].

Процессы клитизации и ассимиляции в различных языках протекали поразному. В алтайском языке первый слог данного послелога полностью исчез, гласный второго слога ассимилирует с основой имени, хотя начальный согласный ассимиляции не подвергается. Процесс развития данного элемента в алтайском языке можно представить следующим образом: **birle* > **bile* > **bIlA* > **blA* > *lA*. В современном литературном алтайском языке существует четыре морфонологических варианта этого суффикса: *-la*, *-le*, *-lo*, *-lö*. Однако следует отметить ряд признаков, по которым данный элемент в алтайском языке отличается от сформировавшихся в древности падежных показателей: отсутствие носового альвеолярного согласного, отсутствие ударения, отсутствие ассимиляции начального согласного. Таким образом, можно предположить, что процесс грамматикализации послелога *birle* в алтайском языке еще не завершен. С другой стороны, образующиеся в более поздний период вре-

мени падежные показатели могут вести себя, с точки зрения их фонологических и морфологических свойств, немного иначе, чем более древние падежные показатели.

В чалканском языке древний послелог *birle* также потерял первый слог, звуки оставшегося второго слога не подвергаются ассимиляции. Для чалканского языка процесс развития данного послелога можно описать следующим образом: *birle* > *bile* > *ble* > *le*. Так как ассимиляция для данного элемента в чалканском еще не началась, можно заключить, что процесс грамматикализации послелога находится на более ранней стадии, чем в алтайском языке. Соответственно, данный элемент можно охарактеризовать, скорее, как аффикс-клитику, чем как падежный суффикс.

В шорском языке сохранились начальный согласный послелога и его конечный гласный, оба этих звука ассимилируются с предшествующими звуками именной основы. Процесс развития от послелога к суффиксу в шорском языке можно представить следующим образом: *birle* > *bile* > *bIlA* > *BlA* > *BA*. В шорском языке насчитывается шесть морфонологических вариантов суффикса: *-ba*, *-pa*, *-ma*, *-be*, *-pe*, *-me*.

Суффиксом нового инструментального падежа в литературном хакасском языке является *-nAŋ*. Наличие конечного носового согласного данного суффикса, очевидно, объясняется тем, что он восходит к послелогу *birlen*, который также встречается в древнетюркских иточниках и представляет собой послелог *birle* с присоединенным древним суффиксом инструменталиса. В качинском диалекте хакасского языка зафиксированы формы *-pïnaŋ* / *pineŋ*, *-bïnaŋ* / *bineŋ*, которые представляют собой промежуточную ступень грамматикализации. Увулярный конечный согласный суффикса, вероятно, возник по аналогии с генитивом. Очевидно, тут уже произошло выравнивание падежной парадигмы, и инструменталис, так же как и аблатив большинства южносибирских тюркских языков, развил увулярное [ŋ] на конце аффикса, уподобившись аффиксу генитива, который имел его изначально. Процесс развития от послелога к падежному показателю инструменталиса в литературном хакасском можно представить следующим образом: *birlän* > *bilän* > *binän* > *bInAn* > *BInAn* > *BInAŋ* > *BnAŋ* > *nAŋ*. В литературном хакасском языке зафиксировано два морфонологических варианта данного суффикса: *-naŋ*, *-neŋ*.

В диалектах хакасского языка процессы ассимиляции и клитизации протекали иначе, чем в литературном языке:

сагайский диалект: *-pïla* / *-pile*; *-bïla* / *-bile*; *-taŋ* / *-teŋ*; *-daŋ* / *-deŋ*; *-naŋ* / *-neŋ*; *-maŋ* / *-meŋ*; *-paŋ* / *-peŋ*; *-baŋ* / *-beŋ*;

качинский диалект: *-pïnaŋ* / *-pineŋ*; *-bïnaŋ* / *-bineŋ*; *-taŋ* / *-teŋ*; *-daŋ* / *-deŋ*; *-naŋ* / *-neŋ*;

кызыльский диалект: *-maŋ* / *-meŋ*; *-la* / *-le*; *-pïla* / *-pile*; *-bïla* / *-bile* [Боргояков 1976: 111].

В сагайском и кызыльском диалектах представлены смешанные показатели инструменталиса, его исходные формы объединяются с формами литературного хакасского языка, в основе которого лежит качинский диалект.

Однако в качинском диалекте все еще сохраняются промежуточные стадии формирования литературного показателя.

Частотность употребления нового инструменталиса в современных южносибирских тюркских языках колеблется от 1 % в алтайском языке до 8 % в хакасском (табл. 20).

Таблица 20

Использование инструменталиса

Язык	Др.-т. (рун./ман./уйг.)	Алт.	Чалк.	Шор.	Хак.
Показатель	*birlä* / *birlän*	*-lA*	*-le*	*-BA*	*-nAŋ*
Частота использования, %	–	1	2	4	8

В рассмотренных языках отмечены две синтаксические функции нового инструменталиса: функция обстоятельства и послеложного дополнения (табл. 21).

Таблица 21

Синтаксические функции инструменталиса

Функция	Алт., %	Чалк., %	Шор., %	Хак., %
Обстоятельство	88	100	100	100
Послеложное дополнение	12	0	0	0

В результате формирования новых инструментальных падежей широкой семантики возникли и новые оппозиции в системе тюркских падежных систем в Сибири. Уже древний падежный показатель инструменталиса *-(X)n*, помимо обозначения инструментов, средств и приспособлений для выполнения действия, выражал также разнообразные обстоятельственные значения способа и образа действия, временных обстоятельств, как, например: *kiš-in* (зима-INSTR) ‘зимой’, *ol üd-ün* (то время-INSTR) ‘в то время’ и т. п. В примере *bo yol-un yorï-sar* (этот путь-INSTR идти-COND) ‘если (мы) пойдем этой дорогой’, путь обозначает средство для достижения цели движения [Erdal 2004: 378–379]. Однако комитативной семантики у этой формы не отмечено.

Новый инструменталис выражает следующие значения:

1) инструментальное в сочетании с именами различных инструментов: шор. *malta-ba* (молоток-INSTR) ‘молотком’;

2) комитативное в сочетании с именами живых существ: шор. *qïs-pa* (девочка-INSTR) ‘с девочкой’;

3) средство транспортации в сочетании с именами различных видов транспорта: шор. *at-pa* (лошадь-INSTR) ‘на коне’;

4) трассу движения в сочетании с названиями пути: шор. *čol-ba* (дорога-INSTR) ‘по дороге’.

Поскольку новый падеж имеет и пролативное значение, он образует новые оппозиции с формами латива:

шор. *suγ-ča* (вода/река-LAT) ‘по реке, вдоль реки’;

suγ-ba (вода/река-INSTR) ‘по реке, по воде (букв.: с водой)’.

Итак, новый инструменталис компенсировал существовавший, но утраченный древний падеж. Поскольку он образовался из источника с более широкой семантикой, то вошел в систему новых оппозиций в составе данных падежных парадигм, усложнив их.

1.1.5.8. Директив

Директив-локатив 1. Суффикс директива-локатива 1 на *-rA* довольно часто используется в рунических текстах, где его доля составляет 6 %, однако он отсутствует в рассматриваемых манихейских и древнеуйгурских текстах. В электронной базе доисламских текстов VATEC зафиксировано лишь шесть случаев употребления данного суффикса. Синтаксической функцией директива являлась функция обстоятельства. Однако семантика данного падежа в древнетюркский период была неоднородна. С одной стороны, заметно активное использование данного суффикса с партитивным значением, с другой – наблюдаются застывшие формы с директивно-локативным значением [Erdal 2004: 373]. В современных южносибирских тюркских языках суффикс директива-локатива в его изначальном виде не сохранился. В хакасском языке, однако, образовался новый показатель директива *-SAr*. Это самый редкий падежный суффикс хакасского языка, его доля составляет всего 2 % (табл. 22).

Таблица 22

Использование директива-локатива

Язык	Др.-т. (рун./ман./уйг.)	Алт.	Чалк.	Шор.	Хак.
Показатель	*-rA*	*jaar(ï)*	*saar*	*saara*	*-SAr*
Частота использования, %	6 / 0 / 0	–	–	–	2

М. И. Боргояков и М. Стаховски возводят суффикс *-SAr* к древнетюркскому *sïŋar* ‘направление’ [Боргояков 1976: 93; Stachowski 2012: 127–134]. Новый хакасский суффикс директива содержит остатки древнетюркского суффикса директива: хак. *-SAr(ï)* > **sïŋar* ‘направление’ + *-rA* [Stachowski 2012: 134]. Эта этимология применима и для шорского *saara*, и для чалканского *saar.*

В шорском языке употребляется как полная форма послелога, так и усеченный послелог-клитика:

(17a) шор. *Men sanapčam Us išti saara pararga.*

men	sana-pča-m	us	išti	saara	par-arga
я	думать-PRS-1SG	ус	долина	POSTP	идти-INF

‘Я думаю, (нам) лучше пойти к долинам реки Уса.’

(17б) шор. *Menzaa kel*.

men-zaa	kel
я-DIR	придти.IMP.2SG

‘Иди ко мне.’

В современном чалканском языке параллельно существуют формы, отражающие разные этапы грамматикализации данного послелога (ср. 18а, 18б, 18в):

(18а) чалк. *A postoyanno men ekelza kerek*, *to kray zaar*, *to oblast’ zaar par jortam.*

a	postoyanno	men	ekel-za	kerek	to	kray
a	постоянно	я	везти-COND	надо	то	край
zaar	to	oblast’	zaar	par	jor-ta-m	
POSTP	то	область	POSTP	идти	идти-IPF-1SG	

‘А меня надо постоянно возить: то в край, то в область.’

(18б) чалк. *Katap kadkazaa jılıg sug ur kep...*

katap	kadka-zaa	jılıg	sug	ur	ke-p
снова	кадка-DIR	теплый	вода	лить	идти-CONV

‘Снова нужно налить в кадку теплой воды...’

(18в) чалк. *Ol agašsa šık kaltırler.*

Ol	agaš-sa	šık	kal-tır-ler
DEM	дерево-DIR	залезть	оставаться-PST-PL

‘Они залезли на дерево.’

В шорском, хакасском и чалканском языках развитие от послелога к падежному суффиксу директива проходило с различной скоростью. В шорском и чалканском данный элемент, с одной стороны, сохраняет статус послелога. Послелог употребляется не очень часто: в корпусе шорского языка найдено десять его употреблений, в корпусе чалканского языка – всего два. С другой стороны, употребляются клитизированные формы послелога. В чалканском языке послелог-клитика может подвергаться прогрессивной ассимиляции.

В хакасском языке процесс грамматикализации зашел дальше. Начальный согласный данного показателя ассимилируется по звонкости со стоящей впереди основой, гласный ассимилируется по палатальности: ср.: *kolxoztar-zar* ‘в колхозы’, *čir-zer* ‘к земле’. В исследуемом корпусе хакасского языка не встретились формы с суффиксом директива и с посессивным маркером. Однако в работе Г. Андерсона такой пример имеется:

(19) хак. *salaalar arazïnzar*

salaa-lar	ara-zïn-zar
ветка-PL	промежуток-3SG-DIR

‘в направлении между веток’ [Anderson 1998: 17–18].

Этот пример содержит прономинальный носовой согласный и подтверждает типичный порядок следования морфем в посессивной конструкции. Таким образом, в хакасском языке можно говорить о сформировавшемся падежном суффиксе директива.

В алтайском языке нет ни похожего послелога, ни падежного суффикса. Возможно, остатки древнего директива сохранились в послелоге *jaar(i)*. М. Стаховски предлагает следующую этимологию: *jaar(i)* ‘к (zu)’ > **jaan-ga-ra* ‘сторона’ (Seite)-Dat-Dir [Stachowski 2012: 133–134].

Таким образом, в современных южносибирских тюркских языках древний падежный показатель директива не сохранился, а появились новые послелоги, близкие по значению. В хакасском послелог развился в падежный суффикс.

Директив 2. Форма директива на *-gArU*, существовавшая в древнетюркском и пратюркском языках, особенно активна в рунических текстах, но постепенно уходит из употребления уже в древнетюркскую эпоху: *tavgač-garu* (BQ E35) ‘по направлению к Китаю’ (букв.: Китай-DIR), *kün-gärü* ‘на юг’ (букв.: солнце-DIR) (TT V A71). М. Эрдал объясняет это редукцией падежной системы уже в древнеуйгурском языке [Erdal 2004: 370–371]. Директивные функции перешли к дативу.

(20) др.-тюрк. *täŋrilär ... tužit ordoka yïgïlurlar.*

Täŋri-lär	tužit	ordo-ka	yïgïl-ur-lar
Бог-PL	Тушита	дворец-DAT	собираться-AOR-PL

‘Боги … собрались во дворце Тушита.’ [Erdal 2004]

(21) др.-тюрк. *Ötükän yïšgaru uduztum.* (Tuñ I S8)

ötükän	yïš-garu	uduz-t-um
Отюкен	гора-DIR	вести-PST-1SG

‘Я вел (их) к горе Отюкен’. [Erdal 2004]

Благодаря новообразованным директивным формам, оппозиция между директивом и дативом в директивном значении восстановилась. Наряду с уже рассмотренным хакасским падежом *-SAr* (см. также [Баскаков 1975]), формирование новых директивов идет и в тувинском – *-GXdX* / *-DIvA* [Исхаков, Пальмбах 1961], и в шорском – *-SA(r)* [Дыренкова 1941].

Основным моментом в этом противопоставлении является достижение (датив) или недостижение (директив) конечной точки движения.

В тувинском в директивном значении используется датив [Rassadin 1978: 48].

В алтайском языке идет развитие новых директивных падежей из послелогов *d’aar* и *töön* ‘в направлении к’ [Дыренкова 1940]. Это диалектные синонимы, но послелог *töön* имеет тенденцию к генерализации как общеалтайский падежный показатель [Черемисина 1998: 21], таким образом восстанавливая оппозицию директива и датива в директивном значении.

(22) алт. *Ään ayïlγa kirip*, *ot qamïstï.*

ään	ayïl-γa	kir-ip,	ot	qamïs-t-ï
пустой	дом-DAT	войти-CV	огонь	зажечь-PST-3

‘Он вошел в пустой дом и зажег огонь.’ [Ozonova 2006]

(23) алт. *Udabay bis suuγa d'et-t-ibis.*

udabay	bis	suu-γa	d'et-t-ibis
вскоре	мы	река-DAT	достичь-PST-1PL

‘Мы вскоре достигли реки.’

В шорском в значении направления движения с направительным падежом конкурируют послелоги *саара* и *тебе*. Диалектно формируется направительный падеж на *-са* / *-за* / *-саа* / *-заа*, который еще не вполне сложился.

В тувинском языке ситауция осложняется тем, что целый ряд форм выражают направление движения: 1) датив, 2) редкий директив из послелога *-DIva* [Сат 1966] или *-GXdX*, используемый только в тоджинском диалекте [Чадамба 1970], 3) древний экватив-латив *-CA*, который имеет в основном пролативную семантику, 4) номинатив [Sagaan 2006].

Можно предположить как развитие древней традиции директивов, так и влияние соседних языков. В монгольских языках имеются директивы, которые признаются падежными формами далеко не всеми исследователми, сравните описание бурятского в [Skribnik 2003] и [Бертагаев 1968]. Директивы не реконструируются для протомонгольского [Janhunen 2003].

1.1.5.9. Симилатив

Вопрос о включении симилятивной формы в состав падежной парадигмы ставится только для алтайского языка. Определенные предпосылки для ее признания падежной формой есть и в шорском языке.

В традиционной грамматике алтайского языка именные образования с аффиксом *-ДЫй*, передающим уподобительное значение, считаются относительными прилагательными со значением «подобный X», «X-образный», «похожий на X», где X – это мотивирующая именная основа:

(24) алт. *Öскö уулга туштайла*, *өрт-тий күүн ол сескен* ‘Повстречав другого парня, похожее на огонь (т. е. огнеподобное, жгучее) желание почувствовала’.

Считается, что такие прилагательные имеют значение уподобления, сравнения по какому-либо признаку (внешняя форма, характер, свойство и т. п.): *сүттий* ‘как молоко (похожий на молоко’), *туудый* ‘как гора (похожий на гору)’, *баладый* ‘как ребёнок (похожий на ребёнка)’:

(25) *Сүт-тий айдыҥ бу түнде санаалары үч башка кайып барган* ‘В эту ночь с луной, (белой) как молоко, мысли ее рассеивались, разбегались в разные стороны (букв.: на три стороны парили)’.

Однако языковой материал не вписывается в эту схему описания, заставляя нас предполагать, что на самом деле правильнее было бы рассматривать аффикс *-ДЫй* как показатель уподобительного падежа [Невская 2016].

Рассмотрим некоторые особенности этой формы, которые сближают ее с падежными аффиксами.

1. Образования с аффиксом *-ДЫй* встраиваются в именную словоформу, занимая позицию падежного показателя и сочетаясь с аффиксами множественности и притяжательными (посессивными) аффиксами разных лиц и чисел:

куу-лар-дый ‘как лебеди’
лебедь-PL-COMP;

эне-м-дий ‘как моя мама’
мама-POSS.1SG-COMP;

эне-ӈ-дий ‘как твоя мама’
мама-POSS.2SG-COMP.

2. После притяжательного аффикса 3-го л. перед аффиксом *-ДЫй* используется так называемое местоименное *-н-*, которое появляется практически только перед аффиксами падежей:

агаш-таш-тыӈ *куж-ын -дый*
дерево(лес)-камень(гора)-GEN птица-POSS.3-COMP
‘(как) подобно птице лесов и гор’.

3. Аффикс *-ДЫй* добавляется ко второму члену генитивно-посессивной определительной конструкции, маркируя семантику стандарта сравнения, которую несет эта конструкция, а также к имени, выступающему в качестве определяемого в определительных конструкциях различной степени сложности, в том числе и как определяемое имя определительного придаточного предложения:

койу агаштардыӈ кölöткözинде аӈчыдаӈ чочыган элик-тий
‘как косуля, испугавшаяся в тени густых деревьев охотника’.

В данной именной группе имя *элик* ‘косуля’ имеет при себе в качестве определения определительную предикативную единицу. Эта определительная конструкция возглавляется глаголом *чочы-* в форме причастия на *-ГАн*; этот глагол присоединяет к себе косвенный объект (стимул эмоциональной реакции) в форме исходного падежа, а также обстоятельство места, которое само выражено генитивно-притяжательной определительной конструкцией. Нет никакого смысла считать всю эту именную группу прилагательным. Аффикс *-ДЫй* стоит тут в той же позиции, что и любой другой падежный аффикс:

койу агаштардыҥ көлөткөзинде аҥчыдаҥ чочыган элик-ке
‘к косуле, испугавшейся в тени густых деревьев охотника’;

койу агаштардыҥ көлөткөзинде аҥчыдаҥ чочыган элик-те
‘у/около косули, испугавшейся в тени густых деревьев охотника’.

4. Синтаксические функции данных образований значительно шире тех, которые выполняют прилагательные:

(26) *(Олор) куулардый нак.*
(Олор) куу-лар-дый нак
они лебедь-PL-SIM дружный
‘Они, как лебеди, дружны.’

В данном предложении скалируемый предикат *нак* ‘близкий, дружный’ выступает в функции предиката сравнительной конструкции; форма на *-ДЫй* занимает актантную позицию, оформляя стандарт сравнения.

В примере (27) форма на *-ДЫй* занимает сирконстантную позицию при глаголе *јоголып кал-* ‘изчезнуть’:

(27) *Оноҥ өрө турала*, *койу агаштардыҥ көлөткөзинде аҥчыдаҥ чочыган элик-тий*, *јоголып калды* ‘Потом, поднявшись, исчез, подобно косуле (как косуля), испугавшейся в тени густых деревьев охотника’.

5. В примерах в пунктах (1) и (2) сравнительная конструкция неполная, так как в них отсутствует явно выраженный скалируемый предикат, т. е. основание сравнения. Дело в том, что в данных предложениях используются стандартные сравнения, когда носителям данного языка ясно и так, по какому именно признаку сравнивается предмет сравнения с эталоном-стандартом сравнения:

өрт-тий күүн ‘как огонь желание’ (ЖГУЧЕЕ, как огонь, желание)
сүт-тий ай ‘как молоко луна’ (как молоко, БЕЛАЯ луна).

6. Образования с аффиксом *-ДЫй* не субстантивируются, как прилагательные; при субстантивации прилагательных формальным признаком данного частеречного перехода часто служит притяжательный аффикс 3-го л.: *ак* ‘белый’ – *аг-ы* ‘белок (глаза)’. Этот процесс для формы на *-ДЫй* не характерен.

7. Аффикс *-ДЫй* добавляется к причастной форме глагола на *-ГАн*, подобно остальным падежным аффиксам, образуя причастие на *-ГАндЫй*, которое, как и остальные формы причастий в алтайском языке, выступает как в финитной, так и в инфинитных позициях. Эта форма передает значение

уподобления выраженного ею действия другой ситуации-эталону, хотя эталонная ситуация обычно не выражена:

(28) *Јаңы ла чыгып келген јылдыстар араайын суркуражып*, *школдың ачык көзнөктөринең угулып турган кыстардың узун кожоңын тыңдагылап тургандый* ‘Кажется, будто только что появившиеся звезды, тихо поблескивая, слушают доносящиеся из раскрытых окон долгие песни девушек’ (то, как звезды тихо мерцают, похоже на то, как слушают музыку; но звезды на самом деле никаких песен не слушают, это ирреальное сравнение, которое используется для того, чтобы образно передать впечатления говорящего от пения девушек в тихую звездную ночь).

Из инфинитных функций форма на *-ГАндЫй* употребляется только в функции определения. В функциях предиката изъяснительного или обстоятельственного придаточного предложения, которые потребовали бы присоединения к ней соответствующего падежного аффикса, форма на *-ГАндЫй* не употребляется, что подтверждает нашу гипотезу о ее падежном статусе, так как два падежных показателя не могут при нормальных условиях употребляться в одной и той же словоформе:

өрт болгондый кыралар
‘поля как будто после пожара’
(букв.: поля, на которых был пожар).

Думается, что данная форма уже полностью синтезировалась, и, видимо, задолго до того, как сформировался падежный аффикс на *-ДЫй*, в грамматике современного алтайского языка ее рассматривают как отдельную причастную форму.

Все эти соображения приводят нас к мысли о том, что аффикс *-ДЫй* является в алтайском языке падежным. Нужно заметить, что уподобительные падежи (экватив и симилятив) существовали в древнетюркском языке. Показателем экватива был аффикс *-čA*. Застывшие образования с данным аффиксом имеются и сейчас в алтайском языке, но они сохранились только от небольшого количества основ. Симилатив *-lAyU* постепенно выходит из употребления уже в древнетюркский период.

Нужно, конечно, учитывать, что между образованием грамматических форм одной лексемы и словообразованием существует тесная взаимосвязь. Словоформы, которые когда-то принадлежали парадигме склонения имен, могут выпадать из системы этой категории, «застывать» в виде ограниченного числа форм отдельных имен, претерпевая при этом определенные семантические сдвиги, лексикализовываться и функционировать как наречия, послелоги и т. п. Прежний падежный формант в их составе уже должен рассматриваться как словообразовательный. Как показывают исторические данные, словообразовательные морфемы часто восходят к словоизменительным

(а те нередко к синтаксическим сочетаниям двух слов, если мы вообще можем об этом судить, так как исторические письменные источники, особенно для тюркских языков, не дают нам материала старше примерно полутора тысячелетий). На определенном этапе языкового развития возможно существование промежуточных форм, которые можно относить и к словообразованию, и к словоизменению.

Это относится и к аффиксу *-ДЫй*. Так, у одного из известных современных алтайских писателей Кюгея Телесова встречается образование на *-ДЫй* от указательного местоимения *ол* (в форме его косвенной основы, но без обычного умляута с *а*, сравните его более распространенную косвенную основу *ан-*), которое далее принимает аффиксы множественности и родительного падежа: *он-дый-лар-дыҥ тоозында* ‘в числе таких (людей)’ (КККК: 192). Это образование уже включено в словари алтайского языка как застывшее. Считается, что это наречие: *ондый* ‘также’ (МСАЯ). Очевидно, что в приведенном примере это, скорее, субстантивировавшееся образование с формантом *-ДЫй*. На его субстантивацию указывает то, что оно принимает аффиксы множественности и родительного падежа.

То, что некоторые образования с *-ДЫй* лексикализовались как прилагательные, ожидаемо: все же преимущественно они употреблялись в приименной позиции в функции определения, прототипической для прилагательного, уже в древнетюркских письменных памятниках.

В электронном словаре алтайского языка [Панина и др., 2016] зафиксированы следующие застывшие образования с аффиксом *-ДЫй* в их составе:

андый ‘так, такой’;
ондый ‘также’;
мындый ‘такой, подобный этому’;
кандый ‘какой’.

Все они образованы от основ указательных и вопросительных местоимений и вошли в состав местоименных наречий и прилагательных как алтайского языка, так и многих других тюркских языков, включая и древние тюркские языки.

Тем не менее все они являются застывшими, значение уподобления в них частично или в значительной степени поблекло. Поэтому, как нам представляется, для синхронного состояния алтайского языка нет оснований считать показатель *-ДЫй* продуктивным словообразовательным аффиксом.

Какова же содержательная специфика алтайской формы на *-ДЫй*? Данный показатель передает сравнение равенства, т. е. при логической операции сравнения двух объектов (в частности, двух действий) устанавливается их подобие (равенство или сходство в образе их действий), это значения экватива и симилятива; см. примеры выше. Соответственно, правильно было бы назвать эту форму уподобительным падежом, т. е. симилятивом.

Древнетюркский послелог *täg* ‘как’, который, по-видимому, и был праформой для аффикса *-ДЫй* в алтайском языке, весьма частотен, что свидетельствует о его грамматическом словоизменительном статусе. Даже в не очень обширном корпусе VATEC имеется около 240 случаев его употребления. Уже в то время началась его синтезация, так как иногда его писали слитно с предыдущим именем (табл. 23).

Таблица 23

Использование симилатива

Язык	Др-т. (рун./ман./уйг.)	Алт.	Чалк.	Шор.	Хак.
Показатель	*(täg)*	*-DÏy*	–	*-DÏγ*	–
Частота использования, %	0	1	–	–	–

Вопрос о статусе образований с аффиксом *-ДЫй* в тюркских языках остается спорным.

В «Сравнительно-исторической грамматике тюркских языков» даются такие формы данного образования: на *-ДЫй* / *-ДАй* / *-ДЫг* / *-ДАг*. Этот аффикс имеет различные гласные и конечный согласный в разных тюркских языках: в башкирском *-ДАй*, в хакасском *-ДАг* и т. д. Варьирование его конечного согласного объясняется контаминацией с другим сравнительным аффиксом *-лАйЫн* [СИГТЯ 1988: 268].

Эти образования распространены в основном в кыпчакских языках; в разных тюркских грамматиках они относятся к падежным или рассматриваются как производные прилагательные или наречия. Исследователями ногайского языка отмечаются наречия времени, образа и степени действия [ГНЯ 1973: 193]. Башкирские формы с аффиксом *-ДАй* трактуются как прилагательные [Мусаев 1964: 177]. Г. И. Рамстедт считает такие формы падежеобразными [1957: 56–57], см. также [Закиев 1964: 217]. Авторы соответствующего раздела СИГТЯ считают, что с учетом позиционных употреблений форм на *-ДАй* (например, в башкирском – приименная позиция), их нужно относить к падежеобразным [СИГТЯ 1988: 268].

Конечно, вопрос о статусе данной или любой иной формы всегда нужно поднимать на материале конкретного языка. Мы знаем, что материально тождественные формы в разных тюркских языках могут принадлежать к разным категориям. Например, аффикс *-МАк* является инфинитивом (называемым также масдаром) в турецком языке, но в тюркских языках Сибири это аффикс, образующий отглагольные существительные, сравните тур. *bas-mak* ‘наступать, ступать, давить’ от основы *bas-* и шор. *паспак* ‘ступка’ от соответствующей основы *пас-* ‘наступать, ступать, давить’. Соответственно, нужно проверять, проявляют ли образования с показателем *-ДЫй* / *-ДАй* падежные свойства в данном конкретном языке. СИГТЯ отмечает, что данные образования выполняют как атрибутивные, так и обстоятельственные функции

во многих тюркских языках, а не только в алтайском, как мы показали. Еще раз подчеркнем, что это нужно проверять для каждого языка. Но есть и основания проверить, не является ли *-ДЫй* синтезировавшимся послелогом, ставшим особой, промежуточной, категорией.

2. Рассмотрим типологию приименных реляторов и обсуждение статуса казахской формы на *-ДАй* в свете концепции Л. Йохансона.

Исследуя реляторы в казахском языке, которые присоединяются к именам существительным и выражают их отношения к другим членам предложения, Л. Йохансон выделяет 4 типа [Johanson 2015]:

1) синтетические реляторы, т. е. падежные показатели, которые являются аффиксами в морфологическом плане и наиболее абстрактными в семантическом;

2) наиболее грамматикализированные аналитические реляторы – это послелоги, которые в основном используются как отдельные слова, но могут иметь и «связанную» форму, которая гармонирует с управляемым именем и составляет с ним одно фонетическое слово. К их особенностям относятся следующие: а) они составляют замкнутый класс слов и обычно не этимологизируются на данном этапе их развития; б) не используются в качестве других частей речи, например, как наречия, как это часто бывает с менее грамматикализированными послелогами; в) не имеют в своем составе падежных показателей; г) не управляют падежной формой имени, выраженной не нулевым аффиксом; д) выражают более специализированные значения, чем падежные показатели. Такие послелоги еще нельзя отнести к падежным, они явно проявляют тенденцию к синтезации и превращению в падежные аффиксы и в разных тюркских языках могут находиться на разных ступенях этого процесса;

3) менее грамматикализированные аналитические реляторы – это послелоги, управляющие различными падежами зависимого имени. Формально они неотличимы от слов других частей речи, таких как наречия, прилагательные, существительные. Они этимологизируются на данном этапе их развития как падежные формы имен, деепричастные формы глаголов и т. д.;

4) наименее грамматикализованные комплексные реляторы – имена, которые выступают в качестве определяемого в так называемой притяжательной определительной конструкции и совмещают служебные функции, в которых они выражают абстрактные пространственные, темпоральные, каузальные и т. п. значения, с полнозначными.

По мнению Л. Йохансона, аффикс *-ДАй* в казахском языке попадает в этой типологии во вторую группу, но он еще не может быть отнесен к падежным, хотя уже полностью синтезировался, так как способен присоединять показатель родительного падежа *-DIŋ* [Johanson 2015].

каз.

а) *mun-day* ‘like this (как этот)’;

б) *mun-day-dïŋ* ‘of something/someone like this (такого, как этот)’ ;

в) *Ḳanat-tay-dïŋ* ‘of those like Kanat’ (такого, как Канат).

3. Казахская форма на *-ДАй* и круг ее функций иной, чем аналогичного образования в алтайском языке. Наши информанты подтверждают наличие формы *мун-дай-дың* в казахском языке, но отрицают наличие в ней семантики уподобления. По мнению С. Ж. Тажибаевой, которая предоставила нам приведенные ниже примеры, это образование имеет значение не ‘подобно этому’, а 1) ‘причина этого’; 2) ‘вкус этого’; 3) ‘вот это’, в зависимости от контекста:

(29) каз. *«Қазгидромет» мұндайдың себебін ғылыми дәлелі болмаған соң айта алмайды* ‘«Қазгидромет» не мог объяснить причину этого (явления), потому что (ему) нет научного подтверждения’.

(30) каз. *Сіз мұндайдың дәмін әлі татып көрмедіңіз: алғашқы «Криспи Чипс» ыстық картоп чипстері!* ‘Вы не пробовали вкус этого: картофельные чипсы «Криспи Чипс»!’; *Мұндайдың ең кең таралған түрлеріне...* ‘вот на эти разновидности (обратите внимание)...’.

По мнению С. Ж. Тажибаевой, образование *Канат-тай-дың* в современном казахском языке невозможно. Но в то же время к форме *Канат-тай* можно присоединить аффикс множественности, и тогда к аффиксу множественности можно добавить аффикс родительного падежа: *Канат-тай-лардың заманы* ‘время (эпоха) таких, как Канат (пренебрежительно)’.

Очевидно, что форма *мун-дай* и в казахском языке лексикализовалась как отдельное указательное местоимение, в котором значение уподобления практически уже выветрилось. Но возможность присоединения к аффиксу *-ДАй* показателей множественного числа и падежа заслуживает особого внимания.

В остальном функции казахского *-ДАй* очень похожи на алтайские [Yeskeldiyeva 2014]:

(31) *Ол Асқардай күшті* ‘Он сильный, как Аскар’.

(32) *Шоқпардай кекілі бар* ‘У него густая челка (букв.: челка как дубинка)’.

(33) *Дауысы бұлбұлдай сайрады* ‘Ее голос звучал как соловей’.

Мы видим тут возможность рассматривать столь различные функции как расщепление казахского форманта *-ДАй* на грамматические омонимы: с одной стороны, он употребляется как послелог-аффикс с очень близкими падежным функциями, с другой, он выступает как транспонирующий, т. е. образует атрибутивные формы имени, способные далее снова субстантивироваться и принимать морфологию имени существительного. Ср. в русском языке однокоренные элементы: уподобительную частицу *подобно* и второй компонент сложных прилагательных, образованных по образцу *луноподобный*. То, что образования с *-ДАй* преимущественно употребляются в роли определений, облегчает восприятие их как прилагательных. Отдельные такие образования, как мы видели, уже давно лексикализовались.

Вопрос о статусе казахского аффикса *-ДАй* остается открытым. А вот особенности алтайского показателя *-ДЫй*, который полностью встроен в алтайскую номинальную словоформу по образцу падежных показателей, поз-

воляют нам ставить вопрос о том, что он уже вошел в систему склонения литературного алтайского языка.

1.1.5.10. Экватив-латив

Падежный показатель *-čA* в древнетюркских текстах крайне редок. В проанализированных рунических и древнеуйгурских текстах он не встретился, в манихейских текстах его доля составляет 6 %. Он выполняет синтаксическую функцию обстоятельства.

Статус суффикса *-čA* в современных южносибирских тюркских языках ученые определяют по-разному. Н. А. Баскаков и М. И. Боргояков говорят о послелоге-аффиксе *-čA* в хакасском языке [Баскаков 1975: 436, Боргояков 1976: 117–120]. В шорском языке Н. П. Дыренкова также называла его послелогом-аффиксом [Дыренкова 1941: 64–65], хотя никто из этих ученых не давал при этом определения данному термину. Термин «послелог-аффикс» может указывать на переходную ступень от послелога к падежному аффиксу. Согласно исследованиям А. А. Озоновой и Е. В. Николиной, формирование экватива-латива в чалканском языке также еще не завершено. В дальнейшем мы проверим данные утверждения на материале корпусов данных языков.

В корпусе алтайского языка нами были найдены следующие случаи употребления суффикса *-čA*:

1) с местоименными основами, например: *kanča* ‘сколько’, *anča* ‘столько’, *mïnča* ‘столько’, *boyïnča* ‘как только’;

2) с глагольными основами и причастным суффиксом *-GAn*, например: *oturganča* ‘пока (они) сидели’, *kalganča* ‘пока (он) оставался’;

3) с крайне малочисленными именными основами, например: *čïnïnča* ‘действительно’, *čikezinče* ‘напрямик’, *közinče* ‘на глазах у’.

Таким образом, с одной стороны, наблюдается употребление данного суффикса с крайне ограниченным количеством именных и местоименных основ. Имена с суффиксом *-čA* в настоящий момент скорее могут рассматриваться как наречия: на это указывает семантический и функциональный сдвиг. С другой же стороны, данный суффикс прочно вошел в сферу глагольной морфологии и рассматривается в алтайском языке как особый причастный суффикс *-GAnčA*.

В корпусе чалканского языка наблюдается аналогичное положение дел. Суффикс экватива-латива употребляется с ограниченным количеством местоименных основ (*kanža* ‘сколько’) и с глагольными основами и причастным суффиксом *-GAn-* (*turganže* ‘пока он не встал’), а также с отдельными именными основами (*tavïmže* ‘со временем’, *kiyinže* ‘позади’).

В электронных корпусах шорского и алтайского языков причастия с даным суффиксом встречаются немного реже, употребление с местоименными основами также частотно, количество именных основ с данным суффиком низкое (например, шор. *töönče* ‘до’).

В базе древнетюркских текстов VATEC обнаруживается следующая тенденция: суффикс *-čA* весьма часто употребляется с местоименными основами (197 из 576 употреблений), т. е. уже в древнетюркское время около трети употреблений данного суффикса приходилось на местоименные основы.

В современных южносибирских тюркских языках предпочтительное использование с местоименными основами закрепилось, развился причастный суффикс *-GAnčA*, а использование суффикса эквативa-латива с именными основами практически сошло на нет по сравнению с древнетюркским состоянием. Сочетаемость падежного суффикса с любыми именными основами является обязательным показателем его продуктивности. Те отдельные остатки данного суффикса в рассматриваемых языках, которые удалось обнаружить в электронных корпусах, в настоящее время скорее являются застывшими формами и перешли из разряда имен существительных в разряд наречий или послелогов. Предложенный учеными термин «послелог-аффикс» представляется нам крайне неточным: он отражает процесс перехода от послелога к падежному аффиксу, чего мы не можем наблюдать для рассмотренных языков, и не отражает процесс перехода морфологической единицы в область лексики (лексикализация) либо процесс перехода суффикса из именной в глагольную морфологию.

Древний тюркский аффикс *-cA* имеется во всех тюркских языках [Щербак 1977: 54–55]. Его исходным значением могло быть пространственное, но оно встречается редко в древнетюркском, в отличие от ряда сибирских тюркских языков. М. Эрдал выделяет пространственные значения этого падежа: лимитативное (‘вплоть до’), например, *tiz-čä* ‘до колена’ (букв.: колено-LAT) (MaitH XXV 3v19), полагая, что пролативное значение являлось первичным [Erdal 2004: 376–378].

В тувинском и тофаларском формант *-čA* имеет пролативные функции, возможно, сохраняя его древнее значение.

Представлен этот аффикс также и в шорском языке. Локализатор с показателем *-ча* / *-че* (так называемый направительный падеж, чаще употребляемый в значении трассы) обозначает трассу транслокации:

(34) шор. *Пис кӧдере-ча торумнап чӧрчабыс* (ШГ, 240) ‘Мы по болоту за шишками ходили’.

(35) *Кижилер изин-че келеле*, *қазып тура пердилер* (АГ, 170) ‘Люди, по следам (зверя) придя, стали раскапывать (нору)’.

Данный падеж передает координату направления при транслокации – вектор, направленный к точке, обозначенной опорным локумом, но не достигающий ее, при процессности действия, выраженного локативным предикатом.

(36) шор. *Абаңның чурт-ын-ча парған* (ШН, 22) ‘В отцовское стойбище поехал.’

Нередко в значении трассы орудный и направительный падеж взаимозаменяемы: *суң-ма* / *суң-ча тӱшча* ‘спускается вниз по реке’ (*суң* – диалектная форма слова *суг* ‘река’); *чол-ба* / *чол-ча парча* ‘идет по дороге’. Предпочтение

форме на *-чА* отдается, во-первых, когда нет широкой торной дороги, а есть тропинка, которая то исчезает, то появляется вновь, во-вторых, если дорога раздваивается и нужно сделать выбор, куда повернуть: *Сол чан-ча парчам* ‘По левой стороне пойду’. Думается, что в данных случаях значение направления и трассы у падежных форм на *-ча* / *-че* сливаются воедино – трасса + направление.

Форма на *-чА* передает также значение цели – стремление достичь опорного локума при футуральной ориентированности действия локативного предиката:

(37а) шор. *Суг-ча парайын* (ШНМ) ‘К реке пойду-ка я’.

При фактитичности действия локативного предиката возможно и значение финиша транслокации:

(37б) шор. *Абаңның чурт-ын-ча кирбеен...* (ШН, 22) ‘В отцовское стойбище не въезжая...’.

1.1.5.11. Комитатив

Древний комитативный падеж *-lXgU*, *-lUgUn* исчез уже ко времени классического древнеуйгурского языка. Однако он сохранился в якутском. В южносибирских тюркских языках его функцию выполняет так называемый инструментальный падеж.

1.1.5.12. Партитив

Якутский падеж на *-DA*, соответствующий локативу других тюркских языков, развился как партитивный падеж. Интересно, что и тофаларский язык показывает такое же развитие. В якутском языке эта форма маркирует частичный охват объекта действием при императивной форме глагола или же неопределенный объект [Pakendorf 2007: 145].

(38) якут. *Kiliepte aγal!* [Stachowski, Menz 1999: 429]

kiliep-te	aγal
хлеб-PRTV	принести:IMP2SG

‘Принесите хлеба!’

(39) якут. *Uuta bahïŋ!* [Stachowski, Menz 1999: 429]

uu-ta	bah-ïŋ
вода-PRTV	принести-IMP2PL

‘Принесите воды!’

(40) якут. *Miexe atta tutan bier!* [Pakendorf 2007: 145]

miexe	at-ta	tut-an	bier!
мне	конь-PART	поймать-CV	дать:aux:IMP.2SG

‘Поймайте мне коня!’

В тофаларском эта форма имеет локативные функции наряду с партитивными:

(41) тоф. *Suġda hal!* [Rassadin 1978: 40]
suġ-da hal
вода-LOC остаться:IMP.2SG
‘Оставайся в воде!’

Во всех остальных сибирских тюркских языках партитивные функции выполняет аблатив.

(42) алт. *Quruttaŋ altay qalaštaŋ amzaγar!* [Ozonova 2006]
Qurut-taŋ altay qalaš-taŋ amza-γar!
сыр-ABL Altay хлеб-ABL пробовать-IMP.2PL
‘Попробуйте (кусочек) курута и алтайского хлеба.’

В древнетюркском языке локатив также выражал как исходное значение, так и локативное:

(43) др.-тюрк. *Tabgač xaganta bädizči kälürtüm.* [Erdal 2004]
Tabgač xagan-ta bädizči kälür-t-üm.
Китай император-LOC декоратор привести-PST-1SG
‘Я привез декоратора от китайского императора.’

(44) др.-тюрк. *ay täŋri ordosïnta enipän* ... [Erdal 2004]
ay täŋri ordo-sïn-ta en-ipän …
луна Бог дворец-POSS.3-LOC спускаться-CV
‘…спускаясь из дворца Бога Луны’.

Это значение исходности могло реализоваться в якутском языке как партитивное, так как при партитивности части объекта отдаляются от целого или противопоставляются ему.

1.1.5.13. Партитивная локация

В тувинском языке развилось интересное значение партитивной локации, выражаемое аблативом [Sagaan 2006]. Значение, которое при этом выражается, – это частичное занятие некоего места: прилечь на кушетку, примоститься на диване и т. п.

(45) тув. *Aalčïlar divandan čïdïp alγannar.* [Sagaan 2006]
aalčï-lar divan-dan čïd-ïp al-γan-nar
гость-PL диван-ABL лечь-CV AUX-PST-PL
‘Гости прилегли на диване.’

(46) тув. *Ažïrbas*, *šaladan čïdïptayn!* [Sagaan 2006]
ažïrbas šala-dan čïdïptayn!
ничего пол-ABL лечь:OPT.1SG
‘Ничего, я лягу спать на пол!’

Даже это нетривиальное развитие семантики могло иметь свои истоки в партитивно-локативных функциях формы на *-rA* в древнетюркском [Erdal 2004: 373–374]. Когда этот аффикс добавлялся к имени, обозначающему часть тела, он обозначал частичное вовлечение тела в некое действие:

süŋün yüräkrä sančït-

süŋü-n	yüräk-rä	sančït-
копьё-INSTR	сердце-PRTV	быть пронзенным

‘быть пронзенным копьём в самое сердце’

* * *

Итак, мы рассмотрели сложность падежных систем тюркских письменных источников, руководствуясь критериями определения системной (количество элементов подсистемы, т. е. падежей), структурной и поверхностной сложности (длина сегментов, т. е. длина самих падежных показателей), выработанными типологами. Критерии синтагматической сложности, учитывая особенности тюркской морфологии, мы уточнили следующим образом:

1) процентное соотношение употреблений падежно-оформленных и падежно-неоформленных существительных;

2) процентное соотношение употребления каждого из падежей;

3) семантические функции каждого из падежей;

4) синтаксические функции каждого из падежей.

Проведенный анализ древнетюркских языков показал, что инвентарь их падежных форм развивается в сторону уменьшения членов системы, т. е. в сторону ее парадигматического упрощения. Параметр морфонологической вариативности членов парадигм большой роли не играет, за исключением вариативности форм аккузатива после аффиксов притяжания. К классическому периоду исчезают и наиболее длинные падежные формы, состоящие из 4–5 звуков, тем самым уменьшается и поверхностная сложность системы. В тюркских языках последующих периодов падежные показатели стабильно имеют 2–3 звука.

Падежные системы современных крупных тюркских литературных языков близки падежным системам среднетюркских языков, их непосредственных предшественников. Так, староосманский и современный турецкий языки вплотную сближаются по падежному инвентарю. Отдельные староосманские тексты могут носить диалектный характер и содержать большую вариативность форм аффиксов, чем современный литературный язык (например, *-dIn* наряду с *-dAn* в аблативе). Есть и остатки древнего экватива и инструменталиса, уже находящихся на грани исчезновения в качестве активных падежей. В современном турецком языке они вошли в систему аффиксальной деривации.

Уровень сложности падежных систем современных тюркских языков Южной Сибири значительно различается в зависимости от того, имеет ли данный язык длительную письменную историю или нет. Тюркские падежные парадигмы этого ареала (за исключением якутского языка, обладающего

большим своеобразием), при всем их многообразии, проявляют удивительную стабильность на системном уровне: древние падежные формы, вышедшие из употребления, заменяются новыми падежными формами, формирующимися из сочетаний имен и послелогов: если древние падежи выходили из употребления, они восстанавливались из собственных ресурсов сибирских тюркских языков. Так, древний инструментальный падеж *-(I)n* был обновлен во всех сибирских тюркских языках путем синтезации древнего послелога *birle(n)* ‘с, вместе с’ в его стяженных формах, различных в каждом отдельно взятом языке. Обновление директивного падежа *-gArU* также заканчивается во всем регионе, где в некоторых языках директивные послелоги еще окончательно не синтезировались. Остатки так называемого эквативного падежа на *-čA* есть во всех этих языках, но он пока еще не обновился во всех языках, или же соответствующие формы пока еще не признаны падежными в академических грамматиках.

Наиболее важным фактором в динамике сложности падежных систем является синтагматика. Хотя падежный инвентарь наиболее древних тюркских языков был значительно шире, чем в современных, функциональная нагрузка на отдельные формы была распределена очень неравномерно: самой высокой частотностью употребления обладал номинатив (50 % случаев употребления всех падежных форм имени). Более богатый инвентарь падежных форм раннего древнетюркского времени с течением времени заменяется более четкой семантической специализацией отдельных форм в ходе становления литературных древнетюркских языков, а позднее эта тенденция сохраняется и в литературных среднетюркских и современных языках. В результате того, что многие древние формы выходят из употребления, падежные системы становятся проще, более структурированными, формы падежей становятся более специализированными семантически. Это свидетельствует об упрощении языкового строя, характерном для кодированных литературных языков.

В свете представленных результатов исследованные нами современные тюркские языки объединяются в три группы, расположенные по мере повышения сложности их падежных систем: группа 1 имеет наименьшую сложность, группа 3 наивысшую.

1. Современные «крупные» тюркские языки, опирающиеся на длительную письменную традицию или же использовавшие длительное время общее койнэ (литературные языки Средней Азии и юга Европы). Они имеют значительно меньший падежный инвентарь, чем падежный инвентарь ранних древнетюркских памятников, в них завершились те процессы, которые наблюдаются уже в позднем древнетюркском и в среднетюркском времени: закончилась утрата периферийных падежных форм, конкретные формы стали более специализированными, утратились периферийные формы и синтезировались новые падежные формы на базе сочетаний «послелог + имя». В результате фиксируется упрощение падежной парадигмы и семантическая специализация отдельных элементов падежных систем.

2. Иная картина наблюдается в младописьменных тюркских языках Сибири с письменной историей, насчитывающей менее 200 лет, а также в современ-

ных диалектах немладописьменных языков. Наряду с процессами перераспределения основной семантической и синтаксической нагрузки с менее специализированных форм на более специализированные, как и в языках первой группы, в младописьменных тюркских языках Сибири сохраняется ряд периферийных падежей древнетюркского периода, а также более активно синтезируются новые падежные формы из сочетания имени и послелога, которые восполняют утрату древних падежей (например, инструменталиса и латива) или же завершают процессы становления новых падежных форм, которые начались еще в древнетюркское время (например, симилятива). Такие падежные системы демонстрируют большую парадигматическую сложность по сравнению с падежными системами первой группы современных тюркских языков.

3. К третьей группе относятся падежные системы отдельных «нестандартных» тюркских языков, примером которых может служить якутский язык. Для него характерно особое развитие падежной системы, в котором отразились его контакты с соседними языками, что привело к значительному усложнению как парадигматики, так и синтагматики его падежной системы.

Таким образом, на протяжении всего развития падежных систем тюркских языков в древне-, средне- и новотюркский периоды наблюдаются две взаимонаправленные тенденции развития их парадигматической сложности: с одной стороны, отдельные периферийные формы утрачиваются, что приводит к упрощению падежных систем, но с другой стороны, происходит усложнение систем за счет синтезации новых падежей из сочетаний «послелог + имя».

1.2. Именные классы в чукотско-корякских языках как признак языковой сложности

В области именной морфологии чукотско-корякских языков ярко выраженную сложность демонстрируют именные классы, устроенные на основе типологически редкого признака личности и референциальности. Грамматическая категория рода в урало-алтайских языках отсутствует, поэтому на фоне других описываемых в этой монографии языков чукотско-корякские языки отличаются сложным устройством соответствующего фрагмента именной грамматической системы, тем более что базовая оппозиция в ее рамках маркирует не широко распространенный параметр грамматического рода, а уникальные характеристики, связанные со структурой дискурса.

Наличие именных классов (грамматического рода) в любом языке представляет собой явление лексической идиосинкразии, свидетельствующее о зрелости языка, что, в свою очередь, является проявлением языковой сложности [Даль 2009: 197]. Хотя грамматический род является вспомогательным референциальным средством, в некоторых случаях помогающим различить двух и более активированных референтов [Кибрик 2003: 62], чаще всего эта грамматическая категория является нефункциональным излишеством, и не случайно она отсутствует во многих языках мира. На территории Сибири грамматический род зафиксирован только в палеоазиатских языках, кетском

и чукотско-корякских. В алтайских и уральских языках, составляющих большинство языков коренных народов Сибири, такой категории нет. Доказательством маргинальности данной грамматической категории является также то, что она отсутствует в таких редуцированных и упрощенных языковых системах, как пиджины, и никогда не возникает в процессе креолизации пиджинов [Trudgill 1999: 137, 143].

Тем не менее именные классы в тех языках, где они есть, удивительно устойчивы, особенно грамматикализовавшиеся, имеющие словоизменительное выражение [Даль 2009: 496–497]. Изменения, которые происходят в системах именных классов, не разрушают эти системы полностью, а приводят к уменьшению их сложности путем замены типогически редкого основания противопоставления на типологически более частотные.

Семантические корреляции, на которых строится система именных классов в чукотско-корякских языках, укладываются в рамки иерархии одушевленности, или иерархии агентивности, впервые описанной М. Сильверстайном [Silverstein 1976]. Данная иерархия была дополнена Р. Диксоном и переосмыслена в единую многофакторную цепь признаков [Dixon 1979: 85], в настоящее время известную в типологии как «расширенная иерархия одушевленности» [Croft 2003: 130]:

– местоимения 1-го и 2-го лица >
– местоимение 3-го лица >
– собственные имена существительные >
– нарицательные имена существительные, обозначающие людей >
– прочие одушевленные нарицательные имена существительные >
– неодушевленные нарицательные имена существительные.

Чем выше вверх по иерархии, тем больше вероятность использования имени в агентивной функции, а также маркировки числовых противопоставлений, свойственных данному языку [Corbett 2000: 70]. Данная иерархия включает три отдельных, но взаимосвязанных параметра, каждый из которых формирует части общей иерархии:

– *личность*: 1-е и 2-е лица (локуторы, т. е. участники речевого акта) противопоставлены 3-му как не-локутору;

– *референтность*: местоимения стоят в иерархии выше, чем собственные имена, а они, в свою очередь, выше, чем нарицательные имена;

– *одушевленность*: люди > одушевленные > неодушевленные [Croft 2003: 130].

1.2.1. Параметры иерархии именных классов в чукотско-корякских языках

В исходной системе именных классов в чукотско-корякских языках, видимо, выстраивалась двухступенчатая иерархия по параметрам личности и референтности. Высшую ступень этой иерархии занимали личные место-

имения, имеющие особый показатель эргативного падежа *-пап*, не представленный в именной парадигме. Имена существительные и остальные местоимения подразделялись на референтные и нереферентные. К референтным относились прежде всего собственные имена, а также вопросительные, указательные и др. местоимения при референции к людям. Все остальные имена существительные, в том числе термины родства и другие имена, обозначающие людей, названия животных, наряду с именами, обозначающими неодушевленные предметы, составляли группу нереферентных имен. Для референтных имен в качестве эргативного падежа использовался локатив, а для нереферентных – инструментальный падеж.

Личные местоимения в чукотско-корякских языках на протяжении всей истории их изучения не обнаруживают признаков перехода в другой класс, и наоборот, этот класс не расширяется за счет имен существительных. Изменения в системе именных классов связаны со вторым уровнем иерархии: наблюдается смена исходно заложенного противопоставления по признаку референтности на оппозицию по признаку человек / не-человек, а в некоторых диалектах – по признаку одушевленности-неодушевленности.

1.2.2. Система именных классов в чукотском языке

В первоначальных описаниях чукотского языка, выполненных В. Г. Богоразом [Bogoras 1922; Богораз 1937], имена делятся на собственные и нарицательные, даются отдельные наблюдения, связанные со спецификой склонения собственных имен и выражением множественного числа.

В. Г. Богораз указывал, что при склонении собственных имен и некоторых слов, относящихся к лицам, в частности, указательных и вопросительных местоимений, в дательном, творительном и местном (притяжательном) падежах «употребляется один общий суффикс *-inæ* / *-ena*, *-næ* / *-na*» [Bogoras 1922: 701, 703; Богораз 1934: 20]. О множественном числе сообщалось, что оно выражается в абсолютном и, реже, сопроводительном падежах, а в косвенных падежах либо форма множественного числа заменяется формой единственного числа соответствующего падежа, либо используются инфиксы, выражающие множественность [Богораз 1934: 19]. В работе 1922 года эти особые морфемы для выражения множественного числа у собственных имен были представлены более детально. Указывалось, что и в абсолютном падеже собственные имена имеют специфический показатель множественного числа *-(ı)nti*. Форма собственных имен во множественном числе обозначает группу лиц, которая принадлежит человеку, чье имя обозначено в основе, и в которую входит он сам [Bogoras 1922: 696]. Множественное число собственных имен в косвенных падежах образуется путем присоединения к основе имени «послелога» (в оригинале статьи использован термин *post-position*), восходящего к основе местоимения *-(ı)rg* ‘они’ [Bogoras 1922: 706].

Выделение двух классов имен в работах В. Г. Богораза связано с тем, что в чукотских текстах, собранных им в конце XIX – начале XX вв., нарицатель-

ные имена существительные, в том числе обозначающие людей, действительно склоняются только как нарицательные имена.

В грамматике чукотского языка П. Я. Скорика имена делятся на три склонения. Ко второму склонению относятся вопросительные, указательные, определительные и заместительные местоимения при обозначении людей и небольшая группа имен существительных: собственные имена людей, клички животных, прозвища сказочных персонажей из животного мира и внутрисемейные названия ближайших старших родственников, как правило, при непосредственном обращении. Подчеркивается, что именно для обозначения ближайших старших родственников имеются как внутрисемейные, используемые для обращения, так и общие термины родства: *ate* ‘папа’ – *ətłəɣən* ‘отец’; *əmmemə* ‘мама’ – *ətła* ‘мать’; *erə* ‘дедушка’ – *miryən* ‘дед’; *epeqej* ‘бабушка’ – *ŋewmirɣən* ‘бабка’; *jełʔo* ‘дядюшка’ – *ənjiw* ‘дядя’; *ətčajqaj* ‘тетушка’ – *ətčaj* ‘тетя’; *ənʔə* ‘старший братец’ – *əneełʔən* ‘старший брат’. Второе слово из пары относится к первому склонению вместе с остальными нарицательными существительными. У слов второго склонения единственное и множественное числа различаются во всех падежах, у слов первого склонения – только в номинативе [Скорик 1961: 152, 177, 191].

В грамматике П. Я. Скорика впервые для чукотского языка говорится о промежуточном классе имен третьего склонения, который составляют нарицательные существительные, обозначающие людей, в том числе термины родства, кроме тех, которые относятся ко второму склонению. Чаще всего они склоняются по 1-му склонению, но в случае необходимости выразить множественное число в косвенном падеже говорящий может употребить соответствующую форму из 2-го склонения [Скорик 1961: 195]. Отличием 3-го склонения также является особая форма множественного числа одного из комитативных падежей, в которой есть показатель числа *ɣa-* – *-(ə)**r**(ə)-ma* [Скорик 1961: 201].

Существование в чукотском языке имен с нестабильным типом склонения отмечается и другими исследователями чукотского языка.

Так, Э. Спенсер, вслед за П. Я. Скориком, высказывает наблюдение о чукотских нарицательных именах, обозначающих человека, например *tumyətum* ‘друг’: такие имена могут оформляться как большинство нарицательных имен в единственном числе и как собственные имена во множественном числе [Spencer 1999: 108].

М. Данн выделял у имен в говоре телкепских чукчей два класса, связанных с иерархией одушевленности: в высокой степени одушевленные (high animate nouns) и остальные (common nouns). Первая группа имен ограничена собственными именами, терминами родства, применяемыми для обращения (*мама*, *папа* и др.), фольклорными персонажами и указательными местоимениями при референции к людям. В плане склонения эти имена отличаются от остальных тем, что они маркируют число не только в абсолютиве, но и в других косвенных падежах, кроме экватива.

При этом М. Данн указывает на то, что только собственные имена и вопросительное / неопределенное местоимение *mik-* ‘кто? кто-то’ всегда следу-

ют указанному правилу склонения. Названия говорящих животных, являющихся протагонистами мифологических сказок, также склоняются по образцу собственных имен, так как воспринимаются как их эквиваленты. Термины родства и указательные местоимения могут склоняться двумя разными способами [DUnn 1999: 64–65, 103–104]. М. Данн также высказывает мнение, что термины родства склоняются так же, как и собственные имена, когда используются по отношению к родственникам рассказчика, а не к родственникам другого человека [DUnn 1999: 103].

По нашим наблюдениям, в оригинальных текстах, особенно фольклорных, существительные промежуточного класса, оформленные по 2-му склонению, встречаются редко. Так, в двух больших сборниках сказок, записанных в середине XX в. [Ятгыргын 1963; Беликов 1979], встретилось лишь четыре таких случая – и только во множественном числе.

(1) чук., Ф50
А’ачека ныкитэ, винвэ ытлыгырык, нинэтэйкык’ин янръатвык’ай. [Ятгыргын 1963: 58]

aʔaček=a	nəki=te	winw=e		
юноша=INSTR	ночь=INSTR	тайный=ADV.instr		
ətłəɣ=ə=**rək**	n=ine=tejk=ə=qin	janr=ʔatv=ə=qaj		
отец=E=**LOC.pl**	IPF=AP=делать=E=3sgS	отдельный=лодка=E=DIM		

‘Юноша ночью, втайне от родителей, делает челнок.’

(2) чук., Ф50
Аны эккэрык ылвылю ныльгэнмык’эн. [Беликов 1979: 148]

anə	ekke=**rək**	əłwəłu	IPF=E=действительно=убить=E=3sgP
ну	сын=**LOC.pl**	дикий олень.ABS.sg	n=ə=łɣe=nm=ə=qen

‘Сыновья дикого оленя всегда ну и добывали же.’

(3) чук., Ф50
[*Люур к’олетылё тан’ымыльо гакватчаленат маравынвэты*], *ытръэч нэмэ ытлён гапэлятлен ярак н’эвыск’этырык рээн.* [Беликов 1979: 222]

ətrʔeč	neme	ətłon	ɣa=peła=t=len	
только	снова	он.ABS.sg	PP=оставить=VBLZ=3sgS	
jara=k		ŋewəsqet=ə=**rək**	reen	
дом=LOC		женщина=E=**LOC.pl**	вместе с	

‘[Вдруг однажды все ушли воевать], только он снова остался дома с женщинами.’

(4) чук., Ф50
Ытлыгэ, ытльата ынкъам ытленъюрык гылёо ныльгык’ин ытлён. [Беликов 1979: 182]

ətłəɣ=e	ətłʔa=ta	ənkʔam	ətłenju=**rək**
отец=INSTR	мать=INSTR	и	младший брат=**LOC.pl**
ɣəło=o	n=ə=lɣ=ə=qin	ətłon	
тосковать=EQU	IPF=E=считать=E=3sgP	он.ABS.sg	

‘Отец, мать и младшие братья тосковали о нем.’

В последнем из приведенных примеров показателен ряд существительных – терминов родства в функции агенса. Два первых существительных в единственном числе оформлены инструментальным падежом по парадигме 1-го склонения, а третье существительное во множественном числе – локативом множественного числа по парадигме 2-го склонения.

Появление промежуточного класса имен в чукотском языке, вероятно, связано с процессом выравнивания системы. Дело в том, что проявляющееся в 1-м и 2-м склонениях противопоставление собственных и нарицательных имен не соответствовало важнейшей корреляции «человек – не-человек», заложенной в другой части системы. П. Я. Скорик отмечал, что в чукотском языке все имена (номинативные, вопросительные, указательные, определительные и заместительные) [15] делятся на две группы, «в зависимости от того, обозначают ли они человека или другие предметы. Существительные, обозначающие человека, отвечают на вопрос *мэӈин?* ‘кто?’ <…> Существительные, обозначающие все остальные предметы, кроме человека, независимо от того, неодушевленные они или одушевленные, отвечают на вопрос *ръэнут* ‘что-кто?’» [Скорик 1961: 138–139].

Таким образом, через формирование 3-го, факультативного склонения в чукотском языке происходит распространение корреляции «человек / не-человек» на именное склонение.

1.2.3. Система именных классов в корякском языке

Сходная ситуация наблюдается и в корякском языке, но в описании корякского языка она представлена иначе.

В системе словоизменения существительных отражены категория человека / не-человека, определенности / неопределенности, числа, падежа, лица.

Существительные, обозначающие не-человека, склоняются по 1-му склонению. Существительные, обозначающие определенное, указанное лицо (имена собственные людей и индивидуализирующие слова типа *аррa* ‘папа’), склоняются только по 2-му склонению. Существительные, обозначающие человека без указания на определенность названного лица, склоняются по 1-му склонению [Жукова 1972: 95].

Категория определенности / неопределенности сопряжена в корякском языке с различением человек / не-человек (лицо / нелицо). Различение определенности / неопределенности грамматически существенно в корякском языке только для существительных, обозначающих человека [Жукова 1972: 97–98]. Существительные, обозначающие определенное лицо, маркируются суффигированным артиклем. Отсутствие суффигированного артикля в словоформе, обозначающей человека, означает, что лицо, о котором идет речь,

[15] В данной работе к именам относились все местоимения, кроме личных, имеющих особую парадигму склонения. Имена существительные в данном случае названы именами номинативными.

не является определенным, указанным (прежде всего принимается во внимание осведомленность слушателя).

Индивидуализирующие существительные – собственные имена людей и существительные, обозначающие единичное лицо (*wawa* ‘мама’, но не *həlla* ‘мать’, *appa* ‘папа’, но не *enʲpič* ‘отец’), всегда являются определенными в силу своей семантики и, соответственно, всегда имеют показатель определенности. Все остальные существительные, обозначающие человека, в связной речи употребляются или как определенные, или как неопределенные [Жукова 1972: 98].

Использование терминологической пары «определенность / неопределенность» для описания противопоставления в сфере именных классов корякского языка несколько затемняет картину, так как отсылает к представлению о категории детерминации, связанной с тема-рематическим членением предложения. В данном случае дискурсивные характеристики референтов в выборе типа склонения существительных роли не играют. Существительные относятся к тому или иному классу, и эта характеристика им свойственна в системе, а не приобретается в тексте. Другое дело, что в системе имеется потенциальная возможность выразить число референтов путем использования парадигмы склонения, свойственной референтным именам.

Как и в чукотском языке конца XIX – начала XX вв., в корякских фольклорных текстах на каменском диалекте, записанных В. Г. Богоразом в начале XX в., границы именных классов не нарушаются. Показателями уникальности-совокупности оформляются только собственные имена и несколько наименований ближайших старших родственников, используемые при обращении (*appa* ‘дедушка’, *tata* ‘папа’, *mama* ‘мама’).

(5) кор., кам.; Ф00
Appa'nak nenenеḷa'mık. [Bogoras-Tan 1917: 29]
appa=na=k n=enene=la=mək
дедушка=SG=LOC LowA=появиться=PL=1nsgP
‘Дедушка появился перед нами.’

(6) кор., кам.; Ф00
Gŭ'mma mama'nak tetei'tıñ toi'pŭk. [Bogoras-Tan 1917: 25]
ɣəmmə **mama=na=k** tete=jtəŋ t=ojp=ə=k
я.ABS.sg **мама=SG=LOC** игла=LAT 1sgS=прицепиться=E=1sgS.PFV
‘Я прицепился у мамы к игле.’

Все прочие термины родства в качестве агенса встречаются только в форме инструментального падежа, не различающей число референтов, несмотря на то, что контекст не всегда позволяет однозначно определить их число.

В первом из приводимых ниже примеров число агенса не может быть определено в рамках данного предложения, только в более широком контексте, поскольку оно не выражено в согласовательных лично-числовых показа-

телях глагольной формы, в данном случае причастия прошедшего времени, которое при переходных глаголах согласуется только с пациенсом.

(7) кор., кам.; Ф00
Ña'wɪtqata ǥewñɪvo'ḷen, "Qɪye'm-eᵋ'en." [Bogoras-Tan 1917: 21]

ŋawətqa=ta	ɣ=ew=ŋəvo=len	qəjem-ewən
женщина=INSTR	PP=сказать=INCH=3sgP	ни за что-ptcl

'Женщина/ы сказала/и (ему): «Не надо (делать этого)».'

В следующем примере число агенса мы определяем исходя из общих знаний о социальных отношениях: не могут более одного мужчины одновременно жениться на одной и той же женщине.

(8) кор., кам.; Ф00
Kmi'ña ǥama'taḷen. [Bogoras-Tan 1917: 80]

kəmiŋ=a	ɣa=mata=len
ребенок=INSTR	PP=присвоить=3sgP

'Сын женился (на ней).'

В последнем примере число агенса выражено в глагольной форме и однозначно прочитывается как множественное.

(9) кор., кам.; Ф00
Attaᵋ'yol-yaᵋ'mka natuḷa'tɪn. [Bogoras-Tan 1917: 40]

əttəhjol=ya=mk=a	na=tulhat=ə=n
на берегу=дом=NMLZ.группа=INSTR	LowA=украсть=E=3sgP

'Прибрежные люди украли (его).'

В текстах на каменском диалекте, записанных А. Н. Жуковой в середине XX в., наблюдается незначительное отклонение от описанного стандарта. Обнаружен один пример употребления слова *kəmiŋən* 'ребенок, сын' в форме дательного падежа множественного числа 2-го склонения. В единственном числе во всех случаях использования данного слова и других существительных, обозначающих людей, они встречаются только формах 1-го склонения.

(10) кор., кам., Ф50
Әнан нючельқән куйәлҗәҗән кәмәҗәйәкәҗ, тит әно панәначг'әнаҗ йаҗвоҗ йунәтәк. [Жукова 1988: текст 29, предл. 172]

ə=nan	nʲuče=lʲq=ə=n	ku=jəl=ŋ=ə=nin	
тот=ERG	тундра=ON=E=ABS.sg	PRES=дать=PRES=E=3sgA+3P	
kəmeŋ=ə=**jək**=ə=ŋ	tit	ənno	panena=čhenaŋ
ребенок=E=**PL**=E=DAT	чтобы	тот.ABS.sg	прежний=ADV
ja=ŋvo=ŋ	jun.et=ə=k		
POT=начать=PFV	жить=E=CV.loc		

'Он землю отдал сыну (с семьей), чтобы (самому) по-прежнему жить.'

В современном корякском языке использование форм 2-го склонения имен, обозначающих людей, но не относящихся к референтным, связано с необходимостью выражения единственного или множественного числа ре-

ферентов на форме имени в таких синтаксических контекстах, где это значение другим способом не передается. Выявлено несколько типов таких синтаксических контекстов.

Использование показателя совокупности необходимо в конструкциях с послелогами и адпозитивными наречиями, которые управляют формой локатива опорного имени. При обозначения единственного числа в той же конструкции суффикс уникальности не используется.

(11) кор., ГС
Омакаӈ кымиӈыйик аӈаӈъялай, мылав'лай… [Народовластие № 82 от 11.10.2014]

omakaŋ	**kəmiŋ=ə=jək**	aŋaŋ.ja=la=j	məlaw=la=j
вместе	**ребенок=E=LOC.pl**	петь=PL=3sgS.PFV	танцевать=PL=3sgS.PFV

'Вместе с детьми пели, танцевали.'

(12) кор., ГС
Веран йичг'амйитумгыт…вэтатгыг'э эньпичик омакаӈ. [Народовластие № 15 от 20.02.2016: 6]

vera=n	jičhamji=tumɣ=ə=t	vet.at=ɣəhe	**enjpiči=k**	omakaŋ
pers=POSS.sg	брат=друг=E=ABS.du	работать=3duS.PFV	**отец=LOC**	вместе

'Верины братья работали вместе с отцом.'

Использование 2-го склонения в большей степени характерно для дательного падежа адресата как единственного, так и множественного числа, не имеющего кореферентного дейктического показателя в глагольной форме.

(13) кор., ГС
…айманаӈ то эналлачг'ыйикыӈ Камчатский крайик юнэтылг'э накалинав' мыкыӈ 1500 пыӈлов' то в'аӈлагыйӈо. [Народовластие № 55 от 09.07.2014: 4]

ajma=na=ŋ	to	**ena=l=la=čh=ə=jək=ə=ŋ**	kamčatskij
вождь=SG=DAT	и	**AP=CAUS=идти=ATR=E=PL=E=DAT**	pers
kraj=ə=k	jun.et=ə=lh=e	na=kali=na=w	1500
pers=E=LOC	жить=E=ATR=INSTR	LowA=писать=3nsgP=PL	
pəŋl=o=w	to	waŋla=ɣəjŋ=o	
весть=VBLZ.получить=ABS.pl	и	просить=NMLZ.abstr=ABS.pl	

'Губернатору и членам правительства Камчатского края жители написали более 1500 вопросов и просьб.'

(14) кор., ГС
…кымэӈыйикыӈ мыткунгыйивэнӈынэв' мучгинэв' кимитг'ав'… [Народовластие № 68 от 23.08.2014: 7]

kəmeŋ=ə=**jək**=ə=ŋ	mət=ku=n.ɣəjiv.en=ŋ=ə=ne=w
ребенок=E=**PL**=E=DAT	1nsgA=PRES=показать=PRES=E=3nsgP=PL
mučɣ=ine=w	kimitha=w
мы.OBL=POSS.nsg=PL	одежда=ABS.pl

'Детям мы показываем нашу одежду (мн.).'

По изолированным примерам может создаться впечатление, что речь действительно идет об уникальных референтах (избранный губернатор, члены правительства, какие-то особенные дети), поэтому эти существительные оформлены показателями уникальности-совокупности.

Однако в следующем предложении того же текста о детях и в очередном тексте о губернаторе эти же слова в функции агенса склоняются как нереферентные, когда согласуются с предикатом, лично-числовой показатель которого показывает число действующих лиц. В первом из приводимых ниже примеров в предикате выражено множественное число агенса, во втором примере – единственное.

(15) кор., ГС
[*Ӈынвыӄ мыткопанэнатвыӈволаӈ ӄоякъет.*] *Тит кымиӈа лиги нэнг'ылӈики ӄояӈа…* [Народовластие № 68 от 23.08.2014: 7]

tit	kəmiŋ=**a**	liɣi
чтобы	ребенок=**INSTR**	действительно
ne=nh=ə=lŋ=iki		qoja=ŋa
LowA=CON=E=считать=IPFV		олень=ABS.sg

'Много рассказываем об олене/ях. Чтобы дети знали оленя…'

(16) кор., ГС
Аймата тэйкынин йитг'атвылӈыгыйӈын омакаӈ юнэтылг'ын Паланык [Народовластие № 62 от 02.08.2014: 6].

ajma=**ta**	tejk=ə=**nin**	jith.at=vəlŋ=ə=ɣəjŋ=ə=n
вождь=**INSTR**	делать=E=**3sgA+3P**	встретить=REC=E=NMLZ.abstr=E=ABS.sg
omakaŋ	jun.et=ə=lh=ə=k [16]	palan=ə=k
вместе	жить=E=ATR=E=LOC	pers=E=LOC

'Губернатор провел встречу в жителями Паланы.'

Отличие от чукотского языка наблюдается в том, что при склонении имен, относящихся к промежуточному классу, могут использоваться как формы единственного, так и формы множественного числа 2-го склонения, а в чукотском языке зафиксирована только форма множественного числа.

Интересные изменения происходят в склонении русских собственных имен и фамилий. А. Н. Жукова в грамматике корякского языка писала, что для заимствованных многочленных имен нет единого способа оформления. По правилам показатели уникальности-совокупности должны присоединяться ко всем компонентам: имени, отчеству и фамилии, но в речи встречаются случаи употребления этих показателей только на одном компоненте конструкции (на фамилии в случае трехкомпонентности или на отчестве в случае двухкомпонентности) [Жукова 1972: 102–103].

[16] В оригинальном газетном тексте, вероятно, опечатка, вместо ожидаемого локатива при наречии *омакаӈ* 'вместе' использована форма абсолютива.

Наши наблюдения показывают, что ситуация отличается от описанной в грамматике. В переводных текстах 1980-х гг. русские фамилии всегда склонялись по 2-му склонению, а нерусские могли оформляться показателями 1-го склонения.

(17) кор., чавч., ХПС
Ынан тыттэль гаймо гэлҥылинэв' йылҥык калив', калилг'у Гоголя то Тургеневынак [Ульянова 1989: 15].

ə=nan	təttel^{j}	ɣajm=o	ɣe=lŋ=ə=line=w
он=ERG	очень	приятный=EQU	PP=считать=E=3nsgP=PL
jəlŋ=ə=k		kali=w	kali=lh=u
читать=E=CV.loc		узор=ABS.pl	писать=ATR=ABS.pl
gogol^{j}=a	to	**turgenev=ə=na=k**	
pers=INSTR	и	**pers=E=SG=LOC**	

'Он очень любил читать книги, написанные Гоголем и Тургеневым.'

В современных газетных публикациях заметна тенденция по русскому образцу оставлять без изменения иноязычные женские фамилии и склонять иноязычные мужские фамилии.

(18) кор., чавч., ГС
Айгывэ мынгытқавык ымычвилю йиг'илгык янот ныг'ынг'элнэв' ҥыяқмыллыҥэн мынгыто ҥыяқ гэвэгыйҥо Александранаҥ Трифоновнанаҥ Уркачан. [Народовластие № 82 от 11.10.2014: 6]

ajɣəve	mənɣət=qav=ə=k	əməčvil^{j}u=jihilɣ=ə=k	janot	
вчера	10=NUM.ord=ə=LOC	октябрь=месяц=LOC	впереди	
nəh=ə=nhel=ne=w		ŋijaq=məlləŋen	mənɣət=o	ŋəjaq
CON=E=стать=3nsgS=PL		2=5	10=ABS.pl	4
ɣeve=ɣəjŋ=o		**aleksandra=na=ŋ**		
прожить год=NMLZ.abstr=ABS.pl		**pers=SG=DAT**		
trifonovna=na=ŋ	**urkačan**			
pers=SG=DAT	**pers**			

'Вчера, 10 октября, исполнилось бы 74 года Александре Трифоновне Уркачан.'

(19) кор., чавч., ГС
Эрихынак Кастенынак йингыйивэннин кина В'эемлэкъйит. [Народовластие № 82 от 11.10.2014: 6]

erix=ə=na=k	**kasten=ə=na=k**	jə.nɣəjiv.en=nin
pers=E=SG=LOC	**pers=E=SG=LOC**	показать=3sgS+3P
kina	wejemle=kjit	
кино.ABS.sg	pers=DEL	

'Эрих Кастен показал кино о [поселке] Лесная.'

Таким образом, в корякском языке расширение сферы употребления форм 2-го склонения связано с необходимостью выражения числа референтов-людей в некоторых синтаксических контекстах. При этом используются как формы единственного, так и формы множественного числа.

1.2.4. Система именных классов в алюторском языке

Для алюторского языка описано три класса имен, которые обслуживаются двумя наборами окончаний. Показатели 1-го склонения присоединяются к именам, обозначающим не-человека. Эти имена различают числа только в номинативе (абсолютиве), но не в косвенных падежах. Показатели 2-го склонения присоединяются к именам собственным и терминам родства, обозначающим старших родственников. У этих имен числа различаются не только в абсолютиве (единственное, двойственное и множественное), но и в косвенных падежах (единственное и множественное). Прочие существительные, обозначающие человека, могут склоняться как по 1-му, так и по 2-му склонению [Кибрик и др. 2000: 250].

Ю. Нагаяма, вслед за А. Н. Жуковой, связывает наличие этих трех групп с категорией определенности-неопределенности: существительные, обозначающие неодушевленные предметы, являются неопределенными и склоняются по 1-му склонению, существительные второй группы (имена собственные) всегда являются определенными и склоняются по 2-му склонению, а существительные третьей группы, обозначающие людей и животных, могут быть как определенными, так и неопределенными в зависимости от контекста [Нагаяма 2003: 52]

Наши наблюдения показывают, что, как и в корякском языке, с темарематическим членением предложения и категорией детерминации употребление показателей 2-го склонения в алюторском языке не связано.

Обязательно оформляются по 2-му склонению любые имена собственные, даже те нарицательные имена существительные, которые используются в качестве имени собственного окказионально. Не только существительные, обозначающие людей, но также и существительные, обозначающие животных и даже природные объекты и неодушевленные предметы, являющиеся олицетворенными персонажами сказок, действующие и говорящие, как люди, получают в формах косвенных падежей числовые показатели. Другими словами, переход в группу референтных имен в алюторском языке потенциально возможен для любого существительного.

(20) ал., с.-в., кич; ФС
Ав'инак муру нангыйулавламык. [Притчина 2005]

awi=na=k	mur=u	na=n=ɣəjul=av=la=mək
краб=SG=LOC	мы=ABS.pl	LowA=CAUS=знающий=VBLZ=PL=1nsgP

'Краб нас научил.'

(21) ал., с.-в., культ.; Ф50
[*То гапкавылԛивлин кэԉын тыпгатык*], *мри В'айамынак утта гаткыплылԛивлин татыпганьԉылъын.* [Ивтакрат 1955: тетрадь 12, с. 2]

məri	**wajam=ə=na=k**	ut=ta
потому что	**река=E=SG=LOC**	дерево=INSTR
ɣa=tkəpl=ə=lqiv=lin		ta=təpɣ.an^{j}=ŋ=ə=lʔ=ə=n
PP=ударить=E=INCH-DUR=3sgP		DES=взбираться=DES=E=ATR=E=ABS.sg

'[И не смог медведь взбираться], потому что Река бревном ударял его, (когда он) пытался взбираться.'

(22) ал., с.-в., ан.; Ф50
…ынӈин Усвиткууттынак тытталь ныктыа тулвыткынина. [Уварова 1991]

ənŋ=in	**u=svi=tku=utt=ə=na=k**	təttal^{j}
этот=REL.sg	**дерево=отрезать=ITER=дерево=E=SG=LOC**	очень
n=ə=kt=ə=ʔa	t=ulv=ə=tk=ə=nina	
QUAL=E=крепкий=E=ADV	CAUS=держаться=E=IPFV=3sgA+3nsgP	

‘Это бревно очень крепко их держало (букв.: Этот Бревно очень крепко их держал).’ [17]

Такие же показатели получают качественные прилагательные, если они используются в качестве имен собственных, хотя в атрибутивной функции прилагательные в алюторском языке не склоняются.

(23) ал., ХПС
Нəг’умӄинак то Нəтаӈӄиӄинак ғағиталаӈ, [*ав’ən тəмӈивəлъу ӈурав’в’и семавлаткəт*]… [Килпалин 2010: 206]

n=ə=ʕum=qi(n)=na=k	to
QUAL=E=толстый=3sgS=SG=LOC	и
n=ə=taŋqi=qi(n)=na=k	ɣa=ɣita=laŋ
QUAL=E=худой=3sgS=SG=LOC	PP=смотреть=3plP

‘Толстый и Худой посмотрели, потерявшиеся олени уже приближаются.’

В устных текстах на северо-восточном диалекте алюторского языка, записанных исследователями в последние годы, оформление нарицательных существительных, обозначающих людей, показателями 2-го склонения встречается крайне редко. Так, в сборнике текстов, записанных Ю. Нагаяма [Нагаяма 2015], такая форма встретилась всего один раз.

(24) ал., с.-в., ан.; ФС
Атун ынпыӈавтык нивыткы: [*«Амӈут в’ыъа мытивылӄивлаткыт, кытвол ник, ынгаму йымӈу алӈыка…»*] [Нагаяма 2015: 16.28, 16.29]

atun	ənp=ə=ŋav=**tək**	n=iv=ə=tkə
так	старый=E=женщина=**LOC.pl**	LowA=сказать=E=IPFV

‘И так старушки говорят: [«Всегда и часто говорим, что не надо бояться червей»].’

Чаще других оформляются по 2-му склонению существительные, обозначающие людей, в форме дательного падежа множественного числа.

[17] Пример взят из популярной у алюторцев сказки о Солнечном Вожде (Титкарым), который женился на бедной девушке, родившей ему трех прекрасных сыновей, но злая свекровь забросила их на небо, заменив дохлым вороненком, дохлым медвежонком и поленом. Все эти «дети» ожили и помогли матери вернуть настоящих детей и наказать Солнечного Вождя и его злую мать.

(25) ал., с.-в., выв.; ФС
q-əp.at-ɣə-n unjunju-tək əra-ŋa. [Кибрик и др. 2000: текст 10, предл. 25]

q=əp=at=ɣ=ə=n	**un$_j$un$_j$u=tək**	əra=ŋa
2A.OPT=суп=VBLZ=2A=E=3sgP	**ребенок=DAT.pl**	суп=ABS.sg

‘Свари детям суп.’

То, что в настоящее время основное противопоставление в сфере имени в алюторском языке смещается с референтности в сторону корреляции «человек / не-человек», подтверждается примерами из оригинальных и переводных текстов, в которых русские имена существительные – названия профессий, должностей и званий, т. е. нереферентные, но обозначающие людей, морфологически осваиваются в соответствующей референтным именам форме.

Началось это, вероятно, в послевоенный период, поскольку в текстах С. Н. Стебницкого 1928 г. такие примеры не зафиксированы, они встречаются начиная с записей И. С. Вдовина 1955 г.

(26) ал., с.-в., ветв.; Ф30
Мри прапорсикынак гойулаллин wинна. [Сахаров 1955: тетрадь 9, с. 7]

mri	praporsik=ə=**na=k**	ɣ=ojul=al=lin	winnə
потому что	прапорщик=E=**SG=LOC**	PP=знающий=VBLZ=3sgP	дорога.ABS.sg

‘Потому что прапорщик выучил дорогу.’

(27) ал., с.-в.; ХПС
…əнки ґамалкалылын, маŋкəт итəлъəн ŋанынвaратын юнатґəрŋəн художникəнак ləґ’улқивəткəнын. [Килпалин 2010: 207]

ən=ki	ɣa=mal=kali=lin	maŋkət	it=ə=lʔ=ə=n
тот=LOC	PP=хороший=писать=3sgP	как	быть=E=ATR=E=ABS.sg

ŋan=in=varat=in	jun.at=ɣərŋ=ə=n
тот=REL.sg=народ=POSS.sg	жить=NMLZ.abstr=E=ABS.sg
xudožnik=ə=**na=k**	ləʕu=lqiv=ə=tk=ə=nin
художник=E=**SG=LOC**	увидеть=INCH-DUR=E=IPFV=E=3sgA+3sgP

‘Там хорошо изображено, как видит художник жизнь этого народа.’

Несколько иная ситуация наблюдается в южных диалектах алюторского языка. Еще А. Н. Жукова в грамматике корякского языка отмечала, что карагинцы, алюторцы и паланцы связывают категорию определенности / неопределенности не с категорией человека / не-человека, а с одушевленностью / неодушевленностью [Жукова 1972: 98]. Это наблюдение подтверждается для южных диалектов алюторского языка, паланского и карагинского, в собственно алюторском диалекте изменения не зашли настолько далеко.

В текстах на южных диалектах все существительные, обозначающие людей, а также существительные, обозначающие животных, независимо от того, олицетворяются они или нет, склоняются по 2-му склонению.

(28) ал., ю.-з., пал.; Ф50
То тунин пилгкэйŋынэк унюнюв’ гмнинэ. [Жукова 1980: текст 12, предл. 146]

to	tu=nin	pilɣ=ə=kejŋ=ə=**ne=k**

и съесть=3sgA+3P горло=E=медведь=E=**SG=LOC**
unʲunʲu=w ɣəm=nine
ребенок=ABS.pl я=POSS.nsg
‘И съел голодный медведь моих детей.’

Это свидетельствует о смене исконной корреляции по референтности противопоставлением одушевленных и неодушевленных существительных по русскому образцу. Этот процесс в карагинском диалекте начался еще в начале XX в., поскольку подобные примеры встречаются в архивных документах 1930-х – 1950-х гг., причем не в устных рассказах, а в письменном тексте, в котором обычно отсутствуют спонтанные неграмматичные формы. Следующий пример взят из автобиографического рассказа карагинца М. Обухова, написанного им в письме, адресованном С. Н. Стебницкому.

(29) ал., ю.-в., кар.; Ф00
…oraw pьhpьnak inivi: matka hajmo lьŋьtkьn taŋavŋь… [Обухов 1932: 92]
oraw pəxp=ə=**na=k** in=iv=i matka
потом мешок с жиром=E=**SG=LOC** 1sgP=сказать=3sgA QUEST
xajm=o ləŋ=ə=tkən ta=ŋav=ŋi
приятный=EQU считать=E=IPFV VBLZ.constr=женщина=VBLZ.constr
‘Потом священник (букв.: мешок с жиром) спросил меня: «Желаешь невесту?»’

Одушевленность / неодушевленность является настолько типологически частотным параметром, на котором строятся системы грамматического рода, что подобное движение вниз по иерархии агентивности от более редкого к более распространенному параметру (референтность > человек / не-человек > одушевленность / неодушевленность) могло бы произойти не только в условиях языковых контактов, но и при изолированном развитии языка. О таком случае сообщает, например, Г. Корбетт, описывая развитие системы грамматического рода в языке лунда, относящемся к группе банту, где класс «человек» расширился за счет включения в него одушевленных существительных, не обозначающих человека, и фактически стал классом одушевленных существительных [Corbett 1991: 314].

* * *

Именные классы (грамматический род) представляют собой проявление языковой сложности, свидетельствующее о длительной истории развития языка. Хотя грамматический род может использоваться как вспомогательное средство, помогающее разрешать референциальные конфликты, чаще всего эта грамматическая категория является нефункциональным излишеством, поэтому во многих языках мира она отсутствует. На территории Сибири грамматический род зафиксирован только в палеоазиатских языках, кетском и чукотско-корякских.

Исходная система именных классов в чукотско-корякских языках строилась как двухступенчатая иерархия по параметрам личности и референтности.

Высшую ступень этой иерархии занимали личные местоимения, имеющие показатель эргативного падежа, не представленный в именной парадигме. Имена существительные и остальные местоимения подразделялись на референтные и нереферентные. К референтным относились собственные имена, вопросительные, указательные и др. местоимения при референции к людям. Все остальные имена существительные, в том числе обозначающие людей, названия животных, наряду с именами, обозначающими неодушевленные предметы, составляли группу нереферентных имен. Для референтных имен в качестве эргативного падежа использовался локатив, для нереферентных – инструментальный падеж. Множественное число у референтных имен выражалось как в абсолютиве, так и в косвенных падежах, у нереферентных – только в абсолютиве.

Анализ текстов на чукотско-корякских языках, записанных с конца XIX по начало XXI в., показал, что личные местоимения не обнаруживают признаков перехода в другой класс и, наоборот, этот класс не расширяется за счет имен существительных. Изменения в системе именных классов связаны со вторым уровнем иерархии: наблюдается постепенная смена исходно заложенного противопоставления по признаку референтности на оппозиции, находящиеся на иерархии агентивности ниже, чем корреляция по референтности: по признаку «человек / не-человек», а в южных диалектах алюторского языка – по признаку «одушевленности / неодушевленности». Эти параметры являются семантически более простыми и встречаются в языках мира чаще, поэтому можно говорить о тенденции системы именных классов в чукотско-корякских языках к упрощению.

Изменение в системе именных классов в чукотско-корякских языках происходит путем формирования промежуточного класса нарицательных имен, обозначающих людей (в южных диалектах алюторского языка – класса одушевленных нарицательных имен). Такие имена существительные могут склоняться по парадигме референтных имен в случае необходимости в выражении числовых противопоставлений. Это особенно необходимо в синтаксических контекстах, где число референтов не выражено предикатом или другими элементами в составе именной группы.

Имена промежуточного класса (3-го склонения) в чукотском языке и в оригинальных текстах на алюторском языке могут принимать только показатели множественного числа, в переводных текстах на алюторском языке встречается употребление как единственного, так и множественного числа, в корякском языке имена промежуточного класса активно используются в формах обоих чисел.

2. Глагольная морфология тюркских и чукотско-корякских языков в аспекте языковой сложности

В области глагольной морфологии ярким примером сложной системы является категория времени алтайского и чалканского языков. Она структурируется противопоставлением трех времен – настоящего, прошедшего и будущего, между тем как во многих урало-алтайских языках будущее время не

получает собственного грамматического выражения. Кроме того, каждая из подсистем включает несколько грамматических форм. По сравнению с некоторыми языками, где противопоставлены друг другу всего две временные формы (прошедшего и непрошедшего), алтайский и чалканский языки выделяются значительной объективной сложностью, так как система временных форм включает 9 и 7 единиц соответственно, при этом на собственно временные отношения накладываются дополнительно модальные и аспектуальные значения, что существенно усложняет набор парадигматически значимых признаков временной системы.

Объективная сложность глагольной морфологии чукотско-корякских языков обусловлена двусторонней агглютинацией, при которой единицей морфологического членения оказывается не отдельная морфема, а порядок, включающий как префиксальную, так и постфиксальную позиции. Потенциально в составе словоформы может реализоваться до 8 грамматических значений, однако в речи носителей языка среднее количество выраженных категорий составляет около 2,5. Такая сложность порядковой модели сопровождается дополнительно и сложными морфонологическими процессами, затрагивающими и корень, и аффиксы.

2.1. Временные формы алтайского и чалканского языков

Временные формы алтайского и чалканского языков рассматриваются в аспекте структурной, семантической и функциональной сложности на современном синхронном срезе и в неглубокой диахронии.

В алтайском языке временная система представлена девятью, в чалканском – семью формами, что свидетельствует о системной (парадигматической) сложности. В поле прошедшего времени в рассматриваемых языках выделяются четыре временные формы: *=ды*, *=ган*, *=(п)тыр*, *=(а)тан*; в поле будущего времени – две формы: *=ар*, *=(а)тан*, в поле настоящего времени алтайского языка – три формы: *=(а)т*, *=(ы)п јат*, *=адыр*, чалканского языка – одна форма *=т* (табл. 24).

Таблица 24

Временная система алтайского и чалканского языков

Временное поле	Язык	
	Алтайский	Чалканский
Поле прошедшего времени	*=ган* *=ды* *=(п)тыр* *=(а)тан*	*=гын* *=ды* *=тыр* *=(а)тан*
Поле настоящего времени	*=(ы)п јат* *=(а)т* *=адыр*	*=т* – –
Поле будущего времени	*=(а)р* *=(а)тан*	*=(ы)р* *=(а)тан*

Данные формы составляют ядро временной системы этих языков. К периферии относятся аспектуально-временные, эвиденциально-временные аналитические формы разной степени грамматикализованности. Они являются основным источником пополнения алтайской и чалканской временной парадигмы.

А. Мейе выделял два процесса создания грамматических форм: один из них – это возникновение новой формы по аналогии с другими, уже существующими формами. Другой процесс – переход самостоятельного слова на роль грамматического элемента, именно такой переход приводит к появлению в языке новых грамматических показателей, не существовавших ранее, и для обозначения данного процесса используется термин «грамматикализация» [Meillet 1965 (1912): 133; Майсак 2005: 24].

Э. Даль процесс грамматикализации называет грамматическим созреванием. Он отмечает, что лексическая единица сама по себе не может начать выполнять грамматическую функцию; она должна это сделать в силу того, что становится фиксированной частью некоторого большего паттерна – грамматической конструкции. Процесс превращения лексических единиц в грамматические морфемы является лишь составной частью происхождения и развития грамматических паттернов, или конструкций [Даль 2009: 206]. Термин «грамматическое созревание» Э. Даль определяет как процесс, при котором возникают зрелые явления, увеличивающие, как правило, сложность языка [Даль 2009: 15–16].

Семантическая сложность временных форм алтайского и чалканского, как и других тюркских языков, состоит в их полисемантичности: кроме собственно временного значения, они передают аспектуальные, эвиденциальные или модальные значения. «Категориальная принадлежность тюркской формы к системе времени определяется преобладанием значения времени в комплексной семантике данной формы» [Ооржак 2014: 18].

Система временных форм в тюркских языках (особенно в бесписьменных и младописьменных) отличается динамичностью, что часто приводит к ее осложнению. Функциональная сложность временных форм этих языков связана со сферой их функционирования и активностью употребления. Так, прослеживаются изменения в характере употребления временных форм в более ранних и в современных текстах. Часто новая форма, образовавшаяся для выражения определенного временного значения, начинает со временем вытеснять на периферию уже имеющуюся форму с более общим временным значением и постепенно занимать ее позиции.

2.1.1. Структурная сложность временных форм

Э. Даль отмечает, что языковая сложность в рамках одного языка постоянно меняется под влиянием как внутренних, так и внешних факторов. Под влиянием внутренних факторов в случае изолированного развития языка, как правило, происходит диалектический процесс «созревания» грамматических паттернов, приводящий к увеличению, с одной стороны, эффективности (по-

верхностной лаконичности) за счет фонетического сокращения единиц вследствие редукции, но, с другой стороны, и к одновременному нарастанию нелинейной сложности вроде фузионных явлений и непрозрачности структуры словоформы [Даль 2009: 493–494].

На линейном синтагматическом уровне наблюдается упрощение структуры аналитических конструкций вследствие их стяжения, сокращается количество единиц. Но при этом усложняется внешний облик синтезированной словоформы и ее семантика.

Структурная сложность временных форм в рассматриваемых языках состоит в том, что половина из них являются синтезированными формами, которые сложились на базе деепричастных аналитических конструкций аспектуальной семантики.

Формы настоящего времени *=(ы)п jат* / *=т*, *=(а)т*, *=адыр*, форма прошедшего времени *=(п)тыр*, форма будущего времени *=(а)тан* образовались на базе аналитических конструкций аспектуального характера, в основе которых лежит сочетание деепричастия (деепричастие настоящего времени на *=а*, соединительное деепричастие на *=(ы)п*) и вспомогательного глагола (*тур=* ‘стоять’, *jат=* ‘лежать’).

Временные формы настоящего времени на *=(а)т* и *=адыры* представляют собой результат стяжения аналитической конструкции *=а тур=ар*, состоящей из деепричастия настояще-будущего времени основного глагола на *=а* и вспомогательного глагола *тур=* ‘стоять’ в причастной форме на *=(а)р* [Баскаков 1947: 282–283].

Форма обычного прошедшего на *=(а)тан* возникла в результате стяжения аналитической формы: деепричастия с показателем *=а* и вспомогательного глагола *тур=* в форме прошедшего времени на *=ган* [Грамматика 1869: 69].

Форма прошедшего эвиденциального на *=(п)тыр* по своему происхождению представляет собой сочетание соединительного деепричастия на *=(ы)п* и глагола *тур=* ‘стоять’.

Новой базой образования форм настоящего времени становится конструкция аспектуального типа с другим вспомогательным глаголом – *jат=* ‘лежать’. Форма *=(ы)п jат* имеется в алтайском, чалканском, шорском и хакасском языках, но в последних трех языках эта аналитическая форма стянулась в аффикс и стала базовой формой настоящего времени.

Для чалканского языка еще 70 лет назад Н. А. Баскаков описывал две формы: *=ып тьат* и *=ат*. Форму на *=ып тьат* он называл настоящим временем данного момента, тогда как форму на *=ат* – формой настоящего общего времени [Баскаков 1985: 67]. В современном чалканском языке оппозиция между этими формами исчезла: форма *=ып тьат* обозначает и настоящее данного момента, и настоящее общего времени. С одной стороны, система упростилась: оппозиция недифференцированного (общего) и дифференцированного (привязанного к моменту речи) значений стерлась, но с другой – произошло усложнение семантики самой временной формы.

Если у Н. А. Баскакова вспомогательный глагол *тьыт* (фонетический вариант глагола *тьат*= ‘лежать, жить’) записывается отдельно, то в настоящее время он утратил лексическое значение и самостоятельно не употребляется, поэтому носители языка пишут его слитно с семантическим глаголом. В парадигме настоящего времени он сохранился только в 3-м л. ед. ч., ср.: *ол ижере санап тьыт* ‘он хочет пить’ (по данным Н. А. Баскакова), *ол ищере саныптьыт* ‘он хочет пить’ (по данным современного чалканского языка).

В таблице 25 отражены результаты стяжения форм настоящего времени чалканского языка.

Таблица 25

Настоящее время на =*ып тьат*

Число	Лицо	Данные Н. А. Баскакова				Данные современного чалканского языка					
		Tv	CV	AUX	TNS	Pers/Num	Tv	CV	AUX	TNS	Pers/Num
Ед.	1	пар	ып	тьат	ар	ым	пар	–	т	–	ым
	2	пар	ып	тьат	ар	ынъ	пар	–	–	–	сын
	3	пар	ып	тьат	ар	–	пар	–	тьыт	–	–
Мн.	1	пар	ып	тьат	ар	ывыс	пар	–	т	–	ывыс ыс
	2	пар	ып	тьат	ар	ызар	пар	–	–	–	сар
	3	пар	ып	тьат	ар	лар	пар	–	т	–	ыр

По таблице видно, что стяжение аналитической формы привело к размыванию границ морфем, и на данный момент можно только предполагать, к какой морфеме относится согласный, сохранившийся на стыке морфем: к временным или к личным показателям.

В результате процессов стяжения образуются многочисленные омографы, которые различаются в зависимости от употребления в контексте и местом ударения, ср.:

1) формы 3-го л. мн. ч. настоящего времени *улар па́р-т-ыр* ‘они идут’ и 3-го л. ед. ч. прошедшего заглазного времени на *=тыр – ол пар=ты́р* ‘он шел, оказывается’;

2) формы 1-го л. ед. и мн. ч. в настоящем времени на *=ып тьат* и прошедшем времени на *=ды* в глаголах с глухим согласным в ауслауте основы: *мен ка́п-т-ым* ‘я ловлю’ – *мен кап-ты́-м* ‘я ловил’; *пыс ка́п-т-ыс* / *=ывыс* ‘мы ловим’ – *пыс кап-т-ы́с* / *=ывы́с* ‘мы ловили’;

3) формы 2-го л. ед. и мн. ч. настоящего времени, в которых выпал показатель времени, и формы повелительного наклонения: *сен ка́п=сын* ‘ты ловишь’ (2-е л. ед. ч. наст. вр.) – *ол кап=сы́н* ‘пусть он ловит’ (3-е л. ед. ч. повелит. накл.); *слер ка́п=сар* ‘вы ловите’ (2-е л. мн. ч. наст. вр.) – *слер кап=са́р* ‘вы ловите’ (2-е л. мн. ч. повелит. накл.).

Подобные процессы проходят и в поле прошедшего, и в поле будущего времен. Например, для неопределенного прошедшего времени Н. А. Баскаков указывал форму на *=ган* / *=ген*, *=кан* / *=кен* [Баскаков 1985: 73]. В современном чалканском языке данная форма имеет другие фонетические варианты: *=гын* (присоединяется к основе с сонорными согласными) и *=кын* (присоединяется к основе с глухими согласными). При этом в составе морфемы *=гын* / *=кын* вне зависимости от гласных основы употребляется узкий гласный *ы*.

Форма прошедшего неопределенного времени на *=гын* в современном чалканском языке при присоединении к основе простого глагола обычно сохраняет полную форму: *кыр=гын* ‘он входил’, кроме основ, оканчивающихся на гласный, например: *тӧле-м* ‘я платил’, *сен кыста-ӈ* ‘ты давил’, *ол сарна-н* ‘он пел’. Если же он присоединяется к глаголу, аналитическому по происхождению, то показатель прошедшего неопределенного времени, как правило, утрачивает свою полную форму или может сохранить только конечный согласный *н* при спряжении глагола в 3-м л. ед. и мн. ч.

Примеры, в которых показатель прошедшего неопределенного времени утрачен полностью: *мен пар-ке-м* (< *пар=ып кел=ген=им*) ‘я сходил’; *сен тьоктыв-и-ӈ* (< *тьокт=ып ий=ген-ин*) ‘ты рассказал’. В примере *мен пар-ке-м* (< *пар=ып кел=ген=им*) сохранился глухой согласный *-к-* анлаута вспомогательного глагола *кел=* ‘приходить’, а не анлаутный согласный показателя неопределенного прошедшего времени на *=ган*. В данном случае выступает глухой согласный *к*, который сохранился после выпавшего аффикса деепричастия на *=(ы)п* с конечным глухим согласным. Если бы сохранился анлаутный согласный неопределенного прошедшего времени на *=ган*, то сегодня мы наблюдали бы не глухой согласный *к*, а смычный заднеязычный согласный *г*, поскольку он следовал за сонорным согласным *л* и не мог иметь глухого варианта аффикса неопределенного прошедшего времени. Это можно проверить также следующим образом: если присоединить к основе простого глагола *пар=* ‘идти’ аффикс неопределенного прошедшего времени на *=ган*, показатель неопределенного прошедшего времени на *=ган* будет выступать в полном виде с анлаутным сонорным согласным *г*, который идет после основы с ауслаутным согласным *р*, например: *пар=гы-м* ‘я шел’.

Примеры, в которых показатель прошедшего неопределенного времени сохранил только конечный согласный *н*: *ол сад-и-н* (< *сад=ып ий=ген*) ‘он продал’; *ол ощы=в-а-н* (< *ощы=(п>в) ал=ган*) ‘он сел’; *улар каш-ка-н-ыр* (< *каж=ып кал=ган=ныр*) ‘они убежали’; *улар тьура=в=а-н-ыр* ‘они нарисовали’. Следует обратить внимание на словоформы, которые в ауслауте главного глагола имеют гласную фонему, а в качестве вспомогательного глагола выступает глагол *ал* ‘брать’, например: *ол ощы=в-а-н* (< *ощы=(п>в) ал=ган*) ‘он сел’. Такие конструкции, восходящие к аналитическим в неопределенном прошедшем времени, пишутся одинаково в положительной и отрицательной формах (табл. 26).

Таблица 26

Спряжение глагола *ощы* ‘сидеть’ в положительной и отрицательной формах в чалканском языке

Число	Лицо	Положительная форма	Отрицательная форма
Ед.ч.	1	*мен ощы-в-а-м* ‘я сел’	*мен ощы-ва-м* ‘я не садился’
	2	*сен ощы-в-а-н* ‘ты сел’	*сен ощы-ва-н* ‘ты не садился’
	3	*ол ощы-в-а-н* ‘он сел’	*ол ощы-ва-н* ‘он не садился’
Мн.ч.	1	*пыс ощы-в-а-мыс* ‘мы сели’	*пыс ощы-ва-мыс* ‘мы не садились’
	2	*слер ощы-в-а-н-зар* ‘вы сели’	*слер ощы-ва-н-зар* ‘вы не садились’
	3	*улар ощы-в-а-ныр* ‘они сели’	*улар ощы-ва-ныр* ‘они не садились’

Данная таблица показывает, что глагол *ощы* ‘сидеть’ в положительной и отрицательной парадигмах пишется одинаково. Различить, какая из форм выступает в предложении, можно по контексту или по ударению. При спряжении глаголов с ауслаутным гласным основы в положительной форме неопределенного прошедшего времени на *=гын* ударение падает на ауслаутный гласный основы, при спряжении глагола с ауслаутным гласным основы в отрицательной форме неопределенного прошедшего времени ударение па-дает на гласный отрицательного аффикса *=ва*. Например: *ощы́=в-а-н* (*<ощы=(п>в) ал=ган*) ‘он сел’ - *ощы=ва́-н* ‘он не садился’. Данные словоформы образованы на базе разных форм: положительная восходит к аналитической конструкции *ощы=(п>в) ал=ган*, а отрицательная состоит из одной простой глагольной основы, к которой присоединяется аффикс отрицания *=ва* и аффикс лица.

Таким образом, в рассматриваемых языках идет процесс стяжения аналитических глагольных словоформ. В письменном алтайском языке он имеет менее интенсивный характер, поскольку существующие нормы языка сдерживают эти процессы. Наиболее активно эти изменения происходят в индикативе чалканского языка, что приводит к сокращению количества временных форм и образованию смешанных парадигм. Временная парадигма этих языков активно пополняется за счет новых форм, образовавшихся в результате синтезации прежних аналитических конструкций. При этом упрощение структуры не всегда приводит к упрощению семантики. Семантика новых аффиксов, возводимых к одному источнику, часто оказывается разной. Новые формы, находясь на разных ступенях синтезации, в разной степени сохраняют следы своей акциональной семантики. В результате стяжения глагольных словоформ фонетический облик морфем претерпевает значительные изменения, и в ряде случаев сохраняются только корневые морфемы и личный показатель. Появляются омографы, которые различаются по контексту или по ударению.

Э. Даль отмечает, что такого рода поверхностные упрощения в виде фонологической редукции довольно часто ведут к более сложной системе [Даль 2009: 490]. Это наблюдение подтверждается данными алтайского и чалканского языков.

2.1.2. Семантическая сложность временных форм

Система времен в алтайском и чалканском языках характеризуется заметной объективной сложностью, так как в поле каждого из трех времен – настоящего, прошедшего и будущего – представлено по несколько форм комплексной семантики, формирующих сложную темпорально-аспектуально-модальную систему.

2.1.2.1. Формы прошедшего времени

В алтайском и чалканском, как и в других тюркских языках, наиболее сложно организованна подсистема прошедшего времени. В рассматриваемых языках представлены четыре основные формы прошедшего времени: *=ды* (прошедшее достоверное), *=ган* (прошедшее результативное), *=(п)тыр* (прошедшее эвиденциальное), *=(а)тан* (прошедшее обычное). Форма на *=ды* является общетюркской, форма на *=ган* характерна для кыпчакских тюркских языков, форма на *=(п)тыр* встречается только в сибирских тюркских языках. Формы прошедшего времени обозначают, что действие произошло до момента речи. Однако в каждом языке эти формы имеют семантические особенности.

В систему времен алтайского языка Н. А. Баскаков включал также четыре аналитические формы: прошедшего данного момента *Tv=(ы)п јатты*, прошедшего длительного *Tv=(ы)п турды*, давно прошедшего *Tv=ган эди* и прошедшего заглазного *Tv=(ы)п тур=* [Баскаков 1997: 182]. Вслед за А. Р. Тазрановой первые три формы мы считаем конструкциями с аспектуально-темпоральной семантикой, которые только дополняют парадигму глагола [Тазранова 2005: 24]. Последняя форма в современном алтайском языке стянулась и стала синтетической формой прошедшего времени с эвиденциальной семантикой: *=(п)тыр*.

1. Прошедшее достоверное на *=ды*. В грамматических исследованиях по алтайскому языку общетюркская форма на *=ды* определяется как «прошедшая повествовательная» [Грамматика 1869: 71], «достоверное, объективное, недавно-прошедшее, настояще-прошедшее» [Дыренкова 1940: 170], «прошедшее определенное» [Баскаков 1997: 182].

Форма прошедшего времени на *=ды* выражает достоверное действие в недавнем прошлом. Говорящий, как правило, был непосредственным свидетелем этого действия.

(1) алт. *Уктыҥ ба*, *Шонтой*, *энеҥ нени айтканын? – деп адазы сонуркады. – Уктым*, *уктым – деп уулы унчукты.* (ТШ, АК, 26)

ук=**ты**=ҥ	ба	Шонтой=Ø		
слышать=PAST=2SG	Q	Шонтой=NOM		
эне=ҥ=Ø	не=ни	айт=кан=ы=н		
мама=POSS.2SG=NOM	что=ACC	сказать=PFCT=POSS.3=ACC		
деп	ада=зы=Ø	сонурка=**ды**=Ø		
CONJ	отец=POSS.3=NOM	интересоваться=**PAST**=3SG		
ук=**ты**=м	ук=**ты**=м	деп		
слышать=**PAST**=1SG	слышать=**PAST**=1SG	CONJ		
уул=ы=Ø	унчук=**ты**=Ø			
сын=POSS.3=NOM	ответить=**PAST**=3SG			

‘– Слышал, Шонтой, что твоя мама сказала? – поинтересовался его отец. – Слышал, слышал – ответил сын.’

В чалканском языке форма на *=ды* имеет значение достоверного действия, но не предполагает обязательного наличия наблюдателя.

(2) чалк. *Улащ ана парды*.

улащ=Ø	ана	пар=**ды**=Ø
мальчик=NOM	туда	идти=**PAST**=3SG

‘Мальчик пошел туда (точно).’

В алтайском языке форма прошедшего времени на *=ды* передает непосредственно воспринятое действие. Эта форма часто оформляет главное сказуемое временного сложного предложения с имплицитным модусным звеном ‘видеть’.

(3) алт. *Барып ачып ийзем*, *бозогоныҥ ары јанында кандый да таныш эмес орус ӱй кижи турды*. (БУ, Т, 25)

бар=ып	ач=ып	ий=зе=м			
идти=CV1	открывать=CV1	AUX: посылать=COND=1SG			
бозого=ныҥ	ары	јан=ы=н=да	кандый	да	
порог=GEN	тот	сторона=POSS.3=INFIX=LOC	какой	PTCL	
таныш	эмес	орус	ӱй кижи=Ø	тур=**ды**=Ø	
знакомый	NEG	русский	женщина=NOM	стоять=**PAST**=3SG	

‘Когда я открыл дверь, <то увидел, что>, за порогом стояла какая-та незнакомая русская женщина.’

В чалканском языке в таких предложениях могут выступать и форма на *=ды*, и форма на *=ган*.

В описываемых языках эта форма широко употребляется в повествовании, в героических сказаниях как основное прошедшее повествовательное время. Используя эту форму, «рассказчик выступает как бы очевидцем тех далеких событий, о которых он повествует, и тем самым достигает большей категоричности, достоверности, живости изложения» [Тыбыкова 1991: 34].

(4) алт.

Очы-Балаҥ ол ӱнинеҥ	От крика Очи-Бала
Оок туулар силкинд**ы**,	Низкие горы качнулись,
Јетен айры пу талай	Река с семьюдесятью притоками,
Јарадынаҥ чайпалд**ы**,	Расплескавшись, вышла из берегов,
Јетен јаан пу тайка	Семьдесят высоких гор качнулись.
Селес эдип пу калд**ы**.	У гор с отвесными скалами
Пажы ла коо кайа таштар	Вершины рухнули,
Пажы тӧмӧн јыгылд**ы**,	[От крика] с сильным выдохом
Чыгара тынган тынышка	Синяя скала раскололась,
Чаҥкыр кайа јарылд**ы**,	От выдоха [богатырки]
Ичке ле тынган тынышка	Цепь высоких гор распалась.
Улу туулар ӱзӱлд**и**.	(АГС, с. 118–119)

(5) чалк. *Тьоро-тьоро келгенде*, *пӧрӱк ӧтӱре шаш ӧс**ти***, *токум ӧтӱре тӱк ӧс**ти***, *пир ньиме таппа**ды***. (АФ, 16)

тьор=о	тьор=о	кел=ген=де		пӧрӱк=Ø	
ходить=CV2	ходить=CV2	приходить=PP1=LOC		шапка=NOM	
ӧтӱре	шаш=Ø	ӧс=**ти**=Ø	токум=Ø		
свозь	волосы=NOM	расти=**PAST**=3SG	потник=NOM		
ӧтӱре	тӱк=Ø	ӧс=**ти**=Ø	пир	ньиме=Ø	
свозь	шерсть=NOM	расти=**PAST**=3SG	один	вещь=NOM	
тап=па=**ды**=Ø					
находить=NEG=**PAST**=3SG					

‘Ходил-ходил так, что сквозь шапку волосы проросли, сквозь потник шерсть пробилась, ничего не добыл.’

Форма на *=ды* употребляется в значении адмонитива (предостережение адресата от возможных негативных последствий). Это значение регулярно проявляется при употреблении этой формы во 2-м и 3-м л. ед. и мн. ч. в диалогах. Говорящий использует форму на *=ды* с целью предостеречь субъекта от возможного, но нежелательного действия, которое может повлечь неприятности или сложности, а также может быть опасным для его жизни или здоровья. Для такого опасения есть основания: в примере (6) – малый запас времени до начала работы, в примере (7) – острый нож, которым можно порезаться.

(6) алт. *Тӱргенде*, *ишке оройтыдыҥ*.

тӱргенде=Ø	иш=ке	оройты=**ды**=ҥ
торопиться=IMP.2SG	работа=DAT	опаздывать=**PAST**=2SG

‘Торопись, как бы ты на работу не опоздал.’

(7) алт. *Бычак курч. Бала кезинди.*

бычак=Ø	курч	бала=Ø	кез=ин=**ди**=Ø
нож=NOM	острый	ребенок=NOM	резать=REFL=**PAST**=3SG

‘Нож острый. Как бы ребенок не порезался.’

В чалканском языке, в отличие от алтайского, данное значение может выражаться как при помощи положительной формы на *=ды* (8, 9), так и отрицательной формы на *=вады* (10).

(8) чалк. *Тьакшы тьор*, *тьазыде аскадыҥ*.
тьакшы тьор= Ø тьазы=де
хорошо ходить= IMP.2SG лес=LOC
ас=ка=**ды**=ҥ (> аз=(ып) ка(л)=ды=ҥ)
заблудиться=CV1 AUX:остаться=**PAST**=2SG
‘Ходи осторожно, как бы не заблудился в лесу.’

(9) чалк. *Кӧр*, *палы щелынды*.
кӧр=Ø палы=Ø щел=ын=**ды**=Ø
смотреть=IMP.2SG ребенок=NOM падать=REFL=**PAST**=3SG
‘Смотри, как бы ребенок не упал.’

(10) чалк. *Кӧр*, *палы щелынмеды*.
кӧр=Ø палы=Ø щел=ын=**ме**=**ды**=Ø
смотреть=IMP.2SG ребенок=NOM падать=REFL=**NEG**=**PAST**=3SG
‘Смотри, как бы ребенок не упал.’

Следующее значение этой формы – семантика авертива (обозначение намечавшейся, но нереализованной ситуации в прошлом), которая еще не была отмечена исследователями этих языков. Эту семантику форма на *=ды* выражает только в отрицательной форме: алт. *=ба=ды*, чалк. *=ва=ды*. В предложении с формой на *=бады* / *=вады* в значении авертива в алтайском языке присутствует наречие *арай ла* ‘чуть’, в чалканском языке – наречие *тэк* ‘чуть’.

(11) алт. *Байа эртен тура арай ла аттырып*, *ӧлӱп калбадым*. (ЭП, А, 163)
байа эртен тура арай ла ат=тыр=ып
недавно утром чуть стрелять=CAUS=CV1
ӧл=ӱп кал=**ба**=**ды**=м
умирать=CV1 AUX: оставаться=**NEG**=**PAST**=1SG
‘Давеча утром я чуть было не умер, позволив себя застрелить.’

(12) алт. *Тошко тайкылала*, *арай ла карганак јыгылбады*.
тош=ко тайкыл=ала арай ла карганак=Ø
лед=DAT поскользнуться=CV3 чуть старик=NOM
јыгыл=**ба**=**ды**=Ø
падать=**NEG**=**PAST**=3SG
‘Поскользнувшись на льду, старик чуть не упал.’

(13) чалк. *Қатыргын тьа*, *тэк ищым тьарылвады*.
қатыр=гын тьа тэк ищ=ым=Ø
смеяться=PP1 пока чуть живот=POSS.1SG=NOM
тьар=ыл=**ва**=**ды**=Ø
лопнуть=PASS=**NEG**=**PAST**=3SG
‘Пока [я] смеялся, чуть мой живот не лопнул.’

Таким образом, основное значение формы на *=ды* в рассматриваемых языках – достоверное действие, которое произошло в недавнем прошлом. При этом для алтайского предполагается, как правило, наличие наблюдателя за происходящим. В чалканском же языке наличие наблюдателя необязательно.

2. Прошедшее результативное на *=ган*. В грамматических исследованиях по алтайскому языку форма на *=ган* определяется как «прошедшая описательная» [Грамматика 1869: 72], «давнопрошедшее» [Дыренкова 1940: 174], прошедшее неопределенное [Баскаков 1997: 182].

В чалканском языке эту форму Н. А. Баскаков называет неопределенным прошедшим временем [Баскаков 1985]. Она является основной для выражения прошедшего времени. В отличие от алтайского, в чалканском языке употребляется один фонетический вариант данной формы с узким гласным – *=гын*.

Форма прошедшего времени алт. *=ган* / чалк. *=гын* выражает действие, которое имело место в далеком прошлом.

(14) алт. *Энем мында јаткан*, *мен мында јўргем*. (КТ, К, 313)

эне=м=Ø	мында	јат=**кан**=Ø	мен=Ø
мама=POSS.1SG=NOM	тут	лежать=**PP1**=3SG	я=NOM
мында	јўр=**ге**-м		
тут	ходить=**PP1**-1SG		

‘Моя мама тут жила, я тут жил.’

(15) чалк. *Алынде анде прииска полгын*, *тьаґныґ алынде прииска полгын*, *а тьаґ туште дезе олаґ кищлеры пес тарышканыр.*

алынде	анде	прииска=Ø	полг=**гын**=Ø	
раньше	там	прииски=NOM	быть=PP1=3SG	
тьаґ=ныґ	ал=ы=н=де			
война=GEN	передняя часть=POSS.3=INFIX=LOC			
прииски=NOM	пол=**гын**=Ø	а	тьаґ=Ø	
прииска=Ø	быть=**PP1**=3SG	а	война=NOM	
туш=те	дезе	ол=аґ	кищ=лер=ы=Ø	пес
время=LOC	PTCL	он=GEN	человек=PL=POSS.3=Ø	все

тарыш=ка-**н**=ыр (>тарыж=ып кал=**ган**=ныр)
расходиться=CV1 AUX: оставаться=**PP1**=3PL

‘Раньше там были прииски, перед войной были прииски, а во время войны его жители все разъехались.’

Авторы «Грамматики алтайского языка» как особенность формы на *=ган* отмечают значение результативности: она «описывает действие не как событие, а как состояние предмета, происшедшее от совершившегося действия» [Грамматика 1869: 248]. Значение результативности действия характерно и для чалканской формы.

(16) алт. *Кичинек тужында кудай јаґынынґ баштамы школында ўренип*, *ўч классты божоткон*. (ИШ, К, 5)

кичинек	туж=ы=н=да	кудай=Ø
маленький	время=POSS.3=INFIX=LOC	бог=NOM

јан=ы=нынг		баштамы	школ=ы=н=да
вера=POSS.3=GEN		начальная	школа=POSS.3=INFIX=LOC
ўрен=ип	ўч	класс=ты	божот=**кон**=Ø
учиться=CV1	три	класс=ACC	окончить=**PP1**=3SG

‘В детстве он, учась в начальной религиозной школе, окончил три класса.’

(17) алт. *Јўрўм кубулган*, *јаранган.* (КТ, К, 307)

јўрўм=Ø	кубул=**ган**=Ø	јаран=**ган**=Ø
жизнь=NOM	меняться=**PP1**=3SG	улучшаться=PP1=3SG

‘Жизнь изменилась, улучшилась.’

(18) чалк. *Тьат анаре уйтакамыс*, *тьоқтыш-тьоқтыжал уйтакамыс.*

тьат=Ø анаре уйта=Ø=ка=мыс (>уйта=п кал=**ган**=ымыс)
лежать=CV1 дальше спать=CV1 AUX: оставаться=**PP1**=1PL
тьоқт=ыш=Ø-тьоқт=ыж=ал=Ø (>тьоқт=ыж=ып-тьоқт=ыж=ып ал=ып)
говорить=RECIP=CV1-говорить=RECIP=CV1 AUX: брать=CV1
уйта=Ø=ка=мыс (>уйта=п кал=**ган**=ымыс)
спать=CV1 AUX: оставаться=**PP1**=1PL
‘Так легли мы и дальше уснули, поболтав-поболтав, уснули.’

Форма прошедшего времени на *=ган*, в отличие от формы прошедшего времени на *=ды*, не маркирована с точки зрения очевидности / неочевидности. Она может обозначать и непосредственное восприятие, но чаще всего имеет значение инферентивное – умозаключения по признакам. В ситуации, когда говорящий не был свидетелем события, но делает вывод по имеющимся признакам, используется только форма на *=ган*. Использование формы на *=ды* вместо формы на *=ган* невозможно.

(19) алт. *Столдо кӧчӧлӱ баштык. Айдарда*, *Эркелей кӧчӧ кайнаткан.*

стол=до	кӧчӧ=лӱ	баштык=Ø	
стол=LOC	перловая крупа=POSSV	мешок=NOM	
айдарда	Эркелей=Ø	кӧчӧ=Ø	кайнат=**кан**=Ø
значит	Эркелей=NOM	перловый суп=NOM	варить=**PP1**=3SG

‘На столе мешок с перловой крупой. Значит, Эркелей сварила перловый суп.’

(20) чалк. *Столдэ аш. Анду ползе аным аш кайныткын*.

стол=дэ	аш=Ø	анду	пол=зе
стол=LOC	суп=NOM	так	быть=COND
аны=м=Ø	аш=Ø	кайныт=**кын**=Ø	
мать=POSS.1SG=NOM	суп=NOM	варить=**PP1**=3SG	

‘На столе суп. Значит, мама сварила суп.’

3. Прошедшее обычное на *=(а)тан*. В грамматических исследованиях по алтайскому языку форма на *=(а)тан* рассматривается в поле будущего времени и определяется как «настояще-будущая вторая» [Грамматика 1869: 72], будуще-прошедшее [Дыренкова 1940: 180], будущее долженствовательное [Баскаков 1997: 182]. В работах по чалканскому языку эта форма описывается как «настояще-будущее время обычное долженствовательное» [Баскаков 1985: 70].

В алтайском и чалканском языках форма на *=атан* употребляется и в значении обычного прошедшего, и долженствовательного будущего, и (значительно реже) широкого настоящего. В значении будущего времени эта форма используется в определенных синтаксических условиях (подробнее см. ниже).

Форма на *=(а)тан* выражает обычное, привычное действие в прошлом.

(21) алт. *Клубтаҥ эмезе школдоҥ кожо јанатаныс.* (СС, АКС, 77)

клуб=таҥ	эмезе	школ=доҥ	кожо	јан=**атан**=ыс
клуб=ABL	или	школа=ABL	вместе	возвращаться=**PP2**=1PL

‘Вечером из клуба или из школы мы (обычно) возвращались вместе.’

(22) чалк. *Адам пир-пирде аҥнап тьортон.* [ЯКНС 15: 60]

ада=м=Ø	пир-пир=де
отец=POSS.1SG=NOM	один-один=LOC
аҥна=п	тьор=тон=Ø
охотиться=CV1	AUX: ходить=PP2=3SG

‘Мой отец иногда занимался охотой’ (постоянное прошедшее время).

Форма на *=(а)тан* выражает также многократное, повторяющееся действие. Это значение может поддерживаться лексическими средствами: алт. *кўнўҥ ле*, чалк. *кўнзайын* ‘каждый день’, алт. *кажы ла ай*, чалк. *ай сайын* ‘ежемесячно’, алт. *кажы ла јыл*, чалк. *тьыл сайын* ‘ежегодно’, алт. *көп катап*, чалк. *көп қатып* (*көп раз*) ‘много раз’, алт. *канча катап*, чалк. *қанще қатып* (*қанще раз*) ‘несколько раз’. В чалканском языке выражения «много раз» или «несколько раз» в основном употребляются с заимствованным из русского языка словом *раз*: *көп раз* ‘много раз’, *қанще раз* ‘несколько раз’.

(23) алт. *Је јеенине ол сый берер учурлу деп*, *энези де*, *өскө дө улус көп катап айдатан*. (СС, АКС, 129)

је	јеен=и=н=е		ол=Ø	сый=Ø
но	племянник=POSS.3=INFIX=DAT		он=NOM	подарок=NOM
бер=ер	учурлу	деп	эне=зи=Ø	де
дать=PrP	должен	CONJ	мама=POSS.3=NOM	PTCL

өскö	дö	улус=Ø	көп	катап	айд=**атан**=Ø
другой	PTCL	люди=NOM	много	раз	сказать=**PP2**=3PERS

‘И мать, и другие люди много раз говорили, что он подарок племяннику должен подарить.’

(24) чалк. *Ол кўнзайын тьаратте ощыртын*.

ол=Ø	кўнзайын	тьарат=те	ощыр=тын=Ø
он=NOM	каждый день	берег=LOC	сидеть=PP2=3SG

‘Он каждый день сидел на берегу.’

4. Прошедшее эвиденциальное на *=(п)тыр*. Основным значением формы на алт. *=(п)тыр* / чалк. *=тыр* является выражение действия (события), свидетелем которого говорящий не был (косвенная эвиденциальность). Эта

форма передает широкий круг значений косвенной засвидетельствованности: пересказ информации, полученной от другого лица, от разных источников (письмо, газета, радио, сон, предсказание и т. д.; примеры 25, 26), инферентивное значение (примеры 27, 28).

(25) алт. *Удабас келерим деп бичиптир.* (АА, ÖЧК, 222)
удабас кел=ер=им деп бичи=**птир**=Ø
скоро приезжать=PrP=1SG CONJ писать=PAST.EVID=3SG
‘Оказывается, он написал, что скоро приедет.’

(26) чалк. *Ажызы ньеҥан деп газеттын унаватыр.*
ажы=зы=Ø ньеҥ=Ø=а-н=Ø (>ньеҥ=ип ал=ган)
брат=POSS.3=NOM победить=CV1 AUX: брать=PP1=3SG
деп газет=тын уна=в=а=тыр=Ø (>уна=п ал=тыр)
CONJ газета=ABL знать=CV1 AUX: брать=PAST.EVID=3SG
‘О том, что брат победил, узнал из газеты.’

(27) алт. *Токна… айлына эмеш јетпей јўрўп, мынаар туура соккожын, эки бе ўч пе кире элик јаш карла бу ла јаҥы ла база бертир.* (КТ, КЈ1, 19)
Токна=Ø айл=ы=н=а эмеш јет=пей
Токна=NOM дом=POSS.3=INFIX=DAT PTCL ходить=CV1
јўр=ўп мынаар туура сок=кожын эки бе
достигать=CV.NEG сюда в сторону бить=CV4 два Q
ўч пе кире элик=Ø јаш кар=ла бу
три Q около косуля=NOM свежий снег=INSTR этот
ла јаҥы ла баз=а бер=тир=Ø
PTCL только что ступать=CV2 AUX:дать=PAST.EVID=3PERS
‘Когда Токна, немного не доходя до дома, повернул в сторону, (увидел следы:) два или три марала по свежему снегу только что прошли, оказывается.’

(28) чалк. *Алынде кищлыр мынде тьаттырлыр.*
алынде кищ=лыр=Ø мынде тьат-**тыр**=лыр
раньше человек=PL=NOM здесь жить=PAST.EVID=3PL
‘Раньше люди здесь жили, оказывается.’

Форма на *=(п)тыр* также выражает миративное значение, если говорящий сам являлся непосредственным наблюдателем действия (события) или самостоятельно пришел к некоторому умозаключению.

(29) алт. *Мен олорды база катап көрдим. – Э-эй, таралдыҥ балдары чыдап калты-ыр.* (ТШ, АК, 7)
э-эй тарал=дыҥ бал=дар=ы=Ø
ITERJ кедровка=GEN ребенок=PL=POSS.3=NOM
чыда=п кал=**ты-ыр**=Ø
подрастать=CV1 AUX: оставаться=PAST.EVID=3PERS
‘Я еще раз посмотрел на них. – Э-эй, птенцы кедровки подросли, оказывается.’

(30) чалк. *Бийкаде пыр да уғ да тьоқ, пыр да тьоқ, пыр ле у полтыр.*

Бийка=де	пыр	да	уғ=Ø	да	тьоқ	пыр
Бийка=LOC	один	PTCL	дом=NOM	PTCL	нет	один
да	тьоқ	пыр	ле	у=Ø	пол=тыр=Ø	
PTCL	нет	один	PTCL	дом=NOM	быть=PAST.EVID=3SG	

‘На Бийке нет ни одного дома, ничего нет, только один дом был, оказывается.’

В современных алтайских художественных текстах синтетическая форма на *=(п)тыр* встречается редко. Предпочтение отдается причастным аналитическим конструкциям со служебными словами *эмтир* ‘оказывается’, *болтыр* (*болуптыр*) ‘оказывается’, которые восходят к форме на *=(п)тыр* от бытийных глаголов: *э=мтир* (от недостаточного глагола э= ‘быть, становиться’ + *=(п)тыр* > *эмтир*) и *бол=тыр*, *болуп=тыр* (*бол=уп* + *тур* > *болуптыр* > *болтыр* от служебного глагола *бол=* ‘быть, становиться’). Возможность сочетания этих служебных слов с причастными формами, имеющими разные темпоральные значения, расширяет временную зону. В чалканском языке активно используется служебный глагол *полтыр* ‘оказывается’, *эмтир* отсутствует.

(31) алт. *Jееним Марал өлгөн эмтир*. (ЛК, АК, 115)

jеен=им=Ø	Марал=Ø	өл=гөн=Ø	**эмтир**
племянник=POSS.1SG=NOM	Марал=NOM	умирать=PP1=3SG	**PTCL**

‘Мой племянник Марал погиб, оказывается.’

(32) алт. *Күндүй деп келин малта ала койгон болтыр*. (АА, ӨЧК, 40)

Күндүй=Ø	деп	келин=Ø	малта=Ø
Кюндюй=NOM	мол	молодая женщина=NOM	топор=NOM
ал=а	кой=гон	**болтыр**	
брать=CV2	AUX=PFCT	**PTCL**	

‘Молодая женщина по имени Кюндюй схватила топор, оказывается.’

(33) чалк. *Сен Бийкаде тьатын полтырзын тьуве!*

сен=Ø	Бийка=де	тьатын	**полтырзын**	тьуве
ты=NOM	Бийка=LOC	жить	AUX: быть=PAST.EVID=2SG	PTCL

‘Ты, оказывается, живешь на Бийке!’

Таким образом, подсистема прошедшего времени рассмотренных языков характеризуется семантической сложностью. Базовая временная семантика этих форм осложнена аспектуальными, модальными и эвиденциальными значениями.

В алтайском и чалканском языках в плане прошедшего времени противопоставлены друг другу четыре формы: *=ды*, *=ган*, *=(а)тан*, *=(п)тыр*.

В алтайском языке две базовые формы прошедшего времени *=ган* и *=ды* противопоставлены другу другу по временной дистанции: недавнопрошедшее (*=ды*) – давнопрошедшее (*=ган*), по аспектуальным значениям

законченности (*=ды*), результативности (*=ган*), по эвиденциальности: прямая эвиденциальность (*=ды*), умозаключение по признакам (*=ган*).

В чалканском языке, в отличие от алтайского языка, основной формой прошедшего времени выступает *=гын*. Форма на *=ды* противопоставлена базовой форме по модальной семантике достоверности.

Две другие формы в рассматриваемых языках осложнены значением косвенной эвиденциальности (*=(п)тыр*) и аспектуальным значением многократности (*=(а)тан*).

Все это свидетельствует о сложности подсистемы временных форм прошедшего времени.

В современном алтайском и чалканском языках среди форм прошедшего времени форма на *=ган* / *=гын* характеризуется наибольшей широтой и активностью употребления как в письменной, так и в устной речи. В алтайском языке форма на *=ды* больше характерна для письменной речи, употребляется чаще всего в повествовательных и описательных текстах. Форма на *=атан* в значении обычного прошедшего времени активно используется в алтайском языке. Чалканская форма на *=атан* в значении прошедшего обычного встречается значительно реже.

2.1.2.2. Формы настоящего времени

В алтайском и чалканском, как и в других сибирских тюркских языках, формы настоящего времени сложились на базе деепричастных аналитических конструкций аспектуального типа. Авторы грамматических исследований по алтайскому языку выделяют три временные формы со значением настоящего времени: 1) настоящее общее *=(а)т*; 2) настоящее данного момента *Tv=(ы)п jат*; 3) настоящее длительное *=адыры*. Н. А. Баскаков выводит форму на *=(а)т* из системы настоящего времени и сдвигает ее в план будущего, определяя как будущее определенное [Баскаков 1997: 183].

А. Р. Тазранова выделяет новую форму настоящего обычного многократного времени на *=тран*, образованную на базе конструкции *Tv=(ы)п тур=* + аффикс прошедшего времени на *=ган*. Эта форма широко употребляется в разговорной речи, в письменном литературном языке стяжения не происходит [Тазранова 2005: 28]. Мы не включаем эту форму во временную систему алтайского языка, поскольку она окончательно еще не сложилась. Она употребляется в двух вариантах: *=(ып)тран* и *=тран*, деепричастный показатель первого компонента *=ып* может сохраняться либо опускаться. Например: *ич=иптран* и *ич=тран* ‘пьет’. Этот аффикс имеет вариант только с гласным твердого ряда, гласные этого аффикса с гласными основы не гармонируют: *сүү=птран* ‘любит’, *бичи=птран* ‘пишет’, *сог=уптран* / *сок=тран* ‘бьет’, *кел=иптран* / *кел=тран* ‘приходит’.

Для современного чалканского языка в поле настоящего времени мы выделяем одну форму *=т*, которая восходит к аналитической конструкции *Tv=(ып) тьат*.

1. Настоящее общее на *=(а)т*. В грамматической литературе по алтайскому языку форма на *=(а)т* дается как базовая форма настоящего времени. Авторы «Грамматики алтайского языка» [1869] и Н. П. Дыренкова в «Грамматике ойротского языка» определяют ее как настояще-будущую повествовательную форму. Она передает «как действия, совершающиеся в настоящем, так и действия, которые должны совершиться в близком будущем (в том случае, когда действие должно последовать непременно и притом в самом непродолжительном времени)» [Дыренкова 1940: 188].

В текстах форма на *=(а)т* выступает в значении расширенного настоящего (34), во вневременном (35) или в итеративном значении, которое поддерживается лексемами, передающими регулярность, повторяемость действия (36).

(34) алт. *Энем школдо иштейт.*

эне=м=∅	школ=до	иште=**йт**=Ø
мама=POSS.1SG=NOM	школа=LOC	работать=**PRES**=3SG

‘Моя мама работает в школе.’

(35) алт. *Алтайда Кадын ла Ööн деп јаан суулар агат*.

Алтай=да	Кадын=∅	ла	Ööн=∅	деп
Алтай=LOC	Катунь=NOM	PTCL	Бия=NOM	CONJ
јаан	суу=лар=∅	аг=**ат**=Ø		
большой	река=PL=NOM	течь=**PRES**=3PERS		

‘На Алтае протекают большие реки Катунь и Бия.’

(36) алт. *Балдар* ***күнүҥ ле*** *тошто јыҥылагылайт*.

балдар=∅	күнүҥ	ле	тош=то	јыҥыла=гыла=**йт**=Ø
дети=NOM	каждый день	PTCL	лед=LOC	кататься=ITER=**PRES**=3PERS

‘Дети каждый день катаются на льду.’

В значении настоящего данного момента форма на *=(а)т* конкурирует с аналитической формой *=(ы)п јат*. При этом *=(ы)п јат* более активна в употреблении и встречается чаще.

Форма на *=(а)т* может употребляться в значении близкого будущего времени и выражать при этом твердое намерение субъекта совершить действие. Глагол принимает форму 1-го л. ед. или мн. ч.

(37) алт. *Бис эртен ле ишти божододыс!*

бис=∅	эртен	ле	иш=ти	божод=од=ыс
мы=NOM	хавтра	PTCL	работа=ACC	заканчивать=PRES=1PL

‘Мы завтра же намерены закончить работу.’

Будущее время может подчеркиваться лексемами с временным значением будущего, типа *эртен* ‘завтра’.

(38) алт. *Эртен ле бичигин бередим.*

эртен	ле	бичиг=и=н	бер=**ед**=им
завтра	PTCL	книга=POSS.3=ACC	давать=PRES=1SG

‘Завтра же я намерен отдать (его) книгу.’

Форма на *=(а)т* используется в стилистических целях для образной актуализации прошедших событий. В этом значении она встречается в художественных текстах и в героических сказаниях, где речь идет о событиях, имевших место в прошлом.

(39) алт. *А мениҥ бажым айланат, көстӧримди туй туман алат.* (БУ,Т,101)

а	ме-ниҥ	баж=ым=∅		айлан=**ат**=∅	
а	я-GEN	голова=POSS.1SG=NOM		кружиться=PRES=3SG	
көс=тӧр=им=ди		туй	туман=∅		ал=**ат**=∅
глаз=PL=POSS.1SG=ACC		сплошной	туман=NOM		брать=PRES=3SG

‘А моя голова кружится, мои глаза пеленает сплошной туман.’

2. Настоящее данного момента *=(ы)п јат*. Аналитическая форма *=(ы)п јат* имеет значение настоящего данного момента, которое может быть осложнено семантикой прямой эвиденциальности. Она широко употребляется в современном алтайском языке и не ограничена в сочетании с глаголами разных лексико-семантических групп.

(40) алт. *Туку кызыҥ келип јат.*

туку	кыз=ын=∅	кел=**ип**	**јат**=∅
DPron	дочь=POSS.2SG=NOM	приходить=CV1	AUX: лежать=3SG

‘Вон твоя дочка идет.’

Форма на *=(ы)п јат=* выражает также значение широкого настоящего (41) и вневременное (42).

(41) алт. *Музыка ла чечектер сүүп јадым*. (JM, JJ, 131)

музыка=∅	ла	чечек=тер=∅	сүү=**п**	**јад**=ым
музыка=NOM	CONJ	цветок=PL=NOM	любить=CV1	лежать=1SG

‘Я люблю музыку и цветы.’

(42) алт. *Кажы ла кижи јадын-јүрүмди бойыныҥ билери айынча оҥдоп јат*. (ЛК, ЛП, 8)

кажы	ла	кижи=∅	јадын-јүрүм=ди		бой=ы=ныҥ
каждый	PTCL	человек=NOM	жизнь=ACC		сам=POSS.3=GEN
бил=ер=и=∅		аайынча	оҥдо=**п**		**јат**=∅
знать=PrP=POSS.3=NOM		POSTP	понимать=CV1		AUX: лежать=3SG

‘Каждый человек понимает жизнь в соответствии со своими знаниями.’

В чалканском языке Н. А. Баскаков определяет форму *=ып тьат* как форму настоящего времени данного момента [Баскаков 1985: 66]. В совре-

менном чалканском языке эта форма имеет более широкое значение: она используется и в значении настоящего данного момента (43), и в значении настоящего общего времени (44).

(43) чалк. *Ölöҥ, кару-сару ниме тощивавыле уйтаптыс эме*.
ölöҥ=Ø кару-сару ниме=Ø тощивавыл=е
трава=NOM всякие вещь=NOM стелить=CV2
уйта-**п-т-ыс** (<уйта=п тьад=ыс) эме
спать=CV1 AUX:лежать=3SG теперь
‘Траву, разные вещи постелив, теперь спим.’

(44) чалк. *Паштып кырныҥ тöзи тьайылтьыт, аҥ ол қоқпанде ари сыртынщи тьайылтьыт…*
паштып кыр=ныҥ тöз=и
сначала гора=GEN подошва=POSS.3
тьайыл=Ø=тьыт=Ø (>тьайыл=ып тьат) аҥ ол=Ø
цветет= CV1 AUX:лежать=3SG потом он=NOM
қоқ=Ø=па=н=де (>коғ=ып) ари
вянуть= CV1 AUX: идти= PP1.3SG=GEN немного
сырт=ын=щи тьайыл=Ø=тьыт=Ø (>тьайыл=ып тьат)
верх=POSS.3=LAT цветет= CV1 AUX:лежать=3SG
‘Сначала подошва горы цветет, потом, когда она отцветает, немного выше цветет…’

В исследуемых языках эта форма также передает семантику итеративного настоящего. Эта значение выражается при наличии в предложении определенных темпоральных слов и словосочетаний, которые указывают на повторяемость, регулярность, на временные промежутки, через которые происходит действие: *кўнўҥ ле* ‘каждый день’, *кажы ла ай* ‘каждый месяц’, *кажы ла јыл* ‘каждый год’, *ай сайын* ‘каждый месяц’, *јыл сайын* ‘каждый год’, *неделе сайын* ‘каждую неделю’ и др.

(45) алт. *Бис ай сайын студент уулыбыска акча ийип јадыбыс*.
бис= Ø **ай=** Ø **сайын** студент
мы=NOM месяц=NOM POSTP студент
уул=ыбыс=ка акча= Ø ий=**ип** **јад**=ыбыс
сын=POSS.1PL=DAT деньги=NOM посылать=CV1 AUX: лежать=1PL
‘Мы каждый месяц посылаем нашему сыну деньги.’

(46) чалк. *Кўн сайын менза келтьыт*.
кўн=Ø сайын мен=за кел=Ø=тьыт=Ø (>кел=(ип) тьыт)
день=NOM POSTP я=DIR приходить=CV1 AUX: лежать=3SG
‘Каждый день ко мне приходит.’

В алтайском языке форма на *=(ы)п јат=* может выступать в значении ближайшего будущего. В отличие от формы на *=(а)т*, которая выражает эту

семантику, как правило, в форме 1-го л. ед. и мн. ч., форма *=(ы)п јат* может употребляться в форме всех лиц.

(47) алт.
а) *Эртен јериме атанып јадым*. (JM, JJ, 16)

эртен	јер=им=е	атан=**ып**	**јад**=ым
завтра	земля=POSS.1SG=DAT	отправляться=CV1	AUX: лежать=1SG

‘Завтра отправляюсь на родину.’ (простая констатация факта)

б) *Эртен јериме атанадым*.

эртен	јер=им=е	атан=**ад**=ым
завтра	земля=POSS.1SG=DAT	отправляться=PRES=1SG

‘Завтра отправляюсь на родину.’ (твердое намерение, готовность)

в) *Эртен јерине атанып јат*.

эртен	јер=и=н=е	атан=**ып**	**јат=Ø**
завтра	земля=POSS.3=INFIX=DAT	отправляться=CV1	AUX: лежать=3SG

‘Завтра [он] отправляется на родину.’ (констатация факта)

г) **Эртен јерине атанат*.

эртен	јер=и=н=е	атан=**ат=Ø**
завтра	земля=POSS.3=INFIX=DAT	отправляться=PRES=3SG

(некорректный пример)

В чалканском языке данная форма может также употребляться в значении будущего времени, но только при сочетании со словами *эртен* ‘завтра’, *таңде* ‘завтра’ и т. д., которые сами указывают на совершение действия в будущем.

(48) чалк. *Таңде мен угза ньантым*.

таңде	мен=Ø	уг=за	ньан=Ø=т=ым (>ньан=(ып) т(ьад)=ым)
завтра	я=NOM	дом=DIR	возвращаться=CV1 AUX: лежать=1SG

‘Завтра я еду домой.’

Следует отметить, что в алтайском языке деепричастные конструкции с глаголами бытия *тур=у*, *отур=ы*, *јӱр=ӱ* также передают значение настоящего актуального времени. В отличие от вспомогательного глагола *јат=*, они кроме временного значения настоящего времени, вносят дополнительные аспектуальные значения и, как правило, ограничены в сочетании с глаголами разных лексико-семантических групп (подробнее см. [Тазранова 2005]).

3. Настоящее длительное на *=адыр*. При описании семантики формы на *=адыр* исследователи подчеркивают длительность и незаконченность действия, т. е. аспектуальные значения. Она определяется как «настоящее незаконченное» [Дыренкова 1940: 197], «настоящее длительное» [Баскаков 1997: 182].

На наш взгляд, форма на *=адыр* обозначает действие или состояние, которое находится в процессе совершения и говорящий его непосредственно наблюдает. При этом речь идет только о движении, обычно о появлении / удалении действующих лиц в поле зрения говорящего.

(49) алт. *Оноҥ көрзö, эки кулагы талбак, кичинек содон башту апшыйак клеедири.* (СС, АКС, 108)

оноҥ	көр=зö =Ø	эки	кулаг=ы=Ø
потом	видеть=COND=3SG	два	ухо=POSS.3=NOM
талбак	кичинек	содон	баш=ту
растопыренный	маленький	продолговатый	голова=POSSV
апшыйак=Ø	кле=**едири**=Ø		
старик=NOM	идти=PRES.EVID=3SG		

‘Потом видит, идет старик с растопыренными ушами, с маленькой продолговатой головой.’

В современном алтайском языке форма на *=адыр* занимает периферию временной системы, поскольку употребляется практически только с двумя основными глаголами движения *бар=* ‘уходить, идти’ и *кел=* ‘приходить, идти’. Периферийность этой формы отмечается и в других южносибирских тюркских языках, «она либо уходит на периферию временной системы, постепенно утрачиваясь, исчезая из языка (этот процесс наблюдается в алтайском и шорском разговорном языках, где сочетаемость этой формы с глаголами очень ограничена), либо, сохраняясь в языке, теряет свой статус центральной формы настоящего расширенного (в хакасском языке)» [Широбокова 2005: 207]. Ограниченность этой формы нарративным употреблением и редкость в разговорной речи отмечается и для тувинского языка [Ооржак 2014: 114].

Таким образом, и в алтайской, и в чалканской подсистеме настоящего времени была представлена основная оппозиция между настоящим общим (*=ат*) и настоящим данного момента (*=п јат*). Однако со временем форма настоящего времени на *=(а)т*, признаваемая как базовая, постепенно вытесняется молодой аналитической формой *=(ы)п јат*. Образовавшись как показатель настоящего данного момента, новая аналитическая форма *=(ы)п јат* в современном алтайском языке выражает практически все значения настоящего времени. Алтайская форма на *=(а)т* начинает выступать прежде всего как нарративная. Третья форма *=адыр* противопоставлена им по двум значениям: прямой эвиденциальности и аспектуальным значением длительности.

В бесписьменном чалканском языке форма *=т*, образовавшаяся при стяжении аналитической формы *=(ы)п јат*, становится основной и единственной формой настоящего времени. Форма на *=(а)т* вышла из употребления. С ее уходом исчезает оппозиция «настоящее данного момента» и «настоящее общее». Тем самым подсистема настоящего времени современного чалканского языка показывает развитие в сторону уменьшения ее членов, т. е. в сторону парадигматического упрощения. Но при этом усложняется семантика оставшейся формы. На нее ложится вся семантическая нагрузка. Форма *=(ы)п тьат*, кото-

рая изначально специализировалась только на выражении значения настоящего данного момента, становится полисемантичной, выражая также значение общего настоящего.

2.1.2.3. Формы будущего времени

Будущее время представлено двумя формами: будущее общее на *=(а)р* и будущее долженствовательное на *=(а)тан*. Подсистема будущего времени представлена оппозицией будущего и будущего долженствовательного.

1. Будущее общее на *=(а)р*. Основной формой будущего времени для алтайского и чалканского языков выступает общетюркская форма на *=(а)р*, которая характеризуется нейтральностью, широтой семантики и регулярностью употребления. В древних языках эта форма была основной формой непрошедшего времени и поэтому в зависимости от контекста выражала значение настоящего и будущего времен. В большинстве современных тюркских языков она перешла в сферу будущего времени.

В грамматических исследованиях по алтайскому языку ее называют формой неопределенного будущего [Баскаков 1947: 181], формой настоящебудущего времени [Грамматика 1869: 241; Дыренкова 1940: 147]. В чалканском языке Н. А. Баскаков называет данную форму будущим (неопределенным) временем [Баскаков 1985: 68]. В современном чалканском языке будущее время на *=ар* не имеет значения неопределенности, поскольку на данном этапе это единственная форма будущего времени. Кроме того, в парадигме спряжения произошли некоторые фонетические изменения: показатель будущего времени *=ар* в современном чалканском языке имеет другой фонетический вариант *=ыр*.

Основное значение этой формы – выражение будущего времени.

(50) алт. *Слерге удабас Тарын келер*. (ЭП, А, 339)
слер=ге удабас Тарын=∅ кел=**ер**=∅
вы=DAT скоро Тарын=NOM приходить=**PrP**=3SG
‘К вам скоро Тарын придет.’

(51) чалк. *Поны одынырзар*.
по=ны одын=**ыр**=зар
это=ACC топить=**PrP**=2PL
‘Вы это будете топить.’

Эта форма в алтайском языке может выражать также значение расширенного настоящего (48) и вневременное значение (49).

(52) алт. *Јаанам көп чӧрчӧктӧр билер*.
јаана=м=∅ көп чӧрчӧк=тӧр=∅ бил=**ер**=∅
бабушка=POSS.1SG=NOM много сказка=PL=NOM знать=**PrP**=3SG
‘Моя бабушка знает много сказок.’

(53) алт. *Ак сагыш артып калар*, *кара сагыш кайылып калар.*

ак	сагыш=∅	арт=ып	кал=**ар**=∅
белый	мысль=NOM	оставаться=CV1	AUX: оставаться=**PrP**=3SG
кара	сагыш=∅	кайыл=ып	кал=**ар**=∅
черный	мысль=NOM	таять=CV1	AUX: оставаться=**PrP**=3SG

‘Добрая мысль останется, злая мысль растает.’

В алтайском языке форма на *=(а)р* используется в значении прошедшего исторического времени. Употребляя эту форму, говорящий «оживляет» события прошлого.

(54) алт. *Ол таҥ алдында туруп*, *уйларын саар*, *олорды азырап*, *кабыруга айдаар*. (БУ, Т, 52)

ол=∅	таҥ=∅	алд=ы=н=да	
она=NOM	заря=NOM	передняя часть=POSS.3=INFIX=LOC	
тур=уп	уй=лар=ы=н		саа=**р**=∅
стоять=CV1	корова=PL=POSS.3=ACC		доить=**PrP**=3SG
олор=ды	азыра=п	кабыру=га	айда=**ар**=∅
они=ACC	кормить=CV1	пастбище=DAT	гонять=**PrP**=3SG

‘Перед рассветом встав, она коров своих подоит, их накормив, выгоняет на выпас.’

2. Будущее долженствовательное на *=(а)тан*. В алтайском и чалканском языках форма на *=(а)тан* в значении будущего времени встречается, как правило, в вопросительных предложениях и в прямой речи. В чалканском языке данная форма в финитной функции употребляется только в 3-м л. ед. ч. В остальных лицах форма на *=(а)тан* встречается только в инфинитной позиции. Временное значение этой формы осложнено модальными значениями долженствования, возможности. Эта форма употребляется в общевопросительных (примеры 55; 56; 57) и отрицательно-вопросительных предложениях (пример 57).

(55) алт. *Јирме муҥ койды мен јаҥыскан кабыратам ба?* (ЛК, АК, 310)

јирме	муҥ	кой=ды	мен=Ø	јаҥыскан
двадцать	тысяча	овца=ACC	я=NOM	один
кабыр=**ата**-м		ба		
пасти=**PP2**-1SG		Q		

‘Я одна должна пасти двадцать тысяч голов овец?’

(56) чалк. *…эме ньаҥмыр тьаҕтьыт*, *тьайгыде*, *агыш арызынде*, *пыр посуде тьок*, *қайдэт щай кайныт ищ=ытен?*

эме	ньаҥмыр=Ø	тьаҕ=Ø=тьыт=Ø (>тьаҕ=ып тьат)			тьай=гы=де
теперь	дождь=NOM	идти=CV1 AUX: лежать=3SG			лето=POSS=LOC
агыш=Ø	арызынде	пыр	посуде=Ø	тьок	қайдэт
дерево=NOM	POSTP	один	посуда=NOM	нет	как
щай=Ø	кайныт=Ø	ищ=**ытен**=Ø			
чай=NOM	варить=CV1	пить=**PP2**=3SG			

‘…теперь идет дождь, летом, в лесу, нет ни одной посуды, как сварить чай и попить?’

(57) чалк. *Тьу эт тьатын?*

тьу	эт=Ø	тьат-**ын**=Ø
что	делать=CV1	жить=**PP2**=3SG

‘Чем заниматься?’

В алтайском языке в предложениях с вопросительным местоимением *не* ‘что?’, ‘почему?’ форма на *=(а)тан* приобретает своеобразный оттенок: в них выражается не вопрос в чистом виде, а резкое несогласие говорящего со сложившейся ситуацией:

(58) алт. *Ончолоры алып јат. Мен не албайтам*? (АА, ÖЧК, 35)

ончо=лор=ы=Ø	ал=ып	јат=Ø	мен=Ø
все=PL=POSS.3=NOM	брать=CV1	лежать=3SG	я=NOM

не	ал=ба=**йта**-м
почему	брать=NEG=**PP2**-1SG

‘Все берут. Почему я не должен брать?’

Форма на *=(а)тан* в вопросительных предложениях с местоимениями алт. *канай* ‘как’, алт. *канайып* ‘как, каким образом’, чалк. *қайдэт* ‘как, каким образом’ выражает возможность, обусловленную физическими (примеры 59, 60), морально-этическими, нравственными нормами (примеры 610, 62).

(59) алт. *Туку эки јўске јуук немени эки кижи бис канайып кабыратаныс*? (ЭП, А, 83)

туку	эки	јўс=ке	јуук	неме=ни	эки
DPRON	два	сто=DAT	около	вещь=ACC	два

кижи=Ø	бис=Ø	канайып	кабыр=**атан**=ыс
человек=NOM	мы=NOM	как	пасти=**PP2**=1PL

‘Как мы, два человека, сможем пасти около двухсот овец?’

(60) чалк. *Анду урақ кище қайдэт парытен?*

анду	урақ	кище=Ø	қайдэт	пар=**ытен**=Ø
так	далеко	человек=NOM	как	идти=**PP2**=3SG

‘Так далеко как человеку идти (дойти)?’

(61) алт. *Карган кижини канайып таштайтан*. (ЛК, АК, 373)

карган	кижи=ни	канайып	ташта=**йтан**=Ø
старый	человек=ACC	как	бросать=**PP2**=3SG

‘Как можно бросить старого человека?’

(62) чалк. *Кщещ палыне қайдэт соғытен?*

кщещ	палы=не	қайдэт	соғ=**ытен**=Ø
маленький	ребенок=ACC	как	бить=**PP2**=3SG

‘Как можно бить маленького ребенка?’

В алтайском языке форма на *=(а)тан* в форме 1-го л. единственного и, значительно реже, множественного числа может выражать намерение, готовность говорящего совершить то или иное действие в ближайшем будущем:

(63) алт. *Бар. Мен амырайтам.* (АА, УБТ, 63)

бар=Ø	мен=Ø	амыра=**йта**-м
идти=IMP.2SG	я=NOM	отдыхать=**PP2**-1SG

‘Иди. Я отдохну.’

Во вневременном значении форма на *=(а)тан* часто обозначает долженствование в соответствии с обычаем, нормой, установками.

(64) алт. *Јуртка барган бала јуртында артатан.* (АА, ӦЧК, 139)

јурт=ка	бар=ган	бала=Ø
семья=DAT	идти=PP1	ребенок=NOM
јурт=ы=н=да		арт=**атан**=Ø
семья=POSS.3=INFIX=LOC		оставаться=**PP2**=3SG

‘Девушка должна остаться в семье, куда вышла замуж.’

(65) чалк. *По кищыге уғза ньан=ытын*.

по	кищы=ге	уғ=за	ньан=**ытын**=Ø
это	человек=DAT	дом=DIR	возвращаться=**PP2**=3SG

‘Этому человеку нужно домой ехать.’

Таким образом, в алтайском и чалканском языках подсистема будущего времени состоит из двух форм. Базовой временной форме на *=ар* противопоставлена форма с модальным значением долженствования *=(а)тан*. Вторая форма в этих языках ограничена употреблением ее в прямой речи и в вопросительных предложениях.

2.1.3. Функциональная сложность временных форм

Функциональная сложность временных форм отчетливо прослеживается на примере форм настоящего времени. Форма на *=(а)т* в алтайском языке, будучи полисемантичной, является базовой для выражения настоящего времени. Но с появлением новой формы *=(ы)п јат* происходит постепенное сужение семантики многозначной формы на *=(а)т* и закрепление за ней нарративного употребления [Озонова, 2017: 93]. Форма *=(ы)п јат*, образовавшись как форма настоя-щего данного момента, начинает выражать практически все значения настоя-щего времени. При этом семантика настоящего данного момента в алтайском языке может быть осложнена семой прямой эвиденициальности. Настоящее эвиденциальное на *=адыр* уходит на периферию временной системы, употребляясь с ограниченным кругом глаголов.

В чалканском языке в поле настоящего времени исчезла оппозиция между формами данного момента на *=ып тьыт* и формой, которая несет функ-

цию настоящего общего времени на *=ат*, которую выделял Н. А. Баскаков при описании чалканского языка в 40-х гг. XX в. В настоящее время употребляется только одна форма настоящего времени на *=т* как показатель настоящего времени данного момента и в функции настоящего общего времени.

* * *

Временная система алтайского и чалканского языков представлена тройной оппозицией: «прошедшее / настоящее / будущее». Она состоит из единиц разной функциональной, семантической и структурной сложности.

Прослеживаются изменения в характере функционирования временных форм в более ранних и в современных текстах. Часто новая форма, предназначенная для выражения определенного временного значения, начинает со временем вытеснять уже имеющуюся форму с более общим временным значением и постепенно занимает ее позиции. Так, базовой формой настоящего времени в рассматриваемых языках была общетюркская форма *=(а)т*, которая в результате экспансии новой формы *=(ы)п jат* с первоначальным значением настоящего данного момента в алтайском языке ушла на периферию и стала нарративной формой, в чалканском же полностью вышла из употребления.

Семантическая сложность временной системы алтайского и чалканского языков состоит в том, что в этих языках фактически отсутствуют чисто временные формы, в основном это временные формы, дополнительно выражающие аспектуальную, эвиденциальную и модальную семантику.

Аспектуальным значением результата осложнено временное значение формы прошедшего времени на *=ган*, длительности – временное значение формы настоящего времени на *=адыр*, итеративности – временное значение формы прошедшего времени на *=(а)тан*. Сему прямой эвиденциальности включает форма прошедшего времени на *=ды* и форма настоящего времени на *=адыр*. Форма прошедшего времени на *=(п)тыр* в зависимости от контекста выражает косвенную эвиденциальность или миративность. Компонент модального значения долженствования имеет форма будущего времени на *=(а)тан*. Наблюдается дифференциация общих значений и появления новых форм за счет синтезированных аналитических конструкций аспектуального типа.

Структурная сложность временной системы этих языков проявляется в том, что в процессе стяжения аналитических глагольных словоформ появляются новые синтетические формы. При стяжении аналитических конструкций, с одной стороны, усложняется система морфологических форм глагола, а с другой – максимально упрощается поверхностная фонетическая структура глагольных словоформ. При этом выявляются сложности, которые затрудняют линейный морфологический анализ словоформ. Так, в индикативе чалканского языка появляются омографы, которые полностью совпадают при написании, но различаются в контексте и по ударению. В письменном алтайском языке процессы синтезации имеют менее интенсивный характер, поскольку существующие нормы языка сдерживают их.

Материал алтайского и чалканского языка подтверждает утверждение Э. Даля, что поверхностные упрощения в виде фонологической редукции приводят к усложнению системы.

2.2. Парадигматическая и синтагматическая сложность глагольных словоформ в чукотско-корякских языках

Чукотско-корякские языки по морфологическому типу относятся к агглютинативным языкам с элементами полисинтетизма, который проявляется в наличии биперсонального спряжения, инкорпорации и значительного количества деривационных морфем разных типов, которые потенциально могут функционировать в глагольной словоформе. И. А. Мельчук писал, что алюторский глагол «в высшей степени полисинтетичен», поскольку алюторская глагольная словоформа может включать одновременно до восьми аффиксальных морфологических сегментов, не считая основы и акциональных суффиксов [Мельчук 1973: 3–4].

Чукотско-корякские языки относятся к редкому типу агглютинативных языков с двусторонней агглютинацией (см.: [Асиновский, Володин 1987; Володин 2001]). Показатели некоторых грамматических категорий и деривационных морфем в словоформах изменяемых слов присоединяются к корню с двух сторон в зеркальном отражении. Благодаря этому определенное количество морфологического инвентаря составляют циркумфиксы, состоящие из двух морфологических сегментов, что усложняет линейный облик словоформы.

2.2.1. Парадигматическая сложность глагольных словоформ в алюторском языке

Максимальная модель словоформы финитного глагола в чукотско-корякских языках является двусторонней, т. е. все грамматические значения – словоизменительные (***I****nflectional*), квазисловоизменительные (***Q****uasi-inflectional*) и деривационные (***D****erivational*) – могут выражаться в глагольной словоформе дважды, в зеркальном отражении по отношению к корню (см. схему и табл. 27).

Структура глагольной словоформы в алюторском языке

I – Q – D – **Корень** – D – Q – I – Q

Таблица 27

Структура глагольной словоформы в алюторском языке

Режим речевой деятельности	I				Q	D/INC		D	Q	I					Q
	–4			–3	–2	–1	0	+1	+2	+3	+4			+5	+6
	Лицо-число субъекта, агенса			Наклонение-время	1-е лицо ед. ч. пациенса	Акциональность, залог, актантная деривация	КОРЕНЬ	Акциональность, залог, актантная деривация	Число	Вид	Лицо-число субъекта, агенса			Лицо-число пациенса	Число субъекта, пациенса (du / pl)
		S/A	A									S	A	P	
Неимператив	1sg	t-	–	(n)ʔ- CON t(a)- POT ∅- IND	in(a)-	kət- ‘внезапно’ meŋ- ‘сильно’ qe- ‘слегка’ t(a)- DES tur- ‘только что’ t- (-n-) CAUS ina- AP		-la INTENS -lqiv INCH-DUR -lʔ-at HABIT -ŋ DES -sir INTENS -sit INTENS -sqiv PER -tku ITER -vəlŋ REC -at VBLZ -av VBLZ Ряд транпонирующих показателей	-la PL -∅	-∅/-ŋ PFV -ɣəʔ PFV -tkəni/ -tkən/ -tkə IPFV	1sg	(-k)	–	-ɣəm	–
	1nsg	mət-	–								1nsg	(-mək)	–	-mək	
	2sg	∅-	n(a)-								2sg	(-j/-i)	–	-ɣət	
	2nsg	–									2nsg	-tək	-tki	-tək	
	3sg										3sg	(-j/-i)	-ni	-n	
	3nsg										3nsg	-t	–	-na	(-t) (-wwi)
Императив	1sg	m-	–	–							1sg	(-k)	–	-ɣəm	–
	1nsg	mən-	–								1nsg	(-mək)	–	-mək	
	2sg	q-	ən-								2sg	-ɣi	-ɣ	-ɣət	
	2nsg										2nsg	-tək	-tki	-tək	
	3sg	n-									3sg	-n	-ni	-n	
	3nsg										3nsg	-na	–	-na	(-t) (-wwi)

Сложность алюторской глагольной словоформы состоит в том, что далеко не во всех словоформах присутствуют показатели из каждой словоизменительной позиции. Например, существуют правила морфотактики, диктующие избирательность в использовании префиксальных или суффиксальных показателей лица в разных частях лично-числовой парадигмы. Так, лично-числовые характеристики субъекта непереходного глагола могут выражаться в глагольной словоформе дважды, если субъект является говорящим (префиксы 1-го лица субъекта *t-* / *mət-* в неимперативе, *m-* / *mən-* в императиве и постфиксы *-k* / *-mək*). Обязательность этих личных постфиксов определяется морфологическим контекстом: они присутствуют в перфективных словоформах с нулевым аспектуальным показателем и опускаются в имперфективных словоформах.

Для субъектов 2-го и 3-го лица префиксальная и постфиксальная лично-числовые позиции находятся в дополнительной дистрибуции. Адресат говорящего (2-е лицо ед. ч.) маркируется в префиксальном порядке, остальные участники ситуации – в постфиксальном порядке. К такому выводу пришел А. Е. Кибрик, который обосновал существование в алюторском языке дейктической иерархии, строящейся на противопоставлении локуторов (участни-

ков речевого акта: ‘я’, ‘мы’, ‘ты’) и не-локуторов (партиципантов, не являющихся участниками речевого акта: ‘вы’, ‘он’, ‘они’) [Кибрик 1997: 45, 48].

Непосредственно вокруг корня группируются деривационные морфемы. Между зонами словоизменительных и деривационных показателей располагаются квазисловоизменительные морфемы [Мельчук 1997: 287–288], находящиеся в процессе грамматикализации из деривационных. Еще одна зона квазисловоизменения в алюторском языке связана с показателями числа (*du* / *pl*) пациенса, которые, в случае наличия, располагаются в терминальной правой линейной позиции, что свидетельствует об их словоизменительном статусе. Но, с другой стороны, их использование необязательно, говорящий может ограничиться показателем 3-го лица неединственного числа пациенса, а показатель числа, двойственного (*-t*) или множественного (*-wwi*), опустить. В некоторых диалектах алюторского языка, например в юго-западном (паланском), неединственное число пациенса никогда не маркируется. Мы являемся свидетелями процесса изменения лично-числовой парадигмы алюторского языка, который происходит частично под влиянием русского языка. В примере (1), сконструированном носителем языка, плюрализаторы агенса и пациенса необязательны.

(1) mət=ta=n=təjalɣət=an=ŋ=ə(=**la**)=tk=ə=na(=**wwi**)
1nsgA=DES=CAUS=кочевать=CAUS=DES=E(=PL)=IPFV=E=3nsgP(=PL)
‘Мы хотим перевезти их (многих).’

Деривационные морфемы факультативны, но могут сочетаться друг с другом, причем в разных комбинациях. В глагольной словоформе алюторского языка возможно употребление до трех морфем из каждой деривационной зоны.

По функциям деривационные морфемы подразделяются на внутрикатегориальные, присоединяющиеся только к глагольным основам, межкатегориальные (транспонирующие), производящие глагольные основы от основ других классов слов, и универсальные, участвующие как во внутрикатегориальном, так и в межкатегориальном словообразовании.

Некоторые деривационные морфемы в алюторском языке являются составными и включают в свой состав самый частотный вербализатор *-at*. Среди составных деривационных постфиксов есть и транспонирующие (*-lt.at*), и универсальные (*-lʔ.at*, *-sʔ.at*, *-mj.at*, *-sɣ.at* и некоторые другие). При образовании каузативных производных вторая часть этого аффикса, вербализатор *-at*, заменяется на вербализатор *-av* (см. подробно ниже). Для универсальных показателей это свойство проявляется только при их употреблении в качестве транспонирующих, при присоединении к глагольным основам эта комбинация используется как один аффикс.

Таким образом, усложнение линейного состава глагольной словоформы в алюторском языке возможно за счет употребления деривационных и квазисловоизменительных показателей, а также словоизменительных морфем с ограниченной дистрибуцией.

2.2.2. Синтагматическая сложность глагольных словоформ в алюторском языке

В данном параграфе представлены результаты исследования синтагматической сложности глагольных словоформ алюторского языка на материале аутентичных, преимущественно фольклорных текстов разных периодов.

В отношении проблемы языковой сложности в настоящем исследовании проводится верификация некоторых тезисов, выдвинутых Г. Сэмпсоном в связи с развенчанием аксиомы об одинаковой и неизменной сложности всех языков мира [Sampson 2009].

Согласно первому тезису, сложность может возрастать в процессе исторического развития языка. Подтверждением этого в истории чукотско-камчатских языков является реконструкция лично-числовых форм прачукотско-корякского языка, выполненная М. Фортескью, по мнению которого первоначально в чукотско-корякских языках были только постфиксы, префиксы же появились позднее, во время развития субъектно-объектной парадигмы [Fortesque 1997: 372].

Однако естественный процесс развития чукотско-камчатских языков оказался нарушен слишком интенсивным влиянием русского языка. Двадцатый век, когда эти языки были документированы, стал для них последним веком монолингвов. В настоящее время среди нескольких сотен носителей алюторского языка монолингвов нет. Угроза исчезновения алюторского языка становится все более реальной, количество носителей языка уменьшается, а возраст самых молодых носителей растет. В контексте нашего исследования актуальным является вопрос, каким образом такая социолингвистическая ситуация влияет на языковую сложность, может ли она в связи с этим убывать, меняются ли морфологически сложные глагольные словоформы алюторского языка в сторону упрощения?

Вторым и очень важным тезисом Г. Сэмпсона является то, что сложность языка растет в личной истории индивидуума. 40-летние используют более сложные конструкции, чем 30-летние, а 60-летние – более сложные конструкции, чем 40-летние и 50-летние [Sampson 2009: 14]. В нашем случае требует проверки гипотеза о большей синтагматической сложности глагольных словоформ у носителей языка более старших возрастных групп по сравнению с более молодыми.

Третий, также существенный вопрос – зависимость языковой сложности от индивидуальной языковой компетенции носителя языка. Другими словами, действительно ли одни носители языка создают более сложные морфологические формы, чем другие?

Материалом исследования послужила сплошная выборка глагольных словоформ из 22 произвольно выбранных преимущественно фольклорных текстов на северо-восточном (собственно алюторском) диалекте алюторского языка разных периодов, по возможности равного объема (500 словоупотреб-

лений). Помимо синтагматической сложности, это позволило выявить «глагольную насыщенность» текста, т. е. количество глагольных словоформ на единицу текста, а также соотношение глагольной насыщенности текста и линейной сложности глагольных словоформ в данном тексте.

К анализу были привлечены следующие тексты:

«Как мыши катались с горы» (1) и «Как Амамкута украли мыши» (2), записанные С. Н. Стебницким в 1928 г. в с. Кичига от А. И. Безугловой (примерно 1882 г. р.) [18];

«Иван-Царевич и Хитрый Лис», записанный С. Н. Стебницким в 1927 г. в с. Кичига от Стейки (примерно 1892 г. р. [19]);

«Куткынняку и Волк», записанный С. Н. Стебницким в 1928 г. в с. Кичига от Кирилла Попова (примерно 1910 г. р. [20]);

«Рассказ о традициях», записанный И. С. Вдовиным в 1955 г. [21] в с. Вывенка от Дарьи Николаевны Плотниковой (В'антыӈ) (1890 г. р.);

«Рассказ о прошлой жизни», записанный И. С. Вдовиным в 1955 г. в с. Ветвей от Ивана Николаевича Сахарова (примерно 1893 г. р. [22]);

«Шаманка Кытна» (1) и «Война» (2), записанные И. С. Вдовиным в 1955 г. в с. Култушное от Максима Трифоновича Варганова (Ивтакрата) (1907 г. р.);

«Как жену Амамкута украли на охоте», записанный экспедицией ИФЛ СО РАН в 2004 г. в с. Вывенка от Дарьи Андреевны Мулинаут (1918 г. р.);

«Как Амамкут женился на саламандре» (1), записанный Ю. Нагаяма в 2000 г. в п. Оссора [Нагаяма 2015: текст 17] [23], и «Пестрый кит» (2), записанный автором в 2005 г. в п. Оссора от Марии Иннокентьевны Притчиной (1926 г. р.);

«Волосатый водяной Камак» (1), записанный Ю. Нагаяма в 2001 г. в с. Хаилино [Нагаяма 2015: текст 12], и «Куткынняку и орел» (2), записанный экспедицией ИФЛ СО РАН в 2004 г. в с. Хаилино от Матрены Павловны Ивнако (1928 г. р.);

---

[18] Материалы С. Н. Стебницкого хранятся в архиве Отдела языков народов РФ Института лингвистических исследований РАН, г. Санкт-Петербург. В архивных материалах часто указывается возраст исполнителя, а не год его рождения. Так, в тетради С. Н. Стебницкого написано, что на момент записи А. И. Безугловой было 46 лет. Это самый «пожилой» исполнитель, записанный С. Н. Стебницким, все остальные – молодые люди и подростки.

[19] На момент записи ему было 35 лет.

[20] На момент записи ему было 18 лет.

[21] Часть материалов из архива И. С. Вдовина, 7 текстов, опубликована в [Кибрик и др. 2000: тексты 16, 19–23, 30], остальные тексты хранятся в научном архиве Института антропологии и этнографии РАН им. Петра Великого, г. Санкт-Петербург (Кунсткамера), ф. 36, оп. 1.

[22] На момент записи ему было 62 года.

[23] Данный текст состоит из 347 словоформ. Песенные вставки в подсчет общего объема текста не включены, глагольные словоформы из них не анализировались.

«Царь», записанный автором в 1991 г. в п. Оссора от Евдокии Трофимовны Уваровой (1935 г. р.);

тексты с одним и тем же сюжетом «Как Амамкут женился на саламандре» (1) и (2), записанные в п. Оссора от Екатерины Ивановны Чечулиной (1938 г.р.): в первый раз – совместной экспедицией ИФЛ СО РАН и Новосибирской государственной консерватории в 1992 г., во второй раз – автором в 2000 г.;

«Куткынняку и Волк», записанный совместной экспедицией ИФЛ СО РАН и Новосибирской государственной консерватории в 1992 г. в п. Оссора от Василия Николаевича Чечулина (примерно 1942 г. р.);

«Как жену Амамкута украли на охоте», записанный экспедицией ИФЛ СО РАН в 2004 г. в с. Вывенка от Веры Васильевны Васагиргиной (1944 г. р.);

«Как научились рожать» и «Куткынняку, птицы и рыбы», записанный экспедицией ИФЛ СО РАН в 2004 г. в с. Вывенка от Людмилы Степановны Песучен (1952 г. р.);

«Старуха-нинвит и ягодницы», записанный экспедицией ИФЛ СО РАН в 2004 г. в с. Вывенка от Сергея Григорьевича Йокки (1952 г. р.);

«Рыттытиниангавыт, дочь Куткинняку» (1), записанный экспедицией МГУ в 1972 г. в с. Вывенка [Кибрик и др. 2000: текст 7] [24]; «Инпан» и «Как Куткынняку превратился в женщину» (2), записанные экспедицией ИФЛ СО РАН в 2004 г. в с. Вывенка от Анны Ивановны Поповой (девичья фамилия Киюк, 1953 г. р.).

Все извлеченные из текстов глагольные словоформы, как финитные, так и инфинитные, подвергались морфологическому анализу: выделялась корневая морфема, деривационные показатели разных типов, словоизменительные морфемы. В случае образования глагольной основы от основ других классов слов в расчет брались также деривационные транспонирующие показатели. Нулевые морфемы и эпентетический гласный при подсчетах не учитывались. Циркумфиксы считались как два морфологических сегмента.

2.2.2.1. Глагольная насыщенность текстов

Первый параметр, который обращает на себя внимание при сплошной выборке из текстов, – это разное количество глагольных словоформ на условную единицу текста (табл. 28).

[24] Данный текст (335 словоупотреблений) используется для сопоставления.

Таблица 28

Количество глагольных словоформ в алюторских фольклорных текстах объемом 500 словоупотреблений[25]

Год рождения	Год записи	Возраст	Исполнитель	Процент от общего кол-ва словоформ	Количество глагольных словоформ
1910	1928	18	Попов	36,4	182
1953	1972	19	Попова-1	39,4	132
1892	1927	35	Стейки	35,8	179
1882	1928	46	Безуглова-1	47,2	**236**
1882	1928	46	Безуглова-2	43,4	217
1907	1955	48	Варганов-1	28,2	141
1907	1955	48	Варганов-2	31,4	157
1942	1992	50	Чечулин	26,4	132
1953	2004	51	Попова-2	33,2	166
1952	2004	52	Йокка	29,8	149
1952	2004	52	Песучен	34	166
1938	1992	54	Чечулина-1	23,6	118
1935	1991	56	Уварова	23,6	118
1944	2004	60	Васагиргина	30,4	152
1893	1955	62	Сахаров	33,2	166
1938	2000	62	Чечулина-2	29,4	147
1890	1955	65	Плотникова	26,2	**131**
1928	2001	73	Ивнако-1	26,6	133
1926	2000	74	Притчина-1	32	111
1928	2004	76	Ивнако-2	28,8	144
1926	2005	79	Притчина-2	32,2	161
1918	2004	86	Мулинаут	35,4	177

Максимальное количество глагольных словоформ обнаружено в одном из текстов, записанных в конце 1920-х гг. от А. И. Безугловой (236 из 500, что составляет 47,2 %), минимальное количество, почти в два раза меньше, – в текстах, записанных от Д. Н. Плотниковой в 1955 г. (131 из 500 – 26,2 %).

Уменьшение глагольной насыщенности текста свойственно хорошим рассказчикам, умело расцвечивающим свое повествование свернутыми предикатами и дискурсивными элементами: атрибутами, сирконстантами, частицами. «Глагольность» понижается также в текстах артистичных исполнителей, моделирующих диалоги, тембром, высотой голоса и интонацией изображающих действующих лиц.

[25] Жирным шрифтом выделены максимальный и минимальный показатели.

К сожалению, в настоящее время нет возможности записать связные тексты от носителей алюторского языка младше 50 лет, поэтому выявить какую-либо зависимость глагольной насыщенности текста от возраста исполнителей не удается (табл. 29).

Таблица 29

Зависимость глагольной насыщенности текстов (%) от возраста исполнителя и времени записи

Возраст исполнителя	Год записи					
	1927/1928	1955	1972	1991/1992	2000/2001	2004/2005
18	36,4					
19			39,4			
35	35,8					
46	43,4					
46	47,2					
48		31,4				
48		28,2				
50				26,4		
51						33,2
52						29,8
52						34
54				23,6		
56				23,6		
60						30,4
62		33,2			29,4	
65		26,2				
73					26,6	
74					32	
76						28,8
79						32,2
86						35,4

Гораздо более высокая глагольная насыщенность текстов, записанных С. Н. Стебницким, в частности текстов А. И. Безугловой, вероятно, определяется другими причинами, которые будут рассмотрены ниже.

2.2.2.2. Коэффициент синтагматической сложности

Коэффициент синтагматической морфологической сложности глагольных словоформ высчитывается как частное от деления общего количества грамматических морфем, т. е. всех морфем, кроме корневых, на количество глагольных словоформ. Этот коэффициент близок к предложенному Дж. Гринбергом индексу синтеза [Гринберг 1963] с той разницей, что индекс синтеза подсчитывался для всех слов текста, а мы анализируем только гла-

гольные словоформы. Кроме того, при подсчете индекса синтеза на общее количество слов делилось общее количество всех морфем, включая корневые, нас же интересуют только грамматические морфемы. Важным отличием индекса синтеза от нашего коэффициента синтагматической сложности является то, что индекс синтеза подсчитывался для «языка в целом», мы же определяем этот параметр на материале текстов исполнителей разного возраста, записанных в разное время на протяжении почти столетия.

Коэффициент синтагматической сложности в алюторском языке является достаточно стабильным на протяжении XX – начала XXI в. и составляет в среднем 2,5 морфемы на словоформу, варьируя в интервале от 2,15 до 3,07 (см. табл. 30).

Таблица 30

Коэффициент синтагматической сложности глагольных словоформ в алюторских фольклорных текстах [26]

Год рождения	Год записи	Возраст	Исполнитель	Кол-во грамматических морфем	Коэффициент сложности	Максимальное кол-во грамматических морфем в слове
1882	1928	46	Безуглова-2	536	2,27	6
1882	1928	46	Безуглова-1	538	2,48	6
1890	1955	65	Плотникова	402	**3,07**	7
1892	1927	35	Стейки	393	2,20	5
1893	1955	62	Сахаров	427	2,57	***8***
1907	1955	48	Варганов-1	350	2,48	5
1907	1955	48	Варганов-2	395	2,51	5
1910	1928	18	Попов	425	2,34	6
1918	2004	86	Мулинаут	479	**2,70**	6
1926	2000	74	Притчина-1	263	2,33	6
1926	2005	79	Притчина-2	440	**2,73**	6
1928	2004	76	Ивнако-2	336	2,33	4
1928	2001	73	Ивнако-1	330	2,48	5
1935	1991	56	Уварова	300	2,54	5
1938	1992	54	Чечулина-1	327	**2,77**	***9***
1938	2000	62	Чечулина-2	378	2,57	6
1942	1992	50	Чечулин	284	2,15	7
1944	2004	60	Васагиргина	374	2,48	5
1952	2004	52	Песучен	416	2,45	5
1952	2004	52	Йокка	384	2,57	6
1953	1972	19	Попова-1	318	2,40	7
1953	2004	51	Попова-2	408	2,46	6

[26] Жирным шрифтом выделены максимальные показатели коэффициента сложности, жирным курсивом – наличие у исполнителя наиболее сложных глагольных форм.

Максимальный коэффициент синтагматической сложности 3,07 зафиксирован в тексте Д. Н. Плотниковой записи 1955 г., минимальный – в тексте В. Н. Чечулина записи 1992 г. В наших материалах близки по сложности к максимуму глагольные словоформы в тексте Е. И. Чечулиной, записанном в 1992 г. (2,77), в тексте М. И. Притчиной, записанном в 2005 г. (2,73), и в тексте Д. А. Мулинаут, записанном в 2004 г. (2,70). М. И. Притчина и Д. А. Мулинаут – исполнители самой старшей возрастной группы.

Угасание алюторского языка не вызывает существенного упрощения в структуре глагольного слова и уменьшения среднего количества морфем в глагольной словоформе (табл. 31).

Таблица 31

Зависимость коэффициента синтагматической сложности глагольных словоформ от возраста исполнителя

Возраст исполнителя	Год записи					
	1927/1928	1955	1972	1991/1992	2000/2001	2004/2005
18	2,34					
19			2,40			
35	2,20					
46	2,27					
46	2,48					
48		2,48				
48		2,51				
50				2,15		
51						2,46
52						2,45
52						2,57
53						
54				2,77		
56				2,54		
60						2,48
62		2,57			2,54	
65		3,07				
73					2,48	
74					2,33	
76						2,33
79						2,73
86						2,70

Однако с каждым годом самые молодые из лучших исполнителей становятся все старше, поэтому самые высокие коэффициенты синтагматической сложности в последнее время обнаруживаются только у самых пожилых носителей алюторского языка (70–80 лет), в то время как в 1990-е гг. они еще фиксировались у людей среднего возраста (50 лет).

Тезис о возрастании сложности языка, а именно глагольных словоформ, в индивидуальной истории отдельных носителей алюторского языка нашими наблюдениями не подтверждается. Материал для сопоставления найти очень сложно, и в нашем распоряжении было лишь несколько пар текстов, записанных от одних и тех же исполнителей в разное время: Чечулина-1 (1992 г.) и Чечулина-2 (2000 г.), Попова-1 (1972 г.) и Попова-2 (2004 г.), Притчина-1 (2000 г.) и Притчина-2 (2005 г.), Ивнако-1 (2001 г.) и Ивнако-2 (2004 г.). В двух случаях из четырех зафиксировано увеличение коэффициента синтагматической сложности глагольных словоформ, а в двух случаях – уменьшение. Заметим, что сложность глагольных словоформ варьирует и в разных текстах одного и того же носителя, записанных в одно и то же время (ср. Безуглова-1 и Безуглова-2, Варганов-1 и Варганов-2). Вероятно, уменьшение или увеличение сложности зависит не только от языковой личности как таковой, но и от общего самочувствия и настроения человека, которое может меняться, что и отражается на его языковой компетенции.

Наиболее сложные глагольные формы, включающие девять грамматических морфем, в аутентичных текстах единичны. Примером может служить словоформа из текста Е. И. Чечулиной 1992 г., в которой насчитывается девять грамматических морфем, не считая эпентетических гласных.

(2) mən=ʔ=ə=ta=n=ŋav=təŋ=an=ŋ=ə=lqiv=ə=n
1nsgA.CON=CON=E=DES=CAUS=женщина=VBLZ=VBLZ=DES=E=INCH-DUR=E=3sgP
‘Мы хотели бы женить его.’

2.2.2.3. Соотношение глагольной насыщенности текста и коэффициента синтагматической сложности

Одной из задач данного исследования было решение вопроса о наличии или отсутствии компенсаторного механизма, задающего корреляцию между коэффициентом синтагматической сложности и глагольной насыщенностью текста. Для этого данные показатели были представлены как однопорядковые (коэффициенты из табл. 30 были умножены на 10) и размещены на рис. 1.

Рис. 1. Соотношение глагольной насыщенности текста (*1*) и коэффициента синтагматической сложности (*2*) глагольных словоформ

В левой части рисунка обращают на себя внимание случаи очень большого разрыва между этими двумя параметрами в пользу глагольной насыщенности текста. Это касается всех текстов из коллекции С. Н. Стебницкого 1928 г. и текста, записанного экспедицией МГУ в 1972 г. Вероятно, это свидетельствует о редактировании текста либо по ходу записи, что, скорее всего, и делал С. Н. Стебницкий, который записывал тексты от руки, либо уже при расшифровке, как это произошло с экспедиционными записями 1972 г. [27] Во время редактирования обычно удаляются незначимые, но весьма многочисленные в алюторском языке грамматические формы местоимений, заполняющие паузы хезитации, а также частицы. В наших расшифровках эти элементы сохранены, что и отразилось на соотношении исследуемых параметров.

Почти во всех проанализированных текстах глагольная насыщенность выше, чем коэффициент синтагматической сложности глагольных словоформ. Исключения составляют тексты Д. Н. Плотниковой, Е. Т. Уваровой и первый по времени записи текст Е. И. Чечулиной, во всех этих текстах коэффициент сложности выше 2,5. Две последние исполнительницы, записанные нами, были действительно уникальными языковыми личностями: их речь была богатой, экспрессивной, артистичной, они пытались передать интонацию и особенности произношения отдельных персонажей, включая дефекты речи, такие как шепелявость.

Обратное соотношение глагольной насыщенности и сложности глагольных словоформ зафиксировано только в текстах с высоким коэффициентом сложности глагольных словоформ, однако нельзя сказать, что все носители алюторского языка, демонстрирующие высокий коэффициент синтагматической сложности глагольных словоформ, строят текст таким образом. Это означает, что механизма компенсации сложности глагольных словоформ за счет их частотности в алюторском языке нет, комбинация этих параметров определяется индивидуальными предпочтениями носителей языка.

* * *

Несмотря на наличие в алюторском языке сложной двусторонней модели глагольной словоформы с богатыми возможностями деривации, поверхностные глагольные формы не отличаются большой сложностью и включают в среднем по 2,5 морфемы. Это частично обусловлено парадигматическими характеристиками алюторского языка: отсутствием полной зеркальности категорий по отношению к корню, наличием нулевых морфем во всех категориях, а также правилами морфотактики, предписывающими ограниченное употребление некоторых лично-числовых морфем. Кроме того, в алюторском языке происходит процесс грамматикализации одних оппозиций и утраты

[27] О том, что экспедиционные записи, опубликованные в [Кибрик и др. 2000], при расшифровке редактировались, на конференции «Типологически редкие и уникальные явления на языковой карте России» (Санкт-Петербург, ИЛИ РАН, 2–4 декабря 2010 г.) в своем докладе сообщала Ирина Анатольевна Муравьева.

других, что проявляется в существовании морфем с промежуточным грамматическим статусом – квазисловоизменительных, которые употребляются почти так же необязательно, как и деривационные.

Сложная социолингвистическая ситуация, в которой находится алюторский язык, не оказывает существенного влияния на синтагматическую сложность глагольных словоформ. Нет оснований утверждать, что с 20-х гг. прошлого века до настоящего времени глагольные словоформы упростились, однако можно констатировать, что наиболее высокий коэффициент синтагматической сложности сейчас фиксируется только у носителей алюторского языка наиболее старшего поколения. Возможно, это косвенным образом свидетельствует о возрастании сложности языка в индивидуальной истории, однако наши материалы по конкретным носителям языка, записанные в разное время, такую тенденцию не подтверждают.

Сложность глагольных словоформ одного носителя языка может быть относительно стабильной, а может меняться как в текстах, записанных в разное время с интервалом в несколько лет или десятилетий, так и в пределах одного текста. Тем не менее в пределах границ общеязыкового варьирования одни носители языка склонны создавать более сложные языковые структуры, чем другие, т. е. языковая сложность зависит от отдельной языковой личности.

Механизмы, компенсирующие синтагматическую сложность глагольных словоформ снижением частотности глаголов в тексте, алюторскому языку не присущи. Исполнители, продуцирующие наиболее сложные глагольные словоформы, могут создавать тексты разной глагольной насыщенности.

2.2.3. Сложность первичных глагольных основ в корякском языке

Возможность расположения корня в поверхностных словоформах в середине словоформы, т. е. в медиальной позиции, имеет последствия, которые можно рассматривать как случаи отступления от агглютинативного стандарта «обязательности и неизменности корня». Корни в чукотско-корякских языках могут иметь инициальные и медиальные алломорфы, различающиеся сегментным составом. В чукотском, корякском и южных диалектах алюторского языка корни подчиняются гармонии гласных, как и грамматические морфемы, т. е. корни в чукотско-корякских языках могут иметь сингармонические варианты. Кроме того, корни могут утратить самостоятельное значение и начать употребляться только в составе основ вместе с легко вычленяемыми вербализаторами или другими корнями. Предварительная оценка показывает значительное количество подобных глагольных основ в текстах на чукотско-корякских языках.

В данном параграфе описывается соотношение простых, производных и слабопроизводных глагольных основ по их частотности в корпусе текстов, записанных от А. А. Кергильхот (1951–2016 гг.) на ветвейском говоре чав-

чувенского диалекта корякского языка в ходе трех лингвистических экспедиций: в 2006 г. (г. Елизово), в 2010 и 2015 гг. (пос. Нагорный Петропавловского р-на Камчатского края). В 2006 и 2015 гг. запись осуществлялась Т. А. Голованевой, в 2010 г. – Т. А. Голованевой и А. А. Мальцевой. Корпус составлен из 45 фрагментов беседы на русском и корякском языках общим объемом около 8600 словоупотреблений. При оценке объема корпуса подсчитывались только полные словоформы в репликах и монологах исполнителя, оборванные слова исполнителя и реплики исследователей не учитывались. По нашему мнению, анализ значительного количества текстов, записанных от одного исполнителя, дает более адекватную картину соотношения языковых единиц, чем анализ разрозненных текстов, записанных от разных исполнителей.

Количество глагольных основ подсчитывалось в финитных и инфинитных глагольных формах, а также в разнообразных девербативах и инкорпоративных комплексах с инкорпорированной глагольной основой.

При переводе корневых морфем мы опирались на двуязычные словари корякского, алюторского и чукотского языков [Богораз 1937; Молл 1960; Жукова 1967; Кибрик и др. 2000; Пронина 2003; Молл, Инэнликэй 2005; Нагаяма и др. 2017], а также на этимологические словари чукотско-камчатских языков [Муравьева 1980; Мудрак 2000; Fortescue 2005].

2.2.3.1. Простые глагольные основы

Простые основы, т. е. основы, равные корню, свойственны наиболее древним глагольным лексемам, относящимся, вероятно, к праязыку чукотско-корякской семьи. Это наиболее частотные глагольные лексемы. В рассматриваемом корпусе используется 112 глагольных лексем с простыми основами общим количеством 1436 словоупотреблений.

Лексемы с количеством словоупотреблений более 10 перечислены в табл. 32.

Таблица 32

Наиболее частотные глагольные лексемы с простыми основами в текстах А. А. Кергильхот

Лексема	Количество употреблений
iv- / *ev-* ‘сказать’	256
ŋəvo- ‘начать(ся)’	92
tejk- / *tajk-* ‘делать’	80
(t)va- ‘находиться’	79
le- / *la-* ‘идти’	49
ɣite- / *ɣeta-* ‘смотреть’	46
(l)qət- ‘уйти’	42
jet- / *jat-* ‘приходить’	42
it- / *et-* ‘быть’	36

На примере этой небольшой группы простых глагольных основ мы видим, что некоторые из них имеют по два варианта. Эта вариативность связана с наличием в корякском языке вокальной гармонии по признаку подъема. Поскольку корни в чукотско-корякских языках по умолчанию не занимают начальной позиции в словоформе, перед ними возможны префиксы, то корни участвуют в механизме гармонии гласных в той же мере, что и аффиксы. Некоторые корни, содержащие широкие гласные полного образования или редуцированные гласные, имеют по одному варианту, как, например, *ŋəvo-* ‘начать(ся)’, *(t)va-* ‘находиться’, *(l)qət-* ‘уйти’. Но значительная часть простых корней имеет по два варианта (с узкими и широкими гласными), которые выбираются в зависимости от наличия или отсутствия в словоформе одновариантных аффиксов с широкими гласными. При отсутствии аффиксов с широкими гласными выбирается вариант с узкими гласными, при наличии – с широкими. Самым частотным аффиксом с широким гласным в глагольной парадигме является показатель множественного числа *-la*, который всегда требует выбора варианта корня с широкими гласными. Ср.:

(3) *ne-ku-**tejk**-ə-ŋ-ne-w*
LowA-PRES-делать-E-PRES-3nsgP-PL
‘они делают их’

*mən-**tajk**-ə-la-n*
1nsgA.IMP-делать-E-PL-3sgP
‘сделаем-ка мы его’.

Особую группу простых вариативных основ составляют лексемы, в которых инициальный алломорф основы не совпадает с медиальным. Такие основы даются в словарях корякского языка отдельными списками [Молл 1960: 233–236; Жукова 1967: 748–749].

Среди них выделяются лексемы с восстанавливающимися в медиальной позиции согласными *(j)*, *(l)*, *(t)*: *kəpl-* / ***-j**kəpl-* ‘бить’, *kuj-* / ***-j**kuj-* ‘купить’, *pijt-* / ***-l**pijt-* ‘выжимать’, *pəl^{j}o-* / ***-l^{j}**pəl^{j}o-* ‘сосать’, *qət-* / ***-l**qət-* ‘уйти’, *qut-* / ***-l**qut-* ‘встать’, *ɣivi-* / ***-t**ɣivi-* ‘прожить год’, *kiv-* / ***-t**kiv-* ‘ночевать’, *kəjev-* / ***-t**kəjev-* ‘проснуться’, *ku-* / ***-t**ku-* ‘кончать(ся)’, *va-* / ***-t**va-* ‘находиться’, *vaɣal-* / ***-t**vaɣal-* ‘сесть’, *vella-* / ***-t**vella-* ‘стоять’. Здесь мы приводим только те лексемы, которые встретились в анализируемых текстах, в корякском языке их гораздо больше.

В некоторых простых основах согласный, наоборот, присутствует в инициальной позиции и утрачивается в медиальной: ***j**əttu-* / *-ttu-* ‘дуть’, ***j**əččil-* / *-ččil-* ‘положить’, ***j**əččo-* / *-ččo-* ‘разделывать рыбу’.

Еще одну группу составляют основы с чередованием инициальных согласных основы в анлауте и инлауте: ***j**əɣel-* / ***-č**ɣel-* ‘влезть’, ***t**əm-* / ***-n**əm-* ‘убить’.

Последняя группа вариативных простых основ включает основу ***pl-*** / ***-lp-*** ‘выпить’, в которой при употреблении в медиальной позиции происходит метатеза.

2.2.3.2. Производные глагольные основы

Деривационные морфемы, встречающиеся в глагольных словоформах корякского языка, по функциям подразделяются на внутрикатегориальные, присоединяющиеся только к глагольным основам, межкатегориальные (транспонирующие), производящие глагольные основы от основ других классов слов, и универсальные, участвующие как во внутрикатегориальном, так и в межкатегориальном словообразовании.

Для целей нашего анализа актуальны транспонирующие и универсальные деривационные морфемы, с помощью которых от субстантивных, адъективных и, в редких случаях, адвербиальных основ образуются глагольные основы. Все эти морфемы по функции являются вербализаторами.

По наличию или отсутствию собственной семантики вербализаторы делятся на две группы: вербализаторы, которые не имеют никакого дополнительного значения, лишь указывают на образование глагольной основы, – собственно транспонирующие, и вербализаторы, производящие глагольные основы от основ других классов слов и одновременно придающие им какое-либо дополнительное значение, – транспозиционно-характеризующие. Универсальные деривационные морфемы всегда имеют собственную семантику, преимущественно это акциональные аффиксы, поэтому все они относятся к транспозиционно-характеризующим (табл. 33).

Таблица 33

Классификация вербализаторов в чукотско-корякских языках

Вербализаторы			
По функции	Транспонирующие		Универсальные
По семантике	Собственно-транспонирующие	Транспозиционно-характеризующие	

В анализируемом корпусе текстов в образовании производных глагольных основ принимает участие 24 вербализатора (6 чисто транспонирующих, по 9 транспозиционно-характеризующих и универсальных). Полный список вербализаторов, их продуктивность в образовании первичных глагольных основ и частотность в текстах приведены в табл. 34.

Как и простые глагольные основы, большинство вербализаторов имеют сингармонические варианты: *-juh* / *-joh*, *-u* / *-o*, *-čij* / *-čej* и др.

Наиболее употребительны в текстах производные основы, образовавшиеся с помощью вербализатора *-et* / *-at*, который присоединяется к основам всех знаменательных частей речи, образуя глаголы. Самые частотные из этих производных основ: *jəlq-**et**-* ‘спать’ (< ***jəlq**-ə-jəl* [28] ‘сон, сонное состояние’),

[28] Одним из грамматических способов образования формы абсолютива единственного числа существительных в корякском языке является редупликация, которая бывает полной и частичной. При полной редупликации повторяющиеся корни полностью идентичны, при частичной – второй из повторяющихся корней усекается. В образовании производных основ других частей речи от таких имен, как правило, используется первый, более полный, корень.

Таблица 34

Количественная характеристика производных глагольных основ в текстах А. А. Кергильхот

Вербализатор	Показатель	Количество словоупотреблений	Количество лексем
Транспонирующие			
VBLZ	*-et* / *-at*	166	48
	-ev / *-av*	31	8
	-ja	12	1
	-(j)p	9	4
	-təŋ	5	1
	-tq.et / *-tq.at*	1	1
Транспозиционно-характеризующие			
VBLZ.lat	*-jt*	35	1
VBLZ.constr	*t(e)-* / *t(a)-* – *-ŋ*	15	11
VBLZ.deintens	*-n$^{(j)}$če*	7	1
VBLZ.inc.uncontr	*-juh* / *-joh*	6	4
VBLZ.получить	*-u* / *-o*	5	3
VBLZ.inch	*-ŋvo*	1	1
VBLZ.intens$_1$	*-l^{j}t.ə.čij* / *-l^{j}t.ə.čej*	1	1
VBLZ.intens$_2$	*-viji* / *-veje*	1	1
VBLZ.пойти за	*-ŋel* / *-ŋal*	1	1
Универсальные			
VBLZ.intens$_3$	*-čij* / *-čej*	13	5
VBLZ.intens$_4$	*-la*	12	1
VBLZ.inch-dur	*-lqiv* / *-lqev*	8	2
VBLZ.habit$_1$	*-lh.et* / *-lh.at*	7	6
VBLZ.intens$_5$	*-čit* / *-čet*	4	1
VBLZ.iter	*-tku* / *-tko*	4	2
VBLZ.habit$_2$	*-čh.et* / *-čh.at*	2	1
VBLZ.per	*-tqiv* / *-tqev*	1	1
VBLZ.decaus	*-ŋt.et* / *-ŋt.at*	1	1
Всего	24	348	107

*mejŋ-**et-*** ‘расти’ (< *n-ə-**mejŋ**-ə-qin* ‘большой’), *kenɣ-**et-*** ‘гореть’ (< ***kenɣ**-ə-ken* ‘пожар’). Весь список производных основ с частотностью более 10 употреблений приведены в табл. 35.

Таблица 35

Наиболее частотные глагольные лексемы с производными основами в текстах А. А. Кергильхот

Лексема	Количество употреблений
*ja-**jt**-* ‘пойти домой’ (< ***ja**-ja-ŋa* ‘дом, яранга’)	35
*jəlq-**et**-* ‘спать’ (< ***jəlq**-ə-jəl* ‘сон, сонное состояние’)	17
*mejŋ-**et**-* ‘расти’ (< *n-ə-**mejŋ**-ə-qin* ‘большой’)	17
*ɣəjul-**et**-* ‘знать’ (< *n-ə-**ɣəjul**-qin* ‘знающий’)	15
*kenɣ-**et**-* ‘гореть’ (< ***kenɣ**-ə-ken* ‘пожар’)	13
*tejŋ-**at**-* ‘плакать’ (< ***tejŋ**-ə-tej* ‘плач’)	12
*aŋ.aŋ-**ja**-* ‘петь’ (< ***aŋ.aŋ*** ‘шаманский дух’)	12
*jet-ə-**la**-* ‘видеть сон’ (< ***jet**-jet* ‘сон, сновидение’)	12
*vet-**at**-* ‘работать’ (< ***vet**-vet* ‘работа’)	10

При незначительной частотности таких лексем в текстах на втором месте по продуктивности находится циркумфикс *t(e)-* / *t(a)-* – *-ŋ* со значением ‘сделать то, что обозначено в основе’. С его помощью образовано 11 лексем, такие как *ta-ləla-ŋ-* ‘сделать глаза’ (< ***ləla**-lŋən* ‘глаз’) [29], *ta-nalɣ-ə-ŋ-* ‘выделывать шкуры’ (< ***nalɣ**-ə-n* ‘шкура’), *ta-nn-ə-ŋ-* ‘заготавливать рыбу’ (< ***ənn**-ə-ən* ‘рыба’) [30], *ta-qlavol-ŋ-* ‘выходить замуж’ (<***qəlavol*** ‘муж, мужчина’) [31], *t-um-maj-ŋ-* ‘делать запас дров’ (< ***um-maj*** ‘запас дров’ < *utt-ə-**ut*** ‘дерево’ + ***maj**-maj* ‘склад запасов или вещей в тундре’) [32] и др.

Достаточно употребительны глагольные основы, образованные с помощью различных акциональных показателей (интенсив нескольких типов, деинтенсив, хабитуалис, итератив, инхоатив). Некоторые из этих деривационных морфем используются только как транспонирующие: *kamlil^{j}-**viji**-* ‘крутиться’ (< *kamlil* ‘круг’).

Другие акциональные аффиксы могут присоединяться к глагольным основам, формируя вторичные основы с дополнительной акциональной семантикой.

---

[29] Данная лексема встретилась в сказке о создании первого мужчины, – Огэли. Речь идет в буквальном смысле о том, из чего были сделаны глаза.

[30] Стечение гласных в пределах одного слога в корякском языке недопустимо, поэтому начальный редуцированный корня при соединении с префиксальной частью вербализатора выпадает. Если корень начинается с гласного полного образования, то выпадает гласный в вербализаторе.

[31] Наличие или отсутствие редуцированного гласного в корне определяется слоговой структурой конкретной словоформы. В корякском языке возможны только слоги (C)V(C), поэтому при стечении согласных в пределах одного слога между ними вставляется редуцированный гласный.

[32] На стыке двух корневых морфем произошла полная ассимиляция согласных.

(4а) *kumŋ-ə-**čij-***
голос-E-**VBLZ.intens**
‘кричать’
< ***kumŋ**-ə-kum* ‘голос’;

ср. при глагольной основе:

(4б) *t-ə-k-aŋ.aŋ-ja-**čej**-ə-ŋ*
1sgS-E-PRES-шаманский дух-VBLZ-**INTENS**-E-PRES
‘сильно, громко пою’;

(5а) *tanŋ-ə-**čet-***
иноплеменник-E-**VBLZ.intens**
‘враждовать, воевать’
< ***tanŋ**-ə-tan* ‘иноплеменник’.

Данный показатель имеет оттенок взаимности, очередности, ср. при глагольной основе:

(5б) *wijiŋ-**čit**-ə-k*
защищать-**INTENS**-E-CV.loc
‘изо всех сил защищать друг от друга, отбивать друг у друга’;

(6а) *jajaj-ə-**tko-***
бубен-E-**VBLZ.iter**
‘бить в бубен’
< ***jajaj*** ‘бубен’;

ср. при глагольной основе:

(6б) *ku-le-jv-ə-**tku**-lhat-ə-ŋ*
PRES-идти-INTENS-E-**ITER**-HABIT-E-PRES
‘ходит-бродит’.

Некоторые деривационные морфемы в корякском языке являются составными и включают в свой состав в качестве второго компонента самый частотный вербализатор *-et* / *-at*. По форме и по функционированию такие вербализаторы соотносятся со слабопроизводными основами (см. ниже).

Среди составных деривационных постфиксов есть и транспонирующие (*-lt.et*, *-tq.et*), и универсальные (*-lh.et*, *-čʔ.et*). Первая часть таких аффиксов либо не употребляется в качестве отдельной морфемы, либо имеет при самостоятельном употреблении другое значение.

Например, **-lt* встречается в составе вербализатора *-lt.et* или в комбинации с каким-либо акциональным аффиксом, выступая вместе с ним как транспозиционно-характеризующая морфема. В данном корпусе не встрети-

лась лексема с составным вербализатором *-lt.et*, но она есть в словаре: *qəv-ə-**lt.et**-* ‘тесниться’ [Молл 1960: 62], зато имеющийся у нас более сложный пример подтверждает составной характер данного вербализатора, вторая часть которого может заменяться акциональной морфемой: *qəv-ə-**l^{j}t.ə.čej**-* ‘сильно тесниться’ (< *n-ə-**qəv**-qin* ‘узкий’).

Аффикс *-lh* / *-čh* в корякском языке – частотная морфема с атрибутивным значением, присоединяется к основам разных классов слов. В комбинации с вербализатором *-et* (*-lh.et* / *-čh.et*) она передает акциональную хабитуальную семантику как в составе составного вербализатора, так и при присоединении к глагольным основам: *hətv-ə-**lh.et**-* ‘плыть на лодке’ (< ***hətv**-ə-hət* ‘лодка’), *pəlak-ə-**lh.at**-* ‘носить обувь’ (< ***pəlak**-ə-lŋən* ‘торбаз; всякая обувь’), *ŋəl^{j}-**l^{j}h.et**-* ‘дымиться’ (< ***ŋəl**-ŋəl* ‘дым’), *vitqi-**lh.et**-* ‘озорничать’ (< *n-ə-**vitqi**-qin* ‘озорной’), *qa(č)-**čh.at**-* ‘уменьшиться’ (< ***qaj**-* ‘DIM’ [33]).

2.2.3.3. Слабопроизводные глагольные основы

Некоторые субстантивные и адъективные корни, входящие в состав глагольных основ, утратили самостоятельное лексическое значение и употребляются только в составе этих основ в комбинации с легко вычленяемыми вербализаторами или другими корнями. Такие основы, по определению И. А. Мельчука, называются слабопроизводными [Мельчук 1997: 297]. Связанные корни встречаются во многих языках, однако чаще они представляют собой периферию языковой системы. В чукотско-корякских языках слабопроизводных глагольных основ не единицы, а десятки, а может быть и сотни, что существенно усложняет морфологический анализ текстов.

В корпусе текстов, записанных от А. А. Кергильхот, выявлена 61 лексема со слабопроизводной основой, общее количество употреблений – 384 [34].

Модели, по которым образованы слабопроизводные основы, частично пересекаются с обычными производными основами. Полный список моделей и их количественная характеристика представлены в табл 36.

Среди вербализаторов, входящих в состав слабопроизводных основ, есть транспонирующие, наиболее употребительными из которых являются самые частотные и для производных основ вербализаторы *-(e)t* / *-(a)t* и *-(e)v* / *-(a)v*: *ekmi.**t**-* / *akme.**t**-* ‘взять’, *aj.**at**-* ‘падать’, *toŋv.**at**-* ‘создаться’, *pəlq.**et**-* / *pəlq.**at**-* ‘тонуть’; *ɣənt.**ev**-* / *ɣənt.**av**-* ‘убегать’, *heq.**ev**-* / *haq.**av**-* ‘отправиться’, *(j)kəl.**ev*** / *(j)kəl.**av*** ‘бежать’ и мн. др.

---

[33] Уникальный случай использования показателя диминутива в качестве производящей основы. Вероятно, свидетельствует о неполной грамматикализации диминутива в корякском языке.

[34] В примерах граница между корнем и вербализатором в составе слабопроизводной основы отмечается при помощи точки, например: в современном корякском языке в слабопроизводной основе *jun.**et**-* / *jon.**at**-* ‘жить’ корень **jun-* / *jon-* самостоятельно не употребляется, он обязательно сопровождается вербализатором.

Таблица 36

Количественная характеристика слабопроизводных глагольных основ в текстах А. А. Кергильхот

Тип показателя	Показатель	Количество словоупотреблений	Количество лексем
Транспонирующие			
VBLZ	*-et* / *-at*	196	23
	-ev / *-av*	50	5
	-ja	7	1
	-ko	4	1
	-ičі / *-eče*	2	1
	-(j)p	1	1
	-pče / *-pča*	1	1
Универсальные			
CAUS	*j.T- (-n.T-)*	85	15
AP+VBLZ	*ine.T.et-* / *ena.T.at-*	10	2
AP	*ine.T* / *ena.T*	6	1
VBLZ.constr	*če.T.ŋ-* / *ča.T.ŋ-*	5	2
CAUS+VBLZ	*jə.T-ev* / *jə.T.av-* *(-n.T-ev-* / *-n.T.av-)*	4	2
VBLZ.habit	*-lh.et* / *-lh.at*	2	1
VBLZ.intens	*-čit* / *-čet*	2	1
EMPH	*plə.Tv*	2	1
VBLZ.iter	*-tku* / *-tko*	1	2
Сложения			
	T.Tv-	6	1
Всего	17	384	61

Значительное количество слабопроизводных глагольных основ содержат каузативные (*j-* / *-n-*) и антипассивные (*ine-* / *ena-*) показатели в комбинациях с вербализаторами, т. е. представляют собой застывшие каузативные и антипассивные вторичные глагольные основы, корни в составе которых самостоятельно не употребляются: ***j***.*atv-* (-***n***.*atv-*) ‘внести’, ***j***.*iŋl-* (-***n***.*iŋl-*) ‘бросить’, ***j***.*u-* (-***n***.*u-*) ‘съесть’, ***j***.*umk*.***av-*** (-***n***.*umk*.***av-***) ‘прятать’, ***ena***.*jej-* ‘искать’ ***ena***.*jl*^{j}.***at-*** ‘быть похожим’.

К слабопроизводным основам мы отнесли также один случай сложения, где к простой глагольной основе *ŋəto-* ‘выйти’ присоединяется морфологический сегмент, не соответствующий какой-либо основе корякского языка: ***čep***.*ŋəto-* ‘выскочить’.

Слабопроизводные основы с количеством употреблений более 10 представлены в табл. 37.

Таблица 37

Наиболее частотные слабопроизводные основы в текстах А. А. Кергильхот

Лексема	Количество употреблений
jun.et- / *jon.at-* ‘жить’	69
ekmi.t- / *akme.t-* ‘взять’	37
heq.ev- / *haq.av-* ‘отправиться’	22
ɣənt.ev- / *ɣənt.av* ‘убегать’	18
aj.at- ‘падать’	17
jə.t- (*-n.t-*) ‘иметь’	17
j.u- / *j.o-* (*-n.u-* / *-n.o-*) ‘съесть’	14
toŋv.at- ‘создаться’	12
jə.v- (*-n.v-*) ‘сунуть’	12
jə.p- (*-n.p*) ‘ставить’	11

2.2.3.4. Соотношение разных типов глагольных основ в текстах на корякском языке

В проанализированном корпусе текстов использовано 2168 корякских глагольных словоформ, относящихся к 280 лексемам. По количеству лексем слабопроизводные основы (61) значительно уступают простым (112) и производным (107). По частотности основу корякского текста составляют простые глагольные лексемы: более 66 % глагольных словоформ в текстах А. А. Кергильхот содержат простые основы.

Средняя частотность простых основ составляет 12,8 употреблений на одну лексему, слабопроизводных основ – 6,3 употребления на одну лексему, производных основ – 3,3 употребления. Слабопроизводные основы, несмотря на незначительное количество лексем, по употребительности превосходят производные. Это является следствием их «возраста» в языке: наиболее древними глагольными основами являются простые основы, более «молодыми» – слабопроизводные, утратившие смысловую внутреннюю форму, но сохраняющие принадлежность к определенным словообразовательным моделям, наиболее «молодыми» – производные основы, сохраняющие как семантическую связь с производящей основой, так и модель, по которой они образовались (рис. 2).

Рис. 2. Соотношение простых, производных и слабопроизводных глагольных основ в текстах А. А. Кергильхот

2.2.3.5. Морфологические процессы, усложняющие структуру первичных глагольных основ: каузативные трансформации

При каузативных трансформациях глагольных основ выявляются сложности, которые затрудняют линейный морфологический анализ словоформ.

Сложность, присущую всем глагольным основам корякского языка, составляет то, что модель образования каузатива глагольной основы не обусловлена какими-либо ее фонетическими или семантическими свойствами. Эта модель входит в состав уникальных свойств синтактики данной глагольной основы и должна отражаться в словаре.

Самым простым в плане анализа случаем является каузативизация простой глагольной основы, при которой действует аддитивный механизм присоединения морфем: перед основой вставляется каузативный префикс *j-* (*-n-*), который в соответствии с моделью каузативизации, присущей данному глаголу, может функционировать самостоятельно или сопровождаться дополнительным вербализатором *-(e)t* / *-(a)t* или *-(e)v* / *-(a)v*.

(7) *na-**n**-ə-tvaɣal-la-mək*
LowA-**CAUS**-E-сесть-PL-1nsgP
‘они посадили нас многих’
< *(t)vaɣal-* ‘сесть’;

(8) ***j**-ə-mlav-**at**-ə-k*
CAUS-E-танцевать-**VBLZ**-E-CV.loc
‘заставить кого-л. танцевать’
< *məlav-* ‘танцевать’;

(9) *na-**n**-ə-tvella-**v**-ə-n*
LowA-**CAUS**-E-стоять-**VBLZ**-E-3sgP
‘они поставили его’
< *(t)vella-* ‘стоять’.

Каузативные трансформы от производных основ могут образовываться так же, как и простые, т. е. с обязательным присоединением каузативного префикса и факультативным, в зависимости от требований основы, участием дополнительного вербализатора *-(e)t* / *-(a)t* или *-(e)v* / *-(a)v*.

(10) *t-ə-ko-**n**ʲ-čoččəm-**aw**-ŋ-ə-n*
1sgA-E-PRES-**CAUS**-снаряжение-VBLZ-PRES-E-3sgP
‘я собираю его / ее’
< *čoččəm-**av**-* ‘собираться’;

(11) ***j**-ə-wanʲav-**at**-ə-k*
CAUS-E-слово-VBLZ-E-CV.loc
‘разговаривать с кем-л.’
< *wanʲav-**at**-* ‘разговаривать’.

В примерах (8) и (9) мы видим, что при образовании каузативного трансформа сохраняется тот же вербализатор *-(e)t* / *-(a)t* или *-(e)v* / *-(a)v*, который использовался при образовании первичной основы.

От первичных производных основ, содержащих вербализаторы, отличные от *-(e)t* / *-(a)t* или *-(e)v* / *-(a)v*, образуются каузативные производные, в которых, кроме префикса каузатива, к первому вербализатору присоединяется второй вербализатор *-(e)t* / *-(a)t* или *-(e)v* / *-(a)v*.

(12) *mən-ə-**n**ʲ-nʲa-**jt**-**al**-la-n*
1nsgA.IMP-E-**CAUS**-дом-VBLZ.lat-**VBLZ**-PL-3sgP
‘приведем-ка мы его домой’ [35]
< *ja-**jt**-* ‘пойти домой’;

(13) *na-ko-**n**-ŋaw-**təŋ**-**aw**-ŋ-ə-na-w*
LowA-PRES-**CAUS**-женщина-VBLZ-**VBLZ**-PRES-E-3nsgP-PL
‘они женят их многих’
< *ŋaw-**təŋ**-* ‘жениться’.

[35] Полная ассимиляция на стыке морфем: вербализатор *-at* > *-al*, основа *ja-* > *-nʲa-*.

Наиболее сложными являются случаи замены исходного вербализатора *-(e)t* / *-(a)t* на *-(e)v* / *-(a)v*, происходящие одновременно с присоединением префикса каузатива.

(14) *k-ine-**nʲ**-nʲəmɣəmɣ-**ev**-ə-ŋ*
PRES-1sgP-**CAUS**-страшный-**VBLZ**-E-PRES
'ты пугаешь / он пугает меня'
< *jəmɣəmɣ-**et**-* 'пугаться';

(15) ***j**-umek-**ev**-ə-k*
CAUS-вместе-**VBLZ**-E-CV.loc
'соединять'
< *umek-**et**-* 'соединяться'.

Вербализатор, входящий в состав слабопроизводной основы, в каузативных производных функционирует точно так же, как и вербализатор в обычной производной основе: он либо сохраняется в неизменном виде, либо дополняется вторым вербализатором, либо участвует в процессе морфологической субституции, т. е. замены одного вербализатора на другой.

(16) *ko-**n**-aj.**an**-ŋ-ə-nen* [36]
PRES-**CAUS**-падать-PRES-E-3sgA+3P
'он / она роняет его / ее / их'
< *aj.**at**-* 'падать';

(17) *m-ə-**n**-ɣənt.**ev**-**et**-ə-n*
1sgA.IMP-E-**CAUS**-убежать-**VBLZ**-E-3sgP
'унесу-ка я его / ее бегом'
< *ɣənt.**ev**-* 'убежать';

(18) *t-ə-**n**-toŋv.**aw**-tək*
1sgA-E-**CAUS**-создаться*-2nsgP
'я вас создал'
< *toŋv.**at**-* 'создаться'.

При глоссировании случаев с субституцией, подобных последнему в данном ряду примеров, перевод основы не соответствует исходной слабопроизводной основе, такая видоизмененная основа является частью трансформа и существует только в его составе.

* * *

Двусторонняя агглютинация, свойственная чукотско-корякским языкам, и возможность расположения основ в медиальной позиции влечет за собой

[36] Неполная ассимиляция на стыке морфем перед носовым согласным (*aj.at-* > *aj.an-*).

широкую фонетическую вариативность глагольных основ и может приводить к утрате ими внутренней формы.

Анализ функционирования разных типов глагольных основ в текстах на корякском языке показал, что наибольшая фонетическая вариативность характерна для простых глагольных основ, равных корням. Некоторые из них имеют сингармонические варианты по признаку подъема. У значительного количества простых глагольных основ наблюдается неидентичность инициальных и медиальных алломорфов: при употреблении основы в медиальной позиции происходит восстановление, утрата, чередование согласных или метатеза.

В производных основах фонетическая вариативность свойственна как корням, так и вербализаторам. По функции вербализаторы делятся на транспонирующие и универсальные, по семантике – на собственно транспонирующие и транспозиционно-характеризующие. Некоторые вербализаторы корякского языка являются составными.

Специфику чукотско-корякских языков составляет большое количество слабопроизводных основ, что также является следствием двусторонней агглютинации и утраты самостоятельности корней в составе основ, которые в словоформе часто располагаются в медиальной позиции.

Часть слабопроизводных основ образуется с помощью тех же вербализаторов, что и производные основы. Значительная доля слабопроизводных основ представляет собой застывшие каузативные и антипассивные трансформы.

Частотность разных типов основ в текстах является отражением их языковой истории. Наиболее частотными являются самые древние простые основы, составляющие базовую часть словарного состава чукотско-корякских языков. Менее употребительны слабопроизводные основы, в процессе функционирования которых связь с производящей основой утрачивается, а связь со словообразовательной моделью сохраняется. Реже всего встречаются производные основы, демонстрирующие живой процесс словопроизводства, свойственный современному корякскому языку.

Образование каузативных трансформов от производных и слабопроизводных основ может сопровождаться заменой вербализаторов, что затрудняет анализ линейной структуры глагольных словоформ.

Выводы

В области именной морфологии исследовался инвентарь падежных форм тюркских языков по различным параметрам сложности и именные классы в чукотско-корякских языках.

В истории тюркских языков наблюдаются две взаимонаправленные тенденции: утрата отдельных периферийных форм, что приводит к упрощению их падежных систем, и синтезация новых падежей из сочетаний «имя + послелог», что приводит к их усложнению. Уже к классическому периоду древнетюркской эпохи исчезают наиболее длинные падежные формы, состоящие из 4–5 звуков, что уменьшает поверхностную сложность системы. Многие падежные формы раннего древнетюркского времени выходят из употреб-

ления, поэтому падежные системы становятся намного проще, более структурированными, формы падежей становятся более специализированными семантически. Подобное упрощение синтагматической сложности данных систем характерно для кодированных литературных языков с длительной письменной историей. Младописьменные языки, как и диалекты в целом, более полно воспроизводят сложную древнюю тюркскую падежную систему: в них сохраняются древние или синтезируются новые падежные формы, восполняющие утраченные падежи.

Система именных классов (грамматический род) – редкая на территории Сибири категория – в чукотско-корякских языках изначально строилась как двухступенчатая иерархия по параметрам личности и референтности. Исходно заложенное противопоставление по признаку референтности постепенно сменяется типологически более частотными (человек / не-человек, одушевленность / неодушевленность), что указывает на упрощение системы.

В области глагольной морфологии рассмотрены временные формы алтайского языка и глагольные словоформы в чукотско-корякских языках.

Значения временных форм алтайского языка, большинство из которых сложилось на базе деепричастных аналитических конструкций, осложнены аспектуальными, модальными и эвиденциальными смыслами. Новые формы с конкретной семантикой вытесняют на периферию формы с более общим временным значением. Сопоставительный анализ алтайских и чалканских форм показал, что в этих языках идут одни и те же процессы стяжения аналитических глагольных форм. В бесписьменном чалканском языке сокращение количества временных форм и образование смешанных парадигм проходит более интенсивно.

В алюторском языке глагольная словоформа потенциально допускает до восьми морфем, однако поверхностные глагольные формы включают в среднем по 2,5 морфемы. Это обусловлено необходимостью успешной коммуникации, а также системными факторами (отсутствие полной зеркальности категорий по отношению к корню, наличие нулевых морфем, ограниченное употребление некоторых лично-числовых морфем, большое количество факультативных морфем). Уровень сложности глагольных словоформ в общеязыковых пределах варьирования зависит от отдельной языковой личности. Установлена зависимость фонетической вариативности глагольных основ корякского языка от двусторонней агглютинации, свойственной чукотско-корякским языкам. Наибольшая фонетическая вариативность характерна для простых глагольных основ, равных корням. В производных основах фонетическая вариативность свойственна как корням, так и вербализаторам. Некоторые вербализаторы корякского языка являются составными. Специфику чукотско-корякских языков составляет большое количество слабопроизводных основ, не употребляющихся без вербализатора или представляющих собой застывшие каузативные и антипассивные трансформы, что является следствием утраты самостоятельности корней в составе основ, которые в словоформе часто располагаются в медиальной позиции.

Глава IV

СИНТАКСИЧЕСКАЯ СЛОЖНОСТЬ ЯЗЫКОВ НАРОДОВ СИБИРИ

В этой главе рассматриваются вопросы синтаксической сложности на примере двух языков – тувинского, одного из тюркских языков Южной Сибири, и хантыйского, входящего в финно-угорскую семью языков.

Прежде всего дается оценка сложности полипредикативных конструкций, служащих для выражения отношений между двумя событиями, обсуждаются вопросы терминологического характера, связанные с определением предложений как «простых» и «сложных».

В урало-алтайских языках основным способом выражения отношений между событиями являются монофинитные констуркции, в которых сказуемое зависимой части выражается той или иной инфинитной формой глагола, а показатель связи, чаще всего синтетический, встраивается в структуру этой словоформы. Такие конструкции традиционно описываются как «простые осложненные» предложения, хотя неоднозначное соотношение плана выражения и плана содержания и комплекс парадигматически значимых оппозиций при выборе формы зависимого субъекта и зависимого предиката делает такие предложения объективно более сложными.

В тувинском языке синтетические средства связи частей полипредикативных конструкций представлены очень богато, тогда как в казымском диалекте хантыйского языка падежная система и набор инфинитных форм весьма ограничен по составу, что приводит к большему развитию аналитических средств. В этом отношении эти два идиома представляют собой полюсы синтетических и аналитических стратегий в выражении отношений между двумя событиями. На первый взгляд, наличие в казымском диалекте хантыйского языка большого количества бифинитных сложных предложений с аналитическими показателями связи заставляет говорить о более высокой сложности его синтаксической системы по сравнению с тувинским, где таких предложений крайне мало. Однако этот поверхностный взгляд опровергается более значимым для тувинского синтаксиса парадигматическим комплексом признаков, которые регулируют выбор формы зависимого субъекта, зависимого предиката, а также компенсируется большим количеством аналитических конструкций сказуемого, аналога которым нет в хантыйском языке. Если в хантыйском языке аналитические средства связи используются прежде всего на уровне сложного предложения и фактически не представлены в сфере сказуемого, то в тувинском языке, наоборот, разнообразные аналитические конструкции сказуемого служат дополнительным средством выражения отношений между частями полипредикативных конструкций. Наличие разнообразных и многочисленных аналитических форм сказуемого в тувинском языке обеспечивает бóльшую сложность простого предложения, в котором позиция сказуемого часто оказывается неоднословной.

1. Структурная и семантическая сложность синтаксических конструкций тувинского языка

Целью данного раздела является выявление соотношения семантики и структурных типов модус-диктумных и диктум-диктумных бипредикативных конструкций (БПК) тувинского языка в неглубокой диахронии на материале фольклорных и современных текстов.

Возникновению тувинской литературы предшествовало устное народное творчество: героические сказания, богатырские сказки, мифы, легенды и предания и др. С 1930-х гг. с созданием тувинской письменности на основе латинской графики стали издаваться первые книги на тувинском языке. Ранние прозаические произведения малой формы написаны как беллетризованные воспоминания, рассказы для чтения и др.

1930–1960-е гг. характеризуются становлением жанровой дифференциации тувинской прозы. В конце XX – начале XXI вв. появляются широко известные романы М. Кенин-Лопсана «Чылгычының өө», К.-Э. Кудажы «Уйгу чок Улуг-Хем», С. Сарыг-оола «Аңгыр-оолдуң тоожу» и др.

В рамках данного исследования конструкцией называется и сложное предложение (СП) как целое, и составляющие его предикативные единицы (ПЕ). Особого рода конструкцией является также сказуемое зависимой предикативной единицы (ЗПЕ), т. е. форма, которая представляет, символизирует модель БПК в целом.

Сочетание деепричастия основного глагола с одним из вспомогательных образует аналитическую конструкцию (АК). Когда такая АК выступает в синтаксической роли сказуемого ЗПЕ, она принимает те показатели, которых требует соответствующая БПК (аффиксы лица и падежа). Падежные аффиксы непосредственно выражают отношения между ЗПЕ и главной предикативной единицей (ГПЕ), т. е. конституируют структуру, синтаксически подчиненную главной ПЕ.

Соответственно, мы выявляли и анализировали АК сказуемых финитного и инфинитного типов в текстах разных периодов. Материалом для исследования послужили мифы, опубликованные в томе «Мифы, легенды, предания тувинцев» [МЛПТ 2010], и роман М. Кенин-Лопсана «Чылгычының өө».

Методика исследования заключалась в выявлении частотности употребления различных структурных типов модус-диктумных и диктум-диктумных БПК, а также АК финитного сказуемого и соответствующих им семантических типов.

АК, характерные для многих языков мира, широко представлены в тюркских языках Сибири, в том числе и тувинском. Одной из функций АК является функция сказуемого (финитного и инфинитного).

Кроме функции сказуемого, в результате процесса грамматикализации («развития грамматических единиц из лексического материала» [Даль 2009: 191]), в определенных языковых контекстах, АК начинают выполнять разные грамматические функции. О том, что лексемы превращаются в грамматические форманты, а грамматические форманты становятся еще более граммати-

ческими, писал Е. Курилович [Kurylowicz 1965], модифицировавший определение грамматикализации, предложенное в работе А. Мейе [Meillet 1912].

В тувинском языке в функции финитного и инфинитного сказуемого регулярно встречаются АК, построенные по схеме «инфинитная форма лексического глагола + требуемая конструкцией форма вспомогательного глагола». Финитное сказуемое формируется и сочетанием имени с одним из вспомогательных глаголов.

АК сказуемого могут быть двухкомпонентными и многокомпонентными. Последние предстают как структурные и семантические усложнения бивербальной конструкции (БВК), выражают более сложные отношения. БВК, являясь структурной основой для многокомпонентных конструкций, выступают в их составе в качестве бивербальной конструкции основы (БКО). БКО сочетается со свободными компонентами, которые могут предшествовать ей или следовать за ней и принимать определенную инфинитную форму по требованию финального вспомогательного глагола.

Процесс нарастания количества компонентов может осуществляться за счет вхождения в состав АК модальных частиц *иргин*, *ийин*, *эвеспе оң*, *эвеспе аан*, *=даа*, *=ла*, по одной и в комбинациях. Частицы могут присоединяться к двухкомпонентным и к многокомпонентным АК.

Входящие в состав АК частицы вносят дополнительные элементы значений: экспрессивную модальность, степень уверенности говорящего в реальности происходящего действия и пр. Придавая высказыванию различные модусные смыслы, они чаще всего буквально не переводятся.

Анализ материала показал, что и структурные формы сказуемых, и специфические грамматические значения, которые выражаются при помощи этих форм, чрезвычайно разнообразны.

АК сказуемого тувинского языка возникли в результате определенных сдвигов в семантике глагольных форм. Они представляют новую характеристику старых паттернов, позволяющих получить более простое описание системы аналитических структур.

1.1. Структурные типы финитного и инфинитного сказуемого в тувинском языке

По структуре АК могут быть двухкомпонентными и многокомпонентными. Они могут быть глагольными или именными в зависимости от того, какой части речи принадлежит первый компонент АК.

По типу константы (грамматической формы первого компонента) выделяем три класса АК: деепричастный, причастный, инфинитивный. Последний тип в тувинском языке представлен именными и глагольными (деепричастными и причастными) конструкциями – аналогами инфинитива в других тюркских языках Южной Сибири.

Именные АК, образованные сочетанием имени с вспомогательным глаголом, мы называем номинативно-вербальными аналитическими конструкциями. Это монолитные структуры: все они обслуживают сферу финитного сказуемого.

Дифференциация внутри класса АК проводится по семантике второго компонента – вспомогательного глагола.

Вспомогательные глаголы являются ведущим и продуктивным средством выражения модификации действия. Они широко распространены не только в тюркских языках, но и в некоторых финно-угорских, монгольских, корейском, японском. В работах зарубежных лингвистов класс вспомогательных глаголов, используемых в составе «сложных», получил название «векторных» – *vector verbs* / *vectors* (смысловой глагол в таких сочетаниях иногда именуется «осевым» – *polar verb*). В качестве векторных выступают глаголы движения и лексемы со значением ‘оставаться’, ‘садиться’, ‘брать’, ‘давать’, ‘бросать’, ‘оставлять’, ‘класть’ и некоторые другие – в целом это глаголы, обозначающие «изменение местонахождения или действие, вызывающее подобное изменение».

В отличие от простых глаголов, конструкции с векторными глаголами обладают определенным аспектуальным значением. Эти конструкции стали частью системы регулярных семантических противопоставлений, частью глагольной парадигмы и выражают перфективность в смысле рассмотрения события или процесса как единого целого по отношению к определенному моменту или временному интервалу, противопоставлены же они аспектуально немаркированным простым формам.

Каждому из вспомогательных глаголов тувинского языка, как правило, свойственны свои специфические оттенки значения, модифицирующие семантику смыслового глагола. Возможные сочетания смыслового и вспомогательного глаголов ограничены: не все смысловые глаголы могут комбинироваться с любым вспомогательным, которым свойственна избирательная сочетаемость. Наиболее нейтральным, проявляющим широкую сочетаемостную возможность, является глагол *тур*= ‘стоять’.

Деепричастные АК в основном выражают разнообразные аспектуальные значения – количественной и линейной аспектуальности.

(1) *Чажып каан тараалар күске-кулактай берген* (УЧУХ: 68).

чаж=ып	ка=ан	тараа=лар	күс=ке
засевать=CV	AUX=PP	просо=PL	осень=DAT
кулакта=й	бер=ген		
всходить=CV	AUX=PP		

‘Засеянное просо к осени взошло.’

Причастные АК выражают различные категориально-грамматические значения: темпорально-аспектуальные, модально-темпоральные, наклонение [Шамина, Ондар 2003].

(2) *Оон соонда өрттүң чалбыыжы дам барган каан* (УЧУХ: 13).

оон	соонда	өрт=түң	чалбыыж=ы
он.ABL	позади	пожар=GEN	пламя=POSS.3
дам	бар=ган	ка=ан	
еще	уходить=PP	AUX=PP	

‘Затем огонь еще усилился.’

Причастные АК, как и деепричастные, не могут быть однозначно охарактеризованы в терминах традиционных глагольных категорий, таких как время, наклонение, модальность.

Вспомогательные глаголы в их составе формируют конструкции сказуемого, которые строятся говорящим в процессе речи по модели, существующей в языке и известной говорящему, для определенного грамматического (модального, аспектуального, темопорального) значения, принадлежащего предложению. Такие сказуемые не являются ни простыми, ни сложными – это именно АК. Ранее мы отмечали, что «АК возникают в силу определенных сдвигов в семантическом потенциале отдельных звеньев системы личных форм. Новое образование выступает сначала как вариант одной из реализаций старого элемента» [Шамина, Ондар 2003: 169]. Используя терминологию Э. Даля, можно сказать, что «новую характеристику получает именно старый паттерн» [Даль 2009: 232]. Возникновение в процессе такого функционирования новых соотношений в системе личных форм позволяет говорить о новом члене парадигмы.

1.1.1. Финитные сказуемые

Финитное сказуемое по структуре может быть двухкомпонентным (бивербальными – БВК) и многокомпонентным. В системе двухкомпонентных АК противопоставлены по константе деепричастные и причастные АК.

Значение АК составляют значения входящих в нее компонентов: основного лексического и служебного компонента – вспомогательного глагола, передающего его грамматические характеристики.

Вспомогательные глаголы играют решающую роль в выражении аспектуальных значений. Они четко распределяются между двумя классами. В один из них входят четыре глагола, с помощью которых выражается идея длительности, протяженности течения действия. Основной пласт вспомогательных глаголов в БВК составляют глаголы движения, репрезентирующие ядро системы языковых средств, обозначающих пространственные отношения. В другой – многочисленные глаголы, выражающие недлительность, краткость, точечность, мгновенность, результативность, т. е. самые разнообразные оттенки значений, свойственных русскому совершенному виду. Очень часто эти значения связаны с различными экспрессивными оттенками смысла.

Все компоненты в составе АК взаимозависимы. Ограниченность проявляется в употреблении замыкающего вспомогательного компонента. В БВК возможно использование более 20 вспомогательных глаголов.

Частота их появления в текстах далеко не одинакова, но в целом они появляются достаточно часто, чтобы судить о регулярности этой функции для каждого из глаголов, включаемых в список.

Вспомогательные глаголы избирательно сочетаются как со знаменательными глаголами, так и с грамматической формой последних.

Каждый из них может модифицировать лишь определенный круг смысловых глаголов. Глаголы *олур*, *чыт=*, например, сочетаются с глаголами, характеризующими положение субъекта в пространстве, частично сохраняя свою семантику. Грамматикализуясь, они проявляют более свободную сочетаемость с глаголами разных лексико-семантических групп.

Кроме семантики длительности, вспомогательные глаголы выражают дополнительные оттенки значений: интенсивность, внезапность и др.

Ограничения на сочетаемость обусловлены комплексом параметров: лексико-семантической группой смыслового глагола (например, относится ли он к глаголам восприятия, к глаголам ментальных или физических действий, к глаголам с необратимым результатом типа глаголов разрушения и уничтожения и т. п.); его акциональной характеристикой (в терминах статичности / динамичности, предельности / непредельности); его синтаксическими особенностями (прежде всего переходностью или непереходностью) и др.

В результате взаимодействия грамматического значения (задающего точку зрения на ситуацию) и акционального типа глагольной лексемы развивается аспектуальное значение в целом.

По признаку дейктической ориентации глаголы дифференцируются по четырем абстрактным семантическим категориям: движение по направлению к субъекту наблюдения и от субъекта наблюдения, движение по горизонтали и вертикали. Кроме глаголов движения в состав БВК входят глаголы позиции, фазовые и модальные глаголы, глаголы бытия.

В состав причастных аналитических конструкций (ПАК) входят причастия в сочетании с одним из вспомогательных глаголов. Все многообразие ПАК тувинского языка обслуживает два семантических типа: аспектуально-темпоральные и модально-темпоральные ПАК.

В роли вспомогательного глагола в аспектуально-темпоральных ПАК выступают четыре глагола бытия: *тур=* ‘стоять’, *чор=* ‘идти’, *олур=* ‘сидеть’, *чыт=* ‘лежать’ в формах прошедшего времени на *=ды* и на *=ган* и в нулевой форме настоящего времени. Эти глаголы обнаруживают разную возможность сочетаться с знаменательными глаголами и указывают на процессуальный характер протекания глагольного действия в прошлом. Кроме аспектуального и временного значения ПАК этого типа осложнены модальными значениями.

В роли вспомогательного глагола модально-темпоральных АК выступают бытийные глаголы *бол=* ‘быть’ и *апаар* ‘становиться’. Они сочетаются со всеми семантическими типами знаменательных глаголов.

По семантике исследуемые АК финитного сказуемого многозначны. Аспектуальные семантические признаки сопряжены с темпоральными и модальными в составе аспектуально-темпорально-модальных семантических аналитических комплексов.

Служебный элемент АК сохраняет в ее составе свою многозначность, она выступает функционально неоднородной. Примером этому могут служить причастные глагольные конструкции, которые, с одной стороны, втяги-

ваются в систему индикатива как временные и аспектуальные; с другой – выражают различные модальные значения.

Так, например, вспомогательный глагол *тур*= ‘стоять’, в силу своей толерантности к семантике основного глагола, имеет широкую сочетаемость и захватывает территорию, которую занимают другие глаголы. Появляются новые АК с этим глаголом, используемые в системе наклонения, не только индикатива (при образовании аналитических форм настоящего времени), но и кондиционала и др.

Рассмотрим грамматикализованные АК с вспомогательным глаголом *тур*= ‘стоять’.

Аспектуально-темпоральные АК. Структурные морфологические единицы, в значениях которых отражены и закреплены временные отношения, относят к глагольным временным формам [Гузев 1990: 66]. В тувинском языке темпоральную семантику, кроме деепричастных, могут передавать глагольные АК с первым причастным компонентом. Вторым компонентом выступают четыре вспомогательных глагола: *тур*= ‘стоять’, *чор*= ‘идти’, *олур*= ‘сидеть’, *чыт*= ‘лежать’ [Шамина, Ондар 2003].

(3) *«Арат» деп сөс дылдан шуут уттундурган турду* (УХ 1995: 7).

арат	деп	сөс	дыл=дан
арат	именуемый	слово	язык=ABL
шуут	утту=н=дур=ган		тур=ду
абсолютно	забывать=RFL=CAUS=PP		AUX=PAST$_{fin}$

‘Слово «арат» (тогда) в языке было забыто.’

(4) *Кезээде ындыг*, *Дамдаккай аңнаанда*, *бир-ле чүвеге таварышкан турар* (ТК: 132).

кезээде	ындыг	Дамдаккай	аңна=ан=да
всегда	так	Дамдакай	охотиться=PP=LOC
бир-ле	чүве=ге	таварыш=кан	тур=ар
какой-то	вещь=DAT	случаться=PP	AUX=PrP

‘Всегда так, когда Дамдакай охотится, с ним что-то случается.’

АК ирреальной модальности. Модальные формы долженствования, сослагательного наклонения (ирреальная модальность) представляют события как не имеющее места в реальности, но присутствующие в сознании человека. Эти формы образуются с помощью вспомогательного глагола *тур*= и противопоставлены аспектуально-темпоральным индикативным формам.

АК с семантикой долженствования:

(5) *Ол кежээ туралаан эъдимни чиир турган мен* (АТ: 57).

ол	кежээ	турала=ан	эъд=им=ни
тот	вечер	желать=PP	мясо=POSS.1SG=ACC
чи=ир	тур=ган		мен
есть=PrP	AUX=PP.DEBM		я

‘В тот вечер я должен был кушать самое понравившееся мясо.’

(6) *Оларга бодааргa улуг кижи ышкажыл сен ог-баш дугайын шагда бодаар турган* (Ткус: 123).

олар=га	бодааргa	улуг	кижи	ышкажыл
они=DAT	по сравнению	взрослый	человек	подобный
сен ог-баш	дугайын	шаг=да	бода=ар	тур=ган
ты семья	об	время=LOC	думать=PrP	AUX=PP.DEBM

‘По сравнению с ними, ты же взрослый человек, давно надо было думать о семейной жизни.’

АК с семантикой кондиционала. Вспомогательный глагол *тур*= в формах прошедшего времени на *=ды* и *=ган*, сочетаясь со знаменательным глаголом в форме причастия настояще-будущего времени на *=ар* (*=бас*), образует форму сослагательного наклонения. Эта форма выражает нереальные действия, которые могли бы иметь место в прошлом, настоящем и будущем. Возникновение нового глагольного паттерна сослагательного наклонения не устраняет старой формы, состоящей из формы условного наклонения и АК *=ар ийик* (*=зымза ийик*) из грамматической системы тувинского языка.

(7) *Келзиңзе*, *амыраар ийик мен* (ТРС 1950: 705).

кел=зиңзе	амыра=ар	ийик	мен
приходить=COND	радоваться=PrP	PRTCL	я

‘Я был бы рад, если бы ты пришел.’

Система наклонения усложняется, расширяются ее семантические возможности за счет вхождения новой грамматикализованной АК в ее парадигму.

(8) *Бир эвес сээң-биле чурттап чораан болзумза*, *кандыг аас-кежиктиг болур турдум ыйнаан* (ЧХ: 94).

бир эвес	сээң-биле	чуртта=п	
если бы	ты=GEN-с=ACC	жить=CV	
чора=ан	болзу=м=за	кандыг	аас-кежиктиг
идти=PP	быть=1SG=COND	какой	счастье-счастливый
бол=ур	тур=ду=м		ыйнаан
быть=PrP	AUX.CON = $PAST_{fin=}$1SG		наверное

‘Если бы я жил с тобой, каким бы счастливым был я.’

(9) *Саша мени кааптар турган* (НО: 183).

Саша	мен=и	каа=пт=ар	тур=ган
Саша	я=ACC	покидать=PFV=PrP	AUX.CON

‘Саша бросил бы меня.’

(10) *Сен эвес болзуңза, бээр келбес турган мен* (УЧУХ: 138).

сен	эвес	болзу=ң=за	бэ=эр
ты	не	быть=2SG=COND	давать=PrP
кел=бес		тур=ган	мен
приходить=NEGPrP		AUX.CON	я

‘Если бы не ты, я бы сюда не пришел.’

1.1.2. Инфинитные сказуемые

АК инфинитного сказуемого отличаются от АК финитного сказуемого количественным составом вспомогательных глаголов, представляющих второй компонент.

Конкретный смысл фраз, построенных по общей структурной модели, зависит от формы сказуемых ГПЕ и ЗПЕ. Использование в этих позициях АК с разными вспомогательными глаголами позволяет выразить и длительность, и краткость, и результативность, и многие другие характеристики событий, предопределяет те конкретные семантические отношения, которые будут установлены между событиями, названными в двух ПЕ данной БПК.

Различные возможности соотношения временных форм конечного и зависимого сказуемых ставят события в определенные временные отношения: следование одного события за другим, их полную или частичную одновременность или предшествование.

Структурные типы. Состав вспомогательных глаголов, формирующих АК инфинитного сказуемого, значительно сократился. Сокращение произошло за счет вовлечения других, специализированных, средств выражения семантики ПЕ в составе БПК: послелогов, служебных имен и частиц.

Вспомогательные глаголы в БПК играют чисто конструктивную, формальную роль компонента зависимого сказуемого и показателя синтаксической связи ЗПЕ с ГПЕ. Они выполняют одновременно две функции: внутреннюю, состоящую в организации структуры ЗПЕ, в оформлении ее сказуемого, и внешнюю, выражающую структурно-семантическую зависимость ЗПЕ от ГПЕ. Одна из них может усиливаться за счет ослабления другой.

Что касается временного плана, то для каждого типа БПК выявляется своя специфика. Так, причинно-следственные БПК характеризуются свободным варьированием временного плана ЗПЕ и ГПЕ и реальной модальностью. Условные БПК могут иметь временной план будущего и прошедшего времени и модальный план гипотетичности события ЗПЕ. Для целевых БПК неважен вопрос об осуществленности или неосуществленности события ЗПЕ. Важно то, что оно является желательным.

Обращенность действия к настоящему, будущему или прошедшему фиксируется формами финитного сказуемого ГПЕ.

Все рассмотренные АК формируют инфинитные сказуемые БПК, для которых то или другое таксисное значение является либо прототипическим, либо не прототипическим, а фоновым, сопутствующим прототипическому.

Основным средством выражения зависимого таксиса является использование нефинитных форм сказуемого ЗПЕ: деепричастных, причастно-падежных и причастно-послеложных. Соответственно, структуру сказуемого ЗПЕ представляют либо синтетические, либо аналитические формы и конструкции.

В аспекте структурной организации БПК важна их характеристика с точки зрения соотношения аспектуально-темпоральных и модальных планов частей.

В формировании сказуемого в БПК принимают участие, в той или иной степени активности, те же морфологические формы, что и в простом предложении. К ним относятся, с одной стороны, инфинитные формы глагола – причастия, деепричастия и инфинитив, составляющие основную морфологическую базу тюркского таксиса. С другой стороны, в формировании сказуемого в БПК принимают активное участие падежи, послелоги, служебные имена, частицы, а также вспомогательные глаголы. Основным средством выражения зависимого таксиса является использование нефинитных форм сказуемого ЗПЕ (синтетические БПК): деепричастных и причастно-падежных.

В любых таксисных конструкциях, да и в любых БПК, ЗПЕ в принципе может либо предшествовать ГПЕ, либо следовать за ней, либо вклиниваться в нее. Выбор конкретной позиции определяется коммуникативной структурой дискурса.

Сказуемое ЗПЕ может быть выражено либо синтетическими инфинитными формами, либо аналитическими формами и конструкциями. АК сказуемого могут быть представлены сочетанием причастия в форме одного из косвенных падежей с послелогами или в форме неопределенного или родительного падежа со служебными именами; либо деепричастия с вспомогательными глаголами в соответствующих грамматических формах.

Семантические типы АК сказуемого БПК. Мы рассматриваем БПК тувинского языка, в которых выражаются таксисные значения предшествования или следования главного события за событием ЗПЕ.

Таксис представляет собой категорию, «которая реализуется в бипредикативных (и шире полипредикативных) конструкциях, где грамматическими средствами маркируется временная локализация (одновременность / неодновременность: предшествование, следование) одной ситуации относительно другой, временная локализация которой характеризуется относительно времени речи, т. е. независимо от какой-либо другой ситуации [Храковский 2009: 20].

В БПК тувинского языка, в которых выражаются таксисные значения предшествования или следования, последовательность действий естественно связана с признаком целостности на уровне микроситуации.

В тувинском языке выделяется два типа таксисных конструкций: а) таксисные конструкции с использованием нефинитных глагольных форм (причастий, деепричастий), б) таксисные конструкции с использованием финитных аспектуально-темпоральных форм.

Все АК формируют инфинитные сказуемые БПК, для которых то или другое таксисное значение является либо прототипическим, либо не прототипическим, а фоновым, сопутствующим прототипическому.

Минимальные семантические структуры БПК биситуативны, поэтому они имеют двуситуативную семантическую структуру. Ср., например, фоновое значение обусловленности в темпоральных (пример 11), сравнительных (пример 12) и сопоставительных (пример 13) конструкциях [Шамина 2001: 189–190].

(11) *Доңа бергенде*, *ажылдаары дам баар* (ССА: 227).

доң=а	бер=ген=де	ажылда=ар=ы	дам	баар
замерзать=CV	AUX.давать=PP=LOC	работать=PrP=POSS.3	еще	идти

‘Когда замерзнешь, еще активнее работаешь.’

(12) *Кызыл-Бөрттүг боостаазынга дүктүг бышкак чыдыпкан дег*, *харлыгып*, *чүве чугаалап чадап каан* (Кудажы: 188).

Кызыл-Бөрттүг	боостаа=зын=га	дүктүг	бышкак	чыд=ып=кан
Кызыл-Боттуг	горло=POSS.3=DAT	волосатый	шкура	лежать=PFV=PP

дег	харлыг=ып	чүве	чугаала=п	чада=п	ка=ан
COMP	захлебываться=CV	вещь	говорить=CV	не мочь=CV	AUX=PP

‘Кызыл-Бөртуг не смог ничего выговорить, как будто в горле его застрял комок.’

(13) *Хөй кеш тыпканывыс тудум-на*, *акшаны хөйнү алыр бис* (Анк.).

хөй	кеш	тып=кан=ывыс	тудум=на
много	шкура	находить=PP=1PL	чем.тем=PRTCL

акша=ны	хөй=нү	ал=ыр	бис
деньги=ACC	много=ACC	брать=PrP	мы

‘Чем больше мы добудем шкур, тем больше получим денег.’

Фоновые значения обусловленности отмечаются и в других типах БПК, в частности, изъяснительных (пример 14) и определительных (пример 15):

(14) *«Тавакты» эң баштай көрүп кааш*, *хей-ле корга бергенимге ол хомудаан* (ШС: 5).

тавак=ты	эң	баштай	көр=үп	ка=аш	хей-ле
тарелка=ACC	самый	сначала	смотреть=CV	AUX=CV	напрасно=PRTCL

корг=а	бер=ген=им=ге	ол	хомуда=ан
бояться=CV	AUX=PP=1SG=DAT	он	огорчаться=PP

‘Он очень огорчился тому (из-за того), что так испугался, впервые увидев «тарелку».’

(15) *Сессиязын эки демдекке дужаан студентилер өстүрген стипендия ап турарлар* (Анк.).

сессия=зы=н	эки	демдек=ке	дужа=ан	студенти=лер
сессия=POSS.3=ACC	хорошо	балл=DAT	сдавать=PP	студент=3PL

өс=түр=ген	стипендия	ап	тур=ар=лар
расти=CAUS=PP	стипендия	брать.CV	AUX=PrP=3PL

‘Студенты, которые сдают сессию на отлично, получают повышенную стипендию.’

Таким образом, разные типы предложений со сказуемыми, выраженными аналитическими конструкциями, характеризуются сложностью и плана выражения (синтаксическая позиция сказуемого включает несколько компо-

нентов), и плана содержания, который содержит комплекс аспектуальных, темпоральных и модальных характеристик описываемого события.

1.1.3. Грамматикализованные конструкции в функции межфразового и внутрифразового средства связи

В тувинском языке для связи частей предложения активно используются аналитические скрепы. Они представлены, с одной стороны, грамматикализованной формой глагола говорения *де*= (*деп*), с другой – прономинальными скрепами внутрифразового и межфразового типа. В текстах художественной литературы на тувинском языке мы зафиксировали 30 скреп: среди них представлены те, которые описаны в «Грамматике тувинского языка», но есть и такие, которые в «союзной роли» не отмечены.

Функция межфразовой связи вовлекает в систему аналитических показателей определенные разряды служебных и знаменательных слов: местоимений, наречий, вспомогательных глаголов, послелогов.

Скрепы *ынчалза-даа*, *ооң соонда*, *ынчангаш*, *оон бээр*, *ындыг-даа болза*, *ол аразында*, *ол хирезинде* в большей мере тяготеют к функционированию в роли межфразового средства связи (МФС), они связывают не только пары предложений, но и более крупные фрагменты текстов, часто начинают абзац. В примере (16) скрепа *ынчалза-даа* реализует свою внутреннюю функцию, связывая две ПЕ:

(16) *Амыргалаар аъдындан дүже халааш, адыгның изин үр-ле ылавылап көрүп турган, ынчалза-даа чүве ыыттаваан* (Там.: 76).

Амыргалаар	аъд=ы=н=дан		дүж=е	хала=аш
Амыргалаар	конь=POSS.3=INFIX=ABL		слезать=CV	прыгать=CV
адыг=ның	из=и=н	үр-ле	ылавыла=п	көр=үп
медведь=GEN	след=POSS.3=ACC	долго	уточнять=CV	смотреть=CV
тур=ган	**ынчалза-даа**	чүве	ыытта=ва=ан	
AUX=PP	**но**	вещь	говорить=NEG=PP	

‘Спрыгнув с коня, Амыргалаар долго внимательно смотрел на следы медведя, но ничего не сказал.’

Ср. пример употребления названной скрепы в функции межфразового средства связи:

(17) *Доржу дүрген-не кымчызын сегирип алган. Ынчалза-даа аза көзүлбээн* (ЕТ: 6).

Доржу	дүрген.не	кымчы=зы=н	сегир=ип
Доржу	быстро	кнут=POSS.3=ACC	хватать=CV
ал=ган	**ынчалза-даа**	аза	көзүл=бэ=эн
AUX=PP	**но**	черт	показываться=NEG=PP

‘Доржу скорее же схватился за кнут. Но дух (черт) все еще не появлялся.’

Ср. употребление скрепы *ынчалза-даа* в начале абзаца:

(18) *Ынчалза-даа Тамбаның тоожузунуң шын арны ынды-мында ийи-чаңгыс таарымча чок чүүлдерден эвес, а амыдыралчы шынындан, дыл-домааның улусчу чечининден көстүр* (Там.: 9).

ынчалза-даа	Тамба=ның	тоожу=зу=нуң		шын	ар=ны	
но	Тамба=GEN	повесть=POSS.3=GEN		правда	лицо=ACC	
ынды-мында	ийи-чаңгыс	таарымча	чок	чүүл=дер=ден	эвес	а
другой-здесь	два-один	удобство	нет	статья=PL=ABL	нет	а
амыдыралчы	шын=ы=н=дан		дыл-домаа=ның			
жизненный	правда=POSS.3=INFIX=ABL		язык=GEN			
улусчу	чечен=и=н=ден			көстүр		
народный	красноречие=POSS.3=INFIX=ABL			показываться		

‘Однако истинное лицо повести Тамбы проявляется не в отдельных шероховатостях, а в жизненной правде меткого народного языка.’

Немаловажную роль в образовании прономинальных скреп, на наш взгляд, играет художественная манера автора, авторские знаки при выделении скреп, связывающих пары предложений. Однако общая закономерность прослеживается отчетливо. Но при такой общей тенденции к использованию выявленных скреп в роли МФС наблюдается и другая. Некоторые скрепы местоименного происхождения демонстрируют возможность функционирования как в роли внутрифразовой скрепы, так и в роли МФС. Среди скреп, выполняющих обе эти функции, выделяется группа скреп, которые преимущественно используются в функции межфразового средства связи. Об аналогичном функционировании скреп якутского языка писала Е. И. Убрятова [Убрятова 1976: 313]. В роли МФС одни скрепы связывают только пары самостоятельных предложений, другие же, выполняя текстообразующую роль, обслуживают связный текст. Этот разряд скреп, многочисленный и разнообразный по своему составу, продолжает пополняться как за счет внутренних ресурсов языка, так и за счет заимствования из других языков и калькирования.

Кроме текстообразующих скреп прономинального характера, в тувинском языке достаточно частотны грамматикализованные АК, акцентирующие тему высказывания. В состав этих конструкций входят сочетания существительного или местоимения в номинативе с глаголом речи, бытийным глаголом и глаголом позиции. На базе модели БПК за счет специфического лексического наполнения главной части формируются новые модели – монопредикативные. Эти грамматикализованные конструкции, занимая инициальную позицию в предложении, используются для привлечения внимания собеседника к сообщению, акцентированию темы высказывания.

Все выявленные средства выражения актуализации темы высказывания служат достижению одной стратегической цели – коммуникативному выделению, формированию диалогического дискурса. Наиболее распространенный контекст, в котором встречаются рассмотренные сочетания, – вводные конструкции. Конструкции, включающие сочетание местоимения и вспомо-

гательного глагола *бодаар*= ‘думать’ в дательном падеже, являются одним из способов грамматикализации модусной категории авторизации в тувинском языке.

В языках существуют разные способы маркирования темы, на которые может опираться воспринимающий речь человек. Это позиционный, грамматический, лексический и фонетический способы. Первый и последний из них, как отмечает В. Б. Касевич, «являются универсальными, в то время как остальные два представлены в одних языках, но отсутствуют в других» [Касевич 2006: 600].

В тюркских языках, кроме универсальных способов введения темы: просодического и синтаксического (порядка слов) – в коммуникативной организации высказывания немаловажную роль играют также частицы и грамматикализованные синтаксические конструкции, выполняющие выделительную функцию.

Рассмотрм грамматикализованные конструкции тувинского языка, которые включают сочетания существительного или местоимения в номинативе с глаголом речи, бытийным глаголом и глаголом позиции.

Конструкции с общим значением ‘что касается, то’, которые используются для введения темы, бывают двух типов:

1) двухкомпонентные: **[PRON / N + V]**, в которых первым компонентом является личное местоимение или имя существительное; второй компонент – глаголы *де*= ‘говорить’, *бол*= ‘быть’, *олур*= ‘сидеть’;

2) трехкомпонентные: **[Tv=п + ка=ар=ым + V]**.

В составе двухкомпонентной конструкции **[PRON / N + дээрге]** ‘что касается; это’ позицию первого компонента занимает личное местоимение или имя существительное; второй компонент представляет собой причастную форму глагола *де*= ‘говорить’ в дативе – *дээрге*:

(19) *Мен дээрге*, *чер ээзи-дир мен – деп ол хаарган-кадай сөглээн* (МЛПТ 2010: 124).

мен	дээрге	чер	ээ=зи=дир	мен
я	D-TOP	место	родители=POSS.3=PRTCL	я
деп	ол	хаарган-кадай	сөглэ=эн	
QUOT	он	ворона-жена	говорить=PP	

‘Что касается меня, вернувшись домой, жене и родителям своим три года ведь я [обо мне] не рассказывал.’ (букв.: ‘если говорить обо мне, то’).

(20) *Хлорзуг натрий дээрге ижер дус-тур* (ТРС 1968: 196).

хлор=зуг	натрий	дээрге	ижер дус-тур
хлор=POSSV	натрий	D-TOP	соль-PRTCL

‘Хлористый натрий – это поваренная соль.’

Приведенные примеры иллюстрируют грамматикализацию модели БПК с условно-темпоральной семантикой (‘если / когда говорить о’). Здесь формально «главная» часть вместе с формально «зависимой» частью [Черемисина,

Скрибник 1988: 6] (*Мен дээрге* ‘если говорить обо мне’; *натрий дээрге* ‘если говорить о хлористом натрии’) образовали новую структуру. Статус этой структуры – вводное сочетание, обозначающее тему: ‘что касается X, [то]’.

Подобные конструкции в русском языке по форме описываются в разделах грамматик, посвященных сложноподчиненным предложениям: фразеологизованные цельные конструкции с определенным лексико-синтаксическим составом [Грамматика 1954: 353]; предложения с несобственно-условным значением [Грамматика 1980: 575]. На их предназначение – вводить тему высказывания – указывает В. А. Белошапкова. Она отмечает, что в русском языке существуют специальные синтаксические конструкции, представляющие собой «особое служебное слово, выполняющее выделительную функцию», они строятся по схеме «что касается + род. п. существительного + то + предикативная основа любого строения» [Белошапкова 1977: 152]. Первая часть этой конструкции внешне похожа на зависимую, но таковой не является, так как не имеет модально-временного плана. Этими же свойствами обладают и аналогичные тувинские конструкции:

В русистике различают делиберативи делиберативтопик [Кошкарева 2015: 132]. Последний выполняет функцию зависимой предикативной единицы (ЗПЕ) в изъяснительно-топикальных конструкциях. Мы используем маркер «делиберативтопик» (D-TOP) при глоссировании тувинских примеров с названными конструкциями.

Вводно-модальная грамматикализованная конструкция **[PRON / ADV + бодаарга]** ‘как подумаешь’ образована причастием будущего времени на *=ар* в дательном падеже от глагола *бол*= ‘быть’. Она используется для выражения авторизации – указания на источник информации. В состав такого сочетания входят местоимения или наречия: *мен бодаарымга* ‘по моему мнению’, *ам бодаарга* ‘как подумаешь’.

(21) *Ам бодаарга*, *дээрде ужуп чораан* (МЛПТ 2010: 106).

ам	бодаарга	дээр=де	уж=уп	чора=ан
сейчас	D-TOP	небо=LOC	летать=CV	AUX=PP

‘Теперь подумал [понял, что], в небе летел.’

В конструкции **[PRON / N + болза]** ‘что касается’ глагол *бол*= ‘быть’ выступает в форме условного наклонения на *=са*. Предложения, построенные по этой схеме, раскрывают информативный аспект высказывания и так же, как и рассмотренные выше, служат грамматикализованным средством выделения темы высказывания [Шамина 2001: 103].

(22) *Арзылаңнар*, *парлар болгаш бөрүлер болза араатан амытаннар* (ТРС 1968: 110).

арзылаң=нар	пар=лар	болгаш	бөрү=лер	болза	
лев=PL	тигр=PL		и	волк=PL	D-TOP
араатан	амытан=нар				
хищный	животное=PL				

‘Что до львов, тигров и волков – [они] хищные животные.’

(23) *Ол болза «хойнуң соолдур ыглап каапкан карактарының орну ол-дур» деп улустуң тоолчургу чугаазы бар* (МЛПТ 2010: 76)

ол	болза	хой=нуң	соол=ду	ыгла=п
этот	D-TOP	овца=GEN	испарять=CAUS	плакать=CV
каа=п=кан	карак=тар=ы=ның	ор=ну	ол-дур	
AUX=PFV=PP	глаз=PL=POSS.3=GEN	место=ACC	это-PRTCL	
деп	улус=туң	тоолчургу	чугаа=зы	бар
QUOT	люди=GEN	сказочный	речь=POSS.3	есть

‘Что касается [этого] – «место выплаканных глаз овцы», – говорят, вот такая есть народная легенда.’

В состав аналитической конструкции **[PRON + олурда]** входит глагол *олур*= ‘сидеть’ в форме местного падежа. Эта конструкция имеет также значение выделения, сопряженного с элементом субъективного отношения к высказыванию, характерного для диалога.

(24) *Мен олурумда дыл билир бис деп хей-ле ынчап олур силер, черле силерден артык чеден бир дылды билир амытан мен боор мен – деп-тир* (МЛПТ: 66).

мен	олурумда		дыл	бил=ир	бис	деп	хей=ле
я	D-TOP		язык	знать=PrP	мы	QUOT	существо=PRTCL
ынчап	олур	силер	черле	силер=ден	артык	чеден	бир
так	сидеть	вы	все же	вы=ABL	лучше	семьдесят	один
дыл=ды		бил=ир		амытан	мен	боор	мен деп-тир
язык=ACC		знать=PrP		живое.существо	я	PRTCL	я QUOT-PRTCL

‘Что касается меня (букв.: при мне), зря вы говорите, что знаете языки, я все же существо лучше вас, я знаю семьдесят один язык – сказала.’

Двухкомпонентные АК с глаголами *де*= ‘говорить’, *бол*= ‘быть’, *олур*= ‘сидеть’ представляют собой грамматикализованный маркер темы высказывания. Лексемы *дээрге*, *олурда*, *болза* (ср. турецкое *болса*, отмеченное в [Дмитриев 1962: 407]) в их составе выполняют функцию выделительной частицы. Они используются в предложениях, имеющих специальную коммуникативную направленность.

Трехкомпонентная АК **[Tv=п каарым болза]** выражает также стремление сосредоточить внимание на чем-либо. Морфологическую базу данной конструкции составляют: знаменательный глагол в форме деепричастия на =*п*; *каарым* – причастие настояще-будущего времени на =*ар* от вспомогательного глагола *каг*= ‘оставлять, класть’, выражающего законченность действия; =*ым* – показатель 1-го лица.

(25) *Ам силерден дилеп каарым болза, фактыларны эки-ле хынап көрүңер* (ДС: 10).

ам	силер=ден	диле=п	ка=ар=ым	болза
сейчас	вы=ABL	просить=CV	AUX=PrP=POSS.1SG	D-TOP
факты=лар=ны	эки-ле	хына=п	көр=үңер	
факт=PL=ACC	хорошо-PRTCL	проверять=CV	AUX=HON	

‘К вам просьба (букв.: что касается спросить, если спросить), хорошо проверьте факты.’

(26) *Анаа силерге баш удур сагындырып каарым болза, бо черниң дарга-бошкаларынга кижи бүзүреп болбаан, кончуг авыяастыг улус эвеспе* (ДС: 20).

анаа	силер=ге	баш	удур	сагын=дыр=ып	ка=ар=ым	
просто	вы=DAT	голова	против	предупреждать=CAUS=CV	AUX=PrP=POSS.1SG	
болза	бо	чер=ниң	дарга-бошка=лар=ы=н=га		кижи	
D-TOP	этот	место=GEN	начальник=PL=POSS.3=INFIX=DAT		человек	
бүзүре=п	бол=ба=ан	кончуг	авыяас=тыг	улус	эвеспе	
верить=CV	AUX=NEG=PP	очень	притворство=POSSV	люди	PRTCL	

‘Просто вас заблаговременно предупреждаю (букв.: если предупредить), начальники этой местности очень хитрые, никак нельзя доверять.’

(27) *Хамыктың мурнунда айтып каарым болза демдеглелдерниң, бижиттинген стили арай каңдайзымаар-даа болза утказы ханы, харын-даа болза утказы ханы, харын-даа чамдык черлери эртем ажылынга чоокшулай бээр аян бар-дыр* (ДС: 68).

хамыктың.мурнунда	айты=п	ка=а=рым	болза		
прежде.всего	указывать=CV	AUX=PrP=POSS.1SG	D-TOP		
бижи=т=тин=ген	стили	арай	каңдай=зымаар-даа		
писать=CAUS=RFL=PP	стиль	немного	неуклюжий=DEM-PRTCL		
болза	демдеглел=дер=ниң	утка=зы	ханы	харын-даа	
хотя	заметка=PL=GEN	содержание=POSS.3	глубокий	но	
болза	утказы	ханы	харын-даа	чамдык	
даже	содержание=POSS.3	глубокий	но	некоторые	
чер=лер=и	эртем	ажыл=ы=н=га			
место=PL=POSS.3	наука	работа=POSS.3=INFIX=DAT			
чоокшула=й	бээр	аян	бар-дыр		
приближаться=CV	AUX	внешний облик	иметься-PRTCL		

‘Прежде всего, указываю (букв.: если указать), что хотя стиль заметок и несколько шероховат, но содержание глубокое, даже в некоторых местах приближается к научной работе.’

В составе этой конструкции компонент *болза*, как и в двухкомпонентной конструкции, выступает как частица. Она также выделяет предшествующую тематическую часть высказывания и придает сказуемому модальный оттенок желательности: *Ам силерден дилеп каарым болза* ‘Я хочу вас попросить’. В качестве знаменательного компонента этой конструкции используются глаголы с семантикой ‘просить’, ‘предупреждать’, ‘указывать’. Поскольку просьба исходит от 1-го лица, аналитическая глагольная форма принимает соответствующие показатели.

Специфика этой конструкции в том, что *болза*, оформляя готовый аналитический двухкомпонентный глагольный комплекс *Tv=п каарым*, формально остается за его пределами, и поэтому показателей грамматического лица не получает. Это обстоятельство также позволяет нам говорить о грамматическом статусе слова *болза* в конструкциях, построенных по рассматриваемой схеме, как о тематической частице.

После *болза*, третьего компонента в этой цепочке, следует информативная часть предложения – предикативная единица, акцентированная предыдущим аналитическим комплексом.

Итак, все многообразие рассмотренных средств выражения актуализации темы высказывания служит достижению одной стратегической цели – коммуникативному выделению диалогического дискурса. Грамматикализованные конструкции используются в функции введения темы. При грамматикализации формально главная часть, занятая местоимениями, вспомогательными глаголами и другими служебными словами, образовала вместе с формально зависимой частью новую структуру, служащую для выражения модально-аспектуально-темпоральных характеристик глагола (финитного сказуемого).

1.1.4. Соотношение синтетических и аналитических финитных и инфинитных конструкций сказуемого в тувинском языке

На примере романа К. К. Кудажы «Уйгу чок Улуг-Хем» (Кызыл 2002) проводится квантитативный анализ синтаксической сложности тувинских текстов. Материалом послужили 2023 примера, полученные методом сплошной выборки, в которых употребляются разные типы финитного и инфинитного сказуемого – простого и аналитического.

Анализируемый дискурс характеризуется преобладанием инфинитных форм, используемых в финитной функции: причастий в неаналитических сказуемых и деепричастий в роли первого компонента аналитических сказуемых.

Доля неаналитического сказуемого составила 929 примеров. Из них финитное оформление сказуемого в 642 примерах. На инфинитное сказуемое приходится 287 примеров.

Аналитическое сказуемое представлено в 1094 примерах. В их числе финитное сказуемое составляет 820 примеров. Инфинитное сказуемое – в 274 примерах.

В блоке неаналитического сказуемого основная масса примеров приходится на финитные сказуемые в форме прошедшего времени на *=ган*: всего 386 примеров. Значительно меньше случаев выражения финитного предиката формой будущего времени на *=ар*: 109 примеров. Оформление финитного сказуемого показателем отрицания *=ба=* составляет: 83 примера – форма *=баан* и 18 – форма *=бас*.

Употребление финитного сказуемого в форме прошедшего категорического времени на *=ды* отмечено в 21 примере. Менее чем по 10 примеров приходится на каждую из перечисленных форм: *бышаан*, *=гыже*, *=пайн* и некоторые другие.

Инфинитные сказуемые преимущественно имеют форму деепричастия на *=гаш* (109 примеров) и на *=п* (60 примеров).

Значительную долю составляют случаи употребления причастно-падежных форм инфинитного сказуемого: форма на *=арга* – 41 пример и форма на *=ганда* – 11 примеров.

Гораздо меньше случаев выражения инфинитного сказуемого формой причастия прошедшего времени на *=ган* (13 примеров), будущего времени на *=ар* (10 примеров), деепричастия на *=пайн* (8), деепричастия на *=а* (6) и т. д.

В блоке аналитического сказуемого представлены АК с первым деепричастным компонентом и АК с первым причастным компонентом.

Деепричастные АК финитного сказуемого составляют 697 примеров. Среди деепричастий, оформляющих первый компонент АК, лидирует деепричастие на *=п* (545 примеров), на втором месте деепричастие на *=а* (133 примера). Реже употребляется форма на *=пайн* (13 примеров). Единичны случаи употребления деепричастий на *=гаш* и на *=бышаан*.

Вторым компонентом деепричастных АК выступает вспомогательный глагол преимущественно в форме прошедшего времени на *=ган* (334 примера). Наиболее употребительны в этой функции 10 вспомогательных глаголов: *тур=* ‘стоять’ – (67 примеров), *кел=* ‘приходить’ (63 примера), *ал=* ‘брать’ (49 примеров), *каг=* ‘оставлять, класть’, (42 примера), *чор=* ‘идти’ (34 примера), *олур=* ‘сидеть’ (34 примера), *кал=* ‘оставлять’ (26 примеров), *чыт=* ‘лежать’ (19 примеров). На вспомогательные глаголы *бер=* ‘давать’ и *бар=* ‘уходить’ приходится по 9 примеров на каждый глагол.

Причастные АК финитного сказуемого составляют 123 примера. В проведенном ранее исследовании ПАК нами установлено, что первый компонент преимущественно употребляется в форме причастия прошедшего времени на *=ган* и вспомогательные глаголы не принимают показатель отрицания [Шамина, Ондар 2003: 61–62].

Инфинитные деепричастные АК составили 166 примеров. Значительную часть примеров представляют АК сказуемого, первым компонентом которого выступает знаменательный глагол в форме деепричастия на *=п*, а вспомогательный глагол имеет форму деепричастия на *=гаш* (62 примера). Большая доля примеров приходится на АК сказуемого с деепричастием на *=п* или на *=а* у первого компонента и вспомогательного глагола в причастно-падежной форме (47 примеров). АК сказуемого, в которых первый компонент имеет форму деепричастии на *=п* или на *=а*, а второй – форму прошедшего времени на *=ган* представлены 26 примерами.

Инфинитные причастные АК составили 108 примеров. Это преимущественно причастно-послеложные формы сказуемого (71 пример). Остальные примеры распределяются между формой на *=са* и некоторыми модальными частицами, оформляющими второй компонент АК.

Выбор между финитным и нефинитным оформлением сказуемого определяется дискурсивной семантикой. Финитное оформление сказуемого предполагает последовательное изложение событий, протекающих во времени и пространстве.

1) Финитные сказуемые.

В предложениях, описывающих события, находящиеся в отношениях временной последовательности, используются неаналитические формы на *=ган =ар*, *=ды*, *=бышаан*. Предпочтение отдается форме претерита на *=ган*.

(28) *Шыкта көк шымырарган* (К.кт: 3).

шык=та	көк	шымырар=ган
луг=LOC	зеленый	всходить=PP

‘На лугу зеленая [трава] взошла.’

(29) *Келген санында бир-ле чугаа эккээр* (К.кт: 17).

кел=ген	санында	бир-ле	чугаа	эккэ=эр
приходить=PP	POSTP	какой-то	разговор	приносить=PrP

‘Пришедшие какой-то разговор принесут.’

(30) *Маңгыр чейзеңниг кезек борта көзүлбеди* (К.кт: 15).

Маңгыр	чейзең=ниг	кезек	борта	көз=үл=бе=ди
Мангыр	чейзен=POSSV	группа	здесь	показывать=CAUS=NEG=PAST$_{fin}$

‘Группа Мангыр-чейзена здесь не показалась.’

(31) *Бажың ам-даа кыппышаан* (К.кт: 24).

бажың	ам-даа	кып=пышаан
дом	все=еще	гореть=CV

‘Дом все еще догорал.’

АК с деепричастным оформлением первого компонента в функции финитного сказуемого являются преимущественным средством организации повествовательных предложений.

(32) *Дагыр хүндү база чейзеңге улажып каан* (К.кт: 13).

Дагыр	хүндү	база	чейзең=ге	улаж=ып	ка=ан
Дагыр	чиновник	и	чейзен=DAT	продолжать=CV	AUX=PP

‘Дагыр *хунду* и *чейзен* продолжали (разговаривать).’

(33) *Аңгыр-оол үргүлчүлеп төөгүп орган*: (ССА: 12).

Аңгыр-оол	үргүлчүле=п	төөгү=п	ор=ган
Ангыр-оол	продолжать=CV	рассказывать=CV	AUX=PP

‘Аңгыр-оол продолжал рассказывать.’

(34) *Дагларның*, *шөлдерниң хары эрип калган* (К.кт:3).

даг=лар=ның	шөл=дер=ниң	хар=ы	эри=п	кал=ган
гора=PL=GEN	поле=PL=GEN	снег=POSS.3	таять=CV	AUX=PP

‘В горах, полях снег растаял.’

(35) *Оларга ам кым-даа дыңны албас* (К.кт: 68).

олар=га	ам	кым=даа	дың=н=ы	ал=бас
они=DAT	сейчас	никто=PRTCL	осилить=CAUS=CV	AUX=NEGPrP

‘Сейчас к ним никто не сможет придраться (осилить).’

Причастные АК в количественном отношении уступают деепричастным: их доля в выражении финитного сказуемого невелика.

(36) *Чүнү канчаар боор*, *ам чүгле бажыңның төндүр кыварын манаары арткан* (К.кт: 13).

чүнү	канчаар	боор	ам
PRTCL.что	как.сделать	MODPRTCL	сейчас
чүгле	бажың=ның	төн=дүр	
только	дом=GEN	заканчивать=CAUS	
кыв=ар=ын	мана=ар=ы	арт=кан	
гореть=PrP=ACC	ждать=PrP=POSS.3	оставаться=PP	

‘Что же сделаешь, сейчас только осталось ждать, когда дом закончит гореть.’

(37) *Харыы орнунга соскарны туткан эрлер чүгле өскээр көрнүр болган* (К.кт: 12).

харыы	орн=у=н=га		Соскар=ны	тут=кан
ответ	вместо=POSS.3=INFIX=DAT		Соскар=ACC	держать=PP
эр=лер	чүгле	өскээр	көр=н=үр	бол=ган
мужчина=PL	только	в сторону	смотреть=RFL=PrP	AUX=PP

‘Вместо ответа мужчины, державшие Соскара, посмотрели в сторону.’

(38) *Маңгыр чейзең чүнү-даа ыыттавайн*, *мойнаа кыза берген олурган* (К.кт: 17).

Маңгыр	чейзең	чүнү=даа	ыытта=вайн
Мангыр	чейзен	ничего=PRTCL	говорить=NEGCV
мойна=а	кыз=а	бер=ген	олур=ган
шея=DAT	краснеть=CV	AUX=PP	AUX=PP

‘Мангыр чейзен ничего не говорил, шея покраснела.’

(39) *Ол чалчаларын аажок эттээр чораан* (СШ: 15).

ол	чалча=лар=ы=н	аажок	эттэ=эр	чора=ан
он	батрак=PL=POSS.3=ACC	очень	бить=PrP	AUX.идти=PP

‘Он своих батраков сильно бил.’

(40) *Силер мени кичээнгейлиг дыңнап көрүңер аңар: хей будулбайн*, *сагыжыңарга кирер кижиден сураглаңар* (ССА: 236).

силер	мен=и	кичээнгейлиг	дыңна=п	көр=үңер
вы	я=ACC	внимательно	слушать=CV	смотреть=IMPER.2PL
аңар	хей	будул=байн		сагыж=ыңар=га
PRTCL	напрасный	сбиваться=NEGCV		мысль=POSS.2PL=DAT
кир=ер	кижи=ден	сурагла=ңар		
входить=PrP ч	человек=ABL	искать=PrP.2PL		

‘Вы меня внимательно послушайте: вы, понапрасну себя с толку не сбивая, себе подходящего человека найдите.’

В последнем примере две самостоятельные ПЕ, финитное оформление имеют оба сказуемых.

2) Инфинитные сказуемые. Инфинитная организация сказуемого предполагает, хотя и не строго обязательно, каузальную связь одного события с последующим.

Среди неаналитических сказуемых на первом месте в процентном отношении стоят деепричастия на *=гаш* и на *=п*.

(41) *Бажым улуг болгаш*, *чая бээр – кайнаар-ла эглир-дир мен*, *ол үүнче чуглу бээр аан* (ССА: 10).

баж=ым	улуг	болгаш	чая
голова=POSS.1SG	большой	из=за	качать.CV
бээр	кайнаар-ла	эг=л=ир-дир	мен
AUX.PrP	куда-угодно	гнуться=CAUS=PrP-PRTCL	я
ол.үүнче	чуг=л=у	бэ=эр	аан
тот	катиться=RFL=CV	AUX.PrP	PRTCL

‘Из-за того что голова у меня большая, перетягивает: куда качнется, туда и повалишься.’

(42) *Орустар өттүнерге*, *ындыг-ла болгай* (К.кт: 13).

орус=тар	өттүн=ер=ге	ындыг=ла	болгай
русский=PL	подражать=PrP=DAT	так=PRTCL	ведь.MODPRTCL

‘Так как русским подражают, так (и бывает) ведь.’

АК с деепричастным первым компонентом являются основным средством организации инфинитного сказуемого.

(43) *Буянны көрүп кааш*, *Кежикмаа кадай ыыт чокка-ла ыглай берген* (К.кт: 13).

Буян=ны	көр=үп	ка=аш	Кежикмаа
Буян=ACC	смотреть=CV	AUX=CV	Кежикмаа
кадай ыыт	чокка=ла	ыгла=й	бер=ген
старая голос	без=PRTCL	плакать=CV	AUX=PP

‘Увидев Буяна, старая Кежикмаа беззвучно заплакала.’

(44) *Буянны көрүп кааш*, *Чудурукпай база аазадып калган* (К.кт: 366).

Буян=ны	көр=үп	ка=аш	Чудурукпай	база
Буян=ACC	смотреть=CV	AUX=CV	Чудурукпай	тоже
ааза=д=ып	кал=ган			
разевать=CAUS=CV	AUX=PP			

‘Увидев Буяна, Чудурукпай тоже разинул было рот.’

(45) *Дииң будукка ызырнып чоруй*, *черже аары шымбай пет дээн* (СС, ЧЧ: 19).

дииң	будук=ка	ызыр=н=ып	чору=й	чер=же
белка	ветка=DAT	держаться=RFL=CV	AUX:идти=CV	земля=LAT
аары	шымбай	пет	дэ=эн	
тяжело	довольно	PREV	шлепнуть.ONOMAT=PP	

‘Белка, еле держась на ветке, довольно тяжело шлепнулась на землю.’

(46) *Эр түрүн тыртып алгаш*, *кадайынга Сүлдем ашак базала ынчаар чугаалаан* (К.кт: 24).

эр	түр=ү=н	тырт=ып	
мужчина	выражение лица=POSS.3=ACC	тянуть=CV	
ал=гаш	кадай=ын=га	Сүлдем	ашак
AUX=CV	жена=POSS.3=DAT	Сюльдем	старик
базала	ынчаар	чугаала=ан	
также	таким образом	сказать=PP	

‘Мужчина, изменив выражение лица, жене старика Сюльдем так сказал.’

Причастные АК в роли инфинитного сказуемого используются реже деепричастных.

(47) *Үргүлчү мал аразынга өскен болгаш*, *бичиизинден-не мал-маганга эптиидаа, ынаа-даа кончуг* (КБ: 94–104).

үргүлчү	мал	аразынга	өс=кен
постоянно	скот	между	расти=PP
болгаш	бичии=зи=н=ден=не		
POSTP:из.за	маленький=POSS.3=INFIX=ABL=PRTCL		
мал=маган=га	эптии=даа	ынаа=даа	кончуг
скот=DAT	всегда=PRTCL	любимый=PRTCL	очень

‘Из-за того, что он рос среди скота, он очень любит скот.’

(48) *Эрткен кыжын чыннып аар дээш*, *орук ара кире дүштүм* (К.кт: 17).

эрт=кен	кыж=ын	чынны=п	аар
проходить=PP	зима=ACC	согреться.RFL=CV	AUX.PrP
дээш	орук.ара	кир=е	дүш=тү=м
POSTP:чтобы	на полпути	входить=CV	AUX=PAST$_{fin}$=PERS.1SG

‘Проезжал зимой, на полпути заехал к нему, чтобы согреться.’

(49) *Бүдүн сараат сиген кыпкан соонда*, *өрт калчаарап барган* (К.кт: 13).

бүдүн	сараат	сиген	кып=кан	соо=н=да
целый	стог	трава	гореть=PP	конец=INFIX=LOC
өрт	калчаара=п		бар=ган	
пожар	бесноваться=CV		AUX.идти=PP	

‘После того как целый стог сена сгорел, пожар усилился.’

В данной выборке примеров вспомогательный глагол чаще всего принимает форму прошедшего времени на *=ган* (38 единиц). Большая часть примеров АК причастного сказуемого представляет собой сочетание причастий с различными модальными формами, частицами и послелогами (70 примеров).

Таким образом, установлено, что среди нефинитных форм самой частотной является форма деепричастия на *=п*, которая употребляется не только для выражения предиката повествовательного предложения, но и для образования аналитических глагольных форм с грамматикализованными и полуграм-

матикализованными вспомогательными глаголами, обозначающими способы глагольного действия. Между такими АК, где два глагола обозначают одно событие, и употреблениями деепричастий в повествоательных предложениях нет жесткой границы.

Деепричастные формы передают тесные семантические отношения между дискурсивными единицами, подчеркивая, что эти отношения носят не только временной, но и каузальный характер [Шамина 1987: 91].

Преобладание финитного оформления предиката над инфинитным можно объяснить требованием структуры текста и семантикой описываемых событий в нем. Выбор финитной или деепричастной формы предиката обусловлен характером связи данного события с последующим.

Финитное оформление предиката является немаркированным и означает отсутствие каузальной связи. Инфинитное оформление маркировано и предполагает не только временную, но и каузальную связь с последующим событием.

1.2. Диктум-диктумные полипредикативные конструкции

Диктум-диктумные БПК передают временные отношения, каузальные, компаративные отношения между событиями. Эти семантические типы БПК формируют подсистему обстоятельственных конструкций. Семантика таких БПК выражается причастно-падежной формой сказуемого ЗПЕ и не зависит от строения и лексического наполнения главной ПЕ.

Важной особенностью диктум-диктумных БПК тувинского языка по сравнению с модус-диктумными является строение предикативного узла ЗПЕ. Подлежащее здесь выражается формой номинатива, сказуемое получает обязательное личное оформление лично-финитного типа спряжения, т. е. с нулевым показателем в 3-м лице.

1.2.1. Структурные типы диктум-диктумных бипредикативных конструкций

Важнейшие структурные особенности ПЕ, построенных по принципу зависимой предикации, заключаются в том, что в роли сказуемого здесь используются инфинитные формы глагола.

Сказуемое ЗПЕ может быть выражено как простыми инфинитными формами, так и АК: сочетанием либо причастия в форме одного из косвенных падежей с послелогами или в форме неопределенного или родительного падежа со служебными именами; либо деепричастия с вспомогательными глаголами в соответствующих грамматических формах.

Вспомогательные глаголы в составе АК инфинитного сказуемого используются редко и в меньшем количестве, нежели в АК финитного сказуемого.

Самыми частотными в АК сказуемого ЗПЕ оказались следующие вспомогательные глаголы:

1) вспомогательный глагол *тур=* как наиболее семантически свободный в рамках аналитической конструкции от своего лексического значения ‘стоять’ и обладающий наиболее абстрактным значением, допускающим сочетания с широким кругом полнозначных глаголов. Он выражает длительность действия;

2) глагол *бер=* ‘давать’, выражающий завершенность. Оба глагола встречаются во всех семантических типах БПК как в ГПЕ, так и в ЗПЕ;

3) вспомогательный глагол *каг=* ‘класть’ обслуживает преимущественно сферу ГПЕ. В условных и уступительных БПК этот глагол не употребляется.

Из 31 глагола в составе зависимого сказуемого темпоральных и причинных БПК задействованы семь-восемь глаголов. В уступительных конструкциях вспомогательные глаголы в составе сказуемого ЗПЕ не употребляются. Здесь АК строятся с активным участием частиц *-даа*, *эртип*.

В конструкциях темпоральной семантики сказуемое ЗПЕ редко выражается БВК. В определительных же БПК соотношение БВК в обеих частях примерно равное. Самый частотный здесь также глагол *тур=*.

Глаголы с семантикой недлительного (мгновенного, точечного) действия, модальной семантики появляются в позиции зависимого сказуемого значительно реже (и не во всех семантических типах БПК), чем в составе финитного сказуемого.

Центр системы диктум-диктумных БПК составляют причастно-падежные конструкции, выражающие отношения событий во времени. На базе этих форм формировались специальные синтаксические конструкции, выражающие отношения обусловленности: причинно-следственные, условные, уступительные.

Падеж, чаще других передающий в тувинском соотнесенность событий во времени, – это местный с показателем *=да*. Эту падежную форму принимают все три причастия. Семантика этого падежа – в данном его использовании – общая временная соотнесенность, которая в конкретных фразах уточняется в зависимости от грамматических форм сказуемых главной и зависимой ПЕ и от лексического состава фраз.

Кроме местного падежа, временная соотнесенность событий может передаваться дательным падежом *=га*. Эту форму принимает только одно причастие на *=ар*.

С выражением следования, причины, цели связан творительный падеж с показателем *-биле*.

Исходный падеж с показателем *=дан* используется крайне редко. Гораздо шире его употребление в причастно-послеложных конструкциях, в которых участвуют послелоги *аңгыда* ‘кроме’, *бээр* ‘с тех пор’, *өске* ‘кроме’, *кадына* ‘кроме’. Возможен он также в конструкциях причинной семантики и в конструкциях, выражающих отношения сравнительно-сопоставительного типа.

1.2.2. Семантические типы диктум-диктумных полипредикативных конструкций

1. Темпоральные БПК. Значение одновременности, предшествования и следования – это основные грамматические значения, которые в тувинском языке передаются средствами БПК с ЗПЕ времени.

Эти основные значения расщепляются на несколько более конкретных, частных значений, которые получают выражение с помощью определенных синтаксических конструкций. Так, значения следования и предшествования членятся одинаковым образом: выделяются значения общего следования и общего предшествования, близкого следования и близкого предшествования. Одновременность членится на два частных значения: на общую и ограничительную одновременность.

Каждая БПК характеризуется прежде всего своими формальными показателями связи ЗПЕ с главной ПЕ. ЗПЕ времени связываются с ГПЕ с помощью показателей падежей. Показатели местного и дательного падежей в системе выражения временных отношений играют важную роль, показатель исходного выступает только в сопровождении послелогов.

Послелоги – второй важнейший способ выражения временных отношений в тувинском сложном предложении. Некоторые послелоги следуют за падежно неоформленной (внепадежной) формой глагольного компонента зависимого сказуемого (*билек*, *орта*, *санында*), другие – за формами исходного (*бээр*) или дательного (*чедир*) падежа. Служебные имена, кроме того, могут употребляться с формами родительного падежа причастия.

Третий способ выражения связи частей временных сложных предложений – это формы косвенных наклонений – условного на *=са* / *=за* и предельного на *=гыже*, а также деепричастные показатели *=гаш*, *=кала*, *=гыже*, *=пайн*, *=пышаан*, *=п*.

Временные отношения уточняются, конкретизируются, подчеркиваются с помощью служебных слов: это усилительная частица *-ла*, слово *кажан* ‘когда’.

Арсенал этих средств весьма значителен, и с его помощью можно выразить богатое разнообразие синтаксических смыслов. Аналитические элементы всегда выступают в составе комплексных форм, в единстве с морфологическими показателями. Аналитических, т. е. союзных, конструкций в системе временных БПК в тувинском языке нет.

Проведенное исследование показало, что существует связь между типом формальной организации сложного предложения темпоральной семантики и характером синтаксической семантики этого предложения. Важная закономерность состоит в том, что чем проще формальное устройство конструкции, тем более разнообразное содержание она позволяет выразить, поскольку большую роль играет аспектуальная характеристика протекания действия главной и зависимой ПЕ. Многозначность присуща формально наиболее простым и самым употребительным моделям сложных предложений временной семантики. Таких моделей немного – всего шесть.

Самыми частотными являются БПК, сказуемое ЗПЕ которых выражено причастием будущего на *=ар* в форме дательного и местного падежей, а также в форме причастия прошедшего времени в местном падеже.

Многозначны БПК со сказуемым ЗПЕ в форме на *=са* / *=за*. Основное назначение этой формы – функция сказуемого ЗПЕ в БПК условия. Но это не единственная ее функция. Форма на *=са* появляется и в уступительных ЗПЕ (осложняясь частицей *-даа*), и в причинных, и во временных. Но где бы она ни появилась, условный компонент смысла присутствует в ней всегда. Этим и объясняется место конструкций с формой на *=са* в рассматриваемой системе основных многозначных моделей временных БПК.

Специфическая семантика БПК с формой на *Tv=гыже* состоит в том, что событие, выраженное ЗПЕ, предстает как предел, за который не переходит событие ГПЕ. Многозначной же эта конструкция является потому, что в зависимости от разных аспектуальных характеристик протекания действий, как зависимого, так и главного, этот предел может пониматься как односторонний (как ограничение действия, события «впереди», в перспективе его протекания) или двусторонний (своего рода «рамка», как ограничение главного события в его начале и в конце).

Многозначна также конструкция, в которой сказуемое ЗПЕ принимает форму на *=галак* / *=та*. Каритивная глагольно-причастная форма на *=галак* обозначает действие, которое еще не совершилось, но вот-вот должно совершиться. Она широко представлена в тюркских языках Сибири и в киргизском. В каждом языке она имеет свои оттенки. В тувинском форма на *=галак* понимается, скорее, как будущее время, т. е. более значимым оказывается второй компонент ее семантики – «вот-вот наступит». Аффикс местного падежа и в этом случае выражает временную соотнесенность этого еще не совершившегося, но ожидаемого события с другим, названным ГПЕ. Двойственность семантики самой формы на *=галак* неизбежно влечет за собой и двойственность, неоднозначность тех временных отношений, которые связывают ее с другим событием. Эти конструкции выражают, с одной стороны, одновременность того момента, когда данное событие еще ожидается (но не произошло), и события ГПЕ. С другой стороны, в них заключено значение предшествования события ГПЕ этому событию, когда оно действительно произойдет.

2. Каузальные БПК. Причинные БПК формируются разными способами. Простейшим из них являются синтетические конструкции с предикатами ЗПЕ в разных падежных формах:

– в форме исходного падежа:

(50) *Вера уруглар эмчизи болуру өске кандыг-бир эмчи болурундан эңне таарымчалыг тускай эртем дээш шилип алган* (Анк.).

Вера	руг=лар	эмчи=зи	бол=ур=у	өске	кандыг бир
Вера	ребенок=PL	врач=POSS.3	быть=PrP=CV	другой	какой-нибудь
эмчи	бол=ур=ун=дан	эң=не	таарымча=лыг		
врач	быть=PrP=CAUS=ABL	самый=PRTCL	удобство=POSV		

тускай эртем дээш шили=п ал=ган
особый знание POSTP выбирать=CV AUX.брать=PP
‘Вера решила быть педиатром, так как это более удобная специальность, чем другие.’

БПК причинной зависимости базируются на объективной связи двух явлений, одно из которых позволяет совершиться другому. Главная и зависимая ПЕ представляют два диктумных события. Манифестируют эти БПК конструкции синтетического и аналитического типа со сказуемым ЗПЕ, выраженным причастием прошедшего времени на *=ган* в исходном падеже: *=ган* / *=дан*; причастно-послеложными конструкциями *=ган ужурунда* / *=дан*, *=ган ужун*, *=ар боорга*; союзами *болгаш*, *чүге дээрге*, *чүге дизе*.

(51) *Уйгур дыл тыва дылдан шоолуг ылгал чок болганындан үш хуурак барык-ла хостуг чугаалажыр болган* (Анк.).
уйгур дыл тыва дыл=дан шоолуг ылгал чок
уйгур язык тыва язык=ABL мало разница нет
бол=ган=ы=н=дан үш хуурак барык-ла
быть=PP=POSS.3=INFIX=ABL три послушник почти-PRTCL
хостуг чугаала=ж=ыр бол=ган
свободный говорить=RECIP=PrP AUX.быть=PP
‘Так как уйгурский язык мало отличается от тувинского, три послушника почти свободно говорили.’

– в форме дательного падежа:

(52) *Силерниң дөгереңерниң каң-кадык болганыңарга хөлчок өөүп тур бис* (Анк.).
силер=ниң дөгере=ңер=ниң каң-кадык
вы=GEN все=PL2=GEN совершенно здоровый
бол=ган=ыңар=га хөлчок өөрү=п тур бис
быть=PP=2PL=DAT очень радоваться=CV AUX.стоять мы
‘Тому, что вы живы-здоровы, мы очень рады.’

Отношения стимула (ЗПЕ) и эмоциональной реакции (ГПЕ) также предполагают, что субъектом главной части является человек – субъект эмоций. Событие ЗПЕ представляет эмоцию субъекта, которая становится причиной-стимулом его поступка.

(53) *Чөптанчыг чараш өөрлеривисти камгалаанывыска аажок-ла сагыжывыс өөрдү* (Аялга: 107).
чөптанчыг чараш өөр=лер=ивис=ти
милый хороший друзья=PL=POSS.1PL=ACC
камгала=ан=ывыс=ка аажок-ла сагыж=ывыс өөр=дү
защищать=PP=1PL=DAT очень-PRTCL душа=1PL радовать=PAST$_{fin}$
‘Тому, что мы защищали милых, хороших друзей, душа наша радовалась.’

– в форме местного падежа:

(54) *Совхозтуң агар санында акша-хөреңги чок чүве болганда*, *банк чүгле кывар-чаар чүүл*, *артык кезектер садып алырынга*, *ажылчыннарның акша–шалыңын төлээринге чээли берип турар мындыг* (Анк.).

совхоз=туң агар сан=ы=н=да
совхоз=GEN текущий счет=POSS.3=INFIX=LOC
акша-хөреңги чок чүве болганда банк чүгле кывар-чаар
денежные средства нет вещь CONJ.раз банк только горючее
чүүл артык кезек=тер сады=п ал=ыр=ы=н=га
статья более группа=PL продавать=CV брать=PrP=POSS.3=INFIX=DAT
ажылчын=нар=ның акша-шалың=ын төлэ=эр=и=н=ге
работник=PL=GEN деньги-зарплата=ACC платить=PrP=POSS.3=INFIX=DAT
чээли бер=ип тур=ар мындыг
ссуда давать=CV AUX=PrP такой

‘Раз нет денег на счете совхоза, банк дает кредит только на горючее, запчасти, зарплату работников.’

– в форме творительного падежа:

(55) *Үр үе иштинде шай-даа*, *сүт-даа*, *хойтпак-даа ишпээни-биле аштааш*, *пат боорда тендиирип чоруур улус-тур*, *билдиң бе*? (СТ: 12).

үр үе иштинде шай-даа сүт-даа хойтпак-даа
много время внутри чай.PRTCL молоко.PRTCL хойтпак.PRTCL
иш=пэ=эн=и-биле аштa=аш пат боорда тендиир=ип
пить=NEG=PP=POSS.3-POSTP голодать=CV еле-еле шататься
чору=ур улус-тур бил=ди=ң бе
AUX.идти=PrP люди-MOD смотреть=PAST$_{fin}$=2SG PRTCL

‘Оттого что долгое время ни чая, ни молока, ни хойтпака не пили, изголодались, еле-еле плетемся мы, понимаешь?’

Формально несколько более сложными являются аналитико-синтетические падежно-послеложные конструкции. Из них простейшую представляет сочетание послелога *ужун* с падежно неоформленным причастием прошедшего времени на *=ган* или причастием, оформленным родительным падежом.

(56) *Бистиң-биле сээң чорбааның ужун*, *бактажып алдывыс* (Анк.).

бис=тиң-биле сээң чор=ба=ан=ың
мы=GEN-с ты.GEN идти=NEG=PP=2SG
ужун бакта=ж=ып ал=ды=выс
из-за ссориться=RECIP=CV брать= PAST$_{fin}$=1PL

‘Из-за того, что ты не пошел с нами, мы поссорились.’

Прототипическим для БПК со сказуемым ЗПЕ, выраженным сочетанием причастных форм (в номинативе) с послелогом *билек*, является таксисное значение следования. В конструкциях с фоновым таксисом у этой конструкции отмечается значение причины и цели.

(57) *Хүн үнери билек*, *бис ажылдай берген бис* (ТРС 1968: 103).

хүн	үн=ер=и	билек	бис
солнце	всходить=PrP=POSS.3	POSTP	мы
ажылда=й	бер=ген		бис
работать=CV	AUX.давать=PP		мы

‘Мы начали работу, как только взошло солнце.’

3. Целевые БПК. С причинными отношениями формально и содержательно тесно связаны целевые. Целевые БПК рассматриваются как специфическая разновидность причинных, обусловленная тем, что человек как субъект сознания проецирует возможные ситуации в будущем и ставит перед собой цель, которая каузирует его действия, направленные к ее достижению.

Это ожидаемый и желаемый для говорящего результат тех действий, которые уже есть или были, или должны быть произведены в будущем. Это та же причина, которая из будущего «управляет» сознательными действиями лиц, стремящихся к ее достижению. В основе причинных и целевых отношений лежит общий смысл «оправдание некоторой ситуации» [Рахилина 1989: 47].

Целевые отношения нередко передаются теми же формальными средствами, что и причинные: с помощью послелогов (тув.: *ужун*, *дээш*, *төлээде*), падежного форманта *-биле*, но с использованием причастных форм не прошедшего (как в причине), а будущего времени, последние представляют моносубъектные конструкции «супинного типа» и составляют особый функциональный тип конструкций с целевым инфинитивом.

В тувинском языке используется три основных способа выражения целевых отношений. Чаще всего употребляется целевая конструкция, в которой предикат ЗПЕ, представляющей цель, выступает в форме инфинитива на *=ар=ы-биле*.

Второй тип целевых конструкций – аналитико-синтетический. В этом случае предикат целевой зависимой ПЕ – причастие будущего времени на *=ар* или на *ган=* (реже) с послелогом *ужун*. По этой модели строятся преимущественно разносубъектные БПК. В тувинском – это конструкции с послелогами *дээш* и *төлээде*.

Третий тип – БПК, ЗПЕ которой присоединяется к ГПЕ посредством служебного слова *деп*, которое завершает эту предикативную единицу со сказуемым в форме побудительно-желательного наклонения. Форма такого зависимого предиката – *=зын деп* (*=айн* / *зын деп*).

Для выражения цели используются также инфинитивные конструкции. В тувинском языке целевым инфинитивом можно назвать форму причастия будущего времени *=ар* в творительном падеже с посессивным показателем 3-го л. *=ы* (*=ар* / *-биле*). В главной ПЕ таких БПК – глаголы движения: *кирер* ‘входить’, *чоруур*, *эккээр* ‘привозить’, *олур=*; глаголы метафорического движения в интеллектуальной сфере: *өөредир* ‘учить’, *өөренир* ‘учиться’, формирующие моносубъектные конструкции «супинного типа». Причастие получает обязательное оформление посессивным аффиксом 3-го л. *=ы*.

(58) *Уруглар колхоз садынче яблоктап алыры-биле кире бергеннер* (Анк.).

уруг=лар	колхоз	сад=ын=че	яблок=та=п
мальчик=PL	колхоз	сад=POSS.3=LAT	яблок=VS=CV
ал=ыр=ы-биле		кир=е	бер=ген=нер
брать=PrP=POSS.3-POSTP		входить=CV	AUX.брать=PP=PL3

‘Мальчишки залезли в колхозный сад нарвать яблок.’

Причастие на *=ар* в составе этой формы в значительной мере утрачивает абсолютное временное значение будущего, но сохраняет направленность на предстоящее действие (относительное будущее). Действие, обозначаемое этой формой, предстает как результат действия, названного ГПЕ, которое в момент речи может быть уже совершено, а результат достигнут либо не достигнут. Действие, названное данной формой, предстает как потенциальное, возможное, но не совершенное в действительности. Это очень важная характеристика целевого значения.

Инфинитивные целевые конструкции тувинского языка выражают целевые отношения не формой инфинитива на *=арга* / *=баска*, а причастно-послеложными конструкциями *Tv=ар=// дээш*; *Tv=ар=// төлээде*.

Целевые отношения здесь осмысливаются на базе побудительных и выражаются с помощью побудительно-желательных форм. В этом случае цель предстает как рекомендация совершить то или иное действие. ГПЕ обычно содержит предикат со значением желания или просьбы, целенаправленного действия, а сказуемое зависимой ПЕ принимает форму повелительного наклонения, за которой следует служебное слово *деп* (*дээш*). Такие БПК имеют разносубъектную реализацию (маркер разносубъектной конструкции *=зын*). Внутренняя форма этой конструкции становится прозрачной, если слово *деп* перевести русской частицей *мол*. С учетом первичного значения служебного деепричастия внутреннюю форму такой ЗПЕ можно представить так: «Пусть X сделает, мол».

(59) *Дүне даглар кезивезин деп ону сагындыр* (Анк.).

дүне	даг=лар	кези=ве=зин
ночь	гора=PL	бродить=NEG=IMPER
деп	ону	сагы=н=дыр
QUOT	он.ACC	предупреждать=RFL=CAUS

‘Остереги его, чтобы ночью по горам не ходил (букв.: не ходит пусть он, мол…).’

Среди предложений, построенных по этой модели, преобладают такие, где значение цели в разной мере редуцировано, а на первый план выдвигаются модальные значения намерения, установки на совершение действия, долженствования или желания. Конечно, это связано с семантикой конечных сказуемых – предикатов намерения, желания и т. п.

4. Условные БПК. Условные конструкции (УК) «представляют собой бипредикативную семантическую конструкцию» [Типология 1998: 15]. В УК

выражаются две пропозиции, из которых одна определенным образом зависит от другой. ЗПЕ выражает то действие или состояние, положение дел, которое должно быть достигнуто и которое обусловлено действием, названным в ГПЕ. ЗПЕ, маркированная средством связи, называет стимул, а ГПЕ – итоговое состояние, которое достигается благодаря событию-стимулу.

Показателем связи оформляется ЗПЕ, представляющая обусловливающее событие-стимул, т. е. называющая условие, делающее возможным событие-следствие. Семантическая специфика частей УК отражается разнообразными терминами [Типология 1998: 15], среди которых пара «условие – следствие» используется в данной работе.

1) БПК с семантикой реального условия. УК реального условия характеризуются тем, что в их зависимой части говорится о событии, которое мыслится как реально осуществимое и способное вызвать то следствие, которое названо ГПЕ.

Главным показателем условных отношений является аффикс *=са* (и его фонетические варианты). Этот аффикс может принимать непосредственно глагол (как в простой форме, так и в аналитической), называющий обусловливающее действие, или вспомогательный глагол *бол=* в составе АК, которые используются в позиции сказуемого ЗПЕ условных конструкций.

Так как форма на *=са* не имеет абсолютного временного значения, это значение сообщается ей из главной части, сказуемое которой чаще всего выступает в форме будущего времени или повелительного наклонения. Это значит, что форма на *=са* употребляется преимущественно для выражения условия в будущем и настоящем.

Кроме простой формы на *=са* (от простого глагола или от аналитического с маркированным аспектуальным значением), имеются аналитические временные формы на *=са*. В этом случае таксисное значение выражается причастием основного лексического глагола, а условное передается формой вспомогательного глагола *бол=за* с личным оформлением в 1-м и 2-м лицах и нулевым оформлением в 3-м лице. Причастие принимает форму будущего времени на *=ар* или прошедшего *=ган*.

(60) *Бир эвес ол келир болза*, *ону бис эки хүндүлээр бис* (Анк.).

бир эвес	ол	кел=ир	бол=за	
если	он	приходить=PrP	AUX=COND	
ону	бис	эки	хүндүлэ=эр	бис
он.ACC	мы	хорошо	почитать=PrP	мы

‘Если (когда) он придет, мы его хорошо угостим.’

В позиции знаменательного компонента сказуемого зависимой ПЕ встречаются имена наличия / отсутствия – *бар* / *чок*, качества и количества – *эки*, *хөй*, *эвээш*, имена прилагательные на *=лыг*, имена существительные. Конструкция при этом выражает реальное условие.

Среди непрототипических УК, значение которых осложнено дополнительными семантическими компонентами, выделяем:

1) УК, в которых условное значение совмещается с причинным:

(61) *Таныш болганда*, *киришпейн канчаар* (Сүр: 25).

таныш	болганда	кири=ш=пейн	канчаар
знакомы	раз	входить=RECIP=NEGCV	как

‘Раз знакомы, как же не зайти.’

2) УК, в которых снимается оппозиция между условными и временными отношениями между событиями.

(62) *Хар бичии-ле эрий берзе*, *аңнап кириптер бис* (Анк.).

хар	бичии-ле	эри=й	бер=зе
снег	немного-PRTCL	таять=CV	AUX=COND
аңна=п	кир=ип=тер	бис	
охотиться=CV	идти=PFV=PL	мы	

‘Если (когда) снег немного растает, мы пойдем на охоту.’

В большинстве контекстов причинно-условных конструкций возможна неоднозначная трактовка выражаемых ими отношений не только как причинных и условных, но и как темпоральных (см. также: [Касевич 1998: 286]).

3) УК со сложной семантикой, соединяющей в себе взаимоисключающие значения за счет появления семы «незнания».

(63) *Самовар хайны берген болза*, *аалчыларны столче чала* (Анк.).

самовар	хайн=ы	бер=ген	болза
самовар	кипеть=CV	AUX.давать=PP	если.CONJ
аалчы=лар=ны	стол=че	чала	
гости=PL=ACC	стол=LAT	приглашать.IMPER	

‘Если самовар уже закипел, приглашай гостей к столу.’

АК зависимого сказуемого в форме *=ган бол=за* может передавать более сложную семантику, соединяющую в себе взаимоисключающие значения. Событие, очевидцем которого говорящий не является, могло произойти или не произойти в действительности, но если говорящий не располагает информацией о разрешении альтернативы «случилось или не случилось?», он может использовать условную конструкцию, смысл которой будет правильно понят адресатом речи.

Более четко это значение «незнания» выступает в том случае, если и сказуемое главной части имеет форму на *=са хөңү* ‘может быть, возможно’.

(64) *Дириг-ле болза*, *тыпты бээр ыйнаан* (ШС: 28).

дириг-ле	болза	тып=т=ы
живой-PRTCL	если=CONJ	находиться=CAUS=CV
бэ=эр	ыйнаан	
AUX.давать	PTTCL.наверное	

‘Если живой, найдется, наверное.’

ГПЕ таких предложений носит обычно прогностический характер: в ней высказывается предположение, что произошло (наверное, скорее всего, произошло, могло произойти) в связи с тем, что совершилось обусловливающее событие.

2) БПК с семантикой нереального условия. При выражении нереального условия события главной и зависимой ПЕ ориентированы в план прошлого.

Специфическую разновидность ирреально-условных БПК составляют такие, в которых по смыслу утверждающая ЗПЕ содержит отрицание, в ГПЕ отрицания нет или оно есть.

(65) *Часпаан болзумза*, *улуг олчалыг чанар ийик мен* (Анк.).

час=па=ан	болзу=м=за		улуг
промахнуться=NEG=PP	быть=1SG=COND		большой
олча=лыг	чан=ар	ийик	мен
добыча=POSSV	идти домой=PrP	PRTCL	я

‘Если бы я не промахнулся, то вернулся бы домой с большой добычей.’

(66) *Бир эвес Петров физиканы репетитор-биле немей кичээлдевээн болза*, *ол университетче кирип албас ийик* (Анк.).

бир.эвес	Петров	физика=ны	репетитор-биле	
если	Петров	физика=ACC	репетитор-INSTR	
немей	кичээлде=вэ=эн		болза	ол
вдобавок	заниматься=NEG=PP		AUX.если	он
университет=че	кири=п		ал=бас	ийик
университет=LAT	входить=CV		AUX.брать=NEGPrP	PRTCL

‘Если бы Петров не занимался дополнительно с репетитором по физике, он не поступил бы в университет.’

Главным показателем нереальных условных отношений является причастно-послеложная конструкция *=ган бол=за*.

Форма условно-сослагательного наклонения *=ар ийик*, *=ган ийик* этимологически восходит к форме прошедшего времени недостаточного глагола *эр=* (**эди*) [Насилов 1966: 100]. В тувинском языке сохраняются особенности древней формы на *=duq* / *=juq*, свойственной тюркским языкам доорхонского периода. Вспомогательный глагол принимает показатели прошедшего времени в форме *=йик* < др. т. *=juq* и *=тик* < др. т. *=duq* [Широбокова 2000: 36]. Ш. Ч. Сат отмечает четыре конструкции условно-сослагательного наклонения, которые образуются по следующим моделям: *Tv=за* / *=зе* + *Tv=ар ийик* (*=арык*), *Tv=за* / *=зе* + *Tv=бас ийик* (*=базык*); *Tv=за* / *=зе* + *Tv=кай эртик*, *Tv=за* / *=зе* + *Tv=багай эртик* [Сат 1955: 705].

Противопоставление двух основных семантических классов условных конструкций, реально условных и ирреально условных осуществляется по категории модальности. УК реального условия характеризуются модальностью возможности, предикат ГПЕ в них оформляется показателями изъявительного наклонения. УК ирреального условия характеризуются модальностью невозможности, в них предикат ГПЕ оформляется показателем сослагательного наклонения.

Для выражения условных отношений в тувинском языке использует общетюркская модель *=са* / *=за*.

Таксисное значение этой формы: предшествование или одновременность – зависит от аспектуально-темпоральных характеристик глагольных форм ГПЕ и ЗПЕ.

В тувинском языке есть специализированные аналитические скрепы *бир эвес*, *бир-тээ*, участвующие в выражении условных отношений.

(67) *Бир-тээ ындыг чүве болза*, *мен барайн* (Анк.).

бир-тээ	ындыг	чүве	болза	мен	бар=айн
если	так	вещь	COND	я	идти=IMPER

‘Если (раз) так, я пойду.’

5. В тувинском языке мы выделяем два структурно-семнтических типа уступительных БПК. Одна группа конструкций выражает отношения между двумя реальными явлениями действительности: реально совершающемуся или совершившемуся уже явлению, названному в ЗПЕ, противопоставляется реальное событие ГПЕ, осуществляемое вопреки ожиданию. В структурном плане этот семантический тип отношений «реальность – реальность» представлен богатым набором АК в текстах современных писателей. В фольклорных текстах уступительная семантика передается ограниченным набором структур.

В текстах всех жанров и всех хронологических срезов ипользуется АК *Tv*=(*отриц.*)=*зы* / *=за-даа* ‘хотя’.

(68) *Дүн орайтаза-даа*, *тарап чоруксаар кижилер чок болган* (УТЯ: 142).

дүн	орайта=за-даа			расходиться=CV
ночь	подходить к концу=COND-PRTCL			тара=п
чору=кса=ар	кижи=лер	чок	бол=ган	
AUX.идти=OPT=Prp	человек=PL	нет	быть=PP	

‘Хотя была поздняя ночь, желающих разойтись не было.’

В рассматриваемых конструкциях в ЗПЕ либо в ГПЕ может быть выражено отрицание, благодаря которому дополнительно акцентируется значение противопоставления.

Реально-уступительные конструкции обнаруживают, с одной стороны, семантическую соотнесенность с причинными (если ни в ГПЕ, ни в ЗПЕ отрицания нет); но еще больше они соотносятся с противительными конструкциями, особенно когда отрицание в них отсутствует.

Вторую группу уступительных конструкций составляют предположительно-уступительные, сообщающие о двух явлениях, одно из которых, представленное ЗПЕ, еще только может реализоваться или уже не реализовалось. На этом основании выделяют «предложения со значением нереализованной возможности, отнесенной в план прошлого или настоящего» [Грамматика 1970: 721]. В тувинском языке представлены только потенциально-усту-

пительные конструкции с модально-временным планом будущего в ЗПЕ. Частица *-даа* сочетается здесь преимущественно с деепричастными формами (*=п*, *=у*) и формами имен.

(69) *Аң-даа адып алзыңза*, *аңаа хонар сен* (УХ-49: 33).

аң-даа	ад=ып	ал=зы=ң=за
зверь.PRTCL	стрелять=CV	брать=COND=POSS.2SG=COND
аңаа	хон=ар	сен
там	ночевать=PrP	ты

‘Если даже убьешь зверя, там ночуй.’

Явление, названное в ЗПЕ в таких БПК, представлено как потенциально возможное, отнесенное в план будущего времени, которое, однако, не может (не должно) воспрепятствовать (а может быть, должно способствовать) совершению события ГПЕ. Потенциально-уступительные предложения четко соотносятся с условными. Говорящий не знает, произойдет или не произойдет событие, обозначенное в ЗПЕ.

6. Компаративные БПК. Структурно-семантическое ядро сравнительных конструкций составляют собственно сравнительные конструкции, устанавливающие сходство объектов. В качестве эталона сравнения выступает ситуация, передаваемая ЗПЕ. Такие сравнения базируются на предикативных характеристиках сопоставляемых событий. В конструкциях с реальным сравнением в ЗПЕ ситуация представлена как реальный факт или общеизвестное явление.

В тувинском языке отношения сравнения выражаются с помощью БПК, в составе зависимого сказуемого которых послелоги, частицы и др. Мы выделяем пять основных типов АК: *Tv=PART ышкаш* ‘словно’; *Tv=PART дег* ‘словно, будто’; *Tv=PART кылдыр* ‘так’; *Tv=PART // дег кылдыр* ‘так, что словно’; *Tv=PART-зыг* ‘наподобие того, как’; *Tv=ган чүве дег* ‘словно’.

(70) *Ол манааны дег эвес эрте келген* (РТС: 521).

ол	мана=ан=ы	дег	эвес
он	ждать=PP=POSS.3	COMP	NEG.не
эрте	кел=ген		
рано	приходить=PP		

‘Он пришел рано, не так, как ожидали (вопреки ожиданию).’

В конструкциях ирреального сравнения ситуация, представленная ЗПЕ, не имеет места в действительности, а является субъективной интерпретацией того, о чем сообщается в ГПЕ.

(71) *Идиктеримни кеткеш*, *авый-шавый шидиттиниптеримге*, *чылыг*, *чымчаан канчаар боор ону*: *буттарым ана каттыра бергилэ=эн ышкаш болган де* (Ак-көк:18).

идик=тер=им=ни	кет=кеш	авый-шавый
идик=PL=POSS.1SG=ACC	надевать=CV	крест-накрест
шиди=т=тин=ип=тер=им=ге		чылыг
шнуровать=CAUS=RFL=PFV=PL=POSS.1SG=DAT		тепло

чымча=ан	канчаар	боор	ону
стало мягко=PP	так	MOD.PRTCL	он.ACC
бут=тар=ым	ана	каттыр=а	бер=гилэ=эн
нога=PL=POSS.1SG	ну	смеяться=CV	AUX=ITER=PP
ышкаш бол=ган	де		
COMP быть=PP	PRTCL		

‘Когда обувал идики, шнуровал их крест-накрест, как было тепло и мягко: было так, как будто ноги мои засмеялись.’

7. Сопоставительные БПК. В конструкциях сопоставительной семантики две реально существующие ситуации соотносятся друг с другом по признаку различия или сходства, соответствия или несоответствия одна другой. Эти конструкции также обнаруживают семантическую и формальную близость к временным, условным, причинным конструкциям.

В конструкциях сопоставительного типа два потенциальных события сопоставляются по степени проявления у них некоторого признака. Чаще всего этим признаком оказывается качественная характеристика: ‘легче’, ‘лучше’, ‘больше’. Сказуемое выражается сочетанием причастия с показателем сравнения.

(72) *Балык болгаш эътти хөйнү үүжелеп алганывыс тудум*, *кыжын биске чиик болур* (Анк.).

балык	болгаш эът=ти	хөйнү	үүжеле=п	ал=ган=ывыс
рыба и	мясо=ACC	больше	запасатьмясо=CV	AUX.брать=PP=1PL
тудум	кыж=ын	бис=ке	чиик	бол=ур
COMP.чем тем	зима=ACC	мы=DAT	легкий	быть=PrP

‘Чем больше запасем рыбы и мяса, тем легче нам будет зимой.’

(73) *Бистиң библиотекавыстың номнары өске библиотекаларныындан хөй* (РТС 1968: 488).

бис=тиң	библиотека=выс=тың	ном=нар=ы	
мы=GEN	библиотека=PL1=GEN	книга=PL=POSS.3	
өске	библиотека=лар=ны=ы=н=дан		хөй
другой	библиотека=PL=ACC=POSS.3=INFIX=ABL		много

‘В нашей библиотеке больше книг, чем в других.’

8. Заместительные БПК. Отношения сравнения в предложениях операционального предпочтения могут преобразовываться в отношения противопоставления (*Лучше не ныть, а действовать*) и замещения.

В заместительных предложениях, аналогичных русским конструкциям «*вместо того, чтобы* + инфинитив», представлен особый вариант сопоставительного значения. В состав сказуемого ГПЕ, передающего побуждение к ‘правильному, нужному’, с точки зрения говорящего, действию, входит оценочная лексема *дээре*, *чиик* ‘лучше, легче’. Сказуемое ЗПЕ выражается причастно-послеложной АК **[Tv=ар=//=ның орнунга]**. Здесь сравниваются реальные ситуации, происходящие (или не происходящие) в момент речи. Ситуации описывают сожаление, упрек, вызванные неправильными действи-

ями, в отличие от рассмотренных выше ситуаций, содержащих решение, рекомендацию по совершению действия.

(74) *Мээң-биле чугаалашпазының орнунга акым мени эттээн болза дээре* (Анк.).

мээң-биле	чугаала=ш=паз=ы=ның				
я.GEN-INSTR	говорить=RECIP=NEGPrP=POSS.3=GEN				
орнунга	акы=м	мени	эттэ=эн	болза	дээре
POSTP.вместо	брат=1SG	я.ACC	бить=PP	PRTCL.бы	лучше

‘Чем не разговаривать со мной, пусть бы лучше брат побил меня.’

Другой вариант семантики заместительных БПК связан с тем, что главное действие представляется неправильным, ненужным с точки зрения говорящего. И тем не менее оно реально осуществляется. Зависимое действие, напротив, правильное, обычное, но реально не осуществляется.

(75) *Ыяш киирип баарының орнунга ол магазин чоруй барган* (Анк.).

ыяш	киир=ип	ба=ар=ы=ның		
дерево	идти=CV	AUX.DIR=PrP=POSS.3=GEN		
орнунга	ол	магазин	чору=й	бар=ган
POSTP.вместо	он	магазин	идти=CV	AUX.DIR=PP

‘Вместо того чтобы пойти за дровами, он пошел в магазин.’

9. Ограничительные БПК. В русском языке выделяются обстоятельственные детерминанты со значением включения и исключения [Грамматика 1980: 161]. В обстоятельственном распространителе ‘кроме’ заключены два значения: исключающее (все, кроме тебя) и включающее (кроме тебя еще и он). Тувинские послелоги *аңгыда* и *кадына* со значением ‘кроме’ имеют включающее и исключающее значение. Последнее зависит от наличия отрицания в ГПЕ. Послелоги *башка* и *өске* выражают исключающее значение.

Структурная схема БПК с семантикой включения имеет вид **[Tv=PART=//=дан кадына]**, **[Tv=PART=//=дан аңгыда]**.

(76) *Үш-дөрт хонукта салдап бадып олурувуста*, *сал кырында чыгдынып келген хамык чоңгу*, *хок-бокту доозазын чалгып ширбип каапкандан кадына*, *чамдык бакка баглап каан чудуктарның чамдыын шуут ушта шаап алгаш барган* (СТ: 70).

үш-дөрт	хонук=та	салда=п		бады=п	
3-4	сутки=LOC	плавать на плоту=CV		спускаться=CV	
олур=увус=та	сал	кырында	чыг=дын=ып	кел=ген	
AUX.PL1=LOC	плот	POSTP.на	копить=RFL=CV	AUX=PP	
хамык чоңгу	хок-бок=ту	дооза=зы=н	чалгы=п	ширби=п	
все щепа	мусор=ACC	они все=ACC	волноваться (о море)	мести=CV	
каап=кан=дан	кадына	чамдык	бакка	багла=п	ка=ан
AUX=PP=ABL	вместе	некоторые	плохо	вязать=CV	AUX=PP
чудук=тар=ның		чамдыын	шуут	ушт=а	шаа=п
бревно=PL=GEN		часть.ACC	все	разбить=CV	AUX=CV

ал=гаш бар=ган
AUX=CV AUX.DIR=PP
‘Когда 3-4 дня спускались на плоту, сильный ветер, кроме того что на плоту часть некоторых плохо привязанных бревен смыл, часть бревен разбил.’

(77) *Ол кыдат бараан саарып садарындан аңгыда, бичии ногаа тарыырынга кончуг сундулуг турган* (ХЧ: 76).

ол кыдат бараан саар=ып сад=ар=ы=н=дан
он китаец товар выгодно продавать=CV покупать=PrP=POSS.3=INFIX=ABL
аңгыда бичии ногаа тары=ыр=ы=н=га кончуг
кроме маленький зеленый сеять=PrP=POSS.3=INFIX=DAT очень
сундулуг тур=ган
увлекаться быть=PP
‘Этот китаец, кроме того что продавал, любил и овощи сажать.’

БПК с семантикой исключения: **[Tv=PART=//=дан башка]**, **[Tv=PART=//=дан өске]**:

(78) *Аксы-сөзү чок дээрден башка бо база кижи дег дириг амытан* (Тыва дыл: 139).

аксы-сөзү чок дээр=ден башка бо база
рот-слова нет говорить=ABL POSTP.кроме этот тоже
кижи дег дириг амытан
человек COMP.как живой живое существо
‘Кроме того что не может говорить, он ведь тоже живое существо, как человек.’

Эти послелоги могут выражать значение исключения, если в ГПЕ содержится отрицание.

(79) *Элезинге дегген чалгыгларның оожум шулураарындан аңгыда, ховуда кандыг-даа ыыт-шимээн чок турган* (Тыва дыл: 134).

элезин=ге дег=ген чалгыг=лар=ның оожум
песок=DAT касаться=PP волна=PL=GEN тихий
шулура=ар=ы=н=дан аңгыда хову=да
шуршать=PrP=POSS.3=INFIX=ABL кроме степь=LOC
кандыг-даа ыыт шимээн чок тур=ган
какой-PRTCL шум нет быть=PP
‘Кроме тихого шелеста волн (ветра), касающихся песка, в степи ничего не было слышно (было тихо).’

Заместительно-противительные БПК. К сопоставительным по семантике и структуре примыкают такие предложения, где событие ГПЕ не замещает событие ЗПЕ, как в описанных выше заместительных БПК, а как бы прибавляется к нему: ‘где уж там… когда; не то чтобы’. В ЗПЕ стоит скрепа *хамаанчок* ‘не только, но даже’, в ГПЕ выражено отрицание. В русском языке скрепы типа ‘где уж там…’, ‘не то чтобы’ и т. п. называют «фразеосоюзными» [Черемисина, Колосова 1987: 176].

(80) *Аъттарны уур хамаан чок бистерни безин ууп чадап каан кылын эвес дош болган* (Анк.).

аът=тар=ны	уур	хамаан чок	бис=тер=ни	безин		
лошадь=PL=ACC	поднимать	не только	мы=PL=ACC	даже		
ууп	чада=п	каан	кылын	эвес	дош	бол=ган
поднимать.CV	не мочь=CV	AUX.PP	толстый	нет	лед	быть=PP

‘Лед-то был неплотный, не то чтобы лошадь выдержать, даже нас не выдержал.’

(81) *Мындыг чемни чиир хамаан чок*, *шагда уткан улус бис* (Анк.).

мындыг	чем=ни	чи=ир	хамаан чок
такой	еда=ACC	есть=PrP	не только
шагда	ут=кан	улус	бис
давно	забывать=PP	люди	мы

‘Мы такую еду не то чтобы есть, давно уже позабыли (что это такое).’

Таким образом, отношения сравнения и сопоставления входят в общий блок компаративности. Сопоставительные конструкции находятся на периферии этой системы, но четкой границы между ними нет. Интегрирующим признаком является компаративная семантика, присущая обоим типам. Основным дифференцирующим признаком является реальность и конкретность сопоставляемых событий, которые, однако, значимы не в одинаковой мере.

От собственно сравнительных конструкций отличаются конструкции, передающие отношения предпочтения. Отличие заключается в том, что компаративные отношения могут преобразовываться в противительные и заместительные, а предложения предпочтения такой возможностью не обладают [Арутюнова 1998: 243].

1.2.3. Диктум-диктумные полипредикативные конструкции в аспекте сложности их организации

Основную и наиболее значимую часть БПК составляют конструкции синтетического типа (с инфинитными формами глагола), центральными среди них являются конструкции причастного предикативного склонения. Аналитический тип представлен БПК со скрепой *деп.*

Синтаксические отношения подчинения ЗПЕ выражаются аффиксами падежей (склонение). Инфинитные формы в составе зависимого предиката, за исключением деепричастий, имеют обязательное личное оформление. Зависимое сказуемое регулярно оформляется аффиксами грамматического лица, т. е. спрягается. Спряжение ЗПЕ характеризуется следующими признаками: во-первых, спряжение лично-финитного типа противостоит спряжению притяжательного типа; во-вторых, разные зависимые сказуемые, иногда даже формально однотипные, имеют различные модели спряжения.

Сказуемое ЗПЕ может быть выражено как простыми инфинитными формами, так и аналитическими конструкциями: сочетанием причастия в форме

одного из косвенных падежей с послелогами или в форме прямого или родительного падежа со служебными именами.

Специфика конструкций со сказуемым ЗПЕ, выраженным сочетанием причастия со служебным именем, состоит в том, что ЗПЕ здесь строится по принципу изафетной конструкции. Но отношения, которые устанавливаются между составляющими этой конструкции, носят предикативный характер. Эти конструкции (аналитические формы зависимых сказуемых) регулярно сочетаются с подлежащим в номинативе и оформляются показателями грамматического лица, т. е. спрягаются.

Сопоставление функционирования аналитических структур в финитной и инфинитной позициях показало возможные пересечения в употреблении АК в той и другой функциях. Прежде всего это наблюдение относится к бивербальным АК с первым компонентом в форме деепричастия.

Каждому семантическому типу соответствует определенное множество моделей, конкретных структурных форм. Такие множества, соотносительные с одной широкой функцией, составляют подсистемы в рамках общей системы.

Установлено, что существует связь между типом формальной организации БПК и характером синтаксической семантики этого предложения.

Для понимания тувинских БПК с ЗПЕ времени как определенной системы форм и значений важно учитывать, что не все синтаксические конструкции, выделяемые на основании показателей указанного типа, выражают только одно синтаксическое значение. Одно значение может выражаться несколькими конструкциями – и наоборот: одна конструкция может выражать несколько значений.

В каждой конкретной фразе, построенной по некоторой многозначной модели, благодаря ее конкретному лексическому наполнению и определенному соотношению аспектуальных форм финитного сказуемого, события ставятся во вполне определенные временные отношения, например, следование одного события за другим либо их полную или частичную одновременность.

Важная закономерность состоит в том, что чем проще формальное устройство конструкции, тем более разнообразное содержание она позволяет выразить. Самыми простыми являются конструкции с деепричастными формами сказуемого ЗПЕ. Эти формы выражают не только временные отношения между событиями, но и широкий спектр других отношений: причинные, уступительные и т. д. Простейшие формы в темпоральных БПК связаны, прежде всего, с выражением общей временной соотнесенности, а во вторую очередь – с выражением простейшего из дифференцированных отношений – следования.

Чем сложнее выражаемые моделью семантические отношения между событиями, тем, как правило, сложнее оказывается ее структурная организация.

Причастно-падежные формы без послелогов передают значения более простые, менее дифференцированные, нежели с послелогами. Временные отношения между событиями так или иначе выражаются в любых БПК.

Но в специализированных (причинных, уступительных и т. п.) они составляют фон, а в темпоральных конструкциях – основное синтаксическое содержание связи. Они формируют ту базисную структуру, на которую налагаются специализированные типы отношений. Эта конкретизация возникает за счет аспектуальной характеристики протекания действия ГПЕ и ЗПЕ.

1.3. Модус-диктумные полипредикативные конструкции

Конструкции, выражающие отношения, которые устанавливаются в БПК между модусной главной и диктумной зависимой ПЕ, называются модус-диктумными. Ситуация, отраженная в ЗПЕ, предстает как реальный факт или общеизвестное явление. Она называется диктумной. ГПЕ отражает обработку сознанием представления о событии ЗПЕ и называется модусной.

Простейший, самый известный тип модус-диктумных отношений – «это изъяснительные отношения, которые связывают диктум – содержание или тему информации – с модусом, представляющим процесс оперирования этой информацией» [Черемисина, Колосова 1987: 64]. Они отражают разные типы рефлексии субъекта по поводу содержащейся в высказывании информации, характер ее получения, достоверность или недостоверность, оценку полученной информации [Черемисина 1982: 8–9]. Далеко не все модусные значения выражаются эксплицитно: в модус-диктумных конструкциях субъект действия часто подразумевает больше, чем высказывает.

Модус-диктумные отношения предстают «как родовое понятие, охватывающее несколько понятий о синтаксических отношениях, выражаемых разными моделями и разными типами сложноподчиненных предложений» [Черемисина, Колосова 1987: 66]. Они могут выражаться и языковыми составляющими «потенциально неограниченного объема» [Кибрик 2009: 3] – дискурсами, минимальной единицей которых «является предикация (клауза)» [Кибрик 2009: 4].

Устройство тувинской полипредикативной системы таково, что для выражения модус-диктумных отношений используются монофинитные БПК (с инфинитным сказуемым ЗПЕ) и бифинитные БПК (с финитным сказуемым в обеих ПЕ) с аналитическим показателем связи между ними – скрепой *деп* [Шамина 1998: 81–86; 2001: 110–118; 2004: 85–89].

В фольклорных текстах тувинского языка выявлен ряд бипредикативных конструкций, выражающих модус-диктумные отношения. Устройство тувинской полипредикативной системы для выражения модус-диктумных отношений предполагает использование монофинитных БПК (с инфинитным сказуемым зависимой предикативной единицы) и бифинитных БПК (с финитным сказуемым в обеих предикативных единицах и аналитическим показателем связи между ними – скрепой *деп*). Рассмотрев различные грамматикализованные формы глагольной основы *де*= / *ди*= ‘говорить’, мы выявили круг модусных предикатов, используемых в главной предикативной единице, и выражаемые ими семантические смыслы БПК.

Модус-диктумные конструкции как часть «сложноподчиненного рекурсивного синтаксиса» [Гивон 2015: 116] имеют сложную иерархическую систему специализированных структур, служащих для выполнения коммуникативных функций.

Рекурсивность (вложение одной клаузы внутрь другой) свойственна полипредикации в целом и является языковой универсалией, представляя «особый тип синтаксической сложности» [Гивон 2015: 91]. В линейной структуре сложного образования вложения могут находиться в середине, в самом начале и в самом конце полипредикативной конструкции, в которую они вложены. Вложенное предложение всегда (за исключением вводных оборотов) подчинено какому-то слову главного (для него) предложения. Соответственно, предложения, образующие рекурсивную структуру, связаны подчинительными отношениями. При рекурсивности могут порождаться линейные сложные структуры с несколькими последовательными вложениями предложений одно в другое.

1.3.1. Причастно-падежные конструкции, характеризующие источник получения информации

Структурная схема причастно-падежных модус-диктумных конструкций имеет вид: **[Tv=PART=//=CASE] (ГПЕ)**, в фольклорных текстах с ее помощью выражаются вербальные, чувственные и когнитивные источники информации.

Конструктивной вершиной модус-диктумных БПК в целом является ее финитное сказуемое. В этой роли выступают глаголы определенных лексико-семантических групп: глаголы оперирования информацией, среди которых глаголы чувственного восприятия, глаголы с семантикой получения, хранения, обработки, утраты информации и др.: *бил*= ‘знать’, *көр*= ‘видеть’, *дыңна*= ‘слышать’, *оралдаш*= ‘стараться’, *бода*= ‘думать’, *эскер*= ‘замечать’, *ут*= ‘забывать’, *сагын*= ‘помнить’, *энде*= ‘угадывать’, *айтыр*= ‘спрашивать’, *күзе*= ‘желать’, *де*=‘говорить’, *миңни*= ‘чувствовать’, *сөгле*= ‘передавать’, *сүмелеш*= ‘советоваться’. Инфинитное сказуемое выражается причастно-падежной ЗПЕ, которая выполняет функцию дополнения по отношению к ГПЕ и оформляется показателем аккузатива [Катанов 1903: 914; Предикативное склонение... 1984: 66].

1. Конструкции **[Tv=PART=//=ACC] (ГПЕ)** с причастием в форме винительного падежа. Подчинительные конструкции с вложенными в глагольную группу сентенциальными дополнениями имеют сложную внутреннюю организацию, включающую несколько уровней. Так, в примере (81) образуется двухъярусная иерархия вложений. В глагольную группу *дыңнаан мен* ‘я слышал’ вложено сентенциальное дополнение *бурунгу ашактар чугаалажырын* ‘древние старики [что] говорили’.

(82) *Бурунгу ашактар чугаалажырын дыңнаан мен* (МЛПТ 2010: 98).

бурунгу	ашак=тар	чугаала=ж=ыр=ы=н	дыңна=ан	мен
древний	старик=PL	говорить=RECIP=PrP=POSS.3=ACC	слышать=PP	я

‘Я слышал, что древние старики говорили.’

Такую же структуру имеют и все другие БПК с ЗПЕ в роли дополнения. Основным значением таких конструкций является обозначение источника информации: визуальное, слуховое или вербальное. Сказуемое ГПЕ выражено когнитивными глаголами физической перцепции: *көр*= ‘видеть’, *дыңна*= ‘слышать’, глаголами ментальной деятельности: *бил*= ‘знать’, глаголами речи – *тоолда*= ‘рассказывать’, *чугаала*= ‘говорить’ и др.

(83) *Шоорларның тывылганын Хемчик тывалары ынчаар тоолдап чугаалаар* (МЛПТ 2010: 108).

шоор=лар=ның	тыв=ыл=ган=ы=н		Хемчик
шорцы=PL=GEN	находить=RFL=PP=POSS.3=ACC		Хемчик
тыва=лар=ы	ынчаар	тоолда=п	чугаала=ар
тувинец=PL=POSS.3	так	рассказывать=CV	говорить=PrP

‘О происхождении шорцев тувинцы Хемчика рассказывают так.’

(84) *Чангыс-ла Часкының үндүрүг төлеп турганын кым-даа көрбээн* (МЛПТ 2010: 60).

чангыс-ла	часкы=ның	үндүрүг	
один-PRTCL	летучая мышь=GEN	налог	
төле=п	тур=ган=ы=н	кым=даа	көр=бэ=эн
платить=CV	AUX=PP=POSS.3=ACC	кто=PRTCL	смотреть=NEG=PP

‘Только никто не видел, как Летучая мышь платила дань.’

(85) *Ол Шоор-оолдуң чаштынып турганын билбээн* (МЛПТ 2010: 108).

ол	Шоор=оол=дуң	чаштын=ып
он	шоор=парень=GEN	прятаться=CV
тур=ган=ы=н		бил=бэ=эн
AUX=PP=POSS.3=ACC		знать=NEG=PP

‘Что Шор-оол прятался, [птица] не знала.’

(86) *Ertten ertte ooldar-pile kadь şьjlaşkannap coraanьmnь pilir tur-men* (Бт: 11).

ertten	ertte	ool=dar-pile	kadь	
утром	рано	ребенок=PL-INSTR	вместе	
şьjlaşkan=na=p	cor=aan=ьm=nь		pil=ir	tur.men
червь=VS=CV	AUX=PP=1SG=ACC		знать=PrP	AUX.я

‘Я помню, что ранним утром с мальчиками вместе за червями ходил.’

2. Конструкции **[Tv=PART=/ы/=NOM] (ГПЕ)** с неопределенным падежом ЗПЕ. Подлежащные конструкции с неопределенным падежом ЗПЕ образуют «отдельный, специфический подкласс конструкций в системе управляемых предикативных форм» [Предикативное склонение…1984: 133]. В подлежащных конструкциях в центре внимания говорящего находится само собы-

тие, которое представляется ему информационно значимым. Субъект восприятия этого события не акцентируется. Данный тип конструкций с обязательным оформлением ЗПЕ посессивным показателем 3-го л. =*ы* и нулевой формой неопределенного падежа является грамматикализацией верификации. В них указывается на существование (несуществование) того или иного факта, фиксируются результаты мыслительных операций над событиями действительности. Структурное своеобразие рассматриваемых БПК состоит также в том, что притяжательное оформление является средством выражения синтаксической связи между диктумной ЗПЕ и модусной ГПЕ. Падежная форма субъекта ЗПЕ варьирует: это может бить генитив или номинатив.

(87) *Ол фактызынга ам чижээлээрге*, *ооң чижээнге бистиң чуртувустан чүнү үлегерге ап чугаалап болурул дээрге*, *чижээлээрге*, *бистиң чуртувуста хадының болгаш пөштүң, шивиниңкыш*, *чай чок бүрүзү оңмас*, *кезээде көк турары бо турган* (МЛПТ 2010: 58).

ол	факты=зын=га	ам	чижээлэ=эр=ге	ооң
тот	факт=POSS.3=DAT	сейчас	приводить пример=PrP=DAT	он.GEN
чижээ=н=ге	бис=тиң	чурт=увус=тан		чүнү
пример=POSS.3=DAT	мы=GEN	страна=POSS.1PL=ABL		что
үлегер=ге	ап	чугаал=ап	бол=ур=ул	дээрге
образец=DAT	брать.CV	говорить=CV	быть=PrP=PRTCL	что до
чижээлэ=эр=ге		бис=тиң	чурт=увус=та	хады=ның
приводить пример=PrP=DAT		мы=GEN	страна=POSS.1PL=LOC	сосна=GEN

болгаш	пөш=түң	шиви=ниң	кыш	чай	чок	бүрү=зү
и	кедр=GEN	ель=GEN	зима	лето	нет	листья=POSS.3
оң=мас	кезээде	көк	тур=ар=ы		бо	тур=ган
облик=NEGPrP	всегда	зеленый	стоять=PrP=POSS.3		этот	стоять=PP

‘(То) что в нашей стране, например, хвоя сосны, кедра и ели не меняет цвета ни зимой, ни летом, неизменно стоит зеленой, такой вот факт, к примеру, подтверждает.’

(88) *Ооң дээрже үне бергени мындыг…* (МЛПТ 2010: 44).

ооң	дээр=же	үн=е	бер=ген=и	мындыг
он.GEN	небо=LAT	подниматься=CV	AUX=PP=POSS.3	такой

‘(То, что) Оно на небо поднялось, такой [факт].’

Особое место в системе конструкций с подлежащной ЗПЕ в неопределенном падеже занимают конструкции оценочной семантики. Коммуникативная направленность конструкций состоит в выражении отношения субъекта к предмету оценки. Предметом оценки выступает событие или лицо, предмет. Показатель оценки – главное сказуемое, выраженное именем с оценочной семантикой. Оценка связана с представлением о шкале оценки, состав элементов которой разнообразен [Предикативное склонение… 1984: 127–131; Шамина 2001: 205–214]. В текстах современных писателей нами выделено восемь подсистем по шкале оценки, позволяющие оценивать диктумные пропозиции, выражаемые предикативными подлежащими, по самым разным признакам: *эки*

‘хорошо’ – *багай* ‘плохо’; *шын* ‘правда’ – *меге* ‘неправда’; *илдең* ‘ясно’ – *тодаргай эвес* ‘неясно’; *солун* ‘интересно’ – *хамаан чок* ‘все равно’; *белен* ‘легко’ – *берге* ‘трудно’; *каттырынчыг* ‘смешно’ – *ажыг* ‘горько’; *аажок* ‘очень’ – *халап чор* ‘ужасно’; *хөй* ‘много’ – *эвээш* ‘мало’.

В текстах мифов нами отмечена одна оценочная конструкция с квалификативным именем, характеризующим достоверность высказывания: *шын* ‘правда’.

(89) *Оон аалынга келгеш*, *чүнү мынчап турары ол дээш*, *барып көөрге*, *шын болган* (МЛПТ 2010: 146).

оон	аал=ы=н=га		кел=геш	чүнү
тот.ACC	аал=POSS.3=INFIX=DAT		приходить=CV	что
мынча=п	тур=ар=ы	ол	дэ=эш	
так=CV	AUX=PrP=POSS.3	он	говорить=CV	
бар=ып	көө=өр=ге	шын	бол=ган	
уходить=CV	смотреть=PrP=DAT	правда	быть=PP	

‘Потом в *аал* пришел, так что он сказал (то), пошел, посмотрел – правда.’

3. Конструкции с дательным падежом ЗПЕ **[Tv=PART=//=DAT] (ГПЕ)** передают эмотивное отношение к сообщаемому факту. Причастное сказуемое ЗПЕ принимает форму дательного падежа, которого требуют эмотивные глаголы в составе ГПЕ, обозначающие разные виды реакций человека на какое-либо событие-стимул: *хомудаар* ‘жалеть’, *өөрүүр* ‘радоваться’ и др.

(90) *Хаан-Херети куш тыва төлгечиниң төлгези бүтпейн турарынга*, *ону ынчаар кылып каанынга өөрүп турган* (МЛПТ 2010: 108).

хаан=херети	куш	тыва	төлгечи=ниң		төлге=зи
хан=херети	птица	тувинский	предсказатель=GEN		гадание=POSS.3
бүт=пейн		тур=ар=ы=н=га		ону	ынчаар
сбываться=NEGCV		AUX=PrP=POSS.3=INFIX=DAT		он	так делать
кыл=ып	ка=ан=ы=н=га		өөрү=п		тур=ган
AUX=CV	AUX=PP=POSS.3=INFIX=DAT		радоваться=CV		AUX=PP

‘Хан-Херети птица радовалась, [тому, что] сделала так, предсказание тувинского гадателя не сбудется.’

Эмоциональное состояние, выраженное в таких БПК, получает причинную окраску. ПЕ в них представляют два самостоятельных высказывания, вербализующих свой факт [Черемисина 1982: 3–21]: ‘Хан-Херети птица радовалась’ и ‘предсказание тувинского гадателя не сбудется’. Свернутое третье событие ‘узнав / поняв, что’, которое состоит в информированности, в факте получения информации или обладания информацией, на основе которой «провоцируется данная эмоциональная реакция» [Предикативное склонение… 1984: 87], отличает БПК с эмотивными предикатами от собственно причинных конструкций.

4. БПК **[Tv=PrP=DAT] {‘увидеть’} (ГПЕ)** с элиминированной модусной частью. Структурно-семантическая особенность таких конструкций состоит в

том, что между их ЗПЕ и ГПЕ обнаруживается отсутствующее, но легко восстанавливаемое смысловое звено, которое можно представить с помощью предиката *көр=* ‘видеть’. При эксплицитном выражении это звено было бы главной ПЕ по отношению к ЗПЕ. Завершающая предложение предикативная единица описывает то событие, которое неожиданно открылось, когда совершилось событие элиминированной модусной части. Естественно, в качестве субъекта действия в этой ЗПЕ выступает человек, способный видеть, слышать и оценивать увиденное. Данные конструкции являются одним из средств выражения отношений достоверной оценки говорящим происходящего события. В текстах представлены разные модели выражения сказуемого ЗПЕ. Элиминированную модусную часть в формуле мы заключаем в фигурные скобки – {‘увидеть’}.

1) **[Tv=ар=га] {‘увидеть’} (ГПЕ)**. Сказуемое ЗПЕ выражено синтетической причастно-падежной формой – причастием будущего времени на *=ар* от глаголов *көөр* ‘смотреть’, *дыңнар* ‘слышать’ в форме дательного падежа. Соответственно, в элиминированной модусной части восстанавливаются либо глаголы зрительного, либо, реже – глаголы слухового восприятия.

(91) *Долгандыр көөрге*, *демги улуг куш чок* (МЛПТ 2010: 106).

долгандыр	көөр=ге	демги	улуг	куш	чок
вокруг	смотреть.PrP=DAT	тот	большой	птица	нет

‘Когда огляделся вокруг, [увидел, что] той огромной птицы нет.’

(92) *Долгандыр көрнүрге*, *шокар-торга дыт соктап олуруп-тур* (МЛПТ 2010: 62).

долгандыр	көр=н=үр=ге		шокар-торг
вокруг	смотреть=RFL=PrP=DAT		пестрый-дятел
дыт	сокта=п	олур=уп=тур	
лиственница	стучать=CV	AUX=CV=MODPRTCL	

‘Посмотрела вокруг, [увидела, что] пестрый дятел стучит по лиственнице.’

(93) *Дыңнаарга база-ла соондан улуг дааш кел чыткан* (МЛПТ 2010: 114).

дыңна=ар=га	база=ла	соон=дан	улуг
слушать=PrP=DAT	тоже=PRTCL	конец=ABL	большой

дааш	кел чыт=кан [37]
шум	приходить.ORI=PP

‘Когда слушал, [услышал, что] снаружи громкий шум доносится.’

2) **[Tv=CV Tv=арга] {‘увидеть’} (ГПЕ)**. Сказуемое ЗПЕ может быть выражено АК. Первый компонент АК представлен глаголом в форме деепричастия на *=п* или на *=гаш*. Второй компонент образован глаголом *көөр=* ‘смотреть’ в форме причастия будущего времени на *=ар* в дательном падеже.

[37] Сказуемое ГПЕ выражено АК с усеченной формой деепричастия *кел*↓ ‘приближаться’ (вместо *келип*) [ТРС 1968: 237] и глаголом позиции *чыт=* ‘лежать’. АК выражает направленность действия в сторону говорящего (ориентатив).

(94) *Ам топтап көөрге, кижи изи чыткан эвеспе* (МЛПТ 2010: 50).

ам	топта=п	көөр=ге	кижи
сейчас	рассматривать=CV	смотреть=DAT	человек
из=и	чыт=кан	эвеспе	
след=POSS.3	лежать=PP	PRTCL.MOD	

‘Пригляделись, [увидели, что] остались следы человека.’

(95) *Хөй аң-өлүүн чазып көөрге, чүү-даа чок куруг болган* (МЛПТ 2010: 124).

хөй	аң-өлү=үн	чаз=ып		
много	зверь-пушнина=ACC	открывать=CV		
көөр=ге	чүү=даа	чок	куруг	бол=ган
смотреть=DAT	что=PRTCL	нет	пустой	быть=PP

‘Когда суму, где было много пушнины, открыл, посмотрел, [увидел, что] ничего нет, пусто.’

В текстах также отмечены АК, второй компонент которых может выражаться глаголами позиции *олур* ‘сидеть’ и движения *келир* ‘приходить’.

(96) *Аалынга чанып кээрге, кадайы-даа анаа олурган* (МЛПТ 2010: 128).

аал=ы=н=га		чан=ып	кээр=ге
аал=POSS.3=INFIX=DAT		идти домой=CV	AUX=DAT
кадайы-даа	анаа	олур=ган	
жена-PRTCL	там	сидеть=PP	

‘Когда в свой *аал* вернулся, [увидел, что] его жена там сидела.’

(97) *Көрүп олурарга, хола хаайлыг, улуг ала каактарлыг эр кижи көстүп кээптир эвеспе* (МЛПТ 2010: 144).

көр=үп	олур=ар=га	хола	хаай=лыг	
смотреть=CV	сидеть=PrP=DAT	медь	нос=POSSV	
улуг	ала	карак=тар=лыг	эр	
большой	пестрый	глаз=PL=POSSV		мужчина
кижи	көстү=п	кээ=пт=ир	эвеспе	
человек	показаться=CV	приходить=PFV=PrP	PRTCL	

‘Смотрел [увидел, что] мужчина с медным носом, с большими пестрыми глазами показался.’

3) **[Tv=ар орта] {‘увидеть’} (ГПЕ)**. Сказуемое ЗПЕ может быть выражено АК, образованной сочетанием причастия будущего времени на *=ар* с послелогом *орта* ‘как только’.

(98) *Көрүп көөр орта, кодан кырында туруп алган оттап халып турар мындыг бооп-тур эвеспе* (МЛПТ 2010: 42).

көр=үп	көөр	орта	кодан	кырында
смотреть=CV	смотреть	только	заяц	на
туруп	ал=ган	отта=п		
стоять=CV	AUX=PP	щипать.траву=CV		
халы=п	тур=ар	мындыг	бооп-тур	эвеспе
прыгать=CV	AUX=PrP	такой	ведь-MOD	PRTCL

‘Только огляделся, [увидел, что] заяц бегает, щиплет траву, оказывается.’

(99) *Удуп-оттуп чыдар орта*, *кырын орта бир-ле чүве халып-шурап турар болган* (МЛПТ 2010: 42).

уду=п-отту=п		чыд=ар	орта	кырын	орта
спать=CV-просыпаться=CV		лежать=PrP	там	поверхность	там
бир-ле	чүве	халы=п-шура=п	тур=ар	бол=ган	
что-то	PRTCL	прыгать=CV-скакать=CV	AUX=PrP	AUX=PP	

‘Когда так лежала, засыпая-дремля, [увидела, что] что-то по ней опять бегает-прыгает.’

Для предложений с элиминированной модусной частью, как и для некоторых предложений семантики обусловленности (причина), возможно сочетание разных временных планов (прошедшее время в ЗПЕ и непрошедшее время в ГПЕ). Такого рода разрыв временных планов противоречит характеру временной связи [Золотова, Онипенко 1998: 365; Шамина 1997: 70–76; Шамина 1980: 17; Кошкарева 2007: 168].

(100) *Аарып турар болганыңда*, *бажыңга олур* (Анк.).

аар=ып	тур=ар	бол=ган=ың=да	бажың=га	олур
болеть=CV	AUX=PrP	быть=PP=POSS.2SG=LOC	дом=DAT	сидеть

‘Раз ты болен, сиди дома.’

(101) *Тарак-оол бир кежээ купезинге олурарга*, *эжик соктаза-ла*, *кожажы американ турист бо көстүп келген* (Кудажы: 142).

Тарак-оол	бир	кежээ	купе=зи=н=ге	
Тарак-оол	однажды	вечером	купе=POSS.3=INFIX=DAT	
олур=ар=га	эжик	сокта=за-ла	кожа=зы	
сидеть=PrP=DAT	дверь	стучать=COND-PRTCL	сосед=POSS.3	
американ	турист	бо	көст=үп	кел=ген
американский	турист	тот	показываться=CV	входить=PP

‘Однажды вечером, когда Тарак-оол сидел в своем купе, когда в дверь постучали, [увидел, что] вошел сосед – американский турист.’

Здесь в ЗПЕ сказуемое выражено формой причастия прошедшего времени на *=ган* в местном падеже, а сказуемое ГПЕ имеет форму причастия будущего времени на *=ар*; сказуемое ЗПЕ выражено формой условного наклонения на *=са*, а в ГПЕ его представляет форма прошедшего времени на *=ган*.

1.3.2. Причастно-послеложные конструкции с делиберативной семантикой

Отношения содержания (или делиберативные отношения) являются одной из разновидностей модус-диктумных отношений. В литературном тувинском языке такие отношения выражаются причастно-послеложной конструкцией с послелогом *дугайы* ‘о, об’ в местном падеже – *дугайында*: **[Tv=PART=//=GEN + дугайында] (ГПЕ)**. В фольклорных текстах такие конструкции редки.

(102) *Аңчы аалынга чанып келгеш, таңды ээзи-биле таварышканының дугайында туттунуп шыдавайн улуска чугаалапкан* (МЛПТ 2010: 124).

аңчы	аал=ы=н=га	чаны=п	кел=геш
охотник	аал=POSS.3=INFIX=DAT	возвращаться=CV	приходить=CV
таңды ээзи-биле	таварыш=кан=ы=ның	дугайында	
тайга хозяин-INSTR	встречаться=PP=POSS.3=GEN	DELIB.о	
тут=тун=уп	шыда=вайн	улус=ка	чугаала=п=кан
держаться=PFL=CV	не мочь=NEGCV	люди=DAT	говорить=PFV=PP

‘Охотник, в свой *аал* вернувшись, не смог удержаться, о встрече с хозяйкой тайги рассказал людям.’

В фольклорных текстах встретились примеры, в которых служебное слово *дугайы* в аккузативе (*дугайын* ‘о, об’) используется в составе именной конструкции.

(103) *Бурган-башкы Ара-Хоонуң дугайын Хүнден айтырарга, оозу Айдыва айыткаан* (МЛПТ 2010: 48).

Бурган-башкы	Ара-Хоо=нуң	дугайы	хүн=ден
Бурган-башкы	Ара-оо=GEN	DELIB.о	солнце=ABL
айтыр=ар=га	оозу	ай=дыва	айытка=ан
спрашивать=PrP=DAT	его	луна=LAT	докладывать=PP

‘Когда Бурган-башкы спросил об Ара-Хоо у Солнца, оно указало на Луну.’

(104) *Ол дугайын эне кадайлар хаанга айыткаан чүве иргин* (МЛПТ 2010: 94).

ол	дугайын	эне	кадай=лар	хаан=га
этот	DELIB.о	няня	старуха=PL	хан=DAT
айытка=ан	чүве	иргин		
докладывать=PP	PRTCL	PRTCL		

‘Об этом няньки-старухи хану доложили, оказывается.’

Таким образом, основное значение рассмотренных причастно-падежных и причастно-послеложных конструкций – вербализация полученной информации: за причастно-послеложными конструкциями закрепляется передача вербальных источников информации, когнитивный источник информации передается причастно-падежными конструкциями.

1.3.3. Многозначные конструкции со скрепой *деп*

Бифинитные БПК со скрепой *деп* строятся по формуле **[Tv=PART + деп] (ГПЕ)**. Аналитический показатель *деп* образован от глагола говорения *де*= ‘говорить’ в форме деепричастия на *=п* (*деп*) или на *=гаш* (*дээш*). Различные грамматикализованные формы этого глагола составляют в тюркских языках мощный пласт служебных слов, играющих важную роль в образовании некоторых идиом и устойчивых словосочетаний, бипредикативных конструкций и конструкций с прямой речью [Исхаков, Пальмбах 1961: 324; Сат 1981: 112–115; Оюн 1983: 46–55; Монгуш 1987: 83–89; Черемисина 1987:

4–31]. Впервые в тувиноведении такие конструкции были отмечены в работе Н. Ф. Катанова, который указывал, что в «дополнительном предложении» глагол *ти*= / *те*= ставится в «деепричастной форме (*тип*, *теш*, *теп*), если дальше стоит глагол, выражающий мысль или думу, речь или слух, намерение или желание» [Катанов 1903: 913].

Глагола *де*= / *ди*= ‘говорить’ функционирует в тувинском языке в составе двух бипредикативных конструкций: во-первых, в роли полнозначного глагола речи он употребляется в конструкциях с прямой речью; во-вторых, в роли служебного показателя связи для введения ЗПЕ, представляющей содержание информации о событии и занимающей формальную позицию дополнения. В роли доминирующих над скрепой *деп* предикатов выступают глаголы лексико-семантической группы глаголов мысли. Самыми частотными являются глаголы *бодаар* ‘думать’ и *билир* ‘знать’. ГПЕ содержит модусную интерпретацию события, названного в ЗПЕ.

(105) *Аңчылар келген деп бодааннар* (МЛПТ 2010: 158).
аңчы=лар кел=ген деп бода=ан=нар
охотник=PL приходить=PP CONJ думать=PP=PL
Букв.: Охотники пришли, подумав, подумали они.
‘Подумали, что охотники пришли.’

(106) *Оон диирең-дир деп боду билип каапкан соонда тогбаан* (МЛПТ 2010: 148).
оон диирең-дир деп боду бил=ип
он.ABL диирен-PRTCL CONJ сам понять=CV
ка=ап=кан соонда тог=ба=ан
AUX=PFV=PP POSTP обращать внимание=NEG=PP
Букв.: Это диирен, подумав, понял он.
‘Когда он понял, что это *диирен*, перестал беспокоиться.’

Конструкция со скрепой *деп* представлена также в алтайском языке:

(107) алт. *Айылчызы чай ичпей барды деп*, *эјем калактаар* (Сураз.: 90).
айыл=чы=зы чай ич=пе=й бар=ды
гость=NS=POSS.3SG чай пить=NEG=CV идти=PAST$_{fin}$
деп эјe=м калакта=р
CONJ тетя=POSS.1SG сожалеть=PrP
‘Моя тетя сокрушалась, что ее гость, не попив чая, ушел.’

В турецком языке аналогом тувинской и алтайской скрепы *деп* является союз *diye* ‘что’, одной из функций которого является «выражение изъяснения» [Гузев 2015: 390].
(108) тур. *Sen Davut’u çoban diye tanırdın* [Гузев 2015: 390].
sen Davut’u çoban diye tanı=r=dı=n
ты Давут.ACC пастух CONJ знать=CAUS=PAST$_{fin}$=2SG
‘Ты знал Давута как пастуха.’

Скрепа *деп* представляет собой функциональный аналог русских союзов *что* и *как* в сложноподчиненных изъяснительных предложениях.

БПК со скрепой *деп* выступает также в роли маркера делиберативных отношений. В ГПЕ употребляются глаголы речевой деятельности: *чугаалаар* ‘говорить’, *сөглээр* ‘сказать’, ЗПЕ указывает на тему сообщения. Субъект ЗПЕ, выраженный личным местоимением или (редко) именем существительным, занимает линейно первую позицию и принимает форму аккузатива: **[PRON=ACC + DELIB] (ГПЕ)**. Специфика таких конструкций состоит в том, что субъект в форме аккузатива остается формально за рамками зависимой ПЕ, а сказуемое ЗПЕ имеет специфическое оформление показателями грамматического лица.

Возможны моносубъектные и разносубъектные реализации конструкций. Форма грамматического лица сказуемого ЗПЕ зависит от того, моносубъектна или разносубъектна данная фраза. В моносубъектной конструкции сказуемое стоит в форме 1-го л. независимо от лица реального субъекта:

(109) *Мени*, *мындыг кижээ ужураштым деп кижээ сөглеп болбас эвеспе* (МЛПТ 2010: 130).

мен=и	мындыг	кижээ	ужура=ш=ты=м	деп
я=ACC	такой	человек.DAT	встречать=RECIP=PAST$_{fin}$=1SG	DELIB

кижээ	сөгле=п	бол=бас	эвеспе
человек.DAT	говорить=CV	AUX=NEGPrP	PRTCL

Букв.: я встретил, сказав, не говорить.
‘Обо мне, что такого человека встретил, рассказывать человеку нельзя.’

В разносубъектной конструкции субъект действия может быть первым или вторым лицом, а глагол, выражающий это действие, оформляется нулевым показателем 3-го л.

(110) *Мени байып*, *сегиир дузадан көргүзерин дилеп тур мен – дээн* (МЛПТ 2010: 138).

мени	байы=п	сеги=ир	дуза=дан
я.ACC	богатеть=CV	улучшаться=PrP	помощь=ABL

көр=гүз=ер=и=н	диле=п
оказывать=CAUS=PrP=POSS.3=ACC	просить=CV

тур	мен	дэ=эн
AUX	я	сказал=PP

Букв.: разбогатеет он прошу, сказал.
‘Мне разбогатеть помогите, прошу я, – сказал.’

(111) *Сени хоорайга хон=ар деп*, *кадайыңга дыңнадып каан мен* (Анк.).

сени	хоорай=га	хон=ар	деп
ты.ACC	город=DAT	ночевать=PrP	DELIB

кадай=ың=га	дыңна=д=ып	ка=ан	мен
жена=POSS.2SG=DAT	сообщать=CAUS=CV	AUX=PP	я

Букв.: заночует он, сказав, сообщил.
‘Я предупредил жену, что ты заночуешь в городе’.

Сравним аналогичный способ выражения субъекта в алтайском и турецком языках.

(112) тур.: *Ben seni uyuyor zannettim* [Гузев 2015: 388].

ben	seni	uyu=yor	zannet=ti=m
я	ты.ACC	спать=PrP	думать=PAST$_{fin}$=1SG

‘Я подумал, что ты слышишь.’

(113) алт.: *Мен сени ол түн балыктаба деп айттым ине* (Черемисина 1987: 22).

мен	сени	ол	түн	балык=та=ба	деп
я	ты.ACC	тот	ночь	рыба=VS=NEG	DELIB
айт=ты=м		ине			
говорить=PAST$_{fin}$=1SG		ведь			

‘Я тебе в ту ночь говорил ведь, не рыбачь.’

Такие структуры акцентируют тему высказывания, имеют структуру предложения, отличную от конструкций с прямым порядком слов с субъектом действия, выраженным нарицательным именем существительным в номинативе. Позиционный критерий имеет особое значение: начальное положение слов свидетельствует об их тематичности.

Рассмотренные изъяснительные БПК соотносятся с определительными конструкциями, в которых глаголам мыслительной деятельности соответствуют определяемые существительные с «общей семантикой ‘информация’» [Оюн 1983: 54]: *чарлал* ‘указ’, *медээ* ‘весть’, *чугаа* ‘речь’.

(114) *Шаг-шаанда дириг амытаннар аразынга улуг үлеш болур деп чарлал үнген* (МЛПТ 2010: 50).

шаг-шаанда	дириг	амытан=нар	аразынга	улуг
давным-давно	живой	животное=PL	среди	великий
үлеш	бол=ур	деп	чарлал	үн=ген
дележ	быть=PrP	DELIB	объявление	выходить=PP

Букв.: дележ будет, сказав, указ вышел.

‘Давным-давно вышел указ о том, что среди живых существ состоится великий дележ.’

Конструкция **[Tv=PrP + деп]**^{ЗПЕ} **(V**^{CAUS}**)**^{ГПЕ} используется для выражения авторизации – квалификации источника информации. В главной части представлены залоговые производные от глаголов интерпретации речевой деятельности. Информационную функцию отражают глаголы, описывающие речевой акт «сообщение»: ‘сообщать’, ‘информировать’, ‘извещать’, ‘уведомлять’, ‘докладывать’, ‘заявлять’, ‘объявлять’, ‘предупреждать’. Эти глаголы выражают общую идею: говорить адресату о том, что, по мнению субъекта речи, ему неизвестно. Указанные глаголы дают дифференцированное представление о передаваемой информации, в отличие от глагола ‘говорить’, имеющего наиболее общее значение передачи информации. Они сообщают

о новых и актуальных в момент речи событиях: *медээлээр*, *дыңнадыр* ‘сообщать, информировать’, *сөгледир* ‘извещать’, *чарлаар* ‘объявлять’, *сагындырар* ‘предупреждать’. В мифологических текстах такие структуры не встретились, но в полевых записях они отмечены.

(115) *Эртемдээннер чон изиг агаардан олур деп сагындырып турар* (Анк.).

эртемдээн=нер	чон	изиг	агаар=дан	
ученый=PL	люди	жаркий	воздух=ABL	
өл=үр	деп	сагын=дыр=ып		тур=ар
умирать=PrP	DELIB	предупреждать=CAUS=CV		AUX=PrP

Букв.: умрет, сказав, предупредили.
‘Ученые предупреждают, что человечество погибнет от потепления климата.’

Слово *деп* может употребляться также в роли квотатива в составе БПК косвенной засвидетельствованности. Термин «квотатив» мы используем в двух значениях: как средство введения в текст буквальной цитаты (цитатив) или как пересказ полученной с чужих слов информации. Второе употребление этого термина связано с выражением одной из разновидностей категории эвденциальности – косвенной засвидетельствованности.

Конструкция **[N + Tv=PART + QUOT] (ГПЕ)** широко используется для передачи информации, полученной от третьего лица. Квотатив *деп* выступает здесь как средство передачи косвенной засвидетельствованности. При помощи данного структурного типа БПК описываются разные эвиденциальные смыслы.

(116) *Тывалар оон келген деп турар* (МЛПТ 2010: 54).

тыва=лар	оон	кел=ген	деп	тур=ар
тувинец=PL	тот.ABL	приходить=PP	QUOT	AUX=PrP

‘Тувинцы, говорят, оттуда пришли.’

(117) *Ынчангаштың ол хек болза аът баштыг Бора-Хек бээр келбес деп*, *мынчап чугаалап турган*, *шаанда улус* (МЛПТ 2010: 60).

ынчангаштың	ол	хек	бол=за	аът	баш=тыг
поэтому	тот	кукушка	быть=COND	лошадь	голова=POSSV
Бора-Хек	бээр	кел=бес	деп	мынча=п	
Бора-Хек	сюда	приходить=NEGPrP	QUOT	так=CV	
чугаала=п	тур=ган	шаанда	улус		
говорить=CV	AUX=PP	раньше	люди		

‘Вот почему та кукушка, серая кукушка с лошадиную голову, не прилетает сюда, вот так рассказывали раньше люди.’

(118) *Аржаанның аныяк кыс ээзи бар деп чүвени каш-даа кижи көрген болгаш таварышкан чүве дээр* (МЛПТ 2010: 132).

аржаан=ның	аныяк	кыс	ээ=зи	бар	деп
аржаан=GEN	молодой	девушка	хозяин=POSS.3	есть	QUOT
чүве=ни	каш-даа	кижи	көр=ген	болгаш	
вещь=ACC	сколько-PRTCL	человек	смотреть=PP	и	

тавары=ш=кан чүве дэ=эр
встречать=RECIP=PP PRTCL говорить=PrP
‘У *аржаана* есть молодая девушка-хозяйка, говорят, некоторые люди видели, встречались, говорят.’

Исследование способов выражения модус-диктумных отношений в фольклорных и современных художественных текстах показало их принциальное сходство: наиболее распространенными являются конструкции со служебным словом *деп*, широко используются также причастно-падежные конструкции (табл. 1). Различия в частотности их употребления могут быть связаны с содержательной спецификой текстов.

В фольклорных текстах, так же как и в произведениях современных тувинских писателей, используется рекурсия как средство, позволяющее строить сложные выразительные структуры. Данный тип БПК является грамматикализацией эвиденциальных значений, характеризующих способ получения или оперирования информацией.

Таблица 1

Частота модус-диктумных конструкций в мифах и тексте «Чылгычының өө»

МЛПТ (11326 слов, 500 БПК, из них 150 модус-диктумных БПК)				«Чылгычының өө» (109 с.) (30725 слов, 504 БПК, из них 93 модус-диктумных БПК)	
деп	другие			*деп*	другие
125	25			80	13
	ACC	DAT	NOM		ACC
	14	5	6		13

Соотношение семантики и структуры модус-диктумных БПК тувинского языка в неглубокой диахронии на материале фольклорных текстов показали соответствия структурных типов и семантики выражаемых ими отношений (табл. 2).

Монофинитные причастно-падежные БПК выражают достоверные способы получения информации (вербальный, чувственный, когнитивный и эмоциональную оценку), а также оценку информации говорящим в соответствии со шкалой «хорошо – плохо». Причастно-послеложные конструкции ориентированы на выражение делиберативных отношений. Недостоверная информация, полученная косвенным путем, передается бифинитной конструкцией с квотативом *деп*. Средством выражения персуазивности является конструкция с элиминированной модусной частью. Между первой и элиминированной частямм устанавливаются временные отношения. Причастно-падежная форма на *=ар=//=га* является основным средством выражения отношений общей временной соотнесенности ‘когда посмотрел {увидел}’. Такая структурная специфика характеризует семантическую сложность выражаемых отношений.

Таблица 2

Структурно-семантические типы тувинских модус-диктумных конструкций

Тип конструкции	Структурная схема	Семантика
Причастно-падежная	[Tv=PART=//=ACC] (ГПЕ) [Tv=PART=//=DAT] (ГПЕ) [Tv=PART=/ы/=] (ГПЕ)	Вербальный источник информации Чувственный источник информации Когнитивный источник информации Оценка
Причастно-послеложная	[Tv=PART=//=GEN+ дугайында] (ГПЕ)	Вербальный источник информации (делиберативъ)
Со скрепой *деп*	[Tv=PART + деп] (ГПЕ) [PRON Tv=дэ=PrP=DAT] (ГПЕ) [PRON=ACC DELIB] (ГПЕ) [N +Tv=PART QUOT] (ГПЕ) [Tv=PrP + деп] (V^{CAUS})	Когнитивный источник информации Вербальный источник информации (делиберативъ) Косвенная эвиденциальность Авторизация
Элиминированная модусная часть	[Tv=PrP=DAT] {‘увидеть’} (ГПЕ) [Tv=CV Tv=арга] {‘увидеть’} (ГПЕ) [Tv=ар орта] {‘увидеть’} (ГПЕ)	Чувственный источник-информации: слуховой, визуальный

* * *

Исследование изменений в структуре, семантике и функционировании БПК тувинского языка с начала XX в. до настоящего времени позволяет заключить, что для художественных текстов тувинской литературы разных периодов характерна тенденция к сохранению использования БПК.

Согласно той роли, которую выполняет ЗПЕ относительно ГПЕ, выделяется три крупных семантических типа. В фольклорных и современных текстах тувинского языка представлены БПК, выражающие диктум-диктумные, модус-диктумные и релятивные отношения.

Каждый из этих типов характеризуется ярко выраженной формальной спецификой. В частности, диктум-диктумные конструкции темпоральной семантики имеют структурную организацию, отличную от модус-диктумных, атрибутивных, а также, хотя в меньшей мере, от других диктум-диктумных, например, причинных конструкций.

Анализируя частотность употребления различных структурно-семантических типов БПК по временным срезам, в рамках которых имеются

сказки В. В. Радлова и тексты Н. Ф. Катанова XIX в., оригинальные тексты 1930-х–1940-х гг., 1950-х–1960-х гг., 1970-х гг. и по настоящее время, мы увидели, что общими для текстов является наличие двух стратегий развития БПК: первая реализуется в монофинитных, вторая – в бифинитных БПК.

Предикаты ЗПЕ монофинитных БПК представлены синтетическими деепричастными и причастно-падежными структурами (диктум-диктумные, модус-диктумные БПК) или внепадежной формой причастия (релятивные БПК). Отмечены случаи синтетико-аналитических БПК с причастно-послеложной ЗПЕ (целевые, причинные конструкции).

Предикаты в бифинитных БПК организует форма на *=ды* (темпоральные БПК). Средства связи ПЕ в составе БПК составляют синтетические формы: падежи, деепричастия, форма на *=са*, аналитические формы с послелогами и частицами.

В текстах Н. Ф. Катанова и В. В. Радлова некоторые семантические типы БПК не встретились. Это может объясняться неравномерным объемом выборки и жанровым своеобразием текстов. Нельзя утверждать, что в этот период некоторые семантические структуры не употреблялись, но в анализируемых текстах они не встречаются. Динамика нарастания элементов сложности прослеживается в текстах более позднего периода.

Лингвистическими ресурсами использования БПК в современных текстах являются все виды сложного предложения: сложносочиненные, сложноподчиненные и многочленные (усложненные СП).

Во всех текстах доминируют монофинитные БПК как основа тувинского синтаксиса, следующими по употреблению являются сложносочиненные предложения; многочленные сложные предложения (сложные периоды) представлены в романах классиков тувинской прозы.

В контексте языковой сложности тувинские диктум-диктумные БПК с ЗПЕ времени характеризуются тем, что не все синтаксические формы, выделяемые на основании показателей указанного типа, имеют семаническую специализацию: многие из них передают несколько типов отношений.

Между типом формальной организации сложного предложения с ЗПЕ времени и характером его синтаксической семантики устанавливается вполне определенное соотношение: чем проще формальное устройство конструкции, тем более разнообразное содержание она позволяет выразить за счет модификации скрепы и видо-временных характеристик сказуемых ГПЕ и ЗПЕ, которые часто выражаются сложными по структуре и семантике аналитическими конструкциями [Структурные типы… 1986: 15].

Базовое диктум-диктумное значение может осложняться разнообразными фоновыми значениями. Так, темпоральная семантика может сопровождаться значением обусловленности: *Доңа бергенде, ажылдаары дам баар* (СС, А, 227) ‘Когда замерзнешь, еще активнее работаешь’; аналогично и в сравнительных, сопоставительных, определительных и модус-диктумных высказываниях.

При наличии общей закономерности широкого употребления БПК в текстах тувинской прозы наблюдается определенная зависимость от особенностей индивидуального стиля писателя. Языковые средства направлены на выполнение функционального задания, и частота употребления является строго мотивированной. Качественная (комплекс средств и характер их функционирования) и количественная (частотность употребления этих единиц) стороны находятся в тесной взаимосвязи, составляя единство, и определяются целью общения, зависят от конкретных экстралингвистических факторов.

Исчисление количества способов построения ЗПЕ диктум-диктумных БПК (темпоральных, обусловленности) и количество синтетических, синтетико-аналитических и аналитических показателей связи свидетельствует о преобладании инфинитных форм, используемых в финитной функции: причастий в неаналитических сказуемых и деепричастий в роли первого компонента аналитических сказуемых.

Среди нефинитных форм самой частотной является форма деепричастия на *=n*. Это деепричастие употребляется не только для выражения предиката повествовательного предложения, но и для образования аналитических глагольных форм с грамматикализованными и полуграмматикализованными вспомогательными глаголами, обозначающими способы глагольного действия. Деепричастные формы передают тесные семантические отношения между дискурсивными единицами, подчеркивая, что эти отношения носят не только временной, но и каузальный характер.

Преобладание финитного оформления предиката над инфинитным можно объяснить требованием структуры текста и семантикой описываемых в нем событий. Выбор финитной или деепричастной формы предиката обусловлен характером связи данного события с последующим.

Финитное оформление предиката является немаркированным и означает отсутствие каузальной связи. Инфинитное оформление маркировано и предполагает не только временную, но и каузальную связь с последующим событием.

2. Структурная и семантическая сложность синтаксических конструкций хантыйского языка

В фундаментальных описаниях языков народов России, созданных в 1960–1970-е гг. по образцу «Грамматики русского языка» 1954 / 1960 г., раздел «Сложное предложение» обычно очень мал по объему, что мотивируется якобы тем, что сложное предложение в таких языках еще «находится в процессе развития». Подобные высказывания отражают теоретические «шоры», которые не позволяли увидеть другие типы конструкций, не похожие на среднеевропейский стандарт сложных предложений, а также демонстрируют представление о «сложном» предложении только как об определенном структурном типе – бифинитной конструкции, в которой сказуемые обеих частей выражены финитными формами глагола, а в качестве средств связи используются аналитические показатели – союзы или союзные слова.

Тем самым все другие способы выражения отношений между двумя или более событиями «сложными» не признаются.

Под «сложностью» предложения подразумевается в действительности его «простота», т. е. одно-однозначное соответствие между планом выражения и планом содержания и наличие аналитического средства, предназначенного для выражения этого отношения: каждому событию соответствует собственная предикативная единица, для выражения отношений между ними используется отдельное слово – аналитический показатель связи.

На самом деле более «сложными» в семантическом и структурном отношении являются монофинитные конструкции, широко распространенные в языках коренных народов Сибири, в которых финитную форму имеет только сказуемое главной предикативной единицы (ГПЕ), а сказуемое зависимой обязательно принимает форму деепричастия, причастия, имени действия, инфинитива и др. Соответственно, показателем отношений в таких построениях служат не союзы, а морфемы, структурно принадлежащие инфинитному сказуемому зависимой предикативной единицы (ЗПЕ), их сферой действия оказывается между тем все предложение в целом [Убрятова 1976; Предикативное склонение… 1980; Структурные типы… 1986].

Все средства связи частей полипредикативных конструкций (ППК), вслед за Т. А. Колосовой и М. И. Черемисиной [Колосова, Черемисина 1987а; Колосова, Черемисина 1987б; Черемисина, Колосова 1987; и др.], мы называем *скрепами*. Применительно к хантыйскому языку этот термин чрезвычайно удобен. Традиционно использующиеся в русистике термины *союз* и *союзное слово* не охватывают всего разнообразия показателей связи частей предложения, в том числе и морфологических, встроенных в словоформу [Черемисина 1973]. В хантыйском же языке таких категорий слов, которые можно было бы назвать «союзами» в их классическом определении, вообще нет. Все те слова, которые в хантыйском языке выступают в роли аналитических связующих компонентов, относятся к частицам, послелогам или местоимениям: они служат источником формирования фонда аналитических скреп в современном хантыйском языке. Выводы Т. А. Колосовой и М. И. Черемисиной [1987а], сделанные на материале русского языка, о закономерностях пополнения фонда аналитических скреп, находят подтверждение применительно к хантыйскому языку и открывают широкую типологическую перспективу при изучении аналогичных процессов в языках разных систем.

Хантыйский – один из финно-угорских языков Западной Сибири – находится под угрозой исчезновения, так как количество его активных носителей неуклонно сокращается по причине естественной смертности представителей старшего поколения. Но сфера функционирования хантыйского языка расширяется: ведется его преподавание в школе (в младшем, среднем и старшем звеньях), в педагогических колледжах Ханты-Мансийска и Салехарда, в СПбГУ им. А. И. Герцена, издаются газеты, ведется теле- и радиовещание, публикуются фольклорные произведения и произведения хантыйских писателей и поэтов, на хантыйский язык переводятся законы и нормативные акты

и т. д. Таким образом, хантыйский язык выходит за пределы бытового и семейного общения и становится языком публицистики и делопроизводства, в нем происходят активные процессы преобразования ряда грамматических структур, обусловленные необходимостью выражать такие смыслы, которые ранее были для него неактуальны.

В данном разделе рассматриваются процессы изменения стратегии развертывания текста и связанное с этим формирование аналитических подчинительных скреп, использующихся для связи частей ППК. Результатом такого развития является увеличение количества аналитических конструкций, т. е. формирование классического сложного предложения.

В казымском диалекте хантыйского языка, по нашим подсчетам, представлено всего 4 синтетические конструкции и около 40 аналитико-синтетических [Кошкарева 1991]. Кроме того, выявлено около 50 аналитических показателей связи частей бифинитных ППК. Данный тип конструкций имеет тенденцию к дальнейшему пополнению, что вызвано наблюдающимися в последние годы изменениями в стратегии построения текстов на хантыйском языке [Кошкарева 2006]. Этим данный диалект существенно отличается как от других диалектов хантыйского языка, в которых представлены развернутые падежные системы и, соответственно, большее количество синтетических конструкций, так и от самодийских и тюркских языков смежных ареалов.

Материалом исследования послужили публикации из газеты «Ханты ясăŋ» («Хантыйский язык»; прежнее название «Ленин пант хват» – «По ленинскому пути»). Она является основным источником формирования аналитических средств связи частей ППК в силу характера публикуемых материалов, среди которых обязательно представлена официальная хроника, документы нормативного характера и т. п., неизбежно предполагающие перевод с русского языка или сильное воздействие с его стороны. Это обусловлено необходимостью выразить на хантыйском языке определенные смыслы и отношения между событиями, свойственные официально-деловой, публицистической, научной сферам общения, которые изначально хантыйскому языку не были присущи.

В качестве «эталона сравнения», условно принятого за «стандартный» хантыйский язык, используются фольклорные тексты: сказки, старинные и бытовые рассказы, в которых описывается повседневная жизнь и похождения героев, представлены монологи и диалоги, отражающие особенности живой разговорной речи. Обрядовые и песенные формы фольклора для анализа не привлекались.

Обращение к фольклорным источникам обусловлено тем, что на казымском диалекте хантыйского языка до сих пор отсутствуют художественные прозаические произведения, между тем как поэтических сборников издано довольно много. Не является исключением в этом отношении и книга А. М. Сенгепова «Касум ики путрат» («Рассказы старого ханты»), включающая значительный пласт фольклорных текстов. Интересным образцом оригинального произведения на хантыйском языке являются воспоминания

С. П. Кононовой «Рот мувевмн восум ма», опубликованные в нескольких номерах газеты «Ханты ясăŋ» за 1991 г. (около пяти газетных полос) – по сути дела, небольшая повесть о детстве, проведенном в традиционной хантыйской семье.

В примерах сохраняется орфография первоисточника. Глоссирование выполняется в финно-угорской транскрипции, так как до сих пор для хантыйского языка единые нормы орфографии отсутствуют, каждый автор использует собственную систему записи. Отсутствие ссылки на источник показывает, что пример получен в процессе работы с информантами.

2.1. Стратегии построения фольклорных и публицистических текстов

Фольклорный и публицистический корпусы текстов существенно отличаются друг от друга по признаку стратегии развертывания повествования. Под влиянием русского языка происходит изменение порядка слов в простом предложении, а вместе с ним и изменение порядка следования главной и зависимой частей ППК.

Хантыйский язык характеризуется нейтральным порядком слов SOV (ср. русский SVO), при котором финитный глагол устойчиво занимает конечную позицию в предложении и служит маркером конца предложения. Расположение субъекта и объекта (а также и других возможных членов предложения) в позиции перед глаголом относительно свободно и регулируется актуальным членением: рематической является позиция непосредственно перед глаголом. Однако из русского языка заимствуется такое расположение слов, при котором рематический компонент выносится в абсолютный конец предложения, в позицию после глагола. Например:

(1) [Что дал богатырь женщине?]
Мощ похатўр имийа мăс $^{T}//^{R}$ *ар сорни вух.* [СНХ: 7]

mɔś	pɔχatŭr=∅	imij=a	
сказочный	богатырь=NOM	женщина=DAT	
mă=s=∅	ar	sɔrńi	wŏχ=∅
дать=PAST=SUBJ.3SG	много	золотой	деньги=NOM

‘Сказочный богатырь женщине дал много золотых денег.’

Ср. канонический порядок слов: *Мощ похатўр имийа ар сорни вух мăс* ‘Сказочный богатырь женщине много золотых денег дал’.

Аналогичное изменение порядка следования частей происходит и в ППК. Для хантыйского языка типична препозиция ЗПЕ, в абсолютном конце которой оказывается либо послелог, либо падежный показатель, выполняющие роль скрепы. ГПЕ при этом завершается финитным глаголом. Тем самым принцип маркирования конца предложения личной формой глагола сохраняется, например:

(2) *Ӆӳв хути щартəӈ хӧ вӧӆмаӆ пӑти ӆилəӈа хащəс.* [СНХ: 39]

лӱw	χӧti	śӑrtəŋ	χǫ	wǫλ=**m=aλ**
он	ведь	шаман	мужчина	быть=**PP=3SG**
pӑti	λiləŋ=a	χӑś=əs=∅		
из-за	живой=DAT	остаться=PAST=SUBJ.3SG		

‘Он ведь в живых остался, так как был шаманом.’

Однако в газетных текстах воспроизводится порядок следования частей, характерный для русского языка: в нейтральных предложениях ЗПЕ следует за ГПЕ, например:

(3) *Ӆӳв мойӆӑсы шуши мирӑт культура вєр əхтыйн хӳв мӑр, яма рəпиттаӆ пӑта, па нəптӑӆ 60 оӆа ювмаӆ пӑта.* [ХЯ. 12.02.2005. В. Аликов «Округ дума 35-мит мирхот»]

лӱw	məjλə=s=i=∅				šöši	mir=ət	kul’tura
он/а	подарить=PAST=PASS=SUBJ.3SG				местный	народ=PL	культура
wєr	ǫχtijən	χӱw	mӑr	jӑm=a	rǫpit=**t=aλ**		**pӑta** ра
дело	на	долгий	время	хороший=ADV	работать=**PrP=3SG**		**из-за** и
nǫpt=əλ			60 əλ=a	jӱw=**m=aλ**	**pӑta**		
век=POSS.3SG.SG			60 год=DAT	стать=**PP=3SG**	**из-за**		

‘Она была награждена за то, что долго и хорошо работает на культуру родного народа и в связи с 60-летием.’

Такая перестановка частей приводит к тому, что формальное маркирование переносится с зависимой в смысловом отношении части на главную. В причинно-следственных предложениях, в частности, показатель связи перемещается с той части, которая обозначает причину, на часть, обозначающую следствие. При этом основное средство выражения причинно-следственных отношений – послелог *pӑta* ‘для; из-за’ – сочетается с указательным местоимением *śi* ‘этот’, формируя скрепу с семантикой следствия *śi* / *śit pӑta* ‘поэтому’:

(4) *Ма вəйтӆум, хуты ӆӳв хӳӆ веӆпӑсӆӑты вєра сӑмӑӈ,* ***щи пӑта*** *ӆӳвеӆа хурамӑӈ шайпӳт па кӑт карты анӈӑн мойӆаӆум.* [ХЯ. 12.02.2005. Л. Спирякова «Хӑннєхə пєӆа сӑмӑӈ»]

ma	wǫjət=λ=əm		χӧti	лӱw	χӱλ	weλpəsλə=ti	wer=a
я	знать=Pr=SUBJ.1SG		как	он	рыба	добывать	дело=DAT
sӑm=əŋ	**śi**	**pӑta**	лӱweλa	χӧraməŋ		šaj pӱt	ра
сердце=ADJ	**этот**	**из-за**	ему	красивый		чай котел	и
kӑt	karti	an=ŋən		məjλə=λ=əm			
два	железный	чашка=DU		подарить=Pr=SUBJ.1SG			

‘Я знаю, как он любит охотиться и рыбачить, поэтому я ему красивый чайник и две железные чашки подарю.’

Таким образом формируются следственные ППК, которые первоначально, как особая структурно маркированная разновидность, отсутствовали. От-

ношения следствия в хантыйском языке прежде всего выражаются в бессоюзном сложном предложении. На них указывает лексическое средство – наречие следствия *śirən* ‘поэтому’, например:

(5) *Манəтти нэш аӆьмэн,* ***щирəн*** *мăнты мосӆ.* [СНХ: 98]

mănətti	nɛš	aλ’=m=en	**śirən**	măn=ti	mɔsλ
меня-то	оказывается	обещать=PP=2SG	**поэтому**	идти=PrP	надо

‘Ты меня, оказывается, пообещал, поэтому придется идти.’

Конструкции, формируемые скрепами *śi* / *śit păta* и наречием *śirən*, являются синонимичными. Совершенно очевидно, что выразителями отношений следствия являются сами названные скрепы. Их синтаксическая функция в том и состоит, чтобы маркировать определенный тип отношений между двумя событиями, поэтому мы присваиваем им статус «скрепы». Однако в русистике принято считать, что указательные Т-местоимения (*тот*, *такой*, *так* и др.), в отличие от относительных К-местоимений (*кто*, *что*, *какой* и др.), не являются союзными словами, т. е. их синтаксическая функция как носителей определенного типа отношений игнорируется. Предложения с такими словами причисляются к бессоюзным. В этом отношении хантыйское наречие *śirən* эквивалентно русскому *поэтому* и в соответствии с традициями русистики не должно рассматриваться как показатель связи частей сложноподчиненного предложения.

Однако мы присоединяемся к точке зрения С. Г. Ильенко [1982], которая полагает, что Т-местоимения в предложениях типа *Левин оглянулся вокруг себя и не узнал места:* ***так*** *все переменилось* (Л. Н. Толстой. Анна Каренина) и некоторых других следует считать особой разновидностью показателя связи – *дейксисом*, а подобные предложения необходимо причислить к сложноподчиненным особой разновидности – *сложнодейктическим*, наряду со сложноподчинительными (показатель связи – союз) и сложноотносительными (показатели связи – союзные слова и релятивы).

Чтобы избежать терминологического спора о типе сложного предложения (бессоюзное или сложноподчиненное) и статусе показателя связи (союзное слово или нет), применительно к хантыйскому языку мы будем называть рассматриваемые предложения бифинитными ППК с аналитическими скрепами.

При монофинитной организации текста первым по порядку появляется событие, которое служит «ориентиром», точкой отсчета, относительно которого фиксируется событие ГПЕ. Соответственно, при описании сложной ситуации вначале задаются ориентиры происходящего, а затем уже в текст вводится то событие, которое является предметом описания. Его главенствующий статус маркируется и подчеркивается финитным способом выражения. Ср. два отрывка – из фольклорного и публицистического произведений.

В фольклорном произведении временные отношения передаются при помощи причастно-падежной и причастно-послеложных конструкций (предложения 6.1, 6.3, 6.5):

(6)

(6.1) *Вельщи ханты мулт=**ум=ан**, щиран хантэн кэняра вэл, хулты-хулты лув вельщи ара ларпилаты питас.* (6.2) *Щи киньща муй, тала йис там ищки мувеван.* (6.3) *Сус пот=**ум артан** вэнта манас.* (6.4) *Щи вэнт хот хар верас.* (6.5) *Йетн холмес=**м=ал юпиян**, рымхум=**ты вэнта**, хэллалэ: мулты иса щи сащл.* (6.6) *Хэлталан: вов-вов-вов.* (6.7) *«Па щит, мата мулты янхум мувеман-йинкеман щимащ сый па иса ант хэллясум.* (6.8) *Щит лув и муй увал?»* [ККО-1: 64]

(6.1) Когда человек был только что сотворен, тогда людей было еще мало, только-только они стали расселяться. (6.2) Так вот наступила зима на этой нашей холодной земле. (6.3) Осенью, когда реки замерзли, (человек) пошел в лес. (6.4) В этом лесу сделал стоянку. (6.5) Вечером, после того как заночевал, пока не стемнело, услышал: что-то слышится. (6.6) Прислушивается: вов-вов-вов. (6.7) «Что же это, по каким бы землям-водам я ни ходил, такого звука никогда не слышал. (6.8) Кто же это кричит?»

(6.1) *Вельщи ханты мултуман, щиран хантэн кэняра вэл…*

weλśi	χănti	mŭλt=**əm=ən**	śirən
только что	человек	колдовать=**PP=LOC**	тогда

χănt=en	kǫńar=a	wǫλ=∅
человек=POSS.2SG.SG	бедный=ADV	быть.Pr=SUBJ.3SG

‘Когда человек был только что сотворен, тогда людей было еще мало...’

(6.3) *Сус потум артан вэнта манас.*

sŭs	pət=**əm**	**artən**	wǫnt=a	măn=əs=∅
осень	замерзнуть=**PP**	**когда**	лес=DAT	идти=PAST=SUBJ.3SG

‘Осенью, когда замерзло, (человек) пошел в лес.’

(6.5) *Йетн холмесмал юпиян, рымхумты вэнта, хэллалэ...*

jɛtən	χɔλmes=**m=aλ**	**jŭpijən**	rimχəm=**ti**	**wǫnta**
вечером	заночевать=**PP=3SG**	**после**	стемнеть=**PrP**	**до**

χǫλ=λ=aλe
услышать=Pr=OBJ.3SG.SG

‘Вечером, после того как заночевал, пока не стемнело, услышал...’

Основная линия повествования данного отрывка связана с описанием событий, происходящих с человеком: (6.1) людей было мало, (6.3) человек пошел в лес, (6.5) человек услышал какой-то звук, (6.7) прежде такой звук человек не слышал. Все эти события названы финитными глаголами, которые поддерживают непрерывность повествования и преемственность от предложения к предложению главного субъекта рассказа. Второстепенные обстоятельства осуществления данных действий выражаются «второстепенными» грамматическими формами – причастными конструкциями.

В приводимом ниже отрывке из газетного текста маркирование зависимости одного события от другого грамматически выражается не так отчетливо, а оформление границы между предложениями перемещается с его конца (финальная позиция финитной формы глаголы) на начало (инициальная позиция показателя отношений между нзванными событиями):

(7)

(7.1) *Тăм хурн нын пеӆана вантăӆ айкеӆăт акăтты нєӈие Ольга Зеленина*. (7.2) *Ӆӳв Ямал мӳв эвăӆт мӳӈ хущева юхтăс, вəнӆтыӆăс Нижневартовской пединститутăн Ёмвош филиалн*. (7.3) ***Щи юпийн*** *тăм хурамăӈ эвие телевидениянăн рəпитты питăс*. (7.4) ***Ин вəнты*** *Ольга Зеленина шуши мирăт пăта телевизор хувăт арсыр айкеӆăт тəӆ, ям, вуӆăӈ хăнты хуятăт оӆăӈăн путăртăӆ*. (7.5) *Ӆӳв округевн арсыр тăхетăн, ай кəртăтн, вəнт шушетн вəс*. (7.6) ***Муй*** *щăта вантăӆ,* ***иса*** *мирева путăртăӆ*. …
(7.7) *Ӆăӈхаӆӳв,* ***ӆəӆн*** *ӆӳв па ар оӆ мӳӈ мирев пăты* ***ат*** *путăртăс, ям хуятăт пиӆа* ***ат*** *вəйтантыӆăс*. [ХЯ. 13.01.2006. Надежда Новьюхова]

(7.1) На этой фотографии на вас смотрит корреспондент (букв.: новости собирающая женщина) Ольга Зеленина. (7.2) Она с Ямала к нам приехала, училась в Нижневартовском пединституте, Ханты-Мансийском филиале. (7.3) **После этого** эта красивая девушка на телевидении работать стала. (7.4) **С этих пор** Ольга Зеленина для коренных народов по телевизору разные новости ведет, о хороших хантыйских оленеводах рассказывает. (7.5) Она в округе в разных местах, в разных деревнях, в стойбищах побывала. (7.6) **Что** там видит, **все** людям рассказывает. … (7.7) Мы хотим, **чтобы** она еще много лет для наших людей рассказывала, **чтобы** с хорошими людьми встречалась.

Все сказуемые в этом фрагменте выражены финитными формами глагола, в нем нет ни одной монофинитной конструкции, хотя между описываемыми отношениями устанавливаются самые разнообразные отношения: временные (предложения 7.3, 7.4), отождествительные (предложение 7.5), изъяснительные (предложение 7.6). При этом выражение временных отношений между двумя событиями выходит за рамки одного предложения и передается серией простых предложений. В начале каждого из них находится межфразовая скрепа, сформированная на базе сочетания указательного местоимения и временного послелога (*śi jŭpijən* ‘после этого’, *in wǫnti* ‘с этих пор’). Таким образом, временные отношения в данном тексте строятся на основе анафорических отсылок к сказанному ранее, при этом ни одно из событий грамматически не интерпретируется ни как главное, ни как подчиненное, структурно все они равноправны.

В фольклорном тексте при необходимости описать последовательность нескольких событий используются лексические повторы или синонимические замены, при которых один и тот же глагол (или синонимы) стоит сначала в финитной форме как обозначение основного события, а затем в инфи-

нитной форме, если названное им событие, в свою очередь, служит ориентиром для последующего, например:

(8) *Щи пурайən Кар ики икилэ пэла лупийл: «…». Щит лупмал йўпийən ким шŏшмəс.* [СНХ: 39]

śi	pəraj=ən	kar iki	iki=le	pɛλa	**lŏpij=əλ=∅**
этот	время=LOC	PN	мужчина=DIM	на	**говорить=Pr=SUBJ.3SG**
śit	**lŏp=m=aλ**		**jŭpijən**	kim	šǫšm=əs=∅
это	**сказать=PP=3SG**		**после**	наружу	пойти=PAST=SUBJ.3SG

‘Тогда *Кар ики* мужичонке сказал: «…». После того как это сказал, на улицу пошел.’

(9) *Лўв щих питəс, кăт-вэт хăтəл улəс па вэлщи нух ɲилəнлəс. Нух питмал йўпийən йăм хўв вŏс.* [СНХ: 33]

λŭw	śiχ	pit=əs=∅		kăt	wet	χătəλ
он	смерть	стать=PAST=SUBJ.3SG		два	пять	день
ŏλ=əs=∅			pa	weλśi	**nŏχ**	
лежать=PAST=SUBJ.3SG			и	потом	**вверх**	
λĭλəŋλ=əs=∅			**nŏχ**	**pit=m=aλ**	**jŭpijən**	jăm
ожить=PAST=SUBJ.3SG			**вверх**	**стать=PP=3SG**	**после**	хорошо
χŭw	wǫ=s=∅					
долго	жить=PAST=SUBJ.3SG					

‘Он умер, десять дней полежал и потом ожил. После того как ожил (букв.: поднялся), хорошо долго жил.’

Таким образом, все события – и главные, и подчиненные – получают в тексте предикатное выражение (финитное или инфинитное). Анафора же в подобных контекстах является средством компрессии смыслов, их более компактной репрезентации, по сути дела она представляет собой редукцию ориентира. Для хантыйского языка в целом свертывание пропозиций не характерно: в нем действует тенденция к предикатному выражению диктума. В отличие от русского языка, в котором возможны простые модус-диктумные предложения типа *Мама радуется возвращению сына* (> Мама радуется тому, что сын вернулся), в хантыйском выдвижение на первый план – в предикатную позицию – модусной интерпретации (в данном случае – эмотивной реакции) невозможно, как невозможно и выражение диктума в свернутом виде – девербативом. Наличие в глагольной парадигме наклонения неочевидного действия, имеющего семантику реактивности, позволяет расставить акценты иначе: на первый план вывести обозначение диктумного события, а реакцию на него представить в максимально свернутом виде – аффиксами глагольной категории неочевидного наклонения.

Скрепы типа *śi jŭpijən* ‘после этого’, *śi kŭtən* ‘в это время’, *śi artən* ‘в это время’, *śi pŏrajən* ‘в это время’, *śi măr* ‘в это время’ и многие другие не являются инновацией газетного текста. Они довольно частотны и в фольклорных произведениях. Новой является сфера их функционирования. В фольклорном

тексте они выступают как межфразовые скрепы, причем дают анафорическую отсылку не к непосредственно предшествующему или соположенному событию, а к целой многоплановой ситуации, представляющей собой внутреннюю упорядоченность нескольких событий, например:

(10)

Си ситӑн *еԯԯы вәԯматсӑԋӑн, еԯԯы хоԯматсӑԋӑн. Ин имеԯ муԯты тахеԯа па си манс.* ***Си артӑн*** *ин ай пухлэв па ханнєхәя йис. Ин эвеԯн вәнӑԯтасы муй тахия мӑнты: «…». Партум сирӑԯн, вәнӑԯтум сирӑԯн си манс. Хув мув ки вәс хув шәшӑс, ван мув ки вәс ван шәшӑс, имуԯтыян сёрӑс хонӑԋ вән саԋхума си юхтӑс. Вантыяԯ: йинапа курӑԋ вой ԯоԯь. Ювӑтсаԯԯє, вой иԯы керияс. Сив шәшас, хурсаԯє, хунӑԯ пелка сыԯємӑч хор пеши, хор пеши сыԯємӑсы карты ворш вух ворш нух пәрԯас. Нёԯан ювтсаԯє, иԯ керияс. Карты ворш, вух ворш сыԯємасы карӑԋ пушхӑт иԯы ракӑнсат. Ситаԯн манс, юх актӑс, тәрум ԯуват, мув ԯуват вән тут тахӑс. Карӑԋ пушхӑт сив пунсаԯє пунӑԯшаты. Етшумеԯ артӑн йира хирӑтсаԯє, пелка кутӑрсаԯє, йина ялань-ики сам-мухӑԯ сята.* ***Ситӑԯ*** *па вуськӑс па лупиял: «Акань веншуп наяԋ тәрум тывтыян, акань веншуп вәртӑԋ тәрум тывтыян тамӑсь лымхим, тамӑсь ялань па ԯыв вәԯты кемӑԯн ат вәԯԯӑт».*
Си юпиян *аԋкеԯ вәтӑс*... [ККО-2: 162–163]

Так дальше живут, ночуют. Мать опять куда-то уходит. **Тогда** мальчик опять превращается в человека. Девушка рассказала ему, куда дальше следовать: «…».
Как указали, как показали, так и пошел. Долгое расстояние если было, долго шел, короткое расстояние если было, быстро шел. В одно время пришел на берег моря к высокому яру. Смотрит, действительно лось стоит. Выпустил стрелу, лось упал. Подошел, разделал желудок, оттуда вылетел железный орел, поднял лук, спустил стрелу, упал орел, разрезает желудок, оттуда выпали три яйца. Тогда он пошел собирать дрова. Когда собрал дрова, запалил большой костер, кинул туда три яйца. Когда они прожарились, убрал с костра, разбил, правда, оказывается, сердце-душа там у яланя. **Тогда** он встал и говорит: «Когда наступит время мужчин с кукольным лицом, когда наступит время женщин с кукольным лицом, такие ялани пусть живут там, где им предназначено жить, пусть с человеком их дороги не пересекаются.
После этого он нашел свою маму…

В данном тексте сфера действия скрепы *śi jйpijən* ‘после этого’ распространяется на значительный участок текста объемом около страницы и охватывает череду событий от исчезновения матери главного героя до новой встречи с ней. Ср. сужение сферы действия подобной скрепы и употребление ее для выражения отношений между двумя событиями вместо нормативной в данном случае причастно-послеложной конструкции:

(11) *Упие, йиӈкăӈ пелăк керăтсум, си мăр нăӈ шенк ар вер версăн.* [ККО-2: 172]

ŏpi=je		jiŋk=əŋ	pɛlək	kɛrət=s=əm	
старшая сестра=DIM		вода=ADJ	сторона	обходить=PAST=SUBJ.1SG	
śi	**măr**	năŋ	šɛŋk	ar	wɛr	wɛr=s=ən
этот	**время**	ты	очень	много	дело	сделать=PAST=SUBJ.2SG

‘Сестра, я водные стороны обходил, ты тем временем много зла сделала.’

(12) *Упие, йиӈкăӈ пелăк керăтмєм мăр нăӈ шенк ар вер версăн.*

ŏpi=je		jiŋk=əŋ	pɛlək	kɛrət=**m=ɛm**	
старшая сестра=DIM		вода=ADJ	сторона	обходить=**PP=1SG**	
măr	năŋ	šɛŋk	ar	wɛr	wɛr=s=ən
время	ты	очень	много	дело	сделать=PAST=SUBJ.2SG

‘Сестра, пока я водные стороны обходил, ты много зла сделала.’

Оправданием использования скрепы *śi măr* ‘в это время’ вместо причастно-послеложной конструкции в данном контексте может служить интерпретация события «обходить водные стороны» как длительного процесса, включающего в себя множество разнообразных частных происшествий. В дальнейшем было бы интересно проследить лексическое наполнение частей в предложениях с подобными скрепами по сравнению с причастно-послеложными конструкциями.

Аналогом скреп временной семантики, образованных на базе сочетания «указательное местоимение + послелог», служит указательное местоимение *śit* ‘этот’ в лично-притяжательной форме местно-творительного падежа – *śit=//=n*, которое помещается в самом начале предложения и обозначает, что описываемые события соположены во времени или между ними имеется внутренняя логическая связь и преемственность. Это местоимение скрепляет фрагменты тексты, подводит итог череды событий, поэтому может быть также отнесено к межфразовым скрепам. В тексте такая скрепа может быть очень частотной, как в приводимом ниже абзаце, в котором она встречается четыре раза.

(13)

Ӆӱв ***щитəӆəн*** *имəӆ кӱншэмəслэ, тăӈрəмəслэ, щэпа хойəӆсəӆӆэ. Вош лака мухəӆсəӆӆэ, ӆапəт вŏрт иса хунтəсəт.* ***Щитəӆəн*** *йуӆта ньŏхəӆти питсəӆӆэ. Хӱв муй ван ньŏхəӆсəӆӆэ, ӆапəт вŏрт йуӆта йухəтсəӆӆэ. Йохӆаӆ йинтəслэ. Тăмпи таӈкəр, тумпи таӈкəр таӆман йош эсəӆсəӆӆэ. Ӆапəт вŏрт и ньоӆ вэй ŏхтийа омсəмсəт.* ***Щитəӆəн*** *ухсухӆаӆ нух хурсəӆӆэ, йух тийа нух вущкəмсəӆӆэ.* ***Щитəӆəн*** *ник мăнəс хопӆа ӆэӆəс, йухи мăнəс*. [СНХ: 65]

С этим он схватил свою жену, сжал-скомкал, в карман сунул. Обошел город, семь богов все сбежали. **Тогда** он стал их догонять. Долго или коротко догонял, семерых богов догнал. Натянул лук, натянул тетиву, руку отпустил, семь богов на одну стрелу нанизал. **Потом** волосы с них содрал, на вершину дерева повесил. **После этого** пошел он на берег, сел в лодку, поехал домой.

Другим функциональным эквивалентом межфразовых скреп со значением общего соотнесения событий во времени являются устойчивые по своему лексическому наполнению причастно-послеложные конструкции, в состав которых входит указательное местоимение *śiti* ‘так’, глагол ‘жить’ в причастной форме и один из временных послелогов, обозначающих длительность, протяженность временного интервала (*artən*, *pŏrajən*, *sa*, *sati*, *saχət* и др.). Конструкция имеет буквальное значение ‘пока так живут’, на деле она подводит итог сказанному и указывает на переход к описанию нового события, например:

(14)

(14.1) *Ин йуԥэн* ***вӑԥтаԥ сати*** *иса оԥмэԥа йис.* (14.2) *Ащэԥ икийэн ӑнт эсэԥԥа уԥти.* (14.3) *Ԥӯв имуԥтийэн иԥ щи кэрийэс.* (14.4) *Ащэԥ ким этԥьэс, ӑхԥэԥ па сот ньоԥ пунэм сӑмэԥ тивэт йухи мэтшэсԥэ.* (14.5) ***Щити вӑԥтэԥ сати*** *увэс йурнэт ԥаԥьа йухэтсэт*. [СНХ: 37]

(14.1) **Однажды** дома он очень захотел спать. (14.2) Отец ему спать не разрешает. (14.3) Он все-таки лег спать. (14.4) Отец вышел на улицу, лук и сто стрел занес домой. (14.5) **В это время** северные ненцы пришли к ним воевать.

(14.5) *Щити вӑԥтэԥ сати увэс йурнэт ԥаԥьа йухэтсэт.*

śiti	**wǫλ=t=eλ**	**sati**	ŏwəs	jŏrn=ət
так	**жить=PrP=3PL**	**пока**	северный	ненец=PL
λaλ’=a	jŏχət=s=ət			
война=DAT	прийти=PAST=SUBJ.3PL			

Букв.: Пока они так жили, северные ненцы пришли на войну.
‘В это время северные ненцы пришли к ним воевать.’

Ср. более свободное лексическое наполнение первого предложения:

(14.1) *Ин йуԥэн вӑԥтаԥ сати иса оԥмэԥа йис.*

in	jŏλən	**wǫλ=t=aλ**	**sati**	isa	ɔλməŋ	ji=s=∅
теперь	дома	**жить=PrP=3SG**	**пока**	совсем	сонный	стать=PAST=SUBJ.3SG

‘Пока дома теперь живет, очень захотел спать.’

Кроме описанного изменения сферы действия скрепы, которое опирается на внутренние ресурсы языка и обусловлено перестройкой стратегии построения текста в целом, встречаются также и случаи простой контаминации аналитических и синтетических средств, при которых наблюдается двойное выражение одной и той же семантики, например:

(15) *Ситы омастэмн кутн хэллэман, камн вулэт си хэхатьлятэл сатьл.* [Сенгепов 1994: 15]

śiti	əməs=t=εmən		kŭtən	**χǫλ=λ=emən**
так	сидеть=PrP=2DU		пока	**слышать=Pr=OBJ.2SG.SG**
kamən	wŭλet	śi	χǫχət’λ’ə=**t=eλ**	**sat’λ**
на улице	олени	так	бегать=**PrP=3PL**	**слышно**

‘Пока мы так сидим, слышим, (что) на улице олени бегают, слышно.’

В этом предложении используется одновременно два присущих хантыйскому языку средства выражения модус-диктумных отношений. Во-первых, монофинитная подлежащная ППК *kamən wŭλet śi χǫχət'λ'ətel sat'λ* 'слышно, что на улице бегают олени', в которой сказуемое ЗПЕ выражено причастием в форме основного падежа (нулевой аффикс). Следование частей друг относительно друга в данном предложении является нормативным: ЗПЕ предшествует ГПЕ. Во-вторых, в предложение вводится модусный глагол слухового восприятия *χǫλti* 'слышать', который стоит в форме объектного спряжения. Оно сигнализирует о том, что далее последует объект – воспринимаемая органами слуха информация. Обычно сказуемое ЗПЕ в аналогичных случаях выражается финитной формой глагола, ср.:

(16) [*Щи, таŋха вуйəмтийəлса, нух щи рăкнəс, нух рăкнəс,*] *хŏлləллə: имеł муйкем хăтəмəł – и вана,* [*имеł муйкем хăтəмəł – и вана*]. [СНХ: 115]

χǫλ'λ'ə=**λ=λe**	imeλ	mŏj	
слышать иногда=**Pr=OBJ.3SG.SG**	жена.POSS.3SG.SG	что	
kεm	χătəm=**əλ=∅**	i	wana
сколько	пододвигаться=**Pr=SUBJ.3SG**	все	близко

'[Так, наверное, уснул, вдруг проснулся, проснулся –] чувствует: жена понемногу пододвигается – все ближе (к нему), немного пододвигается – все ближе (к нему).'

(17) *Ma wǫλem năŋ χŭw tiw ănt jŏχətlən.*

ma	wǫ=λ=**em**	năŋ	χŭw	tiw	ănt
я	знать=Pr=**OBJ.1SG**	ты	долго	сюда	не

jŏχət=**λ=ən**
приехать=**Pr=SUBJ.2SG**
'Я знаю, (что) ты сюда долго не приедешь.'

В подобной бифинитной конструкции показатель объектного спряжения является аналогом скрепы: он сигнализирует о наличии при модусном глаголе предикативного актанта.

Такого типа предложения являются эквивалентами русских бессоюзных сложных предложений закрытой типизированной структуры с незамещенной синтаксической позицией [Грамматика 1970], которые представлены двумя структурными разновидностями: 1) в линейно первой ПЕ присутствует только глагол психического движения, которое сопровождает процесс восприятия (*прислушаться*, *приглядеться* и др.), однако собственно процесса восприятия такие глаголы не обозначают, например: *Он оглянулся: позади никого не было* (ср.: *Он оглянулся, но ничего не увидел*, т. е. восприятие не состоялось, несмотря на подготовившее его действие); 2) в первой ПЕ имеются и глагол психического движения, и глагол восприятия, объектная позиция которого остается незаполненной в пределах данной ПЕ. Ее отсутствие восполняет вторая ПЕ: *Он оглянулся и увидел: позади никого не было* (ср. сложноподчиненные изъяснительные предложения типа *Он оглянулся и увидел, что позади никого не было*).

В хантыйском языке в подобных случаях употребляется непереходный глагол в субъектном спряжении, сказуемое второй ПЕ выражено финитной формой глагола. Например:

(18) *Ас тумпи пэԯа вантийəԯ: ԯаԯь щи йиԯ*. [СНХ: 113]

As	tŏmpi	pɛλa	**wantij=əλ=∅**	λaλ’	śi
Обь	за	на	**поглядывать=Pr=SUBJ.3SG**	войско	так

ji=λ=∅
идти=Pr=SUBJ.3SG
‘За Обь смотрит [и видит, что]: войско идет.’

Таким образом, готовность к восприятию выражается бифинитной конструкцией, а сам процесс восприятия – монофинитной причастной конструкцией. Если эти два значения лексически разведены, то грамматичным является предложение, в котором объединены оба типа обозначения двух разных ситуаций, например:

(19) *Имуԯтыйэн хŏԯэнтыйəԯ: кăт муԯти йитэн сатьəԯ.* [СНХ: 120]

imŏλtijən	**χǫλəntij=əλ=∅**		kăt
наконец	**прислушиваться=Pr=SUBJ.3SG**		два
mŏλti	ji=**t=ən**	**sat’λ**	
какой-то	идти=**PrP=3DU**	**слышно**	

‘Наконец прислушивается и слышит, (что) два каких-то (человека) идут.’

Такое же дублирование средств выражения одного и того же смысла происходит и в некоторых других типах предложений, в которых для передачи одного и того же значения используются и исконное хантыйское средство, и его аналитический аналог, например:

(20) *Имултыйн вантыйл, хасьпа хантэт си яԉхийлтэл* ***хурасуп*** [Сенгепов 1994: 108]

imŏλtijən	wantij=əλ=∅	**χăś pa**	χăntet	śi
однажды	смотреть=Pr=SUBJ.3SG	**вроде**	люди	так

jăŋχijəλ=**t=eλ** **χŏrasəp**
ходить=**PrP=3PL** **похоже**
‘Однажды смотрит, кажется, вроде люди ходят.’

В данном предложении синтаксическим средством выражения персуазивности – неуверенности в достоверности воспринимаемого факта – является модус-диктумная причастная конструкция подлежащного типа: *χănti śi jăŋχijəλ=**t=eλ χŏrasəp*** ‘похоже, (что) человек идет’. Модальная частица *χăś pa* ‘вроде’ также выражает неуверенность. Ее наличие в предложении избыточно, так как значение неуверенности присуще самой конструкции, однако может быть мотивировано разграничением сфер влияния: если конструкция выражает сомнение в достоверности факта в целом (ходят ли здесь люди?), то действие частицы направлено лишь на непосредственно следующее за ним

имя существительное *χăntet* ‘люди’, т. е. выражается сомнение в том, действительно ли здесь ходят люди или кто-то другой. Такое разделение сфер действия в данном контексте возможно, так как речь идет о том, что вначале герой долго шел без дороги и наконец нашел еле заметную тропу. В такой ситуации вполне возможно подвергнуть сомнению и то, что тропа здесь действительно есть (образно она в тексте описывается как «мертводырявая», т. е. нехоженая: *Сурум вусаӈ йəшӆ кусьты питсалэ* ‘Мертвую дырявую тропу выслеживать стал’), и то, что по ней ходят люди.

В следующем примере дважды выражается значение неочевидности: при помощи морфологической категории – неочевидного наклонения глагола и лексического средства – слова *mătti*, которое в данном примере выполняет роль аналитической скрепы, близкой русскому изъяснительному союзу *будто* в бифинитной модус-диктумной ППК:

(21) *Еша вос мувев луваттыйн уша йис, матты кулакат тывмел*
(ХЯ. 14.12.1991. Е. Кузакова, Т. Себурова «Евра эвалт этасум хо»)

jєša wǫs	mŭw=ew	λŏwattijən	ŏš=a
вскоре	земля=POSS.1SG.SG	величина	ум=DAT
ji=s=∅	**mătti**	kŭlak=ət	tiw=**m=eλ**
стать=PAST=SUBJ.3SG	**будто**	кулак=PL	оказаться=**PP=3PL**

‘Вскоре по всей земле узнали, будто (они) кулаками оказались=будто.’

В простом предложении слово *mătti* ‘оказывается’ функционирует как частица, привносящая в смысл предложения субъективную модальность. Ср. в следующем предложении значение неочевидности выражено только один раз – лексически, глагол стоит в форме индикатива:

(22) *Нăӈ мăттэ йăм амп тăйӆəн.*

năŋ	**mătte**	jăm	amp	tăj=**λ=ən**
ты	**оказывается**	хороший	собака	иметь=**Pr=SUBJ.2SG**

‘У тебя, оказывается, есть хорошая собака.’

Синонимична предыдущей и следующая фраза, в которой единственным и достаточным средством выражения неочевидности является глагольная категория:

(23) *Нăӈ йăм амп тăйтэн.*

năŋ	jăm	amp	tăj=**t=en**
ты	хороший	собака	иметь=**PrP=2SG**

Букв.: Ты хорошую собаку имеешь=оказывается.
‘У тебя, оказывается, есть хорошая собака.’

В приводимом далее предложении в составе причастно-послеложной целевой конструкции используется аналитическая скрепа *λǫλən* ‘чтобы’, дублирующая значение послелога *păta* ‘чтобы’:

(24) [*Хой янгхас там юнтупсэта, хой омсялас ситата телевизор хуват, лув воллэ, муймурт ар йор масат тата касум Мувтэл ар ёх,*] *лолн нумпия питты олангмит тахет холумты пата.* [ХЯ. 29.03.2003. В. Аликов «Па пуш вонта хасила, Ёмвошие!»]

ɭǫɭən	nŭmpija	pit=**ti**	ɔləŋmit	tăχet	χɔləm=**ti**	**păta**
чтобы	вверх	стать=**PrP**	первый	место.PL	достичь=**PrP**	**чтобы**

‘[Кто приехал на эти соревнования, кто наслаждался ими по телевизору, тот знает, как много сил приложили участники казымского (ансамбля) «Мувтэл ар ёх»,] чтобы победить, чтобы завоевать первое место.’

Каждое из этих средств может передавать отношения цели и по отдельности, самостоятельно, ср.:

(25) *Ма ɲэты-яньщи пăта щи юхатсум.* [ККО-1: 38]

ma	λε=**ti**	jańś=**ti**	**păta**	śi	jŏχət=s=əm
я	есть=**PrP**	пить=**PrP**	**чтобы**	это	прийти=PAST=SUBJ.3SG

‘Я ведь пришел сюда, чтобы поесть-попить.’

(26) *Ɲəɲн тăм няврэмăт пилɹа рəпитты, мосɹ ар вератты, нявɹак па хошум сам тайты* (ЛПХ).

ɭǫɭən	tăm	ńawrεm=ət	piλa	rǫpit=ti		mɔsλ
чтобы	этот	ребенок=PL	с	работать=PrP		надо
ar	wεrat=ti	ńawlək	pa	χɔšəm	săm	tăj=ti
много	уметь=PrP	мягкий	и	теплый	сердце	иметь=PrP

‘Чтобы с этими детьми работать, надо много уметь, ласковое и доброе сердце иметь.’

Можно предположить, что монофинитные конструкции ощущаются носителями языка как недостаточно ярко маркированные. При наличии синтетического или аналитико-синтетического способа выражения некоторого смысла, в предложении дополнительно появляется тот или иной аналитический синонимичный компонент.

Таким образом, в системе ППК хантыйского языка происходит дальнейшее нарастание аналитизма. В отличие от самодийских языков севера Сибири и тюркских языков Южной Сибири, в которых существенно преобладает синтетический способ связи частей ППК, в казымском диалекте хантыйского языка конструкции с аналитическими показателями связи составляют около или даже более половины, и процесс нарастания аналитизма продолжается в результате изменений в стратегии построения текста и развития новых смыслов, типичных для новых для хантыйского языка функциональных стилей.

2.2. Формирование аналитических конструкций

В этом разделе рассматриваются процессы появления новых аналитических скреп и формируемых ими новых семантических типов аналитических конструкций, которые характерны, прежде всего, для публицистического стиля.

2.2.1. Диктум-диктумные полипредикативные конструкции

2.2.1.1. Временные ППК

Исконными средствами выражения временных отношений между событиями в казымском диалекте хантыйского языка являются монофинитные конструкции, в которых сказуемое ЗПЕ выражено синтетически – причастием в форме местно-творительного падежа – **[Tv=PART=(PERS)=LOC] [ГПЕ]**, либо аналитико-синтетически – причастием в сочетании с послелогами – **[Tv=PART=(PERS) + POSTP] [ГПЕ]**, где Tv – основа глагола, PART – показатель причастия, (PERS) – факультативная позиция лично-числовых аффиксов, LOC – аффикс местно-творительного падежа, POSTP – послелог, ГПЕ – главная предикативная единица.

Эти конструкции в фольклорных текстах наиболее частотны и передают весь спектр временных отношений, например:

(27) *Я, хуты вєрԯа, юхԯы пеԯа йитємӑн тəԯєм, аԉкема нёты пиԯ мосӑԯ. Ма юхԯы мӑ**нтєм вəнта** ԯєщатыԯа.* [ККО-3: 136]

ja	χŏti	wєr=λ=a=∅		jŏχλi pєλa	ji=**t=єm=n**
INTRJ	как	делать=Pr=PASS=SUBJ.3SG		назад	идти=**PrP=1SG=LOC**
tǫ=λ=єm		ńɔt=ti	piλ		mɔsλ
взять=Pr=OBJ.1SG.SG		помогать=PrP	товарищ		нужен
aŋk=єm=a		ma	jŏχλi	mǎn=**t=єm**	
мать=POSS.1SG.SG=DAT		я	назад	пойти=**PrP=1SG**	
wǫnti	λєśatiλ=a				
до	собираться=IMP.SUBJ.2SG				

‘Ну, что поделаешь, когда обратно поеду, возьму (тебя с собой), матери нужна помощница. До того как я вернусь, собирайся.’

Однако в сфере темпоральных конструкций имеются также и бифинитные, которые строятся по модели **[ГПЕ] [α (ЗПЕ)]**, где α – позиция аналитического показателя связи. Такие скрепы имеют несколько источников формирования.

1) Скрепы на базе частиц. В казымском диалекте хантыйского языка два полифункциональных слова – *χǫn* и *tǫp* – служат для выражения временных отношений.

Лексема *χǫn* в простом предложении (ПП) функционирует в роли усилительной частицы, например:

(28) *Щӑта ворш **хəн** яԉхӑԯ.*

śǎta	wɔrš=∅	**χǫn**	jǎŋχ=əλ=∅
там	коршун=NOM	**разве**	ходить=Pr=SUBJ.3SG

Букв.: Там коршун **разве** летает.
‘Там летает не коршун.’

В составе бифинитной ППК со структурной схемой **[*χǫn* (ЗПЕ)] (ГПЕ)** лексема *χǫn* служит для передачи отношений одновременности, например:

(29) ***Хŏн*** *вэра йиӈк йащти ӈăӈхмэтӈэн, йиӈк кăнша ньорэмэн хумсэт хŏӈэн.* ***Хŏн*** *па хуйат хота ӈуӈти вутщэӈэн, ов йэӈпийэн йэша ӈоӈьэмта, ова хăтьща йошэн* [СНХ: 69] ‘**Когда** очень захочешь пить, воду ищи на болоте между кочек. **Когда** захочешь войти в чужой дом, постой перед дверью, постучи в дверь’; (30) ***Хэн*** *шеӈк лаварта йис, Пётр яюм лэлы-яньси венты* ***си*** *хунтас* [Сенгепов 1994: 53] ‘Когда стало очень тяжело, старший брат Пётр без еды, без питья в лес убежал’.

Лексема *tǫp* в ПП является ограничительной частицей, например:

(31) ***Тŏп*** *щи шєпан йохэтэн нух вєритсайhэн* ‘**Только** шаманы их и разбудили’; (32) *Хŏӈмит оӈ йăӈхсэв,* ***тŏп*** *ат хаӈсэв* ‘Три года ездили, **только** (одну) ночь ночевали’.

ППК со структурной схемой **[*tǫp* (ЗПЕ)] [ГПЕ]** передает близкое следование событий:

(33) *Мэньэӈ,* ***тŏп*** *йэтна йиӈ, пун вэрти олӈэтэӈ* [СНХ: 55] ‘Невестка, **как только** наступает вечер, начинает выделывать жилы’. В данном примере скрепа *tǫp* ‘как только’ занимает инициальную позицию в составе ЗПЕ. Однако в некоторых случаях, явно выполняя роль показателя связи частей ППК, она стоит непосредственно перед глаголом, внутри предикативной единицы (ПЕ), т. е. сохраняет местоположение, типичное для частицы, ср.: (34) *Хоп* ***топ*** *вути хойэс, Вухсарэл навэрмэс па карэпсэт кутэн ал вущэмтийэс* ‘Лодка **только** к берегу причалила, Лисичка выскочила и среди кустов скрылась’.

Скрепа *tǫp* ‘как только’ часто сопровождается лексическими средствами для усиления значения быстрого следования, например:

(35) *ješa jŭnta,* ***tǫp*** *asenən jŏχi wəχti pitɩ̆ijən,* ***тŏχti*** *jŏχi χǫχla* ‘Немного поиграй, **как только** отец тебя позовет, **сразу** беги домой’; (36) *Лєты-яньсьты* ***тэп*** *омассаӈăн вэн упиеӈ* ***си*** *юхтумтăс* [ККО-2: 169] ‘**Только** сели поесть-попить, старшая сестра **тут и** зашла’; (37) *Юхи юхтăс, нурия* ***тэп*** *керуптылас, ухăӈ иӈы пунăс* ***имухты си*** *вуюмся* [ККО-2: 169] ‘Домой пришла, **только** в постель легла, положила голову, **сразу же** уснула’; (38) ***Тŏп*** *икэӈ иӈ уӈэс,* ***ин*** *нэ йакти питэс* [СНХ: 99] ‘**Как только** муж лег, **тогда** жена начала танцевать’.

Ср. также использование лексических средств для выражения отношений быстрого следования в монофинитной причастно-послеложной конструкции, основным значением которой является одновременность:

(39) *Луӈмаӷ са имухти щи пирəщ икəӷəн иньщэси.* [СНХ: 30]

lŏŋ=**m=aλ**	**sa**	**imŏχti**	śi	pirəś	ik=el=ən
войти=**PP=3SG**	**когда**	**сразу**	этот	старый	мужчина=DIM=LOC

ińše=s=i=∅
спрашивать=PAST=PASS=SUBJ.3SG
‘Как только (мужик) вошел, этот старичок сразу его спрашивает.’

(40) *Йивпухəӷ хăра мăнəм йўпийəн нэмəӷти хўв ăнт вŏс ищи хəйəӷ па йухтəс* [СНХ: 59].

jiw	pŏχ=əλ	χăra	măn=**əm**
отец	сын=POSS.3SG.SG	поле=DAT	уйти=**PP**
jŭpijn	**neməλti**	**χŭw**	**ănt**	**wǫ=s=∅**
после	**ничто**	**долго**	**не**	**быть=PAST=SUBJ.3SG**
iśi	χǫj=əλ	pa	jŏχt=əs=∅
этот	человек=POSS.3SG.SG	и	прийти=PAST=SUBJ.3SG

‘После того как сводный брат ушел, вскоре опять приходит тот же человек.’

2) Скрепы на базе сочетания «указательное местоимение + послелог». В хантыйском языке имеется несколько указательных местоимений, ко-то-рые могут сочетаться с послелогами, образуя аналитические скрепы: *śi*, *śit*, *siti*, *tăm*, *in*. Наиболее продуктивными являются скрепы на базе указательного местоимения *śi* ‘этот’: *śi jeλpijən* ‘перед этим’, *śi kŭtən* ‘тогда’, *śi tŏmpijən* ‘кроме этого’, *śi jŭkana* ‘вместо этого’ и под. Ср. использование скрепы *śi jŭpijən-* ‘после этого’ в ряду монофинитных конструкций с послелогом *jŭpijən*:

(41)

(41.1) *Хŏйəӷ мăн***=ум йўпийəн** *вəӷщи йохӷаӷ ким хот эвəӷт этсəт, ӷўват шуваӷəсəт.* (42.2) *Нух йувəртса.* (43.3) ***Щи йўпийəн*** *ӷўв щих питəс, кăт-вэт хăтəӷ уӷəс па вəӷщи нух ӷиӷəӈӷəс.* (44.4) *Нух пит=****м=аӷ йўпийəн*** *йăм хўв вŏс, нŏптəӷ йэтшəти вŏнта*. [СНХ: 33]

(41.1) **После того как** тот ушел, люди из дома вышли, его увидели. (42.2) Отвязали его. (43.3) **После этого** он потерял сознание, десять (букв.: два-пять) дней лежал и только потом ожил. (44.4) **После того как** пришел в себя, довольно долго жил, пока его век не кончился.

Использование скрепы *śi jŭpijən* ‘после этого’ в данном контексте оправдано стилистически – нежеланием автора повторять одни и те же фрагменты текста. Однако по законам развертывания хантыйского текста второе предложение должно было бы содержать обозначение предшествующего события в развернутом виде: «После того как его отвязали, он потерял сознание». Ср. в предложении (4) используется синонимическая замена: *ожил – при-шел в себя*. В большинстве случаев тенденция к лексическому повтору сохраняется, в том числе допускается повтор одних и тех же лексических средств, ср.:

(45)

Щи пурайән Кар ики икилэ пэлa ***лупийәлj****:*

– Нуви хăтәлj пурайән нэлтәсти ăнт рăхәлj, па вŏлтэнән, атэлт кŏртәӈ икилэ, атэлт кŏртэнән ăт кўтәпән нохәрсэм алj пура.

Щит ***луп=м=алj йўпийән*** *ким шŏшмәс.* [СНХ: 39]

Тогда *Кар ики* мужчику **сказал**:

– Мне нельзя пожирать людей днем, но в следующий раз (букв.: пока живешь), одинокий хозяин одинокой избушки, среди ночи орехи не грызи.

После того как так **сказал**, на улицу вышел.

3) Аналогами скреп временной семантики выступают местоименные слова. Указательное местоимение *śit* ‘этот’ в лично-притяжательной форме местно-творительного падежа *śit=(PERS)=n* служит межфразовой скрепой, поддерживающей описание последовательности событий в тексте:

(46)

Щэмпәр кэв путали йувәтса, ӈўв катәлjсаллэ. Щэмпәр кэв путали йухлj йувәтсаллэ, корт тэлj, вош тэлj йохлаj и пэлкэл панән тәсы. ***Щитәлән*** *йухи ӈуӈэмәс, ухәлj-сэмәлj мунтәлмәс, илj улэмтәс*. [СНХ: 62]

Бросили они камень *Щэмпәр*, он поймал. Бросил он обратно камень *Щэмпәр*, половину людей деревни, половину людей города камень с собой унес. **С этим** зашел он домой, голову-глаза закрыл, лег спать.

4) Для поддержания последовательности повествования используются также лексикализованные части ППК, которые можно назвать «скрепы-фразы» (ср. использование этого термина в [Филимонов 2003]). Они представляют собой причастно-послеложные конструкции устойчивой структуры: «указательное местоимение *śiti* ‘так’ + глагол ‘жить’ в причастной форме + один из временных послелогов, обозначающих длительность, протяженность временного интервала (*artən*, *pŏrajən*, *sa*, *sati*, *saχət* и др.)» ‘пока так живут’. Функция таких конструкций – подведение итога сказанному и переход к описанию нового события, поэтому на русский язык они чаще переводятся не предикативными единицами, а наречиями или сочетаниями временной семантики: *тогда*, *однажды*, *в это время* и под.:

(47)

(48.1) *Ин йулэн* ***вŏлтаlj сати*** *иса олмәӈа йис.* (48.2) *Ащэлj икийән ăнт эсәлла улти.* (48.3) *Лўв имултийән илj щи кэрийәс.* (48.4) *Ащэлj ким этльәс, ŏхләлj па сот ньолj пунәм сăмәӈ тивәт йухи мэтшәслэ.* (48.5) ***Щити вŏлтэлj сати*** *увәс йурнәт лаlja йухәтсәт*. [СНХ: 37]

(48.1) **Однажды** дома он очень захотел спать. (48.2) Отец ему спать не разрешает. (48.3) Он все-таки лег спать. (48.4) Отец вышел на улицу, лук и сто стрел занес домой. (48.5) **В это время** северные ненцы пришли к ним воевать.

См. глоссирование предложения (48.5) данного фрагмента:

(48.5) *Щити вŏŋтэŋ сати увəс йурнəт ŋаŋьа йухəтсəт.*

śiti	**wǫλ=t=eλ**	**sati**	ŏwəs	jŏrn=ət
так	**жить=PrP=3PL**	**пока**	северный	ненец=PL
λaλ’=a	jŏχət=s=ət			
война=DAT	прийти=PAST=SUBJ.3PL			

Букв.: Пока они так жили, северные ненцы пришли на войну.
‘В это время северные ненцы пришли к ним воевать.’

Таким образом, в темпоральных ППК пополнение фонда аналитических скреп наблюдается прежде всего в сфере выражения таких специализированных временных отношений, как близкое следование, редко встречающееся в фольклоре. Местоименные скрепы и лексикализованные ПЕ служат для поддержания в тексте хронологии описываемых событий и являются межфразовыми показателями связи.

2.2.1.2. ППК обусловленности

1. Причинные, целевые и следственные отношения. Исконным средством выражения причинно-следственных и целевых отношений в казымском диалекте хантыйского языка являются монофинитные причастно-послеложные конструкции. Послелог *păta* ‘из-за; для’ является недифференцированным средством выражения этих отношений, так как в зависимости от формы причастия (времени, наличия или отсутствия лично-числовых показателей) употребляется для выражения причины и цели. Ср.:

– причина **[Tv=PART=(PERS) păta] [ГПЕ]**:

(49) *Ампен пурсянттаŋ пăта кеŋăн тăйŋа.*

amp=en	pŏrśant=**t=aλ**	**păta**
собака=POSS.2SG.SG	кусаться=**PrP=3SG**	**из-за**
keλ=ən	tăj=λ=a=∅	
веревка=LOC	держать=Pr=PASS=SUBJ.3SG	

‘Собаку держат на веревке, потому что (она) кусается.’

– цель **[Tv=PrP păta] [ГПЕ]**:

(50) *Ăŋ нумсăŋ таŋты эвємн, нумсăŋ таŋты пухємăн вэрт тармєм путăртыяŋ=**ты пăта**, моньща моньщ=**ты пăта** ма нюхăс сухен ŋоŋмиŋăсєм.* [КММП: 30] ‘Для того чтобы ум имеющая девочка, ум имеющий мальчик про эту мощь могучего духа рассказывали, сказку сказывали, я украл шкурку соболя’.

Однако в газетных текстах очень часто появляются калькированные с русского конструкции типа **[ГПЕ] [śi păta mŏj (ЗПЕ)]**, в которых ЗПЕ находится в постпозиции по отношению к ГПЕ, а в качестве показателя связи используется скрепа, созданная на основе сочетания «указательное местоиме-

ние *śi* ‘этот’ + послелог + относительно-вопросительное местоимение *mŏj* ‘что’, например:

(51) *Ситы си мансат ма уянг ай пура артэм. Уянг* ***си пата, муй*** *ма энумсум хотэм ханнэхойн тэлы волман, маванг-нянянг пасан пунгалн омасман* [ХЯ. 31.08.1991. С. П. Кононова «Рот мувемн восум ма»] ‘Так прошло мое счастливое детство. Счастливое **потому, что** дом, в котором я выросла, был полон народа, сидящего возле сладкого-хлебного стола’.

В этом примере допустимость данной аналитической скрепы оправдывается не собственно причинным, а, скорее, мотивирующим значением: главная часть сообщает о признаке, обоснование которого содержится во второй части.

На базе этого же послелога *păta* в сочетании с указательным местоимением *śi* формируется и скрепа следственной семантики: *śi păta* ‘поэтому, потому’, которая вводит постпозитивную ЗПЕ – **[ГПЕ] [śi păta (ЗПЕ)]**:

(52) *Еша вəл йилуп ол питăл, щит пăты лӳв путăртăс, муй лыв мăнум ол мăр вєрсăт.* [ХЯ 25.11.2006. Надежда Новьюхова]

jєša wǫλ	jiλəp	ɔλ	pit=əλ=∅	**śit**	**păta**
скоро	новый	год	стать=Pr=SUBJ=3SG	**этот**	**из-за**

λŭw	pŏtərt=əs=∅	mŏj	λiw	măn=əm
он	говорить=PAST=SUBJ.3SG	что	они	идти=PP

ɔλ	măr	wєr=s=ət
год	в течение	сделать=PAST=SUBJ.3PL

‘Скоро наступит новый год, поэтому он говорил, что они сделали в прошлом году.’

Ср. выражение тех же самых отношений при помощи монофинитной конструкции, в которой показатель связи находится в причинной причастно-послеложной ЗПЕ, стоящей в препозиции по отношению к ГПЕ:

(53) *Йилуп ол еша вəл питты* ***пăты*** *лӳв путăртăс…*

jiləp	ɔλ	jєša wǫλ	pit=**ti**	**păta**	λŭw	pŏtərt=əs=∅
новый	год	скоро	стать=**PrP**	**из-за**	он	говорить=PAST=SUBJ.3SG

‘Так как скоро наступит новый год, он говорил…’

Еще одна скрепа следственной семантики *śirən* ‘поэтому’ также формирует ППК с постпозитивной следственной частью **[ГПЕ] [śirn (ЗПЕ)]**:

(54) *Манəтти нэш альмэн, щирəн мăнты мосл.* [СНХ: 98]

mănətti	nєš	aλ’=m=en	**śirən**
меня-то	оказывается	обещать=PP=2SG	**поэтому**

măn=ti	məsλ
идти=PrP	надо

‘Ты меня, оказывается, пообещал [отдать в жены], поэтому придется идти.’

Таким образом, новые аналитические средства возникают для маркирования отношений следствия, которые обычно появляются в языках позже, чем причинные, и выражаются меньшим количеством показателей связи (ср. единственный следственный подчинительный союз в русском языке *так что* по сравнению с большим количеством причинных союзов).

Аналитические средства выражения целевых отношений формируются на базе императивных частиц. Ср.:

– в ПП: (55) *Ј̌хсəј пăнəн* ***ăнт ај*** *тăјјə* ‘**Пусть** друга с собой не берет’;

– в несобственно целевых ППК со значением предотвращения события, названного ЗПЕ: (56) *Нохырлан нык шариталн, ăнх* ***ăнт ат*** *тăйсəт* ‘Пожарь шишки на костре, чтобы не было смолы’.

Если в ГПЕ содержится высказывание с потенциальной модальностью возможности, необходимости, ЗПЕ вводится частицами, формирующими сослагательное наклонение в ПП: (57) *Aj pešet jŏraŋa pa taλaŋa* ***at*** *enəmsət* ***λǫλən****, λŭwət təsλ jăma λapatti* ‘Чтобы оленята выросли сильными и здоровыми (букв.: оленята сильными и здоровыми **пусть** выросли **бы**), их нужно хорошо кормить’; (58) *Мосл,* ***лолн*** *лыв ясанглал ал вошат* [ЛПХ. 28.09.1990] ‘Надо, **чтобы** они (ученики) свой (родной) язык не потеряли’.

2. Условные и уступительные отношения. Для выражения отношений условия и уступки исконных монофинитных средств нет. Эти отношения передаются бифинитными конструкциями:

а) без показателя связи – лексическим и грамматическим соотношением форм сказуемых: (59) *Măнјən – тăјəм, па ăн măнјən – тăјəм* [СНХ: 59] ‘(Если) поедешь – увезу, (если) не поедешь – тоже увезу’;

б) при помощи аналитических скреп, образованных на основе частиц.

Для выражения условия используется конструкция **[ki (ЗПЕ)] [ГПЕ]**. В ПП лексема *ki* выполняет функцию частицы, например: (60) *Нăӈ* ***ки*** *йăӈхјən* ‘Ты **бы** сходил’ (мягкое побуждение). В ППК она выражает условные отношения, но сохраняет позицию внутри ПЕ, чаще всего непосредственно перед сказуемым, но возможно также и положение в абсолютном конце ЗПЕ: (61) *Вăнта* ***ки*** *măнјən, ј̌ухӈən вуялы* ‘**Если** в лес пойдешь, лыжи возьми’; (62) *Ампєн* ***ки*** *ăнтăм, вулылан увəс вот ещалт тӱӈəмјтыйн хуйн кєратлайт* ‘**Если** собаки нет, как же оленей соберешь, когда ветер повернет в северную сторону’.

Для выражения нереального условия используется комбинация «частица *ki* в ЗПЕ + частица сослагательного наклонения *λǫλən* в ГПЕ», например: (63) *Ј̌ув ин вăс* ***ки****, хăт йаӈ оја* ***ј̌ăјən*** *йис* ‘**Если бы** он сейчас жил, ему было **бы** 60 лет’; (64) *Ма лупум ясӈем* ***ки*** *холэнсэн, шок* ***лолн*** *ат тывас* ‘**Если бы** послушался меня, беды **бы** не случилось’.

Уступительные отношения передаются также при помощи частиц *kŭš* / *śi kŭš* ‘хотя, несмотря на то что’, которые сохраняют позицию перед сказуемым: (65) *Ј̌онщь* ***щи кӱш*** *шимал, ј̌ухн măнт răхј* ‘**Хоть** снега мало, на лыжах хо-

дить можно’; (66) *Лӯв нємӑл щатьщащеɿ эвӑлт* ***кӯш*** *иньщӑслалє, иса ӑнт лупɿа* [ККО-3: 123] ‘**Хоть** спрашивает у бабушки имя, она не говорит’.

Итак, функционирование аналитических скреп в предложениях с семантикой обусловленности распространяется на конструкции следования, несобственно-целевые и несобственно-причинные, а также условные и уступительные, т. е. на конструкции позднего происхождения и специализированного употребления.

2.2.1.3. Сравнительно-сопоставительные ППК

Блок сравнительно-сопоставительных конструкций формируется не только предложениями собственно сравнительной семантики, но и предложениями с отношениями замещения, исключения, образа действия и меры и степени, в которых устанавливаются разные типы соответствия (полного, неполного) или несоответствия определенному положению дел.

В этом блоке исконным средством выражения отношений являются причастно-послеложные конструкции, однако им на смену все чаще приходят бифинитные конструкции с аналитическими скрепами, образованными по образцу русских местоименно-соотносительных средств связи.

1. Образ действия. Для выражения значения образа действия широко используются как конструкции с послелогами, так и конструкции с двухместными аналитическими скрепами, образованными на их основе. Ср. пары примеров:

[Tv=PART=(PERS) pəsən] [ГПЕ] – [mŏj wŭrən…]^{ГПЕ} [śi pəsən…]^{ЗПЕ}

(67) *Наӈ лупум посэнан версум.*
nǎŋ lŏp=**əm** **pəs=ən=ən** wɛr=s=əm
ты сказал=**PP** **как=2SG=LOC** сделать=PAST=SUBJ.1SG
‘Как ты сказал, я сделал.’

(68) ***Муй вурн*** *нын лупсаты, ма* ***си посн*** *версум.*
mŏj **wŏrən** nin lŏp=s=ati ma
что **как** вы сказать=PAST=SUBJ.3PL я
śi **pəsən** wɛr=s=əm
так **как** сделать=PAST=SUBJ.1SG
‘Как вы сказали, так я и сделал.’

[Tv=PART=(PERS) śirn] – [mŏj wŭrn …]^{ГПЕ} [iśi śirn …]^{ЗПЕ}

(69) *Партум сирӑɿн, вэнӑɿтум сирӑɿн си манс.* [ККО-2: 167]
part=**əm** **śir=aλ=ən** wǫnəλt=**əm** **śir=aλ=ən**
указать=**PP** **так=3SG=LOC** научить=**PP** **так=3SG=LOC**
śi măn=əs=∅
так идти=PAST=SUBJ.3SG
‘Как указали, как показали, так и пошел.’

(70) ***Муй вурн*** *вантылас* ***ищи щиран*** *сырыя пеши щи кирас.* [ККО-1: 17]

mŏj	**wŏrən**	wantiλa=s=∅	**iśi**	**śirən**
что	**как**	видеть=PAST=SUBJ.3SG	**так**	**таким образом**

sirija	pɛši	śi	kirə=s=∅
раньше	олень	так	запрячь=PAST=SUBJ.3SG

‘Как раньше видел, так оленей и запряг.’

[śiti …]^{ГПЕ} [χŏti …]^{ЗПЕ}

(71) *Мет олəӈн вŏнлтыла вŏтьщты* ***ситы, хуты*** *нăӈ яйн вŏтьщас, сыры муя атэлт юхəна йăӈхты* ‘Сначала научись плавать **так**, **как** твой старший брат плавает, прежде чем одному на речку ходить’.

2. Мера и степень. Аналогичное дублирование средств связи наблюдается и в конструкциях со значением меры и степени. Ср.:

– аналитико-синтетические причастно-послеложные конструкции:

(72) *Я, кавăртал мурт каврăс,* [*пуншал мурт пуншăс*]. [ККО-3: 142]

ja	kawər=**t=aλ**	**mŭrt**	kawr=əs=∅
ну	варить=**PrP=3SG**	**сколько**	варить=PAST=SUBJ.3SG

‘Сколько времени нужно было, варилось мясо, [сколько времени нужно было, пеклось мясо].’

(73) *Ёр ики алумты арат ма алумты ант паклум.*

jǫr	iki	aλəm=**ti**	**arat**
сильный	мужчина	поднимать=**PrP**	**сколько**

ma	aλəm=ti	ănt	păk=λ=əm
я	поднимать=PrP	не	мочь=Pr=SUBJ.1SG

‘Столько, сколько поднимает сильный мужчина, я не смогу поднять.’

(74) *Мосты кєм нохəр вўйа* [Соловар 2006: 159]

məs=**ti**	**kєm**	nəχər	wŭj=a
быть нужным=**PrP**	**сколько**	шишка	взять=IMP.SUBJ.2SG

‘Возьми шишек столько, сколько нужно.’

– аналитические конструкции с двухместными скрепами, образованными на основе послелогов: (75) *Я, хуты верлэн,* ***муй арат*** *юхтас,* ***си арат*** *ат вəл* [Сенгепов 1994: 14] ‘Ну, что поделаешь, **сколько** (оленей) пришло, **столько** пусть и будет’; (76) ***Муйкем*** *па мосас,* ***сикем*** *лэсӈан, хошумйӈк* ***муйкем*** *па мосас,* ***сикем*** *ясьсаӈн* [Там же: 112] ‘**Сколько** хотели, **столько** ели, супа сколько хотели, столько выпили’; (77) ***Муйкем*** *манлат,* ***сикем*** *нык питлат,* ***муйкем*** *манлат,* ***сикем*** *сёрс тумпия питлат* [Там же: 139] ‘**Сколько** едут, **настолько** дальше в море становятся, **сколько** едут, **настолько** на ту сторону моря подходят’.

Ср. использование тех же скреп для выражения отношений соответствия, явно имеющих заимствованный из русского языка характер: (78) ***Муйкем*** *ханнэхо вонашак йил,* ***сикем*** *лув ай пура верлал оланг̣н номасл* [ХЯ. 5.10.1991. С. Кононова] ‘Чем старше человек становится, тем (больше) он о детстве думает’; (79) *Щи кўтəн Пашит-вӧрт икэн* ***муй кэм*** *вӧл̣,* ***щи кэм*** *тарма йил̣.* ***Муй кэм*** *ўвəтəл̣,* ***щи кэм*** *л̣ика йил̣* [СНХ: 32] ‘Тем временем *Пашит-ворт* **чем** дальше, **тем** больше распаляется. **Чем** больше кричит, **тем** все злее становится’.

Блок сравнительно-сопоставительных ППК характеризуется наличием синтаксических синонимов: аналитико-синтетических конструкций с послелогами и аналитических конструкций со скрепами, возникшими на их основе. Это объясняется, вероятно, заимствованием русских местоименно-соотносительных структур.

2.2.2. Релятивные полипредикативные конструкции

Существенные преобразования наблюдаются в сфере определительных конструкций, которые канонически строятся по структурной схеме **[Tv=PART] [SUBST…]**. В состав ЗПЕ входит причастие, в казымском диалекте хантыйского языка не принимающее показателей лица и числа, которое выступает в качестве определения по отношению к субстантиву в составе ГПЕ. По сравнению с русским языком, причастные определительные ППК в хантыйском обладают более широкой семантикой: кроме отношений собственно характеризации, средствами монофинитной причастной конструкции передаются отношения отождествления (предметного и пространственного), которое в русском языке выражается местоименно-соотносительными предложениями.

– Предложения с семантикой характеризации:

(80) *Ӧχšamλ wǫtšəm neŋəλ tămeλ pɛλa śi kɛrλəs.*

ӧχšam=λ	**wǫtš=əm**		**neŋ=əλ**
платок=POSS.3SG.SG	**потерять=PP**		**женщина=POSS.3SG.SG**
tăme=λ	pɛλa	śi	kɛrλə=s=∅
та=POSS.3SG.SG	на	так	подняться=PAST=SUBJ.3SG

‘Женщина, потерявшая платок, на эту (женщину) заругалась.’

– Предложения с семантикой предметного отождествления:

(81) *Тăм кӧрта тўвəм хӧйл̣ən йухи тӧси.* [СНХ: 33]

tăm	kǫrt=a	tŭw=**əm**	**χǫj=λ=ən**
этот	деревня=LAT	взять=**PP**	**человек=POSS.3SG.SG=LOC**

jŏχi	tǫ=s=i=∅
обратно	отвести=PAST=PASS=SUBJ.3SG

Букв.: В эту деревню приведенным человеком отведен обратно.
‘Тот, кто привел в деревню, отвел мужика обратно.’

(82) *Вохəм ут ӈӯвəӈа мăӈи.* [СНХ: 88]

wɔχ=**əm**	**ŏt**	λŭwελa	mă=λ=i=∅
просить=**PP**	**вещь**	ему	дать=Pr=PASS=SUBJ.3SG

‘Ему дадут то, что он просит.’

– Предложения пространственной семантики:

(83) *Тут ӈэты тăхиян нємăӈт ăнт хăтьӈ, па ӈаӈь мăнты тăхиян сэн пелак хăтьӈ ан пелак хăтьӈ.* [ККО-3: 127]

tŭt	λε=**ti**	**tăχij=ən**	nεməλt	ănt
огонь	съесть=**PrP**	**место=LOC**	ничто	не
χăt’=λ=∅				
остаться=Pr=SUBJ.3SG				

‘Там, где пожар был, ничего не останется, а там, где война прошла, где-то чаша останется, где-то блюдце останется.’

(84) *Мăнəм пэləкӈа хуӈийэва вŏншэт щивеӈт ньорщасэт.* [СНХ: 105]

măn=**əm**	**pεlək=λ=a**	χŏλijewa	wǫnš=ət
уйти=**PP**	**сторона=3SG=LAT**	все	сосна=PL
ńɔrśa=s=ət			
наклониться=PAST=SUBJ.3PL			

‘Все сосны наклонились в ту сторону, куда он ушел.’

В пространственных предложениях частотны лексические повторы, которые подчеркивают отождествление, но не разрушают исходную причастную определительную конструкцию:

(85) *Па щи веӈум тăхеӈ муй тăхиян вəӈ?* [ККО-3: 129]

pa	śi	weλ=**əm**	**tăχ=eλ**	mŏj
и	это	убить=**PP**	**место=POSS.3SG.SG**	что
tăχij=ən	wǫλ=∅			
место=LOC	быть.Pr=SUBJ.3SG			

Букв.: Их убитое место в каком месте есть?

‘А где находится то место, где их убили?’

(86) *И, йивӈап-ăсӈап, щăта ки йухəтты тăхэмəн, ӈэтэм тăхи па щи, йащэм тăхи па щи.* [СНХ: 121]

jiw=λap	ăs=λap	śăta	ki	jŏχət=**ti**		
отец=без	мать=без	там	если	дойти=**PrP**		
tăχ=εm=ən	λε=t=em			**tăχi**	pa	śi
место=POSS.1SG.SG	съесть=PrP=3SG			**место**	и	тот

‘И-и, безродные, там, где догоню, там и съем, там и выпью.’

Кальки с русского возникают в блоке определительных ППК именно в тех случаях, когда наблюдаются расхождения в семантике между русскими и хантыйскими конструкциями. Определительные причастные конструкции с семантикой характеризации практически не подвержены изменениям, тогда как предложения пространственной и отождествительной семантики регулярно трансформируются в бифинитные аналитические построения.

Предложения пространственной семантики строятся по аналогии:

а) с определительными (присубстантивными) конструкциями русского типа с опорным существительным в ГПЕ, который может иметь при себе указательное местоимение: (87) *Хон митхӑ эвəлт щи йасəӈəт хӑлсаллэ па* ***щи воша*** *мӑнти ӑктəщəс,* ***хута*** *пухлэ сэма питəс* [СНХ: 7] ‘Когда царь от слуги это услышал, собрался ехать **в тот город, где** мальчик родился’; (88) *Ханты-Мансийской округев луваттыйн иса 32* ***школа*** *вол,* ***хута*** *волталы рот ясанг* [ХЯ. 21.04.1990. Е. Вожакова] ‘В Ханты-Мансийском округе всего 32 **школы, где** изучают родной язык’;

б) с отождествительными (местоименно-соотносительными) конструкциями: (89) *Кира путалəл* ***хулта*** *ӈӑрийəл, ӈӑв па* ***щив*** *мӑнəл* [СНХ: 112] ‘**Куда** гирька катится, **туда** и он идет’; (90) *Сэмəл па* ***хулта*** *кӑлəс, пӑлал па* ***хулта*** *сащəс,* ***щивэлт*** *пела ӈэваса щи ваӈкəс* [СНХ: 115] ‘**Куда** глаз глядел, **куда** ухо слышало, **туда** и пополз’; (91) *Щӑлта шӑшмəс* ***тухи пэла, хулта*** *сэмӈəл вантсаӈəн* [СНХ: 75] ‘Пошел **туда, куда** глаза глядят’.

Предложения с семантикой отождествления воспроизводят образец русских местоименно-соотносительных предложений с двухместными скрепами: (92) *Нэмəл* ***хуйəн*** *вӑйəтла, щи* ***хуята*** *тинӈи нэ тинэӈ эвэм щи мӑлэм* [СНХ: 21] ‘**Кто** имя (этого коня) отгадает, **тому** бесценную женщину, дорогую мою дочь отдам’; (93) *Ай кəртӑнӑн вəлты мир яма нётлыйт,* ***хуй*** *хот омӑсты ки питӑл,* ***щитӑт*** *ссудайн мӑлыйт* [ХЯ. 12.02.2005. Р. Слепенкова] ‘Людям, живущим в маленьких поселках, хорошо помогают, если **кто-то** будет строить дом, **тот** получит ссуду’; (94) ***Муй*** *мосл,* ***щит*** *ӈӑта!* [СНХ: 28] ‘**Что** надо, **то** купи!’; (95) ***Муй*** *хӑлəс,* ***иса*** *путəртсəллэ* [СНХ: 70] ‘**Что** случилось, **все** рассказал’.

Таким образом, инновации в сфере определительных ППК обусловлены расхождением в семантике прототипических определительных причастных конструкций в русском и хантыйском языках. Исконная хантыйская конструкция, помимо отношений собственно характеризации, передает также и отношения пространственного и предметного тождества, тем самым характеризация и отождествление кодируются одинаково. Поскольку в русском языке имеются специализированные конструкции для выражения тождества – при помощи местоименно-соотносительных сложноподчиненных предложений, хантыйский язык заимствует подобную стратегию для разграничения этих двух разных типов отношений. Появление аналитических конструкций обусловлено потребностью маркировать семантически различные конструкции собственными структурными средствами.

2.2.3. Модус-диктумные полипредикативные конструкции

Изъяснительные ППК служат для выражения отношений между двумя событиями, одно из которых, названное в ЗПЕ, представляет собой собственно диктумный слой, описывает то или иное положение дел в действительности, а событие, названное в ГПЕ, отражает его субъективную интерпретацию, т. е. является модусом. Таким образом, изъяснительные предложения

предназначены для выражения модус-диктумных отношений (*Я знаю, полагаю, вижу, слышу, что…*).

В хантыйских фольклорных текстах встречаются лишь единичные примеры изъяснительных предложений, поскольку значительный пласт модус-диктумных отношений выражается морфологически – наклонением неочевидного действия, которое указывает, в частности, на то, что информация получена косвенным путем, не принадлежит автору высказывания, вызывает сомнения или удивление, например, как в следующем отрывке. В нем события пересказываются от лица его героя, не тождественного автору-повествователю, поэтому глаголы принимают форму неочевидного наклонения, показывающего, что эту информацию рассказчик передает опосредованно, не от себя лично:

(96) *Я щи, яйӈ атэӈт щи шəшмăс, мăта тăхи ăн вəты хə ӈўв. Я щи, хўв яӈхăс, муй ван яӈхăс, хăтӈăӈ кўтӈупăӈа йис, муй ăн йис. Щи эвăӈт аӈкеӈ щи митра вєр=**м=аӈ**, щи эвăӈт щи митра вєр=**м=аӈ** – яйӈ ис вəӈ=**м=аӈ** [ай икие]. Яйӈ ис вўсӈэ па ин əпăт аканя вєрн'=**м=аӈ**.* [КММП: 162]	Ну вот, старший брат зашагал; разве есть места, которые бы не знал этот мужчина! Долго ли ходил он, коротко ли ходил он, полдень настал или не настал еще. Оказывается, мать такую хитрость сделала. Оказывается, такую хитрость придумала, [младший брат] был душою-тенью своего старшего брата. Душу-тень старшего [сына] взяла и вселила ее в куклу из волос.

Этот способ выражения модус-диктумных отношений в фольклорных текстах высоко частотен, но конкретная разновидность отношения к описываемому факту таким образом не дифференцируется, поэтому данное средство является универсальным, но неспециализированным.

Две семантические разновидности изъяснительных ППК имеют формальные различия.

1) Собственно изъяснительные предложения информативного типа представляют собой монофинитную конструкцию, в которой сказуемое ГПЕ – модусный глагол в личной форме, а сказуемое ЗПЕ – в форме причастия, например:

(97) *Иськи талэв манум ант па номлэм.* [ХЯ. 31.08.1991. С. П. Кононова «Рот мувемн восум ма»]

iśki	tăλ=ew	măn=**əm**	ănt	pa	**nǫm**=λ=εm
холодный	зима=POSS	идти=**PP**	не	и	**помнить**=Pr=OBJ.1SG.SG

'Я не помню, (как) прошла холодная зима.'

Модус-диктумные отношения передаются также и в конструкциях, совпадающих по форме с определительными причастными ППК, опорным словом в которых является имя существительное абстрактной семантики, например:

(98) *Мŭŋ kǫrtewən klub əməsti aj kel năŋ wǫlen*?

mŭŋ	kǫrt=ew=ən		klub	**əməs=ti**
мы	поселок=POSS.1PL.SG=LOC		клуб	**строить=PrP**
aj kel	năŋ	**wǫ**=λ=en		
новость	ты	**знать**=Pr=OBJ.2SG.SG		

‘Ты знаешь новость о том, что в нашем селе будут строить клуб?’

(99) *Śiti mǫrəχ ăktəm wɛrɛm ma wek keši ănt jŏremaλɛm.*

śiti	mǫrəχ	**ăkt=əm**	**wɛr=ɛm**	
этот	ягоды	**собирать=PP**	**дело=POSS.1SG.SG**	
ma	wek	keši	ănt	**jŏrema**=λ=ɛm
я	век	в течение	не	**забыть**=Pr=OBJ.1SG.SG

‘Как собирали эти ягоды, я никогда не забуду.’

(100) *Си ай пура омась оллам кутн вон шока питыйлты верем па номийллэм.* [ХЯ. 27.08.1991. С. П. Кононова «Рот мувемн восум ма»]

śi	aj	pŏra	ǫməś	ŏλλəm	kŭtən
этот	маленький	пора	чудесный	сон	среди
wǫn	šǫk=a		**pitijəλ=ti**		
большой	беда=DAT		**происходить=PrP**		
wɛr=ɛm		pa	nǫmijəλ=λ=ɛm		
дело=POSS.1SG.SG		и	помнить=PrP=OBJ.1SG.SG		

‘Среди детских чудесных снов помню, что случались большие беды.’

(101) *Ким этлум – манты тахэм ан вэлум.* [Сенгепов 1994: 46]

kim	ɛt=λ=əm	**măn=ti**	**tăχɛ=m**
наружу	выйти=Pr=SUBJ.1SG	**идти=PrP**	**место=POSS.1SG.SG**
ăn	**wǫ**=λ=əm		
не	**знать**=Pr=SUBJ.1SG		

‘На улицу выйду, не знаю, куда идти.’

Делиберативные отношения передаются при помощи причастно-послеложной конструкции с послелогом *эλəŋən* ‘о, про’:

(102) [*Лув виса нəптал мар вулэт пила рəпитум хə,*] *манэм вулэт тайты па энмалты олаԋн шеԋк ар ям путар, ям ясаԋ путартас.* [Сенгепов 1994: 37]

mănɛm	wŭλ=et		tăj=**ti**	pa	enməλ=**ti**
мне	олень=PL		держать=**PrP**	и	растить=**PrP**
əλəŋən	šɛŋk	ar	jăm	pŏtər	
о	очень	много	хороший	рассказ	
jăm	ar	jăsəŋ	pŏtərt=əs=∅		
хороший	много	слово	рассказать=PAST=SUBJ.3SG		

‘[Он всю свою жизнь работает с оленями,] он мне много интересных историй, интересных рассказов рассказал о том, как содержать и выращивать оленей.’

В области изъяснительных конструкций информативного типа изменения касаются прежде всего делиберативных причастно-послеложных конструкций, которые последовательно заменяются на бифинитные со скрепами, образованными на базе послелога *эλəŋən* ‘о, про’, например:

(103) *Си юпийн мирхотн ясанг вусат Ново-Аганской Совет кося ёх. Лыв путарсат* ***си оланг н, муй*** *ин Советат верлат хантэт, юрнат волупсы лэсятты пата* [ЛПХ. 28.04.1989. Т. Молданова «Мосл мув!»] ‘После этого на собрании слово взяли руководители Ново-Аганского совета. Они говорили **о том, что** теперь делают советы, чтобы улучшить’; (104) *Мунг луплув* ***си оланг н, муй мурт*** *палтап вон тынат версайт тухлангхопатн янгхты пата* [ХЯ. 30.03.1991 «Палтап вон тынат»] ‘Мы говорили **о том, насколько** страшно высокие цены сделали, чтобы ездить самолетом’; (105) *РФ Госдума депутат Г. А. Амиров лупăс* ***щи вєрăт оӈăӈн, хута*** *округ дума ёх федеральной законăт ӈывеӈ мосты щира ӈэщатсăт* [ХЯ. 12.02.2005. В. Аликов «Округ дума 35-мит мирхот»] ‘Депутат Госдумы РФ Г. А. Амиров говорил **о тех вещах, как** представители окружной думы подготавливают необходимые им федеральные законы’.

Такие предложения в газетных текстах активно конкурируют с причастными определительными конструкциями с номинализатором *wєr* ‘дело’, которые довольно часто употребляются в фольклоре для выражения делиберативных отношений. Это, конечно, не случайно, так как и здесь наблюдается расхождение в семантике причастных определительных конструкций русского и хантыйского языков. Делиберативные отношения в русских причастных определительных конструкциях невозможны, поэтому аналогичные конструкции в хантыйском языке в первую очередь заменяются на русские кальки.

2) Косвенно-вопросительные изъяснительные предложения в ЗПЕ содержат косвенный вопрос. Они возникают на основе предложений с прямой речью, в которых ЗПЕ представляет собой вопрос, например: (106) *Хŏλta mănλən?* ‘Куда идешь?’; (107) *Mŏj wєrλən?* ‘Что делаешь?’; (108) *Xǫn jŏχətλən?* ‘Когда придешь?’; (109) *Mŏjən ńətti?* ‘Чем помочь?’; (110) *Xŏλśa jŏχətsən?* ‘Откуда приехал?’.

В фольклорных текстах косвенно-вопросительные изъяснительные предложения редки, так как преимущественно используется прямая речь. Однако в процессе перестойки синтаксической системы количество косвенно-вопросительных предложений существенно возрастает. По структуре они относятся к бифинитному типу, в котором сказуемые обеих частей выражены финитными глаголами. В качестве аналитических скреп употребляются многочисленные вопросительные местоимения. Например:

(111) *Ма ӈўв пиӈаӈа вэйтантыйӈмемăн иньщăссєм,* ***муй тăхийн*** *ӈўв сєма питăс,* ***хутысахăт*** *вэс, рэпитăс* [ХЯ. 12.02.2005. Е. Рандымова «Иса вэӈмаӈ хўват вўӈы тащ тăйман вэс»] ‘Когда я с ним встретилась, я его расспросила, **где** он родился, **где** жил и работал’; (112) *Наӈ ăнт вантсэн,* ***хуӈта*** *аӈкєм ма ернасєм пунсаӈӈэ?* ‘Ты не видела, **куда** мама положила мое платье?’; (113) *Ма тăм хэят иньщасэм,* ***хуӈща*** *ӈўв ёхтăс* ‘Я спросил этого человека, **откуда** он пришел’; (114) *Муй ямем вэӈ, сăр вантӈєм* ***хульсь*** *юхтăс* [ККО-2: 137] ‘Что хорошего будет, посмотрю, **откуда** пришла’; (115) *Лыв лангхалат уша верты,* ***муй*** *тывас* [ЛПХ. 6.10.1990. Э. Осокина] ‘Они хотели знать, **что**

случилось’; (116) *Ин вонта нэмхоятн ан волы,* ***муй пата*** *хантэт там корт эвалт мансат* ‘До сих пор никто не знает, **почему** люди ушли из этого поселка’; (117) *Вантыла,* ***муй вушн*** *вəл* [ККО-2: 167] ‘Посмотри, **где** она’; (118) *Ин эвенăн путăртса, аӈкеӆ* ***муй вурн*** *вəл* [ККО-2: 162] ‘Девушка рассказала, **как** живет ее мать’; (119) *Сыры лув манат иньсясты нармас,* ***муйсар*** *муватн,* ***муйсар*** *тахэтн ма вəсум,* ***муй*** *вантсум,* ***муй*** *версум* [Сенгепов 1994: 5–6] ‘Сначала он меня примется спрашивать, **в каких** землях, **в каких местах** я бывал, **что** видел, **что** делал’; (120) *Си пата ин си нəмлал ан нəмлум,* ***хой эвалт*** *па* ***хута*** *ма симась путрат хəллясум* [Сенгепов 1994: 9] ‘Поэтому теперь я даже не могу вспомнить, **от кого** и **где** я этот рассказ слышал’.

Появление такого рода конструкций обусловлено задачами публицистического стиля, для которого характерно точное указание на источник информации. Наклонение неочевидного действия в полном объеме эту информацию не конкретизирует, поэтому она восполняется при поддержке лексических и синтаксических средств.

По образцу подобных косвенно-вопросительных предложений строятся и предложения информативного типа, в которых ЗПЕ вводится вопросительным местоимением с информативной функцией, например:

(121) *Ёхӆаӆ пеӆа путартыяӆ,* ***хутыса*** *ӆув тут сама ӆонялсаӆы па хəӆум хăтӆ тут аӆляӆы* [ККО-2: 166] ‘Людям рассказывает, **как** его в огонь поставят и в огне три дня будут жечь’.

В данном предложении местоименное наречие *хутыса* ‘как, каким образом’ предназначено не столько для того, чтобы охарактеризовать способ совершения действия, названного в ЗПЕ, сколько для введения информации о том, что оно состоится, будет иметь место в действительности. Ср. аналогичные примеры:

(122) *Сыры олатн ма лув хусела юхтыйлмемн* ***вантсум, хуты*** *хотл лыпийн ай пешиет энмалтал* [Сенгепов 1994: 36] ‘Когда я приезжал к нему в прежние годы, видел, **как** он выращивал в доме маленьких оленят’; (123) *Юхи хăщум кємăн Елена Евгеньевна щимăщ айкеӆ єтăӆтăс,* ***мăтты*** *щи нявреєм вəнӆтăты тăхета округ эвăӆт па компьютерăт ӆэщатты пăта 373 миллион шойт вух мăсы* [ХЯ. 29.04.2006. В. Енов. «Йӆпа вєрум посупсы»] ‘Когда приехала домой, Елена Евгеньевна такую новость рассказала, **будто** детским учреждениям от округа выделено 373 миллиона рублей для оснащения компьютерами’.

Таким образом, наибольшие изменения происходят в сфере изъяснительных ППК, в которых чаще всего исконные монофинитные конструкции заменяются бифинитными. Стратегия построения косвенно-вопросительных предложений по бифинитному аналитическому типу все чаще распространяется и на информативные предложения, в ГПЕ которых стоят глаголы, обозначающие передачу информации, а не запрос на ее получение.

Общая тенденция изменений в сфере ППК казымского диалекта хантыйского языка направлена на развитие бифинитных аналитических конструкций. Прежде всего это происходит за счет трансформации причастно-послеложных конструкций в бифинитные со скрепами, образованными на основе послелога в сочетании с указательным местоимением. Монофинитные конструкции трансформируются в бифинитные, скрепа из семантически зависимой части перетегивается в семантически главную, принцип построения текста смещается.

Формирование аналитических межфразовых скреп на основе сочетания указательного местоимения и послелога происходит очень активно и ограничено лишь лексическим набором соответствующих частей речи. Так, в роли первого компонента такого сочетания может выступать любое из имеющихся в хантыйском языке указательных местоимений: *śi*, *śit*, *siti*, *tăm*, *in*, каждое из которых может сочетаться с любым послелогом. Однако наиболее продуктивным из всех является, конечно, местоимение *śi*, сочетающееся с послелогами самой разной семантики: *śi jeλpijən* ‘перед этим’, *śi kŭtən* ‘тогда’, *śi tŏmpijən* ‘кроме этого’, *śi jŭkana* ‘вместо этого’ и под.

Однако эта перестройка в целом не затрагивает ядерных конструкций, а происходит там, где хантыйский язык не располагает исконными средствами выражения актуальных значений (в темпоральной сфере – отношений быстрого следования, в сфере обусловленности – следствия, уступки и условия, косвенно-вопросительных изъяснительных ППК и др.).

Наличие большого количества аналитических средств, использующихся для связи частей ППК, является отличительной чертой современного этапа развития казымского диалекта хантыйского языка. Отсутствие в морфологической системе этого диалекта разветвленной падежной парадигмы (три падежа) и наличие всего лишь двух типов инфинитных форм – причастий и деепричастий – приводит к расширению функционирования аналитических способов связи: значительному превышению количества аналитико-синтетических конструкций над собственно синтетическими, а также формированию широкого круга аналитических скреп. Оно происходит не путем прямого заимствования отдельных лексем из русского языка, а с опорой на внутренние ресурсы, которыми исконно обладает данный диалект, т. е. за счет использования частиц и местоимений в новой для них функции – средства связи частей полипредикативной конструкции. Таким образом происходит адаптация имеющихся языковых ресурсов к потребностям выражения новых смыслов и отношений, возникших в связи с расширением сферы функционирования хантыйского языка. При этом происходит перестройка языковой системы в целом, переориентация построения текста с использованием анафорических стратегий соотнесения ситуаций между собой.

Развитие синтаксической системы происходит на основе внутренних ресурсов языка, а не путем калькирования русских средств связи или прямого заимствования союзов. Это является свидительством прогрессивного развития хантыйского языка.

Если оценивать направления перестройки синтаксической системы хантыйского языка в рамках традиционной оппозиции «простое» – «сложное» предложение, то появление собственно сложных предложений с финитными сказуемыми в обеих частях и аналитическим показателем связи между ними надо признать признаком «усложнения» структуры. Однако такие конструкции по своей сути являются более простыми, так как каждая часть сложного предложения соотносится с отдельным смысловым элементом, а отношения между ними эксплицитно выражены при помощи скрепы. Усложнение происходит здесь за счет появления большего количество элементов, т. е. за счет колчественного аспекта, однако это приводит к упрощению смысловой стороны: части «сложного» предложения становятся «простыми» по смыслу, так как одному элементу конструкции соответствует один элемент смысла. Возникает одно-однозначное соответствие между планом выражения и планом содержания. Становление сложного предложения можно признать средством формирования изосемического выражения отношений между событиями, что делает структуру предложения, как это ни парадоксально, более простой.

Выводы

Параметры оценки языковой сложности в области синтаксиса являются неоднозначными, поскольку полипредикативные конструкции часто обладают семантической сложностью в силу недифференцированной семантики. Простейшие по структуре конструкции (в тувинском языке – с деепричастными формами сказуемого зависимой предикативной единицы, в хантыйском – с различными инфинитными формами), являющиеся основой синтаксиса сложного предложения в урало-алтайских языках, выражают таксисные и каузальные отношения. Чем сложнее выражаемые конструкцией семантические отношения между событиями, тем, как правило, сложнее и ее структура. Причастно-послеложные конструкции передают однозначные узко дифференцированные значения (например, в хантыйском языке – ограничительного следования, ограничительного предшествования и др.).

На материале хантыйских и тувинских фольклорных и художественных произведений начала, середины и конца XX в. установлено, что заметных изменений в структуре и семантике полипредикативных конструкций не наблюдается. Появились новые типы модус-диктумных и релятивных конструкций, направленные на дифференциацию смыслов, мало характерных для тематики фольклорных произведений (делиберативные отношения, отношения тождества). Появляются новые типы аналитических конструкций с финитными формами сказуемых в обеих частях и аналитическими скрепами, возникающими прежде всего на основе местоимений и сочетаний типа «указательное местоимение + послелог», т. е. наблюдается тенденция к усилению признаков аналитизма, благодаря чему диктумный и модусный смыслы выражаются раздельно и эксплицитно, а структурная сложность конструкции обеспечивает прозрачное и раздельное выражение каждого элемента смысла.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Материал языков народов Сибири свидетельствует о том, что параметры языковой сложности не являются изолированными, проявляющимися в чистом виде. Как правило, они корректируются, нивелируются или усиливаются многими другими факторами существования и развития языков, поскольку все языки Сибири, помимо внутренней организации, имеют этнический, социальный, исторический фон, который влияет на языковую структуру в целом и может менять свойства языка в плане его сложности.

Следует отличать сложность устройства и функционирования одноименных уровней разных языков или, тем более, языков в целом и сложность отдельных единиц в рамках подсистем одного языка.

Сложность языковой системы во многом зависит от того, имеет ли язык длительную письменную историю или нет: чем длиннее письменная история, тем больше происходит упрощение в разных подсистемах языка либо сохраняется стабильность. Нормирование языка уменьшает интенсивность хаотичных процессов его изменения. На нашем языковом материале это подтверждается, например, составом падежных систем современных тюркских языков. В литературных языках с длительной письменной историей падежные системы упрощаются по составу, формы падежей становятся более специализированными семантически, а в младописьменных языках и бесписьменных диалектах полно воспроизводится более сложная древняя тюркская падежная система за счет сохранения древних или синтезации новых падежных форм, восполняющих утраченные падежи. Другим примером являются временные системы ненормированного чалканского языка, где процессы синтезации аналитических форм проходят очень интенсивно и приводят к созданию смешанных парадигм, и нормированного алтайского языка, в котором эти процессы сдерживаются наличием литературной традиции.

Сложность языковой системы связана также с количеством языковых контактов, в которые вступал этнос на протяжении своей истории. Результаты языковых контактов не всегда предсказуемы и однозначны. Чаще происходит усложнение языковой системы языка-реципиента за счет увеличения числа единиц преимущественно фонетического и лексического уровней, хотя возможны заимствования и в области грамматики. Так, истоки более высокого уровня сложности фонетической системы языка туба по сравнению с большинством других идиомов Алтая следует искать в этногенезе тубинцев, предки которых составили вместе с тувинцами и карагасами (тофами) большой племенной союз Туба и усвоили язык, близкий к древнеогузскому и древнеуйгурскому. В шорском языке, все носители которого являются шорско-русскими билингвами, фонетическая система усложняется за счет включения русских фонем. Личная парадигма современного алтайского литературного языка сложилась в результате контаминации двух древних личных парадигм. Причиной такого упрощения могут быть тесные контакты алтайского языка с ойратским (один из южных монгольских языков), имевшие мес-

то во время вхождения части южных алтайцев в государство ойратов. Этот процесс идет во всех сибирских языках, но с разной скоростью и разными результатами. Примером упрощения языковой подсистемы является изменение оснований противопоставления в именных классах чукотско-корякских языков. Исходная корреляция «референтность / не-референтность» постепенно меняется, в том числе под влиянием русского языка, на оппозиции «человек / не-человек», «одушевленность / неодушевленность», типологически более частотные.

Относительная сложность языковых единиц, как формальная, так и семантическая, внутри языка определяется временем, которое данная единица функционирует в языке. Так, наиболее сложными, многовариантными в корякском языке являются простые глагольные основы, относящиеся к общечукотско-корякскому лексическому фонду. На материале тюркских языков примером могут послужить первичные причастия, зафиксированные в самых древних памятниках письменности, которые отличаются полифункциональностью и полисемантичностью, могут выступать во всех функциях (главного и зависимого предиката и главного члена атрибутивной конструкции) и имеют сложную семантику, включающую временное и модальное значения.

На настоящий момент фиксируется разнонаправленность изменения степени сложности в отдельных подсистемах сибирских языков. Имеются результаты, показывающие иерархию по степени сложности фонетических систем тюркских языков Сибири, причем сложность выше в тех языках, где сохраняются некоторые древнейшие признаки образования звуков, такие как фарингализация, эйективность. Упрощение систем происходит за счет исчезновения некоторых модальных групп согласных в результате развития общей тенденции к ослаблению артикуляции, как, например, группы сверхслабых согласных в тувинском, хакасском, алтайском, якутском языках.

Функционирование единиц одного уровня в одном и том же языке может демонстрировать бóльшую или меньшую сложность, причем потенциальная возможность создания более сложных единиц может опровергаться языковой практикой. Агглютинативные языки, особенно с элементами полисинтетизма, глагольная словоформа в которых по смыслу равна предложению, такие как чукотско-корякские, потенциально позволяют строить сложные глагольные словоформы, содержащие до восьми морфем. Однако в реальном употреблении языка, ориентированном на успешность коммуникации, этого не происходит, и среднее количество морфем колеблется между двумя и тремя. Редкие случаи более полного использования возможностей языка и создание относительно более сложных форм и конструкций определяются исключительно языковой личностью. Присоединение к корню необязательных, но добавляющих нюансы семантики морфем связано с языковым талантом и компетенцией носителя языка.

В языках Сибири не обнаруживается механизмов, компенсирующих сложность разных языковых уровней, скорее, следует говорить о влиянии процессов, происходящих на одном уровне, на сложность единиц других уровней. Так, ограничение свободы сочетаемости консонантов в тюркских

языках Сибири коррелирует с увеличением числа алломорфов и усложнением грамматических парадигм, активные фонетические изменения на морфемных швах и разного рода стяжения, хотя и приводящие к уменьшению длины словоформ, т. е. к уменьшению поверхностной сложности и к экономии произносительных усилий, усложняют восприятие информации. Например, некоторые из временных форм чалканского языка, стянувшихся из аналитических конструкций, в речи неразличимы без более широкого контекста, вплоть до омонимии положительных и отрицательных форм, форм прошедшего и настоящего времени.

Понятие «сложности» на синтаксическом уровне оказывается противоречивым: предложения, в грамматической традиции оцениваемые как «сложные», на деле таковыми не являются, так как в норме между планом выражения и планом содержания устанавливается однозначное отношение. Каждое событие выражается собственной предикативной единицей, на отношение между ними указывает аналитический показатель связи (в данном случае мы оставляем в стороне несимметричные предложения, в которых подразумеваются эксплицитно не выраженные звенья).

Более продуктивным для оценки простоты / сложности синтаксического яруса языка может оказаться описание соотношения между планом выражения и планом содержания языковых единиц и реализация этого отношения в речевых высказываниях. Тогда предложения, в которых устанавливается однозначное отношение между планом выражения и планом содержания, должны оцениваться как более простые по сравнению с теми, в которых это отношение либо неоднозначно, либо несимметрично. В простейшем случае речь идет о том, что многие конструкции передают разные типы отношений, являясь синтаксическими полисемантами. В этом смысле конструкции со специализированными средствами связи (типа русских причинных союзов *оттого что* или *благодаря тому что*) являются «элементарными» сложными предложениями, так как всегда выражают только один тип отношений. Русские сложноподчиненные предложения времени с союзом *когда* «элементарны» в том отношении, что каждое событие и отношение между ними выражены собственными средствами, но конструкция [ГПЕ] (когда ЗПЕ) обладает многозначностью, так как передает и отношения общей временной соотнесенности, и одновременности, и следования, и может подразумевать невыраженное модусное звено.

Большую степень сложности демонстрируют монофинитные конструкции, в которых сказуемое зависимой части выражается инфинитной формой. Несмотря на то что в традиционной грамматике такие предложения относят к разряду простых осложненных, механизмы свертывания пропозиций и их формального выражения гораздо более сложны, чем в стандартном сложном предложении.

Если описание события включено в состав «простого» предложения, занимает в нем позицию того или иного члена, выраженную предикативно, то возникает вопрос: простоту / сложность чего мы оцениваем – структуры или семантики? По структуре монофинитное предложение считается простым,

так как в его составе подлежащее и сказуемое выражены только один раз, все остальные компоненты предложения занимают по отношению к ним зависимую позицию. Однако усложнение происходит в узлах любых актантных, сирконстантных и атрибутивных членов предложения, каждый из которых может быть выражен предикативно. Принято говорить, что такие механизмы осложняют предложение, не делая его сложным в полном смысле этого слова. Но если учесть, что в монофинитных конструкциях вступают в действие многочисленные дополнительные факторы, такие как способ выражения зависимого субъекта (формой именительного или родительного падежей), способ оформления зависимого предиката (например, сочетание аффиксов инфинитной формы и падежа; наличие / отсутствие показателей лица и числа в зависимости от моно- или разносубъектности конструкции), сложная система соотношения модально-видо-временных форм сказуемых ЗПЕ и ГПЕ и т. д., то монофинитные конструкции окажутся существенно сложнее, чем «настоящие» сложные предложения. На деле оказывается, что «сложное» предложение проще «простого», так как стуктурная прозрачность обеспечивает однозначное (на уровне языковых единиц, а не их речевых реализаций) соотношение плана выражения и плана содержания. В «простых осложненных» предложениях описание соотношения структуры и семантики требует учета дополнительных дифференциальных признаков, связанных со специфическими формами выражения субъекта и предиката зависимой части, что приводит к парадигматическому усложнению. Если считать монофинитные конструкции «простыми» предложениями, надо признать их семантическую сложность, связанную с тем, что как минимум одна пропозиция в их составе выражается свернуто, непредикативно. Любая асимметрия между планом выражения и планом содержания языкового знака является маркером большей сложности.

Перспективным для дальнейшего изучения языковой сложности на территории Сибири является расширение круга исследуемых языков и включение в их число тунгусо-маньчжурских языков, отражающих большую степень древности языков, включаемых в гипотетическую алтайскую семью. Важным аспектом исследования проблем сложности является усиление внимания к семантическому аспекту языковых единиц, соотношению сложности формы, семантики и функции. Особый интерес вызывают единицы, входящие в один ареал, обладающие общей специфической семантикой при различии формы выражения. Образование таких единиц не объясняется ни из внутренней структуры этих языков, ни из прямых зафиксированных контактов, но служит инструментом осложнения языковых систем на территории Сибири.

Наиболее интересным является именно многоаспектное рассмотрение увеличения или уменьшения сложности как языковых единиц, так и языков в целом, включающее как спонтанное развитие подсистем, если бы они развивались изолированно, так и роль в этих процессах взаимодействия с соседними языками и отражение в них следов контактов с уже исчезнувшими этносами и их языками.

ЛИТЕРАТУРА

Авазбаев Н. Фонотактическая структура односложных слов во флективных и агглютинативных языках: Автореф. дис. … д-ра филол. наук. СПб., 1992. 33 с.

Аврутина А. С. Древнетюркские рунические памятники. Система письма и фонологическая реконструкция. М.: Едиториал УРСС, 2011. 136 с.

Алмадакова Н. Д. Язык теленгитов: очерки по фонетике и морфологии в сопоставительном аспекте. Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 2016. 204 с.

Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1998. 896 с.

Асиновский А. С., *Володин А. П.* Словоформа агглютинирующего языка в типологическом аспекте // Морфемика. Принципы и методы системного описания. Л., 1987. С. 5–16.

Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М., 1966. 608 с.

Бабушкин Г. Ф. О некоторых фонетических и морфологических особенностях теленгитского диалекта алтайского языка // Вопросы диалектологии тюркских языков. Баку, 1966. Т. 4. С. 167–177.

Бабушкин Г. Ф., Донидзе Г. И. Шорский язык // Языки народов СССР. М.: Наука, 1966. Т. II: Тюркские языки. С. 467–481.

Байжанова Н. Р. Образование парных слов в алтайском языке // Третья зимняя типологическая школа. Междунар. шк. по лингв. типологии и антропологии. 29 января–6 февраля 2002 г. М., 2002. С. 101–103.

Байыр-оол А. В., Шагдурова О. Ю. Причины развития и способы формирования парных слов в тувинском языке (в сопоставлении с хакасским) // Языки и фольклор коренных народов Сибири. Новосибирск, 2015. № 2. (Вып. 29). С. 65–73.

Баскаков Н. А. Введение в изучение тюркских языков. М., 1969. 383 с.

Баскаков Н. А. Диалект лебединских татар-чалканцев (куу-кижи). Грамматический очерк, тексты, переводы, словарь. М.: Наука, 1985. 233 с.

Баскаков Н. А. Диалект черневых татар (туба-кижи). Северные диалекты алтайского (ойротского) языка: Грамматический очерк и словарь / Под ред. Э. А. Груниной, Е. А. Поцелуевского. М.: Наука, 1966. 173 с.

Баскаков Н. А. К вопросу о классификации тюркских языков // Известия АН СССР, Отд-ние лит. и языка. М., 1952. Т. XI. Вып. 2. С. 121–134.

Баскаков Н. А. Алтайский язык (Введение в изучение алтайского языка и его диалектов). М., 1958. 115 с.

Баскаков Н. А. Алтайский язык // Языки мира: Тюркские языки / Под ред. Э. Р. Тенишева. М.: Изд-во «Индрик», 1997. С. 179–187.

Баскаков Н. А. Очерк грамматики ойротского языка // Сост.: Баскаков Н. А., Тощакова Т. М. Ойротско-русский словарь / Под ред. Н. А. Баскакова. М., 1947. С. 219–312.

Батманов И. А., Арагачи З. Б., Бабушкин Г. Ф. Современная и древняя енисеика. Фрунзе: Изд-во АН КиргССР, 1962. 259 с.

Белошапкова В. А. Современный русский язык. Синтаксис. М.: Высш. шк., 1977. 247 с.

Бердичевский А. Языковая сложность (Language Complexity) // Вопр. языкознания. 2012. № 5. С. 101–124.

Бертагаев Б. А. Бурятский язык // Языки народов СССР. Монгольские, тунгусо-маньчжурские и палеоазиатские языки. Л.: Наука, 1968. Т. 5. С. 13–34.

Бидинова А. К. Категория принадлежности в кош-агачском и улаганском говорах теленгитского диалекта алтайского языка // Сиб. филол. журн. 2015. № 3. С. 241–247.

Бидинова А. К. Теленгитский диалект в системе южных диалектов алтайского языка: Дис. … канд филол. наук. Новосибирск, 2017. 247 с.

Бирюкович Р. М. Звуковой строй чулымско-тюркского языка. М., 1979. 202 с.

Бичелдей К. А. Назализованные гласные современного тувинского языка // Исследования звуковых систем сибирских языков. Новосибирск, 1979. С. 29–34.

Бичелдей К. А. Фарингализованные гласные в тувинском языке // Звуковой строй сибирских языков. Новосибирск, 1980. С. 39–66.

Бичелдей К. А. Назализованные гласные в тувинском языке и их соответствия в тюркских языках // Исследования звуковых систем языков Сибири. Новосибирск, 1984. С. 35–39.

Бичелдей К. А. Гласные тувинского языка в потоке речи. Ч. I. Кызыл: ТувНИИЯЛИ при Совете министров Тувинской АССР, 1989. 92 с.

Бичелдей К. А. Фарингализация в тувинском языке. М., 2001а. 289 с.

Бичелдей К. А. Звуковой строй диалектов тувинского языка. М., 2001б. 156 с.

Бичелдей К. А. Теоретические проблемы фонетики современного тувинского языка: Автореф. дис. … д-ра филол. наук. М., 2001в. 86 с.

Благова Г. Ф. Тюркское склонение в ареально-историческом освещении / Под ред. Э. В. Севортяна, Н. З. Гаджиевой. М., 1982. 303 с.

Богораз В. Г. Луораветланский (чукотский) язык // Языки и письменность народов Севера. Ч. III. Языки и письменность палеоазиатских народов / Под ред. Е. А. Крейновича. М.; Л.: Учпедгиз, 1934. С. 5–46.

Богораз В. Г. Луораветланско-русский (чукотско-русский) словарь / Под ред. С.Н. Стебницкого. М.; Л.: Учпедгиз, 1937. 165 с.

Большой академический монгольско-русский словарь. Т. 2: Д – О. / Отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев. М.: Ин-т языкознания РАН, Academia, 2001. 512 с.

Большой академический монгольско-русский словарь. Т. 4: Х – Я / Отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев. М.: Ин-т языкознания РАН, Academia, 2002. 508 с.

Боргояков М. И. Развитие падежных форм и их значений в хакасском языке / Под ред. Г. И. Донидзе. Абакан, 1976. 160 с.

Бородкина И. П. Состав гласных в мрасском диалекте шорского языка // Языки народов Сибири. Кемерово, 1977. С. 11–20.

Вербицкий В. И. Словарь алтайского и аладагского наречий тюркских языков. Казань, 1884. 494 с.

Верте Л. А. Консонантизм хантыйского языка (экспериментальное исследование). Новосибирск: Сибирский хронограф, 2003. 330 с.

Виноградов В. А. Сингармонизм // Лингв. энцикл. словарь. М.: Сов. энцикл., 1990. С. 445.

Володин А. П. Мысли о палеоазиатской проблеме // Вопр. языкознания. 2001. № 4. С. 129–141.

Гаврилин Н. В. Реестр гласных фонем в языке бачатских телеутов // Фонетика языков Сибири. Новосибирск, 1984. С. 67–73.

Гаврилин Н. В. Система гласных фонем в языке бачатских телеутов (по экспериментальным данным): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Алма-Ата, 1987. 18 с.

Гаврилин Н. В. Дистрибуция гласных в языке бачатских телеутов // Вопросы алтайского языкознания. Горно-Алтайск, 1988. С. 53–62.

Ганиев Ф. А. Функциональное словообразование в современном татарском литературном языке. Казань: Тан Дим, 2009. 264 с.

Гивон Т. Сложность и развитие // Язык и мысль. М.: Языки славянской культуры, 2015. С. 89–122.

Грамматика алтайского языка (составлена членами Алтайской духовной миссии). Казань: Тип. ун-та, 1869. 290 с.

Грамматика алтайского языка. 2-е изд. Репринтное воспроизведение издания «Грамматика алтайского языка» (Казань, 1869). Горно-Алтайск, 2005. 364 с.

Грамматика ногайского языка: Фонетика и морфология / Под ред. Н. А. Баскакова. Черкесск: Ставропольское кн. изд-во, 1973. 320 с.

Грамматика русского языка: В 2 т. Т. 2. Синтаксис. М.: Наука, 1954. 444 с.

Грамматика современного алтайского языка. Морфология / Под ред. И. А. Невской. Горно-Алтайск, 2017. 576 с.

Грамматика современного русского литературного языка. М.: Наука, 1970. 767 с.

Грамматика современного якутского литературного языка / Под ред. Е. И. Убрятовой. М.: Наука, 1982. 495 с.

Грамматика хакасского языка / Под. ред. Н. А. Баскакова. М.: Наука, 1975. 420 с.

Гринберг Дж. Квантитативный подход к морфологической типологии языков // Новое в лингвистике. Вып. 3. М., 1963. С. 60–94.

Гузев В. Г. Очерки по теории тюркского словоизменения: Глагол. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1990 (1987). 141 с.

Гузев В. Г. Теоретическая грамматика турецкого языка. СПб.: СПБГУ, 2015. 320 с.

Даль Э. Возникновение и сохранение языковой сложности. М.: URSS, 2009. 558 с.

Дамбыра И. Д. Вокализм каа-хемского говора в сопоставлении с другими говорами и диалектами тувинского языка. Новосибирск: ИД «Сова», 2005. 223 с.

Джунисбеков А. Проблемы тюркской словесной просодии и сингармонизм казахского слова: Автореф. дис. … д-ра филол. наук. Алма-Ата, 1988. 60 с.

Диван лугат ат-турк (Свод тюркских слов): в 3 т. Т. 1. М.: Вост. лит., 2010. 461 с.

Дмитриев Н. К. Грамматика башкирского языка. М..; Л.: Изд-во АН СССР, 1948. 275 с.

Дмитриев Н. К. Сложноподчиненное предложение // Строй тюркских языков. М.: Наука,1962. 608 с.

Дмитриева Л. В. Язык барабинских татар (материалы и исследования). Л., 1981. 225 с.

Древнетюркский словарь / Под ред. В. М. Наделяева, Д. М. Насилова, Э. Р. Тенишева, А. М. Щербака. Л.: Наука, 1969. 677 с.

Дыренкова Н. П. Грамматика ойротского языка / Отв. ред. С. Е. Малов. М.; Л.: Изд-во АН СССР, Ленингр. отд-ние, 1940. 304 с.

Дыренкова Н. П. Грамматика шорского языка. / Отв. ред. С. Е. Малов. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. 308 с.

Дыренкова Н. П. Грамматика хакасского языка: Фонетика и морфология / Под ред. Н. Г. Доможакова. Абакан: Хакоблнациздат, 1948. 124 с.

Дыренкова Н. П. Тофаларский язык // Тюркологические исследования / Отв. ред. А. К. Боровков. М.; Л., 1963. С. 5–23.

Дьячковский Н. Д. Звуковой строй якутского языка. Ч. II. Консонантизм. Якутск: Кн. изд-во, 1977. 256 с.

Есипова А. В. Теоретические проблемы словообразования в тюркских языках (на материале шорского языка): Автореф. дис. … д-ра филол. наук. М., 2011. 50 с.

Жукова А. Н. Грамматика корякского языка. Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1972. 322 с.

Жукова А. Н. Язык паланских коряков. Л., 1980.

Жукова А. Н. Материалы и исследования по корякскому языку. Л., 1988.

Закиев М. К вопросу о категории падежа в тюркских языках // Проблемы тюркологии и истории востоковедения. Казань, 1964. С. 207–219.

Золотова Г. А., Онипенко Н. К., Сидорова М. Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М.: Изд-во МГУ, 1998. 528 с.

Ильенко С. Г. К вопросу об общей типологии сложного предложения // Переходность в системе сложного предложения современного русского языка. Казань: Изд-во Казан. гос. ун-та, 1982. С. 10–17.

Историческая энциклопедия Кузбасса. Т. I. А–К. Кемерово; Познань, 1996. 380 с.

Исхаков Ф. Г. Гармония гласных в тюркских языках // Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. Ч. I. Фонетика. М.: Изд-во АН СССР, 1955. С. 122–159.

Исхаков Ф. Г. Очерк по фонетике. Тувинский язык. Материалы для научной грамматики. М., 1957. 123 с.

Исхаков Ф. Г., Пальмбах А. А. Беглые гласные в татарском и некоторых других тюркских языках // Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. Ч. 1: Фонетика. М.: Изд-во АН СССР, 1955. С. 208–216.

Исхаков Ф. Г., Пальмбах А. А. Грамматика тувинского языка. Фонетика и морфология / Под ред. Е. И. Убрятовой. М.: Вост. лит., 1961. 472 с.

Карпов В. Г. Сопоставительная фонетика хакасского и русского языков: Учеб. пособ. Изд. 2-е, перераб. и доп. Абакан: Изд-во Хакас. гос. ун-та им. Н. Ф. Катанова, 2001. 68 с.

Касевич В. Б. Морфонология. Л.: Изд-во ЛГУ, 1986. 181 с.

Касевич В. Б. О семантике некоторых условных конструкций // Типология. Грамматика. Семантика. СПб.: Наука, 1998. С. 282–292.

Касевич В. Б. Фонологическая типология и язык-эталон // Проблемы фонетики. Вып. 3. М.: Наука, 1999. С. 6–17.

Касевич В. Б. Труды по языкознанию. Семантика. Синтаксис. Морфология. СПб: Наука, 2006. 880 с.

Катанов Н. Ф. Опыт исследования урянхайского языка с указанием главнейших родственных отношений его к другим языкам тюркского корня. Казань: Типо-литогр. Имп. Казан. ун-та, 1903. XLII, 488, LX с.

Кечил-оол С. В. Типологическая специфика консонантизма сут-хольского говора в системе говоров и диалектов тувинского языка. Новосибирск: ИД «Сова», 2006. 362 с.

Кибрик А. А. Анализ дискурса в когнитивной перспективе: Автореф. дис. … д-ра филол. наук. М., 2003.

Кибрик А. А. Модус, жанр и другие параметры классификации дискурсов // Вопр. языкознания, 2009. № 2. С. 3–21.

Кибрик А. Е. Иерархии, роли, нули, маркированность и «аномальная» упаковка грамматической семантики // Вопр. языкознания. 1997. № 4. С. 27–57.

Кибрик А. Е., Кодзасов С. В., Муравьева И. А. Язык и фольклор алюторцев. М.: ИМЛИ РАН, Наследие, 2000. 468 с.

Кимеев В. М., Кривоногов В. П. Этнические процессы у калмаков (опыт интервального исследования) // Науч. обозр. Саяно-Алтая. № 1(3)/2012. Абакан: ГБУ РХ «Хакас. кн. изд-во», 2012. С. 113–123.

Кирсанова Н. А. Консонантизм в языке чалканцев (по экспериментальным данным). Новосибирск: Сибирский хронограф, 2003. 150 с.

Кобешавидзе И. Н. К характеристике графики и фонемного состава языка орхоно-енисейских надписей // Сов. тюркология. 1972. № 2. С. 40–46.

Кодзасов С. В., Кривнова О. Ф. Общая фонетика. М.: ИЦ РГГУ, 2001. 592 с.

Кокорин В. Н. Вокализм в языке чалканцев (по экспериментальным данным): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Алма-Ата, 1982. 20 с.

Колесникова А. В. Парные слова со вторым асемантичным компонентом «словом-эхо» в алтайском и других тюркских языках // Языковая ситуация и коммуникативные стратегии обучения: Материалы конф., 29–31 января 2006 г. Новосибирск, 2006. С. 109–115.

Колосова Т. А. Русские сложные предложения асимметричной структуры. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1980. 164 с.

Колосова Т. А. Еще раз о природе средств связи частей сложного предложения // Проблемы интерпретации в лингвистике и литературоведении: Материалы третьих филол. чтений. 28 ноября – 29 ноября 2002 г. Новосибирск, 2002. С. 33–37.

Колосова Т. А., Черемисина М. И. Некоторые закономерности пополнения фонда скреп // Служебные слова. Новосибирск: Изд-во НГУ, 1987а. С. 11–25.

Колосова Т. А., Черемисина М. И. О союзных и текстовых скрепах русского языка // Показатели связи в сложном предложении (на материале языков разных систем). Новосибирск, 1987б. С. 104–114.

Колосова Т. А., Черемисина М. И. Межфразовые скрепы союзного типа // Закономерности развития и взаимодействия национальных языков и литератур: (Текст. Коммуникация. Перевод). Тез. научно-практич. конф. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1989. С. 48–50.

Колосова Т. А., Черемисина М. И. О лексикографическом описании скреп русского языка // Языковые единицы в семантическом и лексикографическом аспектах. Вып. 1. Новосибирск, 1996. С. 15–35.

Кондратьев В. Г. Грамматический строй языка памятников древнетюркской письменности VIII–XI вв. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1981. 190 с.

Кононов А. Н. Грамматика современного узбекского литературного языка. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. 446 с.

Кононов А. Н. Грамматика языка тюркских рунических памятников (VII–IX вв.). Л.: Наука, 1980. 255 с.

Коркина Е. И. Наклонения глагола в якутском языке. М.: Наука, 1970. 308 с.

Кормушин И. В. Тюркские енисейские эпитафии: тексты и исследования. М.: Наука, 1997. 304 с.

Кормушин И. В. Древние тюркские языки: Учеб. пособие. Абакан: Изд-во Хакас. гос. ун-та им. Н. Ф. Катанова, 2004. 336 с.

Кормушин И. В. Тюркские енисейские эпитафии: грамматика, текстология. М.: Наука, 2008. 342 с.

Кошкарева Н. Б. Конструкции с инфинитными формами глагола в хантыйском языке (на материале западных диалектов): Автореф. дис. … канд. филол. наук. Новосибирск, 1991. 26 с.

Кошкарева Н. Б. Пути формирования фонда аналитических скреп в полипредикативных конструкциях хантыйского языка (казымский диалект) // Языки коренных народов Сибири. Вып. 18. Аналитические структуры в простом и сложном предложении. Новосибирск, 2006. С. 50–67.

Кошкарева Н. Б. Временные синтетические полипредикативные конструкции с инфинитными формами глагола в форме местно-творительного падежа в сургутском диалекте хантыйского языка (в сопоставлении со смежными хантыйскими и ненецкими диалектами) // Сиб. филол. журн., 2007. № 3. С. 158–174.

Кошкарева Н. Б. Делиберативная скрепа *о том, что* и модель изъяснительных сложноподчиненных предложений // Вестн. НГУ. Сер.: История, филология. Т. 14. Вып. 9. 2015. С. 126–137.

Куркина Г. Г. Вокализм хантыйского языка (экспериментальное исследование). Новосибирск: Сибирский хронограф, 2000. 292 с.

Курпешко Н. Н., Широбокова Н. Н. Бивербальные конструкции с глаголами бытия в шорском языке. Кемерово, 1991. 75 с.

Кучигашева Н. А. Теленгитский диалект алтайского языка // Уч. зап. Горно-Алтайского НИИИЯЛ. Горно-Алтайск, 1961. Вып. 4. С. 57–72.

Кыштымова Г. В. Состав и системы гласных фонем сагайского и качинского диалектов хакасского языка. Экспериментально-фонетическое исследование. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2001. 152 с.

Мазепус В. В. Темброво-высотные инварианты теленгитского кая // Мелодии хоомея. Кызыл, 1994. С. 65–66.

Майсак Т. А. Типология грамматикализации конструкций с глаголами движения и глаголами позиции. М., 2005. 480 с.

Мальцева А. А. Синтагматическая сложность глагольных словоформ в алюторском языке // Сиб. филол. журн. 2015. № 4. С. 229–241.

Мандрова Н. А. Консонантизм в языке чалканцев (по экспериментальным данным): Автореф. дис. … канд. филол. наук. Алма-Ата, 1982. 23 с.

Материалы по исторической фонетике тюркских языков. М.: Изд-во иностр. лит., 1955. 221 с.

Матусевич М. И. Введение в общую фонетику. Л., 1948. 104 с.

Машталир С. И. Состав гласных фонем в теленгитском диалекте алтайского языка // Фонетика языков Сибири. Новосибирск, 1984. С. 74–78.

Межекова Н. Н. Шорский диалект // Диалекты хакасского языка. Очерки и материалы: Сб. науч. ст. / Под ред. Д. Ф. Патачаковой. Абакан: Краснояр. кн. изд-во. 1973. С. 49–66.

Мельников Г. П. Системная типология языков: Принципы, методы и модели. М.: Наука, 2003. 395 с.

Мельчук И. А. Модель спряжения в алюторском языке. Институт русского языка АН СССР. Проблемная группа по экспериментальной и прикладной лингвистике. Предварительные публикации. Вып. 45, 46. М., 1973. 133 с.

Мельчук И. А. Курс общей морфологии. Т. I: Введение. Ч. 1: Слово. Москва; Вена: Языки русской культуры: Венский славистический альманах: Изд. группа «Прогресс», 1997. 416 с.

Мирзаев М. Об употреблении дательного и местного падежей в бухарском говоре узбекского языка // Уч. зап. Бухарского ГПИ. Ташкент, 1957.

Могильников В. А. Кимаки // Степи Евразии в эпоху средневековья. Археология СССР. М.: Наука, 1981. С. 43–45.

Молл Т. А. Корякско-русский словарь. Л.: Учпедгиз, 1960. 239 с.

Молл Т. А., Инэнликэй П. И. Чукотско-русский словарь. 2-е изд. СПб.: Филиал изд-ва «Просвещение», 2005. 239 с.

Монгуш Д. А. Русско-тувинский словарь. М., 1980.

Монгуш Д. А. О некоторых моделях предложений в тувинском языке, образованных при участии производных от глагола *де*= / *ди*= ‘говорить’, ‘сказать’ // Показатели связи в сложном предложении (на материале языков разных систем). Новосибирск, 1987. С. 83–89.

Монгуш С. В. Шумные смычные согласные фонемы сут-хольского говора тувинского языка // Языки коренных народов Сибири. Вып. 9: Фонологические системы. Новосибирск, 2001. С. 127–149.

Мудрак О. А. Этимологический словарь чукотско-камчатских языков. М.: Языки русской культуры, 2000. 284 с.

Муравьева И. А. Сравнительный словарь морфем чукотского, корякского и алюторского языков: Прилож. к дис. … канд. филол. наук «Сопоставительное исследование морфонологии чукотского, корякского и алюторского языков». М., 1980. 175 с.

Мусаев К. М. Грамматика караимского языка. М.: Наука, 1964. 343 с.

Нагаяма Ю. Очерк грамматики алюторского языка. Киото, 2003. 314 с.

Нагаяма Ю. Материалы по языку нымыланов-алюторцев // Materials of Siberian Languages 2. Саппоро, 2015. 82 с.

Нагаяма Ю., Нутаюлгин В. М., Чечулина Л. И. Нымыланско-русский словарь. Часть 1 (А–Ҹ) / Под ред. Ю. Нагаяма. Саппоро, 2017. 143 с.

Наделяев В. М. Состав фонем в звуковой системе современного монгольского языка // Вестн. ЛГУ. 1957. № 8. С. 123–131.

Наделяев В. М. Проект универсальной унифицированной фонетической транскрипции (УУФТ). М.; Л., 1960. 68 с.

Наделяев В. М. Особенности звуковой системы языка тофов // Материалы конф. «Этногенез народов Северной Азии». Вып. 1. Новосибирск, 1969. С. 235–236.

Наделяев В. М. Артикуляционная классификация гласных // Фонетические исследования по сибирским языкам. Новосибирск, 1980. С. 3–91.

Наделяев В. М. Графика и орфография долганского языка // Экспериментальная фонетика сибирских языков. Новосибирск, 1982. С. 3–50.

Наделяев В. М. К типологии артикуляционно-акустических баз // Фонетические структуры в сибирских языках. Новосибирск, 1986. С. 3–15.

Наделяев В. М. Современный монгольский язык. Морфология. Новосибирск: Наука, 1988. 113 с.

Насилов Д. М. Прошедшее время на *jyq* / *jÿk* в древнеуйгурском языке и его рефлексы в современных языках // Тюркологический сб. К 60-летию А. Н. Кононова. М., 1966. С. 100–101.

Невская И. А.. Ситуативные локативные значения шорских падежей // Языки коренных народов Сибири. Вып. 3. Новосибирск, 1996. С. 98–113.

Невская И. А. Типология локативных конструкций в тюркских языках Южной Сибири (на материале шорского языка): Автореф. дис. … д-ра филол. наук. Новосибирск, 1997. 28 с.

Невская И. А. Употребление дательного падежа в статическом значении в шорских пространственных конструкциях // Алтайская филология. Горно-Алтайск: Изд-во Горно-Алтайского гос. ун-та, 2000. С. 75–81.

Невская И. А. Пространственные отношения в тюркских языках Южной Сибири (на материале шорского языка). Новосибирск: Ника, 2005. 306 с.

Невская И. А. Спорные вопросы алтайской грамматики: о статусе формы на *-ДЫй* в алтайском литературном языке // Рос. тюркология. 2016. № 1 (14). С. 3–15.

Николина Е. В., Озонова А. А., Кокошникова О. Ю. и др. Социолингвистическая ситуация у тубаларов и чалканцев // Языки коренных народов Сибири. Новосибирск, 2003. Вып. 7: Экспедиционные материалы. Ч. 1. С. 3–9.

Озонова А. А. Временные формы алтайского языка в аспекте языковой сложности // Вестн. НГУ. Сер.: История, филология. Т. 16. № 2. Новосибирск, 2017. С. 86–101.

Озонова А. А., Тазранова А. Р. Аналитические конструкции в чалканском диалекте (в сопоставлении с алтайским литературным языком) // Языки коренных народов Сибири. Вып. 15: Чалканский сб. Новосибирск, 2004. С. 55–72.

Ондар Н. М. Соматические парные слова в тувинском языке // Актуальные проблемы сохранения и развития языков, культур и истории народов Саяно-Алтая: Материалы междунар. науч. конф., посвящ. 280-летию открытия древнетюркской письменности. 20–23 сент. 2001 г. Абакан, 2001. С. 108–112.

Ондар Н. М. Парные слова в тувинском языке: Дис. … канд. филол. наук. Кызыл, 2004. 161 с.

Ооржак Б. Ч. Временная система тувинского языка. М.: Языки славянской культуры, 2014. 184 с.

Оргу К. Х. Тыва дылда сөстерниң тургустунарының дугайында. О словообразовании в тувинском языке // Тыва дыл дугайында ажылдар. Статьи по тувинскому языку. Кызыл, 1964. С. 13–15.

Основы финно-угорского языкознания. Марийский, пермские и угорские языки. М., 1976. 467 с.

Оюн М. В. Придаточные определительные предложения, вводимые служебными словами *деп*, *дээр*, *дээн* в тувинском языке // Тюркские языки Сибири. 1983. С. 46–55.

Пальмбах А. А. Долгие и полудолгие гласные тувинского языка // Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. М., 1955. Ч. I. С. 175–181.

Панина Е. С., Тыбыкова Л. Н., Невская И. А. Опыт заложения основ корпуса алтайского языка в программе Toolbox // Язык и культура алтайцев: со-

временные тенденции развития: Материалы регион. науч.-практ. конф. Горно-Алтайск, 2016. С. 77–84.

Патачакова Д. Ф. Парно-сочетающиеся слова в хакасском языке // Уч. зап. ХакНИИЯЛИ. Вып. XIV. Абакан, 1970. С. 5–20.

Петькин Г. А., Чумакаева М. Ч. Количественные характеристики гласных тубинского диалекта алтайского языка в моносиллабах // Звуковые системы сибирских языков. Новосибирск, 1989. С. 26–45.

Пиперски А. Лекции Александра Пиперски по лингвистике: 1. Языковая сложность. URL: https://postnauka.ru/video/54750.

Потапов Л. П. Народы Южной Сибири. Новосибирск, 1953. 192 с.

Предикативное склонение причастий в алтайских языках. Новосибирск: Наука, 1984. 191 с.

Пронина Е .П. Картинный словарь корякского языка: Учеб. пособ. СПб.: Филиал изд-ва «Просвещение», 2003. 135 с.

Пустогачева О. Н. Челканско-русский тематический словарь. СПб.: Филиал изд-ва «Просвещение», 2008. 111 с.

Рамстедт Г. И. Введение в алтайское языкознание: Морфология. М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1957. 255 с.

Рассадин В. И. Фонетика и лексика тофаларского языка / Под ред. Ц. Б. Цыдендамбаева. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1971. 252 с.

Рассадин В. И. Морфология тофаларского языка в сравнительном освещении / Под ред. Л. Г. Шагдарова. М.: Наука, 1978. 288 с.

Рассадин В. И. Современный тофаларский язык и его место в системе тюркских языков. Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2014. 218 с.

Рахилина Е. В. Отношение причины и цели в русском языке // Вопр. языкознания, 1989. № 6. С. 46–54.

Реби Д. И., Ачкинази Б. М., Ачкинази И. В. Крымчакский язык // Языки мира. Тюркские языки. Бишкек: ИД «Кыргызстан», 1997. С. 309–319.

Решетов В. В. Узбекский язык. Введение. Фонетика. Ташкент, 1950. 182 с.

Русская грамматика. М.: Наука, 1980. 709 с.

Русско-корякский словарь. 18500 слов / Сост. А. Н. Жукова. М.: Сов. энцикл., 1967. 641 с.

Рыжикова Т. Р. Инвентарь переднеязычных согласных фонем в языке барабинских татар // Языки коренных народов Сибири. Вып. 9: Фонологические системы. Новосибирск, 2001. С. 112–120.

Рыжикова Т. Р. Консонантизм языка барабинских татар: Сопоставительно-типологический аспект. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2005. 269 с.

Рыжикова Т. Р. Изучение звуковой системы языка барабинских татар: к проблеме выделения фонем // Тумашевские чтения: Актуальные проблемы тюркологии: Материалы Всерос. науч.-практ. конф., посвящ. 80-летию акад. Д. Г. Тумашевой. 19 октября 2006 г. Тюмень, 2007. С. 168–173.

Салимов Х. Х. Вокализм барабинского диалекта татарского языка (экспериментально-фонетическое наблюдение) // Исследования звуковых систем языков Сибири. Новосибирск, 1984. С. 11–16.

Сарбашева С. Б. Фонологическая система туба-диалекта алтайского языка (в сопоставительном аспекте). Новосибирск: Сибирский хронограф, 2004. 242 с.

Сат Ш. Ч. Тувинский язык (грамматический очерк) // Тувинско-русский словарь. М., 1955. С. 615–721.

Сат Ш. Ч. Роль служебных слов *деп*, *дээш* в сложноподчиненном предложении тувинского языка // Падежи и их эквиваленты в строе сложного предложения в языках народов Сибири. Новосибирск, 1981. С. 112–115.

Сегленмей С. Ф. Пути обогащения общественно-политической терминологии тувинского языка // Уч. зап. ТувНИИЯЛИ. Кызыл, 1975. № 17. С. 149–159.

Сегленмей С. Ф. Консонантизм тувинского языка. Экспериментально-фонетическое исследование. Кызыл: РИО ТывГУ, 2010. 142 с.

Селютина И. Я. Кумандинский консонантизм. Экспериментально-фонетическое исследование. Новосибирск: Наука, 1983. 184 с.

Селютина И. Я. Кумандинский вокализм. Экспериментально-фонетическое исследование. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1998. 185 с.

Селютина И. Я. Фонетика языка кумандинцев как историко-лингвистический источник (экспериментально-фонетическое исследование): Автореф. дис. … д-ра филол. наук. Якутск, 2000. 88 с.

Селютина И. Я. Фонетика языков народов Сибири: Учеб. пособ. Горно-Алтайск: РИО «УниверПринт», 2002. 101 с.

Селютина И. Я. Введение в общую фонетику: Учеб. пособ. Новосибирск: Изд-во НГУ, 2008. 66 с.

Селютина И. Я. Характеристика консонантных систем южносибирских тюркских языков по параметрам объективной сложности // Сиб. филол. журн. 2016. № 2. С. 196–210.

Селютина И. Я., Дамбыра И. Д., Кечил-оол С. В. Фарингальный сингармонизм в тувинском языке // Гуманитарные науки в Сибири. 2004. № 4. С. 108–114.

Селютина И. Я., Дамбыра И. Д. Артикуляторные параметры фарингализации гласных: к проблеме интерпретации // Историко-культурное взаимодействие народов Сибири: Материалы Междунар. науч.-практ. конференции. Новокузнецк, 2008. С. 125–130.

Селютина И. Я., Уртегешев Н. С. Фонетические изменения в позициях сандхи в аналитических формах тюркского глагола как феномен исторической памяти этноса // Сиб. филол. жур. 2017. № 2. С. 136–158.

Селютина И. Я., Уртегешев Н. С., Летягин А. Ю. и др. Артикуляторные базы тюркских этносов Южной Сибири (по данным МРТ и цифровой рентгенографии). Новосибирск: ООО «Твердый знак», 2011. 352 с.

Селютина И. Я., Уртегешев Н. С., Летягин А. Ю. и др. Артикуляторные базы коренных тюркских этносов Южной Сибири (по данным МРТ и цифровой рентгенографии). Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2012. Сер.: Интергационные проекты. Вып. 41. 374 с.

Селютина И. Я., Уртегешев Н. С., Рыжикова Т. Р. Чалканские аналитические формы глагола: фонетические изменения в позициях сандхи // Языки коренных народов Сибири. Вып. 18: Аналитические структуры в простом и сложном предложении. Новосибирск, 2006. С. 216–234.

Селютина И. Я., Уртегешев Н. С., Рыжикова Т. Р. и др. Фарингализация как типологический признак фонологических систем (на материале тюркских языков Южной Сибири. Новосибирск: Изд-во «Омега Принт», 2014. 312 с.

Селютина И. Я., Уртегешев Н. С., Эсенбаева Г. А. и др. Атлас консонантных артикуляций в тюркских языках народов Сибири. Новосибирск: РИЦ НГУ, 2013. 352 с.

Скорик П. Я. Грамматика чукотского языка: В 2 ч. Ч. 1. Фонетика и морфология именных частей речи. М; Л.: Изд-во АН СССР, 1961. 448 с.

Скорик П. Я. Грамматика чукотского языка: В 2 ч. Ч. 2. Глагол, наречие, служебные слова. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1977. 375 с.

Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Морфология. М.: Наука, 1988. 560 с.

Структурные типы синтаксических полипредикативных конструкций в языках разных систем. Новосибирск: Наука. Сиб отд-ние, 1986. 316 с.

Субракова В. В. Консонантизм нижне-тёйского говора сагайского диалекта хакасского языка: Сопоставительный аспект: Автореф. дис. … канд. филол. наук. Новосибирск, 2005. 28 с.

Субракова В. В. Система согласных сагайского диалекта хакасского языка. Новосибирск: ИД «Сова», 2006. 244 с.

Субракова В. В. Динамика развития хакасского консонантизма (на материале нижне-тёйского говора сагайского диалекта) // Хакасия и Россия: 300 лет вместе: Материалы Междунар. науч. конф., посвящ. 300-летию вхождения Хакасии в состав Российского государства (12–13 декабря 2007 г.). Т. 1. Абакан, 2007. С. 223–229.

Субракова О. В. Парно-сочетающиеся слова в устной поэзии хакасов // Тюркология-88: Тез. докл. и сообщ. V Всесоюз. тюркол. конф. (7–9 сентября 1988 г.). Фрунзе, 1988. С. 182–183.

Тадыкин В. Н. Орфография алтайского языка // Орфография тюркских литературных языков СССР. М.: Наука, 1973. С. 63–76.

Тазранова А. Р. Бивербальные конструкции со вспомогательными глаголами бытия в алтайском языке. Новосибирск: ИД «Сова», 2005. 228 с.

Тазранова А. Р. Некоторые вопросы теленгитского диалекта алтайского языка // Актуальные проблемы диалектологии языков народов России: Материалы XII Регион. конф. Уфа, 2012. С. 153–155.

Тараканова И. М. Аналитическое словообразование в хакасском языке (на примере имен существительных) // Языки коренных народов Сибири. Вып. 18. Новосибирск, 2006. С. 195–206.

Тараканова И. М. Словообразование имен существительных в хакасском языке (в сопоставительном аспекте). Абакан: Хакас. кн. изд-во, 2008. 174 с.

Татаринцев Б. И. Монгольское языковое влияние на тувинскую лексику / Под ред. З. Б. Чадамба. Кызыл, 1976. 130 с.

Тенишев Э. Р. Смычные согласные в языке тюркских рунических памятников // Сов. тюркология. 1973. № 2. С. 40–45.

Терешкин Н. И. Хантыйский язык // Языки народов СССР. Т. III. Финно-угорские и самодийские языки. М., 1966. С. 319–342.

Тимкин Т. В. Система гласных фонем первого слога в сургутском диалекте хантыйского языка: Выпускная квалификационная работа магистра. Новосибирск, 2018. 168 с.

Типология условных конструкций / Под ред. В. С. Храковского. СПб.: Наука, 1998. 583 с.

Типология уступительных конструкций / Под ред. В. С. Храковского. СПб.: Наука, 2004. 625 с.

Типология таксисных конструкций / Под ред. В. С. Храковского. М.: Знак, 2009. 912 с.

Толковый словарь тувинского языка. Т. I / Под ред. Д. А. Монгуша. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 2003. 599 с.

Толковый словарь тувинского языка. Т. II / Под ред. Д. А. Монгуша. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 2011. 798 с.

Томилов Н. А. Очерки этнографии тюркского населения Томского Приобья. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1983. 215 с.

Тощакова Т. М. Грамматика ойротского языка. Новосибирск: ОГИЗ, 1938. 62 с.

Трахтеров А. Л. Английская фонетическая терминология. М., 1962. 352 с.

Тугушева Л. Ю. Тюркские рунические письменные памятники из Монголии. СПб.: Инсан, 2008 а. 192 с.

Тугушева Л. Ю. Хуаствaнифт (Манихейское покаяние в грехах). СПб.: Нестор-История, 2008 б. 81 с.

Тувинский язык. Грамматический очерк // Тувинско-русский словарь. М., 1955.

Тувинско-русский словарь. М., 1950.

Тувинско-русский словарь / Под ред. Э. Р. Тенишева. М.: Сов. энцикл., 1968. 646 с.

Тумашева Д. Г. Язык сибирских татар (часть вторая). Казань, 1968. 183 с.

Тур С. С., Тишкин А. А. К вопросу о происхождении северных алтайцев и шорцев // Интеграция археологических и этнографических исследований. Нальчик; Омск: Изд-во ОмГПУ, 2001. С. 185–188.

Тыбыкова А. Т., Дж. Б. Вуд, Пиянтинова К. К. и др. Морфемный словарь алтайского языка (с переводом на русский и английский языки) / Под ред. Л. Н. Тыбыковой. Горно-Алтайск: Горно-алтайская респуб. тип., 2005. 318 с.

Убрятова Е. И. Опыт сравнительного изучения фонетических особенностей языка населения некоторых районов Якутской АССР / Под ред. Л. Н. Харитонова. М.: Изд-во АН СССР, 1960а. 151 с.

Убрятова Е. И. Якутский язык в его отношении к другим тюркским языкам, а также к языкам монгольским и тунгусо-маньчжурским. М.: Изд-во вост. лит., 1960б. 13 с.

Убрятова Е. И. Исследования по синтаксису якутского языка. II. Сложное предложение. Кн. 2. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1976. 214 с.

Убрятова Е. И. Историческая грамматика якутского языка. Якутск: Изд-во Якут. гос. ун-та, 1985. 60 с.

Убрятова Е. И. Парные слова в якутском языке // Избр. тр. Исследования по тюркским языкам. Новосибирск, 2011. С. 184–210.

Уртегешев Н. С. Шумный консонантизм шорского языка (на материале мрасского диалекта). Новосибирск: Изд-во НГУ, 2002. 304 с.

Уртегешев Н. С. Малошумный консонантизм шорского языка (на материале мрасского диалекта). Новосибирск: ИД «Сова», 2004. 240 с.

Уртегешев Н. С. Длительность гласных в шорском языке // Proceedings of the 73th Seoul International Altaistic Conference: Perspectives on the Studies of Endangered Manchu-Tungus. Seoul National University, Sept. 24–27, 2006. Seoul, 2006. P. 265–273.

Уртегешев Н. С. Адаптированные русские заимствования в шорском языке // Материалы Всерос. науч.-практ. конф. «Культурно-историческое взаимодействие русского языка и языков народов России». 9–12 нояб. 2009 г. Элиста, 2009а. С. 97–100.

Уртегешев Н. С. Калмаков язык // Сиб. ист. энцикл. Новосибирск, 2009б. Т. II. С. 17.

Уртегешев Н. С. Шорский язык: фарингализация гласных // Материалы междунар. науч. конф. «Тюрко-монгольские народы Центральной Азии: язык, этническая история и фольклор (к 100-летию со дня рождения В. М. Наделяева), Кызыл, 20–23 мая 2012 г. Абакан: Хакас. кн. изд-во, 2012. С. 41–43.

Уртегешев Н. С. Внутриязыковые фонетические процессы, влияющие на усложнение языка // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2015. № 2(29). С. 81–88.

Уртегешев Н. С. Фонетика чулымско-тюркского языка по записям 70-х годов XX века // Урало-Алтайские исследования. 2016. № 1 (20). С. 105–110.

Уртегешев Н. С., Бабыкова С. А. Консонантизм в языке калмаков // Гуманитарные науки в Сибири. 2005. № 4. С. 88–90.

Уртегешев Н. С., Селютина И. Я., Рыжикова Т. Р., Вильданов А. З. Язык барабинских татар // Языки коренных народов Сибири. Новосибирск: Изд-во НГУ, 2003. Вып. 10. Экспедиционные материалы. С. 78–106.

Уртегешев Н. С., Селютина И. Я., Рыжикова Т. Р. Шорские аналитические формы глагола: фонетические изменения в позициях сандхи // Языки коренных народов Сибири. Вып. 19: Развитие аналитических структур в условиях языковых контактов. Новосибирск, 2007. С. 87–109.

Уртегешев Н. С., Селютина И. Я., Эсенбаева Г. А., Рыжикова Т. Р., Добринина А. А. Фонетические транскрипционные стандарты УУФТ и МФА: система соответствий // Урало-алтайские исследования. 2009. № 1 (1). С. 100–115.

Уртегешев Н. С., Селютина И. Я., Рыжикова Т. Р. Тувинские аналитические формы глагола: фонетические изменения в позициях сандхи // Урало-алтайские исследования. 2017. № 3 (26). С. 230–242.

Успенский Б. А. Структурная типология языков. М.: Наука, 1965. 286 с.

Федина Н. Н. Фонетика чалканского языка // Культура и традиции коренных народов Северного Алтая. СПб., 2008. С. 318–328.

Федина Н. Н. Фонетические и морфологические особенности современного чалканского языка (в сопоставлении с хакасским, шорским и алтайским языками): Автореф. дис. … канд. филол. наук. Новосибирск, 2010. 26 с.

Феер Б. Б. Акустические характеристики гласных кетского языка (пакулихинский говор). Новосибирск: Изд-во СО РАН, 1998. 138 с.

Филимонов О. И. Скрепа-фраза как средство выражения синтаксических связей между предикативными единицами в тексте: Автореф. дис. … канд. филол. наук. Ставрополь, 2003. 18 с.

Фисакова Г. Г. Состав гласных фонем в языке бачатских телеутов // Исследования звуковых систем языков Сибири. Новосибирск, 1984. С. 30–34.

Фисакова Г. Г. Долгие гласные в языке бачатских телеутов // Фонетика языков Сибири и сопредельных регионов. Новосибирск, 1986. С. 27–31.

Хакасско-русский словарь / Сост. Н. А. Баскаков, А. И. Инкижекова-Грекул. М., 1953. 487 с.

Хакасско-русский словарь / Под ред. О. В. Субраковой. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 2006. 1114 с.

Харитонов Л. Н. Современный якутский язык / Под ред. Н. К. Дмитриева. Якутск: Якут. кн. изд-во, 1947. Ч. 1: Фонетика и морфология. 312 с.

Хисамитдинова Ф. Г. О фарингализованном заднеязычном **а** в башкирском языке // Фонетика языков Сибири и сопредельных регионов. Новосибирск, 1986. С. 46–49.

Хонти Л. Хантыйский язык // Языки мира: Уральские языки. М.: Наука. Сиб. отд-ние, 1993. С. 301–319.

Чадамба З. В. Тоджинский диалект тувинского языка. Кызыл: Тувинское кн. изд-во, 1970. 136 с.

Черемисина М. И. Некоторые вопросы синтаксиса (сравнительные конструкции русского языка). Новосибирск: Изд-во НГУ, 1971. 181 с.

Черемисина М. И. Союз как лексическая единица языка: (Лексема или функция?) // Актуальные проблемы лексикологии. Новосибирск, 1973. С. 36–57.

Черемисина М. И. Об изъяснительной конструкции с факультативным управляемым местоимением *то* // Функциональный анализ синтаксических структур. Иркутск, 1982. С. 3–21.

Черемисина М. И. Служебное слово *деп* и формируемые им синтаксические конструкции (на материале алтайского языка) // Показатели связи в сложном предложении (на материале языков разных систем). Новосибирск, 1987. С. 4–31.

Черемисина М. И. Итоги исследования простого предложения в языках Сибири // Языки коренных народов Сибири. Вып., 4. Новосибирск, 1998. С. 3–31.

Черемисина М. И., Колосова Т. А. Очерки по теории сложного предложения. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1987. 197 с.

Черемисина М. И., Скрибник Е. К. Глагольные грамматикализованные конструкции в алтайских языках // Языки народов СССР. Новосибирск: Изд-во НГУ, 1988. С. 5–20.

Черкасский М. А. Тюркский вокализм и сингармонизм. Опыт историко-типологического исследования. М.: Наука, Гл. ред. вост. лит. 1965. 143 с.

Чернова А. А., Чумакаева М. Ч. Алтайский язык: Учеб. пособ. для русскоязычных. Горно-Алтайск, 1992. 318 с.

Чирикба В. А. Аспекты фонологической типологии. М., 1991. 143 с.

Чиспиякова Ф. Г. Учебное пособие по диалектологии шорского языка. Новокузнецк, 1991. 47 с.

Чиспияков Э. Ф. Учебник шорского языка. Кемерово: Кем. кн. изд-во, 1992а. 318 с.

Чиспияков Э. Ф. Графика и орфография шорского языка. Кемерово, 1992б. 61 с.

Чиспияков Э. Ф. Язык, история, культура тюрков Южной Сибири. Кемерово, 2004. 440 с.

Чиспиякова Ф. Г., Шавлова Н. В. Учебное пособие по фонетике шорского языка. Новокузнецк, 1992. 52 с.

Чумакаев А. Э. Исследования по теленгитскому диалекту алтайского языка // Актуальные проблемы диалектологии языков народов России. Материалы XV Всерос. науч. конф. Уфа, 2015. С. 323–326.

Чумакаева М. Ч. Фонемный состав алтайского литературного языка // Вопросы алтайского языкознания. Горно-Алтайск, 1976. С. 61–70.

Чумакаева М. Ч. Согласные алтайского языка (на основе экспериментально-фонетических исследований). Горно-Алтайск, 1978. 243 с.

Шагдурова О. Ю. Аналитические слова в хакасском героическом эпосе «Ай-Хуучын» // Вестн. НГУ. Сер.: История, филология. Т. 12. Вып. 2. Новосибирск, 2013а. С. 173–176.

Шагдурова О. Ю. Парные глаголы в хакасских фольклорных текстах // Языки и фольклор коренных народов Сибири. Новосибирск, 2013б. № 2 (Вып. 25). С. 55–60.

Шагдурова О. Ю. Парные слова в хакасских художественных, фольклорных и публицистических текстах // Языки и фольклор коренных народов Сибири. Новосибирск, 2014. № 2 (Вып. 27). С. 29–38.

Шалданова А. А. Вокализм диалекта алтай-кижи в сопоставительном аспекте. Новосибирск: ИД «Сова», 2007. 280 с.

Шамина Л. А. Способы выражения причинных отношений в тувинском языке // Аналитические средства связи в полипредикативных конструкциях. Новосибирск, 1980. С. 12–30.

Шамина Л. А. Временные полипредикативные конструкции тувинского языка. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1987. 140 с.

Шамина Л. А. Уступительные конструкции в тувинском языке // Языки народов Сибири. Грамматические исследования. Новосибирск: Наука, 1991. С. 32–43.

Шамина Л. А. Аналитические конструкции сказуемого в тувинском языке // Языки коренных народов Сибири. Вып. 2. Новосибирск, 1995. С. 23–39.

Шамина Л. А. Система многозначных моделей темпоральной семантики в тувинском языке // Гуманитарные науки в Сибири. 1997. № 4. С. 70–76.

Шамина Л. А. Структурно-семантические типы изъяснительных ППК в тувинском языке // Гуманитарные науки в Сибири. 1998. № 4. С. 81–86.

Шамина Л. А. Полипредикативные синтетические предложения в тувинском языке. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2001. 250 с.

Шамина Л. А. Конструкции со скрепой *деп* / *тіп* в тюркских языках Южной Сибири // Гуманитарные науки в Сибири. 2004. № 4. С. 85–89.

Шамина Л. А. Аналитические грамматические формы и конструкции в функции сказуемого в тувинском языке. Новосибирск: Любава, 2010. 239 с.

Шамина Л. А., Ондар Ч. С. Глагольные аналитические конструкции с первым причастным компонентом в тувинском языке. Новосибирск: Изд-во НГУ, 2003. 242 с.

Шенцова И. В. Акциональные формы глагола в шорском языке. Кемерово, 1997. 148 с.

Широбокова Н. Н. Отношение якутского языка к тюркским языкам Сибири: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Якутск, 2000. 46 с.

Широбокова Н. Н. Отношение якутского языка к тюркским языкам Южной Сибири / Под ред. Л. А. Шаминой. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 2005. 269 с.

Широбокова Н. Н. О смене классификационного типа (на материале тюркских языков Сибири) // Сиб. филол. журн. 2015. № 4. С. 242–250.

Щербак А. М. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков. Глагол / Под ред. С. Н. Иванова. Л.: Наука, 1981. 183 с.

Щербак А. М. Введение в сравнительное изучение тюркских языков. СПб., 1994. 191 с.

Эсенбаева Г. А. Вокальные системы тюркских языков южносибирского региона и киргизского языка: общность и специфика. Новосибирск: ИД «Сова», 2010. 316 с.

Этимологический словарь тувинского языка. Том I. Новосибирск, 2000. 341 с.

Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские лексические основы на буквы «В», «Г», «Д» / Авт. сл. ст. Э. В. Севортян. М.: Наука, 1980. 392 с.

Языки коренных народов Сибири. Вып. 7: Экспедиционные материалы. Ч. I. Новосибирск, 2003. 204 с.

Языки коренных народов Сибири. Вып. 13: Экспедиционные материалы. Новосибирск, 2004а. 164 с.

Языки коренных народов Сибири. Вып. 15: Чалканский сборник. Новосибирск, 2004б. 178 с.

Ястремский С. В. Падежные суффиксы в якутском языке. Иркутск: Типолитогр. П. И. Макушина, 1898. 51 с.

Anderson G. Xakas, Languages of the world: Materials, 251, München, 1998. 94 p.

Bernstein B. Class, Codes and Control. Vol. I: Theoretical Studies Towards a Sociology of Language. L.: Routledge, 1971. xii, 212 p.

Bogoras W. Chukchi // Boas, F. Handbook of American Indian Languages. Part 2. Washington, 1922. P. 631–903.

Brockelmann C. Osttürkische Grammatik der islamischen Litearaturschprachen Mittelaziens. Leiden: E. J. Brill, 1954. 429 S.

Corbett G. Gender. Cambridge University Press, 1991. 363 p.

Corbett G. Number. Cambridge University Press, 2000. 358 p.

Croft W. Typology // The Handbook of Linguistics / Eds M. Aronoff, J. Rees-Miller. Blackwell Publishers, 2003. P. 337–368.

Croft W. Typology and Universals. 2-nd ed. Cambridge University Press, 2003. 343 p.

Csepregi M. Szurguti osztják chrestomathia. Studia Uralo-Altaica. Suppl. 6. Szeged, 1998. 183 c.

Dahl Ö. The growth and maintenance of linguistic complexity. Amsterdam: John Benjamins, 2004. 319 p.

Dixon R. Ergativity // Language. 55. 1979. P. 59–138.

Dunn Ergin, Muharrem: Dede Korkut Kitabı. Ankara: Ank. UP, 1964.

Dunn M. A Grammar of Chukchi: A thesis submitted for the degree of Doctor of Philosophy of Australian National University. 1999. 386 p.

Erdal M. A grammar of Old Turkic. Leiden, Boston: Brill, 2004. 575 p.

Fortescue M. Comparative Chukotko-Kamchatkan Dictionary. Mouton de Gruyter: Berlin, N. Y., 2005. 496 p.

Fortesque M. Eskimo influence on the formation of the Chukotkan ergative clause // Studies in Language. 1997. Vol. 21, No. 2. P. 369–409.

Gabain A. Alttürkische Grammatik. Leipzig: Otto Harrassowitz, 1950. 373 s.

Gell-Mann M. The Quark and the Jaguar: Adventures in the Simple and the Complex. N. Y., 1994. 392 p.

Georg S. The Role of Paradigmatic Morphology in Historical, Areal and Genealogical Linguistics // J. of language contact. 2017. Vol. 10. P. 353–381.

Harrison K. D. Topics in the phonology and morphology of Tuvan. Yale University, 2001. 197 p.

Jakobson R. O. Langues paléosibériennes // Les langues du monde / Eds Par A. Meilet et E. Cohen. Paris, 1952. P. 403–431.

Janhunen J. (ed.) The Mongolic languages. London; New York: Routledge, 2003. 494 p.

Johanson L. Alttürkisch als «dissimilierende Sprache». Wiesbaden: Academie der wissenshcaften und der Literatur Mainz, Franz Steiner Verlag GMBH, 1979. 157 s.

Johanson L. The Structure of Turkic // The Turkic languages / Eds L. Johanson, E. A. Csato, London; New York: Routledge, 1998. P. 31–66.

Johanson L. The dynamics of code-copying in language encounters / Eds Bernt Brendemoen, Elizabeth Lanza, and Else Ryen // Language encounters across time and space. Oslo: Novus Press, 1999. P. 37–62.

Johanson L. Degrees of grammaticalization of Kazakh nominal relators // Turkic Languages. 2015. Vol. 19. No 2. P. 156–163.

Kurylowicz J. The evolution of grammatical categories // Diogenes, 51. 1965. P. 51–71.

Kusters W. Linguistic Complexity: The Influence of Social Change on Verbal Inflection. Utrecht, 2003. 411 p.

Ladefoged P., Maddieson I. The Sounds of the World's Languages: Phonological Theory. Oxford: Blackwell, 1996. 430 p.

Language Complexity as an Evolving Variable / Eds G. Sampson, D. Gil, P. Trudgill. Oxford, 2009. xiii, 309 p.

Language Complexity: Typology, Contact, Change / Eds M. Miestamo, K. Sinnemäki, F. Karlsson. Amsterdam, 2008. xiv, 356 p.

Lupyan G., Dale R. Language structure is partly determined by social structure // PLoS One. 2010. Vol. 5, No 1. http://dx.doi.org/10.1371/journal.pone.0008559

McWhorter J. The world's simplest grammars are creole grammars // Linguistic Typology. 2001. Vol. 5, iss. 2–3. P. 213–310.

McWhorter J. Language Interrupted: Signs of Non-Native Acquisition in Standard Language Grammars. Oxford: Univ. Press, 2007. 304 p.

Meillet A. L'evolution des formes grammaticales // Scientia. 12 (26). 1912. P. 388–400. [Reprinted // Meillet A. Linguistique historique et linguistique generale. Paris, 1965.]

Menges K. H. Das Sojonische und Karagassische / Eds J. Deny, et al. // Philologiae Turcicae Fundamenta I. Wiesbaden: Franz Steiner Verlag, 1959. P. 640–670.

Miestamo M. Grammatical complexity in a cross-linguistic perspective / Eds M. Miestamo, K. Sinnemäki, and F. Karlsson // Language complexity: Typology, contact, change. Amsterdam: John Benjamins, 2008. P. 23–41.

Nevskaya I. A. Varying marking of spatial arguments in Siberian Turkic languages: a static Dative and a dynamic Locative // Variierende Markierung von Nominalgruppen in Sprachen unterschiedlichen Typs. Studia Slavica Oldenburgensia. 4 / Eds W. Boeder, G. Hentschel. Oldenburg: BIS-Verlag, 2001. P. 293–305.

Nevskaya I. Depictive secondary predicates in South Siberian Turkic / Eds Ch. Schroeder, G. Hentschel, and W. Boeder // Secondary predicates in Eastern European languages and beyond. Studia Slavica Oldenburgensia 16. Oldenburg: BIS-Verlag der Carl von Ossietzky Univ. Oldenburg, 2008. P. 275–295.

Nevskaya I. Innovations and archaisms in Siberian Turkic spatial case paradigms // A Transeurasian historical and areal perspective Paradigm Change in the Transeurasian languages and beyond / Eds Martine Robbeets and Walter Bisang. Amsterdam: John Benjamins, 2014. P. 257–286.

Nevskaya I. A., Menz A.: The static dative as a South Siberian areal feature / Eds S. Özsoy, et al. // Studies in Turkic Linguistics: Proceedings of the Tenth International Conference in Turkish Linguistics. Istanbul: Boğaziçi Univ. Press, 2003. P. 373–385.

Nichols J. Linguistic Diversity in Space and Time. Chicago: The University of Chicago Press, 1992. xv, 358 p.

Nichols J. Linguistic complexity: a comprehensive definition and survey / Eds Geoffrey Sampson, David Gil, and Peter Trudgill // Language complexity as an evolving variable. Oxford: Oxford University Press, 2009. P. 110–125.

Ozonova A. Die syntaktischen Funktionen des Ablativs und des Dativs im Altaitürkischen / Eds M. Erdal, I. Nevskaya // Exploring the Eastern Frontiers of Turkic. (Turcologica 60.). Wiesbaden: Harrassowitz, 2006. Review: Menz, A. Turkic languages. P. 131–152.

Pakendorf B. Contact in the prehistory of Sakha (Yakuts): Linguistic and genetic perspectives. Utrecht: LOT, 2007. 381 p.

Perkins R. Deixis, Grammar, and Culture. Amsterdam, 1992. 255 p.

Radloff W. Phonetik der Nördlichen Türksprachen. Leipzig, 1882. 322 s.

Radloff W. Vergleichende Grammatik der nördlichen Türksprachen. Teil 1: Phonetik der nördlichen Türksprachen, Leipzig: T. O. Weigels Verlag, 1882. 379 s.

Radloff W. Die jakutische Sprache in ihrem Verhältnisse zu den Türksprachen // Зап. АН ВИИИ. Т. 8. № 7. St.-Pb., 1908. 86 s.

Radlov V. V. Versuch eines Wörterbuches der Turkdialecte, 4 Bände, St.-Pb., 1888–1905.

Räsänen M. Materialien zur Lautgeschichte der türkischen Sprachen, Helsinki, 1949. 249 s.

Ryzhikova T. R. Noise front consonants in the language of Baraba Tatars // ICTL 2002: 11th Intern. Conf. on Turkish Linguistics, Aug. 7–9, 2002. Abstracts. Gazimagusa, North Cyprus, 2002. P. 66–67.

Sagaan N. The use of case forms in Tuvan spatial constructions / Eds M. Erdal, I. Nevskaya // Exploring the Eastern Frontiers of Turkic. Turcologica 60. Wiesbaden: Harrassowitz. Review: Menz, A. Turkic languages, 2006. P. 193–210.

Sampson G. A linguistic axiom challenged // Language complexity as an evolving variable / Eds G. Sampson, D. Gil, and P. Trudgill. Oxford, 2009. P. 1–18.

Schönig C. Materialien zur Stellung des Lenatürkischen unter den Türksprachen // Materialia Turcica, 14, 1988 (1990). P. 41–57.

Schönig C. Classification Problems of Yakut // L'asie centrale et ses voisins / Ed. Remy Dor. Paris: INALCO, 1990. P. 91–102.

Schönig C. *qa:ño und Konsorten // Bälek Bitig: Sprachstudien für Gerhard Doerfer zum 75. Geburtstag / Hrsg von M. Erdal, S. Tezcan. Turcologica, 23. Wiesbaden, 1995.

Schönig C. Analogie als sprachbildende Kraft in den Türksprachen // Laut und Wortgeschichte der Türksprachen / Hrsg. B. Kellner-Heinkele, M. Stachowski. Harrassowitz Verlag Wiesbaden, 1995. P. 123–144.

Schönig C. The South Siberian Turkic // The Turkic languages / Eds L. Johanson, E. A. Csato. London; New York: Routledge, 1998. P. 403–417.

Selyutina I. Ya. Palatal synharmonism in the Turkic languages of South Siberia // Turcologica 46. Studies on Turkish and Turkic Languages. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2000. P. 27–32.

Shosted R. Correlating complexity: a typological approach // Linguistic Typology. 2006. Vol. 10. P. 1–40.

Silverstein M. Hierarchy of Features and Ergativity // Grammatical Categories in Australian Languages / Ed. R. M.W. Dixon. New Jersey: Humanities Press, 1976. P. 112–171.

Skribnik E. Buryat // The Mongolic languages / Ed. J. Janhunen. London; New York: Routledge, 2003. P. 102–128.

Spencer A. Chukchee and Polysynthesis // Типология и теория языка. От описания к объяснению. К 60-летию Александра Евгеньевича Кибрика. М.: Языки русской культуры, 1999. С. 106–113.

Stachowski M., Menz A. Yakut // The Turkic Languages / Eds L. Johanson, É. Á. Csató. London; New York: Routledge, 1998. P. 417–433.

Stachowski M. On the Origins of the Turkic directive suffixes -jar(y) and -sar(y) // studia etymologica cracoviensia / Eds M. Stachowski et al., Vol. 17. 2012. P. 127–135.

Stassen L. The Comparative Compared // Journal of Semantics, Vol. 3. 1984. P. 143–182.

Steinitz W. Geschichte des ostjakischen Vokalismus. Berlin: Akad. Verlag, 1950. 366 s.

Tekin T. A. Grammar of Orkhon Turkic. Bloomington: Indiana University Publications, 1968. 419 p.

Trudgill P. Sociolinguistic Typology: Social Determinants of Linguistic Complexity. Oxford: Oxford University Press, 2011 (2012). xxxviii, 236 p.

Trudgill P. Language contact and the function of linguistic gender // Poznań studies in contemporary linguistics. 35. 1999. P. 133–152.

Von Gabain A. Charakteristik der Türksprachen // Handbuch der Orientalistik, fünfter Band Altaistik, erster Abschnitt Turkologie, Leiden / Köln, E. J. Brill: 1982. P. 3–27.

Wray A., Grace G. The consequences of talking to strangers: Evolutionary corollaries of socio-linguistic influences on linguistic form // Lingua. 2007. Vol. 117. No 3. P. 543–578.

Yeskeldiyeva B. The ways of expressing comparative relations by means of the forms N-dAy and V-GAn-dAy in Kazakh // Abstracts of the 17th International Conference on Turkish Linguistics. Rouen, France, 2014. 156 p.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Источники на тувинском языке

А – Ары-Хаан Тыва улустуң маадырлыг тоолдары. Т. V. Кызыл, 1996. С. 61–99.
Ак-көк – Ак-Көк хемнер. Чогаалдар чыындызы. Кызыл, 1993.
Анк. – примеры получены от информантов во время экспедиций.
Аялга – К. Черлик-оол. Аялга. Кызыл, 1990.
Бт – Бичи тургузукчулар (Piccii turguzukcular). Кызыл, 1932.
В. В. Радлов – В. В. Радлов. Образцы народной литературы тюркских племен, живущих в Южной Сибири и Дзунгарской степи. СПб., 1866.
В.С.С.ч.т. – В. Серен-оол. Сөөскеннер чечектелип турда. Кызыл, 1995. 240 с.
ДС – Д. Сарыкай. Бүстүнмаан үүже. Кызыл, 1978.
ЕТ – Е. Танова. Акым дугайында тоожу. Кызыл, 1976.
И.Б.А.К. – И. Бадра. Арзылаң Күдерек. Кызыл, 1996. 280 с.
К. кт – К-Э. Кудажы. Уйгу чок Улуг–хем. Красный том. Кызыл, 2002.
КБ – Б. Кыргыс. Үүлгедигниң ялазы. Кызыл, 2008. С. 94–104.
Кудажы; КЭ. Уйгу – К-Э. Кудажы. Уйгу чок Улуг-Хем. Т. 1. Кызыл, 1989.
К-Э.К.Алдын – К-Э. Кудажы. Уйгу чок Улуг-Хем. Кызыл, 1992. 320 с.
К-Э.К.Д. – К-Э. Кудажы. Дуңзаа. Кызыл, 1988. 319 с.
К-Э.К.Кара – К-Э. Кудажы. Уйгу чок Улуг-Хем. Кызыл, 1996. 640 с.
К-Э.К.Кызыл – К-Э. Кудажы. Уйгу чок Улуг-Хем. Кызыл, 2002. 376 с.
К-Э.К.Ч.ч.I. – К-Э. Кудажы. Чогаалдар чыындызы. Т. I. Кызыл, 1979. 386 с.
К-Э.К.Ч.ч.II. – К-Э. Кудажы. Чогаалдар чыындызы. Т. II. Кызыл, 1980. 371 с.
К-Э.К.Ы.б. – К-Э. Кудажы. Ыржым булун. Кызыл, 1965. 169 с.
Л.Ч.И. – Л. Чадамба. Ивижилер. Кызыл, 1972. 224 с.
М. К-Л – М. Кенин-Лопсан. Чылгычының өө. Кызыл, 1980.
Маспык-оол Г. – Г. Маспык-оол. Чайзат. Кызыл, 2013.
МЛПТ– Мифы, легенды, предания тувинцев // Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока. Т. 28. Новосибирск, 2010.
НО – С. Сүрүң-оол. Ногаан ортулук. Кызыл, 1986.
С.С.А.д. – С. Сарыг-оол. Алдан дургун. Кызыл, 1987. 208 с.
С.С.А.т. – С. Сарыг-оол. Аңгыр-оолдуң тоожузу. Кызыл, 2008. 437 с.
С.С.А.у. – С. Сеглеңмей. Аңчы угбалышкы. Кызыл, 1988. 80 с.
С.С.Т.к. – С. Сүрүң-оол. Тывалаар кускун. Кызыл. 1994. 348 с.
С.Т.У.у. – С. Тока. Улуг ужарже. Кызыл, 2001. 222 с.
СС, ЧЧ – С. Сарыг-оол. Чогаалдар чыындызы. Т. 3. Кызыл, 1990.
ССА – С. Сарыг-оол. Аңгыр-оолдуң тоожузу. Кызыл, 2008. 437 с.
СТ – С. Тока. Араттың сөзү. Кызыл, 1967.
Сураз. – С. Суразаков. Алтай керегинде сöс. Горно-Алтайск, 1984.
Сүр.– С. Сүрүн-оол. Чогаалдар чыындызы. Кызыл, 1974.
Т.у.т. – Тыва улустуң тоолдары. Кызыл, 2012. 267 с.
Там – С. Тамба. Үелерниң үскүлежии. Кызыл, 1984.

ТГС – Тувинские героические сказания // Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока. Т. 12. Новосибирск: Наука. Сиб отд-ние, 1997. 548 с.
ТК – К-Э. Кудажы. Таңды кежии. Кызыл, 1984.
Ткус – С. Сүрүң-оол. Тывалаар кускун. Кызыл, 1994.
Тыва дыл – М. Д. Биче-оол, Д. А. Монгуш. Тыва дыл. Кызыл, 1989.
УТЯ – Е. Б. Салзынмаа. Учебник тувинского языка. Кызыл, 1960.
УХ-49 – Улуг-Хем (альманах). Кызыл, 1994. Вып. 2.
УЧУХ – К-Э. Кудажы. Уйгу чок Улуг-Хем. Кызыл, 1989.
ХБ – Хайындырынмай Багай-оол. Тувинские народные сказки // Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск: Наука, 1994. С. 50–224.
ХЧ – М. Кенин-Лопсан. Херээженниң чоргааралы. Кызыл, 1975.
Ч.Ч.Т. – Чүлдүм Чап. Тевек. Кызыл, 1996. 176 с.
ЧХ – Часкы хөөннер. Кызыл, 1994.
Ш.К.Б. – Ш. Куулар. Баглааш. Кызыл, 2010. 407 с.
ШС – Ш. Суваң. Хүн–Херелден аалчылар. Кызыл, 1994.

Источники на хакасском языке

АА – Алтын Арығ. Алыптығ нымахтар. Абакан, 1987. 225 с.
ВТ, Ат – В. К. Татарова. Аат табызы. Ағбан, 1991.
ИК, Чх – И. М. Костяков. Чібек хур. Абакан, 1989.
МБ, ХТ – М. Р. Баинов. Хан Төңіс. Алыптығ нымах. Ағбан, 1994. 216 с.
МК, П – М. Кильчичаков. Пьесалар. Абакан, 1961. 264 с.
НТ, Ткö – Н. Е. Тиников. Тіріг кізі өлбеҷең. Абакан, 1982.
Х – Хабар. Газета на хакасском языке.
Ха – Хакасский альманах. № 3. Абакан, 1946.
ХГЭ – Хакасский героический эпос «Ай-Хуучын» // Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока. Т. 16. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1997.
ХНС – Хакасские народные сказки // Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск: Омега Принт, 2014. 770 с.
Хф – Хакасский фольклор. Абакан, 1946.
ЧА, Д – Ч. Айтматов. Джамиля. Повести (на хакасском языке). Перевод С. Е. Карачакова. Абакан, 1992. 240 с.

Источники на алтайском языке

АА ÖЧК – А. Адаров. Ölўмниг чаңкыр кужы. Горно-Алтайск, 1993.
АА УБТ – А. Адаров. Уча берген турналар. Горно-Алтайск, 1980.
АГС – Алтайские героические сказания // Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока. Т. 15. Новосибирск: Наука, 1997.

АФ – Алтайский фольклор. Горно-Алтайск, 1988.
БУ Т – Б. Укачин. Туулар, туулар ла бойы артар. Горно-Алтайск, 1985.
JM JJ – J. Маскина. Jўрўмниҥ jуруктары. Горно-Алтайск, 2002.
ИШ К – И. Шодоев. Качук. Горно-Алтайск, 1989.
КТ КЎ – К. Тölöсöв. Кажды ла кижи каруданг кару. Горно-Алтайск, 2006.
КТ КJ1 – К. Тölöсöв. Кадын jаскыда. Горно-Алтайск, 1985.
ЛК АК – Л. Кокышев. Алтайдыҥ кыстары. Горно-Алтайск, 1980.
ЛК JП – Л. Кокышев. Jўс письмо. Горно-Алтайск, 1990.
СС АКС – С. Суразаков. Алтайым керегинде сöс. Горно-Алтайск, 1985.
ТШ АК – Т. Шинжин. Ак кулун. Горно-Алтайск, 1981.
ЭП А – Э. Палкин. Алан. Горно-Алтайск, 2006.

Источники на хантыйском языке

АМЕКМ – Арєм-моньщєм еӈ ки мăнӈ…: Если моя песня-сказка дальше пойдет. Вып. 1. Ханты-Мансийск: Полиграфист, 2003.
ККО-1 – Кань кунш оӈăӈ: Земля кошачьего локотка / Сост. Т. А. Молданов. Вып. 1. Ханты-Мансийск, 1997.
ККО-2 – Кань кунш оӈăӈ: Земля кошачьего локотка / Сост. Т. А. Молданов. Вып. 2. Томск: изд-во Том. гос. ун-та, 2003.
ККО-3 – Кань кунш оӈăӈ: Земля кошачьего локотка / Сост. Т. А. Молданов. Вып. 3. Томск: изд-во Том. гос. ун-та, 2003.
КММП – Касум мув моньщат-путрат: Сказки-расскзы земли казымской / Сост. С. С. Успенская. Томск, 2002.
ЛПХ – газета «Ленин пант хуват».
Сенгепов – А. Сенгепов. Касум ики путрат. СПб: Просвещение, 1994.
СНХ – Сказки народа ханты / Сост. Е. В. Ковган, Н. Б. Кошкарева, В. Н. Соловар. СПб: Алфавит, 1995.
ХЯ – газета «Ханты ясăӈ».

Источники на чукотско-корякских языках

Bogoras-Tan 1917 – W. Bogoras-Tan, Koryak texts. Publications of the American Ethnological Society. Vol. 5. Leyden, 1917.
Беликов 1979 – Л. В. Беликов. Лымн’ылтэ: Чукотские народные сказки и предания. Магадан, 1979.
Ивтакрат 1955 – тексты, записанные И. С. Вдовиным от Ивтакрата (Варганова Максима Трифоновича), 1907 г. р. в с. Илир Олюторского р-на Камчатской обл. в августа 1955 г. Архивные материалы И. С. Вдовина хранятся в научном архиве Института антропологии и этнографии РАН (Кунсткамера), фонд 36, опись 1.
Килпалин 2010 – Килпалин. Живопись, проза, письма, воспоминания. Петропавловск-Камчатский: Изд-во «Камчатпресс», 2010.

Нагаяма 2015 – Материалы по языку нымыланов-алюторцев. Составитель Ю. Нагаяма. Саппоро, 2015.

Народовластие – газета, издающаяся в пос. Палана, административном центре Корякского автономного округа, приложение *Айгытқылг'у* «Северяне».

Обухов 1932 – тексты, написанные М. Обуховым по просьбе С. Н. Стебницкового. Хранятся в Государственном архиве АН в г. Санкт-Петербург. Фонд Института народов Севера. 1025, опись 1, № 22.

Притчина 2005 – тексты, записанные А. А. Мальцевой от Притчиной Марии Иннокентьевны (1918 г. р., Кичига) в п. Оссора в 2005 г. Расшифровано А. А. Мальцевой при участии А. Я. Волковой, п. Оссора, 2005 г.

Сахаров 1955 – тексты, записанные И. С. Вдовиным от Сахарова Ивана Николаевича, 1893 г. р. в с. Ветвей Олюторского р-на Камчатской обл. в июле 1955 г. Архивные материалы И. С. Вдовина хранятся в научном архиве Института антропологии и этнографии РАН (Кунсткамера), фонд 36, опись 1.

Уварова 1991 – тексты, записанные А. А. Мальцевой от Уваровой Евдокии Трофимовна (1935 г. р., Анапка) в п. Оссора в 1991 г. Расшифровано А. А. Мальцевой при участии А. Я. Волковой, п. Оссора, 1993 г.

Ульянова 1989 – Ульянова А. И. Детские и школьные годы Ильича. Пер. на корякский язык Г. Н. Харюткиной. Петропавловск-Камчатский, 1989.

Ятгыргын 1963 – Лымн'ылтэ эйгыск'ыкин (Сказки севера). Собрал В. Ятгыргын. Магадан, 1963.

Источники на шорском языке

Чедыген: Сб. произведений шорской литературы на шорском и русском языках / Сост. Л. И. Чульжанова, Г. В. Косточаков, Л. Н. Арбачакова. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2007. 227 с. (Прил. к журн. «Огни Кузбасса». № 28.)

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ И УСЛОВНЫХ ОБОЗНАЧЕНИЙ

Языки, диалекты и говоры

ал. – алюторский
алт., **Алт.** – алтайский
ан. – анапкинский
ветв. – ветвейский
выв. – вывенкский
др.-т. – древнетюркский
кам. – каменский
кар. – карагинский
кирг. – киргизский
кич. – кичигинский
кор. – корякский
культ. – култушинский
кум. – кумандинский
кыз. – кызыльский диалект хакасского языка
монг. – монгольский
пал. – паланский
ПТ – прототюркский
рус. – русский
с.-в. – северо-восточный
саг. – сагайский диалект хакасского языка
сев. диал. – северные диалекты
тоф., **Тоф.** – тофаларский (тофский)
тув., **Тув.** – тувинский
хак., **Хак.** – хакасский
чавч. – чавчувенский
чалк. – чалканский
чук. – чукотский
шор., **Шор.** – шорский
ю.-в. – юго-восточный
ю.-з. – юго-западный
южн. диал. – южные диалекты
як., **Якут.** – якутский

Грамматические значения в глоссах, фонетические символы и прочее

↓ – выпадение морфемы
∅ – нулевая морфема
~ – веляризация
’C – полная фарингализация, фарингализованный согласный
// – лично-числовой или посессивный показатель
/=/ – внешняя (межсловная) звуковая пауза
{} – пре- либо постпозитивное слово, не относящееся к ТДАК, но фонетически сливающееся с ним (полностью или частично)
= – граница между морфемами
1 – 1-е лицо деятеля (‘я’, ‘мы’)
2 – 2-е лицо деятеля (‘ты’, ‘вы’)
3 – 3-е лицо деятеля (‘он’, ‘она’, ‘оно’, ‘они’)
A – агенс
ABL, **Abl** – аблатив, исходный падеж
ABS – абсолютив
ACC, **Acc** – аккузатив, винительный падеж
ADJ – суффикс прилагательного
ADV – наречие
ADV.instr – наречие на базе инструментального падежа
ag – агентив (причастие)
aor – аорист
AP – антипассив
ATR – атрибутив
AUX, **aux** – вспомогательный глагол
AUX.CON – сослагательное наклонение
AUX.DIR – вспомогательный глагол с директивным значением
C – согласный
C̲̲ – сильная напряженность, сильно напряженный согласный
C̲ – слабая напряженность, слабо напряженный согласный
C̥ – глухость, оглушенный согласный
Ĉ – затянутость, затянутый согласный
C> – имплозивность, имплозивный согласный
C˙ – слабая палатализация, слабопалатализованный согласный
C′ – умеренная палатизация, умереннопалатализованный согласный
C″ – сверхсильная палатализация, сверхсильнопалатализованный согласный
C̃ – назализованность, назализованный согласный
C^{c} – оральная аспирация, оральноаспирированный согласный
C^{h} – гортанная аспирация, гортанноаспирированный согласный
C^{N} – носовая (назальная) аспирация, назальноаспирированный согласный
C· – полудолгота, полудолгий согласный
C: – долгота, долгий согласный

C^+ – фаукальность, фаукальный согласный
C_1 – шумный глухой согласный
C_2 – шумный звонкий согласный
C_3 – малошумный (сонорный) согласный
CAUS – каузатив, понудительный залог
Com – комитатив, совместный падеж
COMP, **Compar** – компаратив, сравнительный падеж
CON – конъюнктив, сослагательное наклонение
COND, **cond** – кондиционал, условное наклонение
CONJ – союз, скрепа
Coord – координатив, падеж, оформляющий однородные члены предложения
CV, **cv** – конверб, деепричастие
CV.loc – деепричастие, показатель которого восходит к локативу (местному падежу)
CV1 – форма соединительного деепричастия на *=п*
CV2 – форма разделительного деепричастия на *=а* / *=е*
CV3 – форма разделительного деепричастия на *=ала*
CV4 – форма деепричастия с семантикой предела на *=ганча*
C˘ – конечная звонкость или полузвонкость (до 1/3 артикулирования звука)
D – деривационный
DAT, **Dat** – датив, дательный падеж, дательно-направительный падеж
DEBM – морфологический показатель долженствования (дебитив)
DEL, **DELIB** – делиберативе
DES – дезидератив
DIM – диминутив, уменьшительно-ласкательный аффикс
Dir – директив, направительный падеж
DPRON – указательное местоимение
D-TOP – делиберативе-топик, называющий тему
DU, **du** – двойственное число
E – эпентетический гласный
EMPH – эмфатический
EQU – экватив, назначительный падеж
Equ/Lat – экватив-латив, сравнительно-продольный падеж
ERG – эргатив
fut – будущее время
GEN, **Gen** – генитив, родительный падеж
HABIT, **habit** – хабитуалис
HON – форма вежливости
I – словоизменительный
IMP, imp, **IMPER** – императив, повелительное наклонение
impf – имперфект
INC – инкорпорация
inc – инцептив
INCH, **inch** – инхоатив

INCH-DUR, **inch-dur** – инхоатив-дуратив (начало длительного действия)
INFIX –инфикс
INSTR, **Instr** – инструменталис, инструментальный падеж, орудный падеж
INTENS, **intens** – интенсив
IPF – имперфект (настоящее II, предикатив типа «быть»)
IPFV – имперфектив
ITER, **iter** – итератив
L – слово
LAT, **lat** – латив, направительный падеж
LOC, **Loc**, **loc** – локатив, местный падеж, местно-творительный падеж
LowA – агенс действия, находящийся на нижней ступени иерархии активности
MODPRTCL – модальная частица
NEG – отрицательная форма глагола, причастия, деепричастия
NEGCV – отрицательное деепричастие на *=пайн*
NEGPrP – отрицательная форма причастия на *=ар*
NMLZ – номинализатор
NMLZ.abstr – номинализатор, образующий абстрактные существительные
NOM, **Nom** – неопределенный падеж, основной падеж, именительный падеж
nsg – неединственное число
NUM.ord – порядковое числительное
OBJ – объектное спряжение глагола
OBL – косвенная основа
ON – локализация ‘на поверхности’
ONOMAT – звукоподражание
OPT, **opt** – оптатив
P – пациенс
Part – партитив, частный падеж
PART – причастие
PASS – страдательный залог
PAST, **pst** – прошедшее время
PAST – форма прошедшего времени на *=ды*
PAST.EVID – прошедшее эвиденциальное на *=(ы)птыр*
PAST$_{fin}$ – финитная форма прошедшего времени на *=ды*
pers – имя собственное
PERS – лицо, персональность
Pers/Num – личный показатель
pf – перфект
PFV, **pfv** – перфектив, совершенный вид / акционсарт
PL, **pl** – множественное число
PN – имя собственное
POSS, **poss** – посессивный показатель; притяжательное прилагательное, местоимение
POSSV – форма обладания

POSTP – послелог
POT – потенциалис
PP – причастие прошедшего времени
PP1 – форма причастия прошедшего неопределенного времени на *=ган*
PP2 – причастие на *=атан*
PP3 – причастие на *=галак*
Pr – настоящее время
PRES, **prs** – настоящее время; форма настоящего времени на *=ат*
PRES.EVID – настоящее эвиденциальное на *=адыр*
PRON – местоимение
PrP – причастие настоящего времени
PrP – форма причастия настояще-будущего времени на *=ар* / *=бас*
prt – причастие
PRTCL, **PTCL**, **ptcl** – частица
Q – вопросительная частица
Q – квазисловоизменительный
QUAL – качественное прилагательное, наречие
QUEST – вопросительное слово
QUOT – квотатив
R – рема
REC, **RECIP**, **recip** – реципрок, совместно-взаимный залог
REFL, **RFL** – возвратный залог
REL – относительное прилагательное
RITM – ритмический вид
S – субъект
SG, **sg** – единственное число
SUBJ – субъектное спряжение глагола
T – основа
Taux – основа вспомогательного глагола
Tense – показатель времени
Tv – основа глагола
uncontr – ‘неконтролируемое явление’
V – гласный
V̆ или ^{V} – узкий редуцированный (сверхкраткий) гласный
V· – полудолгота, полудолгий гласный
V: – долгота, долгий гласный
$\mathbf{V_1}$, $\mathbf{V_2}$, $\mathbf{V_3}$ – глагольные компоненты аналитической конструкции
$\mathbf{V^{всп.}}$ – вспомогательный глагол
VBLZ – вербализатор
VBLZ.constr – вербализатор со значением конструктива (‘делать то, что указано в основе’)
VBLZ.decaus – вербализатор, обозначающий, что действие происходит само собой, без внешнего каузатора

VBLZ.deintens – вербализатор со значением неинтенсивности действия
VBLZ.habit – вербализатор со значением обычности действия
VBLZ.inc.uncontr – вербализатор со значением начала природного явления
VBLZ.inch – вербализатор со значением начала действия
VBLZ.inch-dur – вербализатор со значением начала длительного действия
VBLZ.intens – вербализатор со значением интенсивности действия
VBLZ.iter – вербализатор со значением многократности действия
VBLZ.lat – вербализатор со значением направления
VBLZ.per – вербализатор со значением ‘идти с целью, указанной в основе’
VBLZ.пойти за – вербализатор со значением ‘пойти за тем, что указано в основе’
VBLZ.получить – вербализатор со значением ‘добыть, получить, употребить то, что указано в основе’
Vocat – вокатив, звательный падеж
VS – глагольный суффикс
ААБ – артикуляционно-акустическая база
АК – аналитическая конструкция
БВК – бивербальная конструкция
БКО – бивербальная конструкция основы
БПК – бипредикативная конструкция
ВГ – вспомогательный глагол
вин. п. – винительный падеж
ГГ – гармония гласных
ГГГ – губная гармония гласных
ГПЕ – главная предикативная единица
ГС – современные газетные публикации
дат п. – дательный падеж
дат.-напр. п. – дательно-направительный падеж
диал. – диалектное
ЗПЕ – зависимая предикативная единица
исх. п. – исходный падеж
КДП – конститутивно-дифференциальный признак
л. – лицо
мн. ч. – множественное число
МРТ – магнитно-резонансное томографирование
МФС – межфразовое средство связи
напр. п. – направительный падеж
напр.-дат. п. – направительно-дательный падеж
ОГ – основной глагол
ПАК – причастная аналитическая конструкция
ПЕ – предикативная единица
перен. – в переносном значении
ППК – полипредикативная конструкция
разг. – разговорное слово, выражение

СМ – сингармоническая модель
собир. – в собирательном значении
СП – сложное предложение
СС – сингармоническая система
СЦ – сингармоническая цепочка
Т – тема
ТДАК – трехкомпонентная деепричастная аналитическая конструкция
тире – морфемный шов при наложении морфов
УК – условная конструкция
уст. – устаревшее слово, выражение
Ф00, **Ф50**, **ФС** – фольклор начала XX в., 1950-х гг., современный фольклор
фольк. – фольклор
ХПС – современные переводы, выполненные носителями языка

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

Первый корпус. Надпись в честь Тоньюкука
[Тугушева 2008а]

ТРАНСКРИПЦИЯ ТЕКСТА

Западная сторона

1. bilgä toñy(u)q(u)q b(e)n öz(ü)m t(a)bγ(a)č el(i)ngä qïl(ï)nt(ï)m türk bod(u)n t(a)bγ(a)čqa kör(ü)r (e)rti
2. [tür]k bod(u)n q(a)nïn bulm(a)y(ï)n t(a)bγ(a)čda (a)d(ï)r(ï)ltï q(a)nl(a)ntï q(a)nïn qod(ï)p t(a)bγ(a)čqa y(a)na ič(i)kdi t(e)ngri (ï)nča t(e)m(i)s (e)r(i)nč q(a)n b(e)rt(i)m
3. [q(a)n(ï)ng(ï)n qod(ï)p ič(i)kd(i)ng ič(i)kd(ü)k üč(ü)n t(e)ngri ö[l(ü)r]tm(i)s (e)r(i)nč türk bod(u)n ölti (a)lq(ï)ntï y(o)q boltï türk sir bod(u)n y(e)rintä
4. bod q(a)lm(a)dï ïda t(a)šda q(a)lm(ï)šï qubr(a)nïp y(e)ti yüz boltï (e)ki ül(ü)gi (a)tl(ï)γ (e)rti bir ül(ü)gi y(a)d(a)γ (e)rti y(e)ti yüz kisig
5. ud(u)z(ï)γma ul(u)γï š(a)d (e)rti y(a)γ(γï)l tedi y(a)γm(ï)sï b(e)n (e)rt(i)m bilgä toñy(u)q(u)q q(a)γ(a)n mu qïs(a)yïn t(e)d(i)m s(a)q(ï)nt(ï)m tor(u)q buq(a)lï s(e)m(i)z buq(a)lï ïr(a)qda
6. büngs(ä)r s(e)m(i)z buqa tor(u)q b(u)qa t(e)y(i)n bilm(ä)z (e)rm(i)s t(e)y(i)n (ï)nča s(a)q(ï)nt(ï)m (a)nta kisrä t(e)ngri bil(i)g b(e)rt(ü)k üč(ü)n öz(ü)m ök q(a)γ(a)n qïsd(ï)m bilgä toñy(u)q(u)q boyla b(a)γa t(a)rq(a)n
7. birlä elt(e)r(i)s q(a)γ(a)n bol(u)y(ï)n b(e)r(i)yä t(a)bγ(a)č(ï)γ öngrä qït(a)ñ(ï)γ yïr(ï)ya oγ(u)z(ï)γ ük(ü)s öl(ü)rti b(i)lg(ä)si č(a)b(ï)sï b(e)n (ö)k (e)rt(i)m čoγ(a)y quzïn q(a)ra qum(ï)γ ol(u)rur (e)rt(i)m(i)z

Южная сторона

8 (1). k(e)y(i)k yeyü t(a)b(ï)šγ(a)n y(e)yü ol(u)rur (e)rt(i)m(i)z bod(u)n boγ(u)zï t(o)q (e)rti y(a)γ(ï)m(ï)z t(e)grä uč[r](u)q(?) t(e)g (e)rti biz (e)š(i)g (e)rt(i)m(i)z (ï)nča ol(u)r(u)r (e)rkli oγ(u)zd(ï)nt(a)n kör(ü)g k(e)lti

9 (2). kör(ü)g s(a)bï (a)nt(a)γ toq(u)z oγ(u)z bod(u)n üzä q(a)γ(a)n ol(u)rtï ter t(a)bγ(a)čγ(a)ru qunï s(ä)ngün(i)g ïdm(ï)s qït(a)ñγ(a)ru tongra (e)s(i)m(i)g ïdm(ï)s s(a)b (ï)nča ïdm(ï)s (a)z q(ï)ña türk [bod(u)n]

10 (3). yorïyor (e)rm(i)s q(a)γ(a)nï (a)lp (e)rm(i)s (a)yγučïsï bilgä (e)rm(i)s ol (e)ki kisi b(a)r (e)rs(ä)r s(e)ni t(a)bγ(a)č(ï)γ ölürt(ä)či term(ä)n öngrä q(ï)t(a)ñ(ï)γ öl(ü)rt(ä)či term(ä)n beni oγ(u)z(ï)γ

11 (4). öl(ü)rt(ä)či (ö)k term(ä)n t(a)bγ(a)č b(e)r(i)d(i)n y(ä)n t(e)g qït(a)ñ öngd(ü)n y(ä)n t(e)g b(e)n yïr(ï)d(ï)nt(a) y(a)n t(e)g(ä)yin türk sir bod(u)n y(e)rintä idi yor(ï)m(a)zun us(a)r idi y(o)q qïs(a)l(ï)m

12 (5). term(ä)n ol s(a)b(ï)γ (e)s(i)d(i)p tün ud(ï)sïq(ï)m k(e)lm(ä)di künt(ü)z ol(u)rs(ï)q(ï)m k(e)lm(ä)di (a)nta ötrü q(a)γ(a)n(ï)ma öt(ü)nt(i)m (ï)nča öt(ü)nt(i)m t(a)bγ(a)č oγ(u)z qït(a)ñ bu (ü)č(ä)gü q(a)b(ïs)s(a)r

13 (6). q(a)lt(a)čïb(ï)z öz (i)či t(a)s(ï)n tutm(ï)s t(e)g biz yuyqa (e)rkl(i)g (~(e)rkli?) top(u)lγ(a)lï uč(u)z (e)rm(i)s y(i)nčgä (e)rkl(i)g üzg(ä)li uč(u)z yuyqa q(a)l(ï)n bols(a)r top(u)lγul(u)q (a)lp (e)rm(i)s y(i)nčgä

14 (7). yoγ(u)n bols(a)r üzg(ü)l(ü)k (a)lp (e)rm(i)s öngrä qït(a)ñda b(e)r(i)yä t(a)bγ(a)čda qur(ï)ya qur(ï)d(ï)nta yïr(ï)ya oγ(u)zda (e)ki üč bing süm(i)z k(e)lt(ä)č(i)m(i)z b(a)r mu ne (ï)nča öt(ü)nt(i)m

Западная сторона

1. Бильге Тоньюкук, сам я являюсь питомцем страны Табгач. Тюркский народ [тогда] был зависим от табгачей.
2. Тюркский народ не имел своего хана; отделившись от табгачей, он обрел своего хана, но покинул своего хана и вновь подчинился табгачам. Небо, видимо, так сказало: «Я дало хана,
3. но ты оставил своего хана и покорился [табгачам]!». Из-за того, видимо, что он покорился, Небо обрекло его на гибель. Тюркский народ перестал существовать, исчез, ушел в небытие. На земле тюрков и сиров
4. не осталось [ни единого] рода. Но остававшиеся среди зарослей и скал собрались; их стало семьсот [человек]. Две части из них были конными, одна часть — пешей. Старейшиной, возглавившим [эти] семьсот человек,
5. был шад. Он сказал: «Присоединяйтесь!». Присоединившимся был я — Бильге Тоньюкук. Я подумал: «Не учредить ли мне кагана?» Я полагал: «Когда тощий бык [или] жирный бык
6. брыкаются[127] вдалеке, то невозможно распознать, тощий то бык или жирный[128]». Так я полагал. Затем, благодаря тому, что Небо дало мне мудрость, я сам самочинно учредил кагана. Бильге Тоньюкук — бойла-бага-тархан и
7. Эльтериш-каган [некогда], будучи вместе, во множестве побивали табгачей на юге, киданей на востоке, огузов на севере. [При этом] и его мудрым советником, и его сподвижником был я. Мы жили у [гор] Чогай Куз[129] на Черных песках.

Южная сторона

8 (1). Мы жили, питаясь [мясом] оленей и зайцев. Народ был сытым, но враги вокруг нас были подобны горным пикам, мы [же] были обрушенными(?)[130]. В то время как мы таким образом обитали, прибыл лазутчик со стороны огузов.

9 (2). Слова лазутчика были таковы: «Над токузогузами воссел каган» — сказал он. «Он направил к табгачам Куны-сенгюна, к киданям — Тонгра Эсима с таким посланием: <<Небольшое тюркское [племя]

10 (3). будто бы бродит. Каган их будто бы храбрый, [его] советник — мудрый. Коль скоро эти два человека существуют, тебя, табгача, они уничтожат, говорю я; на востоке киданей они уничтожат, говорю я; меня, огуза,

11 (4). они уничтожат, говорю я. Вы, табгачи, выступите с юга! Кидани, выступите с востока! Я выступлю с севера, и пусть они вовсе не ступают по земле тюрков и сиров! Если посмеют, то мы их уничтожим,

12 (5). говорю я>>». Когда я услышал эти слова, то не мог спать ночи и не находил покоя (*букв.* не мог присесть) днем, и тогда я обратился к моему кагану. Я обратился так: «Если табгачи, огузы и кидани — эти трое объединятся,

13 (6). то мы останемся [одни]. Но, похоже, мы [в состоянии] сохранить (*букв.* удержать) свое внутреннее и внешнее [положение]. Если [нечто] является тонким, пробить нетрудно; если [нечто] является узким, разорвать нетрудно; но если тонкое станет толстым, пробить трудно; если узкое

14 (7). станет широким, разорвать трудно. На востоке среди киданей, на юге среди табгачей, на западе среди западных [народов], на севере среди огузов разве не найдется двух-трех тысяч наших воинов, которые перейдут (*букв.* придут) к нам?» Так я обратился.

Приложение 2

Второй корпус: доклассический период

[Тугушева 2008б]

1. [kün ay tngri ol : béš tngrig bošu]γalï y(a)ruquγ
2. [q(a)raγ ad(ï)rγalï tegrä tolï] tegz-inür tört bulu[nguγ]
3. [yarutïr tngrim södä berü bi]lmätin kün ay tngrikä iki
4. [yaruq ordu ičrä oluruγma tngr]i-lärkä nečä yaz-(ï)nt(ï)m(ï)z ersär
5. [ymä kertü erklig küčlüg tngri] tépän kértgünmäd(i)m(i)z ersär :
6. [nečä üküš yavlaq ču]lvu sav söz-läd(i)m(i)z ersär : ymä kün ay
7. [ölür téd(i)m(i)z ersär : er]ks(i)z(i)n toγar batar erki [bar ersär]
8. [toγmaz-un tédim(i)z ers]är : k(e)ntü öz-ümüz-ni küntä ay-da
9. [öngi-]biz tédim(i)z ersär : bu ikinti bilmätin yaz-(ï)nm(ï)š [yaz-uquγ]
10. [bošunu ötünür-biz : man(a)star xïr]z-a : : üčünč ymä béš
11. [tngr]ikä : [xormuzta tngri oγlanïnga] : bir tïntura tngri :
12. ikinti yél tngri : [üčünč y(a)ruq] tngri : törtünč suv tngri :
13. béšinč oot tngri : sön yeklügün süngüšüp bal(ï)qduqïn
14. üčün qar(a)qa qatïltuqïn üčün tngri yéringärü baru
15. umatïn bu yérdä erür : üz-ä on qat kök asra
16. sekiz qat yér béš tngri üčün turur : qamaγ yér üz-äki-i-
17. -ning [qutï qïvï öngi mengiz-i] : öz-i öz-üti küči y(a)ruqï
18. töz-i yïltïz-ï béš tngri ol : tngrim södä berü béš tngrig
19. bilmätin ay(ï)γ y(a)vlaq bil[i]gin nečä sïdïm(ï)z b(e)rtd(i)m(i)z ersär :
20. tört y(e)g(i)rmi türlüg baš qïlt(ï)m(ï)z ersär : on yïlan bašl(ï)γ
21. erngäkin iki qïrq tišin tirig öz-üg aš ičkü
22. [tngr]ig nečä ačïtd(ï)m(ï)z aγrïtd(ï)m(ï)z ersär : quruγ öl yérkä
23. béš türlüg tïnl(ï)γ-qa : béš türlüg otqa ïγačqa
24. nečä yaz-(ï)nt(ï)m(ï)z ersär : [emti] tngrim yaz-uqda bošunu ötünür-
25. -biz : man(a)star xïrz-a : : törtünč söki tngri
26. y(a)lavačï burxan-larqa buyančï bögtägči arïγ dintar-larqa
27. bilmätin nečä yaz-(ï)nt(ï)m(ï)z ersär : ymä kértü tngri yalavačï[24] burxan
28. tépän edgü qïlïnčl(ï)γ arïγ dintar tép kértgünmäd(i)m(i)z ersär : tngri
29. nomïn söz-läsär biligsiz-in utru öz-näd(i)m(i)z ersär : nomuγ
30. törüg yadturmatïn tïdt(ï)m(ï)z ersär : tngrim emti ökünürbiz
31. yaz-uqda bošunu öt[ünür]-biz : man(a)star xïrz-a : : béšinč
32. béš türlüg tïnl(ï)γ-qa : bir ymä iki adaql(ï)γ kiši-kä ikinti
33. tört butluγ tïnl(ï)γ-qa : üčünč učuγma tïnl(ï)γ-qa :
34. törtünč suv ičräki tïnl(ï)γ-qa : béšinč yérdäki baγrïn
35. yorïγma tïnl(ï)γ-qa : södä berü tngrim bu béš türlüg
36. tïnl(ï)γaγ tural(ï)γaγ uluγqa kičigkätägi nečä qorqïtd(ï)m(ï)z
37. ürkitd(i)m(i)z ersär : nečä [urtu]muz yontumuz ersär : nečä ačïtd(ï)m(ï)z
38. aγrïtd(ï)m(ï)z ersär : nečä ölürdümüz ersär : munča tïnl(ï)γ-qa
39. tural(ï)γ-qa öz ötägči[25] boltumuz : tngrim emti yaz-uqda

[i] (1-3) [воротами] является Божество Солнце и Луна[ii]. Для того, чтобы освободить Пять божеств[iii] и разделить Свет и Тьму[iv], оно делает полный обход вокруг и освещает четыре стороны (*букв.* угла) света.

(3-10) О, мой Бог, если мы когда-либо, не ведая, заблуждались в отношении Божества Солнце и Луна, божеств, находящихся в двух [Светлых дворцах][v], и если мы не уверовали в них, признав их истинными, могучими и сильными божествами, если мы говорили [о них] много скверных и недостойных слов, если мы говорили, что Солнце и Луна перестанут существовать, что они восходят и заходят, не имея воли, что, если они обладают волей, пусть не восходят; если мы говорили о самих себе, что мы иное, чем Солнце и Луна, мы просим об освобождении от этого второго, по неведению совершенного греха. Прости мой грех!

(10-18) **Третье.** Из-за того, что против Пяти божеств — сыновей[vi] бога Хормузты (~Индры)[vii], первым из которых является божество Эфир, вторым – божество Ветер, третьим – божество Свет, четвертым – божество Вода, пятым - божество Огонь, некогда воевали скопищем[29] демоны[viii], и Пять божеств были изранены (*hend.*), они смешались с Тьмой[ix], не смогли достичь земли Богов[x] и пребывают на этой земле. Десять ярусов неба вверху и восемь ярусов земли внизу[xi] существуют благодаря Пяти божествам[xii]. Благоденствие (~счастье) и удачу, цвет и образ, субстанцию и сущность, силу и свет, корень и основу всего сущего на этой земле составляют Пять божеств.

(18-25) О, мой Бог, если мы когда-либо, не ведая, в силу порочных и дурных знаний, разрушали и терзали Пять божеств и наносили им четырнадцать видов ущерба (букв. ранений), если мы с помощью десяти змеиноголовых пальцев и тридцати двух зубов как-либо причиняли страдания и боль живым существам и божеству, [дающему] пищу и питье, если мы как-либо грешили против сухой и сырой земли, против пяти видов живых существ и пяти видов трав и деревьев, ныне мы, мой Бог, просим об освобождении от греха. Прости мой грех!

(25-31) **Четвертое**. Если мы, не ведая, заблуждаясь относительно будд, являющихся посланниками Бога[xiii], и чистых, благодетельных и приводящих к мудрости избранных[xiv], и не уверовали в них, признав их истинными буддами, посланниками Бога, и чистыми избранными, если мы, когда они излагали учение[xv], противоречили [им], если мы сдерживали [их], не давая распространять учение и предписания, ныне мы, мой Бог, раскаиваемся и просим об освобождении от греха. Прости мой грех!

(31-40) **Пятое.** Если пяти видам живых существ, во-первых, двуногим людям, во-вторых, живым существам о четырех ногах, в-третьих, летающим живым существам, в четвертых, живым существам, [обитающим] в воде, в-пятых, живым существам, ползаюшим (*букв.* передвигающимся на брюхе) по земле, мой Бог, если когда-либо этим пяти видам живых и живущих существ от велика до мала мы как-либо причиняли страх и боязнь, били и бичевали[30] [их], доставляли [им] мучения и боль, как-либо губили [их], то для стольких живых и живущих существ мы стали теми, кто должен [восполнить им] жизнь, и ныне, мой Бог, мы просим об освобождении от греха. Прости мой грех!

Второй корпус: классический период
[VATEC: http://vatec2.fkidg1.uni-frankfurt.de/vatecasp/Maitrisimit_0-2.htm]

Maitr.0.01 & takı ymä bo [buyanag] ävirär biz .. ögümüz kisilig kunčuka .. inim(i)z il suŋkut tarhanka .. il togmıška .. & bo buyan küčintä igs(i)z adas(ı)z ärz--ünlär ..	Und ferner wenden wir dieses [Verdienst] unserer Mutter, Kisilig Qunču, unserem jüngeren Bruder Il Sungqut, dem Tarqan, und dem Il To¿mıš zu. DUrch die Kraft dieses Verdienstes mögen sie ohne Krankheit und ohne Gefahr sein!
& takı ymä bo buyan(a)g ävirär biz .. kaz-ganmıš kaŋım(ı)z z-ägäk tutuk igidmiš ögüm(ü)z torku kunču ečim(i)z bägän tutuk ulatı kamag ka kad[aš]ka [kut] ülüg bolz-un ..	Und ferner wenden wir dieses Verdienst unserem verdienten Vater Zägäk Tutuq, unserer Pflegemutter Torqu Qunču, unserem älteren Bruder Bägän Tutuq und allen übrigen Verwandten zu; Glück (Hend.) möge ihnen zuteil sein!
& bo b[uyan] küčintä t(ä)ŋri yerintä tugz-un & t(ä)ŋri yerintä tugsar tuž-it[takı] [may]tri bodis(a)vt üskintä [tugz-unlar]	DUrch die Kraft dieses V[erdienstes] mögen sie im Götterland wiedergeboren werden! (Und) wenn sie im Götterland wiedergeboren werden, [mögen sie geboren werden] angesichts von Bodhisattva [Mai]treya [im] Tu›ita-(Himmel)!
& kayu üdün töz-ün maytri b[odisavt] tuž-it t(ä)ŋri yerintin enä [yarlıkadok]-ta biz ymä kamag ka kadaš anta ketumati käntdä birlä enälim .. & maytri bodis(a)vt burhan kutın bultokta biz kamagun anta burhan kutıŋa alkıš bulmakım(ı)z bolz-un ..	Wenn der edle B[odhisattva] Maitreya vom Tužita-Götterland herabzusteigen [geruht], wollen auch wir zu jener Zeit mit allen Verwandten zusammen zur Stadt Ketumat, herabsteigen. Wenn der Bodhisattva Maitreya die Buddha-Würde erlangt hat, dann mögen wir insgesamt die Prophezeiung zur Buddha-Würde erlangen!
& ol üdün bo nomug anta altunlug kägdä üz-ä [bititmä]kimiz bolz-un ..	Zu jener Zeit mögen wir dort dieses Sƒtra auf goldenem Papier [schreiben lassen]!
uluštakı n(a)ndasene elig bägig korkıtıp kutgargalır üčün kadar kašlag tumlug yüz-lüg bars ät'öz-iŋä kädilip käntü ät'öz-in bars b(ä)lgür-tüp kutgaru y(a)rlıkadı	... um den König Nandasena (?) im ... Reich zu erschrecken und zu erlösen, inkarnierte er sich im Körper eines grimmig blickenden, schrecklichen (wrtl.: von kaltem Gesicht seienden) Tigers, ließ seinen Körper als Tiger erscheinen und geruhte, ihn zu erlösen.
& yalıŋ yorır tärs nomlug dentar[larag kutgar]--galır üčün uvut ıyat ıčgınu y(a)rlıkap tonsuz čuba yalıŋ olarnı birlä katılu yorıp kutgaru y(a)rlıkadı ..	Und um die nackt gehenden, einer falschen Lehre anhängenden Mönche zu [erlösen], geruhte er, die Scham (Hend.) abzulegen, und er ging, sich ohne Kleidung und nackt (Hend.) unter sie mischend, und geruhte, sie zu erlösen.

& ymä bir ugurda birlä katılu yorıp kutga-ru y(a)rlıkadı ..	Und in einem anderen Fall mischend, und ge-ruhte, sie zu erlösen.
& ymä bir ugurda yolta ogul agrıgı kirdi .. & äŋi yarı kurıp köz-i tälmirip anasın atayu ıglayur sıgtayur ärti .. & tükäl bilgä t(ä)ŋri t(ä)ŋrisi burhan anıŋ ämgäkin körü särü umatın anasınıŋ ät'öz-in b(ä)lgürtüp yılıg yumšak savın avıtu ıdok älgin av(ı)r‹a išin išläp känčk(i)yäsin yup äsän tükäl balıkka tägürü elitdi	Und in einem anderen Fall traten die Geburts-wehen ein, ihr Gesicht* war erschöpft (wrtl.: ihr Gesicht und Speichel vertrockneten), ihre Au-gen wurden starr, sie rief ihre Mutter und jam-merte und wehklagte. Indem der völlig weise Göttergott Buddha ihr Leid nicht sehen und ertragen konnte, zeigte er sich im Körper ihrer Mutter, und indem er sie mit sanften (Hend.) Worten beruhigte, verrichtete er mit heiliger Hand die Sache der Hebamme*, wusch ihr Kind und brachte es wohlbehalten und gesund zur Stadt.
& yana ymä yinčgä yip äŋirdäči küvänčäŋ köŋül(l)üg ešilärniŋ küvänč köŋlin turgurgalı tarkargalı kunčular ät'öz-in b(ä)lgürtüp ıdok älgin ikig tutup yip äŋirä y(a)rlıkadı .. & ymä küväz katkı köŋül(l)üg sasıčı ärniŋ küvänčin sıgalı buz-galı üčün ıdok ät'öz-in sasıčı ät'öz-in b(ä)lgür-tüp sasılıkta kirip olma yapa olordı.	Dann wiederum, um den Hochmut (wrtl.: das hochmütige Herz) der hochmütigen Frauen, die einen dünnen Faden spannen, zu brechen (Hend.), zeigte er sich im Körper einer Fürstin, hielt die Spindel mit heiliger Hand und geruhte zu spinnen. Und um den Hochmut des stolzen Töpfer-Mannes zu brechen (Hend.), zeigte er sich mit dem heiligen Körper in einer Töpfer-Gestalt, trat in die Töpferei ein und machte dort Töpfe.

Среднетюркский корпус: раннеосманский язык

Dresd. Ea 86, **6b** (13)

Dirsę Ḫān oġlı Boġaç Ḫān boyını beyān ėder 7a (1)

Ḫānum hey!

Bir gün Ḳam Ġan oġlı Ḫān[1] Bayındır yėrinden ṭurmışıdı. (2) Ṣāmī günlügi yėr yüzinę dikdürmişidi. Ala ṣayvanı gök (3) yüzinę eşenmişidi. Biŋ yėrdę ipek ḫālīçęsi döşenmişidi. (4)

Ḫānlar ḫānı Ḫān Bayındır yıldą bir kerrę ṭoy ėdüb Oġuz (5) beglerin ḳonuḳlarıdı. Gėnę ṭoy ėdüb atdan ayġır,[2] devęden (6) buġra, ḳoyundan ḳoç ḳırdurmışıdı. Bir yėrę aġ otaġ, bir yėrę (7) ḳızıl otaġ bir yėrę ḳarą otaġ ḳurdurmışıdı. «Kimüŋ ki (8) oġlı ḳızı yoḳ, ḳarą otaġą ḳonduruŋ, ḳarą kėçę altıną (9) döşeŋ, ḳarą ḳoyun yaḫnısından öŋinę getürüŋ. Yėrisę yėsün, (10) yėmezisę ṭursun gėtsün» dėmişidi. «Oġlı olanı aġ (11) otaġą, ḳızı olanı ḳızıl otaġą ḳonduruŋ. Oġlı (12) ḳızı olmayanı Allāhu te^{c}ālā ḳarġayubdur, biz daḫı ḳarġaruz, (13) bellü bilsün» dėmiş idi.

Oġuz begleri birin [birin] gelüb yıġnaḳ **7b** (1) olmaġą başladı. Meger Dirsę Ḫān dėrleridi bir begüŋ oġlı (2) ḳızı yoġıdı. Ṣoylamış, göręlüm ḫānum, nę ṣoylamış:

Ṣalḳum (3) ṣalḳum ṭaŋ yėlleri esdügindę
Ṣaḳallu bozaç torġay sayra-(4)-duḳdą
Ṣaḳalı uzun Tat eri baŋladuḳdą
Bedevī atlar issini (5) görüb ^{c}oḳraduḳdą
Aḳlı ḳaralı seçilen[3] çaġdą
Gögsi güzel ḳabą (6) ṭaġlarą gün degendę
Beg yigitler cılasunlar birbirinę ḳuyulan çaġdą (7)

Alar ṣabāḥ Dirsę Ḫān ḳalḳubanı yėrinden örü ṭurub ḳırḳ yigidin (8) boyıną alub Bayındır Ḫānuŋ ṣoḥbetinę gelüridi. Bayındır Ḫānuŋ (9) yigitleri Dirsę Ḫānı ḳarşuladılar. Gėtürüb ḳarą otaġą ḳondurdılar, (10) ḳarą kėçę altıną döşediler, ḳarą ḳoyun yaḫnısından öŋinę getürdiler. (11) «Bayındır Ḫāndan buyruḳ böylędür, ḫānum!» dėdiler. Dirsę[4] Ḫān (12) eydür: «Bayındır Ḫān benüm nę egsükligüm gördi? Ḳılıcumdanmı gördi, (13) ṣoframdanmı gördi? Benden alçaḳ kişileri aġ otaġą ḳızıl **8a** (1) otaġą ḳondurdı, benüm ṣuçum nę oldıkim ḳarą otaġą ḳondurdı?» (2) dėdi. Eyitdiler: «Ḫānum, bu gün Bayındır Ḫāndan buyruḳ şöylę-(3)-dür kim: 'Oġlı ḳızı olmayanı Taŋrı te^{c}ālā ḳarġayubdur, biz daḫı (4) ḳarġaruz' dėmişdür» dėdiler. Dirsę Ḫān yėrinden örü ṭurdı, (5) eydür: «Ḳalḳubanı, yigitlerüm, yėrüŋüzden örü ṭuruŋ. Bu ḳarayıb[5] baŋa (6) yā benden-dür, yā ḫātūndan-dur» dėdi.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ (*А. А. Мальцева*, *И. Я. Селютина*, *Н. Б. Кошкарева*) 3

Глава I. ФОНЕТИЧЕСКАЯ СЛОЖНОСТЬ ЯЗЫКОВ НАРОДОВ СИБИРИ 7

1. Характеристика фонологических систем южносибирских тюркских языков по параметрам объективной сложности (*И. Я. Селютина*) . . –

1.1. Вокализм. 8

1.1.1. Инвентари гласных фонем в южносибирских тюркских языках 9

1.1.2. Парадигматическая сложность вокальных систем в южносибирских тюркских языках 19

1.2. Консонантизм. 21

1.2.1. Инвентари согласных фонем в южносибирских тюркских языках 22

1.2.2. Парадигматическая сложность консонантных систем в южносибирских тюркских языках 23

2. Сложность вокальной системы сургутского диалекта хантыйского языка на фоническом уровне (*Н. С. Уртегешев*, *Н. Б. Кошкарева*) 27

2.1. Долгие гласные 33

2.1.1. Долгие непрерывистые гласные. . . . . –

2.1.2. Долгие прерывистые гласные. 41

2.2. Краткие гласные. 48

2.3. Гласные с гортанным округлением 51

2.4. Фарингализованные гласные 52

2.5. Дифтонги, дифтонгоиды 56

3. Фонетические процессы в синтетических формах и аналитических конструкциях, влияющие на усложнение языка 59

3.1. Некоторые типы ассимиляции на морфемных швах в тюркских языках Сибири (*Н. Н. Широбокова*) 60

3.2. Ассимилятивные процессы на морфемных швах в шорском языке (*Н. С. Уртегешев*) 68

3.2.1. Ассимиляция по звонкости. 69

3.2.1.1. Простая ассимиляция по звонкости . . . . . –

3.2.1.2. Сложная ассимиляция по звонкости. 71

3.2.1.3. Экзотическая ассимиляция по звонкости (осложненная) . . . . . –

3.2.2. Ассимиляция по глухости 72

3.2.3. Ассимиляция по месту образования . . . . . –

3.2.4. Ассимиляция по способу образования 73

3.2.5. Ассимиляция по назальности. 74

3.3. Синтагматические процессы в южносибирских тюркских языках (*И. Я. Селютина*). 77

3.4. Фонетические процессы в позициях сандхи в аналитических конструкциях тюркского глагола как индикаторы языковой сложности (*И. Я. Селютина*, *Н. С. Уртегешев*) 80
3.4.1. Чалканские аналитические конструкции . . . . . –
3.4.2. Шорские аналитические конструкции. 88
3.4.3. Тувинские аналитические конструкции 94
3.5. Принципы организации сингармонических систем в южносибирских тюркских языках (*И. Я. Селютина*) 101
3.5.1. Гармония гласных в южносибирских тюркских языках 102
3.5.1.1. Палатальная гармония гласных. . . . . –
3.5.1.2. Лабиальная гармония гласных 103
3.5.1.3. Фарингальная гармония гласных . . . . . –
3.5.2. Сингармонические системы в южносибирских тюркских языках 104
3.5.2.1. Сингармонические цепочки в южносибирских тюркских языках . . . . . –
3.5.2.2. Сингармонические модели в южносибирских тюркских языках 106
3.5.2.3. Консонантный аспект сингармонизма 109
3.5.3. Фонетические процессы в области сингармонизма, вызывающие усложнение языка 110
3.5.3.1. Нейтральный сингармонический ряд . . . . . –
3.5.3.2. Неоднородность мягкого сингармонического ряда. . . 112
3.5.3.3. Сингармонизм в сложных словах, заимствованиях и в аналитических конструкциях 114
3.5.3.4. Сингармонизм в словах со среднеязычными согласными. . . . . –
3.5.3.5. Особенности реализации консонантной гармонии . . 115
4. Фонетическая сложность в языке как результат межэтнических контактов 118
4.1. Усложнение подсистем якутского языка как результат языковых взаимодействий (*Н. Н. Широбокова*). 119
4.2. Фонетическая сложность как отражение языкового и этнического контактирования (*Н. С. Уртегешев*) 122
Выводы 133

Глава II. ЛЕКСИЧЕСКАЯ СЛОЖНОСТЬ ЯЗЫКОВ НАРОДОВ СИБИРИ (*А. В. Байыр-оол*, *О. Ю. Шагдурова*) 140
1. Структурная и семантическая сложность парных слов в тюркских языках Южной Сибири . . . . . –
2. Парные слова в разных частях речи 142
3. Типы парных слов. 144
3.1. Типы парных слов по наличию / отсутствию у сочетающихся компонентов самостоятельного лексического значения . . . . . –
3.2. Типы парных слов по исконному / заимствованному характеру компонентов 147
3.3. Типы парных слов по лексическому значению входящих в их состав компонентов. 148
3.4. Типы парных слов по семантике 150
Выводы 153

Глава III. МОРФОЛОГИЧЕСКАЯ СЛОЖНОСТЬ ЯЗЫКОВ НАРОДОВ СИБИРИ 154
1. Именная морфология тюркских и чукотско-корякских языков в аспекте языковой сложности . . . . . –
1.1. Сложность падежных систем исторических и современных тюркских языков (*И. А. Невская*, *Е. С. Панина*) 155
1.1.1. Методика оценки сложности падежных систем тюркских языков . . . . . –
1.1.2. Общая характеристика падежных систем тюркских языков . . 157
1.1.3. Сложность падежных систем древнетюркских языков . . . . . –
1.1.4. Сложность падежных систем среднетюркских языков 168
1.1.5. Сложность падежных систем современных сибирских тюркских языков 170
1.1.5.1. Номинатив 174
1.1.5.2. Генитив 175
1.1.5.3. Датив 176
1.1.5.4. Аккузатив 185
1.1.5.5. Локатив 187
1.1.5.6. Аблатив 189
1.1.5.7. Инструменталис 191
1.1.5.8. Директив 195
1.1.5.9. Симилатив 198
1.1.5.10. Экватив-латив 206
1.1.5.11. Комитатив 208
1.1.5.12. Партитив . . . . . –
1.1.5.13. Партитивная локация 209
1.2. Именные классы в чукотско-корякских языках как признак языковой сложности (*А. А. Мальцева*) 212
1.2.1. Параметры иерархии именных классов в чукотско-корякских языках 213
1.2.2. Система именных классов в чукотском языке 214
1.2.3. Система именных классов в корякском языке 217
1.2.4. Система именных классов в алюторском языке 223
2. Глагольная морфология тюркских и чукотско-корякских языков в аспекте языковой сложности 227
2.1. Временные формы алтайского и чалканского языков (*А. А. Озонова*, *Н. Н. Федина*) 228
2.1.1. Структурная сложность временных форм 229
2.1.2. Семантическая сложность временных форм 234
2.1.2.1. Формы прошедшего времени . . . . . –
2.1.2.2. Формы настоящего времени 243
2.1.2.3. Формы будущего времени 249
2.1.3. Функциональная сложность временных форм 252
2.2. Парадигматическая и синтагматическая сложность глагольных словоформ в чукотско-корякских языках (*А. А. Мальцева*) 254
2.2.1. Парадигматическая сложность глагольных словоформ в алюторском языке . . . . . –
2.2.2. Синтагматическая сложность глагольных словоформ в алюторском языке 257

2.2.2.1. Глагольная насыщенность текстов 259
2.2.2.2. Коэффициент синтагматической сложности 261
2.2.2.3. Соотношение глагольной насыщенности текста и коэффициента синтагматической сложности 264
2.2.3. Сложность первичных глагольных основ в корякском языке 266
2.2.3.1. Простые глагольные основы 267
2.2.3.2. Производные глагольные основы 269
2.2.3.3. Слабопроизводные глагольные основы 273
2.2.3.4. Соотношение разных типов глагольных основ в текстах на корякском языке. 275
2.2.3.5. Морфологические процессы, усложняющие структуру первичных глагольных основ: каузативные трансформации. 276
Выводы 279

Глава IV. СИНТАКСИЧЕСКАЯ СЛОЖНОСТЬ ЯЗЫКОВ НАРОДОВ СИБИРИ. 281
1. Структурная и семантическая сложность синтаксических конструкций тувинского языка (*Л. А. Шамина*) 282
1.1. Структурные типы финитного и инфинитного сказуемого в тувинском языке 283
1.1.1. Финитные сказуемые. 285
1.1.2. Инфинитные сказуемые 289
1.1.3. Грамматикализованные конструкции в функции межфразового и внутрифразового средства связи. 292
1.1.4. Соотношение синтетических и аналитических финитных и инфинитных конструкций сказуемого в тувинском языке . . 298
1.2. Диктум-диктумные полипредикативные конструкции 304
1.2.1. Структурные типы диктум-диктумных бипредикативных конструкций . . . . . –
1.2.2. Семантические типы диктум-диктумных полипредикативных конструкций 306
1.2.3. Диктум-диктумные полипредикативные конструкции в аспекте сложности их организации 320
1.3. Модус-диктумные полипредикативные конструкции 322
1.3.1. Причастно-падежные конструкции, характеризующие источник получения информации 323
1.3.2. Причастно-послеложные конструкции с делиберативной семантикой 329
1.3.3. Многозначные конструкции со скрепой *деп* 330
2. Структурная и семантическая сложность синтаксических конструкций хантыйского языка (*Н. Б. Кошкарева*) 338
2.1. Стратегии построения фольклорных и публицистических текстов 341
2.2. Формирование аналитических конструкций. 353
2.2.1. Диктум-диктумные полипредикативные конструкции 354
2.2.1.1. Временные ППК . . . . . –
2.2.1.2. ППК обусловленности 358
2.2.1.3. Сравнительно-сопоставительные ППК 361

2.2.2. Релятивные полипредикативные конструкции 363
2.2.3. Модус-диктумные полипредикативные конструкции 365
Выводы 371

Заключение (*А. А. Мальцева, Н. Н. Широбокова*, *Н. Б. Кошкарева*) 372

Литература 376

Список источников 397

Список сокращений и условных обозначений 401

Приложения 408

Научное издание

СЛОЖНОСТЬ ЯЗЫКОВ СИБИРСКОГО АРЕАЛА В ДИАХРОННО-ТИПОЛОГИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

Утверждено к печати Ученым советом
Института филологии СО РАН

Редактор *А.В. Владимирова*
Художественный редактор *Н.Ф. Суранова*
Оформление обложки *Л.Н. Ким*
Корректор *Н.А. Митарновская*
Компьютерная верстка *Н.М. Райзвих*

Подписано в печать 30.11.2018. Формат 70 × 100 $^{1}/_{16}$. Гарнитура Times New Roman. Печать офсетная.
Бумага офсетная. Усл. печ. л. 34,2. Уч.-изд. л. 25,6. Тираж 300 экз. Заказ НФ № 5518.

ООО «Академическое издательство «Гео»
630055, Новосибирск, ул. Мусы Джалиля, 3/1
Тел. (383) 328-31-13, http://www.izdatgeo.ru
Отпечатано в типографии ООО «Печатный дом-НСК»
630084, Новосибирск, ул. Лазарева, 33/1
Тел. (383) 271-01-30